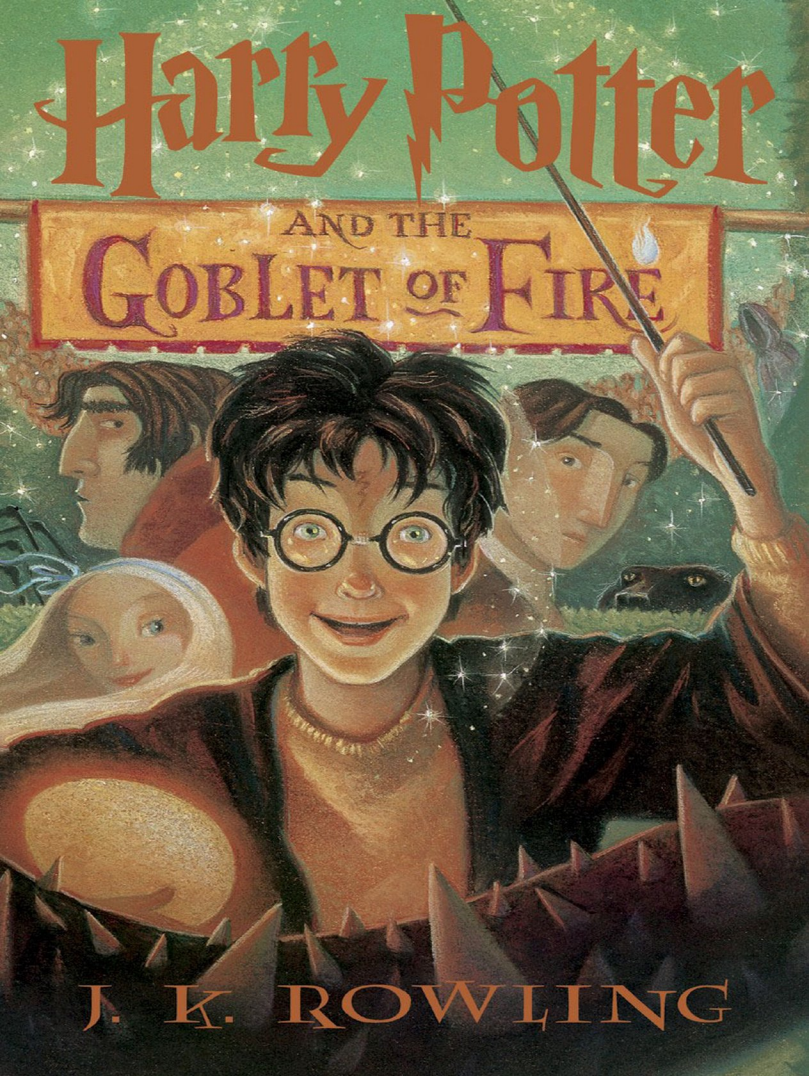
Harry Potter
AND THE
GOBLET OF FIRE
J. K. ROWLING

Гарри Поттер и Кубок огня
Джоан Роулинг

Аннотация
Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Кубок огня
Глава 1. Дом Реддлов
Глава 2. Шрам
Глава 3. Приглашение
Глава 4. Возвращение в «Нору»
Глава 5. «Ужастики умников Уизли»
Глава 6. Портал
Глава 7. Бэгмен и Крауч
Глава 8. Чемпионат мира по квиддичу
Глава 9. Чёрная Метка
Глава 10. Скандал в Министерстве
Глава 11. «Хогвартс-экспресс»
Глава 12. Турнир Трёх Волшебников
Глава 13. Грозный Глаз Грюм
Глава 14. Непростительные заклятия
Глава 15. Шармбатон и Дурмстранг
Глава 16. Кубок огня
Глава 17. Четыре чемпиона
Глава 18. Сколько весят волшебные палочки
Глава 19. Венгерская хвосторога
Глава 20. Первое задание

Глава 21. Фронт освобождения рабского труда
Глава 22. Неожиданная задача
Глава 23. Святочный бал
Глава 24. Сенсация Риты Скитер
Глава 25. Золотое яйцо и волшебный глаз
Глава 26. Второе задание
Глава 27. Возвращение Бродяги
Глава 28. Мистер Крауч сходит с ума
Глава 29. Вещий сон
Глава 30. Омут памяти
Глава 31. Третье задание
Глава 32. Кость, плоть и кровь
Глава 33. Пожиратели смерти
Глава 34. «Приори Инкантатем»
Глава 35. Сыворотка правды
Глава 36. Пути расходятся
Глава 37. Начало

Аннотация

Гарри Поттеру предстоит четвёртый год обучения в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Новые заклинания, новые зелья, новые учителя, новые предметы… Всё это знакомо, и Гарри с нетерпением ожидает начала учебного года. Но на школу внезапно обрушивается потрясающая новость: в этом году в Хогвартсе будет проходить Турнир Трёх Волшебников, и конечно же, каждый хочет принять в нём участие…

Дж. К. Роулинг
Гарри Поттер и Кубок огня

Питеру Роулингу в память о мистере Реддле и Сьюзен Сладден, выпустившей Гарри из чулана.

Глава 1
Дом Реддлов

В Литтл-Хэнглтоне по-прежнему зовут его Домом Реддлов, хотя семья Реддлов давным-давно там не живёт. Дом возвышается на холме над деревней, окна его заколочены, с крыши осыпается черепица, а фасада почти не видно за буйно разросшимся плющом. Прекрасный когда-то особняк, самое величественное здание во всей округе, ныне Дом Реддлов прозябает в пустоте и заброшенности.

Жители Литтл-Хэнглтона единодушны во мнении, что в старом доме таится какая-то жуть. Полвека назад в нём произошло нечто кошмарное и таинственное, о чём и доныне любят посудачить деревенские старожилы, когда прочие темы для сплетен исчерпаны. Историю эту столько раз пересказывали, перевирая и приукрашивая, что теперь никто толком не знает, что в ней правда, а что нет. Начало, впрочем, всегда одинаково: пятьдесят лет назад, в ту пору, когда Дом Реддлов был ещё ухожен и не утратил великолепия, погожим летним утром служанка вошла в гостиную

и обнаружила всех трёх Реддлов мёртвыми. С громкими криками девушка помчалась с холма вниз и подняла на ноги всю деревню.

— Лежат и глаза у всех открыты! Холодные как лёд! Переодетые к ужину!

Явилась полиция, и весь Литтл-Хэнглтон забурлил, охваченный любопытством. Особой печали по поводу смерти Реддлов, надо заметить, никто не выказывал — в деревне их не любили. Мистер и миссис Реддл были людьми богатыми, высокомерными и грубыми, а их взрослый сын Том и того хуже. Но всех необычайно волновал вопрос: кто же убийца? Ясно же, что трое вполне здоровых людей не могли просто так взять и в одночасье умереть.

В тот вечер торговля в «Висельнике», деревенском трактире, процветала как никогда — обсудить убийство сюда набилась вся деревня. И собравшаяся публика была вознаграждена за то, что пожертвовала в этот час уютом домашнего очага, — в самый разгар беседы, едва переведя дух, ворвалась кухарка Реддлов и в наступившей тишине объявила, что прямо сейчас арестован человек по имени Фрэнк Брайс.

— Фрэнк! — раздалось несколько голосов. — Быть не может!

Фрэнк Брайс служил у Реддлов садовником и одиноко жил в обветшалом коттедже на территории усадьбы. Фрэнк был на войне и вернулся с неё с негнущейся ногой, острой неприязнью к скоплениям народа и шуму и с тех пор работал у Реддлов.

В едином порыве общество заказало кухарке выпить и приготовилось слушать подробности.

— Я всегда считала, что он какой-то странный, — поведала она жадно внимающим слушателям после четвёртой рюмки шерри. — Нелюдимый, вот какой… Уверена, предложи я ему чашку чая — сто раз пришлось бы просить. Разговаривать не хотел — не желал, и всё тут!

— Он же страшную войну прошёл, Фрэнк-то, — возразила женщина у бара. — Хочет спокойной жизни. Это же не повод, чтобы…

— А у кого ещё есть ключ от задней двери? — взвизгнула кухарка.

— Запасной ключ висит в домике садовника, сколько я себя помню! Дверь-то вчера вечером не взламывали! И окна целёхоньки! Фрэнку всех и делов — пробраться в большой дом, пока мы все спим…

Слушатели обменялись мрачными взглядами.

— Неприятный он с виду, хуже некуда, — про-

ворчал мужчина у стойки.

— Это он на войне двинулся, — заметил хозяин трактира.

— Говорила же я, что с Фрэнком не хотела бы поссориться ни за какие коврижки, верно, Дот? — возбуждённо сказала женщина, сидевшая в углу.

— Кошмарный характер, — с жаром кивнула Дот. — Помню, был он ещё мальчишкой…

На следующее утро в Литтл-Хэнглтоне едва ли кто-то сомневался в том, что Реддлов убил Фрэнк Брайс.

А в пыльном и тёмном полицейском участке соседнего с Литтл-Хэнглтоном городка Фрэнк упорно твердил, что он невиновен и что единственным человеком, которого он видел в день смерти Реддлов, был незнакомый подросток — темноволосый и бледный. Но, поскольку больше никто в деревне такого мальчика не видел, в полиции решили, что Фрэнк его просто выдумал.

И вот когда дело стало принимать для Фрэнка скверный оборот, пришёл отчёт о вскрытии тел — и ситуация сразу переменилась.

Более странного заключения в полиции ещё не видели. Врачи, исследовавшие тела, пришли к поразительному выводу: никто из Реддлов не был ни отравлен, ни зарезан, ни застрелен, ни удав-

лен, не задохнулся газом и вообще, судя по всему, не получил никаких повреждений. Фактически — в отчёте звучало явное замешательство — все Реддлы оказались абсолютно здоровы, не считая такой детали, что были мертвы. Обязанные найти у покойников хоть какие-то нелады, в конце врачи добавляли, что на лицах всех умерших застыло выражение ужаса. Но — как заметили разочарованные полицейские — где это видано, чтобы трёх здоровых людей напугали до смерти?

Поскольку не было никаких доказательств, что Реддлов вообще кто-то убил, полиции пришлось отпустить Фрэнка. Реддлов похоронили на кладбище Литтл-Хэнглтона, и их могилы ещё долго вызывали всеобщее любопытство. А Фрэнк Брайс, окружённый подозрениями, к изумлению всей деревни, возвратился в свой коттедж в усадьбе Реддлов.

— Коли по-моему — это он их убил, и чихать мне на то, что там полиция говорит, — заявила Дот в «Висельнике». — Надо же, остался, бесстыжий, совести совсем нет — вся деревня знает, что он убил.

Фрэнк так и не уехал. Он остался ухаживать за садом. В доме поселилась другая семья, за ней ещё одна: надолго там никто не задерживался.

Возможно, виноват в этом до некоторой степени был и нелюдимый Фрэнк — владельцы жаловались, что это место таит в себе что-то зловещее, и дом, в отсутствие обитателей, начал понемногу ветшать.

Нынешний хозяин Дома Реддлов — какой-то богач — тоже там не жил и никак его не использовал; в деревне говорили, что воротила содержит усадьбу «из налоговых соображений», но что это значит, никто толком объяснить не мог. Тем не менее и он продолжал платить жалованье садовнику. Фрэнку шёл семьдесят седьмой год, он стал глуховат, и его увечная нога почти совсем не гнулась, но, как и встарь, он ковылял между клумбами, путаясь в сорняках.

Но Фрэнку приходилось сражаться не только с сорняками. Деревенские мальчишки завели привычку бросать камнями в окна Дома Реддлов. Они колесили на велосипедах по лужайкам, за которыми Фрэнк с таким трудом ухаживал; пару раз, набравшись смелости, они даже залезали в Дом. Им было прекрасно известно, как Фрэнк предан Дому и саду, и они от души веселились, когда он, бывало, хромал по саду, хрипло крича и грозя палкой. Фрэнк считал, что дети дразнят его из-за того, что, подобно своим отцам и дедам, счи-

тают его убийцей. Поэтому, проснувшись как-то раз августовской ночью и заметив, что в старом Доме творится что-то странное, он решил, что мальчишки изобрели какую-то новую пакость, чтобы сильнее донять его.

Разбудила Фрэнка раненая нога — к старости она мучила его всё сильнее. Он поднялся и побрёл вниз, на кухню, чтобы налить грелку для разболевшегося колена. Стоя у раковины, он поднял глаза на Дом Реддлов — в верхних окнах мерцал свет.

«Значит, — подумал Фрэнк, — ребята снова забрались в Дом и, судя по пляшущим отсветам, развели огонь».

Телефона у Фрэнка не было, да и полиции он сильно не доверял с тех пор, как они таскали его на допросы. Он отставил чайник и, насколько позволяла нога, заторопился наверх. Вернувшись на кухню, уже полностью одетый, Фрэнк снял с крючка у двери старый ржавый ключ, взял палку, которой пользовался при ходьбе, и вышел в ночь.

Ни на парадной двери, ни на окнах следов взлома не было видно. Фрэнк, хромая, обошёл вокруг Дома, добрался до задней двери, скрытой плющом, вставил ключ в скважину и беззвучно

повернул.

Открыв дверь, он вступил в тёмное пространство кухни. Фрэнк не был здесь много лет, тем не менее, несмотря на темноту, он припомнил, где находится дверь в холл, и на ощупь двинулся к ней; в нос ему ударило затхлым духом, он настороженно прислушался: не донесутся ли сверху шаги или голоса? В холле было немного светлее — из-за больших окон по обе стороны парадной двери. Фрэнк начал подниматься по лестнице, благословляя толстый слой пыли на камне, заглушавший звук его шагов и стук палки.

На площадке Фрэнк повернул направо и сразу же понял, где обосновались незваные гости, — в самом конце коридора была приоткрыта дверь, и на чёрный пол падал длинный золотой отблеск колеблющегося пламени. Сжимая палку, Фрэнк продвигался вперёд и через несколько шагов уже видел в щель небольшую часть комнаты.

Огонь был разведён в камине. Это удивило Фрэнка. Он остановился и стал напряжённо прислушиваться к мужскому голосу, доносившемуся из комнаты, — тот звучал робко и даже испуганно:

— В бутылке немного осталось, милорд, если вы ещё голодны…

— Позже, — отозвался второй голос — тоже мужской, но при этом он был странно высокий и холодный, словно порыв ледяного ветра. Было в этом голосе что-то такое, что подняло дыбом редкие волосы на затылке Фрэнка. — Пододвинь меня поближе к огню, Хвост.

Чтобы лучше слышать, Фрэнк повернулся к двери правым ухом. Раздалось звяканье бутылки, поставленной на твёрдую поверхность, и затем глухой звук тяжёлого кресла, которое волокут по полу. Фрэнк мельком увидел спину какого-то коротышки, толкавшего кресло к камину. На нём была длинная чёрная мантия, на макушке светилась лысина — но тут он вновь пропал из виду.

— Где Нагайна? — спросил ледяной голос.

— Я… я не знаю, милорд, — боязливо ответил первый. — Думаю, она обследует дом…

— Подоишь её, прежде чем мы ляжем спать, Хвост, — сказал второй. — Мне надо будет поесть ночью. Путешествие меня сильно утомило.

Нахмурившись, Фрэнк приблизил здоровое ухо ещё ближе к двери, стараясь не пропустить ни слова. После паузы человек, которого называли Хвост, заговорил вновь:

— Милорд, могу я спросить: сколько мы здесь пробудем?

— Неделю. Возможно, и дольше. Это место очень удобно, а в нашем плане пока что заминка. Идиотизм приступать к действиям до окончания Чемпионата мира по квиддичу.

Фрэнк поковырял в ухе шишковатым пальцем. Должно быть, у него уши серой заросли, если померещился какой-то «квиддич» — такого и слова-то нет.

— Чемпионата мира по квиддичу, милорд? — переспросил Хвост. (Фрэнк ещё энергичней завертел пальцем в ухе.) — Прошу прощения… но я не понимаю: зачем ждать окончания Чемпионата?

— Затем, тупица, что на Чемпионат в страну съедутся волшебники со всего мира, и каждая шавка из Министерства магии будет совать нос куда надо и не надо, вынюхивать, где что не так, проверять и перепроверять — совсем рехнулись на своих мерах безопасности, — не дай бог маглы чего заметят. Поэтому будем ждать.

Фрэнк оставил ухо в покое. Он отчётливо разобрал слова «Министерство магии», «волшебники» и «маглы». Каждое из этих выражений имеет какой-то тайный смысл, дело ясное, и говорят так либо шпионы, либо преступники. Он вновь стиснул палку и продолжал слушать ещё вни-

мательней.

— Ваша светлость всё ещё полны решимости? — тихо спросил Хвост.

— Разумеется, я полон решимости, — в холодном голосе прозвучала угрожающая нота.

Наступила пауза, и затем Хвост единым духом выпалил фразу, словно боясь, что ещё секунда — и не хватит храбрости.

— Можно обойтись и без Гарри Поттера, милорд!

— Без Гарри Поттера? — выдохнул второй. — Та-а-ак…

— Милорд, я говорю это вовсе не из-за жалости к мальчишке! — Голос Хвоста сорвался на визг. — Мальчишка ничего для меня не значит, ровным счётом ничего! Просто возьми мы другого волшебника или колдунью — кого угодно! — всё можно сделать гораздо быстрее! Если бы вы позволили мне покинуть вас ненадолго — вы же знаете, что я могу превращаться с необычайным мастерством, — то уже через два дня я бы привёл вам подходящую замену.

— Да, конечно, я могу использовать другого волшебника, — произнёс второй голос негромко. — Это правда…

— Милорд, в этом есть смысл, — продолжал

Хвост теперь уже вполне уверенно, — ведь добраться до Гарри Поттера очень трудно — его слишком хорошо охраняют.

— И потому ты вызвался пойти и привести мне кого-то взамен? Интересно… А может, тебе надоело нянчиться со мной, Хвост? Может, эта твоя идея изменить план — не что иное, как попытка бросить меня?

— Милорд! У меня и в мыслях нет покинуть вас!

— Не лги мне! Фальшь я всегда отличу! Ты жалеешь, что вернулся ко мне. Я внушаю тебе отвращение. Вижу, как тебя передёргивает, когда ты смотришь на меня, я чувствую твою дрожь, когда ты прикасаешься ко мне…

— Вовсе нет! Моя преданность вашему лордству…

— Твоя преданность — всего-навсего трусость. Ты бы ни одной секунды здесь не остался, если бы тебе было куда пойти. Но как бы я выжил без тебя, если каждые несколько часов нуждаюсь в пище? Кто доил бы Нагайну?

— Но вы заметно окрепли, милорд…

— Лжец. Ничуть я не окреп. Два-три дня без поддержки — и я лишусь тех крох здоровья, которые сумел вернуть благодаря твоей неуклюжей

заботе… Тихо!

Хвост, что-то бессвязно забормотавший, мгновенно смолк. Несколько секунд Фрэнк не слышал ничего, кроме потрескивания огня. Но вот голос второго собеседника раздался вновь — теперь его шёпот превратился почти в шипение.

— Я тебе уже объяснял, почему у меня есть причины использовать мальчишку и никого другого. Я ждал тринадцать лет, и несколько месяцев ничего не изменят. Да, его тщательно охраняют, но уверен — мой план сработает. Всё, что требуется — это немного мужества с твоей стороны, Хвост, и тебе придётся это мужество найти, если не хочешь испытать на себе всю силу гнева Лорда Волан-де-Морта.

— Милорд, я должен вам сказать! — панически воскликнул Хвост. — Всю дорогу сюда я мысленно просматривал план. Милорд, исчезновение Берты Джоркинс не может долго оставаться незамеченным, и если не остановиться, если я наложу заклятие…

— Если? — прошелестел второй голос. — Ах, если? Если ты будешь следовать моему плану, Хвост, Министерство никогда не узнает, что пропал ещё кто-то. Ты сделаешь это тихо и без суеты; я очень желал бы исполнить это сам, но

в моём теперешнем состоянии… Ну же, Хвост, устраним ещё одно препятствие — и нам открыт путь к Гарри Поттеру. Я не прошу тебя выполнить это в одиночку. К нам скоро присоединится мой верный слуга.

— Я — ваш верный слуга, — угрюмо пробурчал Хвост.

— Хвост, мне нужен человек с головой на плечах; тот, чья преданность оставалась безупречной, а ты, к несчастью, ни тем, ни другим не блещешь.

— Я нашёл вас. — Теперь недовольство в голосе Хвоста проступило ещё резче. — Я единственный, кто нашёл вас. Я доставил вам Берту Джоркинс…

— Что правда, то правда, — подтвердил второй человек, несколько развеселившись. — Недурной ход, я не ожидал, Хвост, что ты способен на такое, хотя, по правде говоря, ты и понятия не имел, насколько она может пригодиться, когда похитил её, верно?

— Я… я считал, что она может быть полезна, милорд…

— Лжец, — снова произнёс второй голос, и в нём ещё отчётливей прозвучало недоброе веселье. — Впрочем, не стану отрицать — её сведения оказались бесценны. Без них мне бы никогда

не составить моего плана. И за это тебя ждёт награда, Хвост. Ты будешь участвовать в самом главном… Многие из моих последователей дали бы себе отрубить правую руку за это…

— П-правда, милорд? В чём же это? — вновь испугался Хвост.

— Ну, Хвост, это сюрприз… ты же не хочешь испортить мне удовольствие? Твоя очередь подойдёт в самом конце… Но обещаю, ты удостоишься чести быть так же полезен, как и Берта Джоркинс.

— Вы… вы… — Голос Хвоста внезапно сел, словно у него вдруг пересохло во рту. — Вы… хотите убить и меня?

— Хвост, Хвост… — Второй голос зазвучал вкрадчиво. — Ну зачем же мне убивать тебя? Я убил Берту Джоркинс лишь по необходимости. Она уже ни на что не годилась после моих расспросов. И в любом случае возникла бы чрезвычайно неприятная ситуация, вернись она в Министерство и расскажи, как на каникулах встретилась с тобой. Волшебникам, которые считаются умершими, лучше не сталкиваться с колдуньями из Министерства магии в придорожных гостиницах…

Хвост что-то тихо залепетал — Фрэнк ничего не расслышал, но второй человек рассмеялся — это

был совсем невесёлый смех, такой же ледяной, как и его речь.

— Можно было изменить её память? Но заклятия памяти легко разрушаются сильным волшебником, что я и доказал, допрашивая её. Было бы надругательством над её памятью не воспользоваться той информацией, которую я извлёк, Хвост.

А в это время снаружи, в коридоре, Фрэнк вдруг заметил, что его ладонь, сжимающая палку, сделалась мокрой от пота.

Человек с холодным голосом убил женщину. Он говорит об этом без капли раскаяния — напротив, это его забавляет. Он опасный маньяк и замышляет новые убийства. Кто бы ни был этот мальчик, Гарри Поттер, он в опасности.

Фрэнк понял: самое время бежать в полицию. Необходимо выбраться из Дома и прямиком к телефонной будке в деревне… Но тут вновь зазвучал ледяной голос, и Фрэнк замер на месте, изо всех сил напрягая слух.

— Ещё одно заклятие… Мой верный слуга в Хогвартсе… Гарри Поттер, считай, у меня в руках, Хвост. Это решено, и больше никаких пререканий. Но тише… Мне кажется, я слышу Нагайну…

Тут голос второго собеседника изменился —

таких звуков Фрэнк в жизни не слыхал, — тот шипел и фыркал, не переводя дыхания. Фрэнк было подумал, что у парня припадок, но в это время уловил какое-то движение в тёмном коридоре позади себя. Он оглянулся и оцепенел от страха.

Что-то ползло прямо на него по чёрному полу, и, когда оно приблизилось к полоске света, Фрэнк с дрожью ужаса различил, что это гигантская змея — по меньшей мере двенадцати футов длины. Её волнообразно движущееся тело оставляло широкий извилистый след в толстом слое пыли. Вот она совсем близко… Что же делать? Единственный путь к спасению — дверь в комнату, где двое мужчин обсуждают подготовку убийства. Но если он останется там, где стоит, змея точно его прикончит.

Он не успел принять никакого решения, когда змея поравнялась с ним и — вот чудо! — скользнула мимо, подчиняясь тому шипению, которое издавал человек с холодным голосом, и через секунду кончик её хвоста с ромбовидным узором скрылся за дверью.

По лбу Фрэнка покатился пот, а его рука с палкой затряслась. Там, в комнате, ледяной голос продолжал шипеть, и Фрэнку пришла в голову странная, невозможная мысль: «Этот человек

может разговаривать со змеями».

Фрэнк перестал понимать, что происходит. Больше всего на свете ему хотелось очутиться сейчас в своей постели с грелкой. Но беда в том, что ноги перестали его слушаться. И пока он стоял, дрожа и пытаясь овладеть собой, человек с холодным голосом опять перешёл на английский.

— У Нагайны интересные новости, Хвост, — сказал он.

— В с-самом деле, милорд?

— Да, в самом деле. Если верить ей, один старый магл стоит возле этой комнаты и слышит каждое наше слово.

Спрятаться было негде. Зазвучали шаги, и дверь распахнулась.

Перед Фрэнком стоял седой лысеющий человечек с острым носом и крохотными водянистыми глазками и смотрел на него со смесью страха и тревоги.

— Пригласи его войти, Хвост. Где твои манеры? — Холодный голос раздавался из старинного кресла перед камином, но говорившего не было видно. Зато Фрэнк видел змею, свернувшуюся кольцами на полусгнившем коврике у камина, — жуткое подобие любимой комнатной собачки.

Хвост поманил Фрэнка в комнату. Несмотря на сотрясавшую его дрожь, Фрэнк покрепче сжал палку и с усилием перешагнул через порог.

Камин был единственным источником света в комнате; по стенам разбегались длинные зыбкие тени. Фрэнк уставился на спинку кресла — сидевший там человек был, похоже, ещё меньше своего слуги — Фрэнк не видел даже его затылка.

— Ты всё слышал, магл? — спросил холодный голос.

— Каким это словом вы меня называете? — вызывающе ответил Фрэнк. Теперь, когда он был в комнате и пришло время действовать, он чувствовал себя смелее — так с ним бывало и на фронте.

— Я называю тебя маглом, — невозмутимо пояснил голос. — Это значит, что ты не волшебник.

— Не знаю, что вы подразумеваете под «волшебником», — заговорил Фрэнк решительным тоном, — но я слышал достаточно такого, что заинтересует полицию, — вот это точно. Вы совершили убийство и задумали ещё одно. И ещё скажу кое-что, — добавил он с внезапным вдохновением, — моя жена знает, что я здесь, и если я не вернусь…

— У тебя нет жены, — промолвил ледяной голос

спокойно. — Никому не известно, что ты здесь. Не лги Лорду Волан-де-Морту, магл, потому что он знает… он всегда всё знает…

— Да неужто? — воскликнул Фрэнк без всякого почтения. — И в самом деле лорд? Не больно-то мне нравятся ваши манеры, милорд. Почему бы вашему лордству не повернуться по-человечески ко мне лицом?

— Но ведь я не человек, магл, — ответил холодный голос, едва различимый за треском пламени. — Я гораздо, гораздо больше чем человек. Хотя… почему нет? Хвост, разверни моё кресло.

Слуга лишь горестно охнул.

— Ты слышал меня, Хвост!

Морщась, словно он предпочёл бы что угодно, лишь бы не приближаться к хозяину и коврику, на котором лежала змея, коротышка с неохотой подошёл и начал разворачивать кресло. Змея подняла треугольную голову и негромко зашипела, когда ножки кресла зацепили её лежанку.

Но вот кресло повернулось к Фрэнку, и он увидел, что в нём находилось. Палка старого садовника со стуком упала на пол; рот у него открылся, и он испустил вопль — такой громкий, что уже не услышал тех слов, что произносило

существо в кресле. Поднялась волшебная палочка, грянул гром, вспышка зелёного света ударила по глазам, и Фрэнк Брайс умер. Спустя мгновение его мёртвое тело рухнуло на пол.

В двухстах милях от Дома Реддлов мальчик по имени Гарри Поттер вздрогнул и проснулся.

Глава 2
Шрам

Гарри лежал на спине, прижав руки к лицу и тяжело дыша, словно после долгого бега. Ему только что снился яркий, отчётливый сон. Старый шрам в форме зигзага молнии на его лбу горел под пальцами так, будто к коже приложили добела раскалённую проволоку.

Он сел, не отрывая руки от шрама, другой нашарил в темноте очки, лежащие на столике возле кровати. Очертания спальни проступили яснее, сквозь шторы пробивался тусклый оранжевый свет уличного фонаря.

Гарри ещё раз ощупал шрам — боль всё не проходила. Он зажёг стоявшую сбоку лампу, вылез из постели, открыл гардероб и принялся разглядывать себя в зеркале на внутренней стороне дверцы. Там отразился худой паренёк лет четырнадцати, его яркие зелёные глаза озадаченно смотрели из-под взлохмаченных чёрных волос. Шрам выглядел как обычно, но его по-прежнему саднило.

Гарри попытался вспомнить, что же именно

ему снилось перед тем, как он проснулся. Всё было настолько реально… Два человека, которых он знал, и ещё один незнакомый… Гарри сосредоточенно сдвинул брови, силясь вспомнить…

Ему явилось смутное видение полутёмной комнаты… На коврике у камина — змея… Коротышка по имени Питер, по прозвищу Хвост… и холодный высокий голос — голос Лорда Волан-де-Морта. От одной этой мысли Гарри показалось, будто у него внутри прокатился кусок льда.

Он плотно зажмурился, пытаясь воскресить в памяти, как выглядел Лорд Волан-де-Морт, но тщетно. Хвост развернул кресло, Гарри увидел то, что сидело в нём, его охватил приступ ужаса, он проснулся… Или причиной была боль в шраме?

А кто же тот старик? Ведь там точно был какой-то пожилой человек, Гарри видел, как он упал. Но здесь всё путалось; Гарри уткнулся лицом в ладони, стараясь забыть о своей спальне и восстановить картину той скудно освещённой комнаты. Но детали ускользали, утекали как вода сквозь пальцы… Волан-де-Морт и Хвост говорили о ком-то, кого они убили, — Гарри не удавалось вспомнить имя… И замышляли убить кого-то ещё. Его…

Он отнял ладони от лица и, широко открыв

глаза, оглядел спальню, будто ожидал увидеть что-то необычное. Что ж, в комнате и правда было много необычных предметов. В полуметре от кровати был распахнут огромный чемодан, а в нём котёл, помело, чёрная мантия и учебники по заклинаниям. Большую часть письменного стола занимала пустая клетка белой совы Букли; оставшееся пространство было завалено свитками пергамента. На полу возле кровати лежала открытая книга — прошлым вечером Гарри читал её перед сном. Все картинки в ней были живые. Люди в ярких оранжевых мантиях, то появляясь, то исчезая со страниц, летали на мётлах, перебрасывая друг другу красный мяч.

Гарри поднял книгу и посмотрел, как один из игроков эффектно забрасывает мяч в кольцо на тридцатиметровой высоте, но тут же захлопнул её. Даже квиддич — лучший, по его мнению, спорт в мире — не занимал его в эту минуту. Он положил «Летая с „Пушками Педдл“» на столик возле кровати, подошёл к окну и раздвинул шторы.

Тисовая улица выглядела как раз так, как и положено выглядеть улице респектабельного пригорода в утренний субботний час. Все портьеры на окнах задёрнуты, и не видно ни одного живого существа — ни прохожего, ни даже кош-

ки.

И всё же… всё же… Снедаемый беспокойством, Гарри вернулся к постели и сел, в который раз ощупав шрам. Тревожила его не боль, Гарри не в диковинку были раны и болезни. Он однажды лишился костей в правой руке и провёл в мучениях ночь, пока они росли заново. Вскоре эту же руку ему проткнул ядовитый клык в полметра длиной. А в прошлом году Гарри упал с высоты тридцать с лишним метров, сорвавшись со своей летающей метлы. Он давно привык к удивительным несчастным случаям и невероятным травмам — они неизбежны, если ты учишься в Школе чародейства и волшебства и вдобавок обладаешь способностью притягивать неприятности.

Нет, Гарри тревожило совсем иное — в прошлый раз шрам заныл у него потому, что Волан-де-Морт оказался близко… Но Волан-де-Морт просто не может быть здесь… Великий Тёмный маг притаился где-то на Тисовой улице — это же бред, абсурд…

Гарри прислушался к тишине вокруг. Не скрипнет ли ступенька, не донесётся ли шорох мантии? И едва не подскочил — за стеной двоюродный братец Дадли издал громоподобный хрюкающий храп.

Нет, надо взять себя в руки. Ведь это глупость. В доме никого нет, кроме дяди Вернона, тёти Петуньи и Дадли, а они, разумеется, ещё спят и видят безмятежные, ничем не омрачённые сны.

Спящими Дурсли устраивали Гарри больше всего, да и бодрствующие они вряд ли пришли бы ему на помощь. Дядя Вернон и тётя Петунья — единственные родственники Гарри. Они принадлежат к той категории маглов (то есть неволшебников), которая ненавидит и презирает магию в любом виде, и это значило, что Гарри в их доме рады примерно так же, как жуку-древоточцу. Последние три года он надолго уезжал на учёбу в Хогвартс, и его отсутствие Дурсли объясняли пребыванием в закрытой школе святого Брутуса для подростков с неискоренимыми криминальными наклонностями. Они твёрдо уяснили, что Гарри, как несовершеннолетний волшебник, не имеет права применять магию вне стен Хогвартса, но всё равно валили на него вину за все неполадки в доме. Гарри никогда не испытывал к ним доверия и не рассказывал о своей жизни в волшебном мире. Рассказать о боли и шраме, поделиться опасениями насчёт Волан-де-Морта, когда они проснутся? Одна только мысль об этом уже вызывала улыбку.

А ведь именно из-за Волан-де-Морта Гарри попал жить к Дурслям. Если бы не Тёмный Лорд, не было бы на лбу у Гарри шрама. Если бы не он, у Гарри по-прежнему были бы родители…

Гарри был всего год от роду, когда Волан-де-Морт, самый могущественный Тёмный маг столетия, который в течение одиннадцати лет упорно наращивал свою мощь, явился в дом Гарри и убил его отца и мать. Волан-де-Морт направил тогда волшебную палочку и на Гарри, уже произнёс заклятие, уничтожившее многих взрослых волшебников и колдуний, вставших на его пути к власти, но оно не сработало! Вместо того чтобы убить маленького мальчика, заклятие ударило по самому Волан-де-Морту. Гарри отделался лишь шрамом на лбу, а от Волан-де-Морта осталось что-то ничтожное и едва живое. Силы его покинули, ему пришлось спасаться бегством. Рассеялся ужас, в котором так долго жило сообщество чародеев; приспешники Волан-де-Морта затаились кто как мог, а Гарри Поттер стал знаменитостью.

Для Гарри было немалым потрясением узнать, что он — волшебник. Это произошло на его одиннадцатый день рождения; ещё больше смутило то, что в скрытом волшебном мире каждому

известно его имя. Явившись в школу «Хогвартс», Гарри убедился, что шёпот и заинтересованные взгляды сопровождают его повсюду, куда бы он ни пошёл. Но теперь он привык к этому: в конце этого лета Гарри перейдёт на четвёртый курс и уже считает дни до возвращения в замок.

Но ждать ещё две недели. Он вновь безрадостно оглядел комнату, и его взгляд остановился на поздравительных открытках ко дню рождения, которые прислали в конце июля двое его лучших друзей. Что бы они сказали, если бы он написал им и сообщил, что у него болит шрам?

Немедленно в голове у него зазвучал голос Гермионы Грэйнджер — пронзительный и испуганный:

— Твой шрам заболел? Гарри, это очень серьёзно… Напиши профессору Дамблдору! А я пойду и посмотрю в «Обычных магических болезнях и недомоганиях». Возможно, там найдётся что-то о шрамах от проклятий…

Да, таков был бы совет Гермионы — обратиться прямо к директору Хогвартса, а тем временем покопаться в справочнике. Гарри посмотрел в окно, на чернильно-синее небо. Он очень сомневался, что какая-нибудь книга может ему помочь. Насколько ему известно, он единственный че-

ловек, уцелевший после подобного заклятия; поэтому вряд ли можно отыскать его симптомы в «Обычных магических болезнях». А что до идеи сообщить директору, то у Гарри не было ни малейшего представления, где Дамблдор проводит летние каникулы. На минуту он даже развеселился, представив себе Дамблдора с его огромной серебряной бородой, в длиннополой мантии волшебника и островерхой шляпе, растянувшегося где-то на пляже и натирающего кремом для загара длинный крючковатый нос. Хотя, конечно, где бы ни был Дамблдор, Букля его найдёт, в этом Гарри не сомневался — его сова ни разу ещё ничего не напутала, доставляя письма — даже те, на которых не было адреса. Вопрос в другом: что написать?

> Дорогой профессор Дамблдор, простите за беспокойство, но сегодня утром у меня заболел шрам.
>
> ***Искренне ваш, Гарри Поттер***

Даже вообразить глупо такие слова.

Тогда Гарри представил себе совет своего второго лучшего друга — Рона Уизли. Перед его мысленным взором тут же всплыла носатая веснушчатая физиономия Рона с самым озада-

ченным выражением.

— Твой шрам разболелся? Но… Сам-Знаешь-Кто не может быть поблизости, верно? Я хочу сказать… ну, ты бы сразу узнал, правда? Он бы наверняка напал на тебя ещё раз, ведь так? Не знаю, Гарри, может, шрамы от проклятий всегда немного побаливают… Спрошу у папы…

Мистер Уизли был весьма образованный волшебник. Он работал в Министерстве магии в Отделе по борьбе с противозаконным использованием изобретений маглов, но по части заклятий, насколько понимал Гарри, особым специалистом не был. В любом случае Гарри вовсе не улыбалась мысль оповещать всё семейство Уизли о том, что он так перепугался из-за минутной боли. Миссис Уизли разволнуется ещё хуже, чем Гермиона, а Фред и Джордж, шестнадцатилетние братья-близнецы, запросто подумают, что у Гарри разыгрались нервы. Гарри любил семью Уизли больше всего на свете, он надеялся, что они пригласят его погостить — Рон говорил об этом в связи с Чемпионатом мира по квиддичу, — и Гарри вовсе не желал, чтобы его пребывание в этом доме омрачалось тревожными расспросами о шраме.

Он потёр лоб костяшками пальцев. На самом

деле ему хотелось (в чём он стеснялся признаться даже самому себе) иметь хоть кого-то наподобие родителей — взрослого волшебника, у которого можно было бы спросить совета, не боясь при этом выглядеть идиотом, кого-то, кто поддержал бы его и разбирался в Тёмной магии…

И тут к нему явилось решение. Такое простое, такое очевидное, что было даже непонятно, о чём он мог думать так долго — Сириус.

Гарри соскочил с кровати и бросился к столу, развернул кусок пергамента, окунул в чернила орлиное перо, вывел: «Дорогой Сириус!» — и остановился, призадумавшись, как лучше изложить свою проблему, и всё ещё удивляясь тому, что мысль о Сириусе сразу не пришла в голову. Но с другой стороны, чему удивляться — как-никак, он всего два месяца назад узнал, что Сириус — его крёстный отец. Причина, по которой Сириус так долго не появлялся в жизни Гарри, была проста — до недавних пор он сидел в Азкабане, ужасающей тюрьме для волшебников. Её охраняют дементоры — незрячие, высасывающие душу демоны, и они явились разыскивать Сириуса в Хогвартс, когда он сбежал. Но Сириус был невиновен. Убийства, за которые его осудили, совершил Хвост — пособник Волан-де-Морта, которого все

считали погибшим. Гарри, Рон и Гермиона знали, что это не так, — в прошлом году они лицом к лицу столкнулись с живым Хвостом. Увы, поверил им только профессор Дамблдор.

Этим же летом был чудесный момент, когда Гарри уже поверил, что наконец-то уедет от Дурслей — Сириус предложил переселиться к нему, поскольку его доброе имя восстановлено. Но надежды не сбылись — они не сумели доставить Хвоста в Министерство магии, тот ухитрился улизнуть, и Сириусу пришлось скрыться, чтобы спасти свою жизнь. С помощью Гарри он улетел на спине гиппогрифа по имени Клювокрыл и с тех пор в бегах. Но мысль о доме, который мог бы у него быть, сумей они изловить Хвоста, преследовала Гарри всё лето. Было вдвойне тяжело возвращаться к Дурслям, зная, как близка была возможность покинуть их навсегда.

Но всё же Сириус помогал Гарри, даже не будучи рядом. Только благодаря Сириусу Гарри мог отныне держать у себя в спальне волшебные школьные принадлежности — Дурсли никогда раньше этого не позволяли. Неуёмное стремление отравить, насколько возможно, жизнь Гарри сочеталось у них со страхом перед его способностями, и это заставляло их каждое лето запирать

чемодан с его школьными вещами в чулан под лестницей. Однако они поспешно изменили позицию, узнав, что крёстный отец Гарри — опаснейший убийца. Гарри тактично забыл сообщить им, что Сириус ни в чём не виновен.

От Сириуса пришло уже два письма. Оба принесли не совы (как принято у волшебников), а большие яркие тропические птицы. Букля неодобрительно отнеслась к экзотическим пришельцам и весьма неохотно позволила им напиться из своей миски перед обратной дорогой. Гарри же, напротив, был им очень рад — в его воображении сразу возникли пальмы и белый песчаный пляж. Гарри надеялся, что где бы Сириус ни находился (тот никогда об этом не писал — на случай, если письмо перехватят), он хорошо проводит время. Почему-то с трудом можно было представить себе дементоров, способных долго продержаться на солнцепёке — возможно, поэтому Сириус и подался на юг. Его письма, которые теперь спрятаны под чрезвычайно удобно поднимающейся половицей под кроватью, были очень бодрыми и в обоих он напоминал, чтобы Гарри обращался к нему, когда бы потребовалось. Что же, вот и потребовалось…

Свет лампы начал тускнеть в лучах холодного

серого рассвета, вползавшего в спальню. Когда поднялось солнце и окрасило золотом стены, а из комнаты дяди Вернона и тёти Петуньи послышалась невнятная возня, Гарри выбросил в корзину скомканные куски пергамента и перечитал окончательный вариант письма.

Дорогой Сириус!

Спасибо за последнее письмо. Эта птица была такой большой, что с трудом пролезла в моё окно.

Дела идут как обычно. У Дадли ничего не выходит с диетой, вчера моя тётка застукала его, когда он пытался тайком пронести к себе пончики. Ему пригрозили, что урежут карманные расходы, если он будет так себя вести, отчего он совершенно рассвирепел и выкинул в окно свою игровую приставку. Это такая штука вроде компьютера для игр. На самом деле глупая выходка — теперь у него нет даже «Суперкостоломки. Часть третья», чтобы отвлечься от неприятностей.

У меня всё в порядке — в основном из-за того, что Дурсли страшно боятся, что ты можешь вдруг нагрянуть и по моей

просьбе превратить их всех в летучих мышей.

Правда, сегодня утром произошла одна непонятная вещь. Мой шрам разболелся снова. Прошлый раз это произошло потому, что Волан-де-Морт был в Хогвартсе. Но, думаю, он сейчас не может быть где-то неподалёку от меня. Ты не слышал, шрамы от заклятий болят много лет спустя?

Я отправлю это письмо с Буклей, когда она вернётся, — сейчас она на охоте. Передай от меня привет Клюву.

Гарри

«Да, — подумал Гарри, — это то, что надо». Никаких намёков на его сон, он не хочет показаться уж слишком напуганным. Гарри свернул пергамент и положил на край стола — всё готово, надо лишь дождаться возвращения Букли. Он поднялся на ноги, потянулся, снова открыл шкаф и, даже не взглянув на отражение, стал одеваться к завтраку.

Глава 3
Приглашение

Когда Гарри спустился на кухню, все трое Дурслей уже сидели за столом и даже не подняли на него глаз. Дядя Вернон загородил широкую багровую физиономию утренним выпуском «Дейли Мэйл», а тётя Петунья сосредоточенно резала грейпфрут на четыре части, скрыв лошадиные зубы за поджатыми губами.

Дадли выглядел рассерженным, угрюмым и, казалось, ещё больше раздулся. Это кое-что значило, если учесть, что он и без того обычно занимал собой целую сторону квадратного стола. Тётя Петунья положила ему в тарелку четверть неподслащенного грейпфрута, боязливо проворковав: «Это тебе, Дадли, милый», на что он только злобно посмотрел на неё. В его жизни произошли крутые и очень неприятные перемены с того дня, как он принёс домой годовой табель успеваемости.

Как всегда, дядя Вернон и тётя Петунья старались найти оправдания его скверным оценкам: тётя Петунья утверждала, что Дадли — очень одарённый мальчик, но требует особого подхода;

дядя Вернон держался другой линии — ему «не нужен сын неженка и зубрила». Столь же деликатно они касались обвинений в хулиганстве, записанных в табеле. «Он шумный маленький мальчик, но и мухи не обидит!» — восклицала тётя Петунья со слезой в голосе.

Однако в конце табеля было несколько вежливых замечаний школьной медсестры, которым даже дядя Вернон и тётя Петунья не могли найти оправданий. Сколько бы тётя Петунья ни причитала, что Дадли крупный мальчик со здоровым детским жирком и что растущему организму необходимо много еды, факт оставался фактом — у поставщика школьной формы уже не было бриджей достаточно большого размера. Острый глаз тёти Петуньи различал неуловимый отпечаток пальца на её сверкающих чистотой стенах и насквозь видел соседей, но отказывался замечать то, что было очевидно школьной медсестре: без всякого дополнительного питания Дадли разнесло до размеров молодого кита из породы касаток-убийц.

И вот — после многих скандалов, где в ход шли такие веские аргументы, что от них дрожал пол в спальне у Гарри, и потоков слёз, пролитых тётей Петуньей, — был объявлен новый режим.

Диетическая программа, присланная медсестрой школы «Воннингс», была прикреплена к холодильнику, из которого убрали всё, что обожал Дадли, — газировку и пирожные, шоколадки и бургеры. И вместо этого наполнили овощами, фруктами и зеленью — «кроличьей едой», как выразился дядя Вернон. Чтобы умилостивить Дадли, тётя Петунья настояла, чтобы и вся семья села на ту же диету. Поэтому Гарри тоже получил свою четвертинку грейпфрута. Она была намного меньше, чем у Дадли. Тётя Петунья явно считала, что лучший путь поддержать моральный дух Дадли — это уверить его в том, что еды у него, во всяком случае, больше, чем у Гарри.

Но тёте Петунье было невдомёк, что спрятано под всё той же поднимающейся половицей в комнате наверху; у неё и мысли не возникало, что Гарри вовсе не собирается следовать диете. Сообразив, что ему грозит всё лето просидеть на одной моркови, он сразу послал к друзьям Буклю с призывом о помощи. И те, к их чести, не пожалели усилий. Из дома Гермионы сова вернулась с большущей коробкой печенья без сахара (родители Гермионы были стоматологи). Хагрид, хогвартский лесничий, не пожалел целого мешка твердокаменных кексов собственного

приготовления (к ним Гарри не притронулся — слишком велик был его опыт по части стряпни Хагрида). Миссис Уизли прислала их семейную сову, Стрелку, с чудовищных размеров тортом и пачкой пастилы. Бедняга Стрелка была уже в преклонном возрасте и целых пять дней приходила в себя после такого путешествия. А на день рождения (который для Дурслей просто не существовал), Гарри получил сразу четыре великолепных торта — от Рона, Гермионы, Хагрида и Сириуса. У него и сейчас ещё оставались два и поэтому, предвкушая роскошный завтрак, который он себе устроит наверху, Гарри беспечально взялся за свой грейпфрут.

Неодобрительно хмыкнув, дядя Вернон отложил газету и хмуро уставился на собственную четвертинку грейпфрута.

— И что это? — проворчал он.

Тётя Петунья строго взглянула на него, кивком указав на Дадли, который уже прикончил свою часть и мрачно смотрел в тарелку Гарри маленькими поросячьими глазками.

Дядя Вернон обречённо вздохнул, взъерошив большие густые усы, и взял ложку.

В дверь позвонили. Дядя Вернон поднялся с кресла и вышел в прихожую. С быстротой мол-

нии, пока мать была занята чайником, Дадли стащил остаток отцовского грейпфрута.

Из прихожей донеслись звуки разговора, чей-то смех, и затем отрывистый ответ дяди Вернона. Парадная дверь захлопнулась, и послышался треск разрываемой бумаги.

Тётя Петунья поставила на стол заварной чайник и недоумённо оглянулась: где это дядя Вернон? Минуту спустя он вернулся, красный от злости.

— Ты! — рявкнул он на Гарри. — В гостиную, живо!

Сбитый с толку и ломая голову над тем, в каких грехах его подозревают на этот раз, Гарри встал и вслед за дядей Верноном пошёл в соседнюю комнату.

— Итак. — Дядя Вернон со стуком закрыл за ними дверь, твёрдым шагом дошёл до камина и повернулся к Гарри с таким видом, словно собирался объявить ему, что он арестован. — Итак.

Гарри так и подмывало спросить: «Итак что?» — но он счёл, что не стоит подвергать характер дяди Вернона такому испытанию с утра пораньше, учитывая, что его нрав и без того ожесточён голодным пайком. Поэтому Гарри решил принять вид вежливой озадаченности.

— Это только что принесли, — сказал дядя Вернон. Он угрожающе помахал перед Гарри исписанным листком сиреневой бумаги. — Письмо. Насчёт тебя.

Гарри растерялся ещё больше. Кто мог написать о нём дяде Вернону? Да ещё прислать письмо по обычной почте?

Дядя Вернон свирепо взглянул на Гарри и стал читать вслух:

— «Дорогие мистер и миссис Дурсли!

Мы с Вами не знакомы, но я не сомневаюсь, что Вы немало слышали от Гарри о моём сыне Роне.

Как Гарри Вам, возможно, рассказывал, финал Кубка мира по квиддичу состоится в следующий понедельник вечером, и мой муж Артур сумел достать очень хорошие билеты благодаря своим связям в Департаменте магических игр и спорта.

Я надеюсь, что Вы позволите нам взять с собой Гарри на матч, тем более, что такая возможность выпадает раз в жизни — Британия не принимала у себя финал вот уже тридцать лет и добыть билеты крайне трудно. Мы, разумеется, будем

рады, если Гарри проведёт у нас остаток летних каникул, и проследим, чтобы он благополучно сел на поезд в школу.

Пожалуйста, ответьте как можно скорее. Лучше воспользоваться обычным способом, поскольку магловские почтальоны не сумеют доставить письмо в наш дом. Я не уверена, что они вообще знают, где он находится.

В надежде вскоре увидеть Гарри, искренне Ваша, Молли Уизли.

P.S. Надеюсь, мы наклеили достаточно марок».

Дядя Вернон закончил чтение.

— Взгляни на это, — прорычал он.

Это был конверт, в котором и прибыло письмо миссис Уизли, и Гарри едва удержался от смеха — конверт был сплошь заклеен марками за исключением единственного квадратного дюйма на лицевой стороне, куда миссис Уизли умудрилась втиснуть написанный бисерным почерком адрес Дурслей.

— Ну… она наклеила достаточно марок, — сказал Гарри таким тоном, будто подобную ошибку

мог совершить кто угодно. Глаза дяди сверкнули.

— Почтальон это заметил, — процедил он сквозь зубы. — Ему было очень интересно, откуда такое письмо пришло. Потому-то и позвонил. Кажется, он нашёл это забавным.

Гарри ничего не ответил. Возможно, кто-то и не понял бы, почему дядя Вернон поднимает такой шум из-за чрезмерного количества марок, но Гарри слишком долго прожил с Дурслями и знал, как безумно их раздражает всё хоть сколько-нибудь необычное. Не дай бог кто-то подумает, что они связаны (пусть даже и отдалённо) с такими людьми, как миссис Уизли.

Дядя Вернон грозно смотрел на Гарри, а тот старался сохранить на лице самое невинное выражение. Если сейчас повести себя правильно, то можно запросто попасть на самое интересное событие за всю свою жизнь. Гарри ожидал, что же скажет дядя Вернон, но тот по-прежнему не произносил ни слова, вперив в племянника злобный взгляд. Наконец Гарри решился нарушить молчание.

— Так что… я могу поехать?

Багровую физиономию дяди Вернона исказила лёгкая судорога. Усы встали дыбом. За этими усами сейчас происходила ожесточённая схватка

двух основных дядиных инстинктов, вступивших в острое противоречие. Разрешить Гарри ехать, значит, сделать его счастливым, а против этого дядя Вернон неустанно боролся тринадцать лет. С другой стороны, отъезд Гарри избавлял от него на две недели раньше, чем можно было надеяться, а дядя Вернон не выносил присутствия Гарри в своём доме. Раздираемый противоположными чувствами, он вновь уставился на письмо миссис Уизли.

— Кто эта женщина? — спросил он, неприязненно разглядывая подпись.

— Вы её видели, — ответил Гарри. — Это мама моего друга Рона, она встречала его, когда мы приехали на Хог… на школьном поезде в конце прошлого семестра.

Он чуть было не произнёс «Хогвартс-Экспресс», но это был верный путь взбесить дядю. Во владениях Дурслей никто даже не упоминал вслух названия школы Гарри.

Дядя Вернон скривил широченную физиономию, словно припоминая что-то очень неприятное.

— Толстуха такая? — проворчал он наконец. — С кучей рыжих детей?

Гарри нахмурился. Это уж явная глупость со

стороны дяди Вернона — обзывать кого-то толстухой, когда его собственный сын Дадли был именно таким лет с трёх, а теперь и вовсе стал больше в ширину, чем в высоту. Дядя Вернон вновь внимательно перечитывал письмо.

— Квиддич, — пробормотал он. — Квиддич — это что ещё за чепуха?

Гарри опять почувствовал раздражение.

— Вид спорта, — отозвался он нехотя. — Играют на мётлах…

— Ладно, ладно! — торопливо прервал его дядя Вернон.

Гарри не без удовлетворения заметил, что дяде стало не по себе, — он не мог вынести слово «метла» в стенах собственной гостиной и вновь поспешил укрыться за чтением письма. По его губам Гарри разобрал слова: «Пришлите ответ обычным способом». Дядя сдвинул брови:

— Что это она имеет в виду — «обычным способом»? — фыркнул он.

— Привычным для нас, — пояснил Гарри и, прежде чем дядя успел остановить его, добавил: — Вы же знаете, совиная почта. Это обычное дело для волшебников.

Дядя Вернон вскипел, как будто Гарри произнёс непристойное ругательство. Затрясшись

от злости, он нервно оглянулся на окна, словно ожидая увидеть кого-то из соседей, прижавших уши к стеклу.

— Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не упоминал всей этой пакости под моей крышей? — прошипел он, и его лицо приобрело густо-фиолетовый оттенок. — Здесь даже одежда на тебе та, что мы с Петуньей надели на твою неблагодарную спину!

— Только после того, как Дадли её износил, — холодно отозвался Гарри. И в самом деле, на нём был свитер размеров на пять больше чем надо, так что рукава приходилось закатывать едва ли не наполовину, а свисал он ниже пузырей на коленях его потрёпанных джинсов, которые тоже висели мешком.

— Не смей так разговаривать со мной! — яростно взревел дядя Вернон.

Но Гарри не собирался молчать. Миновали те дни, когда ему приходилось безропотно исполнять каждый пункт идиотских дурслевских правил. Он обошёлся без диеты Дадли и не позволит дяде Вернону помешать ему поехать на Чемпионат мира по квиддичу, как бы тому ни хотелось.

Гарри сделал глубокий успокаивающий вдох

и сказал:

— Ладно, хорошо, я не увижу Кубка мира. Теперь я могу идти? У меня там не закончено письмо к Сириусу. Вы знаете — мой крёстный отец…

Он сделал это. Он произнёс волшебные слова. Краснота пятнами схлынула с лица дяди Вернона, и оно стало похожим на плохо перемешанное черносмородиновое мороженое.

— Ты… пишешь ему, да? — В голосе дяди Вернона прозвучала претензия на спокойствие, но Гарри видел, как зрачки его маленьких глаз сузились от страха.

— Пишу, — ответил Гарри небрежно. — Я уже давно ему не писал, и вы понимаете, боюсь, он может подумать что-нибудь не то…

И остановился, наслаждаясь действием этих слов. Он почти видел, как закрутились колёсики под густыми, тёмными, разделёнными идеальным пробором волосами дядюшки. Если помешать Гарри написать Сириусу, тот может подумать, что с Гарри тут плохо обращаются. А если запретить ехать на Кубок мира, Гарри напишет Сириусу, и маньяк-убийца будет знать, что с его крестником плохо обращаются. Выбора не остаётся. Гарри наблюдал, как у дяди в мозгу созревает решение, словно здоровенная усатая

физиономия была прозрачной. Мальчику стоило больших усилий сдержать улыбку и сохранить безразличный вид. И вот наконец…

— Ну ладно. Можешь ехать на этот чёртов… эту глупость… короче, Кубок мира. Напиши этим… этим Уизли… пусть имеют в виду… они должны сами забрать тебя. У меня нет времени таскаться с тобой через всю страну. Можешь остаться у них до конца лета. И ещё, скажи своему… своему крёстному отцу… напиши ему… что едешь.

— Ну разумеется, — просиял Гарри.

Он повернулся и пошёл к дверям гостиной, борясь с желанием вопить и прыгать от радости. Он поедет! Он поедет к Уизли, он поедет на Чемпионат мира по квиддичу!

В холле он едва не налетел на Дадли, притаившегося за дверью с явной надеждой подслушать, как влетит Гарри. Широкая улыбка на лице Гарри совершенно сразила его.

— Замечательный завтрак, верно? — спросил Гарри. — Я просто объелся, а ты?

Смеясь над изумлением братца, Гарри помчался к себе в комнату перемахивая через три ступеньки сразу.

Там его поджидала Букля. Она сидела в клетке, уставившись на него громадными янтарными

глазами, и щёлкала клювом, показывая, что чем-то недовольна. Тотчас же обнаружилась и причина её недовольства.

— Ой! — воскликнул Гарри.

Нечто наподобие серого, покрытого перьями теннисного мяча ударило его по голове. Гарри потёр висок, озираясь — что такое? — и увидел крохотную сову, настолько маленькую, что она могла бы уместиться в его ладони. Она возбуждённо носилась по комнате, словно шальная шутиха. Тут только он обратил внимание, что к его ногам упало письмо. Наклонившись, Гарри узнал почерк Рона. Внутри была наспех нацарапанная записка.

> Гарри! Папа достал билеты! Ирландия против Болгарии, в понедельник вечером! Мама пишет маглам, чтобы те разрешили тебе остаться. Они уже могли получить письмо — не знаю, насколько магловская почта быстрая. Всё равно решил написать тебе. Отправляю это письмо с Сычом.

Гарри задержался на слове «сыч», затем поднял глаза на малютку-сову, кружившую вокруг абажура под потолком. Меньше всего на свете она

походила на сыча. Может, что-то не разобрал? Гарри вернулся к письму.

> Мы приедем за тобой, нравится это маглам или нет; ты не можешь пропустить Кубок мира. Но мама и папа считают, что сначала для вида надо всё-таки спросить их разрешения. Если они согласятся, срочно присылай Сыча с ответом — мы приедем и заберём тебя в воскресенье, в пять часов. Если они скажут «нет», опять-таки быстро присылай Сыча, и мы всё равно увезём тебя в пять часов в воскресенье.
>
> Гермиона приезжает сегодня днём. Перси приступил к работе в Департаменте международного магического сотрудничества. Пока будешь у нас, не упоминай даже слова «заграница», если не хочешь, чтобы он заговорил тебя до смерти.
>
> ***До скорой встречи, Рон***

— Уймись! — крикнул Гарри, когда маленькая сова пронеслась прямо над его головой, что-то отчаянно вереща — видимо, очень гордясь, что доставила письмо по назначению. — Давай сюда, понесёшь мой ответ обратно!

Сова спорхнула на верхушку клетки Букли, та холодно покосилась на гостью — вот только попробуй подойди ближе!

Гарри взял своё орлиное перо, чистый кусок пергамента и написал:

> Рон, всё в порядке. Маглы сказали, что я могу ехать. Встретимся завтра в пять. Не могу дождаться.
>
> ***Гарри***

Он сложил это послание в несколько раз и с большим трудом примотал к левой лапке крошки-совы, пока та взволнованно скакала на правой. Едва письмо было закреплено, сова вновь отправилась в путь — через окно свечой взмыла в небо и пропала из виду.

Гарри повернулся к Букле.

— Ты готова к долгому путешествию? — спросил он. Букля с достоинством ухнула.

— Сможешь отнести это Сириусу? — Он взял письмо. — Подожди, я только допишу.

Он вновь развернул пергамент и торопливо приписал:

> Остаток лета я пробуду у моего друга Рона Уизли. Пиши мне туда. Его папа

достал билеты на Чемпионат мира по квиддичу!

Закончив письмо, он привязал его к лапе Букли — та держалась необычайно спокойно, словно желая продемонстрировать, как должна себя вести настоящая, серьёзная почтовая сова.

— Я буду у Рона, когда ты вернёшься, ясно? — сказал ей Гарри.

Она нежно ущипнула его за палец, со свистящим шорохом развернула огромные крылья и вылетела в открытое окно.

Гарри провожал её взглядом, покуда она не исчезла из глаз, потом нырнул под кровать, вынул заветную доску и достал из тайника изрядный кусок торта. Он сидел на полу и ел, наслаждаясь нахлынувшим на него счастьем. У него торт, а у Дадли ничего, кроме грейпфрута; на дворе — солнечный летний день, завтра он расстанется с Тисовой улицей, шрам больше не болит, и впереди — Чемпионат мира по квиддичу. Можно пока ни о чём не волноваться — даже о Лорде Волан-де-Морте.

Глава 4
Возвращение в «Нору»

К двенадцати часам следующего дня все школьные принадлежности Гарри уже были уложены в чемодан, в том числе и наиболее ценное имущество — мантия-невидимка, которую он унаследовал от отца, метла «Молния» — подарок Сириуса, и волшебная Карта Хогвартса, которую в прошлом году ему вручили Фред и Джордж Уизли. Гарри освободил от запасов еды тайник под кроватью, дважды перепроверил каждую щёлку и закуток в спальне — вдруг оставил где-то перо или учебник, и снял со стены календарь до первого сентября, на котором старательно зачёркивал дни, оставшиеся до возвращения в Хогвартс.

Тем временем атмосфера в доме номер четыре по Тисовой улице накалилась до предела. Неминуемый визит в их жилище целой компании волшебников поверг Дурслей в крайнюю нервозность. Узнав, что Уизли прибудут завтра к пяти часам, дядя Вернон не на шутку встревожился.

— Надеюсь, ты им сказал, этим людям, чтобы они оделись подобающим образом, — проворчал

он. — Видел я, в какой хлам вы там рядитесь. Нет чтобы носить нормальную одежду, как подобает порядочным людям.

Гарри ощутил что-то вроде дурного предчувствия. Мистер и миссис Уизли редко бывали одеты «прилично», по меркам Дурслей. Их дети могли ещё нарядиться на каникулах по магловской моде, но родители обычно ходили в длинных мантиях разной степени изношенности. Гарри мало волновало, что подумают соседи, но его беспокоило, как бы его родственники не нагрубили Уизли, если те и впрямь будут выглядеть согласно худшим представлениям Дурслей о волшебниках.

Дядя Вернон надел свой лучший костюм. Дело тут было отнюдь не в гостеприимстве — он стремился приобрести вид величественный и устрашающий. Дадли, напротив, как-то весь сжался. И совсем не оттого, что диета наконец возымела эффект, а потому, что он просто струхнул. Последняя встреча со взрослым волшебником подарила ему закрученный поросячий хвостик, высунувшийся наружу прямо сквозь брюки. Чтобы от него избавиться, дяде Вернону и тёте Петунье пришлось заплатить немалые деньги в частной лондонской клинике. Поэтому никто не удивлял-

ся, что он то и дело нервно ощупывал себя сзади и боком передвигался по комнатам, чтобы ещё раз не подставить врагу ту же мишень.

Ланч прошёл почти в полном молчании. Даже Дадли не высказывал недовольства едой (домашний творог с тёртым сельдереем). Тётя Петунья вообще ничего не ела. Скрестив руки на груди и поджав губы, она словно закусила и даже отчасти пожёвывала язык, как будто удерживая гневные речи, готовые обрушиться на Гарри.

— Они, разумеется, приедут на автомобиле? — зарычал через стол дядя Вернон.

— Э-э-э-э… — протянул Гарри.

Об этом, честно говоря, он не подумал. Как именно Уизли собираются забирать его отсюда? Машины у них больше нет — старенький форд марки «Англия», который у них когда-то был, ныне одичал и затерялся в дебрях Запретного леса. Правда, в прошлом году мистер Уизли брал служебную машину из Министерства магии. Может, он так сделает и сегодня?

— Думаю, что да, — ответил Гарри.

Дядя Вернон фыркнул в усы. Будь это обычный случай, он бы непременно спросил, что за автомобиль у мистера Уизли; он обожал посудачить, насколько велики и роскошны машины соседей.

Но Гарри сомневался, что дядя Вернон полюбил бы мистера Уизли, даже если тот бы ездил на «феррари».

Большую часть дня Гарри провёл у себя в комнате — не было сил смотреть, как тётя Петунья каждую минуту выглядывает на улицу из-за тюлевых штор, словно по телевизору объявили о сбежавшем стаде бешеных носорогов. В конце концов, без четверти пять Гарри спустился в гостиную.

Тётя Петунья в некоем помрачении безостановочно выравнивала пузатый строй диванных подушек. Дядя Вернон делал вид, будто читает газету, но его маленькие глазки оцепенело смотрели в одну точку, и Гарри был уверен, что он изо всех сил прислушивается — не подъезжает ли к дому автомобиль. Дадли забился в кресло, подсунув под себя ладони и крепко сжимая собственный зад. Не желая участвовать в этом психозе, Гарри вышел и присел на ступеньку лестницы в прихожей. Он не сводил глаз с часов, а сердце колотилось от волнения.

Вот и пять, вот уже и шестой час. Дядя Вернон, слегка вспотевший в своём костюме, открыл парадную дверь, высунул голову, обежал взглядом улицу и поспешно вернулся.

— Опаздывают! — буркнул он Гарри.

— Вижу, — ответил тот. — Возможно… м-м-м-м… пробки или ещё что-нибудь…

Десять минут шестого… Пятнадцать… Гарри уже и сам всерьёз забеспокоился. В половине шестого из гостиной донёсся торопливый шёпот дяди Вернона и тёти Петуньи:

— Никакого уважения.

— Мы могли быть приглашены в гости.

— Может, думают, их пригласят на ужин, если они приедут позже?

— Ну, уж этому не бывать, — произнёс дядя Вернон, и Гарри услышал, как он встал и принялся прохаживаться по гостиной. — Заберут мальчишку и скатертью дорога, больше им тут нечего делать. Если они вообще приедут. Может, день перепутали. Подобные типы, сдаётся мне, пунктуальностью не отличаются. Или поехали на какой-нибудь дрянной машинке, которая на полдороге и сло-ма-а-а-а-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Гарри подпрыгнул. Судя по звукам в гостиной, все трое Дурслей повскакали с мест и в панике куда-то бросились. В следующее мгновение насмерть перепуганный Дадли вылетел в холл.

— Что случилось? — удивился Гарри. — В чём там дело?

Но Дадли как язык проглотил. По-прежнему держась за ягодицы, он со всей возможной для его туши скоростью устремился на кухню. Гарри поспешил в гостиную.

Из камина — тот давно был заколочен досками, и его роль на том же месте исполнял электрокамин с фальшивыми углями — доносился громкий стук и какая-то возня.

— Что это? — задыхаясь, спрашивала тётя Петунья, вжавшись в стену и с ужасом глядя на камин. — Что это, Вернон?

Их сомнения разрешились буквально через секунду — из-за досок стали слышны голоса:

— Ох! Фред, нет, давай назад, назад… Тут какая-то ошибка… Скажи Джорджу, чтобы он не… ОЙ! Джордж, нет, здесь нет никакой комнаты, быстро назад и скажи Рону…

— Пап, может, Гарри услышит и сумеет нас выпустить…

По доскам позади электрического огня забарабанили кулаки.

— Гарри! Гарри, ты нас слышишь?

Дурсли обернулись к Гарри, словно пара разъярённых росомах.

— Что это? — взревел дядя Вернон. — Что происходит?

— Они… ну, они попытались добраться сюда с помощью летучего пороха, — стал объяснять Гарри, борясь с безумным желанием расхохотаться. — Они могут путешествовать через камины, но вы же забили его… Сейчас, подождите…

Он подошёл к камину и позвал:

— Мистер Уизли! Вы меня слышите?

Удары прекратились, и за досками кто-то произнёс: «Ш-ш-ш!»

— Мистер Уизли, это Гарри… Здесь не пройти, камин заколочен!

— Проклятье! — послышался голос мистера Уизли. — С какой стати им взбрело в голову забить камин?

— А у них теперь электрический, — объяснил Гарри.

— В самом деле? — восхитился мистер Уизли. — Электрический, ты говоришь? Со штепселем? Бог ты мой, я должен это увидеть… Дай-ка подумаю… Ох, Рон!

Теперь и голос Рона присоединился ко всем остальным.

— Что это мы здесь делаем? Что-то пошло не так?

— Ну что ты, Рон, — саркастически отозвался голос Фреда, — мы ведь мечтали окончить жизнь

именно в таком месте…

— Конечно, и вот теперь нам представился такой уникальный случай, — присоединился к нему Джордж. Его голос звучал глухо, словно парня прижало к стене.

— Мальчики, мальчики, — рассеянно произнёс мистер Уизли. — Я пытаюсь придумать, что делать… да… это единственный способ… Гарри, отойди подальше…

Гарри отступил к дивану. Дядя Вернон, невзирая на это, двинулся вперёд.

— Подождите минутку! — гаркнул он в камин. — Что это вы собираетесь де…

БАБАХ!

Доски разнесло взрывом. Электрокамин, молодецки взмахнув шнуром, со свистом пролетел через всю комнату, и в туче щебня и щепок на свет явились мистер Уизли, Фред, Джордж и Рон. Тётя Петунья, испустив пронзительный вопль, опрокинулась на кофейный столик; дядя Вернон подхватил её прежде, чем она грохнулась на пол, и, онемев, выпучился на компанию Уизли — все огненно-рыжие, включая Фреда с Джорджем, неотличимо схожих до последней веснушки.

— Ну вот, так-то лучше, — вздохнул мистер Уизли, отряхивая пыль со своей длинной зелёной

мантии и поправляя очки. — Ага, вы, должно быть, дядя и тётя Гарри!

Высокий, худой, с залысинами, он шагнул навстречу дяде Вернону, протягивая руку, но тот лишь попятился, волоча за собой тётю Петунью. Дар речи покинул его совершенно. Лучший костюм был в белой пыли, и та же пыль побелила его волосы и усы — можно было подумать, что он внезапно постарел лет на тридцать.

— М-м-м… да… прошу прощения за всё это. — Мистер Уизли опустил руку и оглянулся на развороченный камин. — Это моя вина, мне попросту в голову не приходило, что могут возникнуть затруднения с выходом на противоположном конце… Я подключил ваш камин к сети летучего пороха — ну, понимаете, всего на один день, чтобы забрать Гарри. Строго говоря, магловские камины не допускаются к подключению, но у меня есть знакомый на пульте управления, он мне выделил канал… Я всё здесь мгновенно поправлю, не беспокойтесь — только зажгу огонь, чтобы отправить мальчиков, и затем восстановлю ваш камин, а сам трансгрессирую…

Гарри был готов поклясться, что Дурсли не поняли ни единого слова. Они по-прежнему, точно громом поражённые, дико смотрели на мисте-

ра Уизли. Тётя Петунья кое-как выпрямилась и спряталась за спину дяди Вернона.

— Привет, Гарри! — радостно воскликнул мистер Уизли. — Ты собрал чемодан?

— Он наверху, — улыбнулся Гарри.

— Мы принесём, — сейчас же вызвался Фред. Подмигнув Гарри, они с Джорджем вышли из комнаты. Близнецы знали, где находится спальня Гарри, — как-то раз глубокой ночью им пришлось вызволять его оттуда; он догадывался, что Фред и Джордж хотят взглянуть на Дадли — они много о нём слышали от Гарри.

— Ну… — сказал мистер Уизли, смущённо потирая руки и подыскивая слова, чтобы разрядить неловкое молчание. — Очень… м-м-м… мило у вас тут.

Поскольку безупречно доселе чистая, без единой пылинки гостиная была теперь покрыта хлопьями сажи и засыпана обломками кирпича, Дурсли восприняли это заявление без должного энтузиазма. Лицо дяди Вернона вновь налилось кровью, а тётя Петунья опять принялась жевать язык. Они были чересчур напуганы, чтобы сказать что-нибудь связное.

Мистер Уизли огляделся. Он любил всё, сделанное руками маглов. Ему нестерпимо хотелось

подойти и поближе рассмотреть телевизор с видеомагнитофоном.

— Они работают на электричестве, верно? — продемонстрировал он свою осведомлённость. — А, вот и штепсели. Я коллекционирую штепсели и батарейки, — обратился он к дяде Вернону. — У меня очень большая коллекция батареек. Моя жена думает, что я на них свихнулся, но тут уж ничего не поделаешь.

Дядя Вернон, несомненно, тоже считал, что мистер Уизли спятил. Он начал потихоньку отступать к выходу, загораживая собой тётю Петунью, словно опасался, что мистер Уизли может вдруг наброситься на них.

Но тут в гостиную неожиданно вернулся Дадли. Гарри услышал стук своего чемодана по ступеням и сообразил, что эти звуки и выгнали Дадли из кухни. Он бочком пробрался вдоль стенки, не сводя с мистера Уизли расширенных от ужаса глаз, и попытался спрятаться за спинами родителей. На его несчастье, размеров дяди Вернона, достаточных, чтобы заслонить сухопарую тётю Петунью, и близко не хватало для прикрытия Дадли.

— А, это твой кузен, так понимаю, Гарри? — Мистер Уизли предпринял ещё одну мужественную попытку завязать беседу.

— Да, — подтвердил Гарри. — Это Дадли.

Гарри с Роном переглянулись и тут же поспешно отвели взгляды — желание расхохотаться становилось неодолимым. Дадли по-прежнему держался за свой зад, словно боялся, что тот отвалится. Мистер Уизли искренне заинтересовался столь необычным поведением. Судя по его тону, мистер Уизли принимал Дадли за безнадёжного психа, точно так же и Дурсли полагали сумасшедшим его самого, хотя мистер Уизли скорее сочувствовал, а не боялся.

— Хорошо провёл каникулы, Дадли? — поинтересовался он участливо.

В ответ Дадли заскулил. Его руки ещё теснее сомкнулись на массивном заду.

Фред и Джордж с чемоданом возвратились в гостиную. Войдя, они огляделись и обнаружили Дадли. Их лица расплылись в одинаковых коварных улыбках.

— Ага, хорошо, — сказал мистер Уизли. — Ну, нам пора…

Он засучил рукава мантии и достал волшебную палочку. Дурсли при этом как один прижались к стене.

— *Инсендио!* — приказал мистер Уизли, направив палочку на провал в стене за собой.

В камине сейчас же вспыхнул огонь, затрещав так весело, будто он горел там уже часа два.

Мистер Уизли вынул из кармана маленький, затянутый шнурком мешочек, развязал, взял щепотку порошка и бросил в пламя — оно с гулом взвилось вверх, став при этом изумрудно-зелёным.

— Ты идёшь первый, Фред, — распорядился мистер Уизли.

— Иду, — согласился Фред. — Нет, постойте…

Из его кармана выпал пакетик со сладостями, и по всему полу разлетелись большие конфеты в пёстрых обёртках.

Фред их бросился подбирать, рассовывая по карманам, потом, бодро помахав Дурслям рукой, подошёл к камину и шагнул прямо в огонь, крикнув: «Нора!» Тётя Петунья судорожно охнула. Раздался свистящий звук, и Фред исчез.

— Теперь ты, Джордж, — сказал мистер Уизли. — И возьми чемодан.

Гарри помог Джорджу занести чемодан в пламя, поставив его стоймя. И вот, скомандовав: «Нора!», под тот же свист Джордж пропал.

— Рон, ты следующий.

— Увидимся! — весело кивнул Рон Дурслям. Он улыбнулся Гарри, вошёл в огонь и последовал

за братьями.

Остались Гарри и мистер Уизли.

— Ну… до свидания, — простился Гарри с Дурслями. Те в ответ не вымолвили ни слова. Гарри направился к камину и уже было ступил на край очага, но мистер Уизли протянул руку и вернул его обратно. Волшебник в изумлении смотрел на Дурслей.

— Гарри сказал вам «до свидания». Вы разве не слышали?

— Да неважно, — шепнул ему Гарри. — Правда, мне всё равно.

Но мистер Уизли не убирал руки с его плеча.

— Вы не увидите племянника до следующего лета, — произнёс он с мягким укором. — Право, стоит попрощаться.

На лице дяди Вернона вновь проступило бешенство. Для него было откровенной мукой выслушивать поучения о хороших манерах от человека, который только что снёс полстены у него в гостиной.

Но взгляд его маленьких глазок быстро скользнул по волшебной палочке, которую мистер Уизли по-прежнему держал в руке, и дядя Вернон возмущённо проклокотал: «До свидания».

— До встречи, — ответил Гарри, уже занося

ногу над зелёным пламенем, от которого веяло приятным теплом, но в этот момент позади раздалось сдавленное мычание и грянул вопль тёти Петуньи.

Гарри обернулся. Дадли больше не стоял за спинами родителей. Повалившись на колени возле кофейного столика, он брызгал слюной и давился какой-то склизкой лиловой штукой примерно в фут длиной, вылезавшей изо рта. После секундной растерянности до Гарри дошло, что лиловая диковина — это язык Дадли, и что перед ним на полу лежит пёстрый конфетный фантик.

Бухнувшись наземь рядом с Дадли, тётя Петунья ухватилась за конец неимоверно разросшегося языка и попыталась выдернуть его изо рта — ничего удивительного, что Дадли взвыл и заплевался ещё сильнее, стараясь отпихнуть её прочь. Дядя Вернон орал и размахивал руками. Мистеру Уизли пришлось перекрикивать его, чтобы тот смог услышать:

— Не волнуйтесь! Я это сейчас поправлю!

Он кинулся к Дадли с поднятой волшебной палочкой, но тётя Петунья, заголосив ещё пронзительней, бросилась на Дадли сверху, защищая его от мистера Уизли.

— Но послушайте же вы! — отчаянно убеждал

их мистер Уизли. — Это очень простой фокус… Виновата конфета… Мой сын Фред — он завзятый шутник… Это всего лишь заклятие Обжорства… По крайней мере, похоже на то… Пожалуйста, успокойтесь, сейчас всё будет в порядке…

Но вместо того чтобы успокоиться, Дурсли перепугались ещё больше. Тётя Петунья, истерически рыдая, всё дёргала Дадли за язык, словно решила оторвать его вовсе. Дадли задыхался под двойным натиском языка и родной матери, а дядя Вернон, окончательно утратив самообладание, схватил с серванта фарфоровую статуэтку и что есть силы запустил ею в мистера Уизли — тот увернулся, и фигурка вдребезги разлетелась среди развалин камина.

— Ну что вы, в самом деле! — сердито воскликнул мистер Уизли, грозя ему волшебной палочкой. — Я же хочу вам помочь!

Взревев, как раненый гиппопотам, дядя Вернон взялся за следующую статуэтку.

— Гарри, ступай! Сейчас же! — приказал мистер Уизли, направив волшебную палочку на дядю Вернона. — Я тут разберусь!

Гарри было жаль пропускать такое веселье, но вторая фигурка, пущенная дядей Верноном, едва не зацепила его левое ухо, и он счёл, что разумнее

будет предоставить мистеру Уизли разрешать ситуацию. Оглядываясь через плечо, он вошёл в огонь и произнёс: «Нора!». Последнее, что он успел увидеть, был мистер Уизли, взорвавший волшебной палочкой третью фигурку в руке дяди Вернона; завывающая и навалившаяся на Дадли тётя Петунья и язык Дадли, разлёгшийся подобно гигантскому скользкому питону. В следующую секунду Гарри со страшной скоростью закружило, и гостиная Дурслей сгинула в потоке зелёных огней.

Глава 5
«Ужастики умников Уизли»

Гарри кружило всё быстрее и быстрее, руки прижало к бокам, неясные очертания каминов вспыхивали, проносясь мимо — его стало мутить, и он зажмурился. Почувствовав, что движение наконец замедляется, Гарри выбросил вперёд руки и остановился как раз вовремя, чтобы не выпасть ничком из очага в кухне Уизли.

— Съел он её? — возбуждённо спросил Фред, протягивая Гарри руку и помогая встать на ноги.

— Да, — ответил Гарри, отряхнувшись. — А что это было?

— Ириски «Гиперязычки», — сияя, объяснил Фред. — Мы с Джорджем изобрели, всё лето искали, на ком бы попробовать…

Крохотная кухня задрожала от смеха. За выскобленным деревянным столом рядом с Роном и Джорджем сидели ещё двое рыжих — Гарри их никогда прежде не видел, но сразу сообразил: конечно, это Билл и Чарли, старшие братья Рона.

— Как дела, Гарри? — спросил тот, что сидел ближе, улыбаясь и протягивая широкую ладонь.

Пожимая её, Гарри ощутил под пальцами мозоли и волдыри — значит, это Чарли, работавший с драконами в Румынии. Сложением Чарли напоминал близнецов — коренастый и пониже, чем Перси и Рон, — те были худые и долговязые. Широкое добродушное лицо, обветренное и такое веснушчатое, что казалось загорелым; руки мускулистые, и на одной — большой свежий след ожога.

Билл тоже поднялся и, улыбаясь, пожал Гарри руку. Вот кто явился для Гарри полной неожиданностью. Гарри знал, что Билл работает в волшебном банке «Гринготтс», что он был старостой школы «Хогвартс», и Гарри представлял его подобным Перси — блюститель правил и любитель командовать. Однако Билл был по виду крутой — другого слова не подберёшь, — высокий, длинные волосы собраны сзади в «конский хвост», в ухе — серьга, что-то вроде клыка на цепочке, одежда такая, что больше к месту на рок-концерте, и, кроме того, ботинки сделаны не из обычной кожи, а из драконьей.

Не успел завязаться разговор, что-то негромко щёлкнуло за плечом Джорджа, и в кухне наконец появился мистер Уизли. Таким сердитым Гарри ещё никогда его не видел.

— Это было совсем не смешно, Фред! — загремел он. — Что такое, скажи на милость, ты дал этому бедному мальчику-маглу?

— Ничего я ему не давал, — отвечал Фред с хитрой улыбкой. — Она просто упала, и всё… Это его вина, что он поднял её и съел…

— Ты нарочно их в гостиной уронил! — бушевал мистер Уизли. — Ты знал, что он её съест, знал, что он на диете…

— А до каких размеров вырос язык? — не терпелось узнать Фреду.

— Он был четыре фута длиной, когда родители согласились наконец принять мою помощь.

Гарри и братья Уизли разразились хохотом.

— Ничего смешного! — прикрикнул на них мистер Уизли. — Ваш поступок подрывает отношения между волшебниками и маглами! Я полжизни посвятил борьбе против дискриминации маглов, а мои собственные сыновья…

— Мы подкинули эту штуку вовсе не потому, что он магл! — возмутился Фред.

— А потому, что он мерзкий тип и большой охотник поиздеваться над слабыми, — добавил Джордж. — Он ведь такой, да, Гарри?

— Да, мистер Уизли, — без тени улыбки подтвердил Гарри.

— Это не довод! — не утихал мистер Уизли. — Дождётесь, я всё расскажу вашей маме…

— Что мне расскажешь? — прозвучал позади него голос.

В кухню как раз вошла миссис Уизли. Это была невысокая, полная женщина с приветливым лицом, хотя в этот миг прищуренный взгляд ничего доброго не предвещал.

— Здравствуй, Гарри, милый! — заметила она гостя, улыбнулась и опять повернулась к мужу. — Так что ты мне расскажешь, Артур?

— М-м, — запнулся мистер Уизли.

Как бы он ни сердился на Фреда с Джорджем, поведать миссис Уизли о происшедшем в его планы не входило. Воцарилось предгрозовое молчание, мистер Уизли смущённо таращился на жену. Сразу за миссис Уизли в кухню вошли две девушки: Гермиона Грэйнджер, подруга Рона и Гарри, и маленькая рыжеволосая младшая сестра Рона, Джинни. Обе радостно улыбнулись Гарри, тот улыбнулся в ответ, и Джинни немедленно стала пунцовой — она была неравнодушна к Гарри с первой минуты его появления в «Норе» три года назад.

— Так что ты хочешь рассказать мне, Артур? — повторила миссис Уизли, переходя на более

зловещий тон.

— Да так, знаешь… ничего особенного, Молли, — зачастил мистер Уизли. — Просто Фред и Джордж… Но я уже сам им выговорил…

— Что они натворили в этот раз? — грозно поинтересовалась миссис Уизли. — Это что, опять их «Ужастики умников Уизли»?

— Рон, может, ты покажешь Гарри, где он будет спать? — вмешалась Гермиона, стоя в дверях.

— Он знает где, — отозвался Рон. — В моей комнате. Он там спал в прошлый…

— Мы могли бы все вместе пойти посмотреть, — с нажимом произнесла Гермиона.

— А-а, — наконец сообразил Рон. — Ладно, идём…

— И мы пойдём! — обрадовался Фред.

— Вы останетесь здесь! — рявкнул мистер Уизли. Гарри и Рон вышли из кухни и следом за Джинни и Гермионой дошли по узкому коридору до шаткой лестницы, зигзагом уходящей на третий этаж. И двинулись друг за дружкой вверх.

— Что это за «Ужастики умников Уизли»? — спросил Гарри.

Рон и Джинни дружно расхохотались, Гермиона, однако, не спешила присоединиться к ним.

— Мама у них в комнате обнаружила кучу блан-

ков заказов, когда там убирала, — вполголоса заговорил Рон. — И длиннющие списки ценников — шуточные фокусы, волшебные палочки-надувалочки, конфеты с подвохом, всякие другие штуки. Потрясно! А я и не подозревал, что они такие изобретатели.

— У них в комнате вечно что-нибудь взрывается, но никому и в голову не приходило, что они действительно что-то придумывают, — добавила Джинни. — Мы считали, они просто балуются…

— Но только все их штуковины, ну… немного опасны, — продолжал Рон. — И, представь себе, они решили продавать их в Хогвартсе. Хотели заработать немного денег. Мама была вне себя! Сказала, что запрещает им делать эти гадости, сожгла все заказы… В общем, страшно на них разозлилась. Да ещё СОВ они, по её мнению, плохо сдали… СОВ — это Супер Отменное Волшебство, экзамен, который сдают в Хогвартсе по достижении пятнадцати лет.

— Был грандиозный скандал, — вставила Джинни. — Мама мечтает, чтобы они пошли на службу в Министерство магии, как папа, а Фред с Джорджем заявили, что хотят только одного: открыть магазин волшебных фокусов и трюков.

На второй площадке отворилась дверь, из неё

выглянуло сердитое лицо в роговых очках.

— Привет, Перси, — сказал Гарри.

— Здравствуй, — кивнул ему Перси. — А я всё думаю, отчего такой шум. Я здесь работаю, понимаете? Должен закончить в срок служебную записку. Да разве сосредоточишься, когда всё утро топочут вверх и вниз по лестнице.

— Мы не топочем! — возмутился Рон. — Мы ходим. Извини, если помешали сверхсекретным разработкам Министерства магии.

— А над чем ты работаешь? — поинтересовался Гарри.

— Доклад для Департамента международного магического сотрудничества, — с важностью проговорил Перси. — Мы хотим стандартизировать толщину котлов. У некоторых — импортного производства — тонковаты стенки, количество протечек за год выросло почти на три процента.

— Твой доклад перевернёт мир, — серьёзно сказал Рон. — На первой странице «Ежедневного пророка» — мировая сенсация, борьба с протечками в котлах.

Перси слегка покраснел.

— Можешь насмехаться сколько угодно, Рон, — горячо заговорил он, — но если мы не введём международные стандарты, рынок будет зава-

лен некачественной тонкостенной продукцией, представляющей серьёзную угрозу…

— Да, да, согласен. — Рон поспешил остановить словоизвержение брата, и компания снова двинулась вверх.

Перси со стуком захлопнул дверь. Всю дорогу до четвёртого этажа снизу, из кухни, эхом докатывались довольно громкие возгласы. Похоже, мистер Уизли рассказывал жене о злополучных конфетах.

Комната под самой крышей, где спал Рон, почти не изменилась с тех пор, как Гарри ночевал здесь в последний раз. «Пушки Педдл» — любимая команда Рона — носились на тех же плакатах, развешанных по стенам и потолку, а в аквариуме, где когда-то плавала лягушачья икра, теперь сидела одна здоровенная лягушка. Старой крысы Коросты больше не было, её место заняла маленькая серая сова — та, что принесла письмо Рона на Тисовую улицу. Она прыгала вверх и вниз в маленькой клетке, отчаянно вереща.

— Замолчи, Сыч! — шикнул на неё Рон, пробираясь между двумя из четырёх кроватей, втиснутых в комнату. — С нами будут ночевать Фред и Джордж — их спальню отдали Биллу и Чарли. Перси в свои покои никого не пускает

— он, видите ли, должен работать.

— Э-э-э-э… Почему ты называешь свою сову Сычом? — спросил Гарри. — Скорее, она похожа на воробья.

— Глупо получилось, — ответила за брата Джинни. — Это на самом деле сычик, только карликовый.

— А я для краткости называл его просто Сыч. И теперь он ни на какие другие имена не отзывается. Возомнил себя крупной птицей. Держу его у себя в комнате. Он раздражает Стрелку с Гермесом. Да и мне докучает.

Сычик, вполне довольный жизнью, выписывал пируэты по клетке, пронзительно ухая. Гарри хорошо знал Рона и не принял его слова всерьёз. Он помнил: Рон вечно жаловался на старую крысу Коросту, но был совершенно убит, когда подумал, что Живоглот, кот Гермионы, её съел.

Вспомнив о коте, Гарри повернулся к Гермионе:

— А где Живоглот?

— Наверное, в саду, — сказала она. — Гоняется за гномами, он их раньше никогда не видел.

— Перси, по-моему, доволен работой. — Гарри сел на одну из кроватей, наблюдая, как «Пушки Педдл» влетают и вылетают из плакатов на

потолке.

— Доволен? — негодующе фыркнул Рон. — Он бы ночевал на работе, да папа вечером за ним заходит. А на своём начальнике просто помешался. «По словам мистера Крауча…», «Как я сказал мистеру Краучу…», «Мистер Крауч считает…», «Мистер Крауч говорит…». Глядишь, не сегодня завтра объявят о помолвке.

— Как прошло лето, Гарри? Хорошо? — спросила Гермиона. — Получил наши посылки с едой?

— Да, спасибо огромное, — кивнул Гарри. — Ваши торты спасли мне жизнь.

— А есть известия от… — начал было Рон, но осёкся, поймав предостерегающий взгляд Гермионы.

Рон хотел спросить о Сириусе, понял Гарри. Рон с Гермионой с риском для жизни спасали его от Министерства магии и волновались о нём не меньше Гарри. Но в присутствии Джинни не стоит говорить о крёстном. Ведь, кроме них троих и профессора Дамблдора, никто не верил в его невиновность и не знал, как ему удалось бежать.

— Они там, наверное, уже закончили выяснение отношений, — сказала Гермиона, сглаживая возникшую неловкость: Джинни, сгорая от любопытства, переводила взгляд с Рона на Гар-

ри. — Пойдёмте вниз, поможем вашей маме накрыть на стол.

— Пойдём, — согласился Рон.

Все четверо вышли из комнаты и вновь спустились на кухню, где застали миссис Уизли одну и в самом скверном расположении духа.

— Ужинать будем в саду, — обратилась она к вошедшим. — У нас просто нет комнаты для одиннадцати человек. Девочки, не могли бы вы захватить тарелки? Билл и Чарли уже носят столы, а вилки и ножи возьмите вы двое, — велела она Рону с Гарри и, будучи не в духе, решительней, чем следовало, махнула волшебной палочкой, отчего картофелины, лежавшие в раковине, повылетали из кожуры с такой энергией, что забарабанили по стенам и потолку. — О господи! — воскликнула она, направив палочку на совок, который тут же выпрыгнул из угла и принялся шнырять по полу, собирая картошку. — Уж эта мне парочка! — гневно пробурчала она, доставая из буфета горшки и кастрюли. — Не знаю, что с ними будет. Честное слово, не знаю! Никаких устремлений, кроме создания всевозможных неприятностей.

Она грохнула на стол объёмистую медную кастрюлю и стала помешивать в ней волшебной

палочкой, из которой потёк сливочный соус.

— И ведь не потому, что у них мозгов нет, — раздражённо продолжала она, ставя кастрюлю на плиту и зажигая огонь следующим взмахом палочки. — Мозги-то у них есть, но они растрачивают их попусту. И если не возьмутся за ум, беды не миновать! Я получила из Хогвартса жалоб на их поведение больше, чем обо всех остальных, вместе взятых. Помяните моё слово, это кончится Комиссией по злоупотреблению магией.

Миссис Уизли ткнула волшебной палочкой в сторону ящика с ножами, и тот, звякнув, открылся. Гарри и Рон отпрянули в сторону — мимо них пронеслись ножи, пролетели через кухню и стали резать картошку, которую совок ссыпал обратно в раковину.

— Понятия не имею, где мы допустили ошибку, — пожала плечами миссис Уизли, отложила волшебную палочку и полезла за другими кастрюлями. — Одно и то же год за годом, одна выходка лучше другой. Ничего не желают слушать… О боже, ОПЯТЬ!

Палочка, которую она взяла со стола, вдруг с громким писком стала гигантской резиновой мышью.

— Опять эти дурацкие палочки! — закричала

миссис Уизли. — Сколько раз я им говорила: не разбрасывайте их где попало!

Миссис Уизли схватила настоящую волшебную палочку, обернулась и увидела, что от соуса на плите повалил дым.

— Пойдём поможем Биллу и Чарли, — позвал Рон Гарри, взяв побольше столовых приборов.

Покинув миссис Уизли, они через заднюю дверь вышли во двор.

Не успели сделать и двух шагов, как Живоглот — рыжий кривоногий кот Гермионы — выскочил из сада, задрав распушённый хвост трубой и преследуя существо, напоминавшее грязную картофелину на ножках, ростом едва ли четверть метра. Гарри мгновенно узнал в нём гнома. Дробно стуча ножками, гном промчался по двору и прыгнул головой вперёд в сапог, валявшийся перед входной дверью. Живоглот запустил лапу в сапог, стараясь дотянуться до добычи. Гном залился смехом, будто его щекочут. А из сада послышался оглушительный треск. Там разыгрывалось целое представление. Билл с Чарли волшебными палочками гоняли высоко над лужайкой два старых обшарпанных стола. Столы налетали один на другой — каждый старался сбить стол соперника. Фред и Джордж выступали

в качестве болельщиков, Джинни смеялась, а Гермиона топталась возле живой изгороди, явно не зная, что делать, — веселиться или беспокоиться.

Стол Билла с грохотом врезался в стол Чарли и отломил ему ножку. На третьем этаже распахнулось окно, из него выглянула голова Перси.

— Может, хватит?! — заорал он.

— Извини, Перси, — улыбнулся Билл. — Как там поживают днища котлов?

— Плохо! — рявкнул Перси, и окно захлопнулось.

Давясь смехом, Билл и Чарли опустили столы на траву вплотную один к другому. Взмахнув волшебной палочкой, Билл вернул на место оторванную ножку и сотворил из воздуха скатерть.

В семь часов оба стола ломились под тяжестью кулинарных шедевров миссис Уизли, и все девять членов семьи, Гарри и Гермиона уселись есть под ясным, густо-синим небом. Для того, кто всё лето питался неотвратимо черствеющими тортами, это был настоящий пир, и Гарри поначалу больше слушал, чем говорил, подкладывая себе куски пирога с ветчиной и курицей, варёную картошку и салат.

На дальнем конце стола Перси рассказывал

отцу про свой доклад о котловых днищах.

— Я обещал мистеру Краучу приготовить его ко вторнику, — горделиво вещал он. — Мистер Крауч не ожидал так быстро, но я люблю быть в первых рядах. Думаю, он будет мне признателен за то, что я уложился в столь короткий срок. Сейчас в отделе очень напряжённая обстановка в связи со всеми приготовлениями к Чемпионату мира. Мы совершенно не получаем никакой помощи от Департамента магических игр и спорта. Людо Бэгмен…

— Мне нравится Людо, — мягко заметил мистер Уизли. — Это он достал нам такие прекрасные билеты на Чемпионат. Я оказал ему небольшую любезность. У его брата, Отто, были неприятности — он снабдил газонокосилку магическим устройством. Мне удалось замять эту историю.

— Бэгмен, конечно, обаятелен, — снисходительно согласился Перси, — но как он умудрился стать начальником департамента… его сравнить нельзя с мистером Краучем! У Бэгмена пропал сотрудник отдела, а он даже не пытался выяснить, что с ним стряслось. У мистера Крауча такого просто быть не может. Представляешь, Берты Джоркинс нет уже целый месяц! Уехала в отпуск в Албанию и не вернулась!

— Да, я спрашивал о ней Людо, — нахмурился мистер Уизли. — Он говорит, с Бертой и раньше такое случалось. Хотя, должен сказать, будь это сотрудник моего отдела, я бы забеспокоился…

— Берта безнадёжна, — сказал Перси. — Я слышал, её всё время переводят из отдела в отдел. От неё больше хлопот, чем толку… Но всё равно Бэгмену следовало бы начать поиски. Мистер Крауч проявил в этом вопросе личную заинтересованность — она одно время работала у нас в отделе, ты же знаешь. Мистер Крауч очень тепло к ней относился. Но Бэгмен только посмеивается, говорит, что она, скорее всего, напутала с картой и махнула в Австралию вместо Албании. Тем не менее, — Перси глубоко вздохнул и сделал изрядный глоток вина из бузины, — у нас в Департаменте международного магического сотрудничества хватает забот и без того. У нас просто нет времени разыскивать сотрудников других отделов. Ты же знаешь, нам поручена организация ещё одного важного мероприятия сразу же после Чемпионата мира.

Перси многозначительно прокашлялся и бросил взгляд на тот конец стола, где сидели Гарри, Рон и Гермиона.

— Ты понимаешь, о чём я говорю, папа? — Он

слегка повысил голос. — Это пока совершенно секретное мероприятие.

Рон сделал страшные глаза и шепнул Гарри и Гермионе:

— Опять хочет, чтобы мы стали его расспрашивать. Напрашивается с первого дня, как начал работать. Наверняка международная ярмарка котлов с утолщёнными днищами.

А в середине стола миссис Уизли спорила с Биллом о его серьге, которая оказалась недавним приобретением.

— …Ужасный клык, Билл! Что скажут в твоём банке?

— Ма, в банке никто дурного слова не скажет, как я одет, пока я приношу им деньги, — терпеливо разъяснял Билл.

— А волосы, дорогой? Это просто смешно, — продолжала миссис Уизли, нежно поглаживая волшебную палочку. — Позволь мне привести их в порядок…

— А мне нравится, — сказала Джинни, сидевшая рядом с Биллом. — У тебя, мамуля, такие старомодные вкусы. Во всяком случае, волосы у него совсем не такие длинные, как у профессора Дамблдора.

Чарли же с Фредом и Джорджем с жаром обсуж-

дали Чемпионат мира.

— Ирландцы точно возьмут Кубок, — невнятно, но убеждённо говорил Чарли с полным ртом картошки. — Перу в полуфинале они разнесли в пух и прах.

— Но у болгар есть Виктор Крам, — заметил Джордж.

— Крам у них единственный приличный игрок, а у Ирландии — семеро, — возразил Чарли. — Ясное дело, я хотел, чтобы в финал вышла Англия. Но… что позор, то позор.

— А что случилось? — с нетерпением спросил Гарри, как никогда сожалея об оторванности от волшебного мира в дни вынужденного заточения на Тисовой улице. Гарри страстно увлекался квиддичем. Он был ловцом в команде Гриффиндора с первого года учёбы в Хогвартсе и, кроме того, счастливым обладателем «Молнии» — одной из самых скоростных мётел в мире.

— Продули мы Трансильвании, триста девяносто — десять, — вздохнул Чарли. — Кошмарное было зрелище! Уэльс обломался на Уганде, а Люксембург отделал Шотландию.

Мистер Уизли наколдовал свечей: сумерки сгущались, а впереди ещё пудинг. К концу ужина над столом вокруг свечей порхали ночные мотыльки,

а тёплый воздух благоухал запахами луговых цветов и жимолости. Гарри наелся как никогда и ощущал удивительную гармонию с окружающим миром, наблюдая, как кучка гномов, заливаясь безудержным смехом, улепётывает сквозь розовые кусты, по пятам преследуемая Живоглотом.

Искоса оглядев стол и убедившись, что вся семья занята разговором, Рон тихонько спросил Гарри:

— Ты с того дня получал известия от Сириуса?

— Да, — вполголоса ответил Гарри. — Дважды. Говорит — всё нормально. Я написал ему позавчера. Ответ может прийти прямо сюда.

Ему вдруг вспомнилось, почему он решил написать это письмо. И чуть было не рассказал Рону с Гермионой про шрам и сон, который его разбудил… Ни к чему тревожить друзей, да и сам он сейчас так счастлив и умиротворён.

— А время-то! — неожиданно воскликнула миссис Уизли, взглянув на наручные часы. — Всем давно пора быть в постели. Завтра вставать ни свет ни заря. Оставь, Гарри, список всего необходимого для школы. Я завтра буду в Косом переулке, всё равно покупать детям, и тебе куплю. После финала Кубка может не остаться времени, последний матч растянулся на пять дней.

— Здорово! Вот если и этот будет такой же! — встрепенувшись, воскликнул Гарри.

— Надеюсь, что нет, — ханжеским тоном отозвался Перси. — Содрогаюсь при мысли, что будет с моим лотком для входящих и исходящих после моего пятидневного отсутствия.

— Вдруг кто-нибудь опять подбросит туда драконьего дерьма! — развеселился Фред.

— Это был образец удобрений из Норвегии. — Перси густо покраснел. — В этом не было ничего личного!

— Было, — прошептал Фред Гарри, когда они встали из-за стола. — Это мы с Джорджем его прислали.

Глава 6
Портал

Гарри показалось, что он едва успел коснуться головой подушки, как его уже будила миссис Уизли.

— Пора, Гарри, дорогой, — ласково произнесла она и перешла к кровати Рона.

Гарри отыскал наощупь очки, надел их и сел. Было ещё темно. Рон что-то невнятно мычал в ответ на попытки матушки растолкать его. В футе от них из неразберихи одеял появились ещё две всклокоченных головы.

— Что, уже время? — заспанно пробормотал Фред. Они оделись в молчании, зевая и потягиваясь. Всё ещё сонные, спустились на кухню.

Миссис Уизли помешивала содержимое большой кастрюли, стоящей на плите, а мистер Уизли, сидя за столом, проверял внушительную пачку билетов из пергамента. Увидев вошедшую компанию, он встал и раскинул руки: пусть получше рассмотрят его наряд. На мистере Уизли свитер для гольфа и очень старые джинсы, которые ему слегка великоваты, — их держит широкий кожа-

ный ремень.

— Ну как? — Мистера Уизли очень беспокоила его одежда. — Нас никто не должен узнать. Похож я на магла, Гарри?

— Да, — улыбнулся Гарри. — Очень похожи.

— А где Билл, Чарли и Пе-Пе-Перси? — сказал Джордж, безуспешно пытаясь подавить чудовищный зевок.

— Они будут трансгрессировать, — ответила миссис Уизли, ставя кастрюлю на стол и раскладывая овсянку по тарелкам. — Поэтому им можно немного поваляться в постели.

Гарри знал, что трансгрессия — дело очень трудное. Маг исчезает в одном месте и мгновенно появляется в другом.

— Они что, ещё спят? — проворчал Фред, пододвигая к себе тарелку с кашей. — А почему, спрашивается, мы не можем трансгрессировать?

— Потому что вы ещё не в том возрасте и не прошли тестов, — сказала миссис Уизли. — А куда, интересно, пропали девочки?

Она быстрым шагом вышла из кухни и, скрипя ступеньками, вновь отправилась наверх.

— А вы прошли тест? — спросил Гарри.

— Конечно, — кивнул мистер Уизли, бережно пряча билеты в задний карман. — Кстати, Отде-

лу магического транспорта на днях пришлось заниматься двумя людьми, которые трансгрессировали, не имея лицензии. Трансгрессия — дело тонкое, легкомысленное отношение к нему может привести к печальным последствиям. Парочка, о которой я говорил, не знала правил, и, представьте себе, их распополамило.

Все, кроме Гарри, пришли в ужас.

— Как это, распополамило? — растерялся он.

— Полтела осталось на месте, полтела перенеслось, — пояснил мистер Уизли, щедро поливая овсянку патокой. — Естественно, они застряли. Ни туда, ни обратно. Пришлось вызывать бригаду Экстренных Магических Манипуляций. А сколько было бюрократической возни, да ещё маглы, это произошло на их глазах…

Гарри вдруг представилась пара ног и глазное яблоко на тротуаре Тисовой улицы.

— Но с ними всё в порядке? — испуганно спросил он.

— Да, конечно, — отвечал мистер Уизли таким тоном, как будто это разумелось само собой, — но им пришлось заплатить крупный штраф. Думаю, они вряд ли ещё решатся прибегнуть к трансгрессии, как бы ни спешили. С трансгрессией шутки плохи. Я знаю многих взрослых волшебников, ко-

торые вообще с ней не связываются, предпочитая метлу, — медленней, зато безопаснее.

— А у Билла, Чарли и Перси есть лицензия?

— Чарли проходил тест дважды, — ухмыльнулся Фред. — В первый раз он улетел на пять миль дальше, чем было задано, и сверзился на голову почтенной бабульке в супермаркете, помните?

— Да, но во второй-то раз прошёл успешно. — Миссис Уизли вернулась на кухню в разгар веселья.

— А Перси прошёл тест две недели назад, — сказал Джордж. — И теперь каждое утро трансгрессирует с третьего этажа на первый.

В коридоре послышались шаги, и в кухню вошли Гермиона с Джинни — обе бледные и не совсем проснувшиеся.

— Зачем надо было поднимать нас в такую рань? — села за стол Джинни, протирая глаза.

— Вы забыли, нам предстоит небольшая прогулка, — ответил мистер Уизли.

— Прогулка? — удивился Гарри. — Мы что, пойдём пешком?

— Нет-нет, это за много миль отсюда, — улыбнулся мистер Уизли. — Нам надо будет пройти совсем недалеко. Дело в том, что большому числу волшебников очень непросто куда-нибудь до-

браться, не привлекая внимания маглов. Мы и всегда-то путешествуем с большой осторожностью, а уж на такое грандиозное мероприятие, как Чемпионат мира…

— Джордж! — крикнула миссис Уизли так, что все подскочили.

— Что? — спросил Джордж невинным тоном, который, однако, никого не обманул.

— Что у тебя в кармане?

— Ничего!

— Не смей мне лгать!

Миссис Уизли направила волшебную палочку на карман Джорджа и приказала:

— *Акцио!*

Из кармана роем вылетели маленькие яркие штучки. Джордж попытался перехватить их, но миссис Уизли оказалась проворнее.

— Мы же велели вам их уничтожить! — возмутилась она. У неё на ладони лежали ириски «Гиперязычок». — Уничтожить все до единой! А ну-ка, выворачивайте оба карманы!

Вышла очень неприятная сцена. Близнецы пытались тайно вынести из дома как можно больше конфет. Миссис Уизли удалось помешать этому с помощью Манящих чар.

— *Акцио! Акцио! Акцио!* — командовала она,

и конфеты одна за другой вылетали из самых неожиданных мест — из потайных карманов куртки Джорджа и отворотов на джинсах Фреда.

— Мы целых полгода их делали! — в отчаянии завопил Фред, когда его матушка уничтожила все конфеты.

— На такую гадость убить полгода! — гневно ответила она. — Ничего удивительного, что вы чуть не завалили СОВ!

Словом, отъезд проходил не в самой дружеской атмосфере. Миссис Уизли всё ещё сердилась, целуя в щёку мистера Уизли. Но близнецы разозлились в сто раз сильнее — забросив на спины рюкзаки, они вышли из дома, не сказав матери на прощанье ни слова.

— Желаю хорошо провести время! — бросила им вслед миссис Уизли. — И ведите себя прилично.

Близнецы даже не ответили.

— Билла, Чарли и Перси отправлю около полудня, — обещала она мистеру Уизли.

И вся компания двинулась через освещённый луной двор вслед за Фредом и Джорджем. Было прохладно, на горизонте справа неясная зелёная полоска предвещала близкий рассвет. Думая о тысячах волшебников, спешащих на Чемпионат

мира по квиддичу, Гарри ускорил шаг и догнал мистера Уизли.

— Как же они все доедут до стадиона? Где все поместятся? Неужели маглы ничего не заметят? — спросил он.

— В этом-то и состояла огромная организационная работа, — вздохнул мистер Уизли. — Трудность в том, что на Чемпионат прибудут около ста тысяч волшебников и, естественно, у нас нет заколдованного места соответствующих размеров. Да, существуют места, недоступные для маглов, но представь, каково втиснуть сто тысяч волшебников в Косой переулок или на платформу 9 ¾. Следовательно, надо было найти большую хорошую пустошь и принять всевозможные антимагловские меры предосторожности. Министерство занималось этим четыре месяца. Первым делом, разумеется, был составлен график прибытия. У кого дешёвые билеты, приезжают за две недели. Какая-то часть волшебников воспользовалась магловским транспортом, но слишком много их поездов и автобусов занимать, конечно, нельзя. А волшебники, не забывай, едут со всего света. Некоторые трансгрессируют, но надо было обеспечить им безопасные места прибытия подальше от маглов. Кажется, нашли для

этого удобный лес. Для тех же, кто не хочет или не может трансгрессировать, решено применить порталы. Это устройства, которые используются для перемещения волшебников в условленное время. С их помощью можно одновременно переправлять довольно большие группы. По всей Британии разбросано две сотни порталов в стратегически важных пунктах, и ближайший от нас — на вершине Стотсхед Хилл. Туда-то мы и держим путь.

Мистер Уизли указал на высокий чёрный бугор впереди за деревней Оттери-Сент-Кэчпоул.

— А что из себя представляют эти порталы? — поинтересовался Гарри.

— Это может быть что угодно. Какие-нибудь простые, бесхитростные вещи, которые не вызвали бы у маглов желания подобрать их… Словом, на их взгляд, просто мусор.

Они шли по тёмному, влажному просёлку, ведущему в деревню; тишину нарушал только звук их шагов. Миновали деревню, забрезжило, чернильный мрак сменила тёмная синева. У Гарри замёрзли руки и ноги; мистер Уизли то и дело посматривал на часы.

Скоро начался подъём на Стотсхед Хилл, дыхания на разговор уже не хватало; ноги то

проваливались в неприметные кроличьи норы, то скользили по густой траве. Каждый вдох вызывал в лёгких резь, мышцы стало сводить, ещё немного, и Гарри совсем выбьется из сил. Но вот наконец путники вышли на ровную площадку.

— Ух, — с трудом перевёл дыхание мистер Уизли, снимая очки и протирая их свитером. — Что же, мы показали хорошее время — у нас в запасе ещё десять минут.

Гермиона поднялась на вершину последней и с колотьём в боку.

— Теперь остаётся найти портал, — сказал мистер Уизли, водрузив очки на нос и обшаривая взглядом землю. — Он небольшой… Смотрите внимательнее…

Компания разбрелась в разные стороны. Минуты через две дремлющий воздух взорвался криком:

— Иди сюда, Артур! Сюда, сынок, мы нашли его!

На фоне синего неба у другого края вершины замаячили две длинные фигуры.

— Амос! — Мистер Уизли улыбнулся и зашагал к кричавшему человеку. Все остальные последовали за ним.

Скоро он пожимал руку краснолицему волшеб-

нику с жёсткой каштановой бородой. В другой руке у того был старый заплесневелый башмак.

— Знакомьтесь, это Амос Диггори, — представил его мистер Уизли. — Сотрудник Отдела по регулированию и контролю за магическими существами. А это, как я понимаю, твой сын Седрик?

Седрик Диггори — статный юноша лет семнадцати — был капитаном и ловцом пуффендуйской команды по квиддичу.

— Привет, — поздоровался со всеми Седрик.

Все тоже приветствовали Седрика, кроме Фреда и Джорджа. Они только холодно кивнули — всё ещё не простили Седрику поражения Гриффиндора в первом матче минувшего года.

— Долго добирались, Артур? — спросил отец Седрика.

— Да нет, — ответил мистер Уизли. — Мы живём вон там, за той деревней. А ты?

— Нам пришлось встать в два, верно, Седрик? Жду не дождусь, когда он сдаст тест на трансгрессию… Нет, я не жалуюсь. Чемпионат мира по квиддичу! Да я не пропустил бы его за мешок галеонов, а наши билеты примерно столько и стоят. Но мне ещё повезло… — Он добродушно оглядел братьев Уизли, Гарри, Гермиону и Джинни. — Это

все твои, Артур?

— Нет, только рыжие, — усмехнулся мистер Уизли, указывая на своих детей. — Это Гермиона, приятельница Рона, и его друг Гарри…

— Мерлин мой! — Глаза Амоса Диггори расширились. — Гарри? Гарри Поттер?

— М-м-м… да, — сказал Гарри.

Он уже привык, что при встрече с ним люди с любопытством таращатся на его шрам, но всё равно чувствовал себя неловко.

— Конечно, Седрик рассказывал о тебе, — заговорил Амос Диггори. — Рассказывал, как выиграл у тебя в прошлом году… Я ещё ему сказал: «Да, Седрик, тебе будет что рассказать внукам… Ты победил Гарри Поттера!»

Гарри не знал, что ответить, Фред и Джордж опять помрачнели, а Седрик слегка смутился.

— Гарри сорвался с метлы, папа, — сказал он. — Я же говорил тебе… Это был несчастный случай.

— Да, но ты-то не сорвался! — шумно развеселился Амос, хлопнув сына по спине. — Ты такой скромный, такой джентльмен… Но побеждает лучший. Уверен, Гарри согласен со мной! Один упал с метлы, другой нет. Кто лучше летает? Не надо быть гением, чтобы ответить на этот вопрос.

— Кажется, уже пора. — Мистер Уизли опять взглянул на часы. — Не знаешь, Амос, кто-нибудь ещё подойдёт?

— Нет… Лавгуды там уже неделю, а Фосетт не достал билетов, — покачал головой мистер Диггори. — А больше тут никто не живёт из наших.

— Никто, — согласился мистер Уизли. — Осталась минута… Приготовились.

Он посмотрел на Гарри и Гермиону.

— Надо просто коснуться портала всего только одним пальцем…

Не без усилий — мешали громоздкие рюкзаки — все девять сгрудились вокруг старого башмака, который держал Амос Диггори.

Вершину холма овевал холодный ветер, все стояли тесным кольцом, никто не произнёс ни слова. И Гарри вдруг подумал, какой странной показалась бы эта сцена случайно забредшему сюда маглу. Девять человек, из них двое взрослых мужчин, вцепились в старый, драный башмак и чего-то ждут в рассветном сумраке…

— Три… — шепнул мистер Уизли, одним глазом косясь на часы. — Два… Один…

Свершилось! Гарри словно рвануло крюком за живот; ноги оторвались от земли; справа и слева — Рон и Гермиона плечом к плечу; всех куда-то

уносит вой ветра, коловращение красок, указательный палец прилип к башмаку, как иголка к магниту…

Ноги вдруг врезались в землю, на него налетел Рон, и оба упали; башмак с глухим стуком шлёпнулся возле самой головы Гарри.

Гарри поднял голову: мистер Уизли, мистер Диггори и Седрик стоят на ногах, сильно взъерошенные от ветра, все остальные на земле, как они с Роном.

— Пять часов семь минут от Стотсхед Хилл, — прозвучал над ними чей-то голос.

Глава 7
Бэгмен и Крауч

Гарри отцепился от Рона и поднялся на ноги. Они приземлились на вересковую пустошь, окутанную туманом. Прямо перед ними стояли два измотанных и раздражённых волшебника, у одного — массивные золотые часы, у другого — толстый свиток пергамента и перо. Оба одеты на магловский манер, но очень уж неумело: тот, что с часами, — в твидовом костюме и высоких галошах, а его коллега — в шотландском килте и пончо.

— Доброе утро, Бэзил, — сказал мистер Уизли, подняв башмак и подавая волшебнику в клетчатой юбке.

Тот бросил его в стоящий тут же ящик для использованных порталов. Гарри разглядел там старую газету, жестянку из-под пива и проколотый футбольный мяч.

— Да уж, доброе, Артур, — устало пробурчал Бэзил. — Не на дежурстве? Некоторым везёт… А мы здесь проторчали всю ночь… Скорее уйди с дороги. В пять пятнадцать прибывает большая

партия из Чёрного леса… Погоди, найду твоё место в лагере… Уизли… Уизли… — Он принялся перематывать исполинский пергамент. — Первое поле, отсюда в четверти мили. Ваш привратник — мистер Робертс. Диггори… Второе поле, спросите мистера Пэйна.

— Спасибо, Бэзил! — Мистер Уизли жестом позвал всех идти за ним.

Шли по безлюдному полю, почти ничего не видя в тумане. Минут через двадцать показался небольшой каменный домик рядом с воротами, за которыми в туманной зыби смутно проступали очертания сотен и сотен палаток, поднимающихся по отлогому склону к тёмной полоске леса на горизонте. Друзья попрощались с обоими Диггори и подошли к двери коттеджа.

Стоявший в дверях человек смотрел на убегающие вдаль палатки. С первого же взгляда Гарри понял: перед ними единственный настоящий магл на много акров вокруг. Услышав шаги, он повернулся к пришедшим.

— Доброе утро! — приветливо произнёс мистер Уизли.

— Доброе утро, — отвечал магл.

— Не вы ли будете мистер Робертс?

— Я самый, — подтвердил мистер Робертс. — А

вы кто такие?

— Уизли. Два участка заказаны пару дней назад.

— Есть, мистер. — Мистер Робертс сверился со списком, приколотым к двери. — Ваш участок у леса… На одну ночь?

— Да.

— Платить будете сейчас?

— Да, да… конечно, — закивал мистер Уизли. Отошёл от порога и поманил Гарри.

— Помоги-ка мне, — попросил он вполголоса, вынул из кармана свёрнутые трубочкой магловские деньги и стал по одной разворачивать. — Это что такое… э-э-э… десятка? Ах да, вот тут маленький номер… значит… это пять?

— Это двадцать, — понизив голос, поправил его Гарри. Он чувствовал себя скованно под взглядом мистера Робертса, ловившего каждое слово.

— Ах да, конечно… Уж эти мне кусочки бумаги, никак не запомню…

— Вы что, иностранцы? — поинтересовался привратник у мистера Уизли, возвратившегося с требуемой суммой.

— Иностранцы? — в замешательстве переспросил мистер Уизли.

— Вы не первый, кто никак не разберётся с

деньгами, — пояснил мистер Робертс. — Тут двое минут десять назад хотели расплатиться со мной золотыми монетами размером с колпак от автомобильного колеса.

— Неужели? — занервничал мистер Уизли. Мистер Робертс принялся рыться в жестяной коробке с мелочью в поисках сдачи.

— Никогда ещё таких толп не собиралось, — заметил он, вновь взглянув на окутанное туманом поле. — Сотни предварительных заказов. Обычно люди просто приезжают…

— Всё правильно? — перебил его мистер Уизли, протянув руку за сдачей, но мистер Робертс не спешил её отдавать.

— Да… — продолжал он задумчиво, — сколько народу! Полно иностранцев. Не просто иностранцев, а каких-то больно чудных. Тут один разгуливает в шотландской юбочке и пончо.

— Что вы говорите!

— Это похоже… уж не знаю… на какой-то слёт, — покачал головой мистер Робертс. — И все, смотрю, друг с другом знакомы, вроде одна большая компания…

Прямо у двери откуда-то взялся волшебник в брюках для гольфа.

— *Забудь!* — приказал он, направив волшебную

палочку на мистера Робертса.

Глаза магла на мгновение разбежались в стороны, морщины на лбу разгладились, и лицо приобрело безмятежно-сонное выражение — Гарри узнал типичные симптомы изменения памяти.

— Вот вам карта лагеря, — мирно промолвил мистер Робертс, — и сдача.

— Большое спасибо, — сказал мистер Уизли.

Волшебник в брюках для гольфа проводил их до ворот. Вид у него был изнурённый, подбородок зарос щетиной, а под глазами залегли лиловые тени. Отойдя подальше, чтобы не слышал мистер Робертс, волшебник негромко пожаловался мистеру Уизли:

— Уйма хлопот с этим парнем! Десять раз на день приходится накладывать заклятие Памяти. Людо Бэгмен совсем не помогает. Бегает по лагерю, знай себе болтает о бладжерах и квоффлах, да ещё во весь голос. Плевать ему на все антимагловские предосторожности. Жду не дождусь, когда всё это кончится. Пока, Артур, увидимся.

И дежурный исчез.

— А разве мистер Бэгмен не начальник Департамента магических игр и спорта? — удивилась Джинни. — Ему лучше всех известно, что можно

говорить и что нельзя.

— Ему-то известно. — Мистер Уизли повёл их через ворота на территорию лагеря. — Но Людо всегда был немного… ну… небрежен в отношении правил безопасности. Зато любит спорт. Другого такого главы спортивного департамента с огнём не сыщешь. Он сам играл в квиддич за сборную Англии, как ты знаешь. И у «Уимбурнских Ос» никогда не было лучшего загонщика.

Они брели вверх по утонувшему в тумане полю вдоль длинных рядов палаток. Многие смотрелись почти обычно — их хозяева явно постарались придать им магловский вид, хотя и допускали промашки — кто приделал печную трубу, кто добавил шнурок для колокольчика или флюгер. Но иногда попадались палатки настолько откровенно волшебные, что Гарри стали понятны подозрения мистера Робертса. На полпути встретилось роскошное сооружение из полосатого шёлка, подобное дворцу в миниатюре, с живыми павлинами, разгуливающими у входа. Была даже трёхэтажная палатка с несколькими башенками, а ещё немного дальше — конструкция с палисадником, прудиком для купания птиц, солнечными часами и фонтаном.

— Вечно одна и та же история, — улыбнулся

мистер Уизли. — Любим на сборищах распускать павлиньи перья. Ну, наконец пришли. Вот и наше место.

Участок был на самой опушке леса. На воткнутом в землю шесте красовалась табличка: «Уизли».

— Лучшего места не найти! — довольно потёр руки мистер Уизли. — Спортивное поле как раз за лесом. Ближе уже некуда. — И, сбросив на землю рюкзак, прибавил, слегка волнуясь: — Запомните, всякая магия запрещена. Говорю серьёзно — ничего волшебного, пока мы на магловской территории в таком количестве. Палатки ставим своими руками! Это, полагаю, совсем нетрудно… Любимое занятие маглов. Ну-ка, Гарри, как, потвоему, с чего надо начинать?

Гарри никогда в жизни не приходилось ставить палатку. Дурсли ни разу не брали его с собой на отдых, оставляли в компании с древней соседкой миссис Фигг. Но с помощью Гермионы определили, куда вбить колья и ставить шесты; и хотя мистер Уизли не столько помогал, сколько мешал — его потряс молоток, — две видавшие виды двухместные палатки были в конце концов установлены.

Все отступили назад, любуясь творением рук

своих. Глядя на эти палатки, никому бы в голову не пришло, что их ставили волшебники. Гарри, однако, задумался: с появлением Билла, Чарли и Перси их будет десять. Гермиона, судя по всему, тоже была озабочена — она вопрошающе взглянула на Гарри, когда мистер Уизли на четвереньках заполз в одну из палаток.

— Немного тесновато, — возвестил он из глубины, — но, думаю, поместимся. Идите сюда, взгляните.

Гарри нагнулся, нырнул под входное полотнище, и у него рот открылся: это же старомодная трёхкомнатная квартира с ванной и кухней. Но что совсем странно, обставлена в том же стиле, что и квартира миссис Фигг — разномастные кресла, на них вязаные чехлы и вдобавок сильный запах кошек.

— Мы здесь на одну ночь, — заметил мистер Уизли, протирая платком лысину и разглядывая четыре двухъярусные кровати. — Я одолжил это у Перкинса, он работает у нас в отделе. Ему, бедняге, больше на пикники не ездить, у него люмбаго.

Он взял запылившийся чайник и заглянул в него.

— Для чая нужна вода…

— На карте магла указана колонка, — сказал Рон, забравшись в палатку вслед за Гарри. Его нисколько не удивила её вместительность. — Это на другом конце поля.

— Почему бы вам троим, тебе, Гарри и Гермионе, не сходить за водой? — Мистер Уизли указал на чайник и пару небольших вёдер. — Остальные соберут хворост и разожгут костёр.

— Но ведь у нас есть печь, — возразил Рон. — Почему бы просто…

— Антимагловская безопасность! — Лицо мистера Уизли засветилось предвкушаемым удовольствием. — Когда маглы разбивают лагерь, они готовят на открытом воздухе. Я сам видел, как это делается.

После краткого визита в палатку к девушкам — она оказалась немного меньше и без кошачьей вони — Гарри и Рон с Гермионой отправились через весь лагерь с чайником и ведёрками.

Только что взошедшее солнце разогнало туман, и друзьям открылся целый палаточный город. Они медленно шли между рядов, с любопытством разглядывая палатки и их обитателей. Лишь теперь Гарри начал осознавать, как много в мире колдуний и волшебников; он никогда всерьёз не задумывался, кто и как живёт в других странах.

Лагерь постепенно пробуждался. Первыми зашевелились семьи с маленькими детьми. Гарри никогда раньше не видел таких юных магов и колдуний. Крошечный мальчуган не старше двух лет, присев возле палатки, похожей на пирамиду, увлечённо тыкал волшебной палочкой в слизняка на траве, который уже раздулся до размеров сосиски. Когда они подошли к нему, из палатки выскочила мама.

— Что ты делаешь, Кевин? Сколько раз тебе говорить: нельзя брать папину волшебную палочку!

Она наступила на слизня, хлопок, и тот лопнул. Ещё долго звуки устроенного ею нагоняя долетали до приятелей вперемешку с криками малыша:

— Ты взорвала слизняка! Ты взорвала слизняка!

Чуть подальше две девочки немного постарше Кевина катались на игрушечной метле, которая летала совсем низко — их ножки задевали унизанную росой траву. Волшебник из Министерства уже заметил нарушение — пробегая мимо Гарри, Рона и Гермионы, он встревожено восклицал:

— Среди бела дня! Родители, верно, ещё дрыхнут…

Там и тут из палаток появлялись взрослые волшебники, пора было готовить завтрак. Одни, украдкой оглянувшись, зажигали огонь волшебной палочкой, другие неумело и с опаской чиркали спичками, уверенные, что эта штука не сработает. Трое волшебников из Африки, одетые в длинные белые мантии, сидели, углубившись в беседу, и одновременно жарили что-то вроде кролика на ярком лиловатом огне. Неподалёку американские колдуньи зрелого возраста весело болтали, усевшись под расшитым блёстками знаменем с надписью «Салемские ведьмы», растянутом между палатками.

Дальше начинались палатки, из которых долетали слова совершенно незнакомого языка.

— У меня что-то с глазами или и правда всё вокруг позеленело? — воскликнул Рон.

Но глаза Рона были тут ни при чём. Все палатки на этом участке были густо увиты трилистником, как будто земля здесь вздыбилась странными зелёными холмиками. За откинутыми полотнищами входов можно было различить улыбающиеся лица.

— Гарри! Рон! Гермиона! — услыхали друзья собственные имена.

Это был Симус Финниган, четверокурсник из

Гриффиндора. Он сидел возле палатки, тоже увитой клевером. Рядом — рыжеволосая женщина, должно быть, мать, и его лучший друг Дин Томас, тоже гриффиндорский студент.

— Как вам наше убранство? — улыбнулся Симус приятелям, когда те подошли поздороваться. — Ребята из Министерства не очень довольны.

— Почему бы нам не демонстрировать наш цвет? — пожала плечами миссис Финниган. — Видели бы вы, что болгары повесили на свои палатки. Вы, разумеется, болеете за Ирландию? — сверкнув глазами, спросила женщина.

Уверив её, что они, конечно же, болеют за Ирландию, друзья пошли дальше. Хотя, как сказал Рон минуту спустя: «Что ещё можно ответить в таком окружении?»

— Интересно, что такое повесили болгары? — сказала Гермиона.

— Давайте посмотрим. — Гарри указал на россыпь палаток выше по склону, над которыми на ветру развевался красно-зелёно-белый болгарский флаг.

На этих палатках ни зелени, ни украшений, зато на каждой один и тот же плакат — суровое лицо с густыми чёрными бровями. Портрет был живой, но ограничился лишь тем, что хмурился

и моргал.

— Крам, — тихо произнёс Рон.

— Что? — спросила Гермиона.

— Крам! — повторил Рон. — Виктор Крам. Ловец болгарской команды!

— Уж очень сердитый, — заметила Гермиона, оглядывая множество Крамов, угрюмо уставившихся на них.

— «Очень сердитый»? — Рон возвёл глаза к небу. — Кого заботит, как он выглядит? Он потрясающий. Совсем ещё молодой — лет восемнадцать, а может, меньше. Он гений, вечером сама увидишь.

К колонке в дальнем углу поля уже выстроилась небольшая очередь. Гарри, Рон и Гермиона присоединились к ней, встав за двумя мужчинами, увлечёнными жарким спором. Один, волшебник в больших летах, был одет в длинную ночную рубашку в цветочек. Второй, явно служащий Министерства, протягивал первому брюки в полоску.

— Надень их, Арчи, — кричал он в отчаянии, — не валяй дурака! Нельзя разгуливать в таком виде, магл-привратник наверняка что-то заподозрил…

— Я купил это в магловском магазине, — упрямо

возражал старик. — Маглы такую одежду носят.

— Магловские женщины их носят, а не мужчины. Мужчины носят вот это, — настаивал волшебник из Министерства, потрясая полосатыми брюками.

— Не надену! — негодовал Арчи. — Я люблю свежий ветерок вокруг интимных частей тела, так что спасибо!

На Гермиону накатил такой приступ хохота, что она пулей выскочила из очереди и вернулась, когда Арчи набрал воды и удалился.

Обратно с водой шли через лагерь гораздо медленнее, на каждом шагу попадались знакомые лица — хогвартцы со своими родителями. Оливер Вуд, бывший капитан команды Гриффиндора, недавно окончивший Хогвартс, затащил Гарри в палатку познакомить с родителями и взволнованно сообщил, что принят во второй состав «Пэдлмор Юнайтед», — буквально на днях подписал контракт. Затем их окликнул Эрни МакМиллан, четверокурсник-пуффендуец, а через несколько шагов увидели Чжоу Чанг, очень красивую девушку, ловца из команды Когтеврана. Она улыбнулась и помахала Гарри, который весь облился водой, махая в ответ. Рон понимающе ухмыльнулся, и чтобы отвлечь его, Гарри кивнул

на компанию тинэйджеров, которых никогда раньше не видел.

— Как, по-твоему, кто это? — спросил он. — Они явно не из Хогвартса.

— Судя по виду, из какой-то иностранной школы, — предположил Рон. — Я знаю, такие есть, но никогда никого оттуда не встречал. Билл переписывался с одним из Бразилии… лет сто назад… Даже хотел ехать туда по обмену, но у родителей не было такой возможности, и Билл написал, что не может приехать. Бразильский друг очень обиделся и прислал ему шляпу с заклятием — у Билли от неё уши свернулись.

Гарри засмеялся, но не выдал изумления, которое испытал, услышав о других школах волшебников. Увидев в лагере представителей стольких национальностей, он понял, что давно бы надо сообразить, что Хогвартс не единственная на свете школа. Он взглянул на Гермиону, её ничуть не удивил рассказ Рона — уж она, конечно, знала о других школах, вычитала в какой-нибудь книге.

— Вас за смертью посылать, — пробурчал Джордж, когда они наконец вернулись к палаткам Уизли.

— Встретили много знакомых, — отозвался Рон, ставя воду на землю. — А вы ещё даже огонь не

развели!

— Отец спичками развлекается.

Мистер Уизли никак не мог разжечь костёр, хотя очень старался. Земля вокруг была усыпана сломанными спичками, но более счастливым его никто никогда ещё не видел.

— Оп! — воскликнул он, когда ему удалось-таки зажечь спичку, которую он тут же от удивления и выронил.

— Позвольте мне, мистер Уизли, — мягко предложила Гермиона, взяла у него коробок и показала, как правильно зажигать.

В конце концов костёр загорелся, но пришлось ждать ещё около часа, покуда пламя стало совсем жарким, чтобы готовить обед. Ожидание не показалось долгим. Их палатки оказались на самой дороге к спортивному полю. Мимо то и дело сновали сотрудники Министерства, они дружески приветствовали мистера Уизли, а тот давал краткие пояснения, в основном для Гарри и Гермионы — его собственные дети давно были в курсе всех министерских дел.

— Это Катберт Мокридж, начальник Управления по связям с гоблинами… А вон Гилберт Уимпил из Комиссии по экспериментальным чарам, у него, видите, рога выросли на некоторое

время… Привет, Арни… Это Арнольд Миргуд, стиратель памяти, член бригады Экстренных Магических Манипуляций, помните?.. А это Бойд и Крокер, невыразимцы…

— Кто-кто?

— Невыразимцы, из Тайной канцелярии, у них всё сверхсекретно. Понятия не имею, чем они занимаются.

Наконец костёр разгорелся вовсю, и стали варить яйца и сосиски. Тут подоспели Билл с Чарли и Перси.

— Только что трансгрессировали, пап, — отрапортовал Перси. — А, превосходно! Как раз к обеду!

Они уже наполовину опустошили тарелки, как вдруг мистер Уизли вскочил, улыбнулся и замахал рукой, приветствуя идущего к ним человека.

— Главное действующее лицо! — радостно возвестил он. — Привет, Людо!

Людо Бэгмен был сегодня, бесспорно, самой заметной личностью, обогнал даже престарелого Арчи в дамской ночной сорочке. На Бэгмене была длинная мантия игрока в квиддич с поперечными жёлтыми и чёрными полосами, грудь украшало изображение огромной осы. Это был человек могучего телосложения, на котором

годы уже оставили свой след. Мантию оттягивало солидное брюшко, которого, конечно же, не было, когда он играл за сборную Англии. Нос его был расплющен («Наверно, сломал шальной бладжер», — подумал Гарри), но круглые голубые глаза, короткие светлые волосы и румяные щёки придавали ему вид школьника-переростка. Шёл он так, словно ноги у него на пружинах.

— Эй, на палубе! — весело крикнул Бэгмен, источая радостное возбуждение. — Артур, старина! — приветствовал он мистера Уизли. — Что за денёк, а? Что за денёк! Лучшей погоды и желать нельзя! А там — тихая безоблачная ночь… Почти никаких заминок… Мне здесь и делать нечего!

У него за спиной промчались несколько взмыленных министерских волшебников, спешащих к горящему в отдалении магическому огню: искры от него летели на высоту метров десяти.

Перси тут же протянул ему руку. Конечно, Людо Бэгмен не лучшим образом руководит своими людьми, но произвести плохое впечатление тоже нельзя.

— Это мой сын Перси, — улыбнулся мистер Уизли. — Он первый год работает в Министерстве. А это Фред, нет, конечно, Джордж, прошу прощения. Фред — вот он. Это Билл, Чарли, Рон, моя дочь

Джинни и друзья Рона — Гермиона Грэйнджер и Гарри Поттер.

Услышав легендарное имя, Бэгмен на краткий миг задержал дыхание, и глаза, конечно, пробежали по шраму на лбу Гарри.

— Представляю всем, — продолжал мистер Уизли, — перед вами сам Людо Бэгмен, вы хорошо знаете его имя. Спасибо ему за такие прекрасные билеты!

Бэгмен заулыбался, замахал руками — о подобном пустяке и говорить нечего.

— Не собираешься делать ставки, Артур? — заинтересованно спросил он, позвякав, похоже, немалым количеством золота в карманах своей чёрно-жёлтой мантии. — Родди Понтнер уже поставил на Болгарию, что она откроет счёт — я дал ему недурную фору, учитывая, что ирландская тройка самая сильная за последние годы. А малышка Агата Тиммс поставила полдоли в своей ферме угрей, что матч продлится неделю.

— Ну… — пробормотал мистер Уизли. — Дай подумать… Галеон на победу Ирландии?

— Галеон? — разочарованно протянул Бэгмен, однако тут же снова взял себя в руки. — Очень хорошо, галеон так галеон… А остальные не примут участия?

— Ещё не доросли до азартных игр, — ответил мистер Уизли. — Да и Молли не одобрит…

— Мы ставим тридцать семь галеонов, пятнадцать сиклей, три кната, — заявил Фред, а Джордж стал выгребать из карманов все их общие деньги, — на то, что Ирландия победит, но снитч поймает Виктор Крам. Добавим ещё волшебную палочку-надувалочку.

— Не смей предлагать мистеру Бэгмену такую глупость! — яростно прошипел Перси.

Но палочка Людо Бэгмену понравилась. Только он прикоснулся к ней, она закудахтала и превратилась в резинового цыплёнка. Мальчишеское лицо Бэгмена просияло, и он разразился хохотом.

— Просто прелесть! Давно не видел такой забавной штуки! Даю вам за неё пять галеонов!

Перси пришёл в ужас.

— Мальчики, — упавшим голосом заговорил мистер Уизли, — мне бы не хотелось, чтобы вы делали ставки… Это же все ваши сбережения… Ваша мама…

— Не порти людям удовольствие, Артур! — Бэгмен азартно бренчал монетами в карманах. — Они уже совсем взрослые и знают, чего хотят! Так вы уверены, что Ирландия победит, но снитч

поймает Крам? Мало шансов, ребята, мало… По такому случаю принимаю вас ставку из расчёта один к двадцати… Плюс ещё пять галеонов за палочку… итого имеем…

Людо Бэгмен вытащил книжку и перо и на глазах несчастного мистера Уизли размашисто вписал в неё имена близнецов.

— Замётано. — Джордж взял у Бэгмена кусок пергамента и спрятал его во внутренний карман мантии.

Бэгмен опять повернулся к мистеру Уизли.

— Не затруднит плеснуть мне чайку? Я тут ищу Барти Крауча. У меня возникли трудности с болгарским коллегой. А я не могу понять, что он говорит. Барти поможет, он знает полторы сотни языков.

— Мистер Крауч? Полторы сотни? — Маска чопорного недовольства мигом слетела с Перси. — Да он говорит более чем на двухстах! На русалочьем, на гоблинском, на языке троллей… — Перси трясло от негодования.

— Да кто угодно может говорить на языке троллей, — отмахнулся Фред, — Всего-то и надо, что тыкать пальцем и хрюкать.

Перси неодобрительно покосился на Фреда и стал энергично подбрасывать хворост в костёр,

чтобы ещё раз вскипятить чайник.

— Есть какие-нибудь новости от Берты Джоркинс? — спросил мистер Уизли Бэгмена. Он сел на траву вместе со всеми.

— Ни единой совушки, — спокойно ответил Бэгмен. — Но она скоро вернётся. Бедная старушка Берта — память у неё как дырявый котёл и никакой ориентации. Где-то заблудилась, вот помяни моё слово. Вернётся в отдел в октябре, уверенная, что ещё июль. — Бэгмен взял у Перси протянутую ему чашку чая.

— Не думаешь, что пора послать кого-нибудь на поиски? — нерешительно предложил мистер Уизли.

— Барти постоянно мне это говорит. — Бэгмен наивно захлопал круглыми голубыми глазами. — Но у нас сейчас нет ни одного лишнего человека. Ох, только чёрта помяни! Привет, Барти!

У самого костра трансгрессировал волшебник, как небо от земли отличавшийся от Людо Бэгмена, который сидел, развалившись на траве, в старой осиной мантии. Барти Крауч был сухопарый, подтянутый, пожилой человек, в безупречно свежем костюме и галстуке. Пробор в коротких седых волосах идеально прям, узкие, щёточкой, усы, словно выровнены по линейке, а ботинки

блестят как лаковые. Понятно, почему он стал идолом Перси. Этот брат Рона был убеждённым сторонником неукоснительного исполнения правил. Таким же, видно, был и мистер Крауч. Он выполнил указание одеться по-магловски так педантично, что запросто мог сойти за банковского служащего. Даже дядя Вернон не распознал бы в нём мага.

— Присядь с нами на травку! — Весельчак Людо Бэгмен похлопал по земле рядом с собой.

— Нет, Людо, спасибо, — в голосе Крауча звучало явное нетерпение, — я всюду тебя ищу. Болгары требуют, чтобы мы добавили ещё двенадцать мест в верхней ложе.

— Так они этого хотят? А я думал, этот парень предлагает не то драться, не то брататься. Уж очень плохое произношение.

— Мистер Крауч! — едва дыша, вымолвил Перси, изогнувшись в полупоклоне, отчего стал похож на горбуна. — Не желаете ли чашечку чая?

— М-м-м… — Мистер Крауч с лёгким удивлением взглянул на Перси. — Да, благодарю, Уизерби.

Фред и Джордж фыркнули в чашки; Перси, красный как рак, занялся чайником.

— Тебе я тоже хотел сказать два слова, Артур. —

Мистер Крауч бросил острый взгляд на мистера Уизли. — Али Башир настроен весьма воинственно. Хочет переговорить с тобой о запрете на ввоз ковров-самолётов.

Мистер Уизли глубоко вздохнул.

— Я послал ему сову с разъяснениями на прошлой неделе. Могу лично повторить то же самое, что говорил сто раз: ковры признаны магловскими изобретениями и занесены в Регистр объектов, запрещённых для колдовства. Но он ничего не желает слушать!

— Естественно, — покачал головой мистер Крауч, принимая чашку чая из рук Перси. — Али Башир отчаянно заинтересован в их ввозе сюда.

— А они не вытеснят в Британии мётлы? — спросил Бэгмен.

— Али уверен, что на нашем рынке семейных летательных аппаратов есть свободная ниша, — продолжал Крауч. — Помню, у моего деда был эксминстерский ковёр, на нём умещалось двенадцать человек. Разумеется, это было до запрещения ковров.

Мистер Крауч, видно, хотел подчеркнуть, что его предки строго придерживались закона.

— Что, много работы, Барти? — беззаботно произнёс Бэгмен.

— Достаточно, — холодно ответил Крауч. — Организовать порталы на всех пяти континентах — труд немалый, Людо.

— Но уже завтра вы свободно вздохнёте, — хотел утешить их мистер Уизли.

Людо Бэгмен не скрыл своего изумления.

— Свободно вздохнёте! Да я никогда так не веселился! К тому же нам светит ещё одна работёнка, а, Барти? Не легче, чем эта.

Мистер Крауч многозначительно поднял брови.

— Мы же договорились — никакой утечки, пока всё до последней мелочи…

— Ох уж эти мелочи! — замахал руками Бэгмен, как будто отгонял комаров. — Всё уже подписано, верно? Обо всём договорено! Спорю на что угодно — дети не сегодня завтра сами узнают… Я имею в виду, что это будет происходить в Хогвартсе…

— Людо, нас ждут болгары, не забывай! — резко оборвал его мистер Крауч. — Спасибо за чай, Уизерби, — прибавил он и отдал нетронутый чай Перси.

Бэгмен с трудом поднялся на ноги — золото в его карманах весело звякнуло — и одним глотком допил оставшийся чай.

— Увидимся позже! — сказал он. — Мы же вме-

сте будем в верхней ложе, я комментирую!

Людо помахал рукой, Крауч сухо кивнул, и оба мгновенно трансгрессировали.

— Что будет происходить в Хогвартсе? — не замедлил спросить Фред. — О чём они говорили?

— Очень скоро узнаете, — улыбнулся мистер Уизли.

— Это закрытая информация. Пока Министерство не позволит её обнародовать, — напыщенно произнёс Перси. — Мистер Крауч абсолютно прав, что не разглашает её.

— Заткнись ты, Уизерби, — посоветовал брату Фред. Солнце клонилось к закату, и напряжение, царившее в лагере, сгущалось, как тучи перед грозой. Казалось, самый воздух задрожал, предвкушая великое событие. А когда мрак тёмным покровом опустился над лагерем, последние признаки не очень умелого маскарада исчезли. Министерство, похоже, смирилось с неизбежным, и неприкрытая магия повсюду била ключом.

Торговцы трансгрессировали на каждом свободном футе пространства, неся лотки и толкая тележки, полные невиданных товаров. Тут были светящиеся розетки, зелёные для ирландских болельщиков, красные — для болгарских, выкрикивающие имена игроков; островерхие зелёные

шляпы, убранные танцующими трилистниками; болгарские шарфы, расшитые львами, которые и в самом деле рычали; флаги обеих стран, исполняющие национальный гимн, если ими махать; маленькие летающие модели «Молнии» и коллекционные фигурки прославленных игроков, которые с гордым видом прохаживались по ладони.

— Я всё лето берёг для этого карманные деньги, — сказал Рон, когда они с Гарри и Гермионой бродили среди торговцев, покупая сувениры.

Рон купил шляпу с танцующим трилистником, большую зелёную розетку и — не устоял — маленькую фигурку Виктора Крама, болгарского ловца. Миниатюрный Крам прогуливался взад и вперёд по его ладони, грозно поглядывая на зелёную розетку.

— Смотрите, здесь-то что! — восхитился Гарри, бросившись к тележке, доверху нагруженной предметами, похожими на бинокль. Только эти окуляры были бронзовые и с множеством разных непонятных кнопок и шкал.

— Омнинокли, — с готовностью объяснил волшебник-продавец. — Сможете повторить любой эпизод… замедлить ход событий… имеется бегущая строка синхронного комментария событий.

Очень недорого — всего десять галеонов.

— Эх, зачем я всё это накупил! — простонал Рон, дёрнув себя за шляпу с трилистником и пожирая глазами омнинокли.

— Три пары, — решительно сказал Гарри продавцу.

— Не надо! — воскликнул Рон, отчаянно краснея. Он всегда смущался, что денег у него гораздо меньше, чем у Гарри, которому родители оставили небольшое наследство.

— Ты ничего не получишь на Рождество, — успокоил его Гарри, протягивая омнинокли ему и Гермионе. — В ближайшие десять лет!

— Тогда ладно, — улыбнулся Рон.

— О-о-о, спасибо, Гарри, — слегка растерялась Гермиона. — А я тогда куплю нам программки…

Вернулись к палаткам со значительно полегчавшими кошельками. Билл, Чарли и Джинни тоже обзавелись зелёными розетками, а мистер Уизли размахивал ирландским флагом. Фред с Джорджем остались без сувениров, ведь они все свои деньги отдали Бэгмену.

Откуда-то из-за леса раздался глубокий, гулкий звук гонга, и сейчас же среди деревьев вспыхнули зелёные и красные фонари, осветив просеку, ведущую к спортивному полю.

— Пора идти! — произнёс мистер Уизли, не менее взволнованный, чем его дети.

Глава 8
Чемпионат мира по квиддичу

Прихватив свои покупки, компания с мистером Уизли во главе поспешила в лес, следуя за светом фонарей. Они слышали шум тысяч людей, шедших вокруг, крики, смех, обрывки песен. Всеобщее лихорадочное возбуждение было необычайно заразительно, Гарри не мог не улыбаться. Всю дорогу через лес — минут двадцать — они громко разговаривали и шутили, пока, наконец, не вышли на противоположную сторону и не оказались в тени гигантского стадиона. И хотя Гарри была видна лишь часть колоссальных золотых стен, окружавших поле, он мог бы с уверенностью сказать, что внутри можно свободно разместить десяток кафедральных соборов.

— Сто тысяч мест, — сказал мистер Уизли, поймав его благоговейный взгляд. — По заданию Министерства здесь целый год трудились пятьсот человек. Маглоотталкивающие чары тут на каждом дюйме. Весь год, как только маглы оказывались где-то поблизости, они вдруг вспоминали о каком-нибудь неотложном деле, и им прихо-

дилось срочно убираться восвояси… благослови их Господь, — добавил он нежно, направляясь к ближайшему входу уже окружённому шумной толпой колдуний и волшебников.

— Первоклассные места! — заметила колдунья из Министерства, проверяя у друзей билеты. — Верхняя ложа! Прямо по лестнице, Артур, и наверх.

Лестницы на стадионе были выстланы ярко-пурпурными коврами. Вся компания пробиралась наверх вместе с толпами болельщиков, которые постепенно рассаживались по трибунам справа и слева от них. Мистер Уизли вёл своих подопечных всё выше и выше; наконец они поднялись на самый верх лестницы и очутились в маленькой ложе на высшей точке стадиона, расположенной как раз на середине между голевыми шестами. Тут в два ряда стояли примерно двадцать пурпурно-золочёных кресел, и Гарри, пройдя к передним местам вместе с Уизли, взглянул вниз и увидел фантастическую картину, которую никогда не смог бы даже вообразить.

Сто тысяч колдуний и волшебников занимали места, расположенные ярусами, поднимающимися вокруг длинной овальной арены. Всё вокруг было залито таинственным золотым светом,

который, казалось, излучал сам стадион. С этой высоты поле выглядело гладким, как бархат, в каждом конце стояло по три пятидесятифутовых шеста с кольцами, а прямо напротив, как раз на уровне глаз Гарри, было исполинское чёрное табло — по нему бежали золотые надписи, будто невидимая рука быстро писала и затем стирала написанное — это были светящиеся рекламные объявления.

> «Синяя Муха» — метла для всей семьи — безопасно, надёжно, со встроенной противоугонной сигнализацией… Миссис Скоур — всеобъемлющее магическое устранение неприятностей — без скандалов и огорчений… Праздничные наряды от «Колдовской Моды» — Лондон, Париж, Хогсмид…

Гарри оторвался от рекламных строчек и оглянулся: кто же ещё будет с ними в ложе? Пока что она была пуста, если не считать какого-то крохотного создания, пристроившегося на предпоследнем сиденье второго ряда. Это существо, с такими короткими ножками, что они попросту торчали из кресла, было закутано в чайное полотенце, повязанное на манер тоги, и сидело,

уткнувшись лицом в ладони. Зато уши — длинные, как у летучей мыши, — показались странно знакомыми…

— Добби? — недоверчиво произнёс Гарри.

Миниатюрное существо подняло голову и раздвинуло пальцы, обнаружив громадные карие глаза и нос, по форме и размеру точно соответствующий спелому помидору. Это не был Добби — хотя, без сомнения, такой же домашний эльф, каким был приятель Гарри, которого тот освободил от его прежних хозяев — семьи Малфоев.

— Сэр, вы назвать меня Добби? — с любопытством пискнул эльф между пальцев.

Голос был выше, чем у Добби, — тоненький, дрожащий голосок, и Гарри заподозрил — сколь ни трудно себе представить такое в отношении домашних эльфов, — что перед ним, скорее всего, женщина. Рон и Гермиона тоже повернулись взглянуть: хотя они и много чего слышали о Добби, но никогда его не встречали. Даже мистер Уизли с интересом оглянулся.

— Прошу прощения, — обратился Гарри к эльфу. — Я просто принял вас за одного своего знакомого.

— Но я тоже знать Добби, сэр, — пискнул эльф. Она заслоняла лицо, как будто от резких лучей,

хотя верхняя ложа и не была ярко освещена. — Меня зовут Винки, сэр, а вы, сэр, — тёмно-карие глаза расширились до размеров тарелок, остановившись на шраме Гарри, — вы, должно быть, сам Гарри Поттер!

— Да, это я, — согласился Гарри.

— Добби постоянно говорить о вас, сэр. — Она чуть опустила руки, потрясённо глядя на него.

— Как он там? — спросил Гарри. — Как ему живётся на свободе?

— Ах, сэр! — Винки покачала головой. — Ах, сэр, не подумайте, что я непочтительна, сэр, но я не уверена, что вы оказать Добби услугу, когда отпустить его на волю.

— Почему? — поразился Гарри. — Что с ним случилось?

— Свобода ударить Добби в голову, сэр, — печально сказала Винки. — Метить выше своего чина, сэр. Не может нигде больше устроиться, сэр.

— Почему? — удивился Гарри.

Винки понизила голос на пол-октавы и прошептала:

— Он хотеть оплаты за свою работу, сэр.

— Оплаты? — не понял Гарри. — Ну… А почему бы его работу не оплачивать?

Винки явно ужаснулась подобной идее и сдвинула пальцы, так что её лицо вновь оказалось наполовину скрытым.

— Домашние эльфы не брать денег, сэр! — приглушённо пропищала она. — Нет, нет, нет. Я говорить Добби, я говорить ему — иди, найди себе приличную семью и осядь, Добби. А он затевать всевозможные буйные увеселения, сэр, это не подобать домашнему эльфу. Эти гулянки твоя до добра не доведут, Добби, говорить я, твоя запросто кончать так, что угодить Комиссия по регулированию и контролю магических существ, словно какой-нибудь — тьфу! — распоследний гоблин…

— Ну как же ему сейчас немного не повеселиться? — сказал Гарри.

— Домашний эльф не положено веселиться, Гарри Поттер, — сурово заметила Винки. — Домашний эльф делать то, что им велено. Я совсем не выносить высоты, Гарри Поттер, — она покосилась на край ложи и судорожно сглотнула, — но мой хозяин послать меня сюда, и я пойти, сэр.

— Зачем же он вас послал, если знает, что вы не любите высоты? — нахмурился Гарри.

— Хозяин… хозяин хотеть, чтобы я занять ему место, Гарри Поттер, потому что он очень занят. — Винки склонила голову перед пустым

пространством рядом с собой. — Винки очень бы желать вернуться назад в палатку хозяина, но Винки делать, что ей сказано, Винки хороший домашний эльф.

Она бросила в сторону барьера ещё один испуганный взгляд и снова закрыла глаза. Гарри повернулся ко всем остальным.

— Что, это и есть домашний эльф? — шепнул Рон. — Чудные они, верно?

— Добби ещё чуднее, — искренне заверил его Гарри.

Рон вытащил свой омнинокль и принялся испытывать его, рассматривая скопление народа на противоположной стороне стадиона.

— Круто! — воскликнул он, вращая регулятор повтора. — Я могу заставить того старого хрыча внизу поковырять в носу ещё раз… и ещё… и ещё…

Гермиона тем временем просматривала свою украшенную кистями программку в бархатном переплёте.

— «Перед матчем будет проведён парад талисманов команд», — прочитала она вслух.

— О, это всегда очень занимательное зрелище, — откликнулся мистер Уизли. — Национальные сборные привозят с родины разные

диковинки, понимаете? Чтобы устроить маленькое шоу.

В следующие полчаса ложа постепенно наполнялась людьми; мистер Уизли пожимал руки каким-то, судя по виду, очень важным волшебникам. Перси вскакивал так часто, словно пытался усидеть на еже. Когда появился министр магии Корнелиус Фадж, Перси отвесил такой глубокий поклон, что с него упали и разбились очки. Страшно сконфузившись, он восстановил их волшебной палочкой и дальше уже предпочитал оставаться на своём месте, бросая ревнивые взгляды на Гарри, которого Фадж приветствовал как старого друга. Им уже доводилось встречаться прежде, и Фадж, пожав ему руку в отеческой манере, поинтересовался, как у него дела, и представил его окружавшим министра волшебникам.

— Гарри Поттер, вы понимаете, — громко втолковывал он болгарскому министру магии, который был одет в роскошную, чёрного бархата с золотом мантию и, похоже, не понимал ни слова по-английски. — Гарри Поттер, ну же, вы знаете, кто это… Мальчик, который одолел Сами-Знаете-Кого… Ну должны же вы знать, кто это…

Тут болгарский волшебник вдруг обратил внимание на шрам Гарри и что-то быстро и взвол-

нованно затараторил, указывая на него.

— Так я и знал, что этим кончится, — устало сказал Фадж Гарри. — Ну не силён я в языках… В таких случаях мне нужен Барти Крауч… Ага, вижу, его домашний эльф занял ему место… Тоже недурно, эти болгарские парни так и норовят выпросить все лучшие места… а вот и Люциус!

И действительно, вдоль кресел второго ряда к трём свободным местам как раз позади мистера Уизли пробирался не кто иной, как бывший хозяин домашнего эльфа Добби Люциус Малфой с сыном Драко и женщиной, которая, как предположил Гарри, была матерью Драко.

Гарри и Драко Малфой стали врагами с самой первой поездки в Хогвартс. Бледный паренёк с заострённым лицом и бесцветно-белыми волосами, Драко необычайно походил на отца. Его мать тоже была блондинкой — высокая и стройная, она была бы довольно мила, если бы на её лице не присутствовало постоянно такое выражение, будто ей в нос непрестанно лезет какой-то мерзкий запах.

— А, Фадж! — произнёс мистер Малфой, подходя к министру и протягивая руку. — Как дела? По-моему, ты ещё незнаком с моей женой Нарциссой? И с нашим сыном Драко?

— Добрый вечер, добрый вечер! — Фадж улыбнулся и поклонился миссис Малфой. — А мне позвольте представить вам мистера Обланск… Обалонск… мистера… короче, он болгарский министр магии, и не понимает ни слова из того, что я говорю, так что не беспокойтесь. И давайте посмотрим, кто тут у нас ещё? С Артуром Уизли вы знакомы, я полагаю?

Это был напряжённый момент. Мистер Уизли и мистер Малфой посмотрели друг на друга, и Гарри живо вспомнился тот последний раз, когда они встретились лицом к лицу — это было в книжном магазине «Флориш и Блоттс», и дело кончилось дракой. Холодные серые глаза Малфоя скользнули по мистеру Уизли и затем обежали весь ряд.

— Боже правый, Артур, — негромко произнёс он, — что же тебе пришлось продать, чтобы достать места в верхней ложе? Уверен, ты за весь свой дом столько бы не выручил.

Фадж, не слышавший этих слов, говорил:

— Люциус на днях сделал очень щедрое пожертвование больнице святого Мунго, где лечат магические травмы и болезни, Артур, так что здесь он в качестве моего гостя.

— Как… как мило! — промолвил мистер Уизли

с натянутой улыбкой.

Мистер Малфой задержал взгляд на Гермионе — та слегка покраснела, но решительно посмотрела в ответ. Гарри было доподлинно известно, что заставило губы Малфоя скривиться — Малфои кичились своей чистокровностью; другими словами, любого человека магловского происхождения считали второсортным. Однако в присутствии министра магии он не осмелился ничего сказать по этому поводу. Малфой насмешливо кивнул мистеру Уизли и продолжил путь к своим местам. Драко послал Гарри, Рону и Гермионе презрительный взгляд и уселся между отцом и матерью.

— Глисты с поволокой, — прошептал Рон, когда они с Гарри и Гермионой вновь повернулись к полю.

А в следующий момент в ложу ворвался Людо Бэгмен.

— Все готовы? — пророкотал он. Его лицо светилось, словно круг эдамского сыра, если только можно представить себе взволнованный сыр. — Министр, начинать?

— По твоей команде, Людо, — с удовольствием отвечал Фадж.

Бэгмен выхватил волшебную палочку, напра-

вил себе прямо на горло и приказал:

— *Сонорус!*

И с этого мгновения его голос превратился в громовой рёв, заполнивший до предела забитый стадион; этот голос раскатывался над ними, отдаваясь в каждом уголке трибун.

— Леди и джентльмены! Добро пожаловать! Добро пожаловать на финал четыреста двадцать второго Чемпионата мира по квиддичу!

Зрители разразились криками и аплодисментами. Развевались тысячи флагов, добавляя к шуму разноголосицу национальных гимнов. С гигантского табло напротив сгинуло последнее объявление — Берти Боттс ещё успел посулить небывалые ощущения от каждой конфетки своего драже, — и зажглись слова:

БОЛГАРИЯ — НОЛЬ, ИРЛАНДИЯ — НОЛЬ.

— А теперь без долгих предисловий позвольте представить вам… Талисманы болгарской сборной!

Правая часть трибун — сплошь в красных флагах — одобряюще заревела.

— Интересно, что же они привезли? — пробормотал мистер Уизли, наклоняясь вперёд. — А-а-а-

а! — Он спешно сдёрнул с себя очки и принялся протирать их. — Вейлы!

— А что это за ве…

Но ответ на свой вопрос Гарри уже видел на арене — на неё выбежала сотня женщин — самых прекрасных женщин, каких Гарри только приходилось видеть… Настолько прекрасных, что, кажется, они не были, не могли быть просто людьми. На какой-то момент Гарри был поставлен в тупик, ломая голову над вопросом: «Кто же они такие? Какая сила заставляет их кожу сиять лунным светом, а золотые волосы струиться за ними в неосязаемом ветре?» Но вот грянула музыка, и Гарри разом перестало волновать, что они нелюди. Собственно говоря, его вообще перестало что-либо волновать.

Вейлы пустились в пляс, и разум Гарри одним махом абсолютно и блаженно опустел. Главное, что он смотрит и смотрит на танцующих вейл, а если они перестанут танцевать, неминуемо произойдёт нечто ужасное.

А вейлы отплясывали всё быстрее, всё зажигательней, и дикие, бесформенные образы закружились в распалённом мозгу Гарри. Ему захотелось совершить что-то неописуемое, небывалое — и прямо сейчас… Может, выпрыгнуть из

ложи на арену? Неплохая идея… Или придумать что-нибудь покруче?

— Гарри, что ты делаешь? — донёсся откуда-то издалека голос Гермионы.

Музыка остановилась. Гарри заморгал. Он стоял, перебросив ногу через барьер ложи. В шаге от него Рон замер в такой позе, словно собрался прыгать с трамплина.

Трибуны взорвались недовольными криками — зрители не хотели отпускать вейл, и Гарри был на их стороне — разумеется, он болел за Болгарию и недоумевал, почему к его груди приколот большой зелёный трилистник. Рон тем временем рассеянно обрывал клевер со своей шляпы. Мистер Уизли, чуть улыбаясь, склонился к нему и забрал шляпу из его рук.

— Это тебе ещё понадобится, — заметил он, — как только ирландцы скажут своё слово.

— М-м-м… — промычал Рон, таращась на красавиц вейл, которые теперь выстроились вдоль одной из сторон поля.

Гермиона, негодующе фыркнув, поднялась и втащила Гарри обратно на место, пробормотав:

— Ну что такое, в самом деле.

— А теперь, — загрохотал голос Людо Бэгмена, — в знак приветствия поднимем наши

волшебные палочки… Перед нами талисманы сборной Ирландии!

В следующую секунду нечто похожее на громадную зелёно-золотую комету влетело на стадион. Сделав круг, она распалась на две поменьше, каждая из которых со свистом понеслась к голевым шестам. Связывая два пылающих шара, над полем неожиданно аркой встала радуга.

Бесчисленные зрители дружно издали громогласное «о-о-о-ох» и «а-а-а-ах», глядя на этот фейерверк. Радуга угасла, светящиеся шары вновь соединились и слились, образовав на этот раз исполинский мерцающий трилистник, который взмыл в небо, завис над стадионом, и из него хлынуло нечто наподобие золотого дождя.

— Классно! — воскликнул Рон, когда трилистник воспарил над их головами и из него посыпались тяжёлые золотые монеты, отскакивая от кресел.

Присмотревшись, Гарри разобрал, что летающее чудо составляли тысячи крохотных бородатых человечков в красных камзолах, каждый из которых нёс по маленькой золотой или зелёной лампе.

— Лепреконы! — попытался перекричать громовые аплодисменты толпы мистер Уизли;

многие ещё рыскали и толкались под креслами, собирая золото.

— Это тебе! — радостно пропыхтел Рон, насыпая Гарри полные ладони золотых монет. — За омнинокль! Теперь тебе придётся делать мне рождественский подарок, ха!

Величественный трилистник распался, лепреконы опустились на поле — на противоположную сторону от вейл — и, скрестив ноги, расселись, чтобы смотреть матч.

— А теперь, леди и джентльмены, поприветствуем — болгарская национальная сборная по квиддичу! Представляю вам — Димитров!

Фигура в красных одеждах, на метле, двигающаяся с такой быстротой, что казалась размытой, вылетела на поле из дальнего нижнего входа под сумасшедшие аплодисменты болгарских болельщиков.

— Иванова!

Подлетел второй игрок в красной мантии.

— Зогров! Левски! Волчанов! Волков! И-и-и-и-и-и — Крам!

— Вот он, вот он! — завопил Рон, уставившись на Крама в омнинокль.

Гарри, торопясь, настроил свой.

Виктор Крам был худым, темноволосым, с

лицом землистого цвета, внушительным крючковатым носом и густыми чёрными бровями. Он походил на большую хищную птицу. С трудом верилось, что ему всего восемнадцать.

— А сейчас, прошу вас, встречаем ирландскую национальную сборную! — надсаживался Бэгмен. — Представляю: Конолли! Райан! Трой! Маллет! Моран! Куигли! И-и-и-и-и — Линч!

Семь зелёных вихрей вырвались на поле. Гарри лихорадочно крутил регулятор на боку своего омнинокля и замедлил движение игроков до такой степени, что мог прочитать слова «Молния» на каждом помеле и видеть их имена, серебром вышитые на спинах.

— А также из самого Египта — наш судья, почётный председатель Международной ассоциации квиддича, Хасан Мустафа!

Маленький и тощий волшебник, совершенно лысый, но зато с усами, которым позавидовал бы даже дядя Вернон, одетый в мантию цвета чистого золота под стать стадиону, вышел на поле. В одной руке он нёс солидных размеров плетёную корзину, в другой — метлу, из-под усов торчал серебряный свисток. Гарри вернул скоростной регулятор омнинокля к норме и внимательно наблюдал, как Мустафа взобрался на метлу и

откинул крышку корзины — в воздух взвились четыре шара: малиновый квоффл, два чёрных бладжера и — Гарри увидел его на краткий миг, прежде чем он скрылся из глаз — крошечный крылатый золотой снитч. Пронзительно свистнув, Мустафа взлетел вслед за шарами.

— На-а-а-ачинаем! — взвыл Бэгмен. — Это Маллет! Трой! Моран! Димитров! Снова Маллет! Трой! Левски! Моран!

Такого квиддича Гарри ещё не видел. Он с такой силой прижимал омнинокль к глазам, что очки врезались в переносицу. Скорость игроков была невероятной — охотники перебрасывали друг другу квоффл так быстро, что Бэгмен едва успевал называть их имена. Гарри снова включил замедлитель на своём омнинокле, нажал кнопку «синхронный комментарий», и с этой минуты видел всё в замедленном темпе, в линзах вспыхивали ярко-лиловые надписи, а шум толпы сотрясал ему барабанные перепонки.

Атакующая схема «Голова ястреба», — прочитал он, глядя, как три ирландских охотника пролетают плечом к плечу — в центре, чуть впереди Трой, справа и слева Маллет и Моран, — преодолевая защиту болгар. «Финт Порскова» — загорелся следующий комментарий, когда

Трой сделал вид, будто собирался рвануться что было сил наверх, отвлекая болгарского охотника Иванову, а сам швырнул квоффл вниз, Моран. Один из болгарских загонщиков, Волков, поравнявшись с бладжером, с молодецкого размаха своей небольшой битой выбил его прямо перед Моран. Та, уклоняясь от бладжера, взяла круто вниз и выронила квоффл, а Левски, шедший ниже, подхватил его.

— Трой открывает счёт! — взревел Бэгмен, и стадион задрожал от грома оваций и криков восторга. — Десять — ноль в пользу Ирландии!

— Что? — удивился Гарри, растерянно озираясь сквозь омнинокль. — Но ведь квоффл поймал Левски!

— Гарри, если ты не будешь смотреть на нормальной скорости, много чего пропустишь! — прокричала Гермиона, приплясывая на месте и махая руками, в то время как Трой делал по полю круг почёта.

Гарри торопливо взглянул поверх омнинокля и увидел, что лепреконы, наблюдавшие за игрой из-за боковой линии, вновь поднялись в воздух и образовали гигантский мерцающий трилистник. С другой стороны арены на них мрачно смотрели вейлы.

Злясь на самого себя, Гарри прокрутил регулятор скорости до обычного режима; игра возобновилась.

Гарри достаточно разбирался в квиддиче, чтобы оценить великолепие ирландских охотников. Они действовали как единое целое и, похоже, читали мысли друг друга, перестраиваясь в воздухе; розетка на груди Гарри непрерывно выкрикивала их имена: «Трой — Маллет — Моран!». В течение десяти минут Ирландия забила ещё дважды, упрочив своё лидерство до тридцати — ноль, чем вызвала шквал оглушительного рёва и аплодисментов со стороны украшенных зелёным болельщиков.

Игра пошла ещё быстрее, но стала жёстче. Волков и Волчанов, болгарские загонщики, лупили по бладжерам со всей свирепостью, целя в ирландских охотников, и старались помешать им применить их коронные приёмы; два раза болгары были отброшены, но вот наконец Иванова сумела прорвать оборону противника, обыграла вратаря Райана и забила первый болгарский гол.

— Заткните уши пальцами! — рявкнул мистер Уизли, когда вейлы вновь затанцевали, отмечая такую радость.

Гарри ещё вдобавок закрыл глаза — он хо-

тел сохранить ясное сознание для игры. Спустя несколько секунд он отважился взглянуть на поле — вейлы уже остановились и Болгария вновь владела квоффлом.

— Димитров! Левски! Димитров! Иванова! Вот это да! — кричал Бэгмен.

Сто тысяч волшебников и колдуний затаили дыхание, когда двое ловцов — Крам и Линч — спикировали прямо через кучу охотников на такой скорости, что, казалось, они просто спрыгнули с самолёта без парашютов. Гарри следил за их полётом в омнинокль, пытаясь разглядеть, где же снитч…

— Они разобьются! — ахнула Гермиона.

Она оказалась почти права — в самую последнюю секунду Виктор Крам вышел из пике и отвернул прочь, однако Линч ударился о землю с глухим стуком, слышным по всему стадиону. С ирландских трибун раздался чудовищный стон.

— Вот дурачок! — покачал головой мистер Уизли. — Это же был обманный ход Крама!

— Тайм-аут! — объявил Бэгмен. — Подождём, пока прибывшие на поле медики обследуют Эйдана Линча!

— С ним всё будет в порядке, он только слегка зацепил землю! — Чарли успокаивал Джинни,

которая испуганно высунулась за барьер ложи. — Чего Крам, собственно, и добивался…

Гарри поспешно нажал кнопки «повтора» и «синхронного комментария» на омнинокле и припал к окулярам. Крам и Линч уже замедленно вновь пикировали на поле. Поверх изображения вспыхнул комментарий: «Финт Вронского — опасное отвлечение ловца». Перед ним было лицо Крама, искажённое от напряжения, когда он точно в нужный миг вышел из падения, в то время как Линч врезался в покрытие. Гарри понял — Крам вовсе и не гнался за снитчем, он просто хотел заставить Линча последовать за собой. Гарри в жизни не видел, чтобы кто-нибудь так летал — можно было подумать, что Краму совсем и не нужна метла. В воздухе он двигался с такой лёгкостью, будто не нуждался ни в какой поддержке и ничего не весил. Гарри перевёл омнинокль в стандартный режим и направил его на Крама. Тот кружил высоко над Линчем, которого приводили в чувство медики со склянками зелий. Гарри сфокусировал картинку на лице Крама — его тёмные глаза быстро обегали землю внизу, в ста футах под ним. Пока Линч приходил в себя, Крам, пользуясь случаем, без помех отыскивал снитч.

Наконец Линч поднялся на ноги, к буйной радости бурлящих зелёным трибун, уселся на свою «Молнию» и оторвался от земли. Его воскрешение, похоже, вселило в ирландцев второе дыхание. Как только Мустафа дал свисток о продолжении игры, ирландские охотники бросились в бой, демонстрируя немыслимые чудеса мастерства.

Пятнадцать минут пролетели в жарких схватках, и Ирландия вырвалась вперёд ещё на десять голов — теперь они вели со счётом сто тридцать — десять, и игра стала откровенно грязной.

Когда Маллет в очередной раз помчалась к голевым шестам, крепко прижимая к себе квоффл, болгарский вратарь Зогров рванулся ей навстречу. Всё произошло настолько быстро, что Гарри не успел ничего уловить, но дружный вопль гнева ирландских болельщиков и долгий, пронзительный свисток Мустафы возвестили о нарушении правил.

— Мустафа разбирается с болгарским вратарём относительно нанесения удара — запрещённый толчок локтем! — сообщил Бэгмен распалённым зрителям. — Так… Да, Ирландия пробьёт пенальти!

Лепреконы, в злости поднявшиеся в воздух,

словно рой сверкающих ос, когда Маллет была неправильно атакована, теперь, слетевшись вместе, образовали слова: «ХА-ХА-ХА». На другой стороне поля прелестницы вейлы разом вскочили на ноги, яростно распушили волосы и вновь с жаром заплясали.

Все Уизли и Гарри, как один, заткнули уши пальцами, но Гермиона, которую всё это не задевало, вскоре подёргала Гарри за руку. Он повернулся к ней, и она нетерпеливо вытащила его пальцы из ушей, покатываясь со смеху:

— Посмотри на судью!

Гарри посмотрел вниз, на поле. Хасан Мустафа приземлился прямо перед танцующими вейлами и вытворял действительно что-то очень странное — картинно напрягал мышцы и залихватски подкручивал усы.

— Так, это уже чересчур! — заявил Бэгмен, хотя в его голосе звучало изрядное веселье. — Кто-нибудь, тряхните судью!

Врач-волшебник, заткнув пальцами уши, стремглав промчался через поле и с силой пнул Мустафу в голень. Судья как будто пришёл в себя — в омнинокль Гарри видел, что он выглядит до крайней степени смущённым и что-то кричит на девушек, которые прервали танец и всем своим

видом выражают негодование.

— Если я не слишком ошибаюсь, Мустафа пытается удалить с поля талисманы болгарской команды! — комментировал Бэгмен. — Такого мы еще не видели… Ох, это может принять плохой оборот…

И верно, болгарские загонщики, Волков и Волчанов, приземлившись по обе стороны от Мустафы, затеяли с ним ожесточенный спор, указывая на лепреконов, которые теперь радостно сгруппировались в слова «ХИ-ХИ-ХИ». Болгарские аргументы, однако, не произвели впечатления на Мустафу — он тыкал пальцем в небо, явно приказывая им вновь подняться в воздух, и, когда они отказались, дал две короткие трели из своего свистка.

— Ирландия пробивает уже два пенальти! — гаркнул Бэгмен, и болгарские трибуны отчаянно взвыли. — А Волкову и Волчанову лучше бы вернуться к своим метлам… Да… они улетают… а Трой берет квоффл…

Теперь уровень жестокости в матче перешагнул все пределы. Загонщики обеих команд действовали без всякой жалости — Волков и Волчанов особенно усердствовали, неистово молотя битами и не разбирая, бладжер или человек

попался им под удар. Димитров налетел прямо на Моран, которая владела квоффлом, и едва не сбил ее с метлы.

— Нарушение! — разом взревели ирландские болельщики, поднявшись единой зеленой волной.

— Нарушение правил, — эхом отозвался магически усиленный голос Бэгмена. — Димитров толкает Моран — умышленный толчок с налета, — сейчас должно быть еще одно пенальти… Да, звучит свисток!

Лепреконы опять взвились в небо и на сей раз изобразили гигантскую руку, делавшую очень неприличный жест в направлении вейл. Но те уже окончательно вышли из себя. Они бросились через поле и принялись швырять в лепреконов горстями что-то огненное. Глядя в омнинокль, Гарри отметил, что теперь-то вейлы отнюдь не казались потусторонне-прекрасными, напротив, их лица вытянулись в остроклювые, злобные птичьи головы, а из плеч прорезались чешуйчатые крылья.

— Вот поэтому, мальчики, — закричал мистер Уизли, перекрывая рев толпы внизу, — никогда не гонитесь за одной лишь внешностью!

Волшебники Министерства высыпали на

арену, чтобы разнять сцепившихся вейл и лепреконов, но куда там! Впрочем, сражение на поле было сущим пустяком по сравнению с тем, что творилось в воздухе. Подняв голову и приникнув к омниноклю, Гарри увидел, как квоффл пулей перелетает из рук в руки.

— Левски… Димитров… Моран… Трой… Маллет… Иванова… снова Моран… Моран… Моран… МОРАН ЗАБИВАЕТ ГОЛ!

Однако ликующие возгласы ирландских болельщиков были едва слышны за воплями вейл, которых теперь бомбили из своих волшебных палочек сотрудники Министерства, и криками разъяренных болгар. Игра немедленно продолжилась — квоффлом завладел Левски, за ним — Димитров.

Ирландский загонщик Куигли, круто развернувшись у пролетавшего бладжера, мощнейшим, как из пушки, броском направил его прямо в Крама — тот не успел вовремя нагнуться и получил удар в лицо.

Весь стадион протяжно охнул. По-видимому, у Крама был сломан нос, он был весь в крови, но Хасан Мустафа не давал свистка. Ему было не до того, и Гарри его не винил — какая-то вейла метнула в него пригоршню огня и подожгла су-

дейскую метлу.

Гарри разволновался. Никто не обращал внимания на то, что Крам травмирован. Пусть даже он и болел за Ирландию, все равно Крам был самым потрясающим игроком на поле. Рона явно обуревали те же чувства:

— Тайм-аут! Эй, там, он не может играть в таком состоянии, посмотрите на него…

— Взгляни на Линча! — закричал Гарри. Ирландский ловец внезапно перешел в пике, и Гарри был совершенно уверен, что это не финт Вронского; на этот раз все было по-настоящему…

— Он увидел снитч! Он видит его! Следи за ним!

Не менее половины зрителей сообразили, что происходит; ирландские болельщики встали зелёной стеной, подбадривая своего ловца, но Крам уже завис у него на хвосте. Как он разбирал, куда лететь, Гарри не представлял, мельчайшие капли крови шлейфом отмечали в воздухе его след, он поравнялся с Линчем, и вот уже оба вновь несутся к земле.

— Они разобьются! — взвизгнула Гермиона.

— Нет! — прокричал Рон.

— Линч может! — воскликнул Гарри.

Он был прав: во второй раз Линч грохнулся

о землю со страшной силой и тут же исчез под ордой разбушевавшихся вейл.

— Снитч, где снитч? — на всю ложу заорал Чарли.

— Он поймал его! Крам его поймал! Всё кончено! — воскликнул Гарри.

Крам, в красной, пропитанной кровью мантии, неторопливо поднялся в воздух — в его высоко поднятой руке искрилось золото.

На табло зажёгся счёт: БОЛГАРИЯ — СТО ШЕСТЬДЕСЯТ, ИРЛАНДИЯ — СТО СЕМЬДЕСЯТ. До зрителей не сразу дошла суть произошедшего. Но затем постепенно, будто неимоверной величины нарастающий поток, гул на трибунах ирландских болельщиков становился всё громче, громче и взорвался громовым воплем ликования.

— ИРЛАНДИЯ ПОБЕДИЛА! — надрывался Бэгмен, который, как и ирландцы, был захвачен врасплох неожиданным окончанием матча. — КРАМ ЛОВИТ СНИТЧ, НО ПОБЕЖДАЕТ ИРЛАНДИЯ! Бог ты мой, кто мог такое ожидать!

— На кой ему понадобилось ловить снитч? — кричал Рон, прыгая и хлопая в ладоши над головой. — Остановить матч, когда ирландцы были на сто шестьдесят очков впереди, вот болван!

— Он знал, что им никогда не догнать Ир-

ландию, — ответил Гарри сквозь шум, тоже аплодируя изо всех сил. — Ирландские охотники слишком хороши… он хотел закончить матч на своих условиях, вот и всё…

— Он очень мужественно себя вёл, верно? — сказала Гермиона, склоняясь через барьер, чтобы лучше видеть, как садится Крам. Целая толпа врачей пробивалась к нему через свалку дерущихся вейл и лепреконов. — У него ужасный вид…

Гарри снова приставил омнинокль к глазам. Было очень трудно рассмотреть, что происходит внизу, поскольку над всем полем в безумной радости носились лепреконы, но ему удалось различить Крама, окружённого медиками. Он выглядел ещё более хмурым, чем когда-либо, и неохотно позволял врачам заняться собой. Вся команда собралась тут же явно в подавленном настроении, они невесело пожимали друг другу руки. А неподалёку ирландские игроки плясали от радости, осыпаемые золотом слетевшихся к ним бородатых талисманов; по всему стадиону развевались флаги, отовсюду гремел ирландский гимн. Вейлы опять вернулись к своему прежнему очаровательному облику, но вид у них был удручённый и печальный.

— Что ж, они храбро сражались, — послышался

мрачный голос позади Гарри. Он оглянулся — это был болгарский министр магии.

— Вы говорите по-английски! — возмущённо воскликнул Фадж. — И вы весь день смотрели, как я объясняюсь жестами!

— Ну, это было очень забавно, — пожал плечами болгарин.

— Ирландская сборная выполняет круг почёта в сопровождении своих талисманов, а Кубок мира по квиддичу вносят в верхнюю ложу! — объявил Бэгмен.

В глаза Гарри ударил слепящий магический свет, заливший ложу так, чтобы со всех трибун было видно, что происходит внутри. Прищурившись, он увидел двух взмокших волшебников — они внесли увесистую золотую чашу, которую и передали Корнелиусу Фаджу, всё ещё рассерженному из-за того, что весь день понапрасну растрачивал свои способности на язык жестов.

— Давайте громко поаплодируем доблестным проигравшим — Болгарии! — громогласно предложил Бэгмен.

И вот в верхнюю ложу по лестнице поднялись семеро потерпевших поражение болгарских игроков. На трибунах прокатилась волна благодарных рукоплесканий; Гарри видел блеск и

мерцание тысяч и тысяч объективов омниоклей, направленных на спортсменов. Болгары один за другим проходили между рядами кресел, Бэгмен называл имя каждого, и сначала им пожимал руку их министр, а затем — Фадж. Крам, шедший последним, выглядел очень неважно: вокруг глаз залегли чёрные тени, на лице запеклась кровь; он всё ещё сжимал снитч. Гарри обратил внимание, что на земле он чувствует себя гораздо неуверенней. У Крама было плоскостопие, и он заметно сутулился. Но стоило прозвучать его имени, как весь стадион разразился громоподобным, разрывающим уши рёвом.

Потом появилась ирландская команда. Эйдана Линча вели под руки Моран и Конолли; второе падение явно не прошло для него бесследно, парень основательно окосел, но всё равно улыбался от счастья, когда Трой и Куигли высоко подняли Кубок, а трибуны под ними бушевали от восторга. У Гарри от хлопанья онемели руки. И наконец, когда ирландская сборная покинула ложу, чтобы сделать ещё один круг почёта на своих мётлах (Эйдан Линч сидел позади Конолли, крепко обхватив его за талию и по-прежнему ошалело улыбаясь), Бэгмен направил волшебную палочку на собственное горло и произнёс:

— *Квиетус!* Они будут обсуждать это годами, — прохрипел он. — Вот уж действительно неожиданный поворот… Жаль, что так быстро закончилось… Ах да… я же вам должен… сколько там?

Фред и Джордж перелезли через кресла и уже стояли перед Людо Бэгменом с радостными улыбками и протянутыми руками.

Глава 9
Чёрная Метка

— Не рассказывайте маме о том, что вы делали ставки, — попросил мистер Уизли Фреда и Джорджа, когда они спускались по пурпурно-ковровым ступенькам.

— Не беспокойся, пап, — лучезарно улыбаясь, заверил его Фред. — У нас большие планы насчёт этих денег, и мы не хотим, чтобы у нас их отобрали.

Казалось, в какую-то секунду мистер Уизли уже собирался спросить, что же это за большие планы, но затем, похоже, решил, что лучше этого не знать.

Они скоро присоединились к толпам, которые теперь выходили со стадиона и отправлялись к своим палаткам. Фонари освещали путь, в ночном воздухе разносилось нестройное пение, а над их головами проносились лепреконы, гогоча и размахивая лампами. Когда вся компания в конце концов добралась до палаток, спать никому не хотелось и, оценив разгул веселья вокруг, мистер Уизли согласился, что можно выпить

по последней чашке какао перед отбоем. Все с упоением заспорили о матче. Мистер Уизли полемизировал с Чарли о способах нанесения ударов; и продолжалось это до тех пор, пока Джинни не уснула прямо за переносным столиком, разлив какао по полу. Тут уж мистер Уизли велел всем заканчивать словесные баталии и ложиться спать. Гермиона и Джинни ушли в свою палатку, а Гарри и остальные Уизли облачились в пижамы и забрались в свои походные кровати. Из каждого уголка лагеря слышались удалые песни и подозрительные гулкие удары.

— Ох, до чего же я рад, что не на дежурстве! — сонно пробормотал мистер Уизли. — Представить не могу, каково это — ходить и уговаривать ирландцев, чтобы они заканчивали праздновать…

Гарри, занимавший верхний ярус над Роном, лежал, глядя в брезентовый потолок, наблюдая за огоньками ламп случайно пролетающих в вышине лепреконов и вновь воскрешая в памяти наиболее впечатляющие проходы Крама. Гарри не терпелось сесть на собственную «Молнию» и попробовать финт Вронского… Почему-то Оливер Вуд ни на одной из своих ползающих схем никогда не изображал, как этот финт должен выглядеть… Он уже видел себя в мантии с именем

на спине, слышал восторженный рёв стотысячной толпы, когда голос Людо Бэгмена прокатится по стадиону: «И вот на поле… По-о-оттер!»

Гарри так и не понял, задремал он или нет — фантазии о том, что он летает, как Крам, незаметно перешли в настоящие сны. Вдруг до него дошло, что он слышит крик мистера Уизли:

— Вставайте! Рон, Гарри, подъём, скорее!

Гарри поспешно сел, задев головой брезент.

— Что… что случилось?

Впрочем, к нему самому уже пришло смутное чувство, будто что-то не так. Звуки в лагере изменились — пения больше не было слышно, доносились тревожные крики и шум беготни.

Гарри спрыгнул на пол со своей верхотуры и кинулся было к одежде, но мистер Уизли, уже натянувший джинсы прямо поверх пижамы, сказал:

— Некогда, Гарри, бери куртку и бегом наружу — быстро!

Гарри поступил, как ему было сказано, и выскочил из палатки, Рон — по пятам за ним.

В свете немногих ещё горевших костров они увидели людей, убегающих в лес от чего-то, что двигалось к ним через поле, выпуская странные огни и гремя чем-то наподобие выстрелов. До

друзей донеслись громкий издевательский смех и хмельные выкрики, затем последовала мощная вспышка зелёного света, осветившая всю сцену.

Плотная толпа волшебников с поднятыми волшебными палочками медленно двигалась по полю. Гарри присмотрелся — ему показалось, что у них не было лиц, но тут он разобрал, что их головы были скрыты капюшонами, а лица — масками. В воздухе высоко над ними бились четыре фигуры, корчившиеся в невероятных положениях. Можно было подумать, что волшебники в масках были кукловодами, а люди над ними — марионетками, управляемыми невидимыми нитями, которые поднимались в небо из волшебных палочек. Две из этих фигур были очень малы.

Новые волшебники, присоединяющиеся к марширующей группе, хохотали, указывая на извивающиеся в небе тела. Палатки сминались и падали под наступающими шеренгами. Раз или два Гарри видел, как кто-то из марширующих сносил волшебной палочкой тенты у себя на пути; некоторые загорались, и крики усиливались.

Одна из горящих палаток неожиданно осветила людей наверху, и Гарри узнал одного — мистера Робертса, управляющего лагерем. Остальные

трое, судя по всему, были его жена и дети. Один из шедших в строю своей волшебной палочкой перевернул миссис Робертс вверх ногами; её ночная рубашка слетела вниз, открыв взорам необъятные панталоны, она силилась прикрыться, как могла, а толпа внизу вопила и улюлюкала.

— Это безумие, — пробормотал Рон, глядя, как малыша-магла закрутило волчком в шестидесяти футах над землёй, его голова безжизненно болталась из стороны в сторону. — Это настоящее безумие…

Выбежали Гермиона и Джинни, набрасывая куртки поверх пижам, и за ними мистер Уизли. В ту же минуту из палатки мальчишек появились Билл, Чарли и Перси, полностью одетые, с закатанными рукавами и волшебными палочками наготове.

— Мы поможем министерским дежурным! — закричал, перекрывая гвалт, мистер Уизли, тоже закатывая рукава. — Вы все — давайте в лес и держитесь вместе. Я приду за вами, как только мы с этим разберёмся.

Билл, Чарли и Перси уже бежали к наступающей колонне, мистер Уизли бросился следом. Со всех сторон к источнику неприятностей мчались сотрудники Министерства. Бесчинствующая

толпа подступила совсем близко.

— Давайте! — Фред схватил Джинни за руку и потащил её в лес.

Гарри, Рон, Гермиона и Джордж кинулись за ними. Добежав до деревьев, они оглянулись. Толпа стала больше; было видно, как министерские волшебники пытаются пробиться к центру, к людям в капюшонах, но им приходится туго; похоже, они опасались пустить в ход заклинания — семья Робертсов могла упасть.

Разноцветные фонарики, освещавшие путь к стадиону, погасли; тёмные силуэты потерянно бродили между деревьями, дети плакали, тревожные восклицания и панические голоса эхом отдавались в холодном ночном воздухе. Гарри чувствовал, как его толкают со всех сторон люди, чьих лиц он даже не мог различить. Тут он услышал, как Рон охнул от боли.

— Что случилось? — обеспокоенно спросила Гермиона, останавливаясь так резко, что Гарри налетел на неё. — Рон, где ты там? Ох, глупость какая. *Люмос!*

Она зажгла волшебную палочку и направила узкий луч света через дорогу — Рон лежал, растянувшись на земле.

— Споткнулся о корень, — сердито пробурчал

он, вновь поднимаясь на ноги.

— Ну, с ногами такого размера это немудрено, — произнёс голос сзади, манерно растягивая слова.

Гарри, Рон и Гермиона круто обернулись. В двух шагах от них, прислонясь к дереву, с абсолютно безмятежным видом стоял Драко Малфой. Скрестив руки на груди, он наблюдал за событиями в лагере сквозь прогалину в деревьях.

Рон от души и в простых словах дал Малфою совет, на который никогда бы не осмелился в присутствии мистера Уизли.

— Выбирай выражения, Уизли. — Светло-голубые глаза Малфоя сверкнули. — Не лучше ли вам убраться отсюда? Тебе не понравится, если заметят её, верно?

Он кивнул на Гермиону, и в тот же момент со стороны поля послышался грохот, словно взорвалась бомба, и вспышка зелёного света на мгновение озарила деревья вокруг.

— И что это должно значить? — с вызовом спросила Гермиона.

— Грэйнджер, они ищут маглов, — ответил Малфой. — Не хочешь похвалиться своими панталонами между небом и землёй? Если не против, составь компанию вон тем, они как раз движутся сюда, а мы все дружно повеселимся.

— Гермиона — колдунья, — огрызнулся Гарри.

— Думай себе что хочешь, Поттер, — злобно улыбнулся Малфой. — Если полагаешь, что они не отличат грязнокровок, оставайся стоять, где стоишь.

— Придержи язык! — рявкнул Рон.

Все присутствующие знали, что «грязнокровки» — крайне оскорбительное название колдуньи или волшебника магловского происхождения.

— Не обращай внимания, Рон, — спешно сказала Гермиона, хватая Рона за руку — тот уже шагнул к Малфою.

Тут с другого края леса раздался грохот, какого они ещё не слышали; некоторые вокруг вскрикнули. Малфой подавил смешок.

— Легко пугаются, верно? — лениво протянул он. — Полагаю, твой папочка велел вам всем спрятаться? Кстати, он что — кинулся спасать маглов?

— А где твои родители? — воскликнул Гарри с нарастающим гневом. — Там, в масках, я не ошибаюсь?

Малфой повернулся к Гарри, по-прежнему улыбаясь.

— Ну… если бы они там и были, вряд ли бы я тебе сказал, согласись, Поттер.

— Ох, да бросьте, — проговорила Гермиона, с отвращением взглянув на Малфоя. — Пойдёмте отыщем остальных.

— Не высовывай свою лохматую голову, Грэйнджер, — ухмыльнулся Малфой.

— Пойдём, — повторила Гермиона и потащила Рона и Гарри к дороге.

— Готов поспорить на что угодно, его отец — один из той банды в масках! — с гневом заявил Рон.

— Ну, в любом случае люди из Министерства его схватят! — с неподдельным чувством заметила Гермиона. — Вот только не пойму, куда делись все остальные?

Фреда, Джорджа и Джинни нигде не было видно, хотя на дороге было полным-полно людей — все нервно оглядывались на охваченный смятением лагерь.

Неподалёку на дороге громко спорила кучка подростков в пижамах. Завидев Гарри, Рона и Гермиону, к ним обратилась девушка с пышными, вьющимися волосами, быстро заговорив:

— Ou est Madame Maxime? Nous l'avons perdue…

— Э-э-э… что? — растерялся Рон.

— О! — Девушка повернулась к нему спиной, и, уже отойдя, друзья отчётливо расслышали, как

она произнесла: — ’Огвартс…

— Шармбатон, — прошептала Гермиона.

— Что-что? — переспросил Гарри.

— Они, должно быть, из Шармбатона, — пояснила Гермиона. — Ну, Академия магии «Шармбатон»… Я читала о ней в «Обзоре магического образования в Европе».

— А… да… понятно.

— Фред и Джордж не могли уйти так далеко, — сказал Рон, зажигая вслед за Гермионой волшебную палочку и осматриваясь.

Гарри полез в карман куртки за своей палочкой и нашёл там только омнинокль.

— Ох, нет, быть не может… Я потерял свою волшебную палочку!

— Ты шутишь?

Рон и Гермиона подняли свои палочки повыше, чтобы осветить как можно больше земли под ногами, но палочки нигде не было видно. Рон покачал головой:

— Может, она осталась в палатке?

— Возможно, она выпала у тебя из кармана, когда мы бежали? — обеспокоенно предположила Гермиона.

— Да… — пробормотал Гарри. — Возможно…

Он ни разу не расставался с волшебной палоч-

кой за всё время пребывания в мире волшебников и вдруг почувствовал себя необычайно уязвимым, оказавшись без неё в самой гуще событий.

Прозвучавший рядом шорох заставил всех троих подскочить на месте. Это была Винки, домашний эльф, она с треском продиралась сквозь кусты невдалеке. Двигалась она в какой-то своеобразной манере — с явным затруднением, словно нечто невидимое не пускало её.

— Там плохие волшебники! — в смятении пищала она, наклоняясь вперёд в усилии не снижать темпа. — Люди высоко-высоко в воздухе! Винки уносит ноги прочь!

И она скрылась за деревьями на той стороне дороги, пища и пыхтя в борьбе с удерживающей её неведомой силой.

— Что это её так ломает? — Рон с любопытством посмотрел вслед. — Почему бы ей не бежать обычным способом?

— Держу пари, она не спросила разрешения спрятаться, — сказал Гарри. Он подумал о Добби — тот, стоило ему совершить что-то, что хоть чуточку не понравилось бы Малфоям, был вынужден наказывать себя отчаянным самобичеванием.

— Знаете, с домашними эльфами очень же-

стоко обращаются! — возмущённо произнесла Гермиона. — Это настоящее рабство, вот что это такое! Смотрите — мистер Крауч погнал её на верх стадиона, чего она до смерти боялась, теперь он наложил заклятие, и она даже убежать не могла, когда те начали топтать палатки! Почему никто ничего с этим не делает?

— Ну, так ведь домашние эльфы счастливы, — пожал плечами Рон. — Ты же слышала, что ответила старушка Винки на матче: «Домашним эльфам не положено веселиться» — значит, ей нравится, чтобы ею всё время и во всём командовали.

Гермиона сразу начала закипать.

— Вот такие люди, как ты, Рон, и поддерживают несправедливые, прогнившие порядки просто потому, что им лень что-то…

С опушки леса докатился грохот ещё одного взрыва.

— Давайте-ка двигаться дальше, вот что я скажу, — с тревогой перебил её Рон.

Возможно, Малфой говорил правду; возможно, Гермиона действительно была в большей опасности, чем они. Друзья вновь зашагали вперёд, Гарри машинально всё ещё шарил в карманах, хотя и понимал, что палочки там нет.

Тёмная дорога уводила их всё дальше в лес, и они по-прежнему высматривали Фреда, Джорджа и Джинни. Невдалеке компания гоблинов кудахтала над мешком золота, без сомнения, выигранного в тотализатор на матче, — вот кого совершенно не трогали безобразия, творящиеся в лагере. Ещё дальше, войдя в пятно серебряного света, они увидели трёх высоких вейл, во всём великолепии стоявших на прогалине в окружении юных волшебников, каждый из которых очень громко говорил.

— Я заработал около ста мешков галеонов за год, — разглагольствовал один из них. — Я ведь драконоборец и работаю на Комиссию по контролю за опасными существами.

— Да никакой ты не драконоборец! — кричал его приятель. — Ты посудомойщик в «Дырявом котле»… А вот я — охотник на вампиров, я их уже штук девяносто уложил…

Третий юнец, чьи прыщи были видны даже в тусклом серебристом свете, который излучали вейлы, тоже поторопился вступить в беседу:

— Я уже почти стал самым молодым из всех министров магии, какие только были…

Гарри фыркнул от смеха — он узнал этого прыщавого волшебника, его звали Стэн Шанпайк, и

на самом деле он работал кондуктором в трёхъярусном автобусе «Ночной рыцарь».

Гарри уже собрался сказать об этом Рону, но тот, сделав диковато-слабоумное лицо, крикнул собравшимся:

— А я рассказывал, что изобрёл метлу, которая летает до Юпитера?

— Да что же это такое! — опять возмутилась Гермиона, и они вместе с Гарри развернули Рона и увели прочь.

Звуки разговора вейл и их поклонников замолкли вдалеке, друзья уже находились в самом сердце леса. Казалось, они здесь одни, вокруг всё затихло. Гарри огляделся.

— Думаю, нам стоит подождать здесь — любого, кто подойдёт, мы услышим за милю.

Не успели эти слова слететь с его уст, как прямо перед ними из-за дерева появился Людо Бэгмен.

Даже в слабом свете двух волшебных палочек Гарри разглядел разительные перемены в его облике. Он больше не был жизнерадостным и розоволицым, и в походке не было бодрой упругости — Людо выглядел очень бледным и утомлённым.

— Кто это? — заговорил он, щурясь и стараясь рассмотреть их лица. — Что вы здесь делаете одни?

Друзья удивлённо переглянулись.

— Ну… там что-то вроде мятежа… — сказал Рон.

— Что? — уставился на него Бэгмен.

— Там, в лагере… какие-то люди захватили семью маглов…

— А, будь они неладны! — потрясённо выругался Бэгмен и, не сказав больше ни слова, трансгрессировал с негромким хлопком.

— Что-то мистер Бэгмен совсем никуда, как по-вашему? — нахмурилась Гермиона.

— Так или иначе, Людо был великим загонщиком, — ответил Рон. Сойдя с дороги на маленькую прогалину, он уселся на пятачок сухой травы возле дерева. — «Уимбурнские Осы» были чемпионами Лиги три раза подряд, пока он там играл.

Рон достал из кармана крошечную фигурку Крама и некоторое время наблюдал, как та ходит взад-вперёд. Подобно живому оригиналу, копия была слегка плоскостопа, сутулилась и на своих неуклюже-вывернутых ногах смотрелась куда менее впечатляюще, чем на метле в воздухе. Гарри прислушался к звукам, доносившимся из лагеря, — пока всё было тихо; возможно, погром закончился.

— Надеюсь, с остальными всё в порядке, — по-

молчав, произнесла Гермиона.

— С ними всё отлично, — отозвался Рон.

— Представь, если твой отец поймает Малфоя. — Гарри присел рядом с Роном, глядя, как миниатюрный Крам тяжёлой поступью расхаживает по палой листве. — Он всегда говорил, что ему хочется получить доказательства против него.

— Да уж, вот что стёрло бы ухмылку с рожи старины Драко, — кивнул Рон.

— А эти несчастные маглы? — взволнованно сказала Гермиона. — Что, если не удастся спустить их вниз?

— Наши справятся, — успокоил её Рон. — Найдут способ.

— Это же сумасшествие — устраивать такое, когда этой ночью здесь всё Министерство магии! — кипятилась Гермиона. — Я хочу сказать, как они рассчитывали скрыться? Или перепились, или они просто…

Она неожиданно оборвала фразу и оглянулась. Гарри и Рон тоже поспешно огляделись вокруг. Судя по звукам, кто-то неуверенно брёл к их поляне, за тёмными деревьями слышался шорох нетвёрдых шагов. Потом шаги замерли.

— Эгей! — позвал Гарри.

Тишина. Гарри встал на ноги и вгляделся в чёрную стену спутанных ветвей. Было слишком темно, чтобы различить что-то на таком расстоянии, но он чувствовал, что там, в глубине, куда не доставал его взгляд, кто-то есть.

— Кто там? — спросил он.

И тут, без всякого предупреждения, тишину разорвал голос, которого они ещё не слыхали в лесу, и издал он отнюдь не панический вопль, а выкрикнул нечто похожее на заклинание:

— *Мортмордре!*

Что-то громадное, зелёное, сверкающее вырвалось из того пятна мрака, в которое Гарри пытался проникнуть взглядом, оно пронеслось над верхушками деревьев и взлетело в небо.

— Что за… — охнул Рон, вскакивая на ноги и уставясь на появившуюся диковину.

На какую-то долю секунды Гарри подумалось, что это ещё одна композиция, выстроенная лепреконами, но тут он разобрал, что она изображала колоссальных размеров череп, образованный чем-то наподобие изумрудных звёзд, со змеёй, высунувшейся изо рта, словно язык. Пока друзья смотрели, сияющий оскал поднимался всё выше и выше, пылая в облаке зеленоватой дымки и выделяясь на чёрном небе, будто новое созвездие.

Лес вокруг взорвался криками. Гарри не понимал, в чём причина — неужели из-за черепа? Тот взлетел уже настолько высоко, что мог бы осветить весь лес, словно жуткая неоновая вывеска. Гарри поискал глазами того, кто своим колдовством создал этот череп, но никого не увидел.

— Эй, кто там? — позвал он снова.

— Гарри, давай, пошли! — Гермиона ухватила его за куртку и потащила назад.

— Да что случилось? — встревожился Гарри, увидев её бледное, испуганное лицо.

— Это Чёрная Метка, Гарри! — Гермиона волочила его за собой, насколько хватало сил. — Знак Сам-Знаешь-Кого!

— Волан-де-Морта?

— Гарри, скорее!

Гарри повернулся, Рон поспешно прибрал своего малютку-Крама, и все трое побежали через поляну. Но, прежде чем они успели сделать несколько торопливых шагов, послышалась целая серия хлопков, и человек двадцать волшебников, возникнув прямо из воздуха, окружили их.

Мгновенно обернувшись вокруг, Гарри был вынужден признать неприятный факт: каждый из этих волшебников уже держал в руках палоч-

ку, и все эти палочки были направлены на него, Рона и Гермиону. Не теряя времени, он заорал: «Ложись!», бросился на друзей и повалил их на землю.

— *Остолбеней!* — проревели двадцать голосов.

Ударила слепящая канонада вспышек, и Гарри почувствовал, что волосы у него на голове зашевелились, словно от порыва сильного ветра. Приподняв голову на четверть дюйма, он увидал над собой перекрещивающиеся огненно-красные трассы — они вылетали из волшебных палочек, ударялись о стволы деревьев и рикошетом уносились во тьму.

— Стой! — загремел знакомый голос. — Прекратите! Это мой сын!

Зловещий ветер перестал трепать волосы Гарри; он приподнял голову чуть выше. Стоявший перед ним волшебник опустил палочку. Гарри повернулся и увидел мистера Уизли, испуганно спешившего к ним.

— Рон… Гарри… — Его голос дрожал. — Гермиона… С вами всё в порядке?

— Отойди с дороги, Артур, — раздался холодный резкий голос.

Это был мистер Крауч. Он подошёл вместе с остальными волшебниками из Министерства.

Гарри поднялся ему навстречу. Лицо мистера Крауча окаменело от ярости.

— Кто из вас это сделал? — зарычал он. Его колючий взгляд обежал троих друзей. — Кто из вас наколдовал Чёрную Метку?

— Мы этого не делали! — выпалил Гарри.

— Мы вообще ничего не делали! — гневно добавил Рон, потирая локоть и с негодованием глядя на отца. — Почему вы на нас напали?

— Не лгите, сэр! — каркнул мистер Крауч. Его волшебная палочка по-прежнему смотрела на Рона, а глаза были выпучены — похоже, начальник Отдела сотрудничества был слегка не в себе. — Вас застигли на месте преступления!

— Барти, — шепнула колдунья в длинном шерстяном халате, — это же дети, Барти, они бы никогда такого не…

— Кто из вас троих видел, откуда появилась Чёрная Метка? — перебил её мистер Уизли.

— Вон оттуда, — с дрожью сказала Гермиона, указывая на то место, откуда они слышали голос. — Там кто-то был за деревьями… прокричал какие-то слова… какое-то заклинание…

— Так, значит, вон там он стоял, я правильно понял? — Выкаченные глаза мистера Крауча теперь впились в Гермиону, всё его лицо выражало

недоверие. — Значит, выкрикнул заклинание? Что-то, мисс, вы подозрительно много знаете о том, как появилась Метка.

Но, похоже, за исключением мистера Крауча, никто из министерских волшебников уже не верил сомнительному предположению, что это Гарри, Рон и Гермиона своим колдовством вызвали череп; напротив, после слов Гермионы они опять подняли волшебные палочки и прицелились в том направлении, которое она указала, вглядываясь в темноту за деревьями.

— Мы опоздали, — покачала головой колдунья в шерстяном халате. — Они уже трансгрессировали.

— Я так не думаю, — возразил волшебник с косматой каштановой бородой — это оказался Амос Диггори, отец Седрика. — Наши парализующие заклятия накрыли те деревья — вполне вероятно, что мы их достали.

— Амос, осторожно! — раздались тревожные голоса, когда мистер Диггори расправил плечи, поднял палочку, пересёк поляну и скрылся в темноте. Гермиона наблюдала за ним, прижав ладони ко рту.

Спустя несколько секунд из зарослей раздался возглас:

— Есть! Мы их взяли! Один здесь! Без сознания! Это… но… ах, чтоб тебя…

— Ты кого-то поймал? — недоверчиво отозвался мистер Крауч. — Кого? Кто это?

Хруст веток, шорох листьев, звук шагов — и мистер Диггори вновь появился из-за деревьев. В руках он нёс какое-то маленькое обмякшее тело. Гарри тотчас узнал приметное чайное полотенце. Это была Винки.

Мистер Крауч не шелохнулся и не проронил ни слова, когда мистер Диггори положил эльфа у его ног. Несколько мгновений он пребывал в оцепенении, по лицу разлилась страшная бледность, горящий взгляд был устремлён на Винки; затем к нему снова вернулось самообладание.

— Быть не может, — выдохнул он. — Нет…

Крауч обошёл мистера Диггори и быстрым шагом отправился к тому месту, где была найдена Винки.

— Без толку, мистер Крауч, — сказал ему вслед мистер Диггори. — Там больше никого нет.

Но мистер Крауч остался глух к его словам. Он принялся рыскать, шурша листьями, по кустам вокруг злополучной поляны.

— Н-да, щекотливая ситуация, — мрачно заметил мистер Диггори, поглядывая на неподвижную

фигуру Винки. — Домовой эльф Барти Крауча… То есть я хочу сказать…

— Прекрати, Амос, — негромко сказал мистер Уизли. — Не думаешь же ты в самом деле, что это был эльф. Чёрная Метка — дело рук волшебника. Для этого требуется волшебная палочка.

— Ну да, — ответил мистер Диггори, — у неё и была палочка.

— Что?

— Вот посмотри! — Мистер Диггори вынул и показал мистеру Уизли волшебную палочку. — Была у неё в руке. Так что вот уже для начала нарушение третьего пункта «Закона о применении волшебных палочек»: «Никаким нечеловеческим существам не разрешается ношение или использование волшебной палочки».

Тут последовал ещё один хлопок, и рядом с мистером Уизли трансгрессировал Людо Бэгмен. Запыхавшийся и растерянный, он задрал голову, таращась на изумрудно-зелёный череп.

— Чёрная Метка! — просипел он, вопрошающе повернувшись к коллегам, и едва не наступил на Винки. — Кто это сделал? Вы поймали их? Барти! Что происходит?

Мистер Крауч возвратился с пустыми руками. Лицо его всё ещё оставалось мертвенно-белым,

а руки и несравненные усы щёточкой подёргивались.

— Ты где был, Барти? — спросил Бэгмен. — Почему тебя не было на матче? Твой эльф занимал тебе место, сожри меня гаргулья! — Бэгмен наконец заметил Винки, лежавшую у его ног. — А с ней-то что?

— Я был занят, Людо, — мистер Крауч отвечал сквозь судорогу, едва шевеля губами, — а мой эльф оглушён заклятием.

— Оглушён? Вами оглушён? Но зачем?..

И тут на круглом блестящем лице Бэгмена проступила догадка — он вновь посмотрел вверх, на череп, потом вниз, на Винки, и затем на мистера Крауча.

— Нет! — воскликнул он. — Винки? Наколдовала Чёрную Метку? Да она не знает, как это делается! И для такого дела, как минимум, нужна палочка!

— Была у неё палочка, — проворчал мистер Диггори. — Я нашёл её с палочкой в руках. Если вы в порядке, мистер Крауч, думаю, нам стоит послушать, что она нам скажет.

Крауч даже бровью не повёл в знак того, что слышал мистера Диггори, но тот, очевидно, воспринял это молчание как согласие. Взяв свою

собственную палочку, он прикоснулся к Винки и произнёс:

— *Оживи!*

Винки слабо пошевелилась. Открыв громадные карие глаза, она ошеломлённо заморгала, дрожа и оглядывая молчащих волшебников, села, уставившись на сапоги мистера Диггори, потом медленно и боязливо подняла взгляд к его лицу и ещё медленней посмотрела в небо. Плывущий в вышине череп парно отразился в её остановившихся глазах. Винки тяжко вздохнула и разразилась бурными рыданиями.

— Эльф! — сурово произнёс мистер Диггори. — Ты знаешь, кто я такой? Я член Комиссии по регулированию и контролю за магическими существами!

Винки заёрзала по земле, прерывисто дыша. Гарри это сразу напомнило Добби — он точно так же вёл себя, совершив, по его мнению, какую-то провинность.

— Как видишь, эльф, здесь кто-то недавно наколдовал Чёрную Метку, — продолжал мистер Диггори. — А тебя обнаружили минуту спустя на этом самом месте! Объяснись, будь любезна!

— Я… я… я этого не делать, сэр! — воскликнула Винки. — Я не знать, как это делать, сэр!

— Тебя нашли с палочкой в руках! — рявкнул мистер Диггори, угрожающе потрясая перед ней обнаруженной уликой. На палочку упал зеленоватый свет, заливавший лес, и Гарри неожиданно узнал её.

— Ой, да это же моя! — охнул он.

Все, кто был на прогалине, повернулись к нему.

— Прошу прощения? — не веря своим ушам, спросил мистер Диггори.

— Это моя палочка! — объяснил Гарри. — Я где-то выронил её!

— Выронил? — с недоверием переспросил мистер Диггори. — Это что, признание? Ты её выбросил после того, как наколдовал Чёрную Метку?

— Амос, подумай, с кем ты разговариваешь! — сердито одёрнул его мистер Уизли. — Что, по-твоему, Гарри Поттер способен наколдовать Чёрную Метку?

— Э-э-э… конечно, нет, — промямлил мистер Диггори. — Извини… продолжай… Значит, ты выронил её…

— Да, но не здесь. — Гарри показал большим пальцем в сторону той самой купы деревьев, над которой завис череп. — Я хватился её, как только

мы вошли в лес.

— Итак… — Взгляд мистера Диггори снова ожесточился, едва он обратился к Винки, съёжившейся у его ног. — Ты нашла эту волшебную палочку, эльф? Ты её подобрала и задумала с ней поразвлечься, да?

— Я не делать магии с ней, сэр! — взвизгнула Винки, слёзы в два ручья обтекали её нос картошкой. — Я… моя… я просто подняла её, сэр! Я не делать Чёрная Метка, сэр, я не знать как!

— Это была не она! — заявила Гермиона. Она волновалась, обращаясь ко всем этим министерским волшебникам, но от этого говорила ещё решительней. — У Винки тихий писклявый голос, а тот, что произнёс заклинание, был гораздо сильнее! — Гермиона оглянулась за поддержкой к Гарри и Рону. — Он совсем не походил на голос Винки, ведь так?

— Так, — согласился Гарри. — Это определённо был не голос эльфа.

— Да, это был голос человека, — подтвердил Рон.

— Ладно, сейчас мы это выясним, — проворчал мистер Диггори — похоже, друзьям не удалось его убедить. — Очень просто выявить последнее заклинание, произведённое палочкой; эльф, тебе

об этом известно?

Винки задрожала и неистово затрясла головой, отчего её уши захлопали, как крылья, а мистер Диггори приставил свою волшебную палочку концом к концу к палочке Гарри.

— *Приор Инкантато!* — скомандовал он.

Чудовищный змееязыкий череп вырвался из места соединения палочек; Гермиона с ужасом втянула в себя воздух, однако это была лишь тень той зелёной громадины, что нависала над ними; этот череп был словно соткан из густого серого дыма — не более чем призрак ушедшего заклинания.

— *Делетриус!* — приказал мистер Диггори, и дымный череп растаял, как туманное облако. — Ну вот, — сказал мистер Диггори с ноткой свирепого торжества, глядя на судорожно трясущуюся Винки.

— Я не делать этого! — пропищала она, вращая от страха глазами. — Я — нет, моя — нет, я не знать как! Я хороший эльф, я не пользуйся палочка, я не знать как!

— Тебя взяли с поличным, эльф! — проревел мистер Диггори. — Поймали с орудием преступления в руках!

— Амос, — воззвал к его благоразумию мистер

Уизли, — ты вот о чём подумай — считанное число волшебников владеют этим заклинанием… ну где она могла ему выучиться?

— Может быть, Амос хочет нас убедить, — вдруг заговорил мистер Крауч с холодной злостью в голосе, — что я завёл порядок обучать своих слуг вызывать Чёрную Метку?

Воцарилось очень неприятное молчание. Амос Диггори, похоже, испугался:

— Мистер Крауч… да нет… вовсе нет…

— Ты готов обвинить тех, кто на этой поляне менее всего способен наколдовать Чёрную Метку, — Гарри Поттера и меня. Полагаю, ты знаком с историей этого мальчика?

— Конечно… это все знают… — пролепетал мистер Диггори, чувствуя себя до крайности неловко.

— И я надеюсь, ты помнишь, что за свою долгую карьеру я много раз доказывал, что ненавижу и презираю Тёмные искусства и тех, кто их практикует? — Глаза мистера Крауча снова полезли из орбит.

— Мистер Крауч, я… я никогда и не утверждал, что вы имеете к этому какое-то отношение! — пробормотал Амос Диггори, пунцово краснея за своей косматой бородой.

— Если ты обвиняешь моего эльфа, ты обвиняешь меня, Диггори! — не унимался мистер Крауч. — У кого ещё домовой эльф мог научиться колдовству?

— Она… она могла… да где угодно она могла этого нахвататься…

— Вот именно, Амос, — вмешался мистер Уизли. — «Она могла нахвататься где угодно»… Винки, — доброжелательно обратился он к эльфу, но та вздрогнула, будто он тоже закричал на неё, — где точно ты нашла палочку Гарри?

Винки так отчаянно крутила край своего чайного полотенца, что казалось, оно сейчас разорвётся под её пальцами.

— Я… я находить… находить её здесь, — прошептала она, — здесь… под деревьями, сэр…

— Видишь, Амос? Кто бы ни создал Чёрную Метку, он трансгрессировал сразу, как только закончил, а палочку бросил. Разумный ход — своя собственная могла бы его выдать. А Винки имела несчастье подобрать её мгновеньем позже.

— Но тогда, значит, она находилась в футе от настоящего преступника! — с нетерпением проговорил мистер Диггори. — Эльф! Ты кого-нибудь видела?

Винки затрясло ещё сильнее, чем прежде. Её

огромные глаза перебежали с мистера Диггори на Людо Бэгмена и дальше — на мистера Крауча. Она сглотнула и с трудом вымолвила:

— Я никого не видеть, сэр… никого…

— Амос, — отрывисто произнёс мистер Крауч, — я прекрасно понимаю, что ты должен установленным порядком забрать Винки к себе в отдел для допроса. Однако я прошу разрешить мне самому ею заняться.

Было ясно, что мистер Диггори не в восторге от подобного предложения, но отказать мистеру Краучу у него не хватало духу — тот был слишком видной персоной в Министерстве.

— Можешь быть совершенно спокоен — она будет наказана, — холодно добавил мистер Крауч.

— Х-х-хозяин, — запинаясь, пролепетала Винки, глядя на мистера Крауча снизу вверх, её глаза до краёв были наполнены слезами, — х-х-хозяин, пожалуйста…

Но лицо мистера Крауча каждой своей чёрточкой выражало непреклонную суровость, во взгляде не было ни капли сострадания.

— Сегодня вечером Винки повела себя так, как я считаю недопустимым, — медленно произнёс он. — Я велел ей оставаться в палатке, пока буду разбираться с неприятностями. Винки ослуша-

лась меня. Это значит, что она получит одежду.

— Нет! — истошно взвыла Винки, падая ниц. — Нет, хозяин! Не надо одежда, не надо одежда!

Гарри знал, что единственный способ освободить домового эльфа от его обязанностей — это подарить ему что-нибудь из настоящей одежды. Было жалко смотреть, как Винки вцепилась в своё полотенце, рыдая у ног мистера Крауча.

— Но она же боялась! — не выдержав, вспылила Гермиона. — Ваш эльф был напуган высотой и теми волшебниками в масках, которые подняли людей в воздух! Вы не можете винить её за то, что она хотела убежать от них!

Мистер Крауч отступил от Винки, как будто боялся испачкать об неё свои сверкающие ботинки.

— Мне не нужен домовой эльф, не исполняющий моих распоряжений, — процедил он ледяным тоном, глядя на Гермиону. — Я не нуждаюсь в слуге, который забывает о своём долге и не дорожит репутацией хозяина.

Винки рыдала с такой силой, что эти звуки эхом отдавались по всей поляне.

Наступило тягостное молчание. Нарушил его мистер Уизли, тихо сказавший:

— Ну, я, пожалуй, заберу свою команду и пойду

обратно в лагерь, если никто не возражает. Амос, эта палочка рассказала нам, что могла. Если можно вернуть её Гарри, то, пожалуйста…

Мистер Диггори протянул палочку Гарри, и тот убрал её в карман.

— Пойдёмте, — кивнул им мистер Уизли. Гермиона, однако, всё не могла тронуться с места — её взгляд был прикован к плачущему эльфу.

— Гермиона! — уже настойчивее позвал мистер Уизли. Гермиона повернулась и пошла с прогалины вслед за Роном и Гарри.

— Что будет с Винки? — спросила она, когда они вышли на дорогу.

— Не знаю, — ответил мистер Уизли.

— Но как они обращались с ней! — возмущалась Гермиона. — Мистер Диггори всё время называл её «эльф», а уж мистер Крауч! Он же знает, что она не виновата, и всё-таки хочет выгнать её! Его не заботит, что она была перепугана до смерти — это просто не по-человечески!

— Ну так она и не человек, — заметил Рон. Гермиона с гневом повернулась к нему:

— Это вовсе не значит, что у неё нет чувств, Рон, такой подход омерзителен…

— Гермиона, я согласен с тобой, — поспешил вмешаться мистер Уизли, — но сейчас не время

обсуждать права эльфов. Я хочу как можно скорее вернуться в палатку. Куда делись все остальные?

— Мы их потеряли в темноте, — отозвался Рон. — Пап, отчего все так разволновались из-за этого черепа?

Но мистер Уизли был слишком обеспокоен.

— Я всё объясню, когда мы вернёмся в палатку.

Однако у опушки леса им пришлось задержаться. Тут собралась целая толпа перепуганных волшебников и колдуний, многие из которых, завидев идущего к ним мистера Уизли, кинулись ему навстречу: «Что там творится?», «Кто это наколдовал?», «Артур, это… не ОН?».

— Разумеется, это не он, — устало отвечал мистер Уизли. — Неизвестно, кто это был, они трансгрессировали. А сейчас извините, я хочу пойти и лечь спать.

Вместе с Гарри, Роном и Гермионой он протиснулся сквозь толпу, и вся компания продолжила путь в лагерь. Здесь всё затихло, лишь дымились несколько сгоревших палаток.

Из домика мальчиков высунулась голова Чарли.

— Па, что там происходит? — раздался в темноте его голос. — Фред, Джордж и Джинни вернулись, а остальные…

— Я их привёл. — Мистер Уизли наклонился и влез в палатку, за ним Гарри, Рон и Гермиона.

Билл сидел за кухонным столиком, обмотав руку окровавленной простынёй; рубашка на Чарли была основательно разодрана, а Перси щеголял разбитым носом. Фред, Джордж и Джинни хотя и дрожали, но были целы и невредимы.

— Вы их поймали, па? — резко спросил Билл. — Тех, кто запустил Чёрную Метку?

— Нет, — ответил мистер Уизли. — Мы нашли эльфа Барти Крауча с волшебной палочкой Гарри, но никаких следов того, кто наколдовал Метку.

— Что? — одновременно воскликнули Билл, Чарли и Перси.

— Палочка Гарри? — изумился Фред.

— Эльф мистера Крауча? — Перси как громом поразило. С помощью троих друзей мистер Уизли объяснил, что произошло в лесу. Когда они закончили свой рассказ, Перси прямо-таки раздулся от негодования.

— Считаю, что мистер Крауч совершенно прав, избавляясь от такого эльфа! Сбежать, когда ей было ясно сказано оставаться на месте… опозорить его перед всем Министерством! Как бы это выглядело, если бы она предстала перед Комиссией по контролю и регулированию…

— Она ничего плохого не сделала, просто оказалась в неподходящее время в неподходящем месте! — напустилась на него задетая за живое Гермиона, хотя она-то всегда неплохо ладила с Перси — честно говоря, гораздо лучше, чем все остальные.

— Гермиона, волшебник такого ранга, как мистер Крауч, не может терпеть рядом эльфа, который, чуть что, начинает как безумный носиться с волшебной палочкой!

— Она не носилась как безумная! — вскипела Гермиона. — Она просто подняла её с земли!

— Послушайте, кто-нибудь мне наконец объяснит, что за штука этот череп? — нетерпеливо перебил их Рон. — Он-то ни на кого не нападал… Почему из-за него столько шума?

— Я же тебе говорила — это эмблема Сам-Знаешь-Кого, — сказала Гермиона, прежде чем кто-нибудь успел открыть рот. — Я читала об этом во «Взлёте и падении Тёмных искусств».

— И её не было видно тринадцать лет, — негромко добавил мистер Уизли. — Немудрено, что людей охватила паника… Всё равно как если бы Вы-Знаете-Кто вернулся вновь.

— Вот этого я никак не пойму, — нахмурил брови Рон. — Я имею в виду — это же всего-навсего

картинка в небе…

— Рон, Ты-Знаешь-Кто и его сподвижники запускали Чёрную Метку всякий раз, когда убивали кого-нибудь, — сказал мистер Уизли. — Ужас, который она внушала… Ты и понятия не имеешь, ты был слишком мал. Просто представь, что подходишь к своему дому, видишь парящую над ним Чёрную Метку и понимаешь, что найдёшь внутри… — Мистер Уизли болезненно сморщился. — Все опасались худшего… самого худшего…

На минуту воцарилась тишина. Потом Билл, размотав с руки простыню — посмотреть, как там рана, — сказал:

— Ну, сегодня ночью нам это только помешало, кто бы её ни наколдовал. Метка спугнула Пожирателей смерти. Они все трансгрессировали, едва её увидели. Мы не сумели сорвать маску ни с одного, а Робертсов подхватили у самой земли. Им сейчас проводят изменение памяти.

— Пожиратели смерти? — спросил Гарри. — Кто такие Пожиратели смерти?

— Так называют себя последователи Сам-Знаешь-Кого, — пояснил Билл. — Мы, наверное, видели сегодня тех, кто ещё уцелел — тех немногих, кто каким-то путём сумел избежать Азкабана.

— У нас нет доказательств, что это были они, —

покачал головой мистер Уизли. — Хотя, скорее всего, так оно и есть, — добавил он безнадёжно.

— Да держу пари, это они! — с жаром воскликнул Рон. — Па, мы встретили Драко Малфоя в лесу, и он всё равно что признался нам, что его отец — один из этих психов в масках! А всем известно, что Малфои были в ближайшем окружении Сами-Знаете-Кого!

— Но зачем сторонникам Волан-де-Морта, — начал было Гарри, но тут все вздрогнули — как и большинство обитателей волшебного мира, Уизли избегали произносить это имя. — Прошу прощения, — смутился Гарри, — для чего сторонникам Сами-Знаете-Кого поднимать в воздух маглов? Я имею в виду, в чём тут их цель?

— Цель? — невесело усмехнулся мистер Уизли. — Гарри, они так понимают веселье. В прошлом, когда Сам-Знаешь-Кто ещё был в силе, маглов убивали просто так, ради забавы. Думаю, они подвыпили этой ночью и не смогли устоять перед желанием напомнить нам, что их ещё немало повсюду. Небольшая вечеринка старых приятелей, — закончил он с отвращением.

— Но если это были Пожиратели смерти, почему они трансгрессировали при виде Чёрной Метки? — недоумевал Рон. — Они должны были

обрадоваться, заметив её, ведь так?

— Пошевели мозгами, Рон, — ответил Билл. — Если это и впрямь были Пожиратели смерти, им ведь пришлось попотеть, чтобы не попасть в Азкабан, когда Сам-Знаешь-Кто потерял силу, надо было врать на все лады, что это он заставлял их убивать и мучить людей. Уверен, если бы он вернулся, они перепугались бы ещё почище нашего. Они бойко отрекались от него, стоило ему лишиться могущества, и возвратились к своей обычной жизни. Вот уж не думаю, что он был бы доволен ими!

— Так что же… кто бы ни наколдовал Чёрную Метку… — задумчиво произнесла Гермиона, — он сделал это в знак поддержки Пожирателей смерти или чтобы разогнать их?

— Мы и сами ломаем голову, Гермиона, — кивнул мистер Уизли. — Могу сказать одно: это заклинание было известно только Пожирателям смерти. Наверняка это совершил тот, кто был когда-то одним из них — независимо от того, кто он сейчас… Слушайте, уже очень поздно, и если мама узнает, что тут у нас произошло, она с ума сойдёт от беспокойства. Давайте-ка поспим оставшиеся несколько часов и потом ранним порталом постараемся выбраться отсюда.

Гарри влез на кровать с гудящей головой. Он знал, что должен чувствовать себя вымотанным, уже три часа утра, но сна у него не было ни в одном глазу, он был совершенно бодр и крайне встревожен.

Три дня назад — а кажется, уже целую вечность — его разбудило жжение в шраме. А сегодня ночью, впервые за тринадцать лет, в небе появилась эмблема Волан-де-Морта. Что всё это значит?

Он подумал о письме, которое послал Сириусу перед тем, как покинуть Тисовую улицу. Получил ли тот его? И когда напишет ответ? Гарри лежал, уставясь в брезент потолка, но фантазии о грядущих полётах уже больше не являлись и ничто не помогало заснуть. Чарли давно уже храпел на всю палатку, когда Гарри наконец задремал.

Глава 10
Скандал в Министерстве

Как и обещал, мистер Уизли разбудил всех через несколько часов. Он свернул палатки откровенным волшебством, и вся компания вышла из лагеря. Мистер Робертс, стоявший в дверях коттеджа будто слегка не в себе, помахав друзьям на прощанье, рассеянно произнёс:

— Счастливого Рождества…

— С ним всё будет нормально, — сказал мистер Уизли. — Иногда после изменения памяти на какое-то время наступает дезориентация… а ему пришлось забыть очень многое…

Подходя к тому месту, где были сложены порталы, они издалека услышали хор нетерпеливых голосов — вокруг диспетчера Бэзила столпилось великое множество колдуний и волшебников, и все шумно требовали отправить их из лагеря как можно скорее.

Мистер Уизли коротко переговорил с Бэзилом, друзья присоединились к очереди и ещё до восхода солнца закинули старую автомобильную покрышку обратно на Стотсхед Хилл. Они вновь

прошли через Оттери-Сент-Кэчпоул к «Норе» в предутреннем свете — у приятелей едва хватало сил на вялые реплики, и каждый с вожделением думал о завтраке. За поворотом тропинки, когда впереди уже показалась «Нора», над росистой травой прокатился крик:

— О, слава богу, слава богу!

Миссис Уизли бежала навстречу в домашних тапочках; лицо её было бледным и встревоженным, в руке — свёрнутый номер «Ежедневного пророка».

— Артур! Я так волновалась, просто вся извелась…

Она обняла мистера Уизли за шею, «Ежедневный пророк» выпал из ослабевших рук на землю, и Гарри, опустив глаза, прочитал заголовок «КОШМАРНЫЕ СЦЕНЫ НА ЧЕМПИОНАТЕ МИРА ПО КВИДДИЧУ», дополненный мерцающей чёрно-белой фотографией Чёрной Метки, зависшей над вершинами деревьев.

— Вы все целы, — всхлипнула миссис Уизли, отпустив мужа и в смятении оглядывая компанию покрасневшими глазами. — Вы живы… О, мальчики…

Тут, ко всеобщему изумлению, она схватила Фреда и Джорджа и стиснула их в таких жарких

объятиях, что они столкнулись лбами.

— Ой! Ма, ты нас задушишь…

— И я кричала на вас перед уходом! — вновь зарыдала миссис Уизли. — Я только об этом и думала! Что, если бы Сами-Знаете-Кто добрался до вас и последним, что я успела вам сказать, был бы упрёк за плохие баллы по СОВ! О, Фред… Джордж…

— Ну, Молли, что ты, пойдём, с нами всё в порядке. — Мистер Уизли деликатно отстранил жену от близнецов и повёл её к дому. — Билл, — добавил он вполголоса, — подними газету, я хочу посмотреть, что там…

Маленькая кухня оказалась набита до отказа. Гермиона приготовила для миссис Уизли чашку крепчайшего чая, в который по настоянию мистера Уизли влили глоток Огденского Старого Огненного Виски, и Билл протянул отцу газету. Мистер Уизли быстро пробежал глазами первую страницу; Перси заглядывал ему через плечо.

— Этого я и опасался, — с горечью произнёс мистер Уизли. — «Ошибка Министерства… преступники не задержаны… небрежность службы безопасности… Тёмным магам удалось скрыться неопознанными… национальный позор…» Кто всё это написал? А… Ну разумеется… Рита

Скитер…

— Эта женщина постоянно нападает на Министерство! — воскликнул охваченный праведным гневом Перси. — На прошлой неделе она заявляла, что мы впустую тратим время на крючкотворство по поводу толщины котлов, когда необходимо заниматься истреблением вампиров! Как будто параграфом двенадцатым Директивы по обращению с немагической частью общества конкретно не установлено, что…

— Перси, сделай милость, — зевнул Билл, — заткнись, а?

— Тут и обо мне есть… — Глаза мистера Уизли за стёклами очков широко открылись, когда он дошёл до конца статьи.

— Где? — всполошилась миссис Уизли, поперхнувшись своим чаем с виски. — Если бы я видела, я бы хоть знала, что ты жив!

— Имя она не называет… но вот послушай: «Если испуганные волшебники и колдуньи, которые, затаив дыхание, ожидали новостей у опушки леса и надеялись на какие-то разъяснения со стороны Министерства магии, то их постигло жестокое разочарование. Официальный представитель Министерства, подошедший некоторое время спустя после появления Чёрной Метки, ограни-

чился голословным утверждением, что никто не пострадал, и от дальнейших комментариев отказался. Достаточно ли подобного заявления для того, чтобы пресечь слухи о нескольких телах, вынесенных из леса часом позже, покажет время». Ну, я вам доложу… — раздражённо произнёс мистер Уизли, передавая газету Перси. — «Никто не пострадал…» А что я должен был им сказать? «Слухи о нескольких телах, вынесенных из леса…» Вот теперь точно пойдут слухи… после того, как она это напечатала.

Он тяжело вздохнул:

— Молли, мне придётся пойти на службу, надо улаживать всё это дело.

— Я с тобой, отец, — с важностью проговорил Перси. — У мистера Крауча сейчас каждый человек на счету. И я смогу лично вручить ему свой доклад о котлах.

И он в спешке покинул кухню.

Миссис Уизли ужасно огорчилась:

— Артур, у тебя же отпуск! Ничего там без тебя на службе не произойдёт, как-нибудь управятся!

— Мне надо идти, Молли, — ещё раз вздохнул мистер Уизли. — Кажется, я наломал дров… Я только переоденусь в мантию и отправлюсь…

— Миссис Уизли, — спросил Гарри, не в силах

больше сдерживать нетерпение. — Не появлялась Букля с письмом для меня?

— Букля, дорогой? — рассеянно переспросила миссис Уизли. — Нет… нет, вообще никакой почты не было…

Рон и Гермиона с любопытством покосились на Гарри. Выразительно посмотрев на обоих, он сказал:

— Ничего, если я пойду и занесу вещи к тебе в комнату, Рон?

— Ага… я тоже, пожалуй, пойду, — незамедлительно согласился Рон. — А ты, Гермиона?

— Само собой, — кивнула та, и все трое, выйдя из кухни, быстро зашагали вверх по лестнице.

— Ну, что там, Гарри? — спросил Рон, едва за ними закрылась дверь мансарды.

— Я кое-что вам не рассказал, — заговорил Гарри. — В воскресенье утром я проснулся от того, что у меня снова заболел шрам…

Реакция на это известие оказалась почти в точности такой, какую Гарри представлял себе в спальне на Тисовой улице. Гермиона ахнула и немедленно начала сыпать рекомендациями, ссылаясь на множество соответствующих книг и людей — от Альбуса Дамблдора до мадам Помфри, главной медсестры Хогвартса.

Рон сперва просто онемел.

— Но… его же там не было, верно?.. Сам-Знаешь-Кого? То есть… ну… в прошлый раз твой шрам разболелся, когда он был в Хогвартсе, ведь так?

— Я уверен, что его не было на Тисовой улице, — ответил Гарри. — Но я видел его во сне — его и Питера — того самого, Хвоста. Всего я сейчас не помню, но они замышляли убить… кого-то.

Какое-то мгновение он колебался, едва не сказав «меня», но не захотел повергать Гермиону в ещё больший ужас — его и так было достаточно у неё в глазах.

— Это был только сон, — попытался подбодрить его Рон, — просто ночной кошмар.

— Пусть так — но ведь он был! — возразил Гарри, глядя в светлеющее небо за окном. — Странно, согласись — мой шрам болит, и через три дня Пожиратели смерти устраивают демонстрацию, а в небе снова появляется знак Волан-де-Морта.

— Не-произноси-это-имя! — прошипел Рон сквозь зубы.

Но Гарри даже не обратил внимания.

— А помнишь, что сказала профессор Трелони? В конце того года?

Весь ужас во взгляде Гермионы тут же испарился, она презрительно фыркнула:

— Ох, Гарри, неужели ты придаёшь значение словам этой старой обманщицы?

— Тебя там не было, — возразил Гарри, — и ты её не слышала. В тот раз всё было по-другому. Я же говорил вам — она впала в транс, самый настоящий. И она сказала, что Тёмный Лорд воспрянет вновь… м-м-м… величественней и ужасней, чем когда-либо доселе… и в этом ему поможет слуга — в ту ночь Хвост и сбежал.

В наступившей тишине Рон растерянно ковырял в дырке своего постельного покрывала с «Пушками Педдл».

— А почему ты спрашивал, не прилетела ли Букля? — поинтересовалась Гермиона. — Ждёшь письма?

— Я написал Сириусу о шраме, — пожал плечами Гарри. — Теперь жду ответа.

— Вот это ты здорово придумал! — сразу оживился Рон. — Уж Сириус-то наверняка знает, что делать!

— Я надеялся, что он мне быстро ответит, — сказал Гарри.

— Но мы же не знаем, где сейчас Сириус… Он может быть и в Африке, и ещё дальше, правильно? — резонно заметила Гермиона. — Такого путешествия Букле за пару дней не осилить.

— Да я понимаю, — ответил Гарри, но от зрелища неба без Букли в квадрате окна ему было тяжело на душе.

— Пойдём, сыграем в квиддич в саду, — предложил Рон. — Давай три на три. Билл, Чарли, Фред, Джордж — никто не откажется, сможешь попробовать финт Вронского…

— Рон, — заявила Гермиона её характерным тоном «напряги-свою-тупую-голову», — Гарри не хочет сейчас играть в квиддич… он устал и встревожен… да и всем нам необходимо поспать…

— Почему же, я хочу сыграть в квиддич, — неожиданно согласился Гарри. — Подожди, я сейчас возьму «Молнию».

Гермиона вышла из комнаты, пробормотав что-то очень похожее на «мальчишки».

На следующей неделе и мистер Уизли, и Перси дома почти не бывали. Каждое утро оба уходили ещё до того, как все остальные вставали, и возвращались поздно вечером после ужина.

— Это был полный бедлам, — со значительным лицом поведал Перси. Дело было в воскресенье вечером, накануне отъезда в Хогвартс. — Всю неделю я только и занимался тем, что гасил огонь — люди непрерывно присылают громовещатели, а те, естественно, если их сразу не вскрыть,

взрываются. У меня весь стол в подпалинах, а любимое перо сгорело дотла.

— А почему они все присылают громовещатели? — спросила Джинни, которая подклеивала волшебным скотчем свой экземпляр «Тысячи магических трав и грибов», сидя на коврике у камина в гостиной.

— Выражают недовольство службой безопасности на Чемпионате мира, — ответил Перси. — Требуют компенсации за испорченное имущество. Наземникус Флетчер предъявил иск об ущербе, нанесённом палатке с двенадцатью ванными комнатами, оборудованными не помню сколькими джакузи, хотя я точно знаю, что на самом деле он спал под мантией, растянутой на колышках.

Миссис Уизли взглянула на дедушкины часы в углу. Гарри эти часы очень нравились. Правда, узнать по ним время было совершенно невозможно, зато у них были иные, очень полезные свойства. Там было девять золотых стрелок, и на каждой было вырезано имя одного из членов семьи Уизли. Цифры на циферблате отсутствовали, но имелись надписи, кто где находится. Тут можно было видеть «дом», «школа», «работа» и, кроме того, «потерялся», «больница», «тюрьма», а на том месте, где положено быть двенадцати

часам, — «смертельная опасность».

Сейчас восемь стрелок стояли на позиции «дом», но самая длинная, с именем мистера Уизли, никак не желала сдвинуться с отметки «работа». Миссис Уизли вздохнула.

— Твоему отцу не приходилось работать по выходным со времён Сам-Знаешь-Кого, — сказала она. — Они просто заваливают его работой. Он останется без ужина, если сейчас не явится.

— Ну, папа считает, что должен исправить ошибку, допущенную после матча, — отозвался Перси. — Но если уж говорить правду, это было не очень-то разумно — делать публичные заявления, не проконсультировавшись предварительно с начальником отдела.

— Не смей обвинять отца за то, что написала эта гнусная Скитер! — тотчас же вспыхнула миссис Уизли.

— Если бы Па промолчал, то старушка Рита непременно написала бы, что это стыд и срам — никто из Министерства не сделал никаких заявлений, — подал голос Билл, игравший с Роном в шахматы. — Рита Скитер ещё ни о ком доброго слова не сказала. Помните, она однажды брала интервью у всех ликвидаторов заклятий в «Гринготтсе» — так обозвала меня долговязым

волосатиком.

— Ну, волосы у тебя действительно немного длинноваты, — мягко заметила миссис Уизли. — Если бы ты только позволил мне…

— Нет, мам.

В окно хлестал дождь. Гермиона сидела, погруженная в «Учебник по волшебству. Четвёртый курс», купленный миссис Уизли для неё, Гарри и Рона в Косом переулке, Чарли штопал прожжённый вязаный шлем, Гарри полировал «Молнию» щётками из набора по уходу за метлой — подарка Гермионы к его тринадцатому дню рождения. Фред и Джордж, засев в дальнем углу, достали перья и о чём-то заговорщически перешёптывались, склонив головы над листом пергамента.

— Вы чем это там заняты? — Миссис Уизли с подозрением взглянула на близнецов.

— Домашним заданием, — туманно ответил Фред.

— Не смеши меня, вы пока ещё на каникулах.

— Ну да, мы тут кое-чего вовремя не успели… — подтвердил Джордж.

— А вы случаем не пишете новый бланк заказов, а? — с недоверием спросила миссис Уизли. — Может, собираетесь снова взяться за свои «Ужастики Умников Уизли»?

— Ах, Ма, — произнёс Фред со страданием во взгляде, — ты только представь — если завтра «Хогвартс-Экспресс» потерпит крушение и мы с Джорджем погибнем, каково тебе будет вспоминать, что последними словами, которые мы от тебя услышали, были несправедливые упрёки?

Все засмеялись, даже миссис Уизли.

— О, ваш папа идёт! — воскликнула она неожиданно, вновь посмотрев на часы.

Стрелка мистера Уизли переместилась с «работы» на «в пути», а через секунду, дрогнув, замерла вместе со всеми, указывая на «дома», и из кухни послышался знакомый голос.

— Иду, Артур! — откликнулась миссис Уизли и торопливо вышла из комнаты.

Минутой позже и сам мистер Уизли вошёл в тёплую гостиную с обеденным подносом в руках. Вид у него был совершенно изнурённый.

— Ну, у нас заварилась каша, — сказал он миссис Уизли, опустившись в кресло у камина и без всякого интереса ковыряя вилкой в подостывшей цветной капусте. — Рита Скитер всю неделю вынюхивала, в каких бы ещё грехах обвинить Министерство, и вот наткнулась на историю об исчезновении бедной Берты — уж теперь она закатит заголовок в завтрашнем «Пророке»! А

ведь я давным-давно говорил Бэгмену, что нужно послать кого-нибудь на поиски.

— Мистер Крауч говорил то же самое много-много раз, — сейчас же вставил Перси.

— Краучу невероятно повезло, что Рита не докопалась до всего этого дела насчёт Винки, — раздражённо пробурчал мистер Уизли. — Это была бы сенсация недели — его домашний эльф пойман с той самой палочкой, которая наколдовала Чёрную Метку.

— Я думал, все согласны, что эльф, несмотря на невменяемость, не запускала Метки! — мгновенно взъерепенился Перси.

— А по-моему, мистеру Краучу страшно повезло, что никто из «Ежедневного пророка» не знает о его бессовестном обращении с эльфами! — сердито заявила Гермиона.

— Но послушай, Гермиона, — сорвался в бой Перси. — Такой высокопоставленный чиновник Министерства, как мистер Крауч, имеет право требовать беспрекословного повиновения от своих слуг.

— Своих рабов, ты хочешь сказать! — повысила голос Гермиона. — Ведь он не платит Винки, правильно?

— Думаю, вам лучше пойти наверх и прове-

рить, все ли вещи уложены, — вмешалась в дискуссию миссис Уизли. — Давайте-ка, сходите и посмотрите…

Гарри собрал свой набор по уходу за метлой, забросил «Молнию» на плечо и вместе с Роном пошёл к лестнице. В мансарде дождь и завывания ветра были ещё слышнее, и это не считая периодических стонов престарелого упыря на чердаке. При их появлении Сыч тут же заверещал и снова принялся носиться по клетке — вид наполовину упакованных чемоданов поверг его в крайнее возбуждение.

— Кинь ему совиных вафель, — Рон перебросил Гарри пакет через кровать. — Может, он заткнётся.

Гарри протолкнул несколько вафель через прутья клетки и повернулся к своему чемодану. Рядом, по-прежнему пустая, стояла клетка Букли.

— Уже больше недели, — вздохнул Гарри, глядя на покинутый совиный насест. — Рон, как думаешь, Сириуса не схватили?

— Да нет, это точно было бы в «Пророке» — Министерство уж не упустило бы шанс раззвонить, что они поймали хоть кого-то, верно?

— Да, пожалуй…

— Посмотри-ка, вот это мама накупила для тебя в Косом переулке… И ещё она взяла для тебя немного денег из твоего сейфа… и выстирала все твои носки.

Рон вывалил на раскладушку груду свёртков, а сверху бросил кошелёк и кучу носков. Гарри стал разворачивать покупки. Кроме «Учебника по волшебству» Миранды Гуссокл он получил связку новых перьев, дюжину свитков пергамента и недостающие ингредиенты для составления зелий — у него были на исходе хребты рыбы-льва и экстракт белладонны. Но только Гарри принялся укладывать бельё в котёл, как за его спиной Рон взвыл с отвращением:

— Это ещё что такое?

Он держал в руках нечто похожее на длинное тёмно-бордовое бархатное платье с заплесневелой на вид кружевной тесьмой на воротнике и такими же кружевными манжетами.

Тут раздался стук в дверь, и вошла миссис Уизли с кипой свежевыстиранных хогвартских мантий.

— Это вам, — сказала она, раскладывая их на две стопки. — Постарайтесь положить их так, чтобы они не смялись.

— Ма, ты мне подсунула новое платье Джин-

ни, — с этими словами Рон показал находку матери.

— Это никакое не платье, — терпеливо ответила миссис Уизли. — Это для тебя. Выходная мантия.

— Что? — с ужасом спросил Рон.

— Выходная мантия, — повторила миссис Уизли. — В школьном списке сказано, что в этом году вам положено иметь парадную мантию… для официальных случаев.

— Да что у тебя за шутки? — Рон всё ещё отказывался верить. — Никогда я этого не надену.

— Все их носят, Рон. — Миссис Уизли начала сердиться. — И всем нравится! У твоего отца таких несколько для приёмов!

— Я лучше пойду голым, чем в таком, — упёрся Рон.

— Не болтай глупостей, — настаивала миссис Уизли. — Тебе положено иметь выходную мантию, она есть в списке! Я и Гарри тоже купила… Гарри, покажи ему…

Гарри с опаской развернул последний пакет. Всё оказалось не так страшно — на его выходной мантии не было ни кружев, ни рюшек, она более или менее походила на простой школьный наряд, за исключением того, что была не чёрного, а

бутылочно-зелёного цвета.

— Я выбирала под цвет твоих глаз, — с нежностью пояснила миссис Уизли.

— Ну, вот эта-то нормальная! — возмутился Рон, глядя на мантию Гарри. — Почему, спрашивается, мне нельзя что-нибудь в том же роде?

— Потому… ну, словом, для тебя приходится покупать подержанные вещи, а там выбор невелик, — покраснев, сказала миссис Уизли.

Гарри отвернулся. Он был готов разделить с семьёй Уизли всё своё золото из сейфа в «Гринготтсе», но прекрасно знал, что они нипочём не возьмут его денег.

— Я ни за что не стану этого носить, — стоял на своём Рон. — Ни за что.

Но тут уж у миссис Уизли лопнуло терпение:

— И прекрасно! Ходи голый! Гарри, непременно сделай его снимок в таком виде, — может, когда-нибудь посмотрю и посмеюсь.

Она вышла, захлопнув дверь. Сзади послышался странный булькающий звук — Сыч подавился огромным куском совиной вафли.

— И почему мне всегда достаётся всякий хлам? — со злостью произнёс Рон и отправился прочищать Сычику клюв.

Глава 11
«Хогвартс-экспресс»

Когда Гарри проснулся на следующее утро, в воздухе витала ясно ощутимая хандра по случаю окончания каникул. Сильный дождь по-прежнему барабанил в окна. Они натянули джинсы и свитера — переодеваться в школьные мантии им предстояло уже в «Хогвартс-Экспрессе».

Гарри, Рон, Фред и Джордж как раз спустились на первый этаж, собираясь идти завтракать, когда в двух шагах от лестницы показалась обеспокоенная миссис Уизли.

— Артур! — позвала она, подняв голову. — Артур! Срочное сообщение из Министерства!

Гарри спешно вжался в стену — мистер Уизли, в мантии задом наперёд, с грохотом промчался мимо и скрылся из виду. Войдя на кухню, Гарри и все остальные увидели, как хозяин дома торопливо роется в ящиках кухонного стола — «У меня где-то здесь было перо!» — и затем он склонился к огню, обращаясь к…

Тут Гарри протёр и вновь открыл глаза, желая убедиться, что они его не обманывают.

В очаге зависла голова Амоса Диггори, похожая на большое бородатое яйцо. Она что-то быстро говорила, не обращая ни малейшего внимания на летящие вокруг искры и языки пламени, лижущие уши.

— Соседи-маглы услышали удары и стрельбу и вызвали этих, как ты их называешь, полицейских… Артур, бросай там всё…

— Сию минуту! — запыхавшись, произнесла миссис Уизли, подбегая к мистеру Уизли с куском пергамента, пузырьком чернил и помятым пером.

— Нам ещё здорово повезло, что я услышал об этом, — продолжала голова. — Мне случилось пораньше зайти в офис, отослать парусов, смотрю — что за чёрт? — на выходе вся Комиссия по злоупотреблению магией. Если об этом пронюхает Рита Скитер, Артур…

— А что говорит Грозный Глаз, что там произошло? — спросил мистер Уизли, откупоривая бутылочку с чернилами, окуная перо и готовясь записывать.

Голова мистера Диггори повращала глазами.

— Говорит, что услышал, как кто-то забрался к нему во двор. Вроде бы они собирались залезть в дом, да налетели на его мусорные баки.

— И что же эти баки? — мистер Уизли спешно записывал, брызгая чернилами.

— Подняли адский шум и подожгли весь мусор, насколько я понял, — сказал мистер Диггори, пожав невидимыми плечами. — Один бак ещё скакал и взрывался, когда нагрянули полицейские.

Мистер Уизли застонал.

— А злоумышленник?

Голова мистера Диггори вновь повращала глазами.

— Артур, ты же знаешь Грозного Глаза. Ну кому понадобился его двор глухой ночью? Да скорее всего какая-нибудь чокнутая кошка бродила поблизости и залезла в картофельные очистки. Но если Комиссия по злоупотреблению возьмёт Грозного Глаза в оборот, уж ему не поздоровится — вспомни его прошлое. Нам надо провести его по какому-нибудь второстепенному проступку, что-то по твоему отделу — возьми хотя бы эти взрывающиеся баки!

— Тут нужна осмотрительность, — покачал головой мистер Уизли, сдвинув брови и продолжая торопливо писать. — Грозный Глаз не использовал свою волшебную палочку? Он ни на кого по-настоящему не нападал?

— Держу пари, когда он выпрыгнул из постели, то начал громить колдовством всё подряд, до чего смог достать из окна, но им придётся попотеть, чтобы доказать это — нет ни одного пострадавшего.

— Ладно, я пошёл, — сказал мистер Уизли, засунул пергамент с записями себе в карман и также быстро выскочил из кухни.

Голова мистера Диггори покосилась на миссис Уизли.

— Ты уж извини, Молли, — заговорила она уже более спокойным тоном, — что потревожили в такую рань и всё такое… но Артур единственный, кто может освободить Грозного Глаза, а тот должен приступить к новой работе сегодня же… Почему нам и пришлось решать прошлой ночью…

— Не беспокойся, Амос, — ответила миссис Уизли. — Уверена, ты не откажешься от тоста перед уходом.

— О, буду только рад, — отозвался мистер Диггори. Миссис Уизли взяла со стола один из намазанных маслом тостов, ухватила его каминными щипцами и отправила в рот мистеру Диггори.

— Спасибо, — невнятно пробормотал он и с

лёгким хлопком исчез.

Гарри было слышно, как мистер Уизли торопливо попрощался с Биллом, Чарли, Перси и девочками; меньше чем через пять минут он, уже в правильно надетой мантии и с расчёской в руках, снова был на кухне.

— Мне надо спешить. Желаю удачного семестра, мальчики, — сказал мистер Уизли Гарри, Рону и близнецам, накидывая на плечи плащ и готовясь трансгрессировать. — Молли, тебя не затруднит подбросить ребят на Кингс-Кросс?

— Разумеется, нет, — ответила она. — Ты там присмотри за Грозным Глазом, а у нас всё будет в порядке.

Мистер Уизли только успел исчезнуть, как в кухню вошли Билл и Чарли.

— Кто-то помянул Грозного Глаза? — поинтересовался Билл. — Что там с ним такое?

— Говорит, будто кто-то пытался вломиться к нему в дом прошлой ночью, — сказала миссис Уизли.

— Грозный Глаз Грюм? — задумчиво произнёс Джордж, намазывая тост джемом. — Не тот ли это псих…

— Твой папа очень высокого мнения о Грозном Глазе Грюме, — жёстко оборвала его миссис

Уизли.

— Ну да, а папа коллекционирует штепсели, — понизив голос, проворчал Фред, когда миссис Уизли вышла из комнаты. — Рыбак рыбака…

— Грюм был великим чародеем в своё время, — возразил Билл.

— Если не ошибаюсь, они с Дамблдором старые друзья, — вспомнил Чарли.

— Ну, Дамблдора в обычном смысле тоже нормальным не назовёшь, — не унимался Фред. — То есть я знаю — он гений и всё такое…

— Да кто такой Грозный Глаз? — спросил Гарри.

— Он в отставке, раньше работал в Министерстве, — сказал Чарли. — Я встречался с ним однажды, когда отец как-то взял меня с собой на работу. Он был мракоборцем, и одним из лучших… ну, охотником на Тёмных магов, — добавил Чарли, поймав растерянный взгляд Гарри. — Половина камер в Азкабане заполнена благодаря ему. Он нажил себе массу врагов… в основном это семьи тех, кого он схватил… Ну, и как я слышал, к старости он впал в паранойю — никому и ничему не верит, и всюду ему мерещатся Тёмные маги.

Билл и Чарли решили поехать и проводить всю компанию до вокзала Кингс-Кросс. Что касает-

ся Перси, то он с бесконечными извинениями заявил, что ему настоятельно необходимо быть на службе:

— В такой момент я не могу себе позволить неоправданного отсутствия — мистер Крауч только-только начал по-настоящему полагаться на меня…

— Разумеется, и знаешь что, Перси, — серьёзно сказал Джордж, — я думаю, он даже вскоре запомнит, как тебя зовут.

Миссис Уизли, набравшись смелости, позвонила с деревенской почты и вызвала три обыкновенных магловских такси, чтобы отвезти их в Лондон.

— Артур пытался достать для нас министерские машины, — шепнула она Гарри, когда они стояли на залитом дождём дворе, наблюдая, как водители перетаскивают шесть тяжеленных чемоданов в свои автомобили, — но там не смогли ничего выделить… ох, дорогой, по-моему, у них очень грустный вид, да?

Гарри не стал говорить миссис Уизли, что магловским таксистам редко доводится возить взволнованных сов, а уж от криков Сыча точно звенело в ушах. Не очень поспособствовало делу и то, что немалая часть хлопушек доктора

Фейерверкуса неожиданно вылетела из-под отскочившей крышки чемодана Фреда и сработала на всю катушку — привело это к тому, что тащивший чемодан водитель завопил от боли и страха, потому что Живоглот с перепугу на всех когтях рванул вверх по его ноге.

Ехать было очень неудобно, учитывая, что пришлось втискиваться на заднее сиденье со своими чемоданами. Живоглот после фейерверка пришёл в себя далеко не сразу, и, когда они въезжали в Лондон, Гарри, Рон и Гермиона были изрядно поцарапаны. Друзья с большим облегчением высадились у Кингс-Кросс, несмотря на то что дождь пошёл ещё сильнее и они вымокли, пока волокли чемоданы через привокзальную толчею.

Теперь Гарри уже привык проходить на платформу 9 ¾. Это было просто — всего лишь пройти прямо сквозь сплошной на вид барьер, разделяющий девятую и десятую платформы. Единственная хитрость заключалась в том, чтобы проделать это незаметно, так, чтобы не привлечь внимания маглов. Сегодня они пошли группами — Гарри, Рон и Гермиона, особенно заметные благодаря Живоглоту и Сычику, отправились первыми — они небрежно опёрлись о барьер, словно беззаботно болтая… и боком проскользну-

ли сквозь него — перед ними сразу же возникла платформа 9 ¾.

«Хогвартс-Экспресс» — блестящий красный паровоз — выпускал клубы пара, в которых фигуры на платформе виделись смутными тенями. Сыч расшумелся ещё громче, отвечая уханью множества сов через туман. Гарри, Рон и Гермиона пошли искать свободные места и скоро погрузили свой багаж в купе в середине состава, потом вновь спрыгнули на платформу попрощаться с миссис Уизли, Биллом и Чарли.

— Я, возможно, увижу вас раньше, чем вы думаете, — усмехнулся Чарли, обнимая Джинни на прощанье.

— Это как же? — мгновенно навострил уши Фред.

— Увидишь, — махнул рукой Чарли. — Только не говори Перси, что я упоминал об этом… как-никак «закрытая информация, пока Министерство не сочтёт нужным обнародовать её»… в конце концов…

— Да уж, хотел бы я вернуться в Хогвартс в этом году, — протянул Билл, засунув руки в карманы и с завистью поглядывая на поезд.

— Почему? — в нетерпении закричал Джордж.

— У вас будет интересный год, — сказал Билл,

сверкнув глазами. — Прямо хоть бери отпуск да поезжай хоть чуть-чуть посмотреть…

— Посмотреть на что? — спросил Рон.

Но в этот момент раздался свисток, и миссис Уизли подтолкнула их к дверям вагона.

— Спасибо за то, что позволили нам погостить у вас, миссис Уизли, — сказала Гермиона, когда они уже зашли внутрь, закрыли дверь и говорили, свесившись из окна.

— Да, спасибо вам за всё, миссис Уизли, — закивал Гарри.

— О, я была только рада, мои дорогие, — ответила миссис Уизли. — Я бы пригласила вас и на Рождество… но, думаю, вы все захотите остаться в Хогвартсе… по многим причинам.

— Ма! — раздражённо воскликнул Рон. — Что такое вы втроём знаете, чего мы не знаем?

— Полагаю, всё выяснится уже сегодня вечером, — улыбнулась миссис Уизли. — Это так интересно… И я рада, что они изменили правила…

— Какие правила? — завопили Гарри, Рон, Фред и Джордж одновременно.

— Уверена, профессор Дамблдор всё вам объяснит… Ведите себя хорошо, вы поняли меня? Ты понял, Фред? А ты, Джордж?

Но тут паровозные поршни и шатуны с громким шипением пришли в движение, и поезд неспеша тронулся.

— Скажите же нам, что такое происходит в Хогвартсе! — заорал из окна Фред, когда миссис Уизли, Билл и Чарли начали медленно удаляться от них. — Какие такие правила они изменили?!

Но миссис Уизли только улыбалась и махала вслед, и, прежде чем состав повернул, она, Билл и Чарли трансгрессировали.

Гарри, Рон и Гермиона вернулись в купе. Дождь струями змеился по оконному стеклу, так что видно ничего не было. Рон открыл чемодан, достал бордовую выходную мантию и набросил её на клетку Сычика, чтобы приглушить его уханье.

— Ведь Бэгмен хотел сказать нам, что творится в Хогвартсе, — заметил он, усаживаясь рядом с Гарри. — На Чемпионате, помнишь? Но тут и родная мать не хочет говорить. Вот что, однако, странно…

— Ш-ш-ш! — неожиданно перебила его Гермиона, приложив палец к губам и указывая на соседнее купе. Гарри и Рон прислушались и уловили знакомый голос с томно растянутыми интонациями, доносившийся из приоткрытой двери.

— …отец на самом деле подумывал отправить меня скорее в Дурмстранг, нежели в Хогвартс, вы понимаете. Он знаком с директором, разумеется. Ну, вам известно его мнение о Дамблдоре — любителе грязнокровок, а в Дурмстранг эту сволочь на пушечный выстрел не подпускают. Но мама не одобрила идеи отослать меня в школу так далеко. Отец говорит, что в Дурмстранге подход к Тёмным искусствам куда более разумный, чем в Хогвартсе — студенты их там действительно изучают, а не занимаются всей этой чепухой по защите, как мы…

Гермиона встала и, на цыпочках подойдя к двери, прикрыла её, отрезав голос Малфоя.

— Итак, он считает, что ему подошёл бы Дурмстранг, я так поняла? — гневно спросила она. — Вот бы и катился туда — нам бы не пришлось его терпеть.

— Дурмстранг — это что, ещё одна волшебная школа? — поинтересовался Гарри.

— Ну да, — хмыкнула Гермиона, — и репутация у неё кошмарная. Если верить «Обзору Магического образования в Европе», основное внимание там уделяется Тёмным искусствам.

— Сдаётся мне, я о ней слышал, — неуверенно произнёс Рон. — Где она? В какой стране?

— Что, никто не знает? — подняла брови Гермиона.

— Э-э-э… а что? — несколько смутился Гарри.

— Между всеми магическими школами веками существует традиционное соперничество. Дурмстранг и Шармбатон предпочитают скрывать своё местонахождение — чтобы никто не завладел их секретами, — сухо объяснила Гермиона.

— Прекрати! — засмеялся Рон. — Этот Дурмстранг должен быть размером с Хогвартс — как это можно спрятать громадный грязный замок?

— Но Хогвартс-то спрятан, — удивилась Гермиона. — Это каждому известно… каждому, кто читал «Историю Хогвартса», во всяком случае.

— Короче, таким, как ты, — кивнул Рон. — Но всё же — как скрыть такое место, как Хогвартс?

— Он заколдован, — сказала Гермиона. — Если на него посмотрит магл, то всё, что он увидит, — это осыпающиеся руины и знак при въезде:

«НЕ ВХОДИТЬ. ОПАСНАЯ ЗОНА!»

— И Дурмстранг со стороны выглядит просто как развалины?

— Возможно, — пожала плечами Гермиона. — Или на нём маглоотталкивающие чары, как на стадионе, где проходил Чемпионат мира. А чтобы

его не обнаружили иностранные волшебники, его делают ненаносимым.

— Так, пожалуйста, ещё раз.

— Ну, ты же можешь заколдовать здание так, чтобы его не было на карте, верно?

— Э-э-э… если ты так говоришь… — согласился Гарри.

— Но я думаю, что Дурмстранг должен быть где-то далеко на севере, — задумчиво сказала Гермиона. — Там, где очень холодно, потому что у них в униформу входит меховой плащ.

— Эх, подумать только, какие были бы возможности, — мечтательно произнёс Рон. — Можно было бы легко столкнуть Малфоя с ледника и представить всё дело как несчастный случай… жаль только, что мать его любит.

Чем дальше на север уходил поезд, тем сильней и сильней хлестал дождь. Небо было таким тёмным, а стёкла такими запотевшими, что среди дня горели лампы. По коридору забренчала обеденная тележка, и Гарри взял на всех большую пачку кексов в форме котлов.

Ближе к полудню к ним заглянул кое-кто из друзей — в том числе Симус Финниган, Дин Томас и Невилл Долгопупс — круглолицый, фантастически рассеянный мальчик, жертва

воспитательной работы грозной колдуньи — его бабушки. Симус всё ещё носил свою ирландскую розетку — её магическая сила заметно ослабела, и хотя она по-прежнему выкрикивала: «Трой! Маллет! Моран!», но уже едва слышно. Примерно через полчаса или около того Гермиона, по горло насытившись бесконечными разговорами о квиддиче, вновь углубилась в «Учебник по волшебству» для четвёртого курса и принялась заучивать Манящие чары.

Невилл с завистью слушал, как остальные заново переживают события финала Чемпионата.

— Бабушка не захотела ехать, — убитым тоном произнёс он. — Не стала покупать билеты. Странно, правда?

— Да уж, — признал Рон. — Взгляни-ка сюда, Невилл…

Забравшись на багажную полку, он пошарил в чемодане и достал миниатюрную фигурку Виктора Крама.

— Ух ты, — восхитился Невилл, когда Рон поставил Крама на его пухлую ладонь.

— Я видел его так же близко, как тебя — мы же были в верхней ложе…

— Первый и последний раз в твоей жизни, Уизли.

В дверях стоял Драко Малфой, а за его спиной маячили его дружки-громилы Крэбб и Гойл. Каждый из них за лето, похоже, вымахал не меньше, чем на фут. Очевидно, они слышали разговор — Дин и Симус оставили дверь полуоткрытой.

— Что-то не припомню, чтобы мы тебя приглашали, Малфой, — холодно заметил Гарри.

— Уизли… а это что такое? — спросил Малфой, указывая на клетку Сычика. Рукав злополучной выходной мантии Рона свисал с неё, покачиваясь в такт движению поезда и выставив на всеобщее обозрение полуистлевшее кружево на манжете.

Рон потянулся убрать наряд подальше с глаз, но Малфой оказался быстрее — ухватив за рукав, он дёрнул мантию к себе.

— Вы только взгляните! — возликовал Малфой, поднимая мантию и показывая её Крэббу и Гойлу. — Уизли, ты что же, всерьёз собирался это носить?! По-моему, это было очень модно году так в одна тысяча восемьсот девяностом…

— Чтоб тебе дерьмом подавиться, Малфой! — Рон сделался примерно одного цвета со своим выходным одеянием и рванул его назад из рук Малфоя. Тот издевательски захохотал. Крэбб и Гойл тоже разразились идиотским гоготом.

— Что, собираешься принять участие, Уиз-

ли? Хочешь принести немного славы родовому имени? Что ж… там и деньги прилагаются, как известно… Сможешь позволить себе приличную мантию, если победишь…

— Ты это о чём? — прорычал Рон.

— Ты собираешься принять участие? — повторил Малфой. — А, полагаю, ты хочешь, Поттер? Уж ты никогда не упустишь шанса покрасоваться, верно?

— Или объясни, о чём речь, или убирайся прочь, Малфой, — с раздражением сказала Гермиона поверх учебника.

Радостная улыбка пробежала по бледному лицу Малфоя.

— Только не говорите мне, что вы не знаете! — с восторгом воскликнул он. — У тебя же отец и брат в Министерстве, и ты даже не слышал? Господи боже, да мой отец всё рассказал мне сто лет назад!.. Он узнал от Корнелиуса Фаджа. Впрочем, отец всегда общается с высшими чинами Министерства… возможно, твой отец занимает слишком незначительную должность, чтобы его посвящали в подобные вещи, Уизли… да… скорее всего, они просто не обсуждают серьёзных дел в его присутствии…

Ещё раз захохотав, Малфой кивнул Крэббу и

Гойлу и вся троица скрылась.

Рон вскочил и захлопнул за ними дверь купе с такой яростью, что стекло разлетелось вдребезги.

— Рон! — укоризненно покачала головой Гермиона. Она вынула волшебную палочку, прошептала: «Репаро!» — и осколки, слетевшись вместе, вновь встали в двери целым стеклом.

— Ладно… Делает вид, будто знает всё на свете, а мы — олухи, — со злостью проворчал Рон, — Отец общается с высшими чинами… да, Па может получить повышение в любое время… ему просто нравится работать там, где он работает…

— Разумеется, он может, — спокойно сказала Гермиона. — Не позволяй Малфою достать тебя, Рон.

— Это он-то! Достанет меня! Как же, сейчас! — Рон взял один из оставшихся кексов и сплющил его в лепёшку.

Рон пребывал в скверном расположении духа до самого конца пути. Он не сказал ни слова, пока они переодевались в школьные мантии, и оставался по-прежнему хмурым, когда «Хогвартс-Экспресс» наконец замедлил ход и остановился в непроглядной темноте на хогсмидской станции.

Лишь только двери поезда отворились, в небе

грянул гром. Выходя из вагона, Гермиона завернула Живоглота в мантию, а Рон так и оставил свой антикварный наряд на клетке Сыча. Ливень был так силён, что они склонили головы и зажмурились — струи стояли стеной и били с таким неистовством, будто над головами кто-то непрерывно опрокидывал бессчётное количество вёдер с ледяной водой.

— Эгей, Хагрид! — закричал Гарри, завидев гигантский силуэт в дальнем конце платформы.

— Ты как, в порядке, Гарри? — прогудел Хагрид в ответ, приветственно махая. — Увидимся… ну… на банкете… если мы не того, не потонем!

По традиции Хагрид переправлял первогодков в замок по воде — через озеро.

— О-о-о, и думать не хочу, каково это — пересекать озеро в такую погоду, — поёживаясь, произнесла Гермиона, когда они вместе с остальными брели вдоль тёмной платформы. Возле станции их поджидала сотня карет без лошадей; Гарри, Рон, Гермиона и Невилл с превеликим удовольствием забрались в одну из них. Дверь с треском захлопнулась, и несколькими минутами позже длинная вереница карет, грохоча и разбрызгивая грязь, покатила по дороге к замку Хогвартс.

Глава 12
Турнир Трёх Волшебников

Рискованно кренясь под резкими порывами ветра, кареты миновали ворота со статуями крылатых вепрей по бокам и заскрипели по длинной дороге к вершине холма. В окно Гарри видел всё ближе и ближе надвигающийся замок, множество его освещённых окон расплывались и мерцали за плотной завесой дождя. Когда их карета остановилась перед громадными парадными дверями резного дуба наверху каменной лестницы, небо перечеркнула вспышка молнии. Те, кто оказались впереди, уже торопились забежать в замок. Гарри, Рон, Гермиона и Невилл спрыгнули на землю и тоже помчались по ступеням, переведя дух лишь под сводами освещённого факелами холла с его величественной мраморной лестницей.

— Вот это да! — Рон потряс мокрой головой — вода лила с него в три ручья. — Если это продлится, того и гляди озеро выйдет из берегов. Я вымок. А, чёрт!

Тяжёлый, красный, полный воды шар упал с

потолка прямо на голову Рону и лопнул. Промокший и бессвязно ругающийся Рон шарахнулся в сторону, толкнув в бок Гарри, и тут как раз упала вторая водяная бомба — едва не зацепив Гермиону, она взорвалась у ног Гарри, подняв волну холодной воды и промочив его до носков. Все, кто стоял вокруг, с криками принялись расталкивать друг друга, стремясь убраться из-под обстрела. Гарри поднял голову и увидел парившего футах в двадцати над ними полтергейста Пивза — маленького человечка в шляпе колокольчиком и оранжевом галстуке-бабочке. Его широкая злобная физиономия была искажена от напряжения — он снова прицеливался.

— ПИВЗ! — загремел сердитый голос. — Пивз, ну-ка спускайся сюда немедленно!

Профессор МакГонагалл, заместитель директора и декан гриффиндорского факультета, стремительно вышла в холл из Большого зала; она поскользнулась на залитом водой полу и была вынуждена ухватиться за Гермиону, чтобы не упасть.

— О, прошу прощения, мисс Грэйнджер…

— Всё в порядке, профессор, — с трудом выговорила Гермиона и ощупала горло.

— Пивз, спускайся сюда сейчас же! — рявкнула

профессор МакГонагалл, поправляя свою островерхую шляпу и свирепо глядя вверх сквозь очки в квадратной оправе.

— Ничего не делаю! — прокудахтал Пивз, запустив следующей бомбой в группу пятикурсниц, которые с визгом бросились в Большой зал. — Они всё равно уже мокрые, ведь так? Небольшая поливка! — И он пульнул очередным снарядом в компанию только что вошедших второкурсников.

— Я позову директора! — пригрозила профессор МакГонагалл. — Предупреждаю тебя, Пивз!

Пивз высунул язык, швырнул, не глядя, последнюю гранату и унёсся прочь вверх по лестнице, кудахча как сумасшедший.

— Ну, пойдёмте! — строго обратилась к забрызганным грязью студентам профессор МакГонагалл. — В Большой зал, побыстрее!

Гарри, Рон и Гермиона, оскальзываясь, побрели через холл и дальше, направо, в двойные двери. Рон едва слышно ругался сквозь зубы, убирая с лица мокрые волосы.

Большой зал был, как всегда, великолепен и подготовлен для традиционного банкета по случаю начала семестра. Золотые кубки и тарелки мерцали в свете тысяч свечей, плавающих в

воздухе над приборами. За четырьмя длинными столами факультетов расселись студенты, оживлённо переговариваясь; на возвышении, по одну сторону пятого стола, лицом к ученикам, сидели преподаватели. Здесь, в зале, было гораздо теплее. Гарри, Рон и Гермиона, пройдя мимо слизеринцев, когтевранцев и пуффендуйцев, уселись вместе с остальными за гриффиндорский стол рядом с Почти Безголовым Ником — факультетским привидением. Ник, жемчужно-белый и полупрозрачный, сегодня вечером был одет в свой обычный камзол, но зато с необъятных размеров плоёным воротником, служившим одновременно и праздничным украшением, и гарантией того, что его голова не станет уж слишком шататься на не до конца перерубленной шее.

— Добрый вечер, — улыбнулся он друзьям.

— Кто это сказал? — проворчал Гарри, стаскивая с себя кроссовки и выжимая их. — Надеюсь, они не будут слишком тянуть с распределением, не то я умру с голода.

Распределение первокурсников по факультетам проводилось в начале каждого учебного года, но, по странному стечению обстоятельств, Гарри не присутствовал ни на одном, кроме своего

собственного, так что ему хотелось взглянуть на церемонию.

Тут за столом раздался слабый и дрожащий от волнения голос:

— Эгей, Гарри!

Это был Колин Криви, третьекурсник, для которого Гарри был чем-то вроде героя.

— Привет, Колин, — настороженно отозвался Гарри. Этот восторженный почитатель всегда доставлял ему немало хлопот.

— Гарри, ты себе не представляешь! Нет, Гарри, ты только угадай! Поступает мой брат! Мой брат Дэннис!

— Э-э-э… ну… это хорошо, — пробормотал Гарри.

— Он так волнуется! — Колин едва не подпрыгивал на месте. — Надеюсь, он попадёт в Гриффиндор! Скрести пальцы на счастье, а, Гарри?

— М-м-м… хорошо, ладно, — согласился Гарри и снова повернулся к Рону, Гермионе и Нику. — Братья и сёстры обычно поступают на один и тот же факультет, ведь так?

Он судил по семейству Уизли, все семеро представителей которого учились на факультете Гриффиндор.

— Совсем не обязательно, — возразила Гермиона. — Сестра Парвати Патил учится в Когтевране, а ведь они близнецы, так что по твоей теории должны непременно быть вместе.

Гарри посмотрел на преподавательский стол. Кажется, там было намного больше пустых мест, чем обычно. Хагрид, ясное дело, вместе с первокурсниками сейчас боролся со штормом на пути через озеро; профессор МакГонагалл, по всей вероятности, руководила уборкой в холле — но ещё одно свободное кресло указывало на отсутствие кого-то неизвестного.

— А где новый преподаватель защиты от Тёмных искусств? — спросила Гермиона, тоже смотревшая на профессоров.

Ещё ни один преподаватель защиты от Тёмных искусств не продержался у них больше трёх семестров. Гарри больше всех любил профессора Люпина, отказавшегося от должности в прошлом году.

— Может, они не сумели никого найти? — обеспокоенно сказала Гермиона.

Гарри ещё раз обежал глазами профессоров — нет, точно, ни одного нового лица. Малютка-профессор Флитвик, преподаватель заклинаний, сидел на высокой стопке подушек рядом с профес-

сором Стебль, преподавателем травологии, чья шляпа сидела набекрень на копне разлетевшихся седых волос. Она беседовала с профессором Синистрой с кафедры астрономии. С другой стороны Синистры восседал желтолицый, крючконосый, с сальными волосами мастер зелий профессор Снегг — самая неприятная для Гарри фигура в Хогвартсе. Отвращение, которое Гарри испытывал к Снеггу, можно было сравнить лишь с той ненавистью, которую Снегг питал к Гарри — и эти взаимные чувства накалились до предела в прошлом году, когда Гарри помог Сириусу сбежать прямо из-под длинного снегговского носа — Снегг и Сириус были заклятыми врагами ещё с их школьных времён.

Дальше за Снеггом было свободное место, принадлежащее, как предполагал Гарри, профессору МакГонагалл. А рядом, в самом центре стола, сидел профессор Дамблдор — директор школы. Его длинные серебряные волосы и борода блестели в свете огней, а роскошная тёмно-зелёная мантия была расшита звёздами и полумесяцами. Соединив концы длинных тонких пальцев и положив на них подбородок, словно уйдя мыслями куда-то очень далеко, он устремил взгляд в потолок, глядя сквозь свои очки-половинки. Гарри тоже под-

нял глаза к потолку. Тот, благодаря колдовству, отображал всё то, что в самом деле происходило в небе, и никогда ещё Гарри не видел его таким хмурым. Там клубились чёрные и фиолетовые тучи, и вместе с ударами грома снаружи по потолку огненно ветвились молнии.

— Ох, да когда же? — простонал Рон. — Я готов съесть гиппогрифа.

Не успели эти слова слететь с его уст, как двери Большого зала отворились и воцарилась тишина. Профессор МакГонагалл провела длинную цепочку первогодков на возвышенную часть зала. Гарри, Рон и Гермиона хоть и промокли, казались совершенно сухими по сравнению с первокурсниками — можно было подумать, что они не ехали в лодке, а добирались вплавь. Все ёжились и от холода, и от волнения, выстроившись шеренгой вдоль преподавательского стола лицом к остальной школе — все, кроме самого маленького мальчика, закутанного в огромное кротовое пальто Хагрида. Пальто было ему настолько велико, что казалось, он выглядывает из чёрного мехового шатра. Его острое личико, высунувшееся из воротника, было болезненно-взволнованным. Встав в ряд со своими отчаянно нервничающими товарищами, он поймал взгляд

Колина Криви, выставил два больших пальца и свистящим шёпотом произнёс: «Я упал в озеро!» Он явно этим гордился.

Профессор МакГонагалл выставила перед первокурсниками трёхногую табуретку и водрузила на неё необычайно старую, грязную, заплатанную Волшебную шляпу. К ней были прикованы взгляды всего зала. В наступившем молчании у самых её полей открылась широкая щель наподобие рта, и Шляпа запела:

Наверно, тыщу лет назад, в иные времена,

Была я молода, недавно сшита,

Здесь правили волшебники — четыре колдуна,

Их имена и ныне знамениты.

И первый — Годрик Гриффиндор, отчаянный храбрец,

Хозяин дикой северной равнины,

Кандида Когтевран, ума и чести образец,

Волшебница из солнечной долины,

Малютка Пенни Пуффендуй была их всех добрей,

Её взрастила сонная лощина

И не было коварней, хитроумней и сильней

Владыки топей — Салли Слизерина.

У них была идея, план, мечта, в конце концов

Без всякого подвоха и злодейства

Собрать со всей Британии талантливых юнцов,

Способных к колдовству и чародейству.

И воспитать учеников на свой особый лад —

Своей закваски, своего помола,

Вот так был создан Хогвартс тыщу лет тому назад,

Так начиналась хогвартская школа.

И каждый тщательно себе студентов отбирал

Не по заслугам, росту и фигуре,

А по душевным свойствам и разумности начал,

Которые ценил в людской натуре.

Набрал отважных Гриффиндор, не тру-

сивших в беде,

Для Когтевран — умнейшие пристрастье,

Для Пенелопы Пуффендуй — упорные в труде,

Для Слизерина — жадные до власти.

Всё шло прекрасно, только стал их всех вопрос терзать,

Покоя не давать авторитетам —

Вот мы умрём, и что ж — кому тогда распределять

Учеников по нашим факультетам?

Но с буйной головы меня сорвал тут Гриффиндор,

Настал мой час, и я в игру вступила.

«Доверим ей, — сказал он, — наши взгляды на отбор,

Ей не страшны ни время, ни могила!»

Четыре Основателя процесс произвели,

Я толком ничего не ощутила,

Всего два взмаха палочкой, и вот в меня вошли

Их разум и магическая сила.

Теперь, дружок, хочу, чтоб глубже ты меня надел,

Я всё увижу, мне не ошибиться,

Насколько ты трудолюбив, хитёр, умён и смел,

И я отвечу, где тебе учиться!

Когда Волшебная шляпа закончила петь, весь Большой зал загремел аплодисментами.

— Когда распределяли нас, она пела другую песню, — заметил Гарри, хлопая вместе со всеми остальными.

— Она каждый год поёт новую, — ответил Рон. — Согласись, это, наверное, довольно скучное занятие — быть Шляпой, так что, я думаю, она целый год сочиняет очередную песню.

Профессор МакГонагалл уже разворачивала длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы надеваете Шляпу и садитесь на табурет, — обратилась она к новичкам. — Когда Шляпа назовёт ваш факультет, вы встаёте и идёте за соответствующий стол.

— Акерли, Стюарт!

Вперёд выступил мальчик, явственно дрожащий с головы до пят, взял Волшебную шляпу, надел и сел на табуретку.

— Когтевран! — объявила Шляпа.

Стюарт Акерли снял Шляпу и поспешил к своему месту за когтевранским столом, где все приветствовали его аплодисментами. Гарри уловил случайный взгляд Чжоу — ловца команды Когтеврана, что-то одобрительно крикнувшей Стюарту, когда тот усаживался, и на какой-то миг к Гарри вдруг пришло странное желание тоже очутиться за когтевранским столом.

— Бэддок, Малькольм!

— Слизерин!

Стол в противоположном конце холла забурлил от восторга, Гарри видел, как хлопал Малфой, когда Бэддок присоединился к слизеринцам, и невольно задал себе вопрос — а знает ли Бэддок, что именно слизеринский факультет дал больше Тёмных магов и колдуний, чем все остальные. Фред и Джордж засвистели, как только Малькольм Бэддок сел на своё место.

— Брэнстоун, Элеонора!

— Пуффендуй!

— Колдуэл, Оуэн!

— Пуффендуй!

— Криви, Дэннис!

Крошка Дэннис Криви двинулся вперёд, путаясь в хагридовской шубе — тут, кстати, и сам

Хагрид, пытаясь ступать как можно осторожнее, боком протиснулся в зал через дверь позади преподавательского стола. Вдвое выше любого человека и раза в три шире, Хагрид, с его длинными, чёрными, спутанными космами и бородой, имел довольно устрашающий вид, но это было самое обманчивое в мире впечатление — уж Гарри, Рону и Гермионе был прекрасно известен его добродушный характер. Лесничий подмигнул друзьям, усаживаясь с края преподавательского стола и стал смотреть, как Дэннис Криви надевает Волшебную шляпу. Отверстие над полями раскрылось, и…

— Гриффиндор! — произнесла Шляпа свой вердикт. Хагрид захлопал вместе с гриффиндорцами, когда Дэннис, радостно улыбаясь, снял Шляпу, положил её на место и поспешил к брату.

— Колин, я поступил! — пронзительно закричал он, падая на свободное место рядом. — Это замечательно! А меня кто-то схватил в воде и забросил обратно в лодку!

— Здорово! — не менее возбуждённо воскликнул Колин. — Наверное, это был гигантский кальмар, Дэннис!

— Ого! — восхитился Дэннис — похоже, в самых смелых мечтах он и не надеялся на такое приклю-

чение — во время шторма упасть в бушующее бездонное озеро и затем быть поднятым оттуда громадным морским чудовищем.

— Дэннис! Дэннис! Видишь вон того мальчика? Того, с чёрными волосами и в очках? Видишь его? Знаешь, кто это, Дэннис?

Гарри торопливо отвернулся и принялся старательно наблюдать, как Шляпа разбирается с Эммой Ноббс.

Распределение продолжалось. Мальчики и девочки, с большим или меньшим страхом на лицах, один за другим подходили к трёхногой табуретке; очередь сокращалась медленно, и пока что профессор МакГонагалл перебралась через букву «О».

— Ох, да скорее же, — вздыхал Рон, массируя себе живот.

— Ну, Рон, распределение гораздо важнее еды, — попробовал поспорить Почти Безголовый Ник.

— Конечно, если ты уже умер, — огрызнулся Рон.

— Я очень надеюсь, что пополнение Гриффиндора этого года проявит себя достойно, — заметил Почти Безголовый Ник, аплодируя, когда «Макдональд, Натали» присоединилась к гриффиндор-

скому столу. — Мы же не хотим прервать нашу победную серию?

Гриффиндор побеждал в межфакультетском соревновании уже третий год подряд.

— Причард, Грэхэм!

— Слизерин!

— Свирк, Орла!

— Когтевран!

И, наконец, на «Уитби, Кевин!» («Пуффендуй!») Распределение завершилось. Профессор МакГонагалл унесла и Шляпу, и табуретку.

— Самое время, — пробурчал Рон, схватив нож и вилку и с нетерпением уставившись в золотую тарелку.

Поднялся профессор Дамблдор. Он улыбнулся всем студентам, приветственно раскинув руки.

— Скажу вам только одно, — произнёс он, и его звучный голос эхом прокатился по всему залу. — Ешьте.

— Верно, верно! — с неподдельным чувством закричали Рон и Гарри, и в это время стоявшие перед ними блюда волшебным образом наполнились.

Почти Безголовый Ник со скорбным видом наблюдал, как Гарри, Рон и Гермиона нагружают свои тарелки.

— А-а-а, от эфо лушше, — пробормотал Рон со ртом, набитым картофельным пюре.

— Вам повезло, что банкет поздно вечером, знаете ли, — продолжил беседу Почти Безголовый Ник. — Тут немного раньше на кухне были неприятности.

— Пошшему? Чшо слушшилось? — поинтересовался Гарри сквозь изрядный ломоть бифштекса.

— Разумеется, дело в Пивзе. — Ник сокрушённо покачал головой, и та опасно заколебалась. Он осторожно передвинул воротник чуть повыше. — Обычная склока, легко можно представить. Пивз выразил желание присутствовать на банкете — тут всё ясно, вы его прекрасно знаете — совершеннейший дикарь, не может смотреть на тарелку с едой без того, чтобы не швырнуть ею куда-нибудь. Мы собрали Совет призраков — Толстый Монах был за то, чтобы предоставить ему шанс — хотя, на мой взгляд, куда более мудрой была позиция Кровавого Барона — тот решительно воспротивился.

Кровавый Барон — это слизеринское привидение, долговязый молчаливый фантом, покрытый серебрящимися пятнами крови. В Хогвартсе он был единственным, кого по-настоящему боялся Пивз.

— Мы так и поняли, что Пивз чего-то переел, — мрачно отозвался Рон. — И что же он натворил на кухне?

— О, всё как обычно, — пожал плечами Почти Безголовый Ник. — Учинил разгром и скандал. Повсюду раскиданы горшки и кастрюли. Всё плавает в супе. Домашние эльфы чуть с ума от страха не посходили.

Блямс! Гермиона опрокинула свой золотой кубок, тыквенный сок разлился по скатерти, сделав несколько футов белого льняного полотна жёлтым, но Гермиона даже не обратила внимания.

— Здесь есть домашние эльфы? — Она ошеломлённо уставилась на Ника. — Здесь, в Хогвартсе?

— Разумеется. — Почти Безголовый Ник был порядком удивлён её реакцией. — Одна из самых больших общин в Британии — около сотни.

— Но я никогда ни одного не видела! — поразилась Гермиона.

— Вероятно, потому, что днём они почти не покидают кухни, — ответил Ник. — Они выходят только ночью, для уборки… присмотреть за факелами, то да сё… Я хочу сказать, вы и не должны их видеть… Это ведь и есть признак хорошего домашнего эльфа — что вы его не замечаете, не так ли?

Гермиона вперила в него негодующий взгляд:

— Но им платят? У них есть выходные? А отпуска по болезни, пенсии и всё такое?

Почти Безголовый Ник фыркнул с таким изумлением, что его воротник соскользнул и голова свалилась, повиснув на том дюйме призрачной кожи, что всё ещё удерживал её на шее.

— Отпуска и пенсии? — переспросил он, водружая голову обратно на плечи и ещё раз подпирая её воротником. — Но домовики вовсе не желают получать отпуска и пенсии!

Гермиона посмотрела на свою тарелку с едой, к которой едва успела притронуться, и отодвинула её от себя, положив нож и вилку.

— О-м-м, фы фаешь, Эммиончик, — Рон, по-прежнему с набитым ртом, окатил Гарри брызгами йоркширского пудинга. — О-о, ишвини, Арри. — Он сделал могучее глотательное движение. — Гермиона, ты не предоставишь им отпусков, если уморишь себя голодом!

— Рабский труд. — Гермиона буквально задохнулась от гнева. — Вот что создало этот ужин — рабский труд.

И она больше не взяла в рот ни кусочка.

Дождь по-прежнему с силой барабанил в высокие тёмные окна. От очередного удара грома

задребезжали стёкла и на грозовом потолке полыхнула вспышка, озарившая золотые тарелки, исчезнувшие на мгновенье с остатками первых блюд и немедленно вернувшиеся с пирогами.

— Пирог с патокой, Гермиона! — Рон специально помахал над блюдом так, чтобы соблазнительный запах достиг ноздрей Гермионы. — А вот, смотри-ка, пудинг с изюмом! Шоколадное печенье!

Но ответный взгляд Гермионы до того напомнил ему профессора МакГонагалл, что Рон умолк.

Когда были уничтожены и пироги, а со вновь заблестевших тарелок пропали последние крошки, Альбус Дамблдор снова поднялся со своего места. Гудение разговоров, наполнявшее Большой зал, сразу же прекратилось, так что стало слышно лишь завывание ветра и стук дождя.

— Итак, — заговорил, улыбаясь Дамблдор. — Теперь, когда мы все наелись и напились («Хм!» — с сомнением произнесла Гермиона), я должен ещё раз попросить вашего внимания, чтобы сделать несколько объявлений. Мистер Филч, наш завхоз, просил меня поставить вас в известность, что список предметов, запрещённых в стенах замка, в этом году расширен и теперь включает в себя

Визжащие игрушки йо-йо, Клыкастые фрисби и Безостановочно-расшибальные бумеранги. Полный список состоит из четырёхсот тридцати семи пунктов, и с ним можно ознакомиться в кабинете мистера Филча, если, конечно, кто-то пожелает.

Едва заметно усмехнувшись в усы, Дамблдор продолжил:

— Как и всегда, мне хотелось бы напомнить, что Запретный лес является для студентов запретной территорией, равно как и деревня Хогсмид — её не разрешается посещать тем, кто младше третьего курса.

Также для меня является неприятной обязанностью сообщить вам, что межфакультетского чемпионата по квиддичу в этом году не будет.

— Что? — ахнул Гарри. Он оглянулся на Фреда и Джорджа, своих товарищей по команде. Те беззвучно разинули рты, уставившись на Дамблдора и, похоже, онемев от шока.

— Это связано с событиями, которые должны начаться в октябре и продолжиться весь учебный год — они потребуют от преподавателей всего их времени и энергии, но уверен, что вам это доставит истинное наслаждение. С большим удовольствием объявляю, что в этом году в Хогвартсе…

Но как раз в этот момент грянул оглушительный громовой раскат и двери Большого зала с грохотом распахнулись.

На пороге стоял человек, опирающийся на длинный посох и закутанный в чёрный дорожный плащ. Все головы в зале повернулись к незнакомцу — неожиданно освещённый вспышкой молнии, он откинул капюшон, тряхнул гривой тёмных с проседью волос и пошёл к преподавательскому столу.

Глухое клацанье отдавалось по всему залу при каждом его шаге. Незнакомец приблизился к профессорскому подиуму и прохромал к Дамблдору. Ещё одна молния озарила потолок. Гермиона охнула, и было от чего.

Вспышка резко высветила черты лица пришельца. Таких лиц Гарри ещё не доводилось видеть. Оно словно было вырезано из изъеденного ветрами дерева скульптором, имевшим довольно смутное представление о том, как должно выглядеть человеческое лицо, и вдобавок скверно владевшего резцом. Каждый дюйм кожи был испещрён рубцами, рот выглядел просто как косой разрез, а изрядная часть носа отсутствовала. Но самая жуть была в глазах. Один был маленьким, тёмным и блестящим. Другой

— большой, круглый как монета и ярко-голубой.

Этот голубой глаз непрестанно двигался, не моргая, вращаясь вверх, вниз, из стороны в сторону, совершенно независимо от первого, нормального глаза — а кроме того, он временами полностью разворачивался, заглядывая куда-то внутрь головы, так что снаружи были видны лишь белки.

Незнакомец подошёл к Дамблдору и протянул ему руку, так же, как и лицо, исполосованную шрамами. Директор пожал её, негромко сказав при этом несколько слов, которые Гарри не расслышал. Похоже, он что-то спросил у вошедшего — тот неулыбчиво покачал головой и тоже вполголоса что-то ответил. Дамблдор кивнул и жестом пригласил его на свободное место по правую руку от себя.

Незнакомец сел, отбросив с лица длинные сивые патлы, и пододвинул к себе тарелку с сосисками; поднял к тому что осталось от его носа и понюхал, после чего достал из кармана маленький нож, подцепил сосиску за конец и начал есть. Его нормальный глаз был устремлён на еду, но голубой без устали крутился в глазнице, озирая зал и студентов.

— Позвольте представить вам нашего нового

преподавателя защиты от Тёмных искусств, — жизнерадостно объявил Дамблдор в наступившей тишине. — Профессор Грюм.

По обычаю, новых преподавателей приветствовали аплодисментами, но в этот раз никто из профессоров или студентов не захлопал, если не считать самого Дамблдора и Хагрида. Их удары ладонью о ладонь уныло прозвучали при всеобщем молчании и скоро затихли. Всех остальных, видимо, настолько поразило необычайное появление Грюма, что они могли только смотреть на него.

— Грюм? — шепнул Гарри Рону. — Грозный Глаз Грюм? Тот самый, которому твой отец отправился помогать сегодня утром?

— Должно быть, — пробормотал Рон благоговейным тоном.

— Что с ним случилось? — прошептала Гермиона. — Что с его лицом?

— Не знаю, — ответил Рон, заворожённо глядя на Грюма.

Грозный Глаз остался совершенно равнодушен к такому более чем прохладному приёму. Не обращая внимания на стоящую перед ним кружку тыквенного сока, он снова полез в плащ, вынул плоскую походную флягу и сделал из неё поря-

дочный глоток. Пока он пил, задрав локоть, его мантия на пару дюймов приподнялась над полом и Гарри углядел часть точёной деревянной ноги, заканчивающейся когтистой лапой.

Дамблдор вновь прокашлялся.

— Как я и говорил, — он улыбнулся множеству студенческих лиц, все взоры которых были обращены к Грозному Глазу Грюму, — в ближайшие месяцы мы будем иметь честь принимать у себя чрезвычайно волнующее мероприятие, какого ещё не было в этом веке. С громадным удовольствием сообщаю вам, что в этом году в Хогвартсе состоится Турнир Трёх Волшебников.

— Вы ШУТИТЕ! — оторопело произнёс Фред Уизли во весь голос, неожиданно разрядив то напряжение, которое охватило зал с самого появления Грозного Глаза.

Все засмеялись, и даже Дамблдор понимающе хмыкнул.

— Я вовсе не шучу, мистер Уизли, — сказал он. — Хотя, если уж вы заговорили на эту тему я этим летом слышал анекдот… словом, заходят однажды в бар тролль, ведьма и лепрекон…

Профессор МакГонагалл многозначительно кашлянула.

— Э-э-э… но, возможно, сейчас не время… н-

да… — Дамблдор почесал кустистую бровь. — Так о чём бишь я? Ах да, Турнир Трёх Волшебников. Я думаю, некоторые из вас не имеют представления о том, что это за Турнир, а те, кто знают, надеюсь, простят меня за разъяснения, и пока могут занять своё внимание чем-нибудь другим.

Итак, Турнир Трёх Волшебников был основан примерно семьсот лет назад как товарищеское соревнование между тремя крупнейшими европейскими школами волшебства — Хогвартсом, Шармбатоном и Дурмстрангом. Каждую школу представлял выбранный чемпион, и эти три чемпиона состязались в трёх магических заданиях. Школы постановили проводить Турнир каждые пять лет, и было общепризнано, что это наилучший путь налаживания дружеских связей между колдовской молодёжью разных национальностей — и так шло до тех пор, пока число жертв на этих соревнованиях не возросло настолько, что Турнир пришлось прекратить.

— Жертв? — тихо переспросила Гермиона, встревоженно осматриваясь, но большинство студентов в зале и не думали разделить её беспокойство, многие шёпотом переговаривались, и даже Гарри гораздо больше интересовали подробности Турнира, чем какие-то несчастные

случаи, произошедшие сотни лет назад.

— За минувшие века было предпринято несколько попыток возродить Турнир, — продолжал Дамблдор, — но ни одну из них нельзя назвать удачной. Тем не менее наши Департаменты магического сотрудничества и магических игр и спорта пришли к выводу, что пришло время попробовать ещё раз. Всё лето мы упорно трудились над тем, чтобы в этот раз обеспечить условия, при которых ни один из чемпионов не подвергся бы смертельной опасности.

Главы Шармбатона и Дурмстранга прибудут с окончательными списками претендентов в октябре, и выборы чемпионов будут проходить на День Всех Святых. Беспристрастный судья решит, кто из студентов наиболее достоин соревноваться за Кубок Трёх Волшебников, честь своей школы и персональный приз в тысячу галеонов.

— Я хочу в этом участвовать! — прошипел на весь стол Фред Уизли — его лицо разгорелось энтузиазмом от перспективы такой славы и богатства. Он оказался далеко не единственным, кто, судя по всему, представил себя в роли хогвартского чемпиона. За столом каждого факультета Гарри видел людей, с не меньшим восхищением уставившихся на Дамблдора или что-то с жаром

шепчущих соседям. Но тут директор заговорил вновь, и зал опять умолк.

— Я знаю, что каждый из вас горит желанием завоевать для Хогвартса Кубок Трёх Волшебников, однако Главы участвующих школ совместно с Министерством магии договорились о возрастном ограничении для претендентов этого года. Лишь студенты в возрасте — я подчёркиваю это — семнадцати лет и старше получат разрешение выдвинуть свои кандидатуры на обсуждение. Это, — Дамблдор слегка повысил голос, поскольку после таких слов поднялся возмущённый ропот — близнецы Уизли, например, сразу рассвирепели, — признано необходимой мерой, поскольку задания Турнира по-прежнему остаются трудными и опасными, какие бы предосторожности мы ни предпринимали, и весьма маловероятно, чтобы студенты младше шестого и седьмого курсов сумели справиться с ними. Я лично прослежу за тем, чтобы никто из студентов моложе положенного возраста при помощи какого-нибудь трюка не подсунул нашему независимому судье свою кандидатуру для выборов чемпиона. — Его лучистые голубые глаза вспыхнули, скользнув по непокорным физиономиям Фреда и Джорджа. — Поэтому настоятельно прошу — не

тратьте понапрасну время на выдвижение самих себя, если вам ещё нет семнадцати.

Делегации из Шармбатона и Дурмстранга появятся здесь в октябре и пробудут с нами большую часть этого года. Не сомневаюсь, что вы будете исключительно любезны с нашими зарубежными гостями всё то время, что они проведут у нас и что от души поддержите хогвартского чемпиона, когда он или она будет выбран. А теперь — уже поздно, и я понимаю, насколько для вас всех важно явиться на завтрашние уроки бодрыми и отдохнувшими. Пора спать! Не теряйте времени!

Дамблдор сел на место и заговорил с Грозным Глазом. С громким шумом и стуком ученики поднялись на ноги и толпой хлынули к дверям в холл.

— Они не могут так поступить! — заявил Джордж Уизли, который не присоединился к людскому потоку в дверях, а остался стоять, с гневом глядя на Дамблдора. — Семнадцать нам исполняется в апреле, почему же нас лишают шанса?

— Они не помешают мне участвовать, — упрямо сказал Фред, тоже хмуро поглядывая на преподавательский стол. — Чемпионам позволено такое, о чём остальные и мечтать не смеют. И тысяча галеонов награды!

— Ну да, — произнёс Рон с мечтательным видом. — Тысяча галеонов…

— Пойдёмте-ка, — предложила Гермиона. — Если вы не пошевелитесь, мы тут останемся в одиночестве.

Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Джордж направились в холл, и близнецы занялись обсуждением тех мер, которые может употребить Дамблдор, чтобы не допустить к Турниру тех, кому меньше семнадцати.

— А кто этот беспристрастный судья, что будет решать, кому быть чемпионом? — спросил Гарри.

— Понятия не имею, — ответил Фред. — Но его-то нам и предстоит провести. Я полагаю, Джордж, тут сработает пара капель Старящего зелья…

— Но Дамблдор знает, что вы не проходите по возрасту, — возразил Рон.

— Это-то да, но ведь не он решает, кто станет чемпионом, правильно? — весьма проницательно отметил Фред. — Сдаётся мне, что как только этот судья узнает, кто хочет участвовать, он выберет лучшего из каждой школы и внимания не обратит, сколько тому лет. А Дамблдор пытается помешать нам подать заявки.

— Там люди гибли, учти! — с беспокойством

напомнила Гермиона, когда они прошли через дверь, скрытую гобеленом и начали подниматься по другой, более узкой лестнице.

— Да, да, — беззаботно согласился Фред, — но это когда было… Да хоть бы и так — что за удовольствие без элемента риска? Эй, Рон, а что, если мы и впрямь отыщем способ, как обойти Дамблдора? Мы участвуем, представляешь?

— А ты как думаешь? — спросил Рон у Гарри. — Было бы круто принять участие, верно? Но боюсь, они могут захотеть кого-нибудь постарше… не знаю, если бы мы учились получше…

— Вот я точно не участвую, — раздался позади Фреда и Джорджа унылый голос Невилла. — Наверное, моя бабушка хотела бы, чтобы я попытался — она беспрерывно толкует о том, как я должен поддерживать фамильную честь, и мне просто придётся… ой!..

Нога Невилла провалилась прямо сквозь ступеньку на середине лестницы — в Хогвартсе было полным-полно лестниц с подобными фокусами, у старшекурсников уже выработалась привычка перепрыгивать такие сюрпризы, но плохая память Невилла была знаменита на всю школу. Гарри с Роном подхватили его под руки и вытащили, в то время как рыцарские доспехи

на верхней площадке заскрипели и залязгали, заливаясь хриплым смехом.

— Закройся, ты, — буркнул Рон, захлопнув им забрало, когда они проходили мимо.

Друзья дошли до входа в гриффиндорскую башню, загороженного большим портретом Полной Дамы в розовом шёлковом платье.

— Пароль? — потребовала она, как только они приблизились.

— Чепуха, — отозвался Джордж. — Мне староста внизу сказал.

Портрет развернулся, открыв проём в стене, в который и пробралась вся компания. Круглая общая гостиная была согрета огнём, потрескивающим в камине, кругом стояли мягкие кресла и столы. Гермиона бросила на весело пляшущее пламя мрачный взгляд, и Гарри отчётливо услышал, как она пробормотала «рабский труд», прежде чем пожелать им спокойной ночи, после чего удалилась в спальню девочек.

Гарри, Рон и Невилл поднялись по последней, винтовой лестнице и наконец попали в собственную спальню, расположенную на самом верху башни. У стен стояли пять кроватей с тёмно-красными пологами, и у каждой в ногах — чемодан владельца. Дин и Симус уже легли спать; Симус

приколол свою ирландскую розетку в изголовье, а Дин прикрепил плакат с Виктором Крамом над столиком у кровати. Прежний плакат с футбольной командой Вест Хэм теперь висел рядом.

— Бред какой-то, — со вздохом покачал головой Рон, посмотрев на совершенно неподвижных игроков.

Гарри, Рон и Невилл надели пижамы и забрались в кровати. Кто-то — без сомнения, домовой эльф — положил грелки между простынями. Было очень здорово лежать в тёплой постели и слушать, как снаружи беснуется буря.

— Ты знаешь, я тоже мог бы участвовать, — сонно пробормотал Рон в темноте. — Если уж Фред и Джордж придумают, как… на Турнир… а ты сам… никогда… не думал?..

— Нет, не думал. — Гарри перевернулся на другой бок, и череда ослепительных видений возникла перед его внутренним взором. Вот он перехитрил судью, и тот поверил, что ему семнадцать лет… он стал хогвартским чемпионом… вот он стоит, торжествующе подняв руки перед ликующей школой — крики, рукоплескания… он только что выиграл Турнир Трёх Волшебников… Лицо Чжоу особенно отчётливо выделяется в пёстрой толпе, оно светится восхищением…

Гарри улыбнулся в подушку, весьма довольный тем, что Рон при всём желании не может ничего этого видеть.

Глава 13
Грозный Глаз Грюм

На следующее утро буря утихла, хотя потолок в Большом зале оставался пасмурным; тяжёлые, свинцово-серые тучи клубились над головами, когда Гарри, Рон и Гермиона изучали за завтраком новое расписание. Рядом Фред, Джордж и Ли Джордан решали, как волшебным образом повзрослеть и проникнуть на Турнир Трёх Волшебников.

— Сегодня как будто неплохо… всё утро на улице. — Палец Рона скользил по колонке уроков на понедельник. — Травология с пуффендуйцами… и уход за магическими существами… а, чёрт, это у нас со слизеринцами.

— А днём сдвоенное предсказание, — тяжко вздохнул Гарри, посмотрев в конец списка. Предсказание, вслед за зельями, было одним из его самых нелюбимых предметов. Профессор Трелони упорно предрекала смерть Гарри, что ему уже порядком надоело.

— А ты не можешь отказаться от неё, как я? — бодро спросила Гермиона, намазывая тост

маслом. — Ты бы выбрал что-нибудь более разумное, типа нумерологии.

— Я смотрю, ты снова ешь, — заметил Рон, глядя, как Гермиона щедро добавляет джема к намазанному маслом тосту.

— Я нашла лучший способ отстаивать права эльфов, — с вызовом ответила Гермиона.

— Ну да… и к тому же проголодалась, — усмехнулся Рон.

Над ними послышался шорох многочисленных крыльев, и в открытые окна с утренней почтой влетело не меньше сотни сов. Гарри машинально поднял голову, но ни одного белого пера не промелькнуло в лавине серого и коричневого. Совы кружили над столами, высматривая адресатов писем и посылок. Большая рыже-коричневая сова слетела к Невиллу Долгопупсу и положила ему на колени пакет — Невилл вечно что-то забывал. На другом краю зала филин Драко Малфоя сел на его плечо с обычной, судя по всему, порцией конфет и печенья из дома. Стараясь не замечать переполнившего его разочарования, Гарри вернулся к своей овсянке. Может быть, что-то случилось с Буклей и Сириус даже не получил его письмо?

Он был поглощён этими мыслями всю дорогу по раскисшей от дождя тропинке, которая при-

вела их к третьей оранжерее, но тут профессор Стебль отвлекла его, продемонстрировав классу самые уродливые растения, какие Гарри только приходилось видеть. На самом деле они выглядели скорее даже не как растения, а как гигантские чёрные слизни, вертикально торчащие из почвы. Каждый слегка извивался и был усеян множеством блестящих припухлостей, наполненных какой-то жидкостью.

— Бубонтюберы, — жизнерадостно сказала профессор Стебль. — Их нужно выжимать — будете собирать гной.

— Собирать что? — с отвращением переспросил Симус Финниган.

— Гной, Финниган, гной, — повторила профессор Стебль. — И учтите, он чрезвычайно ценен, так что постарайтесь не пролить ни капли. Собирать будете вот в эти бутылочки. И наденьте перчатки из драконьей шкуры — неразбавленный гной бубонтюбера способен причинить коже разные неприятности.

Выдавливание бубонтюберов оказалось делом неприятным, но, как ни странно, приносящим удовлетворение. Когда очередной пупырышек лопался, наружу выбрызгивалось немалое количество густой желтовато-зелёной жидкости

с сильным запахом бензина. Они аккуратно собирали её в указанные профессором Стебль склянки, так что к концу занятия набралось несколько пинт.

— Мадам Помфри будет счастлива, — заметила профессор Стебль, затыкая пробкой последнюю бутылку. — Гной бубонтюбера — великолепное средство от самых тяжёлых форм угреватости, так что студентам не надо будет прибегать ко всяким отчаянным способам, чтобы избавиться от угрей.

— Как бедняжка Элоиза Миджен, — тихо сказала Ханна Эббот из Пуффендуя. — Она свои попыталась свести заклятием.

— Глупышка, — покачала головой профессор Стебль. — Но мадам Помфри в конце концов прикрепила ей нос на место.

Удар колокола в замке, прокатившийся над сырыми полями, возвестил окончание урока, и класс разделился — пуффендуйцы отправились в замок, на трансфигурацию, а гриффиндорцы пошли в противоположном направлении — вниз по склону луга к маленькой бревенчатой хижине Хагрида на опушке Запретного леса.

Хагрид стоял возле своей избушки, держа за ошейник громадного чёрного волкодава Клыка. Перед ними на земле стояли несколько корзин,

и Клык поскуливал и тянул ошейник, сгорая от желания поближе познакомиться с содержимым. Когда все подошли ближе, до их ушей донёсся странный рокочущий шум, перемежающийся негромкими взрывами.

— Привет! — сказал Хагрид, улыбаясь Гарри, Рону и Гермионе. — Постоим, ну, то есть… ждём слизеринцев — им-то точно… ну, не захотят пропустить такое — соплохвосты!

— Кто-кто? — спросил Рон.

Хагрид в ответ лишь указал на корзины.

— Ф-е-е! — взвизгнула Лаванда Браун, отпрыгивая назад.

«Ф-е-е», на взгляд Гарри, было почти всё, что можно сказать о соплохвостах. Они походили на уродливых, лишённых панциря омаров, омерзительно-бледных и скользких на вид, ноги их торчали из самых странных мест, а где голова, вообще было невозможно разобрать. В корзинах их было примерно по сотне, каждый дюймов шести в длину. Они ползали друг по другу и слепо стукались о стенки корзин; от них изрядно разило тухлой рыбой. Время от времени из конца тела какого-нибудь соплохвоста вылетали искры, и с негромким «пафф!» его бросало вперёд на несколько дюймов.

— Они… ну, это… только что вылупились, — с гордостью сказал Хагрид. — Так что вы, того, словом, сможете вырастить их сами! Можем даже этот… проект насчёт этого составить…

— А с какой стати мы должны хотеть выращивать их? — раздался холодный голос.

Это подошли слизеринцы, и говорил, естественно, Драко Малфой, а Крэбб и Гойл тут же понимающе загоготали при этих словах.

Хагрид был озадачен подобным вопросом.

— Я имею в виду, что они делают? — уточнил Малфой. — Зачем они нужны?

Хагрид даже приоткрыл рот, напряжённо размышляя, и после затянувшейся паузы с нарочитой небрежностью произнёс:

— Это… э-э-э… потом… на следующем уроке, Малфой. Сегодня вам их… ну, надо просто накормить. Ну, мы… нам… попробовать несколько других… словом, разных вещей… Я никогда их раньше… ну, дела не имел, и не уверен, как их… что у них пойдёт… так что приготовил муравьиные яйца, и… эту… лягушачью печень… ну, и кусок ужа… просто их… дайте им всего понемногу.

— Так, сначала гной, теперь вот это, — проворчал Симус.

Лишь глубокая симпатия к Хагриду могла заставить Гарри, Рона и Гермиону набрать в горсти хлюпающую лягушачью печень и опустить в корзины, пытаясь соблазнить ею соплохвостов. Вдобавок Гарри был не в силах отогнать подозрения, что вся эта затея совершенно бессмысленна, поскольку у соплохвостов, очевидно, не было ртов.

— Ух ты! — закричал Дин Томас минут через десять. — Он меня шибанул!

Хагрид с беспокойством поспешил к нему.

— Он с того конца взрывается! — сердито сообщил Дин, показывая Хагриду ожог на руке.

— А, да… это такое случается, когда они… ну, взлетают, — кивнул Хагрид.

— Ой! — снова вскрикнула Лаванда Браун. — Ой, Хагрид, а что это за острая штука на нём?

— Ага, у некоторых… ну, из них… короче, есть жало, — с воодушевлением пояснил Хагрид (Лаванда поспешно выдернула руку из корзины). Думаю, это… в общем, самцы. У самок что-то на манер этих… присосок на животе… они вроде того… могут пить кровь.

— А, ну вот теперь-то я понял, зачем мы их выхаживаем, — желчно заметил Малфой. — Кому не хочется иметь домашнюю зверюшку, которая мо-

жет обжигать, жалить и кусаться одновременно?

— Даже если они и не очень-то симпатичны, это вовсе не значит, что они бесполезны, — сердито возразила Гермиона. — Драконья кровь обладает удивительной магической силой, но ты ведь не станешь держать дракона у себя дома?

Гарри и Рон улыбнулись Хагриду, а тот украдкой ухмыльнулся в ответ сквозь косматую бороду. Уж кто-кто, а Гарри, Рон и Гермиона прекрасно знали, как их друг хотел домашнего дракона; им одним было известно, что в первый год их учёбы у Хагрида жил недолго злобный норвежский горбатый дракон по имени Норберт. Просто Хагрид души не чаял в монстрах — и чем они смертельней, тем лучше.

— Что ж, по крайней мере, соплохвосты маленькие, — сказал Рон, когда они часом позже брели вверх по лугу обратно в замок на обед.

— Это сейчас, — хмуро отозвалась Гермиона. — Но как только Хагрид выяснит, что они едят, не сомневайся — быть им шести футов в длину.

— Ну, какое это имеет значение, если они, скажем, вырабатывают лекарство от морской болезни или что-то в этом роде? — хитро усмехнулся Рон.

— Ты отлично понимаешь, что я сказала это

только затем, чтобы Малфой заткнулся, — отмахнулась Гермиона. — Но в сущности-то он прав. Лучше всего было бы передавить большинство из них, прежде чем они начнут бросаться на нас.

Усевшись за гриффиндорский стол, они отдали должное бараньим отбивным и картошке. Гермиона ела с такой скоростью, что Гарри и Рон уставились на неё.

— Э-э-э… это что, новый способ отстаивать права эльфов? — поинтересовался Рон. — Следующий ход — довести себя до рвоты?

— Нет, — ответила Гермиона со всем достоинством, какое только позволял набитый рот. — Я просто ещё хочу успеть в библиотеку.

— Что? — Рон не поверил своим ушам. — Гермиона! Это же первый день учёбы! Нам даже ещё не задали домашнего задания!

Гермиона в ответ лишь пожала плечами и продолжала уминать еду так, словно три дня не ела, после чего вскочила и со словами «Увидимся за ужином!» умчалась прочь.

Когда колокол прозвонил к началу послеполуденных занятий, Гарри с Роном направились в Северную башню, где тесные каменные ступени вели на самый верх, а там по серебряной лесенке надо было пролезть через круглый люк в потолке,

и тогда только можно было попасть в комнату, где обитала профессор Трелони.

Знакомый сладкий аромат, струящийся от огня в камине, достиг их ноздрей, едва они влезли наверх по стремянке. Как и всегда, окна были зашторены; круглый кабинет был погружён в тусклый красноватый сумрак, создаваемый множеством ламп, завешанных какими-то шарфами и шалями. Гарри и Рон пробрались через обитые ситцем стулья и пуфы, загромождавшие комнату, и сели за один маленький круглый стол.

— Добрый день, — Гарри даже подскочил — томный голос профессора Трелони раздался прямо за его спиной.

Необычайно худая женщина в громадных очках, делавших её глаза несообразно большими для лица, профессор Трелони устремила на него тот трагический взгляд, который неизменно у неё появлялся, стоило ей завидеть Гарри. Как обычно, в свете камина на ней поблёскивали бесчисленные бусы, цепочки и браслеты.

— Вы сегодня раньше других, мой дорогой, — печальным тоном обратилась она к нему. — В последнее время своим Внутренним Оком я вижу ваше храброе лицо покрытым тучами тревоги. И к сожалению, должна сказать, что ваше беспо-

койство небезосновательно. Вижу для вас грядут трудные времена, увы… очень трудные… Боюсь, то, что страшит вас, и в самом деле произойдёт… и, возможно, гораздо раньше, чем вы думаете…

Её голос понизился почти до шёпота. Рон, глядя на Гарри, повращал глазами — тот в ответ изобразил каменное лицо. Профессор Трелони проскользнула мимо них и опустилась в просторное кресло с подголовником перед камином, лицом к классу. Лаванда Браун и Парвати Патил, страстные почитатели профессора Трелони, устроились на пуфах вплотную к ней.

— Дорогие мои, для нас настало время обратиться к звёздам, — заговорила она. — Движение планет и таинственные предзнаменования они открывают лишь тем, кто сумел вникнуть в фигуры небесного танца. Человеческая судьба может быть прочитана в их пересекающихся лучах…

Тут мысли Гарри куда-то поплыли. Ароматический дым всегда действовал на него усыпляюще и одуряюще, а туманные речи профессора Трелони о предсказании судьбы и подавно никогда не увлекали. Но он никак не мог заставить себя не думать о её словах — «Я боюсь, то, что страшит вас, и в самом деле произойдёт…»

Нет, Гермиона права, подумал Гарри с раздра-

жением, профессор Трелони и в самом деле старая обманщица. Ведь он решительно ничего не боялся в этот момент — ну, если не считать опасений, что Сириуса схватили… но что может знать профессор Трелони? После долгих размышлений он пришёл к выводу, что все эти её фирменные предсказания — не более чем случайные догадки, подкреплённые нагоняющими страх манерами.

Исключая, правда, тот раз в конце прошлого семестра — тогда она изрекла пророчество, что Волан-де-Морт воспрянет вновь… сам Дамблдор сказал, что, по его мнению, транс был непритворный, когда Гарри описал ему, как всё было…

— Гарри! — позвал его Рон.

— Что?

Он огляделся — на него смотрел весь класс. Гарри сел попрямее, — оказывается, он почти задремал, разморённый теплом и погруженный в свои мысли.

— Я только что говорила, мой дорогой, что вы, без сомнения, рождены под пагубным влиянием Сатурна, — произнесла профессор Трелони не без некоторой обиды в голосе, поскольку было очевидно, что он пропустил её слова.

— Рождён под чем, прошу прощения? — переспросил Гарри.

— Сатурн, дорогой, планета Сатурн! — повторила профессор Трелони, явно задетая тем, что Гарри не был потрясён этим известием. — Я рассказывала, что Сатурн, несомненно, был в пике активности в момент вашего рождения… тёмные волосы… хрупкое сложение… трагические потери в самом начале жизненного пути… Думаю, что не ошибусь, если скажу, что вы родились в середине зимы?

— Нет, — ответил Гарри. — Я родился в июле.

Рон поспешил скрыть свой смех за приступом кашля. Полтора часа спустя каждый получил запутанную круговую карту неба и пытался расписать на ней положения планет на день своего рождения. Это была скучнейшая работа, требовавшая постоянно сверяться с таблицами времени и рассчитывать углы.

— У меня тут получается два Нептуна, — сказал Гарри через некоторое время, мрачно глядя на свой лист пергамента. — Такого не может быть, верно?

— А-а-а-а-ах, — прошелестел Рон, изображая таинственный шёпот профессора Трелони. — Когда в небе появляются два Нептуна, мой милый, это верный знак, что рождается маленькая зануда в очках…

Симус и Дин, корпевшие рядом, громко захихикали, но всё же не смогли заглушить взволнованный возглас Лаванды Браун:

— Ой, профессор, посмотрите! Мне кажется, у меня получилась неаспектированная планета! Ой, что бы это могло быть, профессор?

— Это Уран, моя дорогая, — сказала профессор Трелони, всматриваясь в карту.

— А могу я тоже взглянуть на Уран, Лаванда? — ехидно проворковал Рон.

К несчастью, профессор Трелони услышала его и, возможно, именно по этой причине в конце занятия задала им непомерное домашнее задание.

— Подробный анализ траекторий планет, влияющих на вас в наступающем месяце со ссылкой на ваш собственный гороскоп, — грозно приказала она тоном, больше похожим на речь профессора МакГонагалл, чем на её привычное эфирное щебетание. — Всё должно быть готово к следующему понедельнику, и никаких отговорок!

— Чёртова старуха, несчастная летучая мышь! — со злостью говорил Рон, когда они вместе с другими студентами спускались в Большой зал на ужин. — Это же займёт все выходные, это же…

— Что, много задали на дом? — оживлённо

поинтересовалась Гермиона, догоняя их. — А профессор Вектор нам вообще ничего не задала!

— Что ж, очень мило с её стороны, — проворчал Рон угрюмо.

Они вошли в холл, где народ толпился у дверей в Большой зал. Друзья отошли в сторонку, и тут позади них раздался громкий голос:

— Уизли! Эй, Уизли!

Гарри, Рон и Гермиона оглянулись и увидели Малфоя, Крэбба и Гойла, чем-то страшно довольных.

— Что ещё? — резко спросил Рон.

— Твой отец попал в газету, Уизли! — объявил Малфой, размахивая номером «Ежедневного пророка» и стараясь, чтобы его услышало как можно больше народу. — Вот только послушай это:

«ДАЛЬНЕЙШИЕ
ПРОМАХИ МИНИСТЕРСТВА МАГИИ.

Создаётся впечатление, что неприятности Министерства магии никак не закончатся, пишет специальный корреспондент Рита Скитер. Недавно критике подверглась бездарная организация массовых мероприятий на Чемпионате мира по квиддичу и упорная неспособность

объяснить исчезновение одной из колдуний, сотрудницы спортивного отдела. И вот вчера Министерство оказалось втянуто в новый скандал — на сей раз благодаря выходкам Арнольда Уизли из Комиссии по борьбе с незаконным использованием изобретений маглов».

Тут Малфой поднял глаза:

— Прикинь, они даже его имя правильно написать не могли, как будто он полное ничтожество, а, Уизли?

Теперь слушали уже все, кто был в холле. Малфой эффектным жестом расправил газету и стал читать дальше:

— «Арнольд Уизли, два года назад оштрафованный за незаконное владение летающим автомобилем, вчера ввязался в драку с магловскими блюстителями закона (т. н. „полицейскими“) из-за нескольких, весьма агрессивно настроенных мусорных баков. М-р Уизли, судя по всему, примчался на выручку Грозному Глазу Грюму, престарелому экс-мракоборцу, уволившемуся из Министерства, когда он окончательно перестал

видеть разницу между рукопожатием и нападением убийцы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, явившись к м-ру Грюму в его строго охраняемый дом, м-р Уизли обнаружил, что м-р Грюм в который раз поднял ложную тревогу. В ходе дальнейших событий м-ру Уизли пришлось несколько раз прибегнуть к преобразованию памяти, прежде чем ему удалось скрыться от полицейских. При этом м-р Уизли отказался отвечать на вопросы „Ежедневного пророка“ о том, зачем ему потребовалось вовлекать Министерство в эту недостойную и чреватую скандалом историю».

— Тут и картинка есть, Уизли! — ликовал Малфой, развернув и подняв перед собой газету. — Фотография твоих родителей перед домом — если это можно назвать домом. Твоей мамаше не помешало бы немного сбросить вес, как считаешь?

Рона затрясло от бешенства. Все взгляды были устремлены на него.

— Иди-ка ты знаешь куда, Малфой? — сказал Гарри. — Пошли, Рон…

— Ах да, ты же был у них этим летом, я не ошибаюсь, Поттер? — продолжал веселиться Малфой. — Скажи-ка мне, его матушка на самом деле такая жирная или только на фотографии?

— А твоя мамаша, Малфой? — огрызнулся Гарри, вдвоём с Гермионой оттаскивая Рона за мантию, чтобы тот не набросился на Малфоя. — Такое впечатление, словно она только что унюхала кучу дерьма у себя под носом — скажи-ка, у неё всегда такой вид или это от того, что ты был рядом?

Бледное лицо Малфоя порозовело:

— Не смей оскорблять мою мать, Поттер!

— Тогда заткни свою грязную пасть! — отрезал Гарри и повернулся, чтобы уйти.

БАХ!

Несколько человек вскрикнули — Гарри ощутил, как белая вспышка обдала жаром его висок. Он сунул руку в мантию за волшебной палочкой, но, прежде чем успел коснуться её пальцами, громыхнуло во второй раз, и по вестибюлю прокатился рёв:

— НУ УЖ НЕТ, ПАРЕНЬ!

Гарри круто обернулся. По мраморной лестнице, хромая, спускался профессор Грюм. В руке он держал волшебную палочку, направленную на

белого хорька, дрожавшего на мощённом плитами полу как раз на том месте, где только что стоял Малфой.

В холле наступила гробовая тишина. Никто, кроме Грюма, не смел даже шелохнуться, а тот повернулся к Гарри — то есть на Гарри смотрел его нормальный глаз, а тот, другой, уставился куда-то внутрь.

— Он тебя задел? — прорычал Грюм. Голос у него был низкий и сиплый.

— Нет, — ответил Гарри. — Промазал.

— Оставь его! — рявкнул Грюм.

— Оставить кого? — растерянно спросил Гарри.

— Не ты — он! — Грюм ткнул большим пальцем через плечо, указывая на Крэбба, который попытался было поднять белого хорька с пола, но в страхе замер. Похоже, что Грюмов вращающийся глаз и впрямь был магическим и мог видеть сквозь затылок.

Грюм захромал по направлению к Крэббу, Гойлу и хорьку, который, испуганно пискнув, что было сил припустил ко входу в подземелье.

— Не думаю… — пророкотал Грюм, вновь направляя на хорька волшебную палочку. Тот взлетел в воздух футов на десять, потом звучно

шлёпнулся об пол и снова подскочил вверх.

— Мне не нравятся люди, которые нападают на противника со спины, — рычал Грюм, а скулящего от боли хорька подбрасывало всё выше и выше. — Гнусный, трусливый, подлый поступок…

Хорька швыряло в воздухе, его лапы и хвост беспомощно болтались.

— Никогда-больше-так-не-делай, — говорил Грюм, произнося каждое слово, как только хорёк ударялся об пол и опять взмывал вверх.

— Профессор Грюм! — прозвучал возмущённый голос.

По мраморной лестнице спускалась профессор МакГонагалл с громадной стопкой книг в руках.

— Привет, профессор МакГонагалл, — спокойно сказал Грюм, заставляя хорька подскакивать всё выше.

— Что… что это вы делаете? — спросила профессор МакГонагалл, следуя взглядом за взлетающим всё выше хорьком.

— Учу, — ответил Грюм.

— Учи… Грюм, это что, студент? — вскрикнула профессор МакГонагалл, и книги посыпались у неё из рук.

— Ну да, — ответил Грюм.

— Быть не может! — ахнула профессор МакГонагалл, бросаясь вниз по ступеням и доставая волшебную палочку. Через секунду на месте хорька с треском появился Драко Малфой — он кучей лежал на полу, его роскошные белые волосы упали на ставшее ярко-красным лицо. Пошатываясь, он поднялся на ноги.

— Грюм, мы никогда не используем трансфигурацию как наказание! — сказала профессор МакГонагалл слегка севшим голосом. — Профессор Дамблдор вам наверняка об этом говорил!

— Да, кажется, он упоминал об этом, — кивнул Грюм, безмятежно почёсывая подбородок. — Но я подумал, что хорошая встряска…

— Мы оставляем после уроков! Или сообщаем декану факультета, где учится нарушитель!

— Пожалуй, я это сделаю, — согласился Грюм, с острой неприязнью покосившись на Малфоя.

Драко, чьи белёсые глаза всё ещё были полны слёз от боли и унижения, злобно посмотрел на Грюма, пробормотав неразборчиво что-то о своём отце.

— Да ну? — спокойно заметил Грюм и, хромая, сделал два шага вперёд. Тупое клацанье его деревянной ноги отозвалось по холлу. — Что же, я давно знаю твоего отца, парень… скажи ему,

что Грюм как следует присмотрит за его сыном… передай ему это от меня… кстати, это Снегг будет твой декан?

— Да, — с негодованием ответил Малфой.

— Ещё один старый знакомый, — прохрипел Грюм. — Мечтал я побеседовать со стариной Снеггом… Пойдём-ка, ты… — Он ухватил Малфоя за плечо и повлёк его ко входу в подвал.

Профессор МакГонагалл несколько мгновений обеспокоенно смотрела им вслед, потом взмахнула волшебной палочкой, заставив упавшие книги снова подняться в воздух и вернуться к ней в руки.

— Ничего мне не говорите, — приказал Рон, когда несколько минут спустя они сели за гриффиндорский стол. Со всех сторон доносились взволнованные разговоры о том, что сейчас произошло.

— Это почему же? — удивилась Гермиона.

— Потому что я хочу навеки сохранить это в моей памяти, — ответил Рон, закрыв глаза с блаженным выражением на лице. — Только у нас — Драко Малфой, поразительный прыгающий хорёк…

Гарри с Гермионой засмеялись, и Гермиона принялась раскладывать по тарелкам говядину,

приготовленную в горшочках.

— Вообще-то он мог по-настоящему зашибить Малфоя, — сказала она. — На самом деле хорошо, что профессор МакГонагалл его остановила.

— Гермиона! — с гневом воскликнул Рон, сердито открывая глаза. — Ты портишь самый счастливый момент моей жизни!

Гермиона нетерпеливо фыркнула и вновь на предельной скорости стала поглощать еду.

— Только не говори мне, что вечером опять собираешься в библиотеку! — хмыкнул Гарри, глядя на неё.

— Ещё как собираюсь, — пробормотала Гермиона с полным ртом. — Масса дел.

— Но ты же сказала, что профессор Вектор…

— Это не домашнее задание, — ответила она, в пять минут очистила тарелку и была такова.

Не успела Гермиона отойти, как на её место бухнулся Фред Уизли, глаза его горели восхищением:

— Грюм! Вот это да!

— Супер! — заявил Джордж, усаживаясь напротив Фреда.

— Фантастика! — согласился Ли Джордан, лучший друг близнецов, проскользнув на место рядом с Джорджем. — У нас был сегодня его

урок, — пояснил он Гарри и Рону.

— Ну и как? — с неподдельным интересом спросил Гарри.

Фред, Джордж и Ли обменялись многозначительными взглядами.

— Таких уроков ещё не бывало, — признал Фред.

— Он знает, старик, — добавил Ли.

— Знает что? — Рон даже наклонился вперёд.

— Знает, каково это — быть в самом пекле и делать дело, — с чувством произнёс Джордж.

— Какое дело? — не понял Гарри.

— Сражаться с Тёмными искусствами, — сказал Фред.

— Он их все повидал, — кивнул Джордж.

— Короче, потрясный дед, — заключил Ли.

Рон немедленно полез в портфель за расписанием.

— У нас он только в четверг! — разочарованно вздохнул он.

Глава 14
Непростительные заклятия

Следующие два дня прошли без серьёзных происшествий, если не считать того, что Невилл умудрился расплавить на зельях свой шестой по счёту котёл. Профессор Снегг, который за лето, похоже, достиг нового уровня мстительности, оставил Невилла после уроков, и тот вернулся, совершенно пав духом — ему пришлось выпотрошить целую бочку рогатых жаб.

— Не знаешь, почему это Снегг в таком отвратительном настроении? — спросил Рон у Гарри, пока они наблюдали, как Гермиона учит Невилла Очищающему заклинанию, чтобы убрать лягушачьи кишки у него из-под ногтей.

— Знаю, — ответил Гарри. — Грюм.

Всем было прекрасно известно, что Снегг стремится занять место преподавателя защиты от Тёмных искусств, но у него это не получается уже четвёртый год. Снегг терпеть не мог всех предыдущих преподавателей защиты и не скрывал этого — но явно остерегался высказать открытую враждебность по отношению к Грозному Глазу

Грюму. И в самом деле, когда бы Гарри ни видел их вместе — во время еды или когда они встречались в коридоре — у него возникало впечатление, что Снегг всячески избегает взгляда Грюма — хоть магического глаза, хоть обычного.

— Ты знаешь, по-моему, Снегг его слегка побаивается, — задумчиво сказал Гарри.

Рон мечтательно закатил глаза:

— Представляю, как Грюм превратил Снегга в рогатую жабу и заставил скакать по всем его подземельям…

Гриффиндорским четверокурсникам настолько не терпелось попасть на первый урок Грюма, что в четверг сразу после обеда они столпились у его класса ещё до того, как прозвонил колокол.

Единственным, кто отсутствовал, оказалась Гермиона — она появилась только к самому началу урока.

— Я была…

— …в библиотеке, — закончил за неё Гарри. — Давай быстрее, не то без нас займут лучшие места.

Они торопливо расселись прямо перед преподавательским столом, достали свои экземпляры учебников «Тёмные искусства. Руководство по самозащите» и стали ждать в непривычной ти-

шине. Вскоре из коридора донеслись клацающие шаги Грюма, и он вошёл в класс — такой же странный и пугающий, как и всегда. Им даже была видна его шипастая деревянная нога, высунувшаяся из-под мантии.

— Можете убрать их, — хрипло прорычал он, проковылял к своему столу и сел. — Эти книги. Они вам не понадобятся.

Друзья спрятали учебники обратно в сумки. Рон заметно волновался.

Грюм вытащил классный журнал, тряхнул длинной пегой гривой, убирая волосы с покорёженного и усеянного шрамами лица и стал называть имена, причём его обычный глаз не отрывался от списка, в то время как магический вращался по сторонам, устремляясь на студента, когда он или она отзывались.

— Хорошо, — сказал он, когда последний заявил о своём присутствии. — Профессор Люпин написал мне об вашем классе. Похоже, вы достаточно основательно овладели противодействием Тёмным созданиям — прошли боггартов, Красных Колпаков, болотных фонарников, гриндилоу, ползучих водяных и оборотней — я правильно понял?

Класс согласно зашумел.

— Но вы отстали — и очень отстали — в отношении заклятий. Поэтому я здесь для того, чтобы подтянуть вас в области того, что сами волшебники могут причинить друг другу. У меня есть год, чтобы научить вас, как разбираться с Тёмными…

— А вы не останетесь? — вырвалось у Рона. Магический глаз Грюма повернулся и уставился на Уизли. Тому стало здорово не по себе, но почти в тот же момент Грюм улыбнулся — в первый раз за всё время, что они его видели. От этого его изуродованное лицо исказилось ещё больше, но тем не менее было приятно убедиться, что Грюм способен на что-то дружественное, например на улыбку. Как бы то ни было, Рон испытал глубокое облегчение.

— Ты будешь сын Артура Уизли, да? — сказал Грюм. — Твой отец пару дней назад выручил меня из очень плотного капкана… Да, я пробуду здесь ровно год… окажу любезность Дамблдору… Один год, — и назад, в мою тихую обитель.

Он засмеялся горьким смехом, с силой сомкнув свои шишковатые руки.

— Итак, прямо к делу. Заклятия. Они бывают разной силы и формы. Согласно рекомендациям Министерства магии, мне следует обучить вас некоторым антизаклятиям и на этом остано-

виться. Я не должен показывать вам, каковы из себя запрещённые Тёмные заклятия, пока вы не перейдёте на шестой курс — вас считают недостаточно взрослыми, чтобы до этого времени иметь дело с такими вещами. Но профессор Дамблдор придерживается более высокого мнения о вашей выдержке, он считает, что вы справитесь, а я скажу так, чем раньше вы будете знать противника, тем лучше. Как можно защитить себя от того, чего никогда в жизни не видел? Волшебник, который собирается применить к вам запрещённое заклятие, не станет делиться своими планами, он не будет действовать открыто, на ваших глазах, вежливо и тактично. Вы должны быть готовы заранее. Вы должны быть бдительны и наблюдательны. Вы должны убрать это, мисс Браун, когда я говорю.

Лаванда подпрыгнула и залилась краской — она как раз показывала Парвати под партой свой законченный гороскоп. Несомненно, магический глаз Грюма обладал способностью видеть сквозь дерево точно так же, как он видел через затылок.

— Итак… Кто-нибудь из вас знает, какие заклятия наиболее тяжело караются волшебным законодательством?

Неуверенно поднялись несколько рук, в том

числе Рона и Гермионы. Грюм кивнул Рону, хотя его магический глаз был по-прежнему устремлён на Лаванду.

— Ну, — робко начал Рон. — Отец говорил мне об одном… оно называется Империус… или как-то так?

— О да, — с чувством произнёс Грюм. — Твой отец должен его знать. Заклинание Империус доставило Министерству неприятностей в своё время.

Грюм с усилием поднялся на ноги — живую и деревянную, выдвинул ящик стола и достал стеклянную банку. Внутри бегали три здоровенных чёрных паука. Гарри почувствовал, как Рон отодвинулся подальше — он ненавидел пауков.

Грюм поймал одного и посадил себе на ладонь так, чтобы всем было видно, затем направил на него волшебную палочку и негромко сказал:

— *Империо!*

Паук спрыгнул с ладони и завис на тонкой шёлковой нити, раскачиваясь взад и вперёд словно на трапеции. Он напряжённо вытянул ноги и сделал нечто вроде заднего сальто, затем перекусил нить и приземлился на стол, где принялся беспорядочно кувыркаться. Грюм шевельнул палочкой, и паук, встав на две задние ноги, вне

всяких сомнений, отбил чечётку.

Все засмеялись — все, кроме Грюма.

— Думаете, это смешно, да? — прорычал он. — А понравится вам, если я то же самое проделаю с вами?

Смех мгновенно умолк.

— Полная управляемость, — тихо заметил Грюм, когда паук сжался в комок и стал перекатываться по столу. — Я могу заставить его выскочить из окна, утопиться, запрыгнуть в горло кому-нибудь из вас…

Рон невольно сглотнул.

— Были времена, когда множество колдуний и волшебников были управляемы при помощи заклятия Империус, — продолжал Грюм, и Гарри понял, что он говорит о тех днях, когда Волан-де-Морт орудовал в полную силу. — Вот была забота у Министерства — попробуй-ка разобраться, кто действует по принуждению, а кто по своей доброй воле. Заклятие Империус можно побороть, и я научу вас как, но это требует настоящей твёрдости характера и далеко не всякому под силу. Если возможно, лучше под него не попадать. ПОСТОЯННАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ! — рявкнул он, и все подскочили.

Грюм подобрал кувыркающегося паука и во-

дворил обратно в банку.

— Кто ещё знает что-нибудь? Другие запрещённые заклятия?

В воздух взвилась рука Гермионы и ещё, к удивлению Гарри, Невилла. До сих пор он не стеснялся показывать свои знания лишь на травологии — его, бесспорно, любимом предмете. Невилл, похоже, и сам был потрясён своей смелостью.

— Да? — сказал Грюм, и его магический глаз, провернувшись, уставился на Невилла.

— Есть такое… заклятие Круциатус, — произнёс Невилл тихо, но отчётливо.

Грюм чрезвычайно пристально смотрел на Невилла, на сей раз уже обоими глазами.

— Тебя зовут Долгопупс? — спросил он, и его магический глаз вновь скользнул вниз, пробегая список в журнале.

Невилл боязливо кивнул, но Грюм воздержался от дальнейших расспросов. Повернувшись к классу, он вынул из банки следующего паука и посадил его на кафедру, где тот оцепенело замер, слишком напуганный, чтобы двигаться.

— Заклятие Круциатус, — заговорил Грюм. — Надо бы чуть побольше, чтобы вы уловили суть.

Он нацелил палочку на паука и скомандовал:

— *Энгоргио!*

Паук вырос — теперь он был больше тарантула. Рон, махнув рукой на геройство, отъехал на своём стуле как можно дальше от учительского стола.

Грюм снова поднял палочку и шепнул:

— *Круцио!*

В ту же секунду ноги паука прижались к туловищу, он перевернулся на спину и начал ужасно дёргаться, качаясь из стороны в сторону. От него, разумеется, не доносилось ни звука, но Гарри был уверен — будь у паука голос, он визжал бы изо всех сил. Грюм не убирал палочки, и паук затрясся и задёргался ещё неистовей.

— Прекратите! — воскликнула Гермиона.

Гарри оглянулся на неё. Она смотрела вовсе не на паука, а на Невилла — руки у того были стиснуты на столе, костяшки пальцев побелели, а широко открытые глаза были полны ужаса.

Грюм поднял палочку. Ноги паука расслабились, но он продолжал подёргиваться.

— *Редуцио,* — приказал Грюм, и паук уменьшился до нормальных размеров.

Грюм посадил его обратно в банку.

— Боль, — сказал он тихо. — Вам не нужно тисков для пальцев или ножей, чтобы пытать кого-нибудь, если вы можете применить заклятие Круциатус… Оно тоже когда-то было очень

популярно. Так… Кто знает ещё что-нибудь?

Гарри огляделся. Судя по лицам, все были поглощены мыслями о том, что должно было случиться с последним пауком. Даже рука Гермионы слегка дрожала, когда она подняла её в третий раз.

— Ну? — посмотрел на неё Грюм.

— Авада Кедавра, — прошептала Гермиона. Несколько человек посмотрели на неё с тревогой, в том числе и Рон.

— Ага, — ещё одна чуть заметная улыбка скривила неровный рот Грюма. — Да, последнее и самое худшее… Авада Кедавра… Заклятие Смерти.

Он опять запустил руку в банку, и, словно догадываясь, что сейчас произойдёт, третий паук отчаянно заметался по дну, пытаясь увернуться от скрюченных пальцев. Грюм его всё-таки поймал и посадил на стол. Паук бросился наутёк по деревянной крышке.

Грюм поднял волшебную палочку, и Гарри ощутил внезапный трепет, как от дурного предчувствия.

— *Авада Кедавра!* — каркнул Грюм.

Полыхнула вспышка слепящего зелёного света, раздался свистящий звук, будто что-то невидимое и громадное пронеслось по воздуху, и паук

мгновенно опрокинулся на спину — без единого повреждения, но безусловно мёртвый. Несколько девушек сдавленно вскрикнули. Рон отпрянул назад и едва не слетел со стула, когда паук рухнул в его сторону.

Грюм смахнул мёртвого паука на пол.

— Ни порядочности, — спокойно сказал он, — ни любезности. И никакого противодействия. Невозможно отразить. За всю историю известен лишь один человек, сумевший выдержать это, и он сидит прямо передо мной.

Гарри почувствовал, что краснеет под взглядом обоих глаз Грюма; он знал, что и все остальные сейчас тоже смотрят на него. Гарри уставился на пустую доску, словно заворожённый, но на самом деле ничего вокруг не видел.

Значит, вот так умерли его родители — точно так же, как этот паук. Наверное, у них тоже не было ни раны, ни отметины? Суждено ли им было просто увидеть зелёную вспышку и услышать свист налетающей смерти, прежде чем жизнь покинула их тела?

Гарри представлял себе смерть своих родителей снова и снова в течение трёх лет — с тех самых пор, как узнал, что они были убиты, с тех пор, как ему стало известно, что произошло в ту

ночь: как Хвост выдал Волан-де-Морту их укрытие, и Тёмный Лорд настиг их.

Как Волан-де-Морт первым убил его отца. Как Джеймс Поттер пытался задержать его и кричал жене, чтобы она брала Гарри и бежала… А Волан-де-Морт шагнул к Лили Поттер, приказывая ей отойти в сторону, чтобы он мог убить Гарри… Как она умоляла убить её вместо ребёнка, отказываясь оставить сына… И Волан-де-Морт убил и её тоже, прежде чем направить волшебную палочку на Гарри…

Гарри знал эти подробности потому, что слышал голоса родителей, когда в прошлом году сражался с дементорами, которые заставляли свои жертвы заново пережить самые страшные воспоминания и, обессилев, захлебнуться в собственном отчаянии…

Грюм заговорил вновь — как казалось Гарри, где-то вдалеке. С немалым усилием Гарри заставил себя вернуться к реальности и прислушаться к словам преподавателя.

— Авада Кедавра — заклятие, требующее для выполнения серьёзной магической мощи. Сейчас вы все можете достать свои волшебные палочки, направить на меня и произнести положенные слова — однако сомневаюсь, чтобы меня от этого

хотя бы насморк прохватил. Но ничего, я здесь для того и есть, чтобы научить вас, как это делать. Возникает вопрос — если всё равно нет противодействующего заклятия, то зачем я вам это показываю? Затем, что вы должны знать. Вы должны ясно представлять себе, как выглядит самое худшее. Недопустимо, чтобы вы вдруг оказались в ситуации, где столкнётесь с этим нос к носу. БУДЬТЕ ВСЕГДА НАЧЕКУ! — взревел он, и весь класс опять подскочил.

— Итак — эти три заклятия — Авада Кедавра, Империус и Круциатус — известны как Непростительные заклятия. Использования любого из них по отношению к человеческому существу достаточно, чтобы заработать пожизненный срок в Азкабане. Это то, чему вы должны противостоять. Это то, с чем я должен научить вас бороться. Вам нужна подготовка. Вам нужно быть во всеоружии. Но самое главное — вам нужно приучить себя к постоянной, неусыпной бдительности. Достаньте ваши перья… запишите это…

Остаток урока они провели, записывая примечания к каждому из Непростительных заклятий. До самого удара колокола никто не проронил ни слова, но как только Грюм отпустил их и они вышли из класса, всех буквально прорвало. Боль-

шинство обсуждало заклятия со смесью ужаса и восторга: «Видел, как его трясло? А как он убил его — прямо вот так!»

«Они так говорят об этом, — подумал Гарри, — словно побывали в каком-то балагане». Сам-то он отнюдь не считал увиденное занятным представлением, и, похоже, так же думала Гермиона.

— Быстрее, — озабоченно сказала она Гарри и Рону.

— Что, снова в окаянную библиотеку? — спросил Рон.

— Нет, — резко ответила Гермиона, указывая на боковой коридор. — Невилл.

Невилл одиноко стоял посреди прохода, уставившись в каменную стену тем же испуганным взглядом широко открытых глаз, какой был у него, когда Грюм демонстрировал заклятие Круциатус.

— Невилл, — мягко произнесла Гермиона. Невилл обернулся.

— А, привет, — сказал непривычно высоким голосом. — Интересный урок, верно? Хотел бы я знать, что сегодня на ужин, я… я умираю от голода, а вы?

— Невилл, с тобой всё в порядке?

— О да, всё прекрасно, — пролепетал он всё

тем же неестественно высоким тоном. — Очень интересный ужин… я хочу сказать, урок… а что нам дадут поесть?

Рон встревоженно взглянул на Гарри.

— Невилл, что…

Но тут сзади раздался стук и, обернувшись, они увидели хромающего к ним профессора Грюма. Все четверо замолкли, с опаской посматривая на него, но когда он заговорил, это было куда тише и спокойнее, чем тот рык, который они только что слышали.

— Всё в порядке, сынок, — обратился он к Невиллу. — Почему бы нам не зайти ко мне в кабинет? Пойдём-ка… выпьем по чашке чая…

Похоже, перспектива чаепития с Грюмом напугала Невилла ещё больше. Он замер, не говоря ни слова. Грюм навёл свой магический глаз на Гарри.

— А ты, Гарри, как — всё в норме?

— Да, — почти вызывающе ответил Гарри. Голубой глаз Грюма чуть заметно задрожал в глазнице, всматриваясь в Гарри. Помолчав, Грюм сказал:

— Вы должны это знать. Это жестоко — да, возможно, но вы должны это знать. Никакого притворства… да… Пойдём, Долгопупс, у меня

есть несколько книг, которые тебя заинтересуют…

Невилл умоляюще посмотрел на Гарри, Рона и Гермиону, но они молчали, так что Невиллу ничего не оставалось, как дать себя увести — изрытая шрамами рука Грюма уже лежала на его плече.

— И как это прикажете понимать? — осведомился Рон, глядя, как Невилл и Грюм скрываются за углом.

— Не знаю, — печально отозвалась Гермиона.

— Ай да урок, как вам? — сказал Рон Гарри и Гермионе по дороге в Большой зал. — Фред и Джордж были правы, верно? Грюм своё дело знает, это точно. Когда он врубил Авада Кедавра, как этот паук загнулся — прикончил его прямо…

Но, взглянув на лицо Гарри, Рон смолк на полуслове и больше уже не заговаривал до Большого зала — там он заметил, что лучше бы заняться предсказаниями профессора Трелони сегодня же вечером, поскольку это дело явно отнимет не один час.

Гермиона не принимала участия в их беседе. Она вновь яростно набросилась на еду, после чего опять умчалась в библиотеку. Гарри с Роном вернулись в гриффиндорскую башню, и Гарри, который весь ужин не мог думать ни о чём другом,

теперь уже сам завёл речь о Непростительных заклятиях.

— Как по-твоему, не будет у Грюма и Дамблдора неприятностей с Министерством, если там узнают, что мы занимаемся этими заклятиями? — спросил Гарри, когда они подошли к Полной Даме.

— Вполне возможно, — кивнул Рон. — Но Дамблдор всегда всё делал по-своему, да и Грюм, я полагаю, годами не вылезал из неприятностей. Сначала стреляет, потом спрашивает — вспомни его мусорные баки.

Рон назвал пароль, и Полная Дама отъехала, открыв проход. Они прошли в гостиную, где было так людно и шумно, что Гарри усомнился:

— А стоит ли нам браться за наши предсказания?

— Стоит, — вздохнул Рон.

Они поднялись в спальню взять книги и карты и застали там одного Невилла, читавшего, сидя на кровати. Он выглядел гораздо спокойней, чем в конце урока, хотя далеко ещё не пришёл в себя. Глаза его покраснели.

— Ты как, ничего? — сказал Гарри.

— Да, да, — отозвался Невилл, — всё хорошо, спасибо. Вот, смотрите, профессор Грюм дал по-

читать…

Он показал им книгу — «Магические средиземноморские водные растения и их свойства».

— Вероятно, профессор Стебль сказала профессору Грюму, что я хорошо разбираюсь в травологии, — заметил Невилл. В его голосе прозвучала нотка гордости, какую Гарри редко доводилось слышать прежде. — Он подумал, что мне это понравится.

«Рассказать Невиллу, что говорила профессор Стебль?» — подумал Гарри. Это очень тактичный способ подбодрить Невилла — тот мало от кого слышал, что он хоть в чём-то хорошо разбирается. Это было как раз то, что сделал бы профессор Люпин.

Рон и Гарри, захватив свои экземпляры «Как рассеять туман над будущим», спустились обратно в гостиную, отыскали свободный стол и принялись трудиться над прогнозами текущего месяца. Прошёл час. Они продвинулись очень ненамного, хотя стол был уже завален кусками пергамента, исписанными формулами и символами, а в голове у Гарри стоял такой туман, словно её наполнил ароматический дым из камина профессора Трелони.

— Понятия не имею, что всё это значит, — про-

бурчал он, уставившись на длинный столбец вычислений.

— Знаешь, — меланхолично вымолвил Рон — волосы у него стояли дыбом, потому что в расстройстве чувств он постоянно запускал в них пальцы, — по-моему, пришло время вернуться к старому испытанному способу предсказаний.

— Что — просто выдумать?

— Ну да. — Рон смёл со стола кучу головоломных схем и окунул перо в чернила.

— В следующий понедельник, — начал он, записывая собственные слова, — у меня, наверное, разовьётся кашель вследствие неблагоприятного соединения Марса и Юпитера. — Он посмотрел на Гарри. — Ты же её знаешь — навороти побольше несчастий, и она это проглотит.

— Ладно, — согласился Гарри, скомкав свои расчёты и забросив их в камин поверх голов болтающих первокурсников. — Пусть так… В понедельник мне будет угрожать опасность… м-м-м… обжечься.

— Да так оно и есть, — проворчал Рон. — В понедельник нас снова ждёт встреча с соплохвостами. Хорошо, во вторник я… э-э-э…

— Лишишься ценного имущества, — предложил Гарри, листая в поисках идей «Как рассеять

туман над будущим».

— Недурно, — пробормотал Рон, записывая. — По причине… м-м-м… Меркурия. А почему бы тебе не получить удар в спину от того, кого ты считал другом?

— Ух ты, здорово… — Гарри тоже заскрипел пером. — Из-за того, что Венера… находится, скажем… во втором доме.

— А в среду мне, я думаю, суждено потерпеть поражение в бою.

— Ах, чёрт, я как раз собирался нарваться на какую-то стычку… Ладно, я проиграю пари.

— Ну правильно, ты держал пари, что я выиграю свою битву.

Они продолжали вовсю изобретать предсказания (которые становились всё трагичней и трагичней) ещё час. Гостиная постепенно пустела по мере того, как студенты расходились спать. Живоглот, побродив вокруг них, вспрыгнул на соседнее кресло и уставился на Гарри неизъяснимым взглядом, каким, наверное, смотрела бы Гермиона, случись ей узнать, что они вытворяют со своим домашним заданием.

Шаря по комнате глазами в поисках ещё не использованных несчастий, Гарри увидел Фреда и Джорджа, сидевших у противоположной стены

с перьями в руках над куском пергамента. Зрелище небывалое — близнецы удалились в уголок и тихо трудятся в поте лица. Обычно они предпочитали быть в гуще событий, шумно привлекая к себе внимание. Было что-то таинственное в том, с каким вниманием они склонились над пергаментом, — это напомнило Гарри, как тогда, в «Норе», они тоже сидели вдвоём, записывая что-то. В тот вечер он подумал, что это был новый бланк заказов для их «Ужастиков Умников Уизли», но сейчас, похоже, это было нечто иное. Будь так, они уж точно пригласили бы в компанию Ли Джордана поучаствовать в шутке. «Не измышляют ли ребята какой-нибудь способ пробраться на Турнир Трёх Волшебников», — подумалось ему.

Как раз в этот момент Джордж, глядя на быстро писавшего Фреда, отрицательно покачал головой и что-то очень тихо проговорил, однако в тишине пустой комнаты Гарри сумел расслышать слова: «Нет, это звучит так, словно мы обвиняем его, надо как-то поделикатнее…»

Тут Джордж поднял голову и встретился глазами с Гарри. Тот улыбнулся и сейчас же вернулся к своим предсказаниям — ему вовсе не хотелось, чтобы Джордж счёл, что он подслушивает. Вскоре близнецы свернули пергамент, пожелали спо-

койной ночи и отправились спать.

Минут через десять после ухода Фреда и Джорджа портретный проём открылся и в гостиную вошла Гермиона — в одной руке она несла свитки пергамента, в другой — коробку, в которой что-то гремело. Живоглот замурлыкал, выгнув спину.

— Привет, — сказала она. — Я только что закончила.

— И я тоже! — торжествующе объявил Рон, отбрасывая перо.

Гермиона села, сложив свои вещи на свободное кресло и придвинула к себе готовые предсказания.

— Да, не скажешь, что тебя ждёт лёгкий месяц, верно? — заметила она с усмешкой, в то время как Живоглот свернулся калачиком у неё на коленях.

— Что ж, по крайней мере, я предупреждён, — зевнул Рон.

— Ага, и собираешься дважды утонуть, — кивнула Гермиона.

— Ой, правда? — воскликнул Рон, спешно просматривая свой прогноз. — Да, одно утопление лучше заменить… пусть меня затопчет разъярённый гиппогриф.

— Думаете, не заметно, что вы всё это просто

выдумали?

— Как ты можешь так говорить! — картинно возмутился Рон. — Мы тут вкалывали, как дюжина домашних эльфов!

У Гермионы поднялись брови.

— Это просто такое выражение, — торопливо пояснил Рон.

Гарри тоже отложил перо, успешно закончив на предсказании собственной смерти по той причине, что ему снесут голову.

— А что в этой коробке? — поинтересовался он.

— Даже странно, что ты спросил, — отозвалась Гермиона, бросив на Рона ядовитый взгляд. Она открыла крышку и продемонстрировала им содержимое.

Внутри находилось примерно полсотни значков, все разного цвета, но с одними и теми же буквами: ГАВНЭ.

— Гавнэ? — Гарри взял один значок и стал рассматривать. — Это ещё что такое?

— Никакое не гавнэ, — нетерпеливо сказала Гермиона. — Это Г.А.В.Н.Э. Означает — Гражданская Ассоциация Восстановления Независимости Эльфов.

— Никогда о такой не слышал, — заявил Рон.

— Разумеется, не слышал. — Гермиона распра-

вила плечи. — Я только что её основала.

— Да что ты? — Рон, похоже, ничуть не удивился. — И сколько же у вас членов?

— Ну… если вы вступите… будет трое.

— И ты думаешь, мы захотим разгуливать повсюду со значками, на которых написано вот это слово? Быть вам, ребята, в гавнэ?

— Г.А.В.Н.Э.! — раздражённо поправила его Гермиона. — Я собиралась назвать это Движение за Прекращение Возмутительного и Жестокого Обращения с Дружественными Магическими Созданиями и Борьбу за Изменение их Правового Статуса, но это не подойдёт. Мы так озаглавим наш манифест.

Она помахала перед ними свитком пергамента.

— Я всё досконально изучила в библиотеке. Рабство эльфов уходит корнями в глубину веков. Не могу поверить, что никто не занялся этим до сих пор.

— Гермиона, открой пошире глаза! — громогласно обратился к ней Рон. — Им! Это! Нравится! Им нравится жить в рабстве!

— Наша ближайшая цель, — заговорила Гермиона ещё громче, будто не замечая Рона, — обеспечить домашним эльфам достойный заработок

и условия труда. В дальнейшей перспективе — изменение закона о запрещении использования волшебных палочек и попытка добиться представительства эльфов в Отделе по регулированию и контролю за магическими существами, поскольку они там вопиющим образом отсутствуют.

— И как же мы всё это сделаем? — спросил Гарри.

— Мы начнём с набора членов в наше общество, — радостно откликнулась Гермиона. — Думаю, по два сикля за вступление — чтобы купить значок — и на вырученные деньги мы сможем субсидировать нашу пропагандистскую кампанию. Ты будешь казначеем, Рон — я тебе уже приготовила жестянку для сбора средств, а ты, Гарри — ты у нас секретарь, поэтому уже сейчас мог бы записывать, что я говорю, чтобы составить протокол нашего первого собрания.

Наступила пауза. Гермиона смотрела на друзей, сияя как именинница, а Гарри сидел, не зная, то ли злиться на Гермиону, то ли веселиться над Роном, от потрясения временно утратившим дар речи. Тишину нарушил негромкий стук в окно. Гарри оглянулся и в лунном свете увидел снежно-белую сову, сидящую снаружи на каменном подоконнике.

— Букля! — закричал он, выскочил из кресла, точно его подбросило, и кинулся открывать окно.

Букля пролетела через комнату и приземлилась на свиток с предсказаниями.

— Давно пора! — воскликнул Гарри, подбегая к ней.

— Она принесла ответ! — Рон возбуждённо указал на замызганный кусок пергамента, примотанный к лапе Букли.

Гарри поспешно отвязал его и сел читать, а Букля, пристроившись у него на колене, потряхивала крыльями и добродушно ухала.

— Ну что там? — прерывающимся от волнения голосом спросила Гермиона.

Письмо было очень коротким и выглядело так, словно его нацарапали второпях. Гарри прочёл вслух:

> — «Гарри, я немедленно вылетаю на север. Новость о твоём шраме — последняя в череде странных слухов, которые здесь до меня доходят. Если он заболит снова — иди прямо к Дамблдору. Тут говорят, что он вызвал из отставки Грозного Глаза; это означает, что он читает знаки — даже

если никто, кроме него, этого не делает.

Я скоро буду. Мои наилучшие пожелания Рону и Гермионе. Гляди в оба, Гарри.

Сириус».

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону а те в ответ уставились на него.

— Он летит на север? — прошептала Гермиона. — Он возвращается?

— Что за знаки читает Дамблдор? — Рон в недоумении пожал плечами. — Гарри, это о чём?

Но Гарри лишь в ярости ударил себя кулаком по лбу:

— Я не должен был ему говорить!

— Ты это насчёт чего? — удивился Рон.

— Из-за моего письма он решил, что ему необходимо вернуться! — На сей раз Гарри хватил кулаком по столу так, что Букля перелетела на спинку Ронова кресла, возмущённо ухая. — Он возвращается, потому что уверен — я в беде! А со мной ровным счётом ничего! А для тебя я ничего не припас, — рявкнул он на ни в чём не повинную Буклю, выжидательно щёлкавшую клювом. — Хочешь есть — лети в совятню!

Букля бросила на него до крайности оскорблённый взгляд и вылетела в открытое окно, на

прощанье дав ему крылом что-то вроде подзатыльника.

— Гарри, — начала было Гермиона умиротворяющим тоном.

— Я иду спать, — отрезал Гарри. — Увидимся утром.

Наверху, в спальне, он натянул пижаму и забрался в кровать, но сна у него не было ни в одном глазу.

Если Сириус вернётся и его схватят, это будет его, Гарри, вина. Ну кто его тянул за язык? Разговорился из-за двух секунд боли… Почему у него недостало ума держать свои домыслы при себе?!

Гарри слышал, как через несколько минут в спальню поднялся Рон, но не сказал ему ни слова. Гарри долго лежал, глядя в темноту полога. В спальне царила полная тишина и, немного отвлёкшись от своих мыслей, Гарри обратил внимание, что не слышит привычного похрапывания Невилла. Значит, он не единственный, кому не спится в эту ночь.

Глава 15
Шармбатон и Дурмстранг

Гарри проснулся, едва забрезжил рассвет. В голове готов план, как будто мозг его работал всю ночь. Он встал, оделся и, стараясь не разбудить Рона, спустился в пустую гостиную. На столе с вечера так и лежит его домашняя работа о прорицаниях. Гарри сел, взял кусок пергамента и написал письмо:

> Дорогой Сириус!
>
> Не волнуйся из-за моего шрама. Он не болит, это мне показалось. Последнее письмо я писал спросонья. Так что успокойся и не приезжай сюда. Я в полном порядке, и голова тоже.
>
> ***Гарри***

Выскочив из портретного проёма, он поспешил в совятник на самый верх Западной башни. Во всём замке царила полная тишина, только на пятом этаже к нему пристал Пивз, хотел сбросить на него тяжёлую вазу, но больше никого Гарри не встретил.

Вот наконец и совятник — круглое каменное помещение, окна без стёкол, поэтому холодно и гуляют сквозняки, на застланном соломой полу совиный помёт и обклёванные скелетики мышей и хомяков. Совы всех мыслимых пород сидят ярусами на жёрдочках до самого потолка, он же крыша башни. Почти все спят, и всё-таки отовсюду нет-нет и глянет на него круглый янтарный глаз.

Букля сидела между сипухой и серой совой. Гарри поспешил к ней, поскользнулся и чуть не упал. Пришлось потрудиться, чтобы сова разлепила веки и обратила на него взор. Она дремала, повернувшись к нему хвостом, — явно хитрила: накануне вечером он не поблагодарил её за письмо, и Букля всё ещё держала на него обиду.

— Ты, верно, вчера очень устала, — вздохнул Гарри, поглаживая на её спине перья. — Придётся, видно, попросить у Рона Воробушка.

От этих слов Букля мигом проснулась и протянула лапу:

— Найди его как можно скорее. Боюсь, как бы он не попал в руки дементоров.

Привязав к лапе письмо, Гарри взял сову и выпустил её в одно из окон. Букля клюнула его в палец больнее, чем обычно, но всё же ласково

ухнула в знак примирения, расправила крылья и полетела навстречу солнцу. Гарри проводил её взглядом, на душе было тяжело. Вот уж никогда не думал, что ответ Сириуса только усилит его тревогу.

За завтраком Гарри поведал друзьям о посланном Сириусу письме.

— Но, Гарри, — встревожилась Гермиона, — это неправда. Ты про шрам не придумал.

— Ну и что? Хочешь, чтобы из-за меня его отправили в Азкабан?

Гермиона хотела что-то возразить, но Рон ткнул её в бок.

— Перестань, — шикнул он на неё, и Гермиона в кои-то веки послушалась.

Недели две Гарри, как мог, боролся с тревогой о крёстном. И всё равно по утрам с замиранием сердца ожидал совиную почту, а перед сном в постели ему мерещились страшные видения: Сириуса хватают дементоры где-нибудь в тёмном закоулке Лондона. Жаль, что не было тренировок, квиддич — лучшее лекарство от тяжких мыслей. Зато уроки, особенно защита от Тёмных искусств, стали труднее, да и требовали учителя куда больше.

Ко всеобщему удивлению, профессор Грюм

объявил, что подвергнет каждого заклятию Империус — продемонстрирует его силу и проверит способность учеников к сопротивлению.

— Но, профессор, — неуверенно начала Гермиона, — вы ведь сказали, что это нарушение закона…

Профессор молча взмахнул волшебной палочкой, парты разъехались в стороны, и в середине класса образовалось пустое место.

— …что к людям это заклятие применять нельзя, — закончила лучшая ученица свою мысль.

— Дамблдор хочет, чтобы вы на собственном опыте познали опасность этого заклятия, — непререкаемым тоном произнёс Грюм, его волшебный глаз впился в Гермиону и парализовал жутким немигающим взглядом. — Но если ты предпочитаешь более трудный путь — путь раба, который полностью лишён собственной воли, я не стану возражать, это твой выбор. Можешь покинуть урок. — И он указал скрюченным пальцем на дверь.

Густо покраснев, Гермиона прошептала, что имела в виду совсем другое. Гарри с Роном улыбнулись, переглянувшись. Гермиона скорее проглотит гной бубонтюбера, чем пропустит такой важный урок.

Грюм по очереди вызывал учеников и накладывал на них чары. Чего только они не вытворяли, оказавшись в его власти. Дин Томас трижды проскакал вокруг комнаты, распевая национальный гимн. Лаванда Браун вообразила себя белкой. Невилл исполнил гимнастические упражнения, к которым сроду не был способен. Перед заклятием оказались бессильны все, становясь собой, только когда Грюм заклятие снимал.

— Поттер, — наконец прохрипел Грюм, — твоя очередь.

Гарри вышел на середину класса. Профессор нацелил на него палочку и произнёс:

— *Империо!*

Удивительное ощущение! Гарри словно воспарил в небо. Никакого беспокойства нет и в помине, только лёгкое, необъяснимое счастье. Блаженство волной окатило его, и всё же он чувствовал себя как в тумане: за ним пристально наблюдают. И тут в пустом черепе эхом отдалось приказание Грозного Глаза:

«Прыгай на стол… Прыгай на стол…»

Гарри послушно согнул колени, приготовясь к прыжку.

«Прыгай на стол…»

«А собственно, зачем?»

Где-то в глубине сознания раздался ещё один голос: «Это же просто глупо!» «Прыгай на стол…»

«Не прыгну, спасибо. — Второй голос зазвучал чуть твёрже. — Я правда не хочу..» «Прыгай! Живо!»

Сильная боль пронзила Гарри: он прыгнул, отчаянно при этом сопротивляясь. Врезался головой в стол, опрокинул его. И кажется, сломал обе коленные чашечки.

— Это уже на что-то похоже, — послышался громкий голос Грюма. Полная отзвуков пустота в голове вдруг исчезла. Гарри ясно помнил, что с ним произошло. Боль в коленях усилилась. — Все посмотрите на Гарри! Он боролся и, чёрт побери, почти устоял. Победа была совсем близка! Попробуем ещё раз, Поттер! А вы следите за ним, особенно за глазами. В них всё отражается. Молодец, Гарри! Не так-то будет легко сделать из тебя раба…

— Нет, каким тоном он говорит! — сказал друзьям Гарри, когда час спустя, хромая, выходил с урока защиты. Грюм заставил его упражняться до победного конца, и после четвёртой попытки Гарри легко одолел чары. — Как будто мы все в любую минуту можем подвергнуться нападению!

— Он просто сумасшедший. — Рон обернулся, нет ли сзади Грюма. Борьба с заклятием далась ему труднее, чем Гарри: он всё ещё не шёл, а прыгал через ступеньку. Но Грюм обещал, самое позднее к обеду, действие чар само собой прекратится. — Неудивительно, что Министерство с радостью от него избавилось. Ты слышал, он рассказывал Симусу, что сделал с той ведьмой, которая первого апреля крикнула ему вслед «бу-у»? Ну, когда тут изучить приёмы против его Империуса? Завалили домашними заданиями!

Весь четвёртый курс заметил, что в этом году им стали задавать на дом куда больше. От уроков по трансфигурации взвыл весь класс.

— Вы вступаете в важнейшую фазу обучения магическим искусствам, — наставляла профессор МакГонагалл, угрожающе поблёскивая прямоугольными стёклами очков. — Не за горами экзамен по сверхотменному волшебству…

— Так СОВ будет только на пятом курсе! — взмолился Дин Томас.

— Согласна, Томас. Но готовиться к нему следует заранее. Из всего класса одна мисс Грэйнджер превратила ежа в более-менее приличную подушку для иголок. А ваша подушка, Томас, до сих пор в ужасе сворачивается, стоит поднести к ней

булавку.

Гермиона покраснела, едва сдерживая улыбку от переполнявшей её гордости.

А вот на прорицании Рону и Гарри улыбнулась удача. Профессор Трелони объявила, что поставила обоим за сочинение самый высокий балл. Прочитала их предсказания и похвалила за смиренное приятие предстоящих ужасов. Но радость друзей быстро улетучилась. Трелони задала новое задание, срок месяц, а у них в головах, как назло, иссяк запас бедствий и катастроф.

Не отстал от других и профессор Бинс по истории магии, задал через неделю сдать сочинение о восстании гоблинов в XVIII веке. Профессор Снегг обрушил лавину противоядий, обещая перед Рождеством кого-нибудь отравить — надо же проверить, как усвоены противоядия. А профессор Флитвик велел прочесть про манящие чары три толстенные книги из списка дополнительной литературы.

Даже Хагрид — и тот их не пощадил. Его обожаемые соплохвосты росли с ужасающей быстротой, хотя никто не знал, чем же они питаются. И он предложил с видом Деда Мороза, принёсшего подарки, провести исследование: через вечер приходить к нему, наблюдать соплохвостов и

делать записи об их бесподобном поведении.

— Я не буду ходить, — наотрез отказался Драко Малфой. — Спасибо, я с лихвой нагляделся на них во время урока.

Улыбка сползла с лица Хагрида.

— Будешь делать, что я велю, — гаркнул он. — Не то я последую примеру профессора Грюма… Слыхал я, какой из тебя получился прекрасный хорёк!

Гриффиндорцы расхохотались. Малфой зло вспыхнул, даже не нашёлся что возразить. Видно, не забыл ещё наказания Грюма.

Гарри и Рон с Гермионой возвращались в замок в самом весёлом расположении духа. Молодец Хагрид, поставил на место Малфоя, который в прошлом году из кожи вон лез, чтобы лесничего выгнали из Хогвартса.

Вошли в холл и у порога застряли — дальше и шага не ступишь. На стенде у мраморной лестницы — объявление, возле которого столпилось полсотни учеников. Рон, как самый высокий, встав на цыпочки, громко прочитал через головы:

— «Турнир Трёх Волшебников. Делегации из Шармбатона и Дурмстранга

прибывают в Хогвартс в ближайшую пятницу — 30 октября в 6 часов вечера. Уроки в этот день закончатся на полчаса раньше…»

— Здорово! Последний урок — зельеварение! Снегг не успеет никого отравить! — ликовал Гарри.

— «…После уроков всем ученикам отнести сумки с учебниками в спальни и собраться перед замком для встречи заморских гостей».

— Приезжают через неделю! Интересно, Седрик уже знает? Пойду скажу ему! — Эрни МакМиллан из Пуффендуя с загоревшимся взглядом растолкал учеников и устремился к лестнице.

— Причём здесь Седрик? — удивился Рон.

— Седрик Диггори наверняка будет участвовать в турнире, — пояснил Гарри.

— Этот придурок будет представлять Хогвартс? — хмыкнул Рон, выбираясь с друзьями из толпы.

— Диггори не придурок. Он тебе не нравится, потому что нанёс поражение Гриффиндору. А я слышала, он прекрасный ученик. К тому же

староста факультета, — непререкаемым тоном проговорила Гермиона.

— Зато тебе он очень нравится! Как же, такой красавчик, — подколол её Рон.

— Ошибаешься, я сужу о людях не по внешнему виду, — возмутилась Гермиона.

— Кха-кха! Ло-кха-кха-нс! — Рон якобы громко откашлялся. А Гарри в его кашле явно послышалась фамилия «Локонс».

Объявление взбудоражило обитателей замка. Куда бы Гарри ни шёл, только и слышно: «Турнир Трёх Волшебников», «Турнир Трёх Волшебников»... Все как с ума посходили: кого допустят к конкурсу, какие виды волшебства войдут в состязания, отличаются ли от них хоть чем-нибудь заморские студенты?

И конечно, замок подвергся генеральной уборке. Несколько потемневших портретов хорошенько почистили и помыли, к их вящему недовольству. Портреты ёжились в своих рамах, сердито бурчали, кривя влажные розовые лица. Рыцарские доспехи заблестели и задвигали руками без скрипа и скрежета. А Аргус Филч в ярости кидался на ребят, забывших вытереть ноги, и даже довёл двух девочек-первоклашек до слёз.

Волновались и преподаватели.

— Долгопупс, пожалуйста, не выдайте гостям из Дурмстранга своё неумение совершить самое простое преобразующее заклинание, — взмолилась профессор МакГонагалл в конце особенно трудного урока: Невилла угораздило превратить собственные уши в кактусы.

И вот наступил долгожданный день. Войдя утром в Большой зал, студенты на миг замерли — ночью на стены вывесили огромные флаги всех факультетов: Гриффиндорский — красный с золотым львом, Когтеврана — бронзовый орёл на синем фоне, жёлтый с чёрным барсуком Пуффендуйцев и зелёное знамя с серебряной змеёй Слизерина. Позади профессорского стола развевалось невероятных размеров полотнище с гербом Хогвартса: большая буква «Х» в окружении льва, орла, барсука и змеи.

Фред с Джорджем уже завтракали. Но опять сидели отдельно от всех и о чём-то шептались, что было им отнюдь не свойственно. И Рон с друзьями, конечно, направился прямо к ним.

— Да-а, дело дрянь, — мрачно сказал Джордж Фреду. — Если он всё же откажется говорить с нами, придётся писать письмо, послать совиной почтой или прямо вручить. Он явно нас избегает, но мы своего добьёмся.

— Кто вас избегает? — подсел к ним Рон.

— Исчезни, — буркнул Фред раздражённо.

— А почему дело дрянь? — спросил Рон Джорджа.

— Младший брат слишком приставучий.

— А что вы думаете о Турнире? Хотите в нём участвовать?

— Я спросил у МакГонагалл, как будут выбирать участников, а она не говорит, — сокрушался Джордж. — Велела замолчать и заняться трансфигурацией енота.

— Интересно, что войдёт в состязания? — задумался Рон, но тут же опять оживился: — Держу пари, мы всё равно победим, правда, Гарри? Нам к опасностям не привыкать.

— Не привыкать-то не привыкать. Но не перед судейской бригадой, — остудил брата Фред.

— А кто обычно судит? — спросил Гарри.

— Всегда директора школ-участниц, — подала голос Гермиона. — На Турнире тысяча семьсот девяносто второго года все трое получили увечья. Тогда участники ловили василиска, а он возьми и встань на дыбы.

Заметив, что многие с удивлением на неё таращатся, Гермиона, как всегда, начала сердиться: почему все они так мало читают!

— Об этом написано в «Истории Хогвартса»! Правда, в ней не всё достоверно. Я бы её назвала «Пересмотренная история». Или ещё лучше: «Необъективная история Хогвартса. Избранные места. Многие приукрашены».

— Ты это про что? — не понял Рон. А Гарри сразу догадался, какая тирада за этим последует.

— Про домовых эльфов! — отчётливо и громко произнесла Гермиона, подтвердив догадку Гарри. — Ни одного раза на протяжении тысячи страниц в «Истории» не сказано, что мы все участвуем в жестоком угнетении сотни эльфов.

Гарри покачал головой и принялся за омлет. Они с Роном прохладно отнеслись к кампании Гермионы в защиту домовых эльфов. Но это не охладило её пыл. Правда, они купили два значка, чтобы Гермиона хоть немного угомонилась. Но только выкинули деньги на ветер: менее говорливой она не стала. Хуже того, потребовала носить значки — подать пример другим. Каждый вечер, придя в гостиную, Гермиона высматривала очередную жертву, загоняла в угол и трясла у неё под носом жестяной банкой со значками.

— Да поймите же, — втолковывала она зачерствелым гриффиндорцам, — вам меняют простыни, топят камины, моют классы, на вас готовит целая

армия крошек-волшебников. И за свой труд они не получают ни сикля. Это настоящие рабы!

Некоторые, среди них Невилл, опустили в банку пару сиклей, чтобы Гермиона отвязалась. Кое-кто слегка проникся её словами, но этим дело и ограничилось. А многие и вовсе сочли её приставания за шутку.

Рон возвёл глаза к потолку, заливавшему зал последними лучами осеннего солнца. Фред проявил повышенный интерес к бекону (близнецы не купили значок «ГАВНЭ»). А Джордж сказал:

— Слушай, Гермиона, ты-то хоть раз была на кухне?

— Конечно, нет, — отрезала Гермиона. — Ученикам…

— А мы были, — перебил её Джордж и ткнул Фреда в бок. — И неоднократно. Воровали еду. И видели домовиков. Они там блаженствуют. Считают, что лучше работы нет!

— Потому что они необразованны и внушаемы. Им можно внушить что угодно, — горячо продолжала Гермиона, но тут зашумела крыльями совиная почта, и она смолкла.

Гарри вскинул голову — к нему летела Букля. Рон с Гермионой не отрывали от неё тревожного взгляда. Сова села на плечо Гарри, сложила

крылья и устало протянула лапу. Гарри отвязал письмо Сириуса и дал ей корку бекона, которую Букля с благодарностью проглотила. Убедившись, что близнецы заняты обсуждением Турнира Трёх Волшебников, он шёпотом прочитал друзьям письмо:

— «Зря старался, Гарри!

Я вернулся и хорошо спрятался. Держи меня в курсе всего, что происходит в Хогвартсе. Не используй Буклю, меняй сов. Обо мне не беспокойся, но сам будь начеку. Не забудь, что я сказал тебе про твой шрам.

Сириус».

— А сов менять зачем? — тихо спросил Рон.

— Букля очень выделяется среди других птиц, — мигом сообразила Гермиона. — Полярная сова, которая часто прилетает в одно и то же место, не может не привлечь внимание. Они же у нас не водятся, правильно?

Гарри свернул письмо и сунул в мантию, не понимая, уменьшило ли оно тревогу или усилило. Чудо, конечно, что Сириусу удалось без происшествий вернуться в безопасное место. Но с другой стороны, когда Сириус неподалёку, чувствуешь

себя спокойнее и не так долго ждёшь ответа на отправленное письмо.

— Спасибо тебе, Букля, — поглаживал Гарри сову. Сонно ухнув, она нырнула клювом в кубок с апельсиновым соком и взлетела, предвкушая сладкий сон на маковке башни.

В воздухе витало ощущение праздника. На уроках никто себя не утруждал, все мысли были о гостях из Шармбатона и Дурмстранга. Даже зельеварение показалось не таким противным, ведь урок сегодня кончался на полчаса раньше. Прозвенел звонок. Гарри и Рон с Гермионой поспешили к себе в башню. Оставили в спальне сумки, надели плащи и помчались вниз по лестнице в холл.

Деканы факультетов построили учеников в колонны.

— Уизли, поправьте шляпу, — командовала профессор МакГонагалл. — Первокурсники, вперёд. И пожалуйста, не толкайтесь!

Рядами спустились по главной лестнице и выстроились перед замком. Был ясный холодный вечер. Сгущались сумерки. Бледная призрачная луна уже взошла над Запретным лесом. Гарри, стоявший в четвёртом ряду между Роном и Гермионой, заметил среди первоклашек Дэнниса

Криви, которого трясло в предчувствии чего-то необычного.

— Скоро шесть, — взглянув на часы, Рон устремил взгляд на дорогу, ведущую к главным воротам. — На чём, по-твоему, они едут? На поезде?

— Сомневаюсь, — сказала Гермиона.

— А как тогда? На мётлах? — предположил Гарри, глядя в небо, усеянное крупными звёздами.

— Не думаю. Путь-то неблизкий.

— Может, портал? — терялся в догадках Рон. — А может, у них разрешается трансгрессироваться до семнадцати лет?

— На территории Хогвартса трансгрессироваться невозможно, сколько раз тебе говорить, — осекла его Гермиона.

Друзья внимательно обшаривали взглядами небо. Ни малейшего признака летящего предмета. Как всегда, тишь и покой. Гарри стал замерзать. Скорей бы уж появились гости! Может, они придумали какое-то необычное представление? Ему вспомнились слова мистера Уизли на стадионе перед матчем на Кубок мира: «Вечно одна и та же история. Любим на сборищах распускать павлиньи перья».

К счастью, Дамблдор, стоящий с другими учителями в последнем ряду, в эту минуту вос-

кликнул:

— Чует моё сердце — делегация Шармбатона недалеко!

— Где? Где? — обрадовались ребята, вертя головами.

— Вон! — указал шестикурсник на небо в стороне Запретного леса.

Нечто огромное, куда больше метлы, нет, целой сотни мётел, летело по иссиня-чёрному небу, быстро увеличиваясь в размерах.

— Дракон! — пискнул насмерть перепуганный первокурсник.

— Ты что, дурак? Это летучий дом! — уверенно заявил крошка Дэннис Криви.

Его догадка оказалась близка к истине. Гигантская чёрная тень почти касалась верхушек деревьев. Льющийся из окон замка свет озарил приближающееся чудо — огромную синюю карету, подобную башне. Её тянула по воздуху дюжина крылатых золотых коней с развевающимися белыми гривами, каждый величиной со слона.

Первые три ряда учеников подались назад. Заходя на посадку, карета снижалась с бешеной скоростью. И наконец, с оглушительным громом, от которого Невилл, подпрыгнув, наступил на ногу пятикурснику-слизеринцу, копыта золотых

коней размером с хорошее блюдо коснулись земли на опушке Запретного леса. Следом приземлилась карета и покатила, подпрыгивая на гигантских колёсах; кони кивали исполинскими головами, выпучив огромные огненно-красные глаза.

Открылась дверца, украшенная гербом: две скрещённые золотые палочки, из каждой вылетают по три красные звезды; с облучка прыгнул мальчик в голубой мантии, наклонился, что-то нашарил на полу кареты и развернул золотые ступеньки. Тут же почтительно отпрыгнул назад, и из кареты появилась чёрная лаковая туфля размером не меньше детских санок, и сразу же за ней изумлённым зрителям явилась её обладательница. Таких великанш Гарри никогда в жизни не видел. Неудивительно, что у кареты и лошадей столь впечатляющие габариты!

Только один Хагрид мог бы с ней померяться: вряд ли он хоть на сантиметр её ниже. Впрочем, может, потому, что он привык к Хагриду. Женщина, стоявшая уже на первой ступеньке и озиравшая ряды ошеломлённых зрителей, показалась ему всё-таки огромнее Хагрида. Она вошла в полосу света, падающего из окон замка, и обнаружилось, что у неё красивое лицо с олив-

ковой кожей, огромные, чёрные, ясные глаза и крупный орлиный нос, блестящие волосы собраны в низкий пучок на шее. Дама была с головы до ног закутана в чёрную атласную мантию, на шее и толстых пальцах поблёскивали превосходные опалы.

Дамблдор зааплодировал. Ученики вторили. Многие вставали на цыпочки, чтобы лучше разглядеть великаншу.

Лицо её расплылось в улыбке. Она подошла к Дамблдору и протянула сверкающую драгоценностями руку. Директор, и сам роста немалого, лишь слегка склонился для поцелуя.

— Дорогая мадам Максим! Добро пожаловать в Хогвартс!

— Дамблёдорр, — произнесла мадам Максим грудным голосом. — Надеюсь, вы пребываете в добром зд'гавии?

— Спасибо. Я в превосходной форме.

— Мои ученики, — небрежно махнула она назад огромной ручищей.

Гарри, чьё внимание было приковано к мадам Максим, только теперь заметил вышедших из кареты подростков лет шестнадцати-семнадцати. Их было десятка полтора, и все они дрожали от холода в мантиях из тонкого шёлка. Кое-кто

обмотал голову тёплым шарфом. Насколько Гарри мог видеть (учеников почти скрыла огромная тень мадам Максим), все с испугом поглядывали на замок.

— Ка'г-ка'тов уже приехал?

— С минуты на минуту ждём, — сказал Дамблдор. — Вы его будете здесь приветствовать или пойдёте сразу в замок?

— Лучше пойдём в замок. Тут у вас холодно. Только вот кони…

— Наш преподаватель ухода за магическими существами сочтёт за счастье о них позаботиться. Он вот-вот вернётся, только уладит небольшое недоразумение. Его… э-э… подопечные требуют повышенного внимания.

— Его сопляки, — шепнул Рон Гермионе.

— Моим коням нужен сильный конюший. — Мадам Максим явно сомневалась, что хогвартский учитель справится с её золотыми жеребцами. — Они ошшень к'гепкие.

— Уж поверьте, кому-кому а Хагриду эта работёнка по плечу, — улыбнулся Дамблдор.

— Ошшень хо'гошо! — слегка поклонилась мадам Максим. — Передайте, пожалуйста, мсье 'Агриду что пьют мои кони только ячменный виски.

— Непременно передам. — Дамблдор тоже в ответ поклонился.

— Следуйте за мной, — величаво махнула ученикам мадам Максим.

И хогвартцы расступились, пропуская гостей к каменным ступеням.

— А дурмстрангские кони тоже, наверное, не меньше? — обратился Симус Финниган к Гарри и Рону через головы Парвати и Лаванды.

— Будут больше этих — даже Хагриду с ними не справиться, — покачал головой Гарри. — Если, конечно, соплы его уже не прикончили. Интересно, что там у него стряслось?

— Может, они убежали? — с надеждой предположил Рон.

— Не дай бог! — содрогнулась Гермиона. — Представь себе: соплохвосты ползают по территории замка!

Холод начал пробирать до костей. Кто-то поглядывал на небо. Тишину нарушали только фырканье и стук подков золотых коней мадам Максим.

— Слышите? — вдруг воскликнул Рон.

Откуда-то из темноты донёсся престранный звук — погромыхивание, сопровождаемое всасывающим хлюпаньем, как если бы гигантский

пылесос двигался по речному руслу.

— Озеро! — крикнул Ли Джордан. — Гляньте на озеро.

Стоя на возвышении у замка, они отчётливо видели внизу чёрную гладь воды, которую теперь уже нельзя было назвать гладью. В середине озера появились завихрения, затем огромные пузыри, глинистый берег захлестнули волны, и вдруг в самом центре возникла воронка, как будто на дне вынули огромную затычку. Из самой её сердцевины медленно поднимался длинный чёрный шест. Корабельная снасть, догадался Гарри.

— Это мачта, — объяснил он Рону и Гермионе. Величественный корабль неторопливо всплывал из воды, мерцая в лунном свете. У него был странный скелетоподобный вид, как у воскресшего утопленника. Тусклые огни иллюминаторов походили на светящиеся глаза призрака. С оглушительным всплеском корабль наконец весь вынырнул и, покачиваясь на бурлящей воде, заскользил к берегу. Вскоре раздался звук брошенного на мелководье якоря, и на берег спустили трап.

С борта потянулись пассажиры, и в иллюминаторах замелькали движущиеся фигуры. Все они величиной не уступали Крэббу с Гойлом! Но

вот они вошли в падающий из окон замка свет, и Гарри увидел, что не такие они и большие, просто на них надеты лохматые шубы. Человек, шедший первым, был одет в другие меха — гладкие, блестящие, серебристые, под стать волосам.

— Дамблдор! — радостно воскликнул он, поднимаясь по склону. — Как поживаете, любезный друг?

— Благодарю, прекрасно, профессор Каркаров.

Голос у Каркарова бархатный, с льстивой ноткой. Высокий, худой, как и Дамблдор, но седина короткая, а козлиная бородка с завитком на конце едва скрывает безвольный подбородок. Подойдя к Дамблдору он взял его руки в свои и крепко тряхнул.

— Старый добрый Хогвартс, — смотрел он, улыбаясь, на замок. Зубы у него желтоватые, а улыбка не вяжется с холодным, проницательным взглядом. — Как хорошо снова быть здесь… Как хорошо… Виктор, иди сюда. В тепло. Вы не против, Дамблдор? Виктор немного простыл…

Каркаров поманил одного из учеников, тот подошёл. Крупный, с горбинкой нос, густые чёрные брови… Рон дёрнул друга за локоть, что-то зашептал на ухо. Но Гарри и сам узнал гостя.

Это был Крам.

Глава 16
Кубок огня

— Глазам не верю! — воскликнул Рон.

Хогвартцы ровным строем поднимались вслед за гостями по каменным ступеням. Рон был вне себя от восторга.

— Крам! Нет, ты представляешь себе, Гарри? Сам Виктор Крам!!!

— Что с тобой, Рон, Крам всего лишь игрок в квиддич, — пожала плечами Гермиона.

— Всего лишь! — передразнил её Рон. — Ты что, Гермиона, не знаешь? Это же один из сильнейших в мире ловцов! Я понятия не имел, что он всё ещё школьник!

В холле, заметил Гарри, Джордан Ли прыгал на цыпочках, чтобы мельком узреть затылок Виктора Крама, а шестикурсницы лихорадочно шарили в складках мантий.

— Не может быть! У меня нет с собой ни одного пера! Что же делать? Может, он подпишет шляпу губной помадой?

— Делать им нечего! — высокомерно заявила Гермиона, проходя мимо девушек, чуть не деру-

щихся из-за тюбика губной помады.

— Я бы тоже не прочь взять у него автограф. Гарри, не одолжишь перо? — засуетился Рон.

— У меня тоже нет. Они все наверху в сумке.

Друзья подошли к своему столу. Рон сел лицом к входной двери, у которой толпились дурмстрангцы во главе с Крамом, высматривая, куда сесть. Гости из Шармбатона уже сидели за столом Когтеврана, мрачно озираясь по сторонам. Головы у троих были всё ещё замотаны тёплыми шарфами.

— Ничуть не холодно, — сердилась Гермиона. — Неужели трудно было захватить с собой плащи!

— Идите к нам, сюда, — махал гостям Рон. — Садитесь! Гермиона, подвинься!

— Что?

— А-а, уже поздно, — махнул рукой Рон.

Виктор Крам с однокашниками двинулись к столу слизеринцев. Крэбб с Гойлом были на седьмом небе. А Малфой не преминул тут же вступить с Крамом в беседу.

— Подлизывайся, подлизывайся, — с досадой проговорил Рон. — Крам всё равно видит тебя насквозь. Хотя… ему не привыкать ко всеобщему вниманию. Интересно, где они будут ночевать?

Гарри, давай позовём их к нам в спальню! Я не прочь уступить ему свою кровать. А сам могу спать и на раскладушке.

Гермиона фыркнула.

— Эти будут повеселее шармбатонцев, — заметил Гарри.

Дурмстрангцы сняли лохматые шубы и с любопытством разглядывали тёмный потолок, усеянный звёздами. Некоторые, не скрывая восхищения, вертели в руках золотые тарелки и кубки.

Завхоз Филч, надевший в честь праздника старый, потёртый фрак, добавил к профессорскому столу ещё четыре кресла — по два слева и справа от Дамблдора.

— Но приехало-то всего два профессора, — удивился Гарри. — А Филч почему-то поставил четыре кресла. Кто-то ещё приедет?

— А? — рассеянно переспросил Рон, жадно пожиравший глазами Крама.

Наконец все заняли свои места, и к профессорскому столу потянулись преподаватели, шествие замыкали профессор Дамблдор, профессор Каркаров и мадам Максим. Увидев своего директора, шармбатонцы поспешили встать. За соседними столами раздались смешки. Но подопечные ма-

дам Максим невозмутимо оставались на ногах, покуда великанша не опустилась в кресло по левую руку от Дамблдора, стоявшего за столом в ожидании тишины.

— Добрый вечер, леди, джентльмены и привидения, а главное, наши гости, — наконец начал он, лучезарно улыбнувшись иноземным ученикам. — С превеликим удовольствием приветствую вас в Хогвартсе! Уверен, что вы хорошо проведёте у нас время. Не сомневаюсь, вы уже успели оценить удобства нашего замка!

При этих словах одна из шармбатонских девушек, у которой на голове всё ещё был шарф, громко хихикнула.

— Никто тебя здесь не держит, — буркнула с неприязнью Гермиона.

— Официальное открытие Турнира, — как ни в чём не бывало продолжал Дамблдор, — состоится сегодня вечером, сразу же после ужина. Угощайтесь, дорогие друзья, на славу. Ешьте, пейте и чувствуйте себя как дома!

Дамблдор сел, а Каркаров сейчас же наклонился к нему и о чём-то оживлённо заговорил.

Блюда, как всегда, начали наполняться едой. На этот раз эльфы-домовики превзошли себя. Каких только кушаний не было, в том числе и

заморских!

— А это что? — спросил Рон, указывая на блюдо не то с супом, не то с рагу из моллюсков, стоявшее рядом с йоркширским пудингом из говядины с почками.

— Буйябес, — объяснила Гермиона.

— Надо же! — удивился Рон.

— Это французское блюдо. Я его ела на каникулах позапрошлым летом. Очень вкусно.

— Поверю тебе на слово, — сказал Рон и потянулся к привычному пудингу.

В зале прибавилось учеников двадцать, не больше, а казалось, яблоку негде упасть. Наверное, из-за одежды гостей. Слишком уж она выделялась на фоне чёрной хогвартской: под шубами дурмстрангцев оказались кроваво-красные мантии.

Минут через двадцать дверь за профессорским столом отворилась и в зал вошёл Хагрид. Сев на обычное место, он сразу же помахал толсто забинтованной рукой Гарри, Рону и Гермионе.

— Как поживают соплы, Хагрид? — спросил Гарри.

— Процветают, — широко улыбнулся лесничий.

— Никто и не сомневался, — тихонько сказал Рон. — Похоже, нашли еду по душе. Пальчики

Хагрида.

— Будьте доб'ты, передайте, пожалуйста, буйя-а-бес! — громко попросил чей-то голос.

Это была девушка, не сдержавшая смешок во время приветствия Дамблдора. Она наконец-то сняла шарф, и её белокурые волосы волной падали почти до самого пояса. У неё были большие синие глаза и ровные белые зубы, напомнившие незабвенную улыбку профессора Локонса.

Рон покраснел до ушей. Взглянул на девушку, открыл было рот, но вместо слов издал бессмысленное бульканье.

— Пожалуйста, — придвинул к ней блюдо Гарри.

— Вы уже поели?

— Д-да, о-очень вкусно, — заикаясь, проговорил Рон. Девушка взяла блюдо и осторожно понесла к своему столу. Рон таращился на неё, как на неземное диво. Привёл его в чувство смешок Гарри.

— Вылитая вейла! — осипшим голосом прохрипел Рон.

— Глупости, — возмутилась Гермиона. — Ты один уставился на неё с таким идиотским видом.

Но она ошибалась. Многие глядели вслед этой девушке, а некоторые, как и Рон, потеряли дар речи.

— Говорю тебе, она самая необыкновенная на свете девушка! — вертелся на стуле Рон, стараясь не упускать её из виду. — В Хогвартсе таких нет.

— В Хогвартсе есть и получше! — выпалил Гарри, глянув искоса на Чжоу Чанг, сидевшую неподалёку от белокурой красавицы.

— Да перестаньте вы оба пялиться! — рассердилась Гермиона. — Посмотрите лучше, кто ещё пришёл в зал.

И она кивнула на преподавательский стол. Два пустых кресла наконец обрели хозяев. Рядом с профессором Каркаровым сел Людо Бэгмен, а слева от мадам Максим — начальник Перси мистер Крауч.

— Что они тут делают? — удивился Гарри.

— Они — организаторы Турнира Трёх Волшебников. — Гермиона, как всегда, знала всё. — Полагаю, приехали посмотреть начало Турнира.

Скоро появились вторые блюда, и среди них опять незнакомые. Рон хорошенько рассмотрел светлое бланманже и слегка подвинул его вправо — пусть заметят за столом Когтеврана. Но девушка, похожая на вейлу, наверное, была сыта, и бланманже не соблазнило её.

Наконец золотые тарелки опустели, и Дамблдор опять встал с кресла. Зал в ожидании замер.

Гарри почувствовал лёгкое волнение. А сидевшие в отдалении от всех близнецы так и впились в директора горящим взглядом.

— Торжественный миг приблизился. — Дамблдор оглядел, улыбаясь, обращённые к нему лица. — Турнир Трёх Волшебников вот-вот будет открыт. Перед тем как внесут ларец…

— Что-что внесут? — не понял Гарри.

— …я хотел бы коротко объяснить правила нынешнего Турнира. Но прежде позвольте представить тем, кто не знает, мистера Бартемиуса Крауча, главу Департамента международного магического сотрудничества. — Слушатели вежливо похлопали. — А также Людо Бэгмена, начальника Департамента магических игр и спорта.

Бэгмену достались щедрые аплодисменты, наверное благодаря его славе загонщика, а может, просто потому, что вид у него был куда приветливее: Бэгмен оценил аплодисменты, осклабившись и помахав залу рукой, а хмурый Бартемиус Крауч и бровью не повёл, когда Дамблдор назвал его имя. На чемпионате мира, вспомнил Гарри, он был в строгом костюме, а сейчас в мантии волшебника выглядел как-то нелепо. Его усы щёточкой и аккуратный пробор странно кон-

трастировали с длинными белыми волосами и бородой Дамблдора.

— Мистер Бэгмен и мистер Крауч, организаторы Турнира, без устали работали несколько месяцев, — продолжал Дамблдор. — И они войдут в судейскую бригаду, которая будет судить состязания.

При слове «состязания» зал навострил уши, что от Дамблдора не ускользнуло.

— Филч, — улыбнулся он, — ларец сюда, пожалуйста.

Филч, который до этой минуты прятался где-то в дальнем углу зала, тут же явился к профессорскому столу, неся в руках старинный деревянный ларец, инкрустированный жемчугом. Зал, зашумев, всколыхнулся. Дэннис Криви даже встал на стул, чтобы лучше видеть, но был так мал, что всё равно едва возвышался над соседними головами.

Филч осторожно поставил ларец перед Дамблдором, и тот продолжил объяснения:

— Инструкции к состязаниям мистером Краучем и мистером Бэгменом уже проверены. Для каждого тура всё готово. Туров — три, состязания основаны исключительно на школьной программе. Чемпионам предстоит продемонстрировать

владение магическими искусствами, личную отвагу и умение преодолеть опасность.

При последних словах зал притих, затаив дыхание. А Дамблдор невозмутимо продолжал:

— В Турнире, как известно, участвуют три чемпиона, по одному от каждой школы-участницы. Их будут оценивать по тому, как они справились с очередным состязанием. Чемпион, набравший во всех турах самое большое число баллов, становится победителем. Участников Турнира отбирает из школьных команд беспристрастный выборщик — Кубок огня.

Дамблдор вынул волшебную палочку и стукнул по крышке ларца три раза. Крышка медленно, со скрипом открылась. Дамблдор сунул внутрь руку и достал большой, покрытый грубой резьбой деревянный Кубок. Ничего примечательного — не будь он до краёв наполнен пляшущими синеватыми языками пламени. Дамблдор закрыл крышку, осторожно поставил на неё Кубок, чтобы все хорошо его видели.

— Желающие участвовать в конкурсе на звание чемпиона должны разборчиво написать своё имя и название школы на куске пергамента и опустить его в Кубок, — сказал он. — Им даётся на размышление двадцать четыре часа. Кубок будет

выставлен в холле. И завтра вечером выбросит с языками пламени имена чемпионов, которые примут участие в Турнире Трёх Волшебников. Конечно, избраны будут достойнейшие из достойнейших. Кубок на всю ночь останется в холле и будет доступен всем, кто хочет участвовать в Турнире. К участию в Турнире будут допущены только те, кто достиг семнадцати лет. А чтобы те, кому нет семнадцати, не поддались искушению, я очерчу вокруг него запретную линию. Всем, кто младше указанного возраста, пересекать эту линию запрещено. И последнее: желающие участвовать в конкурсе, примите к сведению — для избранных в чемпионы обратного хода нет. Чемпион будет обязан пройти Турнир до конца. Бросив своё имя в Кубок, вы заключаете с ним магический контракт, который нарушить нельзя. Посему хорошенько подумайте, действительно ли вы хотите участвовать в Турнире. Ну а теперь, кажется, самое время идти спать. Всем, всем доброй ночи.

— Запретная линия! — воскликнул Фред, выходя из зала, глаза у него возмущённо сверкали. — Её наверняка можно обмануть зельем, ну, которое набавляет возраст. А когда уже имя в Кубке, кричи «ура»! Кубку — умора! — всё равно,

сколько тебе лет!

— Дело не в возрасте, — возразила Гермиона. — Мы ещё очень мало знаем, и нам такие состязания не по плечу.

— Говори только за себя, — обозлился Джордж. — Гарри, ты ведь хочешь принять участие в конкурсе?

Гарри вспомнил наставление Дамблдора. Всем, кому менее семнадцати, запрещено участвовать в конкурсе. Но он представил себя победителем Турнира… Здорово! А Дамблдор? Как он рассердится, сумей кто-нибудь младше семнадцати переступить запретную линию…

— Где же он? — Рон их не слушал, высматривая в толпе Крама. — Дамблдор не сказал, где будут жить гости из Дурмстранга?

Ответ не заставил себя ждать. Друзья как раз поравнялись со слизеринским столом.

— Всем обратно на корабль, — распорядился Каркаров. — Виктор, как ты себя чувствуешь? Хорошо поел? Может, послать на кухню за глинтвейном? — беспокоился он.

Крам покачал головой и натянул шубу.

— Профессор, мне бы хотелось выпить вина, — разохотился другой ученик.

— Я предлагаю не тебе, Поляков, — рявкнул

Каркаров, и заботливый отеческий вид мгновенно испарился. — Ты опять, неряха, закапал едой всю мантию!

Он развернулся и повёл учеников к дверям. Гарри с друзьями как раз выходили из зала. Гарри пропустил Каркарова вперёд.

— Спасибо, — небрежно бросил Каркаров, мельком взглянув на Гарри. И застыл в изумлении — прямо-таки уставившись на Гарри, точнее, на его шрам. Его подопечные тоже остановились позади директора, с любопытством таращась на Гарри, на многих лицах читался испуг. Парень в заляпанной едой мантии толкнул локтем стоявшую рядом девушку и беззастенчиво ткнул в Гарри пальцем.

— Да, это Гарри Поттер, — прохрипел кто-то сзади. Профессор Каркаров резко обернулся. Грозный Глаз Грюм стоял, опираясь на свою палку, его волшебное око, не мигая, буравило директора Дурмстранга.

Каркаров побледнел, на искажённом лице проступила ярость, смешанная со страхом.

— Ты! — только одно слово сорвалось с его губ.

— Да, я, — мрачно кивнул Грюм. — И если тебе нечего сказать Гарри Поттеру сделай милость, проходи, не задерживайся. Ты не даёшь пройти.

Что правда, то правда: позади Грюма столпилось ползала, ожидая, когда пробка в двери рассосётся. Ребята заглядывали через плечо, стараясь увидеть, что там впереди происходит.

Не ответив ни слова, Каркаров поспешно удалился вместе с учениками. Грюм долго смотрел ему вслед волшебным глазом, изуродованное лицо выражало острую неприязнь.

* * *

По субботам ученики спускались завтракать позже. Но в этот выходной не только Гарри, Рон и Гермиона встали пораньше. В холле уже собралось человек двадцать.

Кто-то жевал тосты, и все глазели на Кубок огня. Он стоял в центре холла на табуретке, на которую обычно клали Волшебную шляпу. Его обегала начерченная на полу золотая линия, образуя окружность радиусом три метра.

— Интересно, кто-нибудь уже бросил в Кубок пергамент со своим именем? — спросил у третьекурсницы Рон.

— Дурмстрангцы бросили все. А из Хогвартса я ещё никого не видела.

— Уверен, что ночью кто-то наверняка бросил. Я бы так и сделал. Неприятно, когда в такую ми-

нуту на тебя смотрят. Вдруг Кубок тут же плюнет тебе в лицо твоё имя, — сказал Гарри.

Кто-то сзади Гарри хохотнул. Обернувшись, он увидел близнецов и Ли Джордана. Они бежали по лестнице вниз, вид у всех троих был вдохновенный.

— Свершилось, — шепнули они брату и его друзьям. — Мы его выпили!

— Что? Что? — не понял Рон.

— Выпили зелье старения, тупая ты башка, — пояснил Фред.

— Всего по одной капле, — потёр руки сияющий Джордж. — Нам до семнадцати не хватает совсем чуть-чуть.

— Если кто из нас победит — делим тысячу галеонов на троих! — Лицо Ли расплылось в широченной улыбке.

— Думаю, из этого вряд ли выйдет что-нибудь путное, — предупредила Гермиона. — Уверена, уж это-то Дамблдор предусмотрел.

Отчаянные головы пропустили слова Гермионы мимо ушей.

— Готовы? — спросил Фред у дрожащих от нетерпения дружков. — Я иду первый! За мной!

Гарри наблюдал как зачарованный. Фред вынул из кармана кусок пергамента со словами: «Фред

Уизли, Хогвартс», подошёл к линии, остановился, переминаясь с мысков на пятки, как пловец перед прыжком с пятнадцатиметровой вышки. И, глубоко вздохнув, у всех на глазах переступил золотую черту.

«Неужели обман сработал?» — поверил на какой-то миг Гарри. Джордж тоже поверил. Издав победный клич, он без промедления прыгнул за братом. Тут же раздался громкий хлопок, и близнецов, словно невидимой катапультой, выбросило из золотого круга. Пролетев по воздуху метра три, они приземлились на холодный каменный пол. Было не только больно, дерзость ещё и кончилась бесславно: хлопнуло второй раз, и у близнецов выросли длинные белые бороды.

Все помирали со смеху — даже Фред с Джорджем, — поднявшись с пола и увидев бородатые лица друг друга.

— Я же предупреждал, — послышался низкий голос Дамблдора: в глазах у него плясали весёлые искорки. — Ступайте к мадам Помфри. Она уже лечит мисс Фосетт из Когтеврана и мистера Саммерса из Пуффендуя. Им тоже захотелось себя состарить. Но, признаться, их бороды ни в какое сравнение не идут с вашими.

Фред с Джорджем отправились в больничное

крыло в сопровождении хохотавшего до колик Ли, а Гарри, Рон и Гермиона, тоже посмеиваясь, поспешили завтракать. В Большом зале, как и полагается в канун Дня Всех Святых, под волшебным потолком порхали стайки летучих мышей, а из каждого угла подмигивали огоньки в прорезях огромных тыкв. Гарри подсел к Дину с Симусом, обсуждавшим, кто из хогвартцев решится бросить своё имя в Кубок.

— Говорят, Уоррингтон бросил, ещё на рассвете, — сообщил Дин. — Ну, тот, похожий на ленивца увалень из Слизерина.

Уоррингтон играл в команде слизеринцев, Гарри его хорошо знал. Не дай бог, Кубок кого-нибудь из слизеринцев выберет! Гарри даже передёрнуло от отвращения.

— А пуффендуйцы поговаривают о Диггори, — презрительно пожал плечами Симус. — Но вряд ли этот красавчик захочет рисковать своей внешностью.

— Тихо, — вдруг сказала Гермиона.

Из холла донеслись возбуждённые голоса. Гриффиндорцы повернули головы: в зал входила со смущённой улыбкой Анджелина Джонсон, высокая черноволосая девушка — охотник гриффиндорской команды.

— Ну вот, — сказала она, подсев к друзьям. — Я бросила своё имя.

— Ты шутишь, — изумился Рон.

— Тебе уже семнадцать? — спросил Гарри.

— Ты что, не видишь? Бороды-то нет! — вразумил его Рон.

— На прошлой неделе исполнилось, — сказала Анджелина.

— Как я рада, что кто-то из наших решился бросить! — повернулась к ней Гермиона. — Хорошо бы Кубок тебя выбрал! Очень на это надеюсь.

— Спасибо, Гермиона.

— Конечно, уж лучше ты, чем этот красавчик Диггори, — заметил Симус, чем привёл в негодование проходивших мимо пуффендуйцев.

— Что мы сегодня будем делать? — спросил Рон друзей, выйдя после завтрака в холл.

— Мы давно не заходили к Хагриду, — напомнил Гарри.

— Потопали, — согласился Рон. — Но берегитесь, а то он ещё уговорит нас скормить пальцы его любимцам.

Лицо Гермионы вдруг вспыхнуло озарением.

— Как же я раньше об этом не подумала! — воскликнула она. — Хагрида надо пригласить в мой союз! Подождите меня здесь, я мигом сбегаю за

значками.

— Совсем того! — в отчаянии воскликнул Рон, глядя вслед Гермионе, взбегавшей по мраморной лестнице.

— Смотри-ка, Рон, — толкнул Гарри друга. — Твоя приятельница!

Из входных дверей в холл потянулись шармбатонцы и среди них девушка, похожая на вейлу. Мадам Максим вошла последняя и гуськом повела свой выводок к Кубку огня. Стоявшие вокруг Кубка вежливо уступили место вновь прибывшим, с любопытством наблюдая за ними. Один за другим гости переступали золотую линию и бросали кусочки пергамента в синевато-белое пламя — огонь при этом пунцовел и выбрасывал сноп ярко-красных искр.

— А что будет с теми, кого Кубок не выберет? — шепнул Рон Гарри, наблюдая, как вейла бросает в огонь пергамент. — Как, по-твоему, они вернутся домой или останутся смотреть Турнир?

— Не знаю. Наверное, останутся. Мадам Максим ведь будет судьёй.

Наконец все шармбатонцы побросали имена в Кубок, и мадам Максим вывела их строем наружу.

— Где же они ночуют? — Рон подошёл к дверям,

провожая их взглядом.

Громкий жестяной стук позади возвестил о возвращении Гермионы с коробкой, полной значков.

— Ну, наконец, идём скорее! — Рон поскакал по каменным ступеням, не сводя глаз с «вейлы», шедшей рядом с мадам Максим по лугу, сбегающему к хижине Хагрида.

Друзья шли в том же направлении: хижина стояла на опушке Запретного леса. Подойдя к ней, Рон получил наконец ответ на мучивший его вопрос. Метрах в двухстах от хижины синела гигантских размеров карета, в которой приехали гости из Шармбатона, и сейчас они вереницей лезли в неё по золотым ступеням. А неподалёку во временном загоне паслись слоноподобные крылатые кони.

Гарри постучал в дверь хижины. Клык тотчас откликнулся громким лаем.

— Давно пора! — Хагрид распахнул дверь. — Думал, вы уж забыли, где я живу.

— Мы были очень, очень заняты, Хаг… — Гермиона от изумления поперхнулась, взглянув на Хагрида. На нём был его парадный (чудовищный!) коричневый костюм и оранжево-жёлтый в клеточку галстук. Но не это было самое страш-

ное. Он, видно, пытался укротить свои волосы с помощью дёгтя и даже сделал пробор, разделив одну большую копну на две поменьше. Скорее всего, хотел сделать причёску «конский хвост», но шевелюра оказалась слишком густа. Разумеется, красоты Хагриду это не добавило. Гермиона вытаращилась на него, но взяла себя в руки и спросила: — А-а… где соплохвосты?

— Наруже, рядом с грядкой тыковок, — расцвёл Хагрид. — Выросли очень. В длину почти метр. Только вот — эх, беда! — стали друг дружку убивать.

— Не может быть! — сочувственно воскликнула Гермиона, бросив выразительный взгляд на Рона, который хотел было высказаться, глядя на фантастическую причёску Хагрида.

— Да, — печально вздохнул Хагрид. — Я теперь их в отдельных ящиках держу. Около двадцати деточек всё-таки ещё осталось.

— Какое счастье! — сказал Рон. Хагрид кивнул, не поняв сарказма.

В хижине была всего одна комната. В углу — громадная кровать, застланная лоскутным одеялом. Возле камина под стать кровати деревянный стол в окружении таких же стульев, под потолком висят копчёные окорока и всякая

птица. Хагрид взялся готовить чай, а друзья сели за стол, и скоро все увлеклись разговором о предстоящем Турнире. Оказывается, Хагрида он волновал не меньше других.

— Чуток погодите, — улыбался он. — И увидите такое, чего отродясь не видели. Первое задание… Но молчок, как бы оно… не проговориться…

— Ну скажи, Хагрид, ладно тебе… — подначивали ребята, но лесничий только тряс головой и улыбался.

— Не хочу… того… портить вам удовольствие. Одно скажу: славно придумано! И чемпионам как раз под силу! Вот не ожидал, что доживу ещё до одного Турнира Трёх Волшебников.

Гостеприимный Хагрид пригласил друзей отобедать: перед их приходом он как раз зажарил кусок говядины. Но они только поковыряли мясо: Гермиона обнаружила у себя в тарелке довольно большой коготь. За обедом разговор продолжился — безуспешно пытались выведать у Хагрида задание, гадали, кто из претендентов будет выбран и всё ли ещё Фред с Джорджем бородаты.

После полудня зарядил мелкий дождь. Как уютно сидеть у камина и слушать лёгкий стук капель по стеклу. Хагрид сел в кресло штопать носки, и у них с Гермионой завязался спор о домашних

эльфах. Она показала ему значки ассоциации, но он наотрез отказался в неё вступать.

— Неладное ты задумала, — насупясь, говорил Хагрид, вдевая в толстую костяную иглу жёлтую шерстяную нитку. — Прислуживать людям у домовиков… э-э… от природы. Ну, отнимешь у них работу, знаешь, какое будет страдание! А уж если денег предложить… хуже обиды не выдумаешь…

— Но Гарри же освободил Добби, и он на седьмом небе от счастья! — возражала Гермиона. — Мы все слышали: здесь он получает зарплату.

— В каждой семье свой чудик. Я не говорю, что домовики все против свободы. Но многих, Гермиона, тебе… э-э… не удастся уговорить.

Рассерженная Гермиона затолкала обратно в карман коробку со злополучными значками.

В полпятого стало темнеть. Пора и в замок, праздновать Хэллоуин, но главное, чтобы узнать, кого Кубок выберет в чемпионы.

— И я пойду с вами, — сказал Хагрид, убирая штопанье. — Подождите секунду.

С этими словами Хагрид встал, пошёл к комоду рядом с кроватью и зарылся в один из ящиков. Как вдруг им в нос ударил сильный, неописуемо мерзкий запах.

— Хагрид, что это? — закашлялся Рон.

— А? — У Хагрида в руке был большой пузырёк. — Тебе не нравится?

— Жидкость для бритья? — спросила Гермиона осипшим голосом.

— О-де-колонь, — по слогам выговорил Хагрид и, покраснев, добавил: — Может, я это… чересчур перелил? Одну минутку, я скоро… — вконец смутился он и грузной поступью вышел из хижины. Из окна ребята видели, как Хагрид рьяно моется над дождевой бочкой.

— Одеколон? — изумлённо протянула Гермиона. — Хагрид?

— А что с его волосами? И ещё этот парадный костюм?

— Глядите! — Рон вдруг показал в окно.

Хагрид только что выпрямился и огляделся. Если и раньше щёки у него заливала краска, то теперь они полыхали, как пунцовые угли в камине. Все трое вышли из-за стола и осторожно, чтобы не видел Хагрид, посмотрели в окно: из кареты выходили шармбатонцы, возглавляемые мадам Максим, тоже, очевидно, спешили на праздник. Слов Хагрида не было слышно. Но глядел он на великаншу затуманенно-восторженным взором. Гарри лишь однажды видел его таким, когда он любовался дракончиком Норбертом.

— Он идёт в замок с ней! — возмутилась Гермиона. — А я-то думала, он нас подождёт.

Даже не взглянув на хижину, Хагрид вместе с мадам Максим зашагал к замку, шармбатонцы спешили сзади, подпрыгивая, да разве за этой парой угонишься!

— Он влюбился! — не веря себе, воскликнул Рон. — Если они женятся и родят — спорим на что хочешь, — поставят мировой рекорд! Ребёночек будет весить тонну!

Друзья покинули хижину, захлопнув за собой дверь. На улице было уже совсем темно. И, поплотнее закутавшись в мантии, двинулись вверх, к замку.

— Смотрите, — прошептала Гермиона. — Это они…

Со стороны озера к замку приближались дурмстрангцы. Виктор Крам шагал рядом с профессором Каркаровым. Остальные тянулись сзади. Рон не отрывал взгляда от Крама, тот шёл, не глядя по сторонам, и, опередив неразлучную троицу, скрылся в дверях замка. Освещённый свечами Большой зал был уже почти полон. Кубок огня стоял на преподавательском столе перед пустым креслом Дамблдора. Фред и Джордж, опять с гладкими лицами, как видно, стоически

перенесли разочарование. Гарри, Рон и Гермиона сели рядом.

— Надеюсь, он выберет Анджелину, — сказал Фред.

— Я тоже! — горячо откликнулась Гермиона. — Теперь совсем скоро узнаем!

Ужин, казалось, никогда не кончится. Может, потому, что праздник длился второй день, Гарри не налегал, как обычно, на изысканные блюда. И не он один, все вокруг ёрзали на стульях, тянули шеи, вставали на ноги, всеми овладело нетерпение: скоро ли Дамблдор завершит трапезу? Кто будет Тремя Волшебниками?

Наконец золотые тарелки засияли первозданной чистотой. Зал шумел, гудел и вдруг смолк — Дамблдор поднялся с места. Сидящие по обе стороны от него профессор Каркаров и мадам Максим замерли в напряжённом ожидании. Людо Бэгмен, как всегда, сиял, подмигивая то тому, то другому в зале. У Крауча, напротив, вид был безучастный, почти скучающий.

— Кубок огня вот-вот примет решение, — начал Дамблдор. — Думаю, ему требуется ещё минута. Когда имена чемпионов станут известны, попрошу их подойти к столу и проследовать в комнату, примыкающую к залу. — Он указал на дверь

позади профессорского стола. — Там они получат инструкции к первому туру состязаний.

Он вынул волшебную палочку и широко ей взмахнул; тотчас все свечи в зале, кроме тех, что горели в тыквах, погасли. Зал погрузился в полутьму. Кубок огня засиял ярче, искрящиеся синеватые языки пламени ослепительно били по глазам. Но взгляды всех всё равно прикованы к Кубку, кое-кто поглядывает на часы…

— Осталась одна секунда, — сказал Ли Джордан. Пламя вдруг налилось красным, взметнулся столп искр, и из Кубка выскочил обгоревший кусок пергамента. Зал замер.

Дамблдор, протянув руку, подхватил пергамент, освещённый огнём, опять синевато-белым, и Дамблдор громким, отчётливым голосом прочитал:

— «Чемпион Дурмстранга — Виктор Крам».

Зал содрогнулся от грохота аплодисментов и восторженных криков.

— Так и должно быть! — громче всех кричал Рон.

Виктор Крам поднялся с места и, ссутулив плечи, вразвалку двинулся к Дамблдору, повернул направо и, миновав профессорский стол, исчез в соседней комнате.

— Браво, Виктор! Браво! — перекричал аплодисменты Каркаров, так что его услышал весь зал. — Я знал, в тебе есть дерзание!

Постепенно шум в зале стих, внимание всех опять приковано к Кубку. Пламя вновь покраснело, и Кубок выстрелил ещё одним куском пергамента.

— «Чемпион Шармбатона — Флёр Делакур!» — возвестил Дамблдор.

— Смотри, Рон! — крикнул Гарри. — Это она!

Девушка, так похожая на вейлу, легко поднялась со стула, откинула назад волну белокурых волос и летящей походкой прошла между столов Гриффиндора и Пуффендуя.

— Вы только гляньте, как они расстроены! — воскликнула Гермиона, кивнув в сторону стола, где сидели шармбатонцы.

Расстроены — слабо сказано, подумал Гарри: две девушки, спрятав лицо в ладони, плакали навзрыд. Флёр Делакур удалилась в соседнюю комнату, зал опять утих. Но напряжение, казалось осязаемое на ощупь, усилилось. Осталось только узнать чемпиона Хогвартса!

Всё опять повторилось. Огонь покраснел, посыпались искры. Из Кубка вылетел третий кусок пергамента. Дамблдор поймал его и прочитал:

— «Чемпион Хогвартса — Седрик Диггори».

— Ну почему он?! Почему? — возопил Рон.

Кроме Гарри, его, однако, никто не услышал: взорвался криками стол Пуффендуя. Все до единого пуффендуйцы вскочили на ноги, топали, вопили до хрипоты, приветствуя идущего к профессорскому столу Седрика. Аплодисменты не смолкали долго. Дамблдор стоял и ждал; вот наконец зал угомонился, и он, довольно улыбаясь, начал вступительную речь:

— Превосходно! Мы теперь знаем имена чемпионов. Я уверен, что могу положиться на всех вас, включая учеников Шармбатона и Дурмстранга. Ваш долг — оказать всемерную поддержку друзьям, которым выпало защищать честь ваших школ. Поддерживая своих чемпионов, вы внесёте поистине неоценимый вклад…

Дамблдор внезапно остановился, и все сразу поняли почему.

Кубок огня вдруг покраснел. Посыпались искры. В воздух взметнулось пламя и выбросило ещё один пергамент.

Дамблдор не раздумывая протянул руку и схватил его. Поднёс к огню и воззрился на имя. Повисла длинная пауза. Дамблдор смотрел на пергамент, весь зал смотрел на него. Наконец он

кашлянул и прочитал:

— «Гарри Поттер».

Глава 17
Четыре чемпиона

Гарри сидел как громом поражённый. Он, верно, ослышался… Может, это сон… Но нет, кажется, явь. Преподаватели и ученики — все устремили на него изумлённые взгляды.

Никаких аплодисментов, только жужжание, как будто в зал залетел рой рассерженных пчёл. Кто-то встал, чтобы лучше рассмотреть приросшего к стулу Гарри.

Профессор МакГонагалл стремительно встала из-за стола, обойдя Людо Бэгмена, подошла к Дамблдору и что-то горячо прошептала ему. Директор школы нахмурился.

Гарри повернулся к Рону с Гермионой. Все гриффиндорцы глядели на него, разинув рты.

— Это не я бросил в Кубок своё имя, — растерянно проговорил Гарри. — Вы же знаете, это не я.

Рон с Гермионой ответили ему не менее растерянным взглядом.

Профессор Дамблдор за профессорским столом выпрямился и кивнул профессору МакГонагалл.

— Гарри Поттер, — сказал он, — подойдите,

пожалуйста, сюда.

— Иди, — шепнула Гермиона, подтолкнув.

Гарри поднялся на ноги, запутался в полах мантии и, спотыкаясь, побрёл к преподавательскому столу. Слева и справа столы Гриффиндора и Пуффендуя. Какой долгий путь — шагать ещё и шагать! Жужжание становится громче, взоры всех сопровождают его, как лучи прожекторов. Минула целая вечность. И вот наконец он смотрит прямо в глаза Дамблдора, под взглядами всех сидящих за столом.

— Тебе в ту дверь, Гарри, — без улыбки произнёс директор.

Гарри двинулся вдоль стола. Прошёл мимо Хагрида, тот не подбодрил его, не подмигнул. Потрясён не меньше самого Гарри и смотрит, как все, — с недоумением. Гарри отворил дверь и очутился в небольшой комнате. На стенах портреты волшебниц и колдунов, напротив красивый камин, в котором, постреливая, пылает огонь.

Лица на портретах повернулись к Гарри. Сморщенная, как печёное яблоко, ведьма выскочила из рамы, впрыгнула в соседнюю к волшебнику с моржовыми усами и что-то зашептала ему на ухо.

Виктор Крам, Седрик Диггори и Флёр Дела-

кур стояли у камина. На фоне яркого пламени их тёмные силуэты выглядели до странности внушительно. Крам, ссутулившись и о чём-то сосредоточенно думая, притулился к каминной полке. Седрик заложил руки за спину и глядел на огонь. Флёр Делакур, откинув назад волну белокурых волос, повернулась к Гарри.

— В чём дело? — спросила она. — Надо вернуться в зал?

Она, видно, подумала, что Гарри за ними послали судьи. Как же им объяснить, что случилось? Он молча стоял и смотрел на трёх чемпионов. Какие они все высокие, совсем взрослые!

Позади него послышался дробный стук шагов, и в комнату вбежал Людо Бэгмен.

— Невероятно! — воскликнул он, схватив руку Гарри. — Необычайное происшествие! Джентльмены… леди, — обратился он к чемпионам, таща Гарри к камину. — Позвольте представить вам, как бы удивительно ни звучало, четвёртого чемпиона, участника Турнира!

Виктор Крам расправил плечи, оглядел Гарри с головы до ног, и его хмурое лицо потемнело. Седрик вопросительно переводил взгляд с Бэгмена на Гарри, как будто ослышался. Что до Флёр, она взмахнула блестящей волной волос и с улыбкой

промолвила:

— О-ля-ля! Очень весёлая шутка, мсье Бэгмен!

— Шутка! — Бэгмен ещё не пришёл в себя. — Да нет же! Какая шутка! Имя Гарри только что выскочило из Кубка.

Крам чуть сдвинул густые брови. Седрик пребывал в вежливом недоумении. А Флёр нахмурилась.

— Это ошибка. — В голосе её звучало презрение. — Он не может соревноваться. Он ошшень маленький.

— Да, но случилось чудо. — Бэгмен потёр гладкий подбородок и улыбнулся Гарри. — Вы ведь знаете, возрастное ограничение наложили в этом году в целях безопасности. И раз его имя выскочило из Кубка… думаю, теперь уже ничего нельзя поделать… Противоречит правилам. Вы обязаны… А Гарри придётся приложить все усилия.

Дверь позади них опять отворилась. Вошли профессор Дамблдор, мистер Крауч, профессор Каркаров, мадам Максим, профессор МакГонагалл и профессор Снегг, в открытую дверь на какую-то секунду из зала ворвался гул возбуждённых голосов.

— Мадам Максим! — негодующе воскликнула Флёр. — Они говорят, что этот *пти гарсон* тоже

примет участие.

Безмолвное изумление Гарри сменилось гневом. Маленький мальчик!

Мадам Максим выпрямилась во весь исполинский рост. Макушка красивой головы задела канделябр со свечами, обтянутый атласом внушительный бюст заколыхался.

— Дамблёдорр! *Кес-кёсе?* Что сие означает? — властно промолвила она.

— Я тоже хотел бы это знать! — поддержал французов профессор Каркаров. На лице его застыла каменная улыбка, синие глаза превратились в льдинки. — Два чемпиона от Хогвартса? Что-то не припомню, чтобы школа — хозяйка Турнира — когда-нибудь выставляла двух чемпионов. Может, я плохо знаком с правилами? — С его губ слетел ехидный смешок.

— *Импоссибль.* — Мадам Максим опустила огромную, унизанную прекрасными опалами руку на плечо Флёр. — 'Огва'гтс нельзя выставить двух чемпионов, это не есть сп'гаведливо.

— Мы были уверены, Дамблдор, что запретная линия допустит к участию в конкурсе только учеников старших курсов. — Каменная улыбка не сходила с лица Каркарова. — Иначе мы привезли бы сюда куда больше претендентов.

— Каркаров, это всё проделки Поттера, — вкрадчиво произнёс Снегг, его чёрные глаза зло поблёскивали. — Вины Дамблдора нет в том, что Поттер нарушил правила Турнира. Этот негодный мальчишка с первого дня появления в школе только и делает, что нарушает правила.

— Благодарю, Северус, — отчеканил Дамблдор. Снегг умолк и отошёл в сторону, но глаза его продолжали метать злобные искры.

Дамблдор проницательно взглянул на Гарри, тот не отвёл взгляда, пытаясь уловить выражение его глаз сквозь половинки очков.

— Это ты, Гарри, бросил в Кубок своё имя?

— Нет, — под прицелом всех взглядов ответил Гарри. Снегг ехидно хмыкнул, выразив недоверие части присутствующих.

— Может быть, ты просил кого-то из старших бросить в Кубок твоё имя?

— Нет, — твёрдо ответил Гарри.

— Он говорит неправда! — воскликнула мадам Максим.

Снегг тряхнул головой, и по лицу у него расползлась змеиная улыбка.

— Гарри не мог бы пересечь запретную линию, — вмешалась МакГонагалл, — даже если бы захотел. В этом нет никакого сомнения.

— Тогда, наверное, ошибся сам Дамблёдорр, — пожала плечами мадам Максим.

— Наверное, ошибся, — согласился Дамблдор.

— Дамблдор, вы же прекрасно знаете, что не ошиблись, — вспыхнула МакГонагалл. — Всё это глупости. Гарри не подходил к линии. Не обращался ни к кому из старших учеников. Дамблдор в этом уверен. Полагаю, этого объяснения достаточно! — И она смерила Снегга презрительным взглядом.

— Мистер Крауч, мистер Бэгмен. — В голосе у Каркарова появились льстивые нотки. — Вы — наши беспристрастные судьи. И вы, конечно, согласны, что происшедшее противоречит правилам Турнира?

Бэгмен вытер носовым платком круглое мальчишеское лицо и глянул на Крауча. Тот стоял в тени, в нескольких шагах от камина. Полумрак старил его, делал похожим на призрака. Но заговорил Крауч обычным брюзгливым тоном.

— Мы должны строго следовать правилам. А в них написано чёрным по белому: тот, чьё имя выпало из Кубка, обязан безоговорочно участвовать в турнире.

— Ну, конечно! Барти знает правила как свои пять пальцев! — просиял Бэгмен и взглянул на

протестующих гостей, как бы говоря: спор завершён.

— Я настаиваю на том, чтобы увеличить число моих подопечных, получивших доступ к Кубку огня. — Каркаров отбросил подобострастный тон, улыбка сползла, лицо злобно исказилось. — Зажгите его ещё раз. Все школы должны иметь равное число чемпионов. Это, Дамблдор, будет честно!

— Поймите, Каркаров, это невозможно, — возразил Бэгмен. — Кубок огня погас, и его разожгут не раньше следующего Турнира.

— Которому мы объявим бойкот! — взорвался Каркаров. — После всех встреч, переговоров, компромиссов я ничего подобного не ожидал! И готов хоть сейчас бросить всё и уехать.

— Пустая угроза, Каркаров, — прохрипел голос у двери. — Ты не сможешь отозвать своего чемпиона. Как сказал Дамблдор, чемпионы связаны магическим контрактом. Хотят они или нет, им придётся участвовать в Турнире. Что, не согласен?

В комнату вошёл Грюм и, хромая, подошёл к огню. Каждый его шаг сопровождался стуком, издаваемым правой ногой.

— Согласен? — переспросил Каркаров. — Боюсь,

я не совсем тебя понял, Грюм.

Каркаров держался высокомерно, показывая всем, что слова Грюма не достойны его внимания, но профессора выдали руки, судорожно сжавшиеся в кулаки.

— Неужели? — спокойно продолжал Грюм. — Тогда слушай. Всё очень просто. Кто-то опустил в Кубок имя Поттера, точно зная, что, выпади его имя, ему придётся участвовать в Турнире, пусть хоть небо обрушится.

— Значит, мсье успешно помог ’Огва’гтсу откусить от одного яблока два раза, — подытожила мадам Максим.

— Полностью с вами согласен, — кивнул Каркаров. — И я намерен подать протест в Министерство магии и Международную конфедерацию колдунов…

— Уж кому бы подавать протест, так это Гарри Поттеру, — прохрипел Грюм. — Но смешно сказать, я ещё и слова от него не слышал.

— Ему чего делать п’готест! — топнула ножкой Флёр Делакур. — Палец пальцем не стукнул, и чемпион! Мы много месяц т’гудились, мечтали стать чемпион. Такая честь для всей школы. За тысяча галеон многие готовы отдать их жизнь!

— А может, кто-то и хочет, чтобы Поттер отдал

жизнь. — Грюм явно силился придать голосу мягкость.

После этих слов в комнате воцарилось гнетущее напряжение.

Не на шутку встревоженный, Людо Бэгмен, нервно переступив с ноги на ногу, прервал молчание:

— Грюм, старина, что вы такое говорите?!

— Как всем нам известно, Грюм считает утро пропащим, не раскрой он к обеду полдюжины заговоров. — Каркаров перешёл к прямым оскорблениям. — Ему всюду мерещится опасность. Небось и студентам то же внушает. Мягко говоря, странное свойство для преподавателя, который учит, как защищаться от Тёмных искусств. Но вам, Дамблдор, конечно, виднее.

— Мне мерещится? — вновь захрипел Грюм. — Фантазия разыгралась? Да поймите, подложивший в Кубок имя Поттера обладает огромной волшебной силой!

— А доказательства, мсье? — Мадам Максим всплеснула ручищами.

— Маг сумел обмануть предмет, обладающий исключительными магическими свойствами. Только мощнейшее заклятие Конфундус могло заставить Кубок забыть, что в Турнире должны

участвовать три школы. Ведь чтобы Кубку не из кого было выбирать, надо иметь в школе всего одного претендента. И скорее всего, имя Поттера подложили от некой четвёртой школы.

— Сдаётся мне, ты очень много об этом думал, — холодно заметил Каркаров. — Занятная гипотеза. А я тут недавно слыхал такую историю: ты вбил себе в голову, — ха-ха! — что один из подарков, которые ты получил в день рождения, — хитроумно замаскированное яйцо василиска. Ты его взял и разбил, а это оказались часы для автомобиля. Потому-то мы и не воспринимаем тебя всерьёз…

— Да, существуют люди, умеющие раздуть из мухи слона. — В голосе Грюма прозвучала угроза. — Работа у меня такая: разгадывать замыслы Тёмных сил, Каркаров. Тебе бы следовало об этом помнить…

— Аластор! — предупреждающе остановил Грюма Дамблдор.

Гарри не понял было, к кому он обратился. Но мигом сообразил, вряд ли Грозный Глаз настоящее имя Грюма. Грюм прикусил язык, но с удовольствием поглядывал на залившегося краской Каркарова.

— Нам неизвестно, как это могло произойти, — обратился Дамблдор к присутствующим. — Но

иного выхода нет. Кубок выбрал двоих: Седрика и Гарри. И им ничего не остаётся…

— Но Дамблёдорр…

— Дорогая мадам Максим, а вам иной выход известен? Буду рад выслушать.

Но мадам Максим не проронила больше ни слова, она просто клокотала от гнева. И не только она. Снегг был готов лопнуть от ярости, Каркаров злился не меньше. Один только Бэгмен был охвачен радостным спортивным волнением.

— Ну что ж, — потёр он руки и улыбнулся. — Пора дать чемпионам соответствующие инструкции. Эта честь, Барти, представлена тебе. Не возражаешь?

— Да, да… Инструкции, — очнулся Крауч от своих мыслей. — Первый тур…

Он подошёл к камину. И Гарри подумал: глава министерского департамента тяжело болен. Вокруг глаз залегли глубокие тени. Тонкую, как папиросная бумага, кожу избороздили морщины. На Кубке мира он выглядел куда лучше.

— Первый тур проверит вашу смекалку, — принялся за объяснения Крауч. — Мы не посвящаем вас в то, какое испытание вам предстоит. Для волшебника крайне важно действовать смело и находчиво в неожиданных обстоятельствах. Пер-

вый тур состоится двадцать четвёртого ноября в присутствии зрителей и судейской бригады. Участникам Турнира воспрещается принимать от учителей хоть какую-то помощь. Единственное оружие чемпиона — волшебная палочка. По окончании первого тура вы получите инструкцию для второго. Учитывая затраты сил и времени для подготовки к Турниру, чемпионы освобождаются от годовых экзаменов. По-моему, это всё, Альбус? — повернулся Крауч к Дамблдору.

— Да, всё. — Директор Хогвартса взглянул на Крауча с лёгким беспокойством. — Может, Барти, вы переночуете в замке?

— Меня ждут дела в Министерстве. У нас сейчас непростые времена. Вместо меня остаётся молодой Уэзерби… большой энтузиаст… по правде говоря, даже слишком большой…

— Ну хотя бы выпейте на дорогу — предложил Дамблдор.

— Оставайтесь, Барти. Я вот остаюсь! — радостно возвестил Бэгмен. — В Хогвартсе сейчас куда интересней, чем в вашей конторе.

— Нет, Людо, не могу, — в обычной категорической манере отказался Крауч.

— Профессор Каркаров, мадам Максим, от рю-

мочки на ночь, надеюсь, не откажетесь?

Но мадам Максим уже опустила руку на плечо Флёр, и они быстро пошли к двери, что-то лопоча по-французски. Каркаров поманил Крама, и они, не сказав больше ни слова, тоже поспешили уйти.

— Гарри, Седрик, советую вам сейчас же идти к себе, — улыбнулся Дамблдор своим чемпионам. — Не сомневаюсь, и Гриффиндор, и Пуффендуй горят желанием отпраздновать ваш успех. Нельзя лишать друзей отличного предлога устроить шумное и весёлое столпотворение.

Гарри глянул на Седрика, тот кивнул, и оба двинулись к двери.

Большой зал опустел. Свечи в тыквах догорали, придавая их зигзагоподобным улыбкам мерцающий, жутковатый вид.

— Ну вот, Гарри, — Седрик слегка улыбнулся, — опять мы с тобой соперники!

— Опять, — только и мог сказать Гарри. В голове был кавардак, как будто там побывали грабители.

Вышли в холл. Вместо Кубка огня его освещали обычные факелы.

— Скажи, Гарри, как тебе удалось бросить своё имя в Кубок? — спросил Седрик.

— Я не бросал. — Гарри твёрдо посмотрел на Седрика. — Честное слово.

— Ну да, ладно… Пока, — махнул ему Седрик. «Конечно, он мне не верит», — подумал Гарри, глядя ему вслед.

Вместо того чтобы взбежать по мраморной лестнице, Седрик свернул и исчез в правой двери. Гарри постоял, послушал, как он сбегает по каменной лестнице вниз, и побрёл по мраморным ступеням к себе.

Неужели никто, кроме Гермионы и Рона, не поверит ему? Неужели все считают, что он сам опустил в Кубок пергамент? Как это можно! Соперники на три года старше, они уже почти совсем маги. Турниры очень опасны и проводятся перед сотнями зрителей. Да, он думал об этом, фантазировал, но в шутку, так… пустые мечты! Всерьёз никогда не представлял себя чемпионом…

Зато кто-то другой даже очень представлял. Вот и постарался. Зачем? Чтобы доставить ему удовольствие? Какое же тут удовольствие… Потешиться, выставить его дураком? Возможно… Но чтобы убить? Очередная навязчивая идея Грюма? Или чья-то злая шутка? А вдруг и вправду кто-то хочет его убить? Кто же это?

Долго думать не надо. Есть человек, который этого хочет. Давно хочет, с тех пор как ему минул год. Лорд Волан-де-Морт… Но как он мог бросить его имя в Кубок огня? Он ведь сейчас далеко, прячется в неведомых краях, один, слабый, немощный…

Правда, Гарри недавно приснился сон. В ту ночь, когда он утром проснулся от сильной боли в голове, где шрам…

Гарри не заметил, как очутился возле Полной Дамы. Ноги сами его донесли. Дама была не одна. Та самая старая ведьма, что прыгнула в раму к соседу в комнате с камином, сейчас уютно расположилась на холсте с Полной Дамой. Наверное, заскакивала во все картины на восьми этажах, пока добралась сюда. Обе дамы смотрели на Гарри с превеликим интересом.

— Так-так-так, — молвила Полная Дама. — Виолетта мне всё рассказала. Кого же избрали в школьные чемпионы?

— Чепуха, — буркнул Гарри.

— Какого ещё Чепуха? Ничего подобного! — возмутилась гостья.

— Нет, нет, Ви, это пароль, — успокоила её Полная Дама. И портрет повернулся на петлях, пустив Гарри в гостиную.

Жуткий рёв хлестнул Гарри по ушам, едва не свалив с ног. Десяток рук втащили в гостиную, где собрался весь Гриффиндор. От крика, свиста и аплодисментов у Гарри голова пошла кругом.

— Как ты это провернул? Почему не поделился с нами?! — завопил Фред. Он был и сердит, и потрясён до глубины души.

— А где же борода? Класс! — взревел Джордж.

— Но это не я, — истово произнёс Гарри. — Понятия не имею, кто это сделал.

— Пусть не я, главное — гриффиндорец! — кинулась ему на шею Анджелина.

— Постарайся, Гарри, взять реванш за прошлогоднее поражение! — воскликнула Кэти Белл, ещё один охотник из гриффиндорской команды.

— У нас тут столько еды, Гарри! Иди ешь!

— Не хочу, наелся на празднике.

Никто не верил, что он сыт и что он не бросал пергамента со своим именем в Кубок. Никто не замечал, что у героя нет настроения веселиться. Ли Джордан где-то раскопал гриффиндорское знамя и обмотал им Гарри наподобие мантии. Никак от них не вырвешься: «Гарри, выпей ещё пива, на тебе чипсы, арахис…», «Гарри, как тебе это удалось… как ты обманул запретную линию?»

— Это не я, — снова и снова твердил Гарри. — Не

знаю, как такое могло случиться!

Судя по лицам, говорить им что-то бесполезно.

— Я очень устал, — взмолился через полчаса Гарри. — Правда, Джордж, устал и хочу спать!

Ему так сейчас нужны Рон с Гермионой, единственные здравомыслящие люди. В гостиной их не было. Наконец Гарри удалось выскочить на площадку, и он тут же чуть не раздавил кого-то — на него налетели малютки Криви. Стряхнув с себя братьев, он, не помня себя, рванул наверх.

Слава богу, Рон в спальне один. Лежит на кровати одетый и смотрит вверх.

— Где ты был? — захлопнув дверь, спросил Гарри.

— Это ты? Привет, — сказал Рон, натянуто улыбнувшись.

Гарри совсем забыл, что на нём всё ещё намотано гриффиндорское знамя, подарок Ли. Гарри стал спешно стягивать его, не тут-то было. А Рон лежал и безразлично смотрел на мучения друга. Кое-как справившись с полотнищем, Гарри швырнул знамя в угол.

— Поздравляю тебя, — сказал Рон.

— Поздравляешь? С чем? — глянул на него Гарри. Улыбка похожа на гримасу. Что-то с Роном не так!

— Да брось ты! Никто не мог переступить запретную линию. Даже Фред с Джорджем. Надел мантию-невидимку?

— Мантии-невидимке линию не обмануть.

— Понимаю. Будь это мантия, ты бы и меня прихватил. Мы ведь под ней вдвоём умещаемся. Значит, нашёл какой-то другой способ?

— Послушай, Рон. Я не подходил к Кубку. Кто-то другой бросил в него моё имя.

Брови у Рона поползли наверх.

— Зачем?

— Не знаю.

Не отвечать же: «Меня хотят убить». Глупо! Брови Рона чуть не слились с рыжими волосами.

— Не знаешь? Так я и поверил! Мне-то ты можешь сказать правду! Пусть тебе неприятно, чтобы все знали. Но все и так знают. Зачем же врать! Тебя никто не накажет за это. Подруга Полной Дамы, ну, знаешь, старушка Виолетта, всё нам рассказала. Дамблдор допустил тебя к участию. Тысяча галеонов, плохо ли? Да ещё экзамены не сдавать.

— Но я не бросал в Кубок пергамента с моим именем! — начал злиться Гарри.

— Да ладно, — протянул Рон, точь-в-точь как Седрик, тем же скептическим тоном. — А ты,

выходит, лгун. Кто утром сказал: «Я бы бросил имя ночью, чтобы никто не видел»? Я что, совсем дурак?!

— Сейчас, во всяком случае, очень похож.

— Чего-чего? — без следа улыбки, вымученной или какой ещё, протянул Рон. — Тебе пора спать, Гарри. Завтра ведь рано вставать. Всякие там фотосъёмки…

Он задёрнул на кровати полог. А Гарри как прирос к полу, глядя на бархатные бордовые занавески. За ними лежал друг, который ещё никогда не подозревал Гарри во лжи.

Глава 18
Сколько весят волшебные палочки

Проснувшись в воскресенье, Гарри не сразу осознал, что накануне произошло. В голове всё перепуталось. Но сейчас он поговорит с Роном, и Рон, конечно, поверит ему. Гарри отдёрнул полог — постель Рона пуста. Наверное, ушёл завтракать.

Гарри оделся и по винтовой лестнице сбежал в гостиную. Его появление встретил гром аплодисментов. Куда деваться? Идти в Большой зал? Там гриффиндорцы обрушат шквал приветствий, как на героя. Остаться здесь? Опять пристанут братья Криви, вон уже машут. Нет, сейчас надо всё обсудить с Гермионой. И Гарри решительно двинулся к выходу, толкнул портрет, выбрался на площадку и нос к носу столкнулся с Гермионой, державшей в руке многоэтажный бутерброд, завёрнутый в салфетку.

— Привет. — Гермиона, развернув салфетку, протянула Гарри еду. — Это тебе. Может, прогуляемся?

— С радостью, — благодарно согласился Гарри. Спустились на первый этаж, не заглянув в Большой зал, пересекли холл, вышли наружу и быстро зашагали по лужайке в сторону озера. Корабль стоял у причала, отбрасывая на воду чёрную тень. Утро выдалось прохладным, они шли, жуя тосты, и Гарри без утайки поведал всё Гермионе. Гермиона, к его облегчению, не усомнилась ни в едином слове.

— Конечно, ты тут ни при чём, — кивнула Гермиона, выслушав рассказ о сцене в комнате с камином. — Видел бы ты себя со стороны, когда Дамблдор объявил: «Гарри Поттер»! Но кто, кто же это сделал? Грюм прав, Гарри. Ученикам не под силу обмануть Кубок и переступить линию Дамблдора…

— Ты видела Рона? — перебил её Гарри.

— Да… во… во время… завтрака, — замялась Гермиона.

— Всё ещё думает, что это моих рук дело?

— Нет… наверное, нет. Кажется, не совсем…

— Как это не совсем?

— Гарри, неужели тебе не ясно? — всплеснула руками Гермиона. — Он просто слегка завидует!

— Завидует, — с сомнением протянул Гарри. — Чему завидовать-то? Хочет выставить себя

идиотом перед всей школой?

— Пойми, Гарри, — принялась терпеливо объяснять Гермиона, — ты всегда в центре внимания…

Гарри хотел возразить что-то резкое, но Гермиона, не дав ему, продолжала:

— Знаю, ты не виноват. Слава тебя не прельщает. Но пойми и Рона. Дома старшие братья, все они в чём-то его превосходят. Ты, его лучший друг, — знаменитость, он всегда в тени, когда вас видят вместе. Рон смирился с этим, никогда даже не заикнётся. Но история с Кубком — это уж чересчур.

— Только этого не хватало! Передай ему, я с радостью с ним поменяюсь. Пусть узнает, каково это — куда ни пойдёшь, люди всюду таращатся на твой шрам…

— Не собираюсь ничего передавать. Поговори с ним сам. Это единственный выход.

— А я не собираюсь бегать за ним, как нянька, учить уму-разуму! — крикнул Гарри, спугнув дремавших на дереве сов. — Может, он поверит, когда я сверну себе шею… Поймёт, какое это удовольствие — Турнир!

— Да, весёлого мало. — Вид у Гермионы был на редкость озабоченный. — Знаешь, что надо

сделать? Немедленно, как придём в замок?

— Дать Рону хорошего пинка.

— Написать Сириусу. Обо всём. Он просил всё сообщать ему, держать в курсе дела. Как видно, предвидел что-то подобное. Я захватила с собой перо и пергамент.

— Ничего не надо писать. — Гарри обернулся: не подслушивает ли кто? Кругом ни души. И он продолжил: — Сириус сейчас же приехал только потому, что у меня слегка заболел шрам. Напиши я ему о Турнире, он опять примчится.

— Но это его решение. — В голосе у Гермионы появился кремень. — Он всё равно об этом узнает.

— Как?

— Турнира не утаишь. — Гермиона говорила очень серьёзно. — Турнир Трёх Волшебников — знаменитое состязание. Ты тоже знаменитость. Удивлюсь, если в «Пророке» ещё не вышла статья «Гарри Поттер — чемпион Хогвартса». Ты значишься в половине книг о Сам-Знаешь-Ком. Поверь, будет лучше, если Сириус всё узнает от тебя самого.

— Ладно, напишу. Ты права.

Гарри бросил в озеро последний кусок хлеба, из воды высунулось огромное щупальце, схватило

еду и исчезло. А друзья поспешили обратно в замок.

— Какую сову послать? — спросил Гарри на лестнице. — Сириус просил больше не посылать Буклю.

— Попроси у Рона Сычика.

— Ни за что, — отрезал Гарри.

— Можно взять школьную.

Вошли в совятник, Гермиона дала Гарри кусок пергамента, перо и чернильницу и пошла ходить вдоль насестов, разглядывая почтовых сов. Гарри примостился у свободной стены и начал писать.

> Дорогой Сириус!
>
> Как ты просил, сообщаю тебе последние новости из Хогвартса. Ты, наверное, уже знаешь, что в этом году состоится Турнир Трёх Волшебников. Так вот, в субботу вечером меня выбрали четвёртым чемпионом, от Хогвартса. Понятия не имею, кто бросил в Кубок моё имя, я, конечно, не бросал. Другой чемпион от Хогвартса — Седрик Диггори из Пуффендуя.

Гарри поставил точку и задумался: может, рассказать крёстному о своих тревогах, поселившихся в сердце со вчерашнего вечера, но

не нашёл подходящих слов. И, обмакнув перо в чернила, коротко закончил:

Надеюсь, у вас с Клювокрылом всё в порядке?

Гарри

— Всё, Гермиона, написал. — Гарри поднялся с пола и отряхнул с мантии солому. На плечо села Букля и протянула лапу.

— Прости, я не могу тебя сегодня послать. Возьму одну из этих, — сказал он, оглядывая школьных сов.

Букля громко ухнула и так резко взлетела с плеча, что оставила на нём царапину. Опустилась на насест, повернувшись к Гарри хвостом. Так и сидела всё время, пока Гарри привязывал пергамент к ноге большой сипухи.

Сипуха улетела. Гарри хотел было погладить Буклю, но та сердито щёлкнула клювом и села под самый потолок, чтобы Гарри не мог к ней прикоснуться.

— Сперва Рон, а теперь ты, — пробурчал Гарри. — Не моя это вина. А вы никак не можете этого понять.

Напрасно Гарри думал, что скоро все свыкнутся с его чемпионством и дела как-то наладятся. На

другой день начались уроки, и он не мог больше избегать учеников других факультетов. Они, как и гриффиндорцы, считали, что Гарри сам бросил в Кубок своё имя, с той только разницей, что в их глазах это не делало Гарри героем.

Пуффендуйцы, обычно дружившие с Гриффиндором, теперь изменили отношение ко всему факультету. Это понятно, они считали, что Гарри покусился на славу их чемпиона Седрика Диггори. Пуффендуй не был избалован победами, а Седрик, как никто, завоёвывал им награды. Однажды и вовсе обыграл Гриффиндор в квиддич.

Гарри убедился в этом на первом же уроке травологии. Его приятели Эрни МакМиллан и Джастин Финч-Флетчли молчали весь урок, хотя вместе работали у одного подноса — пересаживали прыгучие луковицы. Одна луковица, вырвавшись из рук, больно стукнула Гарри по лицу, и пуффендуйцы, неожиданно для него, ехидно прыснули. Даже профессор Стебль явно его сторонилась, понятное дело — глава Пуффендуя.

С Роном он так и не помирился. Гермиона в Большом зале садилась между ними и, как могла, поддерживала беседу. С ней бывшие друзья говорили, но друг на друга старались не смотреть.

Он всегда с радостью ожидал уроков Хагрида.

Но не сейчас: очень уж не хотелось встречаться со слизеринцами.

На первый урок защиты Малфой, как и следовало ожидать, явился с издевательской ухмылкой.

— Эй, парни, смотрите, кто здесь. Сам чемпион Гриффиндора! — увидев Гарри, обратился он к верным телохранителям Крэббу и Гойлу. — Захватили блокноты? Спешите взять автограф! Ему недолго осталось быть среди нас, грешных! На Турнирах выживает — кошмар! — половина участников. Сколько надеешься протянуть, Поттер? Держу пари, десять минут первого тура — и тебе конец!

Крэбб и Гойл угодливо заржали, а Малфой притих: из задней двери хижины вышел Хагрид, нагруженный шаткой башней из клеток, в каждой — здоровенный соплохвост. Хагрид объяснил, что соплы убивают друг друга из-за избытка подавляемой энергии. И, ко всеобщему ужасу, повелел: чтобы дать ей выход, каждый ученик должен надеть на соплохвоста ошейник и совершить с ним длительную прогулку. У задания был только один плюс — Малфой потерял дар речи.

— Вывести их на прогулку? — Он заглянул в одну из коробок. — Интересно, а на что мы нацепим ошейник? Вокруг жала? На хвостовое сопло

или на присоску?

— Очень просто, посредине, — показал Хагрид. — Только это… наденьте перчатки из… э-э… драконьей кожи. А ты, Гарри, поди сюда, подсобишь мне управиться вот с этой зверушкой…

На самом же деле он хотел побеседовать с Гарри наедине.

Класс отправился выгуливать «зверушек». А Хагрид повернулся к Гарри.

— Так, значит, ты будешь участвовать… — начал он, сдвинув лохматые брови. — Турнир Трёх Волшебников… Чемпион школы…

— Один из двух, — поправил его Гарри.

Из-под бровей тревожно блеснули чёрные глаза-жуки.

— Ты не знаешь, кто тебе так удружил?

— Значит, ты веришь… веришь, что это не я? — В порыве благодарности Гарри чуть не бросился ему на шею.

— А то как же, — кивнул Хагрид. — Ты сказал, что не ты, и я поверил. И Дамблдор тоже, и все…

— Знать бы, кто это сделал!

Оба посмотрели на луг — ученики рассыпались кто куда. Соплохвосты были уже три фута в длину. И силы хоть отбавляй. От мягкотелых, бесцветных пресмыкающихся не осталось и следа.

Теперь на них был толстый серый, вроде брони, панцирь. Походили они на помесь гигантского скорпиона и вытянутого краба, но голова и глаза ещё толком не обозначились. Этими мощными существами управлять было очень трудно.

— Похоже, прогулка им по душе, — довольно улыбнулся Хагрид.

Это он о соплохвостах, понял Гарри. Ученики были явно не в восторге. То и дело из сопел вырывался огонь, толкая переросшего скорпиона вперёд, и сопровождающих волокло по земле метра три. Несчастные пытались подняться на ноги, но это им почти не удавалось.

— Ох, уж не знаю… — Хагрид вдруг тяжело вздохнул и с беспокойством взглянул на Гарри. — Ты — участник Турнира… Вечно с тобой что-нибудь стрясётся…

Гарри промолчал. Да, с ним вечно что-то случается. Вот и Гермиона сказала примерно то же во время прогулки вокруг озера. Именно из-за этого, считает она, Рон и перестал с ним разговаривать.

Следующие несколько дней слились в сплошную чёрную полосу. Нечто похожее было на втором курсе, тогда многие подозревали его в нападениях на школьников. Но Рон-то был на его

стороне. Вернись его дружба, легче было бы переживать свалившуюся невзгоду. Но он не пойдёт кланяться Рону, раз Рон не хочет мириться. Хотя ему так одиноко — весь мир ополчился против.

Он понимает пуффендуйцев, как это ни обидно. Они ведь болеют за своего чемпиона. От слизеринцев ничего, кроме злобных выходок, он и не ждал. Они его терпеть не могут. Именно благодаря Гарри Гриффиндор обыгрывал их в квиддич и занимал первое место в межфакультетских соревнованиях. Но Когтевранцы — они-то могли бы болеть и за Седрика, и за него. Но нет. По-видимому, большинство считает, что он хотел обманным путём стяжать себе ещё большую славу.

И конечно, Седрику роль чемпиона подходит куда больше. Он так красив: тёмные волосы, серые глаза, прямой нос. Ещё неизвестно, кем больше восхищаются — им или Крамом. Он сам видел, как шестикурсницы, охотившиеся за автографом Крама, умоляли Седрика расписаться у них на сумках.

Ответа от Сириуса не было. Букля никак не желала сменить гнев на милость. Предсказания профессора Трелони с каждым днём становились всё более зловещими. А на уроке профессора Флитвика он так плохо применял манящие чары,

что один из всего класса — не считая, конечно, Невилла — получил дополнительное домашнее задание. Гермиона весь урок притягивала к себе всё, что было в классе, — губки для доски, луноскопы, корзины для мусора, они летели к ней, как будто она волшебный магнит.

— Это совсем не трудно. Просто ты плохо сосредотачиваешься, — утешала его после урока Гермиона.

— Ты не догадываешься почему? — мрачно спросил Гарри.

Мимо как раз шёл Седрик в окружении девушек с глуповато восторженными улыбками на лицах. При виде Гарри они округлили глаза, как будто столкнулись в коридоре замка с соплохвостом.

Ну и пусть таращатся! Вот двойной урок зельеварения — это действительно сущая пытка! Полтора часа в подземелье со Снеггом и слизеринцами, а от них пощады не жди: как он посмел стать чемпионом Хогвартса! Он уже еле вынес одну пятницу. Гермиона сидела рядом, всё время твердя шёпотом: «Не обращай внимания, не обращай внимания». И сегодня, конечно, будет не лучше.

После обеда они с Гермионой спустились в подземелье, возле двери лаборатории толпились

слизеринцы, у каждого на груди большой значок. «Неужели ГАВНЭ?» — мелькнула безумная догадка. И тут же её опровергла ярко горевшая в полутьме коридора надпись:

Седрика поддержим — он
Настоящий чемпион.

— Нравится, Поттер? — заметив Гарри, воскликнул Малфой. — Но это ещё не всё! Полюбуйся!

Он нажал на значок, красная надпись исчезла, её сменила зелёная:

Гарри Поттер, ты смердяк,
Задавала и дурак.

Слизеринцы загоготали. Все, как один, нажали на значки, и на Гарри отовсюду теперь смотрели блестящие зелёные буквы. Гарри невольно залился краской.

— Очень смешно! — язвительно бросила Гермиона, презрительно глядя на группу слизеринских девчонок во главе с Пэнси Паркинсон, смеявшихся громче всех. — Верх остроумия!

Рон стоял у стенки вместе с Дином и Симусом. Конечно, он не смеялся, но и не вступился за Гарри.

— Дать тебе, Грэйнджер? — Малфой протянул

Гермионе значок. — Ой, не дотрагивайся до меня. Я только что вымыл руки. Видишь, какие чистые. Не хочу испачкаться о какую-то грязнокровку.

И Гарри не выдержал. Подавляемый гнев прорвался наружу. Не отдавая себе отчёта, он выхватил из кармана волшебную палочку, и слизеринцы, в испуге отпрянув, бросились наутёк.

— Гарри! — предупреждающе крикнула Гермиона.

— Что ж, давай сразимся. — Малфой невозмутимо вынул свою волшебную палочку. — Грюма здесь нет, защитить тебя некому. Начинай, коль такой храбрый.

Долю секунды они смотрели друг другу в глаза и затем одновременно крикнули:

— *Фурункулюс!*

— *Дантисимус!*

Из палочек выскочили лучи, на полдороге столкнулись и срикошетили. Луч Гарри угодил в физиономию Гойла, луч Малфоя — в Гермиону. Гойл взвыл и схватился за нос, который покрылся огромными безобразными нарывами. Гермиона прижала ладонь ко рту и залилась слезами.

— Гермиона! Что с тобой? — воскликнул Рон, бросился к ней и отнял ото рта руку.

Зрелище предстало не из приятных. Верхние

резцы у Гермионы, которые и без того выдавались, стали вдруг расти с ужасающей быстротой. Секунду-другую она походила на бобра, но зубы всё росли, перешагнули губу и уже достигли подбородка. Гермиона в ужасе их ощупала, и из груди у неё вырвался отчаянный вопль.

— Отчего здесь такой шум? — проговорил убийственно вкрадчивый голос.

У дверей лаборатории появился Снегг. Слизеринцы начали наперебой объяснять. Снегг указал длинным жёлтым пальцем на Малфоя:

— Рассказывай ты, Драко.

— Поттер на меня напал, сэр.

— Мы напали друг на друга одновременно! — возразил Гарри.

— А его луч попал в Гойла. Видите?

Снегг осмотрел Гойла. Лицо у того походило на иллюстрацию из домашнего пособия по ядовитым грибам.

— Ступай в больничное крыло, — распорядился Снегг.

— Смотрите, что Малфой сделал с Гермионой, — воззвал к нему Рон.

Гермиона пыталась руками прикрыть растущие зубы, но они уже коснулись воротника мантии. Подошедшие слизеринки тыкали в неё

пальцем из-за спины Снегга, кривляясь от едва сдерживаемого смеха.

Снегг холодно взглянул на неё.

— Если и есть какие-то изменения, то весьма незначительные, — заключил он.

Гермиона громко всхлипнула, повернулась на каблуках и побежала к лестнице, ведущей наверх.

Гарри и Рон, к счастью, вместе заорали на Снегга. К счастью, потому что оба их голоса эхом отдавались в гулком каменном коридоре, и учитель точно не слышал, что именно они обрушили на него. Но общий смысл до него дошёл.

— Угомонились? — шёлковым голосом молвил Снегг. — А теперь слушайте: минус пятьдесят очков Гриффиндору. Поттер и Уизли останутся после урока, я объявлю, в чём будет состоять наказание. А теперь в класс. Не то будете наказаны на неделю.

В ушах у Гарри звенело. Такая несправедливость! Заклясть бы самого Снегга. Пусть рассыплется на тысячу слизняков! Гарри прошёл в конец класса и бросил сумку на парту. Рона тоже трясло от гнева. На миг Гарри показалось, что у них с Роном нет никакой размолвки, но только на миг. Рон сел рядом с Дином и Симусом, а Гарри опять

остался один. В другом конце класса Малфой, повернувшись спиной к Снеггу, нажал на значок и хихикнул. Зелёная вспышка «Поттер смердяк» опять развлекла слизеринцев.

Гарри сидел на уроке и воображал всякие ужасы. Вот он применил к Снеггу заклятие Круциатус (интересно, как его применяют?). Снегг падает навзничь, извивается, как паук, дёргает руками и ногами…

— Займёмся противоядиями! — Настоящий Снегг обвёл класс злобно поблёскивающими глазками. — Составы у вас готовы? Теперь осторожно заварите их. После чего выберем кого-нибудь и попробуем на нём их действие.

Его глаза встретили взгляд Гарри. И Гарри понял: Снегг сейчас отравит его. Ему отчётливо представилась картина: он схватил свой котёл, подбежал к профессору и опрокинул посудину на ненавистную голову…

Мечты о расправе над Снеггом прервал стук в дверь.

В класс шмыгнул Колин Криви и, одарив Гарри сияющей улыбкой, подошёл к Снеггу.

— В чём дело? — сухо спросил декан Слизерина.

— Простите, сэр, но Гарри Поттера вызывают

наверх.

Снегг, нагнувшись, приблизил к Колину крючковатый нос, и улыбка сползла с восторженного лица малютки.

— Поттеру предстоит ещё час работы с зельями. Наверх он поднимется после урока.

Колин покраснел.

— Сэр, сэр, его ждёт мистер Бэгмен, — испуганно проговорил он. — Все чемпионы должны идти. Их, по-моему, будут фотографировать.

Фотографировать! Ну зачем, зачем он это сказал! Гарри кинул взгляд на Рона, тот демонстративно смотрел в потолок.

— Хорошо, хорошо, — прошипел Снегг. — Оставь, Поттер, здесь сумку. Ты мне ещё будешь нужен.

— Пожалуйста, сэр, Гарри надо взять сумку с собой. Все чемпионы там…

— Очень хорошо! — рявкнул Снегг. — Бери свою сумку и вон с моих глаз!

Гарри перекинул сумку через плечо и пошёл к двери. Вслед ему на всех столах слизеринцев зажглись зелёные буквы: «Гарри Поттер, ты смердяк».

— Как удивительно, правда, Гарри? — затараторил Колин, стоило только Гарри закрыть за собой

дверь. — Только представь себе, ты — чемпион!

— Да, удивительно, — тяжело вздохнул Гарри, поднимаясь в холл. — А для чего они будут фотографировать?

— Думаю, для «Пророка».

— Только этого не хватало! Известность моя растёт.

— Желаю удачи, — попрощался у двери Колин. Гарри постучал и вошёл.

Он очутился в небольшой аудитории. Большинство столов сдвинуты в конец, образуя в центре пустое пространство. Три составлены вместе перед доской и накрыты длинной бархатной скатертью. За ними пять кресел. В одном сидит Людо, беседуя с незнакомой ведьмой в алой мантии.

Виктор Крам, по обыкновению, задумчиво стоит в стороне от всех. Седрик и Флёр беседуют. Вид у неё довольный, не то что в день приезда. Она то и дело откидывает голову, и длинные белокурые волосы на свету красиво переливаются. Пузатый коротышка с большой чёрной камерой, слегка дымившейся, краем глаза любуется ею.

Увидев Гарри, Бэгмен вскочил и радостно запрыгал к нему.

— А вот и четвёртый чемпион! Входи, Гарри, входи! Не волнуйся, это просто церемония про-

верки волшебных палочек. Сейчас подойдут члены судейской бригады.

— Проверка волшебных палочек? — озадаченно переспросил Гарри.

— Необходимо проверить, в каком они состоянии, нет ли поломок. Это ваш главный инструмент в соревнованиях. Специалист в этой области сейчас наверху с директором. После церемонии вас будут фотографировать. Познакомься, Рита Скитер. — Бэгмен жестом указал на женщину в алой мантии. — Она делает небольшой материал о Турнире для «Пророка».

— Не такой уж и небольшой, Людо, — поправила Рита, впившись взглядом в Гарри.

Волосы у неё уложены в причудливое сооружение из тугих локонов, нелепо сочетающееся с массивным подбородком; очки отделаны драгоценностями, толстые пальцы, сжимающие крокодиловой кожи сумочку завершаются длиннейшими ногтями, покрытыми пунцовым лаком.

— Нельзя ли до начала церемонии взять у Гарри коротенькое интервью? — обратилась она к Бэгмену, не отрывая от Гарри глаз. — Самый юный чемпион, несомненно, прибавит статье живости.

— Разумеется! Гарри, ты не возражаешь?

— М-м, — протянул Гарри.

— Вот и отлично. — Красные когти железной хваткой вцепились Гарри в руку повыше локтя. Журналистка потащила его из комнаты и толкнула соседнюю дверь.

— Там очень шумно, — сказала она. — Побеседуем лучше здесь в тихой, уютной обстановке.

Гарри растерянно взглянул на неё: они оказались в каморке для вёдер и швабр.

— Входи, тут отлично. Вот так. — Рита осторожно опустилась на перевёрнутое ведро, усадила Гарри на картонную коробку и закрыла плотно дверь. Каморка погрузилась в темноту. — Что ж, приступим.

Раскрыв крокодиловую сумочку, она извлекла горсть свечей, волшебной палочкой повесила в воздухе и зажгла.

— Гарри, ты не против Прытко Пишущего Пера? Так я смогу более естественно говорить с тобой.

— А что это такое?

Рита Скитер широко улыбнулась. И Гарри сосчитал у неё во рту три золотых зуба. Рита вынула из сумочки длинное ядовито-зелёное перо и свиток пергамента. Растянула его между ними на ящике из-под универсального волшебного пятновыводителя миссис Чистикс. Сунула в рот

кончик пера, пососала и с явным облегчением поставила вертикально на пергамент. Перо, слегка подрагивая, закачалось на кончике.

Проба… Я — Рита Скитер. Репортёр «Пророка».

Гарри взглянул на перо. Не успела Рита открыть рта, как перо само понеслось по пергаменту:

Рита Скитер — привлекательная блондинка сорока трёх лет. Её острое перо проткнуло немало раздутых репутаций.

— Отлично, — сказала Рита, оторвала сверху кусок пергамента, скомкала его и сунула в сумочку. — Так-так, — наклонилась она к Гарри. — Что же побудило тебя стать участником Турнира?

— М-м, — опять протянул Гарри. Хотел было что-то сказать, но перо уже строчило:

Безобразный шрам, подарок трагического прошлого, портит во всём остальном очаровательное лицо Гарри Поттера, чьи глаза…

— Не обращай на перо внимания, Гарри, —

приказала его обладательница. Испытывая непреодолимое отвращение, Гарри перевёл взгляд на Риту. — Почему ты решил бросить в Кубок своё имя?

— Я его не бросал. Я не знаю, как моё имя попало в Кубок огня. Я не подходил к нему.

Рита Скитер вскинула густо очерченную бровь.

— Тебе ничего не будет, Гарри, не бойся. Мы все знаем, что ты нарушил запрет. Но, пожалуйста, не волнуйся. Наши читатели любят бунтарей.

— Но я и не думал ничего нарушать. Я не знаю, кто…

— Что ты чувствуешь перед состязаниями? Взволнован? Нервничаешь?

— Я… я ещё не знаю… Да, наверное, нервничаю… — сказал Гарри, и внутри у него ёкнуло.

— В прошлом несколько чемпионов погибло, — жёстко произнесла Рита. — Ты об этом подумал?

— Но ведь говорят, в этом году будет не так опасно.

Между тем перо на пергаменте всё строчило и строчило, туда-сюда, туда-сюда, как на коньках.

— Разумеется, ты и раньше сталкивался со смертью. — Она пристально смотрела на него. — Что ты тогда испытывал?

— М-м, — в который раз протянул Гарри.

— Может, полученная в детстве травма тебя подстегнула? И ты захотел как-то себя проявить? Подтвердить свою славу? Не потому ли ты поддался искушению…

— Не поддавался я никакому искушению, — начал сердиться Гарри.

— Ты помнишь своих родителей? — сменила тему Рита.

— Нет.

— Как тебе кажется, они бы обрадовались, узнай, что их сын — участник Турнира Трёх Волшебников? Гордились бы тобой? Беспокоились? Или бы это им не понравилось?

Гарри разозлился. Да откуда ему знать мнение родителей, останься они в живых?! А эта ведьма так и сверлит его взглядом. Гарри нахмурился и, стараясь не видеть её глаз, смотрел, что пишет перо.

> Когда наша беседа затронула его родителей, эти изумрудные глаза наполнились слезами. Он едва их помнит.

— Нету меня в глазах никаких слёз! — крикнул Гарри.

Рита Скитер не успела ничего ответить — дверь

отворилась, Гарри от яркого света замигал и обернулся: в проёме двери стоял Альбус Дамблдор и глядел на репортёра «Пророка» и его жертву, едва умещавшихся в тесном чулане.

— Дамблдор! — возликовала Рита Скитер. Перо с пергаментом в мгновение ока исчезли с коробки пятновыводителя, когти журналистки поспешно защёлкнули застёжку на крокодиловой сумочке. — Как поживаете? — Рита встала и протянула директору Хогвартса крупную мужскую длань. — Надеюсь, вы видели мою летнюю статью о Международной конференции колдунов?

— Отменно омерзительна, — блеснул очками Дамблдор. — Особенно меня потешил мой собственный образ выжившего из ума болтуна.

Рита Скитер нимало не смутилась.

— Я только хотела подчеркнуть старомодность некоторых ваших идей и то, что многие простые волшебники…

— Был бы счастлив узнать подоплёку ваших инсинуаций, Рита, — сказал Дамблдор, — но боюсь, придётся перенести нашу беседу на другое время. Сию минуту начнётся церемония проверки палочек, а один из чемпионов упрятан в чулан для щёток и веников.

Радуясь избавлению от Риты Скитер, Гарри поспешил вернуться в класс. Чемпионы сидели на стульях у двери, и он занял место рядом с Седриком. За накрытым бархатной скатертью столом уже восседали четверо судей: профессор Каркаров, мадам Максим, мистер Крауч и Людо Бэгмен. Рита расположилась в углу вынула из сумки начатую статью, разгладила её на колене и, пососав кончик Прытко Пишущего Пера, водрузила его стоймя на пергамент.

— Позвольте представить вам мистера Олливандера, — обратился к чемпионам Дамблдор, заняв место за столом судей. — Он проверит ваши палочки, дабы убедиться в их готовности к турнирным сражениям.

Гарри повернулся к окну. Там стоял пожилой волшебник с большими светло-серыми глазами. Да ведь это его старый знакомый! Именно у него три года назад Гарри купил свою волшебную палочку.

— Мадемуазель Делакур, начнём с вас, если не возражаете. — Мистер Олливандер вышел на середину класса.

Флёр Делакур лёгкой походкой подошла к нему и протянула палочку.

— Хм-м, — протянул Олливандер, повертел её

в длинных пальцах как дирижёрскую палочку. Из палочки посыпался сноп розовых и золотых искр. Мастер поднёс её к глазам и внимательно рассмотрел. — Ясно, — сказал он спокойно. — Двадцать сантиметров, не гнётся, розовое дерево. Боже милостивый! Содержит…

— Волос с головы вейлы, моей гран-маман.

Вот почему она так похожа на вейлу! Надо будет сказать Рону, подумал Гарри и тут же вспомнил, что они с Роном поссорились.

— Да… да, — сказал Олливандер. — Я никогда не использовал для палочек их волос. Слишком уж они получаются темпераментные. Но каждому своё, и если она вам подходит…

Мистер Олливандер пробежал пальцами по палочке, проверяя, нет ли царапин или каких неровностей.

— *Орхидеус!* — воскликнул он, из палочки выскочил букет орхидей, и он протянул их Флёр. — Мистер Диггори, ваша очередь.

Флёр полетела на своё место, по пути одарив Седрика улыбкой.

— А-а, узнаю своё изделие, — заметно оживился мистер Олливандер, беря палочку Седрика. — Прекрасно её помню. Содержит один волос из хвоста уникального экземпляра жеребца-еди-

норога — около двух метров в холке. Чуть не проткнул меня рогом, когда я дёрнул его за хвост. Тридцать пять сантиметров, ясень, хорошая упругость. Регулярно её чистите?

— Вчера вечером полировал, — улыбнулся Седрик. Гарри взглянул на свою палочку — вся в отпечатках пальцев! Попытался полой мантии незаметно стереть их. Из неё сразу же посыпались золотистые искры. Флёр Делакур свысока глянула на него, и Гарри всё оставил как есть.

Мистер Олливандер выпустил из палочки Седрика серебристую спираль дыма на весь класс, остался ею вполне доволен и пригласил на середину комнаты Крама.

Виктор Крам встал, повёл плечами, ссутулился и вразвалку подошёл к мастеру. Протянул палочку и, сунув руки в карманы, нахмурился.

— Хм-м. Ежели не ошибаюсь, творение Грегоровича? Прекрасный мастер, хотя стиль не совсем тот, какой… Ну, это ладно…

Он поднёс палочку к глазам и тщательно рассматривал её, вертя так и этак.

— Да… саксаул и сухожилие дракона? — метнул он взгляд на Крама.

Крам кивнул.

— Толстовата, довольно жёсткая, двадцать семь

сантиметров… *Авис!*

Палочка из саксаула выстрелила как ружьё, из дула выпорхнула стайка щебечущих птичек и вылетела в окно навстречу солнцу.

— Отлично, — сказал Олливандер, возвращая Краму его палочку. — Кто у нас ещё остался?.. Поттер!

Гарри поднялся с места, прошёл мимо Крама и протянул свою палочку.

— О-о! — расцвёл мистер Олливандер, глаза его вдруг вспыхнули. — Я очень хорошо её помню.

И Гарри тоже помнил. Словно это было вчера.

Летом, три года назад, они вместе с Хагридом зашли в магазин мистера Олливандера купить волшебную палочку. Хозяин сделал все необходимые измерения и стал протягивать ему палочку за палочкой. Гарри перебрал, кажется, все волшебные палочки, взвешивая их на ладони, пока не нашёл ту, что нужно, — вот эту самую палочку из остролиста, одиннадцать дюймов длиной, содержащую перо из хвоста феникса. Мистер Олливандер тогда несказанно удивился, что Гарри и палочка так подошли друг другу. «Любопытно, любопытно», — бормотал он. И объяснил почему только после вопроса Гарри. Оказалось, что перо феникса от той же самой птицы, что подарила

сердцевину волшебной палочке Волан-де-Морта.

Этого Гарри никому не рассказывал. Он любил свою палочку, а что до родства с палочкой Тёмного Лорда, ну и пусть: с тётей Петуньей то же самое. Так получилось, и ничего не поделаешь. Только бы мистер Олливандер не упомянул об этом сейчас: услыхав такое, Прыткое Перо от избытка чувств взорвётся.

Мистер Олливандер изучал его палочку дольше всех. Наконец пустил из неё фонтан вина и возвестил, что палочка по-прежнему пребывает в безупречном состоянии.

— Благодарю всех, — сказал стоящий за судейским столом Дамблдор. — Возвращайтесь на занятия. Хотя, пожалуй, можете идти обедать, урок вот-вот кончится…

Ну, наконец-то сегодня случилось что-то хорошее. Гарри уже собрался уходить, но толстяк с камерой вскочил и прокашлялся.

— А снимки, Дамблдор, снимки! — заволновался Бэгмен. — Всех судей и участников! Что вы скажете, Рита?

— Да, конечно. Сначала всех вместе, — она опять впилась взглядом в Гарри, — а потом по отдельности.

Фотографу пришлось-таки изрядно потрудить-

ся. Мадам Максим заслоняла всех, какой ракурс ни возьми, а ему отойти некуда, чтобы великанша попала в кадр. В конце концов ей пришлось сесть, а все остальные встали вокруг. Каркаров наматывал на палец козлиную бородку, чтобы получился ещё один завиток. Крам, привыкший фотографироваться, занял место позади, не хотел выпячиваться. Фотограф желал выдвинуть на первый план Флёр, но Рита опередила его, поместив в центр Гарри. А когда снимок был готов, настояла, чтобы участников Турнира сняли ещё и по отдельности.

Наконец все были отпущены. Гарри пошёл обедать, Гермионы всё не было, — наверное, уменьшает зубы в больничном отсеке. Поел один и пошёл в свою башню, думая по дороге о манящих чарах. В спальне был один Рон.

— К тебе сова прилетела, — буркнул он и махнул в сторону кровати Гарри. На подушке его поджидала большая сипуха.

— Спасибо.

— Снегг определил наказание — завтра вечером работать у него в классе. — И, не взглянув на Гарри, вышел из комнаты.

Гарри хотел побежать за ним — поговорить? Или дать затрещину? Неплохо и то и другое. Но

ответ Сириуса перевесил. Гарри подошёл к сове и отвязал письмо.

Гарри, — писал Сириус. — Я не могу сказать в письме всё, что хочу: слишком опасно, вдруг сову перехватят. Нам нужно переговорить с глазу на глаз. Сделай так, чтобы мы могли встретиться у камина в вашей гостиной в час ночи с 21-го на 22 ноября.

Я, как никто, знаю, что ты сам себе лучший страж, а рядом с Дамблдором и Грюмом вряд ли кто отважится причинить тебе вред. Но кто-то, явно могущественный, замыслил недоброе. Ведь твоё имя попало в Кубок под самым носом у Дамблдора.

Будь начеку, Гарри. Я по-прежнему хочу знать обо всём необычном, что происходит в замке. О 22 ноября дай мне знать как можно быстрее.

Сириус

Глава 19
Венгерская хвосторога

Две недели Гарри жил предстоящей встречей с Сириусом. Это было единственное светлое облачко на горизонте, который никогда не казался чернее. Потрясение от свалившегося как снег на голову участия в Турнире слабело, уступая место страху перед близившейся опасностью. Первый тур надвигался неотвратимо. Он маячил впереди, как кошмарное чудовище, которого ни обойти, ни объехать. Гарри никогда так не нервничал ни перед одним матчем, даже перед последним со слизеринцами, решающим судьбу Кубка школы.

Сейчас он вообще не мог думать ни о каком будущем. Казалось, вся его жизнь вела к тому, чтобы на первом туре и завершиться.

Надо признаться, он не представлял себе, как Сириус поможет справиться с этим страхом: ведь ему предстоит сразиться с трудной, опасной и неизвестной магией, да ещё на глазах у сотен зрителей. Но встреча с другом хоть немного да приободрит. И Гарри ответил крёстному, что будет в назначенное время ждать его в факультет-

ской гостиной. Они долго обсуждали с Гермионой, как обезопасить встречу от случайных свидетелей. В худшем случае придётся бросить пакет с начинённой навозом бомбой. Этого бы не хотелось — за бомбу Филч живьём кожу сдерёт.

Тем временем житья в стенах замка вовсе не стало. Рита Скитер опубликовала в «Пророке» статью о Турнире Трёх Волшебников. Но о состязаниях там говорилось мало. Большую её часть составляло красочное жизнеописание Гарри. Едва ли не половину первой страницы занимала его фотография. Фактически вся статья, продолжавшаяся на второй, шестой и седьмой страницах, посвящена только ему, имена чемпионов Шармбатона и Дурмстранга перевраны, о них сказано несколько слов в самом конце статьи, а имя Седрика вовсе не упоминалось.

Статья появилась десять дней назад, но стоило Гарри о ней вспомнить, ему хотелось провалиться сквозь землю. Рита Скитер такого понаписала, чего он не только в чулане, в жизни своей никогда не говорил.

— Моя сила — это дар, унаследованный от родителей, — сообщала статья. — Если бы мама с папой увидели меня сейчас,

они бы очень мною гордились. Да, по ночам я всё ещё плачу, вспоминая о них, и не стыжусь в этом признаться. Я знаю, на Турнире ничего со мной не случится, потому что родители смотрят на меня с небес…

Рита Скитер не только превратила его «м-м» в длинные, нудные предложения, но ещё опросила других хогвартцев, желая узнать их о нём мнение.

— В Хогвартсе Гарри встретил свою любовь. Его близкий друг Колин Криви говорит, что Гарри всюду появляется в обществе Гермионы Грэйнджер, сногсшибательной красавицы-маглы, которая, как и Гарри, одна из самых блестящих студентов школы.

С появлением статьи многие, главным образом слизеринцы, завидев Гарри, цитировали её, отпуская оскорбительные шутки.

— Тебе дать, Поттер, носовой платок? Вдруг на трансфигурации разревёшься!

— С каких это пор ты самый блестящий ученик школы? Разве это вы с Долгопупсом основатели

Хогвартса?

— Гарри, привет! — окликнул его чей-то голос.

— Да, конечно! — Гарри свернул в коридор и ответил оттуда — с него хватит! — возможному обидчику: — Все глаза выплакал! Пойду ещё поплачу!

— Да что с тобой? Ты выронил перо!

Это была Чжоу Чанг. Гарри покраснел, нагнулся и поднял перо.

— Прости… — только и мог выговорить.

— Удачи тебе во вторник. Надеюсь, ты прекрасно со всем справишься.

Чжоу ушла.

«Какой же я безмозглый дурак, — подумал Гарри, — по голосу не узнал…»

Гермионе тоже доставалось. Но она не отыгрывалась на невинных людях. Гарри восхищало её поведение.

— Сногсшибательная красавица! — столкнувшись с Гермионой сразу после статьи Риты, взвизгнула Пэнси Паркинсон. — «Мисс Бурундук»!

— Не обращай, Гарри, внимания, — с достоинством произнесла Гермиона и, гордо подняв голову, будто не слыша, прошла мимо хихикающих девчонок. — Не обращай внимания, и всё.

Но как он может не обращать внимания? Сообщив Гарри о наложенном на них наказании, Рон больше не сказал в тот вечер ни слова. У Гарри теплилась надежда, что всё у них с Роном наладится: ведь они будут два часа вместе готовить препараты из крысиных мозгов — погружать их по распоряжению Снегга в соляной раствор. Но в тот день вышла статья Риты Скитер, и Рон, как видно, в который раз убедился, что Гарри только и делает, что гоняется за славой.

Гермиона очень на них сердилась. Подходила то к одному, то к другому, стараясь помирить их. Гарри был непреклонен: он заговорит с Роном, если тот поверит, что не Гарри бросал в Кубок своего имени и попросит прощения за «лжеца».

— Он первый начал, — стоял на своём Гарри. — Пусть первый и подойдёт.

— Но тебе его не хватает! — теряла терпение Гермиона. — И я точно знаю, ему тоже без тебя плохо.

— Мне… мне его не хватает? — возмутился Гарри. — Ничего подобного!

Он говорил неправду. Гермиона была его самый верный друг, и он действительно её любил. Но всё-таки она не могла заменить Рона. С ней не повеселишься, всё библиотека да библиотека.

Он так и не постиг Манящих чар. Наверное, в нём родилось какое-то стойкое внутреннее сопротивление. Гермиона объяснила, что в таких случаях помогает только знание теории, поэтому в обеденный перерыв они не выходили из библиотеки.

Виктор Крам тоже проводил за книгами много времени. Его-то что сюда гонит? Изучает чего? Или готовится к первому туру? Гермиона часто жаловалась, что Крам постоянно торчит в библиотеке. Нет, Крам ей не докучал. Но из-за книжных полок за ним вечно подглядывали хихикающие девчонки, и это мешало сосредоточиться.

— Чего они в нём нашли! Красивым его не назовёшь! — возмущалась она, глядя на носатый профиль Крама. — Он знаменитость, вот девчонки и бегают за ним. Они бы и не взглянули на него, если бы он не владел этим приёмом, «финтом Вонки»…

— Не Вонки, а Вронского, — буркнул Гарри. Его не просто коробило, когда не так произносились термины квиддича, он представил себе, что бы почувствовал Рон, услышь он из уст Гермионы «финт Вонки».

Странно, когда чего-то страшишься и отдал бы всё, лишь бы замедлить время, оно, наоборот,

мчится, как сумасшедшее. Дни перед первым туром летели так, словно кто заговорил стрелки часов и они стали бежать с удвоенной скоростью. Куда Гарри ни шёл, страх преследовал его, так же как ехидные замечания, вызванные статьёй Риты Скитер.

В субботу, накануне первого тура, ученикам, начиная с третьего курса, позволили пойти в Хогсмид. По мнению Гермионы, Гарри не мешало бы немного развеяться. Долго его уговаривать не пришлось.

— А как же Рон? — спросил Гарри. — Может, ты хочешь пойти с ним?

— Э-э… — Гермиона слегка покраснела. — Я подумала, мы могли бы с ним встретиться в «Трёх мётлах».

— Ни за что! — наотрез отказался Гарри.

— Но это глупо…

— Я пойду, но встречаться с Роном не буду. Надену мантию-невидимку.

— Ладно, как хочешь, — обречённо вздохнула Гермиона. — Когда ты в мантии, с тобой неудобно разговаривать. Не поймёшь, на тебя я смотрю или куда-то мимо.

В спальне Гарри натянул мантию-невидимку, спустился в холл, и они вместе с Гермионой от-

правились в Хогсмид.

Как славно в мантии! Мимо проходят ученики, у многих приколот значок «Поддержим Седрика», но Гарри никто не видит — и никаких насмешливых шуточек!

— Зато все теперь пялятся на меня, — нахмурилась Гермиона. Они только что вышли из «Сладкого королевства» и жевали шоколадки со сливочной начинкой. — Думают, я сама с собой говорю.

— А ты старайся не так сильно шевелить губами.

— Сними, пожалуйста, ненадолго мантию. Здесь никто не станет к тебе приставать.

— Да? А ты оглянись!

Из «Трёх мётел» как раз вышли Рита Скитер и её фотограф. Приглушённо переговариваясь, они прошли мимо Гермионы, не удостоив её взглядом. Гарри пришлось вжаться в стену магазина, чтобы Рита не задела его сумочкой из крокодиловой кожи. Наконец парочка удалилась.

— Она остановилась в деревне. Держу пари, приехала посмотреть первый тур, — сказал Гарри, и ледяная волна страха окатила его. Но он о своём страхе и словом не обмолвился. Они с Гермионой вообще мало говорили о предстоящем

туре. У Гарри было такое чувство, что Гермиона даже думать об этом не хочет.

— Она ушла. — Гермиона смотрела сквозь Гарри в конец Хай-стрит. — Пойдём в «Три метлы», выпьем сливочного пива. Мне что-то холодно. Не бойся, не будешь говорить с Роном, — с раздражением закончила она, правильно истолковав молчание Гарри.

В «Трёх мётлах» посетителей было полно, главным образом ученики Хогвартса, наслаждавшиеся субботней послеполуденной свободой. Но был ещё разный волшебный народец, в других местах ничего подобного не встретишь. Хогсмид — единственная в Англии деревня, населённая только волшебниками, этакая земля обетованная для существ вроде каргуний, которые не ахти какие специалисты по части переодевания, не то что колдуны и ведьмы, умеющие переодеться под магла.

Как трудно передвигаться в мантии-невидимке! Не дай бог на кого наступить, возникнут всякие неудобные вопросы. Гермиона покупала пиво, а Гарри медленно продвигался вдоль стены к пустому столику в самом углу. По пути он заметил Рона, сидевшего с близнецами и Ли Джорданом. Победив желание дать бывшему дру-

гу хороший подзатыльник, он наконец добрался до стола и сел.

Минуту спустя подошла Гермиона и сунула ему под мантию сливочное пиво.

— Идиотский у меня вид, сижу тут совсем одна. Хорошо, что взяла с собой, чем себя занять.

Она достала блокнот со списком участников ГАВНЭ. Коротенький список возглавляли имена Гарри и Рона. Казалось, прошла целая вечность с того времени, когда они вместе с Роном сочиняли предсказания, а Гермиона назначила одного казначеем, другого секретарём.

— Может, удастся вовлечь в ассоциацию кого-нибудь из местных, — мечтательно протянула Гермиона, оглядывая бар.

— Может. — Гарри отпил несколько глотков. — Когда ты, Гермиона, выбросишь из головы эту затею с ассоциацией?

— Когда домовые эльфы будут получать приличную зарплату и условия их труда изменятся к лучшему, — прошипела Гермиона, едва шевеля губами. — По-моему, пора переходить к более активным действиям. Ты не знаешь, как попасть в кухонные помещения замка?

— Не имею понятия. Спроси Фреда и Джорджа.

Гермиона погрузилась в размышления, а Гарри,

потягивая пиво, разглядывал посетителей. Вид у всех был довольный и весёлый. Эрни МакМиллан и Ханна Аббот обменивались фантиками от шоколадных лягушек. У обоих на мантии зеленели значки «Поддержим Седрика». Подальше у двери сидела Чжоу с друзьями из Когтеврана. У неё на груди значка не было, это слегка подняло дух.

Оказаться бы одним из этих счастливчиков! Сидел бы сейчас с друзьями, разговаривал, смеялся. Ни о чём не думал, кроме домашних заданий. Не выскочи его имя из Кубка, разве пришёл бы он сюда в мантии-невидимке? Рядом был бы Рон. С азартом бы обсуждали втроём, как трудно придётся чемпионам во вторник. Ожидает ли их смертельная опасность? Как бы он жаждал со стороны смотреть состязания, в качестве зрителя! Вместе со всеми болеть за Седрика, сидя на трибуне, в безопасности…

Интересно, как себя чувствуют другие чемпионы? Седрик всё время окружён поклонниками. Кажется, нервничает, но и взволнован. В коридорах иногда видел Флёр Делакур, как всегда надменную и невозмутимую. Крам же безвылазно сидел в библиотеке и корпел над книгами.

Гарри подумал о Сириусе. И тугой узел в груди немного ослаб. Ровно через полсуток они встре-

тятся у камина в гостиной. Если, конечно, всё пойдёт как надо, вопреки сложившемуся за последнее время ходу событий.

— Смотри, Хагрид! — сказала Гермиона.

Над головами сидящих появилась густая копна волос. Слава богу, лесничий смыл с неё дёготь. Как это они сразу его не заметили. Гарри осторожно встал во весь рост. Лесничий сидел с Грюмом и, должно быть, тихонько о чём-то беседовал с ним, наклонившись пониже. Как обычно, перед ним стояла здоровенная кружка, Грозный Глаз попивал из своей фляжки. Миловидная хозяйка «Трёх мётел» мадам Розмерта собирала со столов бокалы и неодобрительно поглядывала на фляжку и её обладателя. Очевидно, сочла это оскорблением для своего крюшона. Но Гарри знал в чём дело: на последнем уроке учитель защиты от Тёмных искусств сказал, что предпочитает есть и пить из своей посуды пищу собственного приготовления. Тёмным силам ничего не стоит отравить не защищённую заклинанием кружку или тарелку.

Хагрид с Грюмом встали и пошли к выходу. Гарри помахал им, забыв, что на нём мантия-невидимка. Грюм однако остановился, поворотив волшебный глаз в тот угол, где сидела Гермиона. Похлопал Хагрида пониже лопаток — до плеча не

дотягивался, что-то шепнул, и оба направились к столику Гермионы.

— Как дела? — гаркнул Хагрид.

— Привет, Хагрид, хорошо, — улыбнулась девочка.

Грюм, хромая, обогнул стол и наклонился. Его что, заинтересовал блокнот со списком участников ГАВНЭ? Но Гарри ошибся.

— Превосходная мантия, Поттер, — прохрипел Грюм. Гарри от изумления только что не упал со стула. Лицо Грюма было совсем рядом, и рваная ноздря была отчётливо заметна. Грюм усмехнулся.

— Ваш глаз… то есть вы…

— Да. Что-что, а мантию-невидимку он видит насквозь. И скажу тебе, иногда это очень полезно.

Хагрид тоже наклонился, как будто хотел заглянуть в блокнот, а сам прошептал Гарри:

— Приходи сегодня в полночь ко мне в хижину. Надень эту мантию.

Хагрид выпрямился и прогудел:

— Рад был свидеться, Гермиона, — подмигнул и зашагал к двери. Грюм поковылял за ним.

— Почему он хочет встретиться со мной в полночь? — удивился Гарри.

— В полночь? — испуганно переспросила Гермиона. — Что он такое придумал? Следует ли тебе идти? — Гермиона огляделась кругом и тихо шепнула: — Ты можешь опоздать на встречу с Сириусом.

Гермиона, конечно, права. Она предложила послать к лесничему Буклю с запиской, объяснить, что этой ночью он никак не может прийти, — если Букля его простила и согласится лететь. Но Гарри решил пойти, задерживаться не будет, только туда и обратно. Очень уж интересно, зачем Хагрид его позвал. Он никогда не приглашал его в гости так поздно.

В половине двенадцатого Гарри, сидевший в гостиной, сделал вид, что устал, и пошёл в спальню. Натянул мантию-невидимку и на цыпочках спустился вниз. В гостиной ещё было несколько человек. Братья Криви где-то раздобыли пакет со значками «Поддержим Седрика» и пытались переколдовать эти слова в «Поддержим Гарри Поттера». Но их старания не увенчались успехом: значки на «Поттер смердяк» заклинило. Гарри неслышно подошёл к портретному проёму, минуту подождал, не спуская с часов глаз. Гермиона, следуя уговору, открыла проём снаружи, назвав Полной Даме пароль. Гарри выскользнул на пло-

щадку, шепнул ей: «Спасибо!» — и побежал вниз.

На улице было темно, хоть глаз выколи. В хижине лесничего маячил огонёк, Гарри на него и пошёл. Внутри огромной кареты Шармбатона тоже горели огни, оттуда донёсся голос мадам Максим. Гарри постучал в дверь хижины.

— Это ты, Гарри? — Хагрид отворил дверь и огляделся по сторонам.

— Да, я. — Гарри проскользнул внутрь и стянул с головы мантию. — Что случилось?

— Есть… э-э… что-то показать.

Хагрид пребывал в необычайном волнении. В петлице у него была гвоздика, похожая на огромный артишок. Хагрид больше не употреблял для волос дёготь, но, несомненно, пытался сегодня причесаться — в волосах у него застряло несколько зубцов от расчёски.

— Что показать? — подозрительно спросил Гарри. Может, соплохвосты снесли яйца? Или Хагрида опять угораздило купить у заезжего торговца гигантского трёхглавого пса?

— Идём со мной, накинь мантию, веди себя тихо-тихо. Клыка не возьмём, он это не любит.

— Послушай, Хагрид, я ненадолго. В час ночи мне нужно быть в замке.

Но Хагрид не слушал, открыл дверь и шагнул во

тьму ночи. Гарри пошёл за ним. К его удивлению, лесничий повёл его к шармбатонской карете.

— Зачем, Хагрид…

— Ш-ш-ш!.. — Лесничий поднёс палец к губам и трижды постучал в дверцу кареты, украшенную скрещёнными золотыми волшебными палочками.

Им открыла сама мадам Максим в накинутой на плечи шёлковой шали. Увидев гостя, она улыбнулась.

— Что, ’Агрид, уже по’га? — улыбнулась она.

— Бом-свар, — поздоровался Хагрид и, не спуская с великанши восхищённых глаз, помог ей спуститься по золотым ступенькам.

Мадам Максим закрыла за собой дверь, Хагрид предложил ей руку и они пошли вдоль изгороди, за которой паслись гигантские крылатые кони. Совершенно сбитый с толку, Гарри бежал за ними, боясь отстать. Он что, хочет ему показать мадам Максим? Как будто Гарри раньше её не видел, поди не заметь такую даму!

Но и мадам Максим была не меньше заинтригована.

— Куда вы меня ведёте, ’Агрид? — игриво поинтересовалась его спутница.

— Вам понравится, — прямолинейно заявил

он. — Не сомневайтесь. Но о том, что увидите, молчок. Вам это знать ещё рано…

— Конечно, конечно, — заверила его мадам Максим, взмахнув длинными чёрными ресницами.

И парочка продолжила путь. Гарри всё сильнее злился, стараясь угнаться за ними, каждую минуту смотрел на часы. Опять, видно, безмозглый Хагрид затеял какой-то бред! Так и на встречу с Сириусом опоздать недолго. Если они через пять минут не придут на место, он повернёт обратно и помчится в замок. А Хагрид пусть наслаждается лунной прогулкой наедине с мадам Максим.

Шли по опушке леса, описывая дугу, пока озеро и замок не скрылись из виду. Неожиданно послышались громкие голоса людей и сразу же свирепый душераздирающий рёв.

Хагрид повёл мадам Максим вокруг отдельно стоявшей купы деревьев, Гарри поспешил за ними. На какую-то долю секунды ему почудились яркие костры, вокруг них сновали люди… И тут у Гарри отвалилась челюсть. Драконы.

По загону, ограждённому крепкими брусьями, ходили на задних лапах четыре огромных злобного вида дракона, издавая громоподобный рык, из клыкастых пастей вырывались в тёмное небо на

высоте двадцати метров яркие языки пламени. Серебристо-голубой с длинными острыми рогами скалился на волшебников и щёлкал зубами. Зелёный, покрытый гладкой чешуёй извивался и топал могучими задними лапами. У красного шею украшала бахрома из тонких золотых пик, он выдыхал огонь в виде огромных грибов. Был ещё гигантский чёрный, больше других похожий на ящера, он находился совсем рядом.

Не менее тридцати волшебников, семь или восемь на каждого дракона, старались утихомирить их, крепко держа в руках цепи, прикреплённые к толстым кожаным ремням, опоясывающим шеи и лапы драконов. Задрав голову, Гарри, как заворожённый, смотрел в глаза чёрного дракона, зрачки у него были вертикальные, как у кошки, и выпучены не то от страха, не то от гнева. Чудище изрыгало жуткие, леденящие кровь вопли.

— Назад, Хагрид! — крикнул волшебник у забора, натягивая цепь. — Сам знаешь, они стреляют огнём на расстояние семь метров. А эта хвосторога на все пятнадцать.

— Какая красавица, — ласково проговорил Хагрид.

— Не то слово! — крикнул один волшебник. — На счёт три — Усыпляющее заклятие!

Все драконоводы вынули волшебные палочки.

— Отключись! — крикнули они, и из палочек огненной ракетой вылетело Усыпляющее заклятие, осыпав звёздным дождём чешуйчатые бока драконов.

Ближайший к Гарри дракон опасно заколыхался на задних лапах, пасть раскрылась в беззвучном рыке, пламя из ноздрей больше не вырывалось, хотя дым всё ещё валил. Очень медленно дракон повалился на землю — несколько тонн мышц и чешуи — и упал с таким стуком, что содрогнулись деревья, Гарри мог бы в этом поклясться.

Драконоводы опустили палочки и подошли к поверженным подопечным. Затянули потуже цепи и, торопясь, привязали к чугунным прутьям, вбитым глубоко в землю с помощью палочек.

— Хотите взглянуть поближе? — обратился переполненный чувствами Хагрид к мадам Максим. Они подошли к самому забору, а за ними и Гарри. Волшебник, предупредивший Хагрида об опасности, повернулся, и Гарри сразу узнал Чарльза Уизли.

— Ну как, Хагрид? — начал, ещё не отдышавшись, Чарльз. — Они скоро придут в себя. Мы их в дорогу усыпили снотворным, думали, им

лучше проснуться глубокой ночью, когда темно и тихо. А видишь, что получилось. Они очень недовольны…

— Какие у вас здесь породы? — Хагрид смотрел на чёрного дракона с трепетной нежностью, почти с благоговением. Глаза у спящего дракона полуоткрыты. Из-под тёмного сморщенного века поблёскивает жёлтая полоска.

— Это самка венгерского хвосторога, — сказал Чарльз. — Вон тот — валлийский зелёный обыкновенный. Тот, что поменьше, синевато-серый — шведский тупорылый. А красный — китайский огненный шар.

Чарли огляделся по сторонам, мадам Максим шла вдоль изгороди, разглядывая спящих драконов.

— Не знал, что ты её приведёшь, — нахмурился он. — Чемпионам не положено знать, что им предстоит. А она, конечно же, своему расскажет.

— Просто подумал, ей будет приятно взглянуть, — не отрывая от драконов восхищённого взгляда, простодушно ответил Хагрид.

— Романтическая прогулка? — Чарли покачал головой.

— Значит, четыре. На каждого по одному дракону. А что они будут с ними делать? Сражаться?

— Кажется, просто пройдут мимо. Мы будем всё время рядом. Если ситуация станет опасной, заклятие Уничтожения наготове. Организаторам понадобились почему-то драконихи-наседки. Понятия не имею почему. Могу только сказать: не завидую тому, кто вытянет хвосторогу. Она сзади так же опасна, как и спереди. Взгляни сам.

И Чарли махнул на хвост, вдоль которого бежал частокол длинных цвета бронзы шипов.

Пятеро служителей из команды Чарли поднесли в огромном решете на одеяле несколько крупных гранитно-серых яиц и осторожно поставили его под самым боком драконихи. У Хагрида из груди исторгся вожделенный вопль.

— Они все у меня сосчитаны, — жёстко сказал Чарли и прибавил: — А как там Гарри?

— Прекрасно. — Хагрид всё ещё пожирал глазами драконьи яйца.

— Надеюсь, после встречи с этой командой он будет в том же самочувствии, — мрачно проговорил Чарли. — Я не решился рассказать матушке, что Гарри ждёт в первом туре. Она и так только что не расплакалась. «Как они могли включить его в этот Турнир! Он ещё совсем маленький! Я думала, в школе он в безопасности. Думала, возрастное ограничение будет соблюдено», —

передразнил он голос миссис Уизли. — Она обливалась слезами, когда читала эту статью в «Пророке». «Он всё ещё плачет по своим родителям, бедняжка. Я этого не знала!»

С Гарри было достаточно. В обществе четырёх драконов и мадам Максим Хагрид его не хватится. Он неслышно развернулся и побежал вдоль опушки к замку.

Теперь ясно, что ему предстоит. К лучшему или нет, что он узнал про драконов? Наверное, всё-таки к лучшему. Во всяком случае, первая волна страха схлынула. А что с ним было бы, если бы во вторник он увидел этих драконов впервые? Да просто упал бы в обморок в присутствии всей школы. Может, ещё всё обойдётся… он всё-таки вооружён волшебной палочкой. Но что такое палочка против огромного, чешуйчатого, огнедышащего дракона, вооружённого острыми пиками? Всего-навсего тонюсенькая дудочка. Как пройти мимо него, да ещё перед зрителями? Как?

До встречи с Сириусом у камина в гостиной оставалось четверть часа. Ему, как никогда, надо поговорить с кем-нибудь. Гарри побежал и неожиданно столкнулся с кем-то, упал навзничь, очки съехали в сторону, он едва успел плотнее

завернуться в мантию, как чей-то голос совсем рядом воскликнул:

— Кто здесь?

Гарри замер и вгляделся в очертания волшебника. Того выдала бородка. Это был профессор Каркаров.

— Кто здесь? — опять повторил Каркаров, озираясь по сторонам. Гарри лежал не шелохнувшись. Прошла минута. Каркаров, видно, решил, что столкнулся с каким-то зверем, может, с собакой, потому что поглядел вниз. И, не заметив ничего подозрительного, крадучись, двинулся на голоса, к загону с драконами.

Гарри очень осторожно поднялся на ноги и опять пустился бегом к замку.

Нет никаких сомнений, что делает в лесу Каркаров в такую пору. Тайком покинул корабль, вдруг удастся узнать, что предстоит его чемпиону. Возможно, даже выследил Хагрида с мадам Максим, когда те шли вдоль кромки леса: их трудно не заметить. Осталось пойти на их голоса, и он тоже проникнет в тайну драконов. Значит, во вторник один только Седрик встретится с неизвестной опасностью.

Дойдя до замка, Гарри проскользнул в парадные двери и поднялся по мраморной лестнице.

Он сильно запыхался, но хода не сбавил. До встречи у камина осталось всего пять минут… Полная Дама дремала на своём холсте.

— Чепуха! — крикнул он.

— Верно, — сонно буркнула, не разлепляя глаз, Дама и пустила Гарри в гостиную. Там было пусто, ничем недозволенным не пахло. Значит, удалось обойтись без навозной бомбы.

Гарри скинул мантию-невидимку и рухнул в кресло рядом с камином. В гостиной царил полумрак, освещало её только пламя. На одном из столов — россыпь значков в поддержку Седрика переливалась зелёными отблесками. На них горели буквы «Настоящий Поттер смердяк» — так кончились добрые намерения братьев Криви. Гарри перевёл взгляд на камин и чуть не упал с кресла.

В камине среди языков пламени торчала голова Сириуса. Хорошо, Гарри видел подобное на кухне Уизли: там в огне очага торчала голова мистера Диггори, не то перепугался бы до смерти. А так его лицо впервые за несколько дней озарила улыбка. Гарри вскочил с кресла и присел на корточки у камина.

— Ну как ты, Сириус?

Сириус очень изменился. Когда они прощались,

лицо было худое, измождённое, на лоб и плечи падали спутанные чёрные космы. Теперь волосы коротко стриженные, чистые, лицо округлилось, помолодело. Он стал походить на единственную фотографию, которая была у Гарри: Сириус на свадьбе Поттеров.

— Про меня не будем, как ты?

— Я… — Гарри хотел было сказать «хорошо», но не смог. Его как прорвало. Он говорил обо всём: никто не верит, что он не по собственной прихоти стал участником Турнира; Рита Скитер наплела о нём с три короба в «Пророке», и теперь, куда бы он ни пошёл, его осыпают градом насмешек. А главное, ему не поверил лучший друг. Позавидовал его славе. — И вот только что Хагрид показал мне драконов, наше задание во вторник. Это погибель, — в отчаянии закончил он.

Сириус с состраданием смотрел на Гарри. Глаза у него всё ещё не утратили мёртвого, загнанного выражения, подаренного Азкабаном. Дав крестнику выговориться до конца, он начал:

— С драконами справиться просто, объясню через минуту. У меня совсем мало времени. Я проник в дом незнакомых волшебников, воспользовался их камином, но хозяева могут вернуться в любую минуту. А надо кое о чём предупредить

тебя.

— Предупредить? — Душа у Гарри ушла в пятки. Что может быть страшнее драконов!

— Каркаров был Пожиратель смерти. Ты ведь знаешь, что это такое?

— Кто? Каркаров?

— Он сидел со мной в Азкабане, но его выпустили. Даю голову на отсечение, Дамблдор потому и пригласил в этом году в Хогвартс Мракоборца Грюма, чтобы он глаз с него не спускал. Грюм раскрыл Каркарова. И того отправили в Азкабан.

— А потом что, выпустили? — медленно проговорил Гарри; казалось, его мозг не справляется с потоком информации. — Почему?

— Он пошёл на сделку с Министерством магии. — Сириус нахмурился. — Сказал, что раскаивается. И готов назвать несколько имён. Многие оказались в Азкабане по его милости. Там его ненавидят, я это знаю. С тех пор он преподаёт в Дурмстранге, учит своих учеников Тёмным искусствам. Так что будь осторожен с его чемпионом.

— Буду… Так ты думаешь, это Каркаров бросил моё имя в Кубок? Но тогда он классный актёр. Он взбеленился, услыхав, что будет четвёртый участник. Требовал, чтобы ещё раз зажгли Кубок.

— Да, его актёрский талант известен. Удалось

же ему убедить Министерство в искреннем раскаянии. И ещё, всё это время я внимательно следил за публикациями в «Пророке».

— Не только ты, но и весь волшебный мир, — тяжело вздохнул Гарри.

— Читая в прошлом месяце статью этой Скитер, я сквозь строчки узнал, что перед приездом в Хогвартс Грюм подвергся ночному нападению. Знаю, она пишет, это его очередной бред, — поспешно прибавил Сириус, видя, что Гарри хочет возразить. — Но я так не думаю. Кому-то нежелательно его присутствие в Хогвартсе, оно может мешать. Но никого это не насторожило: ведь Грюму всюду мерещатся происки врагов. Нет, ему не мерещится. Грюм был лучший мракоборец в Министерстве.

— Так ты думаешь, это Каркаров хочет меня убить? Но почему?

Сириус немного помедлил.

— До меня доходят тревожные слухи. В последнее время Пожиратели смерти очень оживились. Подтверждение этому — Чемпионат мира по квиддичу. Кто-то послал в небо Чёрную Метку… И ещё. Ты слышал об исчезновении одной ведьмы из Министерства?

— Берты Джоркинс?

— Да. Она пропала где-то в Албании. По слухам, именно там находится последнее убежище Волан-де-Морта. А ведь она знала, что готовится Турнир Трёх Волшебников.

— Да, но вряд ли она вдруг взяла и отправилась прямо к Волан-де-Морту.

— Я хорошо знаю Берту. Мы учились в Хогвартсе примерно в одно время. Берта на несколько лет старше меня. Она круглая дура. Любопытная и безмозглая. Недурное сочетание, правда? Её проще простого заманить в ловушку.

— Вот как Волан-де-Морт мог узнать про Турнир! Ты считаешь, Каркаров исполняет его приказ?

— Не знаю… Уж чего не знаю… Каркаров, похоже, человек, который мог бы снова перекинуться к Волан-де-Морту, но при одном условии: если у того опять будут сила и влияние. Но кто бы ни подложил в Кубок твоё имя, у него были на то причины. По-моему, Турнир — самый подходящий способ уничтожить тебя и списать всё на несчастный случай.

— Хороший план, — содрогнулся Гарри. — Драконы своё дело сделают, а убийцы окажутся ни при чём.

— Против драконов есть оружие. — Сириус

говорил теперь очень быстро. — Усыпляющее заклятие не применяй. Драконы очень сильны, их волшебная мощь огромна. Одному волшебнику не справиться, нужно одновременное заклятие нескольких волшебников…

— Знаю. Видел собственными глазами.

— Но ты можешь справиться с драконом один. Есть простое заклятие. Всё, что требуется…

Но Гарри взмахом руки остановил его. Сердце забилось так, словно хотело выскочить. С винтовой лестницы донеслись шаги.

— Уходи, — шепнул он Сириусу. — Сейчас же уходи. Кто-то сюда идёт.

Гарри вскочил на ноги, загородив камин. Не дай бог, кто увидит голову Сириуса. Такой будет шум, допросы, где он сейчас…

Позади раздался лёгкий хлопок — Сириус исчез. Гарри смотрел на площадку винтовой лестницы. Кому приспичило разгуливать в час ночи? Из-за этого идиота Сириус не успел сказать, как пройти мимо дракона.

Им оказался Рон в своей клетчатой пижаме, из которой он давно вырос. Увидев в гостиной Гарри, Рон прирос к полу и огляделся.

— Ты с кем разговаривал? — спросил он.

— А тебе какое дело? Что ты по ночам бро-

дишь!

— Я просто подумал, где ты... Ну, ладно, пойду спать.

— Ты шпионишь за мной! — крикнул Гарри. Он понимал, Рон не знает, что наделал, что не хотел этого. Но какое это имело значение! Гарри закусил удила и ненавидел Рона всеми фибрами души — от рыжей макушки до голых лодыжек, торчащих из пижамных штанов.

— Прости, пожалуйста. — Лицо Рона залилось гневным румянцем. — Как это я не подумал, что тебе сейчас нельзя волноваться! Не буду больше мешать! Готовься к следующему интервью!

Гарри схватил со стола значок, над которым потрудились братья Криви, и запустил им в Рона. Значок угодил прямо в лоб и упал на пол.

— Это тебе на память! Надень его во вторник. Глядишь, ещё и шрам на лбу появится. Ты ведь о нём мечтаешь!

И Гарри пошёл через гостиную к лестнице. Он ожидал, что бывший друг остановит его, с радостью получил бы тумака. Но Рон стоял и молчал в своей нелепой пижаме. Гарри промчался мимо него, бросился в спальне на кровать и долго ещё полыхал от злости. Он не слыхал, когда Рон вернулся.

Глава 20
Первое задание

В воскресенье утром он одевался до странности рассеянно: пытался вместо носка натянуть на ногу шляпу. Наконец оделся, как надо, и поспешил искать Гермиону. Она вместе с Джинни завтракала в Большом зале. От запаха пищи Гарри стало мутить. Он подождал, пока Гермиона проглотит последнюю ложку каши, и позвал её прогуляться вокруг озера.

Во время прогулки он рассказал ей о драконах, о том, что сказал ему Сириус. И закончил повествование, когда они делали второй круг.

Её встревожило предупреждение Сириуса остерегаться Каркарова. Но драконы, по её мнению, были куда опаснее.

— Давай сначала подумаем, как тебе остаться в живых до вечера вторника. А тогда вернёмся к Каркарову.

Они шли уже третий круг, вспоминая, какое такое простое заклятие способно победить драконов. В голову ничего не шло, и они отправились в библиотеку. Гарри притащил целую груду книг о

драконах, и друзья принялись искать подходящее заклинание.

— Заклинание, отсекающее когти… Как превратить чешую в кожу… Нет, это для свихнутых вроде Хагрида, для которых дороже дракончиков никого нет. «Драконов победить очень трудно. Их толстую шкуру защищает древнее заклятие, которое могут отменить только очень сильные чары». А по словам Сириуса с драконом можно справиться с помощью очень простого заклятия.

— Давай посмотрим другие книги. — Гарри отодвинул в сторону «Людей, которые любят драконов». Принёс ещё одну стопку книг и стал просматривать.

Гермиона без устали тараторила у него над ухом:

— Отключающее заклятие… Зачем отключать дракона? Ведь ты же не хочешь заменить ему клыки на сахарные палочки. Беда в том, говорится в той книге, что их шкура непроницаема. Применить заклятие трансфигурации? Нет, с такими гигантами не пройдёт. Даже профессор МакГонагалл не справилась бы. Может, тебя самого подвергнуть трансфигурации? Будешь намного сильнее. Но это заклятие очень сложное, мы его не проходили. Я про него знаю, потому что

уже пишу курсовую для СОВ.

— Гермиона, пожалуйста, помолчи хоть немного. Мне надо сосредоточиться, — взмолился Гарри.

Гермиона умолкла, но легче не стало. В голове стояло неотвязное жужжание, мешающее собраться с мыслями. Гарри безнадёжно просматривал оглавление «Заклятий против проклятий»: «Мгновенное скальпирование», но у драконов нет шевелюры… «Перечные чары для дыхания» — а если у дракона пламя станет сильнее… «Как скрутить в рог язык» — прибавится ещё оружие.

В библиотеке появился Виктор Крам. Мрачно взглянув на Гарри с Гермионой, он втянул голову в плечи, прошёл мимо, сел в дальний угол, обложившись горой книг.

— Он опять здесь! Что ему у себя на корабле не сидится? — разозлилась Гермиона. — Пойдём, Гарри, отсюда. Позанимаемся лучше в гостиной. Сейчас сюда сбегутся поклонницы и начнут трещать.

И правда, стайка девчонок на цыпочках скользнула в библиотеку; у одной вокруг пояса был повязан болгарский флаг.

* * *

Ночью Гарри почти не спал. А утром в понедельник всерьёз подумал — первый раз за всё время, — уж не сбежать ли ему из Хогвартса. Спустился в Большой зал, огляделся по сторонам… Расстаться с замком? И понял, что никуда не уйдёт. Он нигде не был так счастлив. Может, только с родителями, в родном доме… Но то время Гарри не помнил.

Нет, лучше уж встретиться с драконами, чем вернуться на Тисовую улицу к Дадли. И Гарри слегка успокоился. С трудом дожевав бекон (кусок в рот не лез), он вышел из-за стола и увидел среди пуффендуйцев Седрика Диггори.

Седрик не знает про драконов. Он единственный выйдет на схватку не подготовленным. Маловероятно, что мадам Максим и Каркаров утаили от своих чемпионов задание первого тура.

Гермиона тоже поднялась, и они вместе поспешили в холл.

— Встретимся в оранжерее, Гермиона, — посмотрел вслед уходящему Седрику Гарри — ему только что пришла в голову одна мысль. — Иди, я тебя догоню.

— Ты опоздаешь. Сейчас прозвенит звонок.

— Я тебя догоню, ясно?

Гарри подошёл к мраморной лестнице, Седрик был уже наверху, в окружении шестикурсниц. Эти девушки, завидев его, тотчас начинали цитировать статью Риты Скитер. Говорить с Седриком при них? Ну уж нет! Но Диггори спешит на урок заклинаний. И тут его осенило! Он остановился, вынул палочку и точно прицелился:

— *Диффиндо!*

Сумка Седрика лопнула. Из неё посыпались перья, учебники, пергамент, две чернильницы разбились вдребезги. Друзья кинулись ему на помощь.

— Не беспокойтесь, идите на урок. Скажите Флитвику что я немного опоздаю. — Седрик был явно расстроен.

Именно на это Гарри и рассчитывал. Он спрятал палочку в мантию, подождал, пока приятели Седрика скроются в классе, и подошёл к нему.

— Привет. — Седрик поднял с пола залитый чернилами учебник «Продвинутый курс трансфигурации». — Сумка порвалась, а ведь совсем новая…

— Седрик, в первом туре будут драконы, — быстро произнёс Гарри.

— Что? — чуть не подпрыгнул Седрик.

— Драконы, — повторил Гарри и прибавил, боясь, что выйдет Флитвик узнать, что такое стряслось с Седриком. — Их четыре. По штуке на каждого. Нам надо будет пройти мимо них.

Седрик взглянул на него. В серых глазах читался испуг, какой испытал Гарри субботней ночью.

— Ты уверен? — прошептал Седрик.

— Абсолютно. Сам видел.

— Как ты узнал? Это ведь не положено.

— Неважно. — Гарри не мог сказать правду. Не хотел Хагриду неприятностей. — Знаю не только я, но и Флёр с Крамом.

Седрик выпрямился, в руках чернильницы, перья, книги. Через плечо висит рваная сумка. Он удивлённо, чуть не с подозрением глядел на Гарри.

— Почему ты рассказал мне?

Гарри недоумённо уставился на него. Такой вопрос никогда бы не пришёл Седрику в голову, если бы он своими глазами увидел драконов. Внезапной встречи с такими чудищами Гарри не пожелал бы и заклятому врагу. Хотя, конечно, Малфою или Снеггу…

— Но это же справедливо. Теперь мы все в равных условиях.

Седрик всё ещё смотрел с лёгким подозрением. За спиной послышался знакомый стук деревяшки. Из соседнего класса вышел Грозный Глаз.

— Идём со мной, Поттер, — прохрипел он. — А ты, Диггори, поспеши на урок.

Гарри смотрел на Грюма с опаской. Неужели он всё слышал?

— Простите, профессор, я… э-э… иду на травологию.

— Ничего страшного. Следуй за мной.

Гарри повиновался. Что-то сейчас будет! Вдруг Грюм спросит, откуда ему известно про драконов? Скажет ли он Дамблдору про Хагрида? Или сразу же превратит его в хорька? «А что,хорьку легче проскользнуть мимо дракона, — тупо подумал Гарри. — Он маленький, с высоты тридцати метров не разглядишь».

Вошли в класс. Грюм закрыл дверь и пристально посмотрел на него и волшебным и обычным глазом.

— Благородный поступок, Гарри, — сказал он спокойно.

Гарри не знал, что сказать, он ждал совсем других слов.

— Садись, — пригласил Грюм.

Гарри сел и осмотрелся. Он бывал здесь при

двух прежних учителях. Во времена профессора Локонса на стенах висели его портреты, сияя улыбкой и подмигивая. Когда тут обитал Люпин, вы бы непременно увидели какую-то новую занятную нечисть, припасённую для урока. А сейчас комната полна самых странных предметов. Всё это, наверное, инструменты мракоборцев.

На столе стоял треснутый стеклянный волчок. Вредноскоп — сразу узнал Гарри, у него такой же, только гораздо меньше. В углу на небольшом столике золотой предмет, что-то вроде скрюченной телевизионной антенны, которая не переставая тихо гудела. На стене — зеркало не зеркало, комната в нём не отражалась, по его поверхности двигались расплывчатые фигуры.

— Нравятся мои распознаватели Тёмной магии? — спросил Грюм.

— А это что? — показал Гарри на скрюченную золотую антенну.

— Детектор лжи. Начинает вибрировать, когда засечёт ложь, тайный умысел. Здесь он не работает. Слишком много помех. Ученики то и дело говорят неправду, почему не сделали домашних уроков. С того дня, как я здесь, не умолкая гудит. А вредноскоп вообще пришлось отключить — свистит и свистит. Повышенная чувствительность,

ловит опасность на расстоянии мили. И конечно, распознает не только детские шалости.

— А зеркало для чего?

— Это Проявитель Врагов. В нём сейчас затаились мои враги. Но пока вижу белки их глаз, беда не грозит. А как начнёт грозить, тут-то я и открываю мой сундук.

Издав короткий хриплый смешок, он указал на вместительный сундук под окном. На нём семь отверстий для ключа. Интересно, что в сундуке…

— Так, значит, про драконов тебе известно? — Профессор вернул Гарри на землю.

Именно этого вопроса Гарри боялся. Он ничего не сказал Седрику, и Грюму не собирается выдавать Хагрида.

— Не волнуйся, Гарри. — Грюм сел, вытянул деревянную ногу с хриплым стоном. — Обман был всегда неотъемлемой частью Турнира Трёх Волшебников.

— Я никого не обманывал, — ощетинился Гарри. — Так получилось… случайно…

Грюм усмехнулся.

— Я не обвиняю тебя, малыш. Я с самого начала говорил Дамблдору, он-то сам человек благородный, мадам Максим и Каркарову палец в рот не клади. Они расскажут своим чемпионам всё, что

узнают. Они жаждут победы. Хотят Дамблдора обставить, посмеяться над его наивностью.

Грюм опять усмехнулся с хрипотцой, магический глаз завращался так быстро, что у Гарри даже голова закружилась.

— Так… так ты уже знаешь, как справишься со своим драконом?

— Пока нет.

— Я не намерен тебе помогать, — жёстко произнёс Грюм. — Любимчиков у меня нет. Просто могу дать несколько полезных советов. Первый: используй свои сильные стороны.

— У меня нет никаких сильных сторон, — вырвалось у Гарри.

— Извини, — прохрипел Грюм, — они у тебя есть. Раз говорю — есть, значит, есть. Ну-ка подумай! Что тебе лучше всего даётся?

Гарри задумался. Лучше всего? Ну, конечно…

— Квиддич, — выпалил он. — Чтоб только была хорошая поддержка…

— Верно. — Грюм буравил его волшебным глазом, который почти остановился. — Ты, я слыхал, потрясающе летаешь…

— Да, но… — Гарри смотрел на Грюма, вытаращив глаза, — метлу-то нельзя захватить. Только волшебную палочку…

— Второй самый общий совет, — перебил Грюм. — Используй доброе, простое заклинание и получишь то, что необходимо.

Гарри недоумённо глядел на Грюма. Что необходимо?

— Думай, мальчик, — прошептал Грюм. — Сложи два совета вместе. Не так уж это и трудно.

И Гарри осенило. Он прекрасно летает, для этого необходима метла. А чтобы заполучить метлу, нужно…

Спустя десять минут Гарри вбежал в оранжерею № 3, второпях извинился перед профессором Стебль и подошёл к Гермионе.

— Гермиона, мне нужна твоя помощь.

Гермиона обрезала верхушку дрожащей трясучки.

— А чем я всё время занимаюсь, интересно? — прошептала она, с беспокойством глядя на Гарри.

— Гермиона, мне необходимо завтра к вечеру овладеть Манящими чарами.

И они приступили к тренировкам. Обедать не стали. Нашли пустой класс, где Гарри изо всех сил старался заставить лететь к нему через комнату различные предметы. Книги с перьями не подчинялись и на полпути падали на каменный пол…

— Сосредоточься, Гарри, сосредоточься…

— Только это и пытаюсь! — сердился Гарри. — Но почему-то у меня из головы не лезет чёртов дракон в пятьдесят футов! Ладно, давай ещё раз.

Он хотел сбежать с прорицания, но Гермиона ни в какую не согласилась пропускать нумерологию, и тренировки не получилось. Пришлось целый час терпеть профессора Трелони, которая пол-урока твердила о расположении Марса по отношению к Сатурну. Это означало, что людей, рождённых в июле, ждёт ужасная, внезапная смерть.

— Смерть, ну и пусть! — не сдержался Гарри. — Только быстрая! Не хочу мучиться.

Рон, казалось, вот-вот прыснет от смеха. Впервые за последнее время он посмотрел прямо в глаза Гарри, но тот был так зол, что не глянул в ответ. Остаток урока Гарри пробовал палочкой притягивать под столом предметы. Опыт удался только с мухой. А может, она просто глупая, и его заслуги тут нет?

После обеда Гарри с Гермионой вернулись в пустой класс и, чтобы не столкнуться с учителями, надели мантию-невидимку. Тренировались до полуночи. Позанимались бы и подольше, но появился Пивз. Подумал, что Гарри нравится,

когда в него бросают вещи, и начал швыряться стульями. Пока шум не привлёк Филча, друзья покинули класс и пошли в гриффиндорскую гостиную. Сейчас там никого не было.

В два часа ночи Гарри стоял, окружённый горой предметов — книгами, перьями, перевёрнутыми креслами, набором Плюй-камней и жабой Невилла, Тревором. Только в последний час он освоил Манящие чары.

— Гораздо лучше, Гарри. Молодец, — похвалила усталая, но довольная Гермиона.

— Теперь ясно, что делать, когда я не могу овладеть каким-то заклинанием. — С этими словами Гарри кинул Гермионе словарь рун, чтобы повторить упражнение. — Напугать меня драконом. Ну…

Он поднял палочку ещё раз:

— *Акцио словарь!*

Тяжёлая книга выпорхнула из руки Гермионы, пролетела через комнату, и Гарри схватил её.

— Гарри, ты и вправду научился! — Гермиона была в восторге.

— Лишь бы завтра сработало, — сказал Гарри. — «Молния» полетит с более дальнего расстояния, чем эти штуки, она в замке, а я буду на улице.

— Неважно, — твёрдо произнесла Гермиона. —

Просто как следует сосредоточься, и всё у тебя получится. Нам уже спать пора. Завтра рано вставать.

Гарри так старательно тренировал чары, что к вечеру страх немного отступил. Зато утром вернулся сполна. Вся школа гудела и волновалась. Уроки закончились в полдень, чтобы, не торопясь, дойти до загона. Что они там увидят, они, конечно, ещё не знали.

Гарри чувствовал странную отстранённость. Ни на доброе слово, ни на насмешки («Поттер, захвати с собой пачку бумажных платков!») внимания не обращал. Не до того. Нервное напряжение было так сильно, что он даже подумывал, не махнуть ли рукой и малодушно послать всех подальше, когда придёт время идти к драконам?

Время как с ума сошло, мчалось семимильными шагами. Только что сидел на первом уроке — истории магии, а уже обед… («Утро, куда делось утро? До встречи с драконом остался всего час».) Профессор МакГонагалл быстрым шагом подошла к нему. Все, кто был в Большом зале, смотрели на них.

— Поттер, чемпионы уже ушли. Пора готовиться к первому туру.

— Иду. — Гарри поднялся — вилка со звоном

упала на тарелку.

— Удачи тебе, Гарри! — шепнула Гермиона.

— Угу, — буркнул он, не узнав собственный голос. Вместе с профессором МакГонагалл покинули зал. Ей тоже было не по себе. Лицо встревоженное, как у Гермионы. Сошли по каменным ступеням, вышли в холодный ноябрьский полдень, МакГонагалл опустила руку ему на плечо.

— Не бойся, — сказала она. — Держись молодцом. На случай осложнений дежурят волшебники… Главное, сделай всё, что можешь, плохого о тебе не подумают… Ты как, в порядке?

— Да, конечно.

Пошли к драконам опушкой леса. У купы деревьев, за которыми находился загон, поставили палатку, загородившую монстров. Остановились у входа.

— Войдёшь сюда к другим чемпионам, — явно дрожащим голосом сказала профессор МакГонагалл. — Будешь ждать своей очереди. Там мистер Бэгмен. Он объяснит вам, что делать… Счастливо тебе.

— Спасибо, — безучастно произнёс Гарри. Профессор удалилась, и Гарри вошёл внутрь.

В углу на низком деревянном стуле сидела Флёр Делакур. Бледная, на лбу капельки пота. Куда

делся обычный самоуверенный вид! Виктор Крам ещё сильнее хмурится — похоже, нервничает. Седрик ходит из угла в угол. Увидев Гарри, слегка улыбнулся, Гарри ответил тем же, с трудом двигая мышцами лица, которые точно одеревенели.

— Привет, Гарри! — радостно воскликнул Бэгмен. — Входи, входи! Чувствуй себя как дома!

Бэгмен был одет в старую мантию с чёрно-жёлтыми, как у осы, полосками. Толстый, весёлый, он выглядел карикатурой в окружении бледных, напряжённых чемпионов.

— Итак, все в сборе. И я сейчас сообщу вам, что делать! — бодро заявил Бэгмен. — Когда зрители соберутся, я открою вот эту сумку. — Он поднял небольшой мешочек из красного шёлка и потряс им. — В ней копии тех, с кем вам предстоит сразиться. Все они разные. Каждый по очереди опустит руку и достанет, кого ему послала судьба. Ваша задача — завладеть золотым яйцом.

Гарри огляделся. Седрик кивнул, дав понять, что понял, о чём речь, и вновь принялся ходить по палатке. Флёр и Крам не шевельнулись. Может, в обморок боятся упасть? Гарри был близок к этому. Но в отличие от него они-то здесь по собственной воле…

Очень скоро послышался топот множества ног.

Зрители шли, шутя, смеясь, возбуждённо переговариваясь… Они казались Гарри гостями с другой планеты. Тем временем Бэгмен развязывал шёлковый мешочек.

— Леди, прошу вас, — объявил он, предлагая мешочек Флёр.

Она опустила внутрь руку и вынула крошечную точную модель валлийского зелёного с биркой номер два на шее. Флёр не выказала ни малейшего удивления, скорее осознанную обречённость. Да, Гарри прав: мадам Максим ей всё про драконов рассказала.

Вторым выбирал Крам. Ему выпал китайский огненный шар с номером три. Крам не моргнул и глазом, просто смотрел под ноги.

Седрик вытащил сине-серого шведского тупорылого под номером один. И Гарри понял, что его ожидает. Он сунул руку в мешочек — венгерская хвосторога, номер четыре. Гарри взглянул на драконихи — та растопырила крылья и оскалила крошечные клыки.

— Ну вот! — сказал Бэгмен. — С этими драконами вам предстоит встретиться. На шее у дракона номер очереди. Всё ясно? Тогда вынужден вас оставить, я сегодня ещё и комментатор. Мистер Диггори, по свистку первый войдёте в загон, яс-

но? Гарри, можно тебя на два слова?

— Э-э… — протянул Гарри и вышел из палатки вслед за Бэгменом.

Тот отошёл за деревья и обратился к нему с отеческой заботой в голосе:

— Как ты, Гарри? Могу я чем-то тебе помочь?

— Что? — не сразу понял Гарри. — Нет. Ничем.

— У тебя есть план действий? — Бэгмен заговорщически понизил голос. — Я хотел бы подкинуть тебе пару советов. — Бэгмен понизил голос почти до шёпота. — Ты младше всех, Гарри, я бы помог тебе, если, конечно…

— Ни в коем случае, — перебил Гарри и, чтобы смягчить свою грубость, добавил: — Благодарю, я уже знаю, что делать.

— Никто не узнает, Гарри, — подмигнул Бэгмен.

— Нет. Я чувствую себя прекрасно, — ответил Гарри, а про себя подумал: «Ничего себе прекрасно, хуже не бывает». — У меня есть план действий.

Прозвучал свисток.

— Боже! Мне пора бежать! — спохватился Бэгмен и поспешил прочь.

Гарри вернулся в палатку, ему навстречу вышел ещё сильнее побледневший Седрик. Гарри

хотел пожелать ему удачи, но лишь прохрипел что-то невразумительное.

Гарри, Флёр и Крам услышали, как снаружи взревели зрители. Значит, Седрик уже в загоне лицом к лицу с живой копией своего дракончика.

Это ещё хуже, чем Гарри представлял, — сиди вот так и слушай. Каждую попытку Седрика подойти к шведскому тупорылому зрители встречали воем, криками и улюлюканьем. Крам по-прежнему сидел, глядя в пол. Флёр, как ранее Седрик, расхаживала по палатке. А от комментариев Бэгмена недолго и с ума сойти.

— Ну! Ещё чуть-чуть… мимо!!! Он идёт на риск! Давай же!!! Эх! Умный ход — жаль, не сработал!

Спустя пятнадцать минут оглушительный рёв возвестил, что Седрик перехитрил дракона и схватил золотое яйцо.

— Превосходно! — кричал Бэгмен. — Молодец! А сейчас оценки судей!

Но результат не назвал. Наверное, судьи показали оценки только трибунам. Вновь раздался свисток.

— Осталось трое! — провозгласил Бэгмен. — Мисс Делакур, прошу!

Флёр дрожала с головы до ног, у Гарри даже ше-

вельнулось внутри сострадание. Она покинула палатку с высоко поднятой головой, сжимая в руке палочку. Гарри и Крам остались вдвоём, сидели в разных углах, избегая взгляда друг друга.

Всё началось сначала.

— Не уверен, что это мудрая тактика! — доносился весёлый комментарий Бэгмена. — Близко!!! Совсем близко!!! Ну, как так можно?! Внимательней надо! Чёрт!!! Думал, сейчас схватит!

Три минуты, и опять взрыв аплодисментов. Значит, Флёр тоже справилась. Показывают оценки, тишина… очередная овация… и третий свисток.

— Мистер Крам, ваш выход! — объявил Бэгмен.

Крам, ссутулясь, вышел, и Гарри остался один.

Никогда он не был в таком напряжении: сердце колотится, пальцы дрожат от страха, и как будто никакой палатки нет — видит и зрителей, и единоборство с драконом.

— Вот это дерзость!!! Здорово!!! — кричал Бэгмен. Крики его заглушил жуткий рык китайского огненного шара, трибуны стихли. — Ну и нервы! Не человек, а машина! Да!!! Он схватил яйцо!!!

Аплодисменты сотрясли морозный воздух, как будто разбилось огромное зеркало. Крам завершил раунд, настала очередь Гарри.

Гарри поднялся на ватных ногах, смутно осознавая происходящее. Он ждал. Вот и свисток. Гарри вышел из палатки, чувствуя, как страх накалился в нём добела. Он брёл мимо деревьев, брёл, брёл и, наконец, загон.

Всё предстало перед ним как в цветном сне. В последние дни с помощью волшебства воздвигли трибуны. С них на Гарри смотрели сотни лиц. В другом конце загона, как огромная курица на яйцах, восседала хвосторога. Крылья полураскрыты, свирепые жёлтые глазки уставились на злоумышленника. Громадный чешуйчатый хвост, как у ящера, и весь в пиках, бьёт по промёрзлой земле, оставляя глубокие, метровой длины следы. Зрители шумят невообразимо. Болеют они за него или нет? Какая разница! Пришла пора действовать… Предельно сосредоточился… Это единственное спасение…

Он поднял палочку и крикнул:

— *Акцио «Молния»!*

И стал ждать. Всеми фибрами души надеясь, боясь… вдруг чары не сработают… вдруг она не явится… Казалось, Гарри смотрит на всё сквозь мерцающее летнее марево. И загон, и люди вокруг колыхались, странно плыли…

Сработало! Он слышит, как мчит к нему его

«Молния», со свистом рассекая воздух. Летит вдоль опушки, уже в загоне, зависла позади него, ожидая наездника. Зрители зашумели сильней… Бэгмен что-то крикнул, но Гарри уже ничего не слышит… и зачем!

Перекинул ногу через метлу, взлетел. И тут произошло чудо.

Гарри взмыл высоко вверх. Волосы развевались на ветру, лица зрителей стали как булавочные головки, хвосторога — не больше собаки. И Гарри понял: внизу осталась не только земля, но и страх… Он снова в своей стихии.

Просто ещё один матч по квиддичу! Матч с очередным соперником — хвосторогой. Да, противник ужасен, но он ему по зубам.

Гарри глянул на кладку яиц, вон оно, золотое, блестит на фоне серых. Сохранности ради, все лежат между передних лап драконихи.

— Отлично, — скомандовал себе Гарри. — Тактика отвлечения… Вперёд!

Спикировал. Голова хвосторога за ним. Гарри это предвидел и вовремя вышел из пике — там, где он был секунду назад, хлестнула огненная струя. Не привыкать, от бладжера уворачиваться не легче.

Зрители взревели.

— Вот это да!!! Ну и полёт!!! — комментировал Бэгмен, но Гарри его не слышал. — Видели, мистер Крам?!

Гарри взлетел выше, описал круг, хвосторога следила за ним, вращая головой на длинной шее. Сейчас довертишься, голова закружится… Но нельзя уповать на удачу, как бы опять огнём не стрельнула…

Хвосторога разинула пасть, а Гарри нырнул вниз. На сей раз повезло меньше. Избежал пламени, но драконихa махнула хвостом, Гарри ушёл влево, длинный шип задел плечо и порвал мантию. Плечо как ужалили. Трибуны зашлись в беззвучном крике. Ничего, царапина неглубокая… Гарри развернулся, подлетел к хвостороге и стал кружить у неё над спиной. Кажется, то, что надо.

Хвосторога не взлетает, стережёт яйца. Извивается, расправляет, сжимает крылья, держит Гарри под прицелом жёлтых, устрашающих глаз. Но отойти от яиц боится. А Гарри именно это нужно, иначе про яйцо можно забыть… Штука в том, чтобы осторожно, постепенно вынудить её к этому.

Он летал то в одну сторону, то в другую, соблюдая расстояние — под драконий огонь попадать

нельзя. Но надо и угрожать, пусть беспокоится. Голова драконихи крутилась за ним, вертикальные зрачки наблюдали, клыки скалились.

Он взмыл выше. Шея у хвосторога удлинилась, голова поднялась, как у змеи по велению заклинателя.

Гарри взлетел ещё метра на два, драконихa издала вопль отчаяния. Он муха, которую она жаждет прихлопнуть. Хвост ударил ещё раз, но Гарри вне досягаемости. Стрельнула огнём, он увернулся… драконихa широко раскрыла пасть.

— Давай, давай, — дразнил Гарри, то приближаясь, то отлетая. — Я здесь. Схвати меня. Лови! Вот так…

И драконихa не выдержала, расправила чёрные крылья размером с небольшой самолёт. Гарри среагировал мгновенно. Не успела драконихa понять, в чём дело, куда делся враг, а он уж стремглав мчался вниз к гнезду яиц, незащищённому когтистыми лапами. Оторвав руку от «Молнии», схватил золотое яйцо и на огромной скорости взмыл вверх.

Он пролетал над трибунами, держа в здоровой руке тяжёлое яйцо. Казалось, кто-то включил звук. Впервые Гарри услышал шум зрителей. Они неистовствовали, как ирландские болельщики

на Чемпионате мира.

— Нет, вы только посмотрите! — кричал Бэгмен. — Самый юный чемпион быстрее всех завладел яйцом! У него есть все шансы на победу!

Гарри увидел, как стражи драконов кинулись укрощать хвосторогу, а у входа в загон уже спешили к нему профессор МакГонагалл, профессор Грюм и Хагрид. Они махали, подзывая его к себе. Даже издалека видны их улыбки. Пролетая над трибунами, Гарри едва не оглох — ну и шум! И плавно приземлился. Впервые за последние недели на сердце было легко. Он выдержал первый тур, выжил…

Гарри соскочил с «Молнии».

— Прекрасно, Поттер! — воскликнула профессор МакГонагалл. От неё это небывалая похвала. Дрожащей рукой она махнула на раненое плечо. — Пока судьи совещаются, идите к мадам Помфри… вон туда, она уже помогла Диггори.

— Ты сладил, Гарри! — басил Хагрид. — Сладил! Да с кем! С самой хвосторогой, а ты слыхал слова Чарли, что она самый…

— Спасибо, Хагрид! — громко крикнул Гарри. Не дай бог, лесничий проговорится, что показал драконов.

Профессор Грюм был тоже очень доволен, его волшебный глаз как волчок вращался в глазнице.

— Просто и красиво, Поттер, — прохрипел он.

— Поттер, идите в палатку первой помощи, — повторила профессор МакГонагалл.

Так и не отдышавшись, Гарри вышел из загона. У входа в соседнюю палатку стояла разгневанная мадам Помфри.

— Драконы! — возмущалась она, таща Гарри внутрь. Палатку разделили на два отсека. Сквозь занавески проглядывала тень Седрика. Он уже сидел. Слава богу, значит, ранение не опасно. Мадам Помфри осмотрела у Гарри плечо, всё время причитая:

— В прошлом году дементоры, в этом драконы! А на будущий год кого ещё приведут?! Тебе очень повезло, рана неглубокая. Сейчас я её обработаю и буду лечить.

Она промыла царапину ваткой, смоченной в красной жидкости. Тампон дымил и обжигал. Но мадам Помфри направила палочку на плечо, и боль как рукой сняло.

— Ну вот, минуту посиди спокойно, и можешь пойти узнать результат.

Она вышла, и её голос донёсся из-за перего-

родки:

— Диггори, как ты себя чувствуешь?

Гарри надоело сидеть. В крови всё ещё кипел адреналин. Хотел посмотреть, что происходит снаружи, но не успел — в палатку ворвалась Гермиона, за ней по пятам Рон.

— Гарри, ты был великолепен! — зазвенел голос Гермионы. Видно, она очень нервничала, на щеках — следы от ногтей. — Потрясающе, Гарри! Честное слово!

Но Гарри смотрел на Рона, который был очень бледен и таращился на Гарри, как на призрак.

— Гарри, — на редкость серьёзно сказал он, — кто бы ни положил твоё имя в Кубок, я понял: он хочет тебя убить!

Словно и не было этих последних недель. Как будто Гарри встретил Рона впервые после того, как его объявили чемпионом.

— Додумался? — холодно ответил он. — Долго же до тебя доходило.

Гермиона нервно переминалась, поглядывая то на одного, то на другого. Рон открыл рот, подыскивая слова. Гарри знал, что тот готов повиниться, но… разве это так важно?

— Всё в порядке, Рон, — опередил он друга. — Забудем, и всё.

— Нет, как я мог…

— Забудем! — повторил Гарри.

Рон нервно улыбнулся, и Гарри улыбнулся в ответ.

Гермиона расплакалась.

— Чего ты плачешь? — удивился Гарри.

— Какие же вы идиоты! — топнула она ногой, и слёзы хлынули у неё из глаз. Обняла их, оттолкнула и убежала, давясь рыданиями.

— Во даёт… — покачал головой Рон. — Пошли, Гарри. Сейчас результат объявят.

Ещё час назад о таком счастье Гарри и мечтать не смел. Взяв золотое яйцо и «Молнию», он вышел из палатки. Рядом шагал Рон и быстро говорил:

— Ты был самый лучший! Седрик применил заклятие трансфигурации и превратил камень в собаку. Хотел отвлечь на неё внимание дракона. Хорошая идея и почти сработала: яйцо-то он схватил, но дракон в последний момент предпочёл собаке человека и обжёг его. К счастью, Диггори успел увернуться. Эта Флёр применила какие-то чары, сумела погрузить дракона в транс. Он оцепенел, но вдруг всхрапнул, и из пасти вырвалось пламя. Юбка Флёр вспыхнула, но она залила огонь водой из волшебной палочки. Крам, не поверишь, ему даже в голову не пришло взле-

теть! Но, наверное, он второе место займёт. Он каким-то заклятием засветил дракону прямо в глаз. Всё было хорошо, только чудище заметалось от боли и передавило половину настоящих яиц. Краму из-за этого и снизили баллы.

Они подошли к краю загона, и Рон перевёл дыхание. Хвосторогу увели, и Гарри увидел пятерых судей. Они восседали в дальнем конце, на вышке, задрапированной золотой тканью.

— Судьи оценивают чемпионов по десятибалльной шкале, — пояснил Рон.

Гарри скосил глаза и увидел, как первая судья — мадам Максим — подняла в воздух палочку. Из неё выскочила длинная серебристая лента и нарисовала большую цифру восемь. Зрители зааплодировали.

— Неплохо! — сказал Рон. — Думаю, она сняла два очка из-за царапины.

Следующим был мистер Крауч. Он дал Гарри девять баллов.

— Здорово! — воскликнул Рон, похлопав Гарри по спине.

Дамблдор тоже очертил в воздухе девятку. Зрители ликовали ещё пуще.

Людо Бэгмен поставил все десять.

— Десять? — не поверил Гарри. — Я же получил

травму… К чему это он?

— Не жалуйся, Гарри, — восторженно крикнул Рон.

Каркаров был последним. Помедлив, он взмахнул палочкой, и серебристая лента приняла очертания цифры четыре.

— Четвёрка?! — заорал Рон. — Гнусный судьишка! Краму все десять выставил!

Но Гарри только махнул рукой. Да пусть Каркаров хоть ноль ставит. Возмущение Рона стоит сотни очков. Конечно, он ему этого не сказал, но покидал Гарри загон в отличном настроении. Не только Рон, все гриффиндорцы приветствовали его. Да что говорить! Почти вся школа рукоплескала Гарри не меньше, чем Седрику… А на слизеринцев плевать, что бы они теперь ни придумали, он выдержит.

По дороге в школу их догнал Чарли Уизли.

— Вы с Крамом заняли первое место, Гарри! — сказал он. — Я побежал, надо послать маме сову. Я поклялся ей подробно всё описать — это было что-то невероятное! Да, меня просили тебе передать, чтобы ты вернулся на несколько минут. Бэгмен хочет поговорить с чемпионами.

Рон обещал подождать, и Гарри вернулся в палатку. Теперь в ней витал дух гостеприимства.

Гарри сравнил единоборство с хвосторогой и долгое мучительное ожидание перед этим. Ничего общего, последнее в тысячу раз хуже.

Флёр, Седрик и Крам вошли все вместе. У Седрика одна сторона лица была густо намазана оранжевой противоожоговой мазью.

— Молодец, Гарри, — улыбнулся он.

— И ты молодец, — улыбнулся Гарри в ответ.

— Вы все молодцы! — ворвался в палатку Людо Бэгмен, на седьмом небе от счастья, как будто лично отнял у драконихи яйцо. — Я хочу вкратце изложить дальнейшие планы. До второго тура почти три месяца. Он состоится двадцать четвёртого февраля в девять тридцать утра. Но за это время вам будет о чём подумать. Взгляните на золотые яйца, которые у вас в руках, видите, они открываются… вот петельки. Внутри яйца ключ ко второму заданию. Он поможет вам подготовиться. Всё ясно? Уверены? Тогда отдыхайте!

Гарри вышел из палатки. Рон его ждал, и друзья, беседуя, зашагали к замку. Гарри хотелось подробнее узнать, как перехитрили драконов другие чемпионы. Купа деревьев, за которой Гарри впервые услышал драконий рык, осталась позади, и, откуда ни возьмись, выскочила ведьма в ядовито-зелёной мантии.

Это была Рита Скитер. На друзей нацелилось Прытко Пишущее Перо.

— Поздравляю, Гарри! — сияя, сказала она. — Гарри, всего одно слово! Что ты чувствовал, оказавшись лицом к лицу с драконом? А результат ты считаешь справедливым?

— Отвечу одним словом, — жёстко произнёс Гарри. — До свидания!

И он вместе с Роном зашагал в замок.

Глава 21
Фронт освобождения рабского труда

Вечером друзья отправились в совятник за Сычиком. Надо сообщить Сириусу, что Гарри справился с драконом. По пути он поведал Рону рассказ крёстного о Каркарове. Рон был потрясён: директор Дурмстранга в прошлом Пожиратель смерти! Впрочем, этого стоило ожидать.

— Как это мы сразу не заподозрили? — заговорил он, раскинув умом. — Всё сходится! Помнишь, Малфой в поезде говорил, что его отец когда-то дружил с Каркаровым? Теперь ясно, где они познакомились. И наверное, это они ходили в масках на Кубке мира… Если это он подбросил твоё имя в Кубок, он остался в дураках, верно? План-то его не удался, у тебя всего лёгкая царапина! Иди сюда, Сычик, я сам всё сделаю.

Сычик пришёл в восторг от предложенной ему чести. С радостным уханьем он кружил вокруг Гарри. Рон его поймал, и Гарри привязал письмо к лапке.

— Самое трудное позади, на других турах уж

точно будет полегче, — говорил Рон, неся к окну Сычика. — Знаешь что? Думаю, тебе по силам выиграть Турнир. Серьёзно, Гарри.

Рон так говорит, чтобы загладить вину, но Гарри всё равно приятно. А Гермиона прислонилась к стене и, сложив руки, хмуро посмотрела на Рона.

— Впереди два тура. Если в первом были драконы, представляете, что будет дальше?

— По-твоему, никаких надежд? — возмутился Рон. — Ты иногда ничем не отличаешься от профессора Трелони. Пророчишь одни беды.

Он выпустил Сычика в окно. Тот пикировал метра четыре, но справился и полетел. Ноша была нелёгкая, столь длинных писем Гарри ещё не писал. Он во всех подробностях рассказал про сражение с драконом, как вызвал метлу, увернулся от пламени, раздразнил хвосторогу и как завладел яйцом.

Когда Сычика поглотила тьма, Рон сказал:

— Ладно, потопали вниз. В твою честь, Гарри, устроили вечеринку. Фред с Джорджем натаскали из кухни уйму еды.

Их появление гостиная встретила единодушным воплем приветствия. Столы, каминная полка, всё, что можно, заставлено кувшинами

с тыквенным соком, сливочным пивом, горами пирожных и другими лакомствами. Ли Джордан пускал влажные чудо-хлопушки доктора Фейерверкуса, и воздух заполнили разноцветные искры и звёзды. Дин Томас, признанный художник, нарисовал несколько плакатов — Гарри на «Молнии» кружится над хвосторогой. Ещё на двух — Седрик, с головой, объятой пламенем. Как раньше, сели все вместе.

Гарри взял еды: он порядком проголодался, ведь в последнее время кусок в горло не лез. Даже не верится в такое счастье — Рон рядом, первый тур позади, а до второго ещё целых три месяца!

— Чёрт, тяжёлое! — Ли Джордан взвесил на ладони золотое яйцо, оставленное Гарри на одном из столов. — Открой его, Гарри! Посмотрим-ка, что там внутри!

— Гарри должен сам отгадать загадку золотого яйца, — тут же вмешалась Гермиона. — Согласно правилам Турнира…

— Я должен был и про драконов ничего не знать, — шепнул ей Гарри так, чтобы никто не услышал. Гермиона виновато улыбнулась.

— Открой, Гарри! — несколько человек поддержало Ли.

Джордан протянул Гарри яйцо, опоясанное

тоненьким желобком, Гарри открыл ногтями: яйцо было полое и совершенно пустое. Комнату тут же прорезал жуткий, пронзительный вой. Гарри вспомнил — так играл на пиле оркестр привидений на юбилее Почти Безголового Ника.

— Закрой! — зажал уши Фред. Гарри захлопнул.

— Что это такое? — посмотрел на яйцо Симус Финниган. — Похоже на ведьму-банши. Может, тебе с одной из них предстоит сразиться?

— Словно кого-то пытают! — пролепетал побледневший Невилл, опрокинув на пол сосиски. — Наверное, к тебе применят заклятие Круциатус!

— Глупости, Невилл. Это противозаконно, — заявил Джордж. — Они не посмеют использовать Круциатус на чемпионах. Этот звук, клянусь, точь-в-точь пение Перси! Гарри, не с ним ли тебе предстоит сразиться? Представляю, та ещё сценка! Перси поёт в душе, а Гарри терпит его рулады!

— Гермиона, не изволишь взять тартинку с джемом? — предложил Фред, протягивая тарелку.

Гермиона поглядела на Фреда подозрительно.

— Не бойся, — улыбнулся Фред. — Не колдовал я над ним. Вот сливочных помадок лучше осте-

регаться.

А Невилл как раз отправил в рот помадку. Услышав слова Фреда, он поперхнулся и выплюнул нежное сладкое кушанье.

— Шутка, не переживай, Невилл! — рассмеялся Фред.

Гермиона взяла тартинку и спросила:

— Фред, ты всё это принёс с кухни?

— А то, — просиял Фред и тоненько пропищал, изображая домашнего эльфа. — «Сэр! У нас есть для вас всё! Всё, всё, всё!». Чертовски услужливы. Скажи я, что у меня живот от голода подвело, жареного бы гуся точно отвалили!

— А как ты туда проник? — невинным голосом поинтересовалась Гермиона.

— Проще простого. Там есть картина, корзинка с фруктами, за ней потайная дверь. Пощекочи грушу, та хихикнет, и… — Фред остановился и вопросительно посмотрел на Гермиону. — А чего это тебя так интересует?

— Ничего, — быстро сказала Гермиона.

— Собираешься вывести их через эту дверь? Организовать забастовку? — хмыкнул Джордж. — Надоело возиться с дурацкими листовками и хочешь теперь подстрекать их к восстанию?

Кое-кто хихикнул, Гермиона промолчала.

— Пожалуйста, не читай домовикам лекции о пользе одежды и зарплаты! Не расстраивай их! — воззвал к ней Фред. — Собьёшь с толку бедняг, и они перестанут готовить!

Обстановку разрядил Невилл — превратился в здоровенного кенаря.

— Прости меня, Невилл! — перекрывая всеобщий хохот, крикнул Фред. — Мы именно помадки заколдовали!

Чары оказались мимолётные. Невилл недолго красовался в золотом оперении. Минута-другая, и он уже смеётся вместе с другими.

— Канареечные помадки! — торжественно объявил Фред. — Наше с Джорджем изобретение! Семь сиклей порция — налетай!

Только в час ночи Гарри, Рон, Невилл, Симус и Дин отправились в спальню. Гарри поставил крошечную фигурку венгерской хвостороги на свою тумбочку. Дракончик зевнул, свернулся калачиком и закрыл глазки.

А Хагрид знал, что говорит, подумал Гарри, задёргивая полог. И вправду милое создание, даже очень…

Начало декабря принесло в Хогвартс ветер с мокрым снегом. Зимой по замку гуляют сквозняки, но в школе есть камины, толстые стены защи-

щают от холода. А каково гостям из Дурмстранга? Их корабль качается на волнах, чёрные паруса рвутся в суровое небо, да и в карете Шармбатона, наверное, не слишком жарко. Хагрид, заметил Гарри, не оставляет коней мадам Максим без ячменного виски — конюшня постоянно источала винные пары. На уроке ухода за волшебными животными весь класс был слегка навеселе. Это мешало. Они всё ещё работали с соплохвостами, и ясная голова была им очень нужна.

На ближайшем уроке Хагрид вывел их в огород к тыквенным грядкам. Было ветрено, все изрядно продрогли.

— Не очень ясно, впадают ли они в спячку, — сказал он. — Поместим их вот в эти ящики и поглядим, берёт их зимой дрёма или не берёт.

Соплохвостов осталось всего десять: страсть убивать друг друга прогулками не отшибло. Длина их приблизилась к трём метрам. Толстая стальная броня, мощные чешуйчатые лапы, огнедышащие сопла, жала и присоски — таких уродов Гарри никогда не видел. Хагрид принёс ящики, выложенные пуховыми одеялами и подушками, и класс в унынии уставился на них.

— Запустим их в ящики, — объяснял Хагрид. — Закроем крышками и глянем, что будет.

Соплохвосты и не думали впадать в спячку. В уютные ящики их загнали силой, крышки прибили гвоздями. Такой заботы соплы не оценили. Разнесли ящики, выскочили и давай носиться по тыквенным грядкам, усеянным дымящимися обломками дощечек.

— Не бойтесь! Не бойтесь! — кричал лесничий. Большинство, возглавляемое Малфоем, Крэббом и Гойлом, спрятались в хижине Хагрида и забаррикадировали заднюю дверь. Гарри, Рон, Гермиона и ещё человек пять поспешили на подмогу Хагриду. Ценой ран и ожогов скрутили девятерых соплохвостов. Остался один. Изогнув над головой подрагивающий хвост с соплом, он угрожающе надвигался на них. Гарри с Роном направили на него волшебные палочки.

— Не пугайте его! Не пугайте! — молил Хагрид. — Накиньте на хвост верёвку, не то он других зверушек поранит!

Но Рон с Гарри, прижавшись к стене хижины, продолжали искрами отражать атаку соплохвоста.

— Его напугаешь! — крикнул Рон.

— Ну и ну! Смешной эту сцену не назовёшь!

За смертельным номером, опершись на изгородь, наблюдала вездесущая Рита Скитер. Сегодня

на Рите был тёплый малиновый плащ с воротником из лилового меха, крокодиловая сумочка, как всегда перекинута через плечо.

Хагрид прыгнул вперёд и телом накрыл нападающего соплохвоста. Из хвоста зверя вырвалась струя огня, испепелив растущие рядом тыквы.

— Вы кто? — спросил Хагрид, набросив на хвост с соплом верёвку и затянув петлю.

— Рита Скитер. Репортёр из «Пророка», — улыбнулась, сверкнув золотыми зубами, ведьма.

— Так ведь Дамблдор сказал, что вам… э-э… запретили здесь появляться. — Хагрид нахмурился, спрыгнул со слегка помятого соплохвоста и потащил его к собратьям.

Рита сделала вид, что не слышит.

— Как называются эти восхитительные существа? — ещё шире улыбнулась она.

— Жгучие соплохвосты, — ответил Хагрид.

— Неужели? — проявила живейший интерес Рита. — Никогда о них не слышала. Откуда они?

Гарри заметил, как сквозь щетину лесника проступила краска. Действительно, где их раскопал Хагрид? Гермиона подумала о том же и быстро сказала:

— Правда, они очень интересные, Гарри?

— Что? Да, да. Очень интересные, — согласился

он: Гермиона наступила ему на ногу.

— Гарри! И ты здесь! — повернулась к нему Рита. — Тебе нравится уход за магическими существами? Это твой любимый предмет?

— Да, — твёрдо произнёс Гарри. Хагрид взглядом поблагодарил его.

— Мило. Очень мило. Давно преподаёте? — обратилась она к Хагриду.

Рита окинула глазами Дина с исцарапанной щекой, Лаванду и её прожжённую мантию, Симуса, который дул на пальцы, и обратила взор к окну хижины. В хижину набился чуть ли не весь класс. Мальчишки прижались носом к стеклу, ожидая завершения битвы.

— Второй год, — произнёс Хагрид.

— Мило… Думаю, вы не против интервью? Поделитесь опытом обращения с волшебными существами? Вы, наверное, знаете, в «Пророке» по средам выходит зоологическая колонка. Мы бы написали про этих… соплехвостов.

— Соплохвостов! — горячо поправил Хагрид. — Да… почему бы и нет?

Тяжёлое предчувствие сжало сердце Гарри. Но как предупредить Хагрида втайне от Риты? Никак! Стой и смотри, как они договариваются о неторопливом обстоятельном интервью через

неделю в «Трёх мётлах». В замке прозвенел звонок с урока, пора идти в Хогвартс.

— Пока, Гарри! — жизнерадостно крикнула вслед Рита Скитер. — Хагрид, встречаемся в пятницу вечером!

— Она все его слова переврёт, — тяжело вздохнул Гарри.

— Если только он не ввёз соплохвостов незаконно. — Троица переглянулась: это вполне в духе Хагрида.

— Хагрид бывал и не в таких передрягах, Дамблдор никогда его не уволит, — успокоил друзей Рон. — Худшее, что случится — Хагрид расстанется с соплохвостами. Что я говорю! Худшее? Да это самое лучшее!

Гарри с Гермионой рассмеялись, на душе стало легче, и друзья поспешили обедать.

Зато на прорицаниях Гарри повеселился вовсю; они всё ещё чертили звёздные карты и делали по ним предсказания. Но теперь друг опять рядом и всё видится совсем в другом свете. До ссоры профессор Трелони была очень довольна ими — они так лихо предсказывали себе мучительную смерть. Сегодня же они то и дело прыскали, слушая о проделках Плутона, портящего людям жизнь. И витавшая в небесах профессор Трелони

начала раздражаться.

— Я думаю, — говорила Трелони замогильным голосом, — кто-то вёл бы себя не столь легкомысленно, если бы узрел то же, что я прошлой ночью в магическом кристалле. Вчера вечером я сидела, погруженная в рукоделие, как вдруг ощутила внезапный порыв. Я встала, села перед шаром и устремила взор в его кристальные глубины. И увидела, что кто-то на меня глядит. Как, по-вашему, кто?

— Старая безобразная мышь в огромных очках? — закатив глаза, прошептал Рон.

Гарри изо всех сил пытался сохранить серьёзную мину.

— Смерть, дорогие мои, смерть…

Парвати и Лаванда в ужасе прижали ладони ко рту.

— Да, — выразительно кивнула профессор Трелони. — Она кружила над замком, спускалась всё ниже, ниже… Как хищная птица…

Трелони в упор взглянула на Гарри; тот, не скрывая, зевнул во весь рот…

Урок закончился, и Гарри с Роном, спустившись по верёвочной лестнице, с наслаждением вобрали в лёгкие свежий воздух.

— В сотый раз узрела мою смерть! Да если бы я

умирал каждый раз после её предсказания, я был бы уже медицинским чудом.

— Чем-то вроде привидения повышенной плотности, — со смехом добавил Рон. Мимо них прошествовал Кровавый Барон, его широко раскрытые глаза зловеще сверкнули. — Слава Богу домашнее задание сегодня не надо делать. Хорошо бы Гермионе Вектор дала гору заданий. Люблю бездельничать, когда она работает.

Но Гермиона не пришла ужинать, в библиотеке её тоже не оказалось. Там был только Виктор Крам. Рон слонялся вдоль книжных полок, поглядывая на Крама и шёпотом советуясь с Гарри, не попросить ли у него автограф. У соседних полок несколько девушек были озабочены тем же. И у Рона мигом пропал интерес. Из библиотеки пошли обратно в башню.

— Куда же она подевалась? — недоумевал Рон.

— Не знаю. — Гарри пожал плечами и прибавил: — «Чепуха!»

Едва Полная Дама стала вращаться, сзади послышались частые шаги.

— Гарри! — позвала Гермиона, остановившись на всём ходу: у Полной Дамы брови поползли вверх. — Гарри, пойдём со мной! Быстрее, ты просто обязан туда пойти! Случилось что-то неве-

роятное! Пожалуйста, идём!

Гермиона схватила его за руку и потащила в коридор.

— Да что случилось? — спросил Гарри.

— Идём, я тебе покажу такое! Скорее!

Гарри посмотрел на Рона, тот был явно заинтересован.

— Ладно, идём. — Гарри ступил в коридор за Гермионой. Рон поспешил следом.

— Вы про меня забыли! — возмутилась Полная Дама. — Не принесли извинений за беспокойство! Мне что, теперь так и стоять, раскрыв проход, пока не вернётесь?

— Спасибо, — бросил Рон через плечо.

Миновав семь этажей, по мраморной лестнице спустились в холл.

— Гермиона, куда мы идём? — спросил Гарри.

— Минута, и сами увидите! — последовал возбуждённый ответ.

Сойдя с последней ступеньки, она ринулась в дверь, где исчез Седрик Диггори в тот вечер, когда Кубок выбросил их имена. Гарри никогда здесь не был. Ступеньки кончались в подземном коридоре, но не мрачном, вроде того, что вёл к Снеггу, а широком, ярко освещённом факелами. Стены украшали весёлые картинки с едой.

— Постой, — сказал Гарри в середине коридора, — подожди-ка секунду.

— Что? — Она взглянула на него глазами, полными предвкушения.

— Ну, теперь мне всё ясно.

Он толкнул Рона и показал на картину за Гермионой. На огромном серебряном блюде красовались фрукты.

— Гермиона! — всплеснул руками Рон. — Ты опять хочешь втянуть нас в это ГАВНЭ!

— Нет, нет! Что ты! — поспешно возразила Гермиона. — И это никакое не ГАВНЭ, Рон…

— Ага, переименовала небось? — прищурился Рон. — Как мы теперь зовёмся? Фронт Освобождения Рабского Труда? С меня хватит! Не пойду на кухню. Пусть работают…

— Мы не для этого туда идём! — нетерпеливо оборвала Гермиона. — Я только что была тут, поговорила с ними. И я встретила… Гарри, быстрее! Сейчас ты сам увидишь!

Она снова схватила Гарри за руку, подтащила к картине с фруктами и пощекотала указательным пальцем зелёную грушу. Та захихикала и вдруг превратилась в большую зелёную дверную ручку. Девочка дёрнула её, дверь распахнулась, и Гермиона с силой толкнула Гарри в спину.

Влетев внутрь, Гарри огляделся. Очень высокий потолок, а сама кухня такая же, как Большой зал. Вдоль каменных стен башни начищенных до блеска кастрюль и сковородок, в дальнем конце исполинский кирпичный очаг. Из недр кухни к Гарри с визгом подкатило маленькое существо.

— Сэр Гарри Поттер! Сэр Гарри Поттер!

У Гарри перехватило дыхание — пищащий эльф ударил его под рёбра и крепко обнял, чуть не поломав кости.

— Добби?! — воскликнул Гарри, придя в себя.

— Да, да! Добби, сэр! Это Добби! — верещал голосок на уровне его пояса. — Добби так мечтал, так надеялся увидеть сэра Гарри Поттера, и сэр Гарри Поттер пришёл к нему в гости!

Добби отпустил его и отступил назад. Зелёные, большущие, как теннисный мяч, глаза от радости подёрнулись слезами. Он почти не изменился; острый, как карандаш, нос, уши словно у летучей мыши, длинные пальцы и ступни. Вот только одежда совсем другая.

Живя у Малфоев, Добби ходил в старой-престарой наволочке. Сейчас же домовик вырядился весьма странным образом. Нацепил бог знает что, почище волшебников на Чемпионате мира. На голове вместо шапки баба, которую сажают

на чайник, к ней приколоты яркие значки; на голой груди галстук с узором из подков; что-то вроде детских футбольных шорт и разномастные носки. Один из них, чёрный, Гарри снял когда-то со своей ноги и обманным путём заставил Малфоя швырнуть его Добби, чем и освободил эльфа. Другой носок — розовый в оранжевую полоску.

— Добби, что ты тут делаешь? — опешил Гарри.

— Добби пришёл работать в Хогвартс, сэр! — выпалил Добби. — Профессор Дамблдор дал Добби и Винки работу, сэр!

— Винки? — переспросил Гарри. — Она тоже здесь?

— Да, да, сэр! — Добби схватил Гарри за руку и потащил в глубь кухни между длинными деревянными столами. Их было четыре, каждый стоял точно под столами в Большом зале. Сейчас они пусты, ужин кончился, но, наверное, час назад ломились от блюд, доставляемых наверх через кухонный потолок.

Сотня маленьких эльфов выстроились вдоль стен кухни, гостеприимно кланяясь и приседая, когда Добби вёл мимо них Гарри. На всех одинаковое одеяние — полотенце с гербом Хогвартса, повязанное в виде тоги, так была когда-то одета

Винки.

— Винки, сэр! — произнёс Добби, остановившись у кирпичного очага.

Винки сидела на табуретке у очага. В отличие от Добби, одета она была просто. Короткая юбка и блузка в тон синей шляпе с прорезями для ушей. В отличие от Добби, в чудаковатом, но чистом, аккуратном и с иголочки новом наряде, Винки явно не заботилась о своей одежде. Блузка в пятнах супа, на юбке прожжена дырка.

— Привет, Винки! — поздоровался Гарри.

Винки задрожала, и слёзы фонтаном брызнули из её огромных карих глаз, залив блузку. Точно так же, как на Чемпионате мира по квиддичу.

Гермиона с Роном вслед за Гарри и Добби прошли в конец кухни.

— Винки, — молвила Гермиона, — Винки, дорогая, не плачь, пожалуйста…

Но та зарыдала ещё сильней, Добби же обратил сияющий взор на Гарри.

— Не изволит ли Гарри Поттер чашку чая? — громко пискнул он, перекрывая плач Винки.

— Не отказался бы.

В мгновение ока позади Гарри запрыгали шесть домовиков, неся большой серебряный поднос с чайником, тремя чашками, а также молочником

и блюдом, полным пирожных.

— Вот это обслуживание! — воскликнул Рон. Гермиона метнула на него гневный взгляд, но эльфы были явно счастливы. Низко поклонившись, они удалились, а Добби принялся разливать гостям чай.

— Давно ты здесь, Добби? — спросил Гарри, принимая чашку.

— Всего неделю, сэр Гарри Поттер! — лучезарно улыбнулся эльф. — Добби пришёл к профессору Дамблдору, сэр. Вы не представляете, сэр, как тяжело домовому эльфу, которого уволили, найти новое место! Так трудно, сэр! Вправду, очень трудно!

При этих словах Винки взвыла ещё громче. Её нос походил на перезрелый помидор, блузка промокла насквозь, но она и не думала остановиться.

— В поисках работы, сэр, Добби два года бродяжничал по стране! — причитал бывший домовик Малфоев. — Но так и не нашёл работу, сэр, потому что Добби требовал зарплату!

Эльфы слушали с живым интересом, а тут дружно отвернулись, словно Добби сказал что-то грубое и непристойное.

Гермиона похвалила домовика:

— Молодец, Добби! Никто не должен работать бесплатно!

— Благодарю вас, мисс! — улыбнулся Добби. — Но волшебникам не нужны домовые эльфы, которые просят зарплату, мисс. Они говорили, это не пристало порядочным эльфам, и хлопали дверью перед носом Добби! Добби любит работать, но хочет носить наряды и получать деньги, сэр Гарри Поттер, за свой труд… Добби — свободолюбивый эльф!

Хогвартские домовики отпрянули от Добби, как от прокажённого. Только Винки осталась на месте, рыдая ещё пуще.

— Однажды Добби нанёс визит Винки и увидел, что она тоже свободна! — расцвёл Добби.

Тут Винки бросилась с табуретки и, упав ничком на каменные плиты, заколотила по полу крошечными кулачками. Гермиона встала рядом с ней на колени и принялась успокаивать, но Винки была безутешна.

Её истошные вопли заполнили кухню, и Добби продолжал повествование на пронзительной ноте.

— Добби пришла в голову мысль, сэр Гарри Поттер! Почему бы Добби и Винки вместе не поискать работу. А Винки спросила: «Разве есть

где работа для двух домовиков?» И Добби стал думать, и его осенило — Хогвартс! И Добби с Винки пришли к профессору Дамблдору, сэр, и профессор Дамблдор взял нас!

Добби весь искрился от восторга, на глазах выступили слёзы счастья.

— Профессор Дамблдор сказал, ежели Добби хочет зарплату, он получит зарплату, сэр! И вот Добби — свободный эльф. Добби получает один галеон в неделю и один выходной в месяц!

— Но это же крохи! — возмутилась Гермиона, наклонившись над Винки, которая всё ещё голосила и стучала кулачками.

— Профессор Дамблдор предложил Добби десять галеонов в неделю и два выходных! — По тельцу домовика пробежала дрожь, словно такое богатство и праздность напугали его. — Но Добби отказался, мисс. Добби свободолюбивый эльф, но много денег ему не нужно, мисс. Добби просто любит трудиться!

— Винки, сколько платит тебе профессор Дамблдор? — ласково спросила Гермиона.

Она очень заблуждалась, думая, что этот вопрос улучшит настроение бедняжке. Винки перестала плакать, села, подняла на Гермиону огромные карие глаза, и её мокрое лицо преисполнилось

гневом.

— Да, Винки — запятнавший себя эльф! Но Винки зарплату не требует! — пропищала она. — Винки так низко не пала! Винки очень-очень стыдно быть свободной!

— Стыдно? — недоумённо переспросила Гермиона. — Винки, бог с тобой! Это мистеру Краучу должно быть стыдно, а не тебе! Ты не сделала ничего дурного! Он ведь ужасно к тебе относился!

Винки поднесла руки к прорезям в шляпе и плотно зажала уши.

— Вы оскорбить моего хозяина, мисс! Не надо обижать мистера Крауча! Мистер Крауч хороший волшебник, мисс! Мистер Крауч правильно поступил, уволив гадкую Винки!

— Винки никак не привыкнет к свободе, сэр Гарри Поттер, — шепнул Добби. — Винки забыла, что больше не зависит от мистера Крауча: может говорить всё, что хочет. А она так и держит рот на замке.

— Значит, домовым эльфам нельзя высказывать мнение о своём хозяине? — спросил Гарри.

— Это другое, сэр Гарри Поттер, — неожиданно Добби стал серьёзным. — Эльфы — рабы и потому не имеют права. Мы храним родовую честь хозяина, храним его тайны, сказать о хозяине дурное

слово — ни-ни. А профессор Дамблдор говорит, мы вправе…

Добби занервничал и поманил Гарри.

— Он сказал Добби: хочешь, можешь звать меня старым, глупым, смешным чудаком, сэр! — смущённо шепнул Добби и испуганно хихикнул. — Но Добби не хочет, Гарри Поттер, — снова запищал он, тряся головой и хлопая ушами. — Добби очень, очень сильно любит профессора Дамблдора, сэр, и с гордостью хранит его тайны.

— А про Малфоев теперь можешь говорить? — улыбнулся Гарри.

В больших глазах Добби мелькнул испуг.

— Добби… Добби может, — неуверенно протянул он и гордо расправил узкие плечи. — Добби скажет Гарри Поттеру. Его старые хозяева были… были… плохие, Тёмные маги!

На какой-то миг Добби застыл, дрожа от собственной дерзости. Затем бросился к столу и что было сил забился об него головой, приговаривая:

— Добби плохой! Добби плохой!

Гарри схватил домовика за галстук и оттащил от стола.

— Благодарю, сэр Гарри Поттер, благодарю, — с придыханием проговорил Добби, потирая голову.

— Ты и сам ещё не свыкся со свободой, — сказал Гарри.

— Не свыкся! — гневно пискнула Винки. — Постыдись, Добби! Как ты смеешь говорить такое о своих хозяевах!

— Они больше мне не хозяева, Винки! — с вызовом произнёс Добби. — Добби теперь не волнует, что они скажут!

— Ты плохой эльф, Добби! — простонала Винки, и слёзы опять покатили из её глаз. — Бедный мой мистер Крауч! Как он обходится без Винки? Ему очень трудно без меня, без моей помощи! Я всю свою жизнь ухаживать за Краучами, до меня моя мама ухаживать, до неё моя бабушка… Что бы они сказали, узнай о свободной Винки? Позор, какой позор! — Она спрятала лицо в юбку и опять зарыдала.

— Винки, — твёрдо произнесла Гермиона, — поверь мне, мистер Крауч прекрасно обходится без тебя. Мы недавно его видели…

— Вы видеть моего хозяина?! — ахнула Винки. Оторвав от юбки заплаканное лицо, она вытаращилась на Гермиону. — Здесь, в Хогвартсе?

— Да, — кивнула Гермиона. — Он и мистер Бэгмен — судьи Турнира Трёх Волшебников.

— Мистер Бэгмен тоже приехать? — пискнула

Винки и, к немалому удивлению Гарри с друзьями, рассердилась. — Мистер Бэгмен плохой волшебник! Очень плохой волшебник! Мой хозяин его не любит! Совсем не любит!

— Бэгмен плохой? — удивился Гарри.

— Да, — подтвердила Винки, глаза её возмущённо засверкали. — Мой хозяин такое рассказал Винки! Но Винки его не выдаст! Винки умеет хранить секреты! Бедный хозяин, бедный мой хозяин! Винки больше не может ему помочь! — снова зашлась в рыданиях Винки.

Ни одного разумного слова больше не удалось от неё добиться. Друзья оставили страдалицу и сели пить чай. Добби беспечно болтал о своей жизни свободного эльфа, о том, какую обновку хочет купить.

— Добби мечтает о свитере, Гарри Поттер! — радостно возвестил он, ткнув пальцем в голую грудь.

— Слушай, Добби, — предложил Рон, которому эльф очень понравился. — Я отдам тебе свой свитер. Мама связала его на Рождество. Она всегда мне их дарит. Тебе нравится коричневый цвет?

Добби просиял.

— Мы уменьшим его для тебя, — продолжал Рон. — Он очень подойдёт к твоему головному

убору.

Друзья собрались уходить, эльфы окружили их, предлагая с собой всякую еду. При виде того, как они кланяются и приседают, Гермиона со страдальческим лицом отказалась. А Гарри с Роном без зазрения совести набили карманы пирожками и пирожными.

— Большое спасибо! — крикнул Гарри эльфам, дружной толпой шедшим за ними до дверей. — Пока, Добби!

— Гарри Поттер, а Добби можно приходить повидаться с вами, сэр? — робко спросил свободный эльф.

— Конечно, Добби, приходи, — ответил Гарри, и Добби подпрыгнул от радости.

— Знаете что? — уже на лестнице сказал Рон. — Я всё время поражался, как это Фред с Джорджем ухитряются красть столько еды? А выходит, проще простого. Домовики жаждут тебя засыпать вкусностями!

— Этим эльфам очень повезло, что теперь у них есть Добби, — заметила Гермиона, ведя друзей к мраморной лестнице. — Они своими глазами увидят, как хорошо живётся свободному домовику, и мало-помалу до них дойдёт, что и они тоже так могли бы!

— Осталось надеяться, что они не станут слишком пристально присматриваться к Винки, — сказал Гарри.

— Она скоро перестанет плакать, — с некоторым сомнением произнесла Гермиона. — Шок пройдёт, и Винки привыкнет к Хогвартсу. Без Крауча ей будет гораздо лучше.

— Но ведь она его любит, — проговорил Рон, жуя пирожное.

— Но почему ей не нравится Бэгмен? — спросил Гарри. — Интересно, что Крауч про него говорил?

— Наверное, что глава департамента из него неважный, — предположил Рон. — Но у Бэгмена хоть чувство юмора есть.

— Не скажи это при Перси, — улыбнулась Гермиона.

— Да уж, не скажу. Перси ни за что не стал бы работать с человеком, обладающим чувством юмора, — согласился Рон, принимаясь за шоколадный эклер. — Перси шуток вообще не понимает. Хоть спляши перед ним в одной шляпе Добби, всё равно ноль внимания.

Глава 22
Неожиданная задача

— Поттер! Уизли! Будьте добры, выслушайте объявление!

Возмущённый голос профессора МакГонагалл ударом кнута рассёк воздух. Гарри с Роном подпрыгнули, оторвавшись от игры, которую затеяли в самом конце урока трансфигурации. Друзья уже сделали, что полагалось: превратили цесарку в морскую свинку, вернули в изначальный вид, и она опять заперта в клетке, стоящей на учительском столе. И они уже списали с доски домашнее задание (опишите способы, применяемые в трансформациях при межвидовых превращениях). Звонок вот-вот прозвенит, и Гарри с Роном, забыв обо всём, сражались на «мечах» — игрушечных волшебных палочках, изобретённых Фредом и Джорджем: у Рона в руке жестяной попугай, у Гарри — резиновая треска.

— Поттер и Уизли в кои-то веки порадовали нас: наконец-то ведут себя соответственно возрасту, — выговаривала профессор. В этот момент голова трески оторвалась и мягко шлёпнулась

на пол — попугай Рона секунду назад отсёк её. — Объявление касается всех. Приближается Святочный бал, традиционная часть Турнира Трёх Волшебников. На балу мы должны завязать с нашими гостями дружеские и культурные связи. Бал для старшекурсников, начиная с четвёртого курса, хотя, конечно, вы имеете право пригласить бального партнёра и с младших курсов…

Лаванда Браун во всеуслышание прыснула. Парвати Патил ткнула её в бок, едва сдерживая смех, так что рот перекосился, и обе уставились на Гарри. Профессор МакГонагалл и бровью не повела. Вопиющая несправедливость, обиделся Гарри: им с Роном только что от неё досталось, хотя ничего такого они не сделали.

— Форма одежды — парадная, — продолжила МакГонагалл. — Бал начнётся в восемь часов вечера в первый день Рождества в Большом зале. Окончание бала в полночь. И ещё несколько слов… — Профессор МакГонагалл окинула класс выразительным взглядом. — На Святочные балы, конечно, приходят с распущенными волосами, — проговорила она с явным неодобрением.

Лаванда ещё громче хихикнула. На этот раз Гарри понял, что её рассмешило: профессор трансфигурации всегда носила тугой пучок на

затылке, не позволяла себе ходить распустёхой в прямом и переносном смысле.

— Это, однако, не значит, — профессор строго оглядела класс, — что мы ослабим правила поведения, которые предписаны студентам Хогвартса. Я буду очень, очень недовольна, если кто-нибудь из вас их нарушит.

Прозвенел звонок. Класс зашумел, заторопился на перемену, прятали учебники в сумки, сумки закидывали через плечо.

Профессор МакГонагалл, стараясь перекричать шум, попросила Гарри ненадолго задержаться.

Решив, что ему предстоит головомойка за обезглавленную треску, Гарри мрачно проследовал к учительскому столу.

Подождав, пока весь класс уйдёт, профессор МакГонагалл сказала:

— Чемпионы, Поттер, и их партнёры…

— Какие партнёры?

Профессор подозрительно глянула на него, как будто ожидала насмешки.

— Партнёры для Святочного бала, — сказала она строго. — Другими словами, партнёры для танца.

У Гарри внутри что-то ёкнуло и оборвалось.

— Партнёры для танца? — Он покраснел до

ушей и поспешно прибавил: — Я не танцую.

— Придётся! — Профессор опять стала сердиться. — В Хогвартсе существует традиция: бал открывают чемпионы в паре с выбранным партнёром.

Гарри вдруг представил себя в цилиндре и фраке, и его сопровождает девушка вся в оборках и бантиках: так наряжалась тётя Петунья, собираясь на приём, устраиваемый фирмой дяди Вернона.

— Я не танцую, — повторил он.

— Но такова традиция, — твёрдо заявила профессор МакГонагалл. — Ты чемпион Хогвартса и будешь делать то, что положено его представителям. Так что подумай, пожалуйста, о партнёрше.

— Но я…

— Ты слышал, что я тебе сказала? — не допускающим возражения тоном проговорила МакГонагалл.

Неделю назад Гарри сказал бы, что найти партнёра для бала — пустячное дело, не чета поединку с драконихой. Но после поединка он согласился бы ещё на десять схваток. Пригласить на бал девушку! Страшнее ничего не придумаешь.

В этом году многие ученики не поехали домой на рождественские каникулы. Он-то, конечно,

всегда оставался, не ехать же в самом деле на Тисовую улицу. Но в прежние годы оставшихся можно было по пальцам пересчитать. Нынче из старшекурсников не уехал никто. И все помешаны на Святочном бале, по крайней мере девчонки. Сколько же их в Хогвартсе! Он только теперь это заметил. И все они шептались и хихикали по закоулкам замка, давились смешками, если мимо проходил мальчик. А сколько волнений и разговоров о нарядах для предстоящего праздника!

— И что они ходят все вместе? — спросил Гарри у Рона, увидев стайку девочек, которые поглядывали на Гарри, хихикая. — Как тут к одной подойти и пригласить?

— Может, оттащить её в сторону с помощью лассо? — предложил Рон. — Ты уже выбрал, кого заарканить?

Гарри не ответил. Выбрать-то он выбрал, а пригласить не хватает духу. Чжоу на год старше его, и такая красивая! Да ещё играет в квиддич. В общем, пользуется огромным успехом.

Но Рон, кажется, подозревал, что творится в душе у Гарри.

— Знаешь что, — сказал он, — тебе нечего волноваться. Ты — чемпион. Ты только что победил

венгерскую хвосторогу. Спорим на что хочешь, у тебя от девчонок отбоя не будет?

Помня о недавней ссоре, Рон изо всех сил старался подавить прорывающуюся горечь. Но самое интересное — Рон оказался прав.

На другой же день третьекурсница-пуффендуйка в кудряшках, с которой Гарри ни разу и словом не перемолвился, пригласила его на бал. Он был так поражён, что у него непроизвольно вырвалось «нет», не успел он остановиться и осмыслить происшедшее. Девочка, надув губы, отошла, а Рон, Симус и Дин весь урок истории магии над ним подтрунивали. Через день Гарри получил ещё два приглашения — от второкурсницы и, к своему ужасу, от пятикурсницы, у которой был такой мощный вид, что он даже испугался — откажет он ей, и она пошлёт его в нокаут.

— А она хорошенькая, — отдал ей должное Рон, перестав смеяться.

— Она выше меня на голову, — никак не мог прийти в себя Гарри. — Только вообрази, как я буду выглядеть с ней в паре!

Ему вспомнились слова Гермионы, сказанные про Крама: «Он им нравится только потому, что он чемпион». И Гарри часто думал: пошли бы эти девчонки с ним на бал, не будь он чемпионом? А

однажды спросил себя: пригласи его Чжоу пришли бы ему на ум эти слова Гермионы?

Но в целом, должен был признаться Гарри, несмотря на неотвратимо надвигающийся бал, жизнь его решительно изменилась к лучшему. И причина этому — золотое яйцо, похищенное у хвостороги. Он почти не сталкивался в коридорах с открытым недружелюбием. Скорее всего, этим Гарри обязан Седрику. Наверняка он вправил мозги пуффендуйцам в благодарность за спасительную подсказку. Уменьшилось и число значков с призывом поддержать Диггори. Драко Малфой, конечно, не упустил случая подразнить его выдержками из статьи Риты Скитер, но они вызывали всё меньше смеха. И ещё одна радость — статья о Хагриде в «Пророке» не появилась.

— Ей мало дела до магических животных, — сказал Хагрид друзьям на последнем уроке осеннего семестра, когда они спросили, как прошло интервью. К их огромному облегчению, Хагрид отказался от прямого общения учеников с соплохвостами. Теперь они просто сидели за верстаками, отгороженные от зловредных созданий хижиной Хагрида, и готовили для них свежие кушанья. — Она выпытывала всё, что можно, про Гарри, — продолжал Хагрид, понизив

голос. — Я ей сказал, что мы друзья с того самого дня, как я тебя… э-э… от Дурслей спас. «Вы ни разу не пожалели об этом? — спросила она и прибавила: — А он ни разу не оскорбил вас на уроках?» Я ответил: ни разу. У неё даже лицо скривилось. Хотела, наверное, услышать, что ты, Гарри, отпетый негодяй.

— Конечно, хотела, — бросил Гарри куски драконьей печени в большой металлический таз и опять взял нож: кусков явно мало. — Сколько можно писать о маленьком храбром герое-мученике! От таких статей мухи дохнут.

— Ищет новый подход к любимой теме, — мудро заметил Рон, снимая скорлупу с яиц саламандры. — Она, верно, ожидала услышать, что Гарри — несовершеннолетний преступник с мозгами набекрень.

— Но это же не так! — простодушный Хагрид был потрясён.

— Ей бы взять интервью у Северуса Снегга, — мрачно заметил Гарри. — Вот уж кто снабдил бы её вожделенным материалом. «С первого дня появления в школе Поттер только и делает, что нарушает правила…»

— Это он так сказал? — изумился Хагрид, а Рон с Гермионой, не выдержав, рассмеялись. — Ко-

нечно, это с тобой случается, но на самом-то деле ты ведь хороший, да?

— Ну, конечно, хороший! Не огорчайся! — улыбнулся Гарри.

— Ты пойдёшь на Святочный бал? — спросил Хагрида Рон.

— Думаю заглянуть… — прохрипел Хагрид. — Будет, наверное, на что посмотреть. Ты ведь, Гарри, открываешь бал? То есть все чемпионы… А ты кого пригласил?

— Пока ещё никого. — Гарри залился краской. И Хагрид деликатно перестал расспрашивать.

Последние дни семестра были на редкость шумными. Какие только слухи не витали по замку о предстоящем бале. Гарри и половине не верил. Поговаривали, например, что Дамблдор купил у мадам Розмерты восемьсот бочек хмельной медовухи. Но то, что приглашена группа «Ведуньи», было истинной правдой. Кто такие «Ведуньи», Гарри понятия не имел, ведь в доме Дурслей не было волшебного радио. Но судя по ажиотажу среди выросших под музыку ВРВ (Волшебного Радиовещания), это был сверхзнаменитый ансамбль.

Некоторые учителя, среди них и крошка Флитвик, махнули рукой на старшекурсников, ополо-

умевших от предстоящего бала. Он позволил на своём уроке в среду играть кто во что горазд, а сам беседовал с Гарри о блестящем применении Манящих чар в его поединке с драконом. Другие учителя подобного понимания не проявили. Ничто не могло отвлечь профессора Бинса от истории магии, даже собственная смерть, тем более такой пустяк, как Святочный бал. И как только ему удавалось превратить кровавые, жестокие восстания гоблинов в рассказ, равный по скуке докладу Перси о днищах волшебных котлов? МакГонагалл и Грюм заставляли студентов работать на уроке до последних минут. И конечно, Снегг скорее бы усыновил Гарри, чем позволил бездельничать в лаборатории зельеварения. Окинув класс не предвещающим ничего доброго взором, он сообщил, что на последнем уроке будет контрольная по противоядиям.

— До чего вредный тип! — возмущался Рон в тот день вечером. — Обрушить на нас такую контрольную! Столько придётся зубрить! Испортил последние дни перед Рождеством!

— М-м… Ты, кажется, не очень себя утруждаешь, — сказала Гермиона, глядя поверх стопки книг на Рона, который строил карточный замок из взрывчатых карт — занятие куда более рис-

кованное, чем возведение домиков из обычных карт маглов: волшебная колода могла в любую минуту взорваться.

— Но это ведь Рождество, Гермиона, — благодушно заметил Гарри, в десятый раз перечитывая «Полёт с „Пушками Педдл“», придвинувшись к камину.

Гермиона и его окинула укоризненным взглядом.

— А я-то думала, ты займёшься другим, более полезным делом, — сказала она, — раз уж тебе так отвратительны противоядия.

— Каким, например? — спросил Гарри, следя за тем, как Джоуи Дженкинс из «Пушек» метнул бладжер в охотника из команды «Упыри из Лоддикастла».

— Загадкой яйца!

— Да успокойся, Гермиона. У меня уйма времени до двадцать четвёртого февраля.

После первого тура Гарри спрятал золотое яйцо к себе в чемодан и с тех пор ни разу его не вынимал. Впереди два с половиной месяца — ещё успеет понять, что означают скрип и визг под золотой скорлупой.

— Но, может, для разгадки нужны недели и недели. Представь себе, все додумаются, в чём

состоит вторая задача, а ты нет. Вид у тебя будет идиотский.

— Гермиона, оставь Гарри в покое. Он заслужил хотя бы короткий отдых, — вмешался Рон, пристроив две последние карты на замок. Конструкция вдруг взорвалась, опалив ему брови.

— Красиво выглядишь, Рон, — подсели к друзьям близнецы, — под стать парадному костюму, — пошутили они, глядя, как Рон пытается на ощупь оценить нанесённый взрывом урон.

— Можно, Рон, воспользоваться твоим Воробушком? — спросил Джордж.

— Нет, он улетел с очередным письмом. А зачем вам?

— Джордж хочет пригласить его на бал, — со свойственным ему юмором заметил Фред.

— Надо отправить письмо, безмозглая твоя голова, — пояснил Джордж.

— И кому это вы оба всё время пишете? — поинтересовался Рон.

— Не суй нос куда не надо. А то и его подпалишь, — пригрозил Фред волшебной палочкой. — Ну что, обзавелись уже парой для танцев?

— Нет.

— Поспешите. А то всех красавиц разберут, и вам с Гарри ничего не достанется.

— А ты с кем пойдёшь? — спросил Рон.

— С Анджелиной, — без тени смущения сообщил Фред.

— Что? — изумился Рон. — А ты её уже пригласил?

— Хороший вопрос! — Фред повернул голову и крикнул через всю гостиную: — Анджелина!

Анджелина, стоя у камина, беседовала с Алисией Спиннет.

— Что? — ответила она, посмотрев в сторону Фреда.

— Пойдёшь со мной на бал?

Анджелина оценивающе взглянула на него.

— Пойду, — ответила она, улыбнувшись, и продолжила прерванную беседу.

— Ну вот, видите, — сказал Фред, — как всегда везёт.

Он встал, зевнул и сказал Джорджу:

— Пойдём возьмём школьную сову.

И близнецы ушли. Рон перестал ощупывать опалённые брови, поглядел на дымящиеся развалины карточного замка и перевёл взгляд на Гарри.

— Он прав, Гарри. Пора что-то делать… а то останутся одни тролли.

— Кто-кто останется, простите? — вспыхнула

Гермиона.

— Ну, знаешь… — Рон пожал плечами. — Я лучше пойду один, чем, например, с этой… Элоизой Миджен.

— У неё прыщей почти уже нет. И она очень хорошая!

— У неё нос не в середине лица!

— Понятно! — Гермиона опять ощетинилась. — Вот какие у тебя принципы. Ты пригласишь самую красивую девушку — конечно, которая пойдёт с тобой, — пусть даже она и полная идиотка?

— Да, наверное…

— Ладно, я пошла спать, — сказала Гермиона, сгребла свои записки и, не прибавив больше ни слова, почти бегом отправилась к себе в спальню.

* * *

Администрация школы, обуреваемая желанием поразить гостей из Шармбатона и Дурмстранга, проявила небывалую изобретательность. Замок никогда ещё не выглядел так нарядно. Нетающие сосульки свисали с перил мраморной лестницы, традиционные двенадцать ёлок Большого зала увешаны светящимися желудями, живыми

ухающими совами из чистого золота и другими волшебными игрушками. Рыцарские доспехи пели рождественские гимны. А Пустой Шлем радостно призывал: «О, чистые души, стекайтесь во храм…» К сожалению, он помнил только половину этого гимна, возвещающего рождение Господа. Завхоз замка Филч раз десять извлекал из доспехов Пивза, откуда тот между гимнами распевал песни собственного сочинения и весьма грубого содержания.

Гарри пока так и не пригласил на бал Чжоу. Они с Роном совсем извелись, хотя Гарри и уверял друга, что с девушкой вид у него на балу будет и впрямь дурацкий. А Гарри волей-неволей придётся обзавестись девушкой — ему ведь открывать бал.

— На худой конец, есть Плакса Миртл, — мрачно пошутил он. Привидение Миртл обитало на третьем этаже в женском туалете.

— Гарри, — решительно заявил Рон в пятницу утром, — мы должны, стиснув зубы, совершить этот подвиг. — Он говорил так, словно речь шла о взятии неприступной крепости. — Давай дадим слово, к вечеру точка должна быть поставлена.

— Угу, — кивнул Гарри. — Будет.

Но ни разу за весь тот день Гарри не застал

Чжоу одну, ни в обед, ни на переменах. Он столкнулся с ней по дороге на урок истории, но она была опять в окружении подружек. Неужели она никуда не ходит одна? Может, напасть на неё у дверей в туалет? Но она и туда идёт не одна. Если, однако, в ближайший час он не пригласит её, она, конечно, будет приглашена другим.

На контрольной у Снегга он никак не мог сосредоточиться и забыл добавить главную составную часть в противоядие. Но сейчас ему всё равно. Нужно набраться храбрости — будь что будет — и пригласить Чжоу. Едва прозвонил звонок, он схватил сумку и бегом к лестнице из подземелья.

— Встретимся за ужином, — крикнул он Рону с Гермионой и помчался, прыгая через две ступеньки, наверх.

Он просто подойдёт к ней и подзовёт на пару слов. Всего-то навсего… Он обегал несколько коридоров, по которым всюду сновал народ. И наконец (раньше, чем ожидал!) увидел её — она выходила с урока защиты от Тёмных искусств.

— Чжоу! Можно тебя на два слова?

Конечно, подруги Чжоу снова стали хихикать. Это гнусное хихиканье должно быть запрещено законом! Чжоу, однако, не захихикала.

— Конечно, — сказала она и отошла с ним на

приличное расстояние от девчонок.

Гарри взглянул на неё, и душа у него ушла в пятки.

— М-м, — начал он. Нет, он не может её пригласить. Не может! Но должен! Чжоу стояла и недоумённо смотрела на него.

Слова вылетели изо рта ещё до того, как Гарри совладал с языком.

— Ты-хтела-ти-сомнабал?

— Прости, что?

— Ты не хотела бы пойти со мной на бал? — Ну зачем, зачем он начал краснеть?

— На бал?

— На бал!

— Мне очень жаль, Гарри, — Чжоу тоже покраснела, и было видно, что она говорит правду, — но я уже обещала пойти с другим.

— А-а, — протянул Гарри.

И вот что странно: секунду назад у него внутри как будто дрались скорпионы. А сейчас там было абсолютно пусто.

— Да? Ну ничего…

— Мне очень жаль, правда, — тихо повторила Чжоу.

— Понимаю…

Они стояли и глядели друг на друга, пока Чжоу

не сказала:

— Ну, я тогда…

— Конечно, конечно, — ответил Гарри.

— Пока! — сказала Чжоу и пошла к подругам, всё ещё красная до корней волос.

— С кем ты пойдёшь? — выпалил ей вслед Гарри, не справившись с собой.

— С Седриком. Седриком Диггори.

Всё внутри вернулось на свои места. Только грудную клетку почему-то наполнила свинцовая тяжесть.

Забыв об ужине, Гарри понуро побрёл к своей башне. На каждом шагу в ушах эхом отдавался голос Чжоу «Седрик. Седрик Диггори». Раньше Седрик ему, в общем, нравился, несмотря на то что два года назад он вырвал у него победу в решающем матче. Седрик был красив, все его уважали и вообще, и как чемпиона. Но сейчас Гарри вдруг понял — на самом-то деле Седрик просто красавчик, ничем другим не лучше других, да и умом не блещет.

— Светляки, — буркнул он новый пароль, введённый со вчерашнего дня.

— Да, милый, верно, — защебетала Полная Дама, поправила на голове прошитую золотом ленту и повернулась на петлях, открывая вход-

ной проём.

Войдя в гостиную, Гарри осмотрелся и увидел, к своему изумлению, в дальнем углу Рона, лицо у которого было пепельно-серое. Рядом сидела Джинни и говорила с ним тихим ласковым голосом. Утешала, наверное.

— Что с тобой, Рон? — Гарри подошёл к ним.

Рон поднял голову, на лице его застыло выражение ужаса.

— Ну зачем, зачем я это сделал? — вопрошал он срывающимся голосом. — Что меня заставило?

— О чём ты? — спросил друга Гарри.

— Он… он пригласил пойти с ним на бал Флёр Делакур, — ответила вместо брата Джинни. Гарри показалось, что она старательно прячет улыбку, но руку Рона она гладила с искренней жалостью.

— Что?!

— Не знаю, что меня дёрнуло! — Рон чуть не всхлипнул. — На что я надеялся? Кругом было столько народу. Я просто сошёл с ума. И все вылупились на меня! Я шёл мимо неё в холл, она стояла и разговаривала с Диггори. Вдруг на меня что-то нашло. И я её пригласил!

Рон застонал, спрятав лицо в ладони. И с трудом продолжал:

— А она глянула на меня, как на слизняка или

ещё чего хуже. И даже не ответила. А я… я… не знаю… пришёл вдруг в себя и со всех ног бежать.

— В ней течёт кровь вейлы, — сказал Гарри. — Ты был прав. У неё бабушка была вейла. Ты тут ни при чём. Знаешь, как это произошло? Ты шёл мимо, а она возьми и примени древнее заклятие. Нацелила его в Диггори, а оно попало в тебя. А с Диггори у неё ничего не выйдет. Он пригласил на бал Чжоу.

Рон вскинул на Гарри глаза.

— Я только что её пригласил. И она мне это сказала, — произнёс Гарри на одной ноте. У Джинни после этих слов с лица исчезла улыбка.

— Вот это здорово! — воскликнул Рон. — Выходит, только у нас двоих нет пары. Да ещё у Невилла. Знаешь, кого он приглашал? Гермиону!

— Не может быть… — Эта новость окончательно всё перепутала в голове у Гарри.

— Да, я точно знаю. — Кровь опять прилила к щекам Рона, и он рассмеялся. — Невилл сам мне сказал после зелий. Говорит, Гермиона так всегда к нему хорошо относилась, помогала делать уроки, готовить зелья и всё такое… А она ему ответила, что уже дала согласие кому-то другому. Ха-ха! Если бы! Просто не захотела пойти на бал с Невиллом… Да и никто не захочет!

— Не смей смеяться! — рассердилась Джинни. Во входном проёме появилась Гермиона.

— Почему никто не был на ужине? — обратилась она к друзьям.

— Потому… Да перестаньте вы смеяться! Потому что этих двоих только что отвергли девушки, ну те, которых они пригласили на бал! — объяснила Джинни.

Гарри с Роном поперхнулись смешком.

— Ну спасибо, Джинни, удружила, — кисло проговорил Рон.

— Всех красавиц уже разобрали, Рон? — гордо тряхнула головой Гермиона. — Теперь уже и Элоиза Миджен стала хорошенькой? Надеюсь, нет, даже уверена — ты ещё найдёшь где-нибудь кого-нибудь, кто тебе не откажет.

Рон вдруг посмотрел на неё совсем другим взглядом, точно впервые увидел.

— Гермиона! А Невилл прав, ты — стоящая девчонка!

— Неплохо подмечено, — ехидно произнесла Гермиона.

— Ты не могла бы пойти на бал со мной и с Гарри?

— Не могла бы!

— Да ладно тебе, — сказал Рон по-приятель-

ски. — Нам нужна пара. Так вышло глупо! У всех есть, а у нас нет…

— Я не могу пойти с вами. — Гермиона вдруг покраснела. — Я уже иду с другим.

— Ни с кем ты не идёшь. Ты просто так сказала, чтобы отвязаться от Невилла!

— Отвязаться? Ты так думаешь? — В глазах у Гермионы заплясали опасные огоньки. — Ты, Рон, три года не замечал, что я «стоящая девчонка». Но нашлись люди, которые это заметили!

Рон вытаращил на неё глаза.

— Ладно, ладно, — улыбнулся он. — Мы это тоже знаем. Ну что? Идёшь с нами?

— Но я же сказала, — Гермиона по-настоящему рассердилась, — я пойду с другим.

Она вихрем вылетела из гостиной и помчалась к себе в спальню.

— Ты всё выдумала! — крикнул ей вслед Рон.

— Не выдумала, — тихо сказала Джинни.

— С кем же это она идёт?

— Не могу вам сказать, это её секрет.

— Ну ладно, — сказал Рон в полной растерянности. — Это становится смешно! Ты, Джинни, иди с Гарри, а я просто…

— Я не могу. — Джинни тоже покраснела. — Я иду… иду с Невиллом. Когда Гермиона отказала

ему, он пригласил меня. А я подумала… мне ведь иначе не попасть на бал… Я только на третьем курсе. — Вид у Джинни был несчастный. — Ну, я пошла ужинать, а вы как хотите. — Она встала и, понурив голову, побрела из гостиной.

— Что это на всех нашло? — вытаращился Рон на Гарри.

Как раз в этот миг Гарри заметил Парвати с Лавандой — они входили в гостиную. Пора предпринять решительный шаг.

— Подожди меня здесь, — бросил он Рону, вскочил, подошёл прямо к Парвати и, не задумываясь, выпалил: — Пойдёшь со мной на бал?

Парвати захихикала. Гарри терпеливо подождал, пока хихиканье кончится, держа в кармане мантии скрещённые пальцы.

— Хорошо, пойду, — наконец сказала она, вспыхнув обжигающим румянцем.

— Спасибо, — поблагодарил с огромным облегчением Гарри. — А ты, Лаванда, не могла бы пойти с Роном? — прибавил он.

— Она идёт с Симусом, — ответила за подругу Парвати, и обе принялись хихикать чуть не с ожесточением.

Гарри вздохнул.

— У тебя никого нет на примете, ну чтобы пой-

ти с Роном? — понизив голос, произнёс Гарри, чтобы Рон не услышал.

— А Гермиона Грэйнджер? — спросила Парвати.

— Её уже пригласили.

Парвати изумлённо вскинула брови.

— Да? И кто же? — спросила она недоверчиво.

— Понятия не имею. — Гарри пожал плечами. — Так как быть с Роном?

— А знаешь что, — медленно проговорила Парвати, — моя сестра… наверное, ты её знаешь… Она — когтевранка. Я скажу ей, если хочешь.

— Прекрасная мысль! Дай мне знать, когда поговоришь с ней.

И Гарри вернулся к Рону. Да, этот бал потребовал от него героических усилий, хотя и вряд ли того стоил. Теперь одна надежда — что нос у Падмы Патил окажется там где надо — в середине лица.

Глава 23
Святочный бал

На рождественские каникулы четверокурсникам задали очень много уроков. Но Гарри не спешил садиться за книги. Всю неделю до Рождества он только и делал, что развлекался. Многие не поехали домой, и в гостиной Гриффиндора было почти так же людно, как в учебные дни. Гостиная даже как бы слегка уменьшилась, такой в ней стоял гвалт.

Канареечные помадки Фреда и Джорджа пользовались большим успехом, и первые дни каникул кто-нибудь то и дело обрастал жёлтыми перьями. Но очень скоро гриффиндорцы распознали подвох и стали с опаской принимать предложенное угощение: вдруг внутри окажется канареечная помадка? Джордж с Фредом по секрету рассказали Гарри, что готовят ещё кое-что почище, и Гарри дал зарок ничего съедобного из рук близнецов не брать. Он ещё не успел забыть ириски, от которых у Дадли вырос язык размером чуть не с кита.

Снег всё падал и падал, и скоро замок и окрест-

ности оделись толстым белым пуховиком. Голубая карета Шармбатона сидела в снегу, как огромная обледенелая тыква; домик Хагрида смахивал на имбирный пряник; иллюминаторы дурмстрангского корабля заиндевели, а с мачт и снастей свисали тяжёлые витые сосульки. Эльфы в кухне трудились не покладая рук, и обеденные столы ломились от изысканного жаркого и соблазнительных десертов. Все радовались жизни, только Флёр Делакур всё время на что-нибудь жаловалась.

— Эта ваша еда слишком тьяжолая. Моя красивая мантия будет мне мала! — недовольно воскликнула она как-то вечером в Большом зале. Гарри, Рон и Гермиона как раз выходили оттуда — Рон, пригнувшись, прятался за спиной Гарри, чтобы Флёр его не заметила.

— Бедняжка! Какой ужас! — с иронией посочувствовала Гермиона. Но Флёр уже вышла в холл и не слышала её слов. — И чего себе воображает!

— Гермиона, а с кем ты идёшь на бал? — Рон прямо-таки сгорал от любопытства и уж не раз задавал этот вопрос — вдруг Гермиона проговорится.

— Не скажу, потому что ты станешь смеяться.

— Ты, Уизли, наверное, совсем того! — послы-

шался за спиной голос Малфоя. — Думаешь, кто-нибудь пригласит на бал эту грязнокровку да ещё с лошадиными зубами?

Гарри и Рон чуть не кинулись на него с кулаками, а Гермиона, обернувшись, замахала кому-то и воскликнула:

— Профессор Грюм, доброе утро!

Малфой побледнел, прыжком развернулся, и глаза его забегали — Грюм всегда появлялся, где его меньше всего ждали, но тот ещё доедал жаркое за профессорским столом.

— Что, хорёк, испугался? — насмешливо спросила Гермиона, и друзья со смехом двинулись вверх по мраморной лестнице.

— Гермиона, — вдруг сощурился Рон, — твои зубы…

— Что мои зубы?

— Они другие. Я только сейчас заметил…

— Конечно, другие. Ты что думал, я так и буду ходить с клыками? Забыл, какие наколдовал Малфой?

— Да нет, они вообще стали другие. Не такие, как раньше. Все ровные и не торчат…

Гермиона лукаво улыбнулась, и Гарри тоже заметил: у Гермионы совсем другая улыбка.

— Помните, я побежала тогда к мадам Помф-

ри? Она дала мне зеркало, сказала, сейчас зубы будут уменьшаться и когда станут, как прежде, махнуть ей. А я… я не сразу махнула, и они так красиво уменьшились. — Гермиона расплылась в улыбке. — Маме с папой, конечно, не понравится. Я столько раз их просила уменьшить мне зубы, а они хотят, чтобы всё было, как есть. Мои родители стоматологи, они считают, что зубы и волшебство… Смотрите, Сычик вернулся!

Сова Рона сидела на верху перил, украшенных сосульками, и громко без умолку верещала, к её лапке был привязан свёрнутый в трубку кусок пергамента. Все проходившие мимо смеялись, тыкая в крохотную сову пальцем, а несколько девочек-третьекурсниц даже остановились.

— Глядите, какая малютка! Просто прелесть!

— Глупый комок перьев! — прошипел Рон. Взбежав по ступенькам, он схватил Сычика в кулак. — Письма надо сразу отдавать адресату. Нечего тут прохлаждаться у всех на виду!

Голова Сычика торчала из кулака Рона, и совёнок даже защебетал от счастья. Третьекурсницы оторопело таращились.

— Чего не видели! А ну пошли отсюда! — Рон затряс кулаком, и Сычик заверещал ещё сильнее. — Вот, Гарри, держи, — прибавил Рон

негромко, а обиженные третьекурсницы убрались подобру-поздорову. Рон отвязал письмо и передал Гарри, Гарри спрятал его в карман, и все трое поспешили к себе в башню, чтобы без помех прочитать ответ Сириуса.

В гостиной все развлекались кто во что горазд, не обращая на других внимания. Гарри и Рон с Гермионой уселись подальше у тёмного окна, занесённого снегом, и Гарри стал читать вслух:

> — «Здравствуй, Гарри!
>
> Поздравляю тебя, ты отлично справился с хвосторогой. Тот, кто опустил твоё имя в Кубок, сейчас очень разочарован. Я хотел предложить заклинание Коньюнктивитус: самое слабое место дракона — глаза…»

— Именно этим воспользовался Крам, — прошептала Гермиона.

— «А ты придумал лучше. Молодец! Но успокаиваться рано. Позади только первое испытание; у того, кто вовлёк тебя в состязание, будет ещё возможность подставить тебя под удар. Гляди в оба, особенно сейчас. Ведь тот, о ком мы говорили, наверняка где-то совсем рядом. Будь предельно осторожен, чтобы, не ровён час, не попасть в беду. Пиши, если столкнёшься с чем-то необычным. Всё время держи меня в курсе дела.

Сириус».

— Совсем как Грюм, — тихо сказал Гарри, пряча письмо во внутренний карман. — «Гляди в оба!» А я что, хожу зажмурившись, натыкаюсь на стены?

— Он прав, Гарри, — возразила Гермиона. — У тебя впереди два испытания. Давно пора взяться за загадку яйца…

— Да у него ещё куча времени! Давай, Гарри, сыграем в шахматы, — предложил Рон.

— Сыграем, — согласился Гарри и поймал взгляд Гермионы. — Будет тебе, Гермиона. Тут такой шум, всё равно толку не будет. Даже не расслышу, что там в яйце.

— Пожалуй, ты прав. — Гермиона вздохнула и стала следить за игрой.

Гарри в несколько ходов поставил Рону замечательный мат с помощью пары отчаянно дерзких пешек и сверхвоинственного слона.

Рождественским утром Гарри проснулся, как будто его что разбудило. Он открыл глаза и едва не свалился с кровати: прямо на него в темноте таращились круглые зелёные глазищи.

— Добби?! — вскрикнул Гарри. — Что тебе?

— Простите Добби, сэр, — виновато пискнул эльф и отпрыгнул, прижав к губам длинные тонкие пальцы. — Добби пришёл поздравить Гарри Поттера с Рождеством и подарить подарок. Добби не хотел пугать Гарри Поттера. Гарри Поттер позволил Добби навещать его, сэр.

— Ладно, Добби, только в другой раз не таращись на меня, просто толкни, если я буду спать, — смягчился Гарри. Он всё ещё тяжело дышал, но сердце уже перестало колотиться. — И не наклоняйся надо мной так низко, чуть носом не ткнул…

Гарри отдёрнул полог, нащупал на столике у кровати очки и надел их. Восклицание Гарри разбудило Рона, Симуса, Дина и Невилла, и они выглядывали, слегка раздвинув пологи, заспан-

ные и взъерошенные.

— Гарри, ты жив? Что стряслось? — сонно пробормотал Симус.

— Ничего, это Добби, — ответил Гарри. — Спите.

— Прибыли подарки! — Симус заметил коробки у кровати.

Рон и Дин с Невиллом, раз уж проснулись, тоже поспешили заняться подарками. А Гарри снова поглядел на Добби. Тот стоял у его кровати, виновато опустив голову, такая оплошность — испугал своего избавителя! На голове у эльфа красовался стёганый колпак для чайника, на верхушке которого, зацепившись петелькой, висела ёлочная игрушка.

— Можно, Добби поднесёт Гарри Поттеру подарок? — робко спросил он.

— Конечно. У меня тоже кое-что есть… для тебя.

Гарри соврал, он ничего не припас для Добби, но поспешил открыть чемодан и достал оттуда пару старых жёлтых носков дяди Вернона. Они сильно растянулись: Гарри хранил в них вредноскоп, подаренный на прошлое Рождество. Он выудил его и со словами «Поздравляю, Добби, прости, что не завернул» протянул носки старому приятелю.

Добби растаял от умиления.

— Носки — любимая одежда Добби, сэр! — Он тут же стащил с ног свои разномастные носки и натянул бывшие дяди Вернона. — У Добби их семь пар, сэр… — Эльф подтянул носки до самых шортов, и глаза у него расширились. — Сэр, продавец в магазине ошибся, он дал Гарри Поттеру два носка одного цвета!

— Как же ты, Гарри, допустил такой промах? — подмигнул Рон. По всей его постели валялись клочки разноцветной бумаги, коробки и подарки. — Иди сюда, Добби, вот тебе бордовая пара. Будешь надевать один жёлтый, другой бордовый. И ещё новый свитер.

С этими словами он протянул Добби пару носков и свитер, присланные миссис Уизли. Добби был сражён такой щедростью.

— Как вы добры, сэр! — Глаза у него увлажнились, и он до земли поклонился Рону. — Добби знал, сэр, что сэр замечательный волшебник, ведь он — лучший друг Гарри Поттера, но сэр ещё благороден и бескорыстен…

— Ну, что ты, Добби, ведь это всего носки, — смутился Рон, так что уши покраснели. Но вид у него был явно довольный. — Вот это да! — Рон распечатал подарок Гарри — форменную шляпу

его любимой команды «Пушки Педдл». — Спасибо, Гарри. Класс! — И он тут же натянул шляпу на голову.

А Добби тем временем вручил Гарри свой небольшой подарок. Гарри развернул его — ну, конечно, носки!

— Добби их сам связал, сэр, — захлёбываясь от счастья и гордости, сообщил эльф. — Шерсть Добби покупает на собственные деньги, заработанные.

Левый носок был ярко-красный с узором из мётел, правый — зелёный с золотистыми снитчами.

— Какие красивые! Большое спасибо, Добби. — Гарри надел носки, и эльф прослезился.

— Добби пора, сэр. Мы стряпаем рождественский ужин, сэр. — И эльф, помахав всем на прощанье, поспешил в кухню.

А Гарри стал разглядывать остальные подарки. Они были куда замысловатее собственноручного изделия Добби, но первенство по скромности, конечно, принадлежало подарку Дурслей — один-единственный пакетик с бумажной салфеткой. Они, похоже, не забыли ириску братьев Уизли. Гермиона подарила Гарри книгу «Команды по квиддичу Великобритании и Ирландии»; Рон

— большой пакет бомб-вонючек; Сириус — складной перочинный ножик с отмычками для всех замков и шилом, которое мгновенно распутывает все узлы; Хагрид — огромную коробку любимых лакомств Гарри. Миссис Уизли, конечно, прислала очередной свитер (зелёный с драконом на груди, должно быть, Чарли рассказал ей о хвостороге) и большущий пакет сладких домашних пирожков.

Спрятав подарки, Рон и Гарри спустились в гостиную, где их ждала Гермиона, и все вместе пошли завтракать.

До обеда наслаждались подарками у себя в башне, потом вернулись в Большой зал, где их ждало роскошное рождественское угощение. Столы так и ломились от жареных индеек, пудингов и всевозможного волшебного печенья.

После чего отправились прогуляться. Пушистый снег лежал нетронутой пеленой, только к кораблю Дурмстранга и карете Шармбатона протоптаны дорожки. Тут же замелькали снежки — любимое зимнее развлечение Гарри и братьев Уизли. Гермиона предпочла наблюдать сражение со стороны, а около пяти часов вечера сказала, что пора готовиться к балу и вернулась в замок.

— Ты что, три часа будешь готовиться? — крик-

нул вслед Рон, зазевался и получил от Джорджа увесистым снежком по макушке.

— С кем ты идёшь? — опять не сдержал любопытства Рон, но Гермиона лишь махнула ему, взбежала по каменной лестнице и исчезла в дверях замка.

Полдника сегодня не было: Святочный бал начинался с угощения. К семи часам стемнело, не прицелишься, и воины, все облепленные снегом, побежали в башню. Полная Дама весело болтала на холсте с Виолеттой, подружкой с нижнего этажа, у их ног внутри рамы валялись пустые коробки из-под конфет с ликёрной начинкой.

— Светляки, — мальчишки назвали пароль.

— Верно, со-сопляки, — хихикнула Полная Дама и пустила их внутрь.

В спальне Гарри, Рон, Симус и Невилл облачились в праздничные мантии и почувствовали себя неловко, особенно Рон. Он вертелся перед зеркалом в углу и с отвращением себя разглядывал. Не мантия, а девчоночий наряд! И Рон решился на отчаянный шаг: применил заклинание ножниц — пусть мантия походит на мантию. Не сказать, чтоб уж совсем ничего не вышло, кружева на воротнике и манжетах исчезли, только вот на манжетах от них осталась неряшливая

бахрома. Но делать нечего, и Рон в таком виде поплёлся в гостиную.

— Понять не могу как это вы заполучили самых красивых девчонок в классе! — воскликнул Дин, увидев Гарри с Роном, и пожал плечами.

— Животный магнетизм, — пробурчал Рон, выдёргивая торчащие из манжет нитки.

Гриффиндорская гостиная уже наполнялась участниками бала. На всех вместо обычных чёрных мантий — цветные. На лестнице Гарри ожидала Парвати в ярко-малиновой мантии, которая очень ей шла. Парвати и правда была очень красивая, чёрные волосы заплетены в длинные, перевитые золотыми лентами косы, на запястьях золотые браслеты. Гарри испугался, что она рассмеётся, увидев его праздничную мантию, но Парвати, похоже, приняла его наряд как должное, и Гарри с облегчением вздохнул. Политес требовал что-то сказать, и он неуверенно произнёс:

— Ты… э-э… здорово выглядишь.

— Спасибо, — поблагодарила Парвати и, обратившись к Рону, сообщила: — Падма ждёт тебя в холле.

— Угу, — кивнул Рон и огляделся. — А где Гермиона?

Парвати пожала плечами.

— Ну что, пойдём?

— Пойдём, — вздохнул Гарри: с каким бы удовольствием он остался в гостиной. Из гостиной вышел Фред и весело ему подмигнул.

В холле яблоку было негде упасть. Скорей бы пробило восемь — двери зала распахнутся и начнётся долгожданный бал! Многие всё ещё искали в толпе своего кавалера или даму с других факультетов. Парвати нашла сестру Падму и познакомила её с Гарри и Роном.

— Привет, — вскинула голову Падма. Она не уступала сестре красотой, бирюзовая мантия очень ей шла, как малиновая Парвати. Падма придирчиво оглядела Рона, задержав взгляд чёрных глаз на бахроме — следе отрезанных кружев.

— Привет, — мрачно отозвался Рон, не глядя на Падму: глаза его кого-то высматривали в толпе.

Заметив приближавшуюся Флёр Делакур, Рон шагнул за спину Гарри и пригнулся. Флёр шла в сопровождении Роджера Дэвиса, капитана команды когтевранцев. На ней была мантия из серебристо-серого атласа. Ничего не скажешь, писаная красавица! Подождав, пока эта пара пройдёт, Рон вынырнул из-за спины друга и встал

на цыпочки.

— Да где же Гермиона? — опять спросил он.

Из подземной гостиной по лестнице поднялись слизеринцы. Впереди вышагивал Малфой в чёрной бархатной мантии с высоким воротником. «Точь-в-точь пастор», — вдруг подумалось Гарри. Малфой вёл под руку Пэнси Паркинсон в светло-розовой мантии, обильно украшенной рюшками и бантами. Крэбб и Гойл были оба в зелёном и походили на замшелые валуны; дам для них, злорадно отметил Гарри, как и следовало ожидать, не нашлось.

Дубовые входные двери тяжело отворились, и в холл вошли гости из Дурмстранга во главе с профессором Каркаровым. Сразу за ним шёл Крам с незнакомой красивой девочкой в голубой мантии. В раскрытые двери Гарри успел заметить перед замком на лужайке возведённый волшебством грот, полный розовых кустов, среди которых высились каменные скульптуры Деда Мороза и северного оленя. Над кустами и скульптурами порхали разноцветные светляки. Это были настоящие живые феи, только совсем крошечные.

— Участники Турнира, пожалуйста, пройдите сюда, — прозвучал голос профессора МакГона-

галл.

Парвати просияла, поправив изящным движением ленты. «До скорого», — помахали они друзьям и двинулись через галдящую толпу, куда показала МакГонагалл, — справа от двери было небольшое свободное пространство. Профессор была в мантии из красной шотландки, тулью шляпы украшал довольно-таки безобразный венок из чертополоха. Она объяснила чемпионам, что пока им надо постоять здесь: они войдут в зал парами, церемонно, после того, как все остальные усядутся за столы. Флёр Делакур с Роджером Дэвисом встали первыми у самых дверей. Дэвис не верил своему счастью и не отрывал зачарованного взгляда от красавицы Флёр. Подошли Седрик с Чжоу, Гарри отвернулся: не хотел сейчас говорить с ними; взгляд его упал на девочку, стоявшую с Крамом, и у него от удивления раскрылся рот — это была Гермиона! Только совсем не похожая на себя. Волосы, обычно напоминавшие воронье гнездо, гладко расчёсаны и скручены на затылке в красивый блестящий узел, лёгкая мантия небесно-голубого цвета, да и походка совсем другая, наверное, потому, что плечи не оттягивает тяжёлый ранец. И она улыбалась, правда, немного скованно, передние зубы у неё и правда

уменьшились. Как это он сразу не заметил?

— Привет, Гарри, привет, Парвати, — махнула им Гермиона.

Парвати глазам не поверила и с явным неодобрением поджала губы. Не она одна так отнеслась к новой Гермионе. Двери в Большой зал распахнулись, и толпа хлынула в зал. Поклонницы Крама, те, что устраивали засаду в библиотеке, проходя мимо, казалось, готовы были убить её. Пэнси Паркинсон вытаращила глаза, и даже Малфой позабыл от изумления ругательные слова. Один только Рон, поравнявшись с Гермионой, не удостоил её взглядом.

Когда все наконец уселись по местам, МакГонагалл велела оставшимся встать друг за другом парами и следовать за ней. При их появлении весь зал захлопал, и профессор МакГонагалл повела их к большому круглому столу в дальнем конце, за которым сидели судьи.

Стены зала серебрились инеем, с тёмного, усыпанного звёздами потолка свисали гирлянды из омелы и плюща. Длинные обеденные столы исчезли, вместо них — сотня столиков, каждый человек на десять. На столиках уютно горят фонарики.

Гарри шёл, боясь одного — как бы у всех на

глазах не споткнуться. А счастливая Парвати упивалась всеобщим вниманием, и с такой силой тащила Гарри вперёд, что он ощущал себя собачкой на поводке, которую хозяин ведёт по кругу на собачьей выставке. Недалеко от судейского стола Гарри заметил Падму с Роном. Вид у Падмы был надутый, Рон же, прищурившись, не сводил глаз с Гермионы.

Дамблдор, возглавлявший судейский стол, встретил подошедшие пары сияющей улыбкой, Каркаров — нежданное совпадение — смотрел на Крама и Гермиону совсем как Рон. Людо Бэгмен в пурпурной мантии, расшитой золотыми звёздами, громко аплодировал вместе со всеми. Мадам Максим, сменившая чёрную атласную униформу на свободную мантию из лёгкого светло-лилового шёлка, тоже вежливо хлопала. Не было только мистера Крауча. Вместо него пятым за столом судей важно восседал Перси Уизли в тёмно-синей, с иголочки, мантии. Остальные места предназначались для участников состязания с их дамами.

Многозначительно глянув на Гарри, Перси слегка выдвинул незанятый стул, Гарри понял намёк и сел рядом. Не успел он раскрыть рта, как Перси поведал ему радостную новость:

— Меня повысили. Я назначен («Не иначе как

Верховным правителем вселенной», — подумал Гарри) личным помощником мистера Крауча и представляю его на вашем балу.

— А почему он сам не пришёл? — спросил Гарри, уж очень ему не хотелось весь вечер слушать очередную лекцию о котлах.

— Боюсь, мистер Крауч болен и болен серьёзно. Ему нездоровится с самого Чемпионата мира. Ничего удивительного, сильное переутомление! Да и годы не те, хотя голова всё ещё светлая. Великий человек! Но Министерство на Чемпионате мира потерпело фиаско, вдобавок его очень расстроила домовуха Винки, так, кажется, её зовут. Мистер Крауч, конечно, её выгнал, но остался без прислуги, а это… э-э… ему трудно, сам понимаешь, возраст. Хозяйство с её уходом разладилось. А тут на нас свалился этот Турнир, тяжёлые последствия Чемпионата мира, да ещё эта Скитер со своим Прытко Пишущим Пером… Он, бедняга, заслужил тихое Рождество дома. Я рад, что у него есть человек, на кого можно положиться и оставить вместо себя.

Гарри так и подмывало спросить Перси, а что, мистер Крауч всё ещё называет его Уэзерби, но удержался.

Отливающие золотом тарелки, перед которы-

ми лежали меню, всё ещё были пустые. Гарри нерешительно взял карточку с рождественской виньеткой и огляделся — официантов нет. Дамблдор, однако, внимательно изучал список блюд, после чего заказал, глядя в свою тарелку: «Свиные отбивные!»

И на тарелке тотчас явились с пылу с жару отбивные. Тут все сразу смекнули, что делать, взяли меню, и золотые тарелки наполнились едой. Гарри с любопытством глянул на Гермиону: как ей новый способ подавать кушанья, не лишняя ли работа для эльфов? Но Гермиона и думать забыла о защите прав домовиков. Она увлечённо беседовала с Виктором Крамом и не замечала, что и как ест.

Гарри не слышал ни разу, чтобы Крам с кем-то разговаривал. Он всё больше молчал, а теперь разговорился, да ещё с явной охотой.

— У нас тоже есть дворец, — услышал Гарри, — не такой болшой и комфортэбелный, как ваш, всего четыре этажа. И очаги мы топим только для колдовства. Но территория наша болше и красивей, правда, зимой день совсем короткий, а ночь длинная, мало времени любоваться. Зато летом мы долго летаем над озёрам и горами…

— Эй, Виктор, — рассмеялся Каркаров, но глаза

его оставались холодные и пустые, — смотри не скажи чего-нибудь лишнего, как бы твоя очаровательная собеседница не нашла к нам дорогу.

Дамблдор улыбнулся, и в глазах у него запрыгали искорки смеха.

— У тебя, Игорь, все тайны да тайны. Можно подумать, ты не любишь гостей.

— Мы все, Дамблдор, печёмся о своих владениях. — Каркаров оскалил жёлтые зубы. — И ревностно оберегаем вверенные нам очаги знаний. Мы по праву гордимся, что никто, кроме нас, не знает все их секреты, и мы бдительно храним их. Разве не так?

— А я, Игорь, не стал бы утверждать, что знаю все секреты Хогвартса, — добродушно ответил Дамблдор. — Не далее как сегодня утром отправился я в туалет, свернул не туда, и очутился в прелестной, совершенно незнакомой комнате с превосходной коллекцией ночных горшков. Позже я вернулся получше осмотреть её, а комнатка-то исчезла. Я, конечно, всё равно её отыщу. Возможно, она доступна только в полшестого утра, а может, когда месяц в фазе одна четверть или когда слишком полный мочевой пузырь.

Гарри прыснул в тарелку с гуляшом. Перси нахмурился, а Дамблдор чуть заметно подмигнул

Гарри.

Тем временем Флёр Делакур, изящно повернув голову в сторону своего кавалера, в пух и прах разносила убранство замка.

— П'госто убожество! — обвела она взглядом искрящиеся инеем стены Большого зала: как и все французы, она немного картавила. — У нас во дво'гце Т'гапезную ук'гашают ледяные скульпту'ты. Они не тают и пе'геливаются всеми цветами 'адуги. А какая у нас еда! А хо'г лесных нимф! Мы едим, а они поют. И в холлах никаких ужасных 'ыца'гей без головы. А поп'гобуй залети в Шармбатон полте'гейст, его выгонят с т'геском, вот так! — И Флёр с силой хлопнула по столу ладонью.

Роджер Дэвис глядел на прекрасную Флёр затуманенным взором. Восхищение его было так велико, что он вряд ли её слышал, пронося вилку мимо рта.

— Конечно! — стукнул он по столу так, как Флёр. — Да! С треском!

Гарри окинул взглядом зал. Хагрид сидел за одним из учительских столов и, не отрываясь, глядел в их сторону. На нём был всё тот же ужасный бурый с ворсом костюм. Он махнул рукой, и мадам Максим, заметил Гарри, ответила тем

же. Опаловое ожерелье на её могучей шее мягко переливалось, отражая огоньки фонарей.

Гермиона учила Крама произносить её имя: он звал её «Геримона».

— Гер-ми-о-на, — медленно, по слогам произнесла Гермиона.

— Герм-ивона, — повторил Крам.

— Гораздо лучше, — похвалила Гермиона, заметила, что Гарри на неё смотрит, и улыбнулась.

После ужина Дамблдор встал и пригласил всех последовать его примеру. Взмахнул волшебной палочкой, столы отъехали к стенам, образовав пустое пространство. Ещё один взмах, и вдоль правой стены выросла сцена — с барабанами, гитарами, лютней, виолончелью и волынкой.

На сцену вышел ансамбль «Ведуньи», встреченный восторженными рукоплесканиями. У ведуний были длинные растрёпанные волосы, чёрные мантии нарочито порваны и потёрты. Гарри с нетерпением ждал, чтобы они заиграли, совсем забыв, что за этим последует. Ведуньи разобрали инструменты, фонарики на столах погасли, и участники состязания со своими дамами поднялись со своих мест.

— Пойдём, — шепнула Парвати. — Сейчас полагается танцевать.

Вставая, Гарри запутался в полах непривычного наряда. «Ведуньи» заиграли грустный медленный танец. Вышли на середину зала, которая была ярко освещена. Гарри старался избегать устремлённых на него взглядов (краешком глаза он всё же заметил, как Симус с Дином махнули ему, едва сдерживая смешок). Парвати решительно взяла обе его руки, одну положила себе на талию, другую крепко сжала.

«Не так уж и плохо», — подумал Гарри, неторопливо описывая круги (вела Парвати). Гарри глядел поверх голов, но скоро и сами зрители, разобравшись на пары, присоединились к танцующим, и Гарри перестал ощущать на себе взоры десятков глаз. Рядом с ним танцевали Невилл с Джинни, которая всё время морщилась — Невилл то и дело наступал ей на ноги. Дамблдор вальсировал с мадам Максим. Она была чуть выше него, впрочем, для дамы её роста и полноты мадам Максим танцевала вполне грациозно. Грозный Глаз неуклюже топтался в тустепе с профессором Синистрой, которая явно опасалась его деревянной ноги.

— Недурные носки, Поттер, — прохрипел Грюм, буравя волшебным глазом мантию Гарри.

— Ещё какие, — улыбнулся Гарри. — Их связал

домовик Добби.

— Какой он ужасный! — шепнула Парвати на ухо Гарри. Деревянная нога Грюма бухала уже далеко, и он не мог слышать её слов. — По-моему волшебные глаза давно пора запретить.

Услыхав последнюю дрожащую ноту, выведенную волынкой, Гарри облегчённо вздохнул. Все захлопали, а Гарри мгновенно высвободился из объятий Парвати.

— Пойдём посидим? — предложил он. «Ведуньи» заиграли новый танец, весёлый и быстрый.

— Нет, — возразила Парвати, — давай танцевать. Мне этот танец очень нравится!

— А мне нет, — соврал Гарри и повёл Парвати к столикам у стенки мимо Фреда и Анджелины, которые так лихо отплясывали, что другие пары шарахались от них, боясь за свою жизнь. За одним из столиков сидели Рон с Падмой.

— Ну как бал? — Гарри опустился на соседний стул и откупорил бутылочку сливочного пива.

Рон промолчал. Он не сводил глаз с Гермионы и Крама, которые танцевали неподалёку. Падма сидела, скрестив руки, закинув одну ногу на другую, и притоптывала в такт музыке, недовольно поглядывая на Рона, который, казалось, совсем забыл о её существовании. Парвати села рядом с

Гарри в ту же позу, что и сестра, и в ту же минуту к ней подошёл ученик из Шармбатона и пригласил на танец.

— Гарри, ты не возражаешь? — спросила Парвати.

— Что? — спросил Гарри, глядя на Чжоу и Седрика.

— Ничего, — бросила Парвати и пошла танцевать, только он её и видел.

Подошла раскрасневшаяся Гермиона и села рядом.

— Привет, — сказал Гарри. Рон промолчал.

— Очень жарко, — обмахивалась ладонью Гермиона. — Виктор пошёл за лимонадом.

Рон взглянул на неё испепеляющим взглядом.

— Уже Виктор? А звать его Вики он ещё не просил тебя?

— Что с тобой? — Гермиона удивлённо вскинула брови.

— Сама не понимаешь?

Гермиона перевела взгляд на Гарри, но тот лишь пожал плечами.

— Рон, да что…

— Он из Дурмстранга — вот что! Он соперник Гарри. И нашей школы. А ты… ты… — Рон подыскивал слово, которое описало бы преступление

Гермионы. — Ты братаешься с врагом — вот что!

Гермиона рот открыла от изумления.

— Глупость какая! — наконец вымолвила она. — «С врагом!» А кто прыгал от радости, когда Виктор приехал? Кто хотел взять у него автограф? У кого в спальне его статуэтка?

Рон пропустил все эти обвинения мимо ушей.

— Он, конечно, в библиотеке пригласил тебя?

— Да. Ну и что? — Щёки у Гермионы раскраснелись ещё больше.

— А ты его уже записала в ГАВНЭ?

— И не подумала! Если хочешь знать, он каждый день ходил в библиотеку, чтобы поговорить со мной. И никак не решался. Он сам мне это сказал, — выпалила Гермиона на одном дыхании и стала пунцовой, как мантия Парвати.

— Вот, вот, сказал, — съехидничал Рон.

— Ты на что намекаешь?

— Понятно на что. Он ведь учится в школе Каркарова, да? Знает, с кем ты дружишь… Ему нужен Гарри, нужно кое-что о нём выведать, даже, может, навести порчу…

Гермиона взглянула на Рона так, как будто он дал ей пощёчину.

— Он меня о Гарри вообще не спрашивал, ни одного раза, — сказала она дрожащим голосом.

И Рон тут же повёл атаку с другой стороны.

— Тогда, значит, ему просто нужна твоя помощь. Он один ни за что не проникнет в тайну яйца. Представляю, как вы уютно сидите рядышком в библиотеке…

— Я никогда не стану ему помогать! — сверкнула глазами Гермиона. — Слышишь? Никогда! Как ты смеешь такое говорить! Я хочу, чтобы победил Гарри. И он это знает, правда, Гарри?

— По тебе не скажешь, — продолжал наскакивать Рон.

— Для чего устроили этот Турнир? Чтобы волшебники из разных стран подружились!

— Ничего подобного! Главное в Турнире — победа! — Рон с Гермионой кричали так, что окружающие стали уже на них поглядывать.

— Послушай, Рон, — Гарри попытался утихомирить друга, — меня нисколько не трогает, что Гермиона пришла на бал с Крамом…

Но Рон закусил удила.

— Что ж ты не идёшь к своему Вики? Он тебя, наверное, обыскался!

— Не смей называть его Вики! — Гермиона вскочила и побежала через зал, сталкиваясь с танцующими парами.

Рон глядел ей вслед, и на лице у него смешались

ярость и удовлетворение.

— Ты, наконец, пригласишь меня танцевать? — спросила Падма.

— Нет, — отрезал Рон, всё ещё глядя вслед Гермионе.

— Ну и отлично. — Падма поднялась, подошла к сестре, и для неё тотчас нашёлся кавалер, тоже француз. Гарри даже показалось, что кавалер Парвати вызвал его заклинанием, так быстро он появился.

— А где Гермивонна? — к друзьям с двумя бокалами подошёл Крам.

— Не знаю и знать не хочу, — глядя исподлобья, ответил Рон. — Что, потерял свою Гермивону?

Лицо у Крама помрачнело.

— Передайте ей, если увидите, я имею лимонад. — И он, ссутулив плечи, ушёл.

Тут же появился важный, как индюк, Перси.

— Прекрасно! — воскликнул он, потирая руки. — Что, Рон, вы уже с Виктором Крамом друзья? Это и была наша цель — создать международное содружество волшебников.

К огорчению Гарри, Перси сел рядом на свободный стул. Стол судей опустел. Дамблдор танцевал с профессором травологии, миссис Стебль, Людо Бэгмен — с МакГонагалл, мадам Максим с Хагри-

дом носились в бешеном вальсе по всему залу, грозя сбить с ног пары, танцующие в опасной с ними близости. Не танцевал один Каркаров, он вообще куда-то исчез. Очередной танец кончился, и все снова захлопали в ладоши. Людо Бэгмен поцеловал руку МакГонагалл и пошёл к столу, и тут его настигли близнецы Фред и Джордж.

— Что это они себе позволяют? — нахмурился Перси, подозрительно глядя на братьев. — Как они смеют приставать к министерским работникам! Никакой почтительности!

Впрочем, Бэгмен скоро избавился от близнецов, увидел Гарри, махнул рукой и подошёл.

— Надеюсь, мои братья не успели вам надоесть, мистер Бэгмен? — без промедления спросил Перси.

— Что? А нет, нисколько! Они более подробно рассказали мне о фальшивых волшебных палочках, они ведь такие выдумщики, и спросили, будет ли на них спрос. Я пообещал свести их с моими знакомыми в фирме «Зонко».

Перси очень расстроился. Приедет домой, сразу побежит жаловаться мамочке, подумал Гарри. Похоже, у Фреда с Джорджем грандиозные планы, раз они решили через магазины продавать свои безделки с подвохом.

Бэгмен, повернувшись к Гарри, открыл было рот, но Перси опередил его:

— Как, по-вашему, проходит Турнир, мистер Бэгмен? У нас в отделе все довольны, правда небольшая оплошность с Кубком огня… — Он поглядел на Гарри. — Но затем всё пошло как по маслу.

— Да, конечно, — сияя, подтвердил Бэгмен. — Все получили огромное удовольствие. Жаль, старина Барти не приехал. Как он поживает?

— Я не сомневаюсь, мистер Крауч поправится в самое ближайшее время, — с важностью заверил Перси. — Я так счастлив, что смог взять на себя его ношу. Ведь мы не только посещаем балы… — Перси рассмеялся с нарочитой деланностью. — Столько всяких дел накопилось в его отсутствие. Вы ведь слышали, Али Башира поймали на контрабандном ввозе ковров-самолётов. Сейчас ведём трудные переговоры с трансильванцами, настаиваем, чтобы они подписали Международный запрет дуэлей. У меня в начале года была встреча с главой их отдела по международному сотрудничеству…

— Пойдём погуляем, — шепнул Рон Гарри, — подальше от Перси.

И под предлогом, что хотят выпить чего-нибудь

ещё, друзья встали, по краю зала обошли танцующих и вышли в холл. Парадные двери были распахнуты настежь, в розовом саду мерцали, порхая с куста на куст, крохотные феи. Мальчики спустились по лестнице и очутились в гроте, полном цветущих розовых кустов, между ними бежали извилистые дорожки, мощённые цветной плиткой, над кустами высились каменные статуи. Где-то плескалась вода, должно быть, фонтан. Здесь и там на резных скамьях сидели ученики, отдыхая от танцев. Гарри с Роном пошли в глубь сада и скоро услыхали знакомый ненавистный голос.

— Не вижу, Игорь, никаких причин для беспокойства.

— Как ты можешь, Северус, закрывать глаза на происходящее? — с явной тревогой возразил Каркаров, понизив голос: вдруг кто подслушает. — Тучи сгущаются все последние месяцы, и меня, не стану скрывать, это очень тревожит…

— Тогда беги, — посоветовал Снегг. — Беги, я уж как-нибудь объясню твоё бегство. Что до меня, я остаюсь в Хогвартсе.

Голоса слышались всё ближе, и скоро из-за поворота появились их обладатели. Снегг с каким-то особым озлоблением раздвигал кусты

волшебной палочкой, оттуда с испуганными возгласами то и дело выскакивали тёмные фигурки, а Снегг так и сыпал наказания. Мимо него прошмыгнула девочка.

— Минус десять очков Пуффендую, Фосетт, — проскрипел он. — Минус десять и Когтеврану, Стеббинс, — следом за девочкой из кустов выскочил мальчик.

— А вы что тут делаете? — заметил Снегг впереди Гарри с Роном.

Каркаров, явно недовольный такой встречей, нервно схватил кончик козлиной бородки и стал накручивать её на палец.

— Просто гуляем, — кратко ответил Рон. — Правилами не запрещено.

— Ну и продолжайте гулять, — рыкнул Снегг и вихрем пронёсся мимо, только мелькнула за спиной, как надутая ветром, чёрная мантия. Каркаров не отставал, а Рон с Гарри пошли дальше.

— Что так могло встревожить Каркарова? — тихо спросил Рон.

— И с каких это пор они со Снеггом на «ты»? Да ещё называют друг друга по имени.

Друзья дошли до большого каменного оленя, за которым искрились струи мощного фонтана. На скамье у самой воды сидели две огромные

фигуры, любуясь лунными бликами.

— Я как вас увидел, сразу всё понял, — раздался почему-то охрипший голос Хагрида.

Гарри и Рон замерли: в такие минуты лучше, наверное, людям не мешать… Гарри оглянулся и увидел сзади за кустом Флёр Делакур с Роджером Дэвисом. Он хлопнул Рона по плечу и кивнул в их сторону — можно вернуться назад и незаметно прошмыгнуть мимо — они были слишком заняты друг другом. Но при виде Флёр у Рона от страха расширились глаза, он бешено замотал головой и потащил Гарри дальше в тень кустов и оленя.

— Что вы поняли, ’Агрид? — промурлыкала басом мадам Максим.

Как же быть? Хагриду только свидетелей не хватало. Не хотел бы Гарри быть сейчас на его месте. Лучше всего заткнуть уши и громко замычать какую-нибудь мелодию. Но это невозможно. По спине каменного оленя полз жук, Гарри принялся разглядывать его, но жук был неинтересный, и он невольно слышал каждое слово тайной беседы друга.

— Понял, что мы с вами… одинакие. У вас кто, отец аль мать?

— Я не понимаю вас, ’Агрид…

— У меня — мать. Может, самая последняя в

Англии. Я её и не помню толком… она нас бросила. Мне и трёх годков не было. Да и какая из неё мамка! Не в их это обычае. Что с ней сталося? Не знаю. Может, давно померла…

Мадам Максим молчала. Гарри, сам того не желая, оторвал взгляд от жука и прислушался. Хагрид никогда не рассказывал им о своём детстве.

— Как она ушла, отец долго убивался. Крохотной был такой. Я его в шесть лет на комод сажал, коли надоест шибко. Оченно любил его смешить… — Хагрид замолчал. Мадам Максим сидела, не шелохнувшись, и молча глядела на серебристые струи фонтана. — Отец, конечно, меня растил… а потом взял и помер — я только в школу пошёл. И мне уж тут всё самому пришлось. Дамблдор, однако, помог. Всегда был такой добрый…

Хагрид вытянул из кармана огромный шёлковый в крапинку платок и громко высморкался.

— Что это я всё о себе… Мне про вас интересно. Вы-то по матери, по отцу?

Мадам Максим вдруг поднялась и сказала:

— Здесь холодно. — Но какой бы холодной ни была погода, голос её звучал ещё холоднее. — Пора идти в замок.

— А? В замок? Посидите ещё, я никогда не встречал других, как я.

— Других каких? — ледяным тоном спросила мадам Максим.

«Промолчи, Хагрид, не отвечай», — молил Бога Гарри. Он стоял в тени, стиснув зубы, и надеялся, что Хагрид не ответит…

— Полувеликанов, конечно, кого же ещё?

— Да как вы смеете, ’Агрид?! — вскричала мадам Максим. Флёр и Роджер выскочили из своего укрытия, как пробка из бутылки. — Такой оскорблений! Полувеликан? Муа? Я… я просто широка в кости!

И она умчалась, с треском ломая кусты. Испуганные светлячки стайками взмывали в воздух, а Хагрид остался сидеть на скамье и глядел ей вслед — в темноте нельзя было разобрать, что выражало его лицо. Потом он встал и пошёл, но не в замок, а во мрак ночи, в сторону своей хижины.

— Пойдём, — сказал Гарри. Рон не сдвинулся с места.

— Ты что? — Гарри поглядел на Рона.

Рон повернулся к Гарри, услышанное явно ошеломило его.

— Ты знал, что Хагрид наполовину великан?

— Нет. А что тут такого? — пожал Гарри плечами. И по взгляду Рона понял, что опять попал впросак — да когда же он будет знать всё о мире

волшебников! Детские годы он провёл у маглов, и многое, что волшебники впитали с молоком матери, было для него неведомо. Таких белых пятен с каждым годом становилось всё меньше. Но вряд ли кто из волшебников сказал бы, «что тут такого», узнай он, что мать их друга из племени великанов.

— Пойдём в замок, там объясню, — сказал Рон. Флёр и Роджер испарились, наверное нашли кусты погуще. Гарри и Рон поспешили в Большой зал. Падма с Парвати сидели за дальним столом в окружении шармбатонцев, Гермиона всё ещё танцевала с Крамом. Рон с Гарри тоже устроились за столиком подальше от танцующих.

— Так что такое с великанами? — напомнил Гарри.

— Ну они… как бы это сказать… — Рон не мог найти подходящего слова. — Не очень хорошие…

— Ну и что? Хагрид-то хороший.

— Да знаю. Только, чёрт, он правильно делает, что молчит об этом. — Рон повертел головой. — Я думал, на него в детстве случайно наложили заклятие роста, вот он и вымахал. Кому приятно об этом говорить…

— Ладно, пусть его мать великанша. Но он-то тут при чём?

— Конечно, всем, кто Хагрида знает, наплевать на это. Ведь им известно, что он неопасен, — медленно проговорил Рон. — Только понимаешь, Гарри, они очень злые. Это в их обычае, как говорит Хагрид. Они как тролли, им нравится убивать. Все это знают. Хотя в Англии все великаны перевелись.

— А что с ними случилось?

— Взяли да все вымерли, ну и мракоборцы постарались. За границей, говорят, великаны ещё есть, прячутся в горных пещерах…

— И кого только мадам Максим думает обмануть? — Гарри взглянул на неё: она сидела за столом судей одна, мрачно нахмурившись. — Если у Хагрида в жилах великанская кровь, то у неё и подавно. Широка в кости! Из всех живых существ только у динозавра, наверное, кости толще.

Весь остаток бала Гарри и Рон просидели в своём уголке, разговаривая о великанах, танцевать им обоим не хотелось. Гарри старался не глядеть на Чжоу и Седрика: когда он на них глядел, у него руки чесались хорошенько кого-то стукнуть.

В полночь «Ведуньи» доиграли последний танец, им напоследок долго и громко хлопали. Бал кончился, и все пошли в холл. Многие были недо-

вольны, могли бы хоть Святочный бал продлить до часу ночи. А Гарри был рад — наконец-то он заберётся в тёплую уютную постель. Бал показался ему очень скучным.

Они с Роном вместе со всеми вышли в холл. Гермиона пожелала Краму спокойной ночи, и тот отправился к себе на корабль. Холодно взглянув на Рона, она молча прошла мимо и стала подниматься по мраморной лестнице. Гарри и Рон двинулись следом, но на полпути Гарри окликнул Седрик Диггори.

— Гарри, постой!

Чжоу ждала Седрика внизу.

Седрик дал понять, что не хотел бы говорить при Роне, Рон хмуро пожал плечами и пошёл наверх.

— Послушай, Гарри, — начал Седрик, — я у тебя в долгу за дракона. Ты открывал золотое яйцо? Оно у тебя воет?

— Ну, воет.

— Тогда… прими ванну, ясно?

— Что-что?

— Прими ванну… только захвати с собой яйцо. Открой его в горячей воде и послушай. Это наведёт тебя на мысль, поверь мне.

Гарри вытаращил глаза.

— Только иди в ванную старост. Пятый этаж, четвёртая дверь слева от статуи Бориса Бестолкового. Пароль — «Сосновая свежесть». Ну всё, мне пора, пойду кое с кем попрощаюсь…

Седрик снова улыбнулся и побежал вниз, где его ждала Чжоу.

Гарри побрёл один к себе в башню. Какой странный совет? Как это ванна поможет разгадать загадку воющего яйца? Может, это Седрик так шутит? Может, хочет выставить его дураком, чтобы он в глазах Чжоу не выдержал сравнения с Седриком?

Полная Дама и её подруга Ви мирно похрапывали в раме. Гарри долго им кричал пароль «Светляки», наконец докричался, они проснулись, ну его ругать, но всё же проём открыли. А в гостиной его ожидала неожиданная сцена. Рон с Гермионой с красными лицами стояли метрах в трёх друг от друга и орали что было мочи.

— Тебе это не нравится, да? Но ты прекрасно знаешь, что надо было делать! — кричала Гермиона. Красивый узел на затылке растрепался, лицо от гнева перекосилось.

— И что же мне надо было делать?

— Самому пригласить меня на бал, и не в последнюю минуту, когда уже некого выбирать!

Рон хотел что-то сказать, но только открывал рот, как рыба, вытащенная из воды. Гермиона развернулась на каблуках и вихрем взлетела по лестнице в свою спальню. Рон обернулся к Гарри.

— Видел? — ошеломлённо выпалил он. — Совсем ничего не поняла!

Гарри промолчал: он был счастлив, что помирился с Роном, и решил не учить его сейчас уму-разуму — ведь Гермиона-то поняла всё гораздо лучше, чем Рон.

Глава 24
Сенсация Риты Скитер

На второй день Рождества все спали долго. Днём в гостиной было хоть и людно, но тихо. Разговаривали неохотно, часто зевали. Гермиона сидела с Живоглотом на коленях и почёсывала его за ухом — кот благодарно мурлыкал. Волосы у неё снова торчали пышной копной, и она призналась Гарри, что перед балом хорошенько полила их снадобьем «Простоблеск» для укладки волос.

— Это снадобье только для балов, с ним так много мороки!

Рон и Гермиона держались друг с дружкой учтиво-холодно, о вчерашней ссоре не вспоминали, как будто заранее договорились. Утром Гарри и Рон сразу же рассказали Гермионе о прогулке Хагрида с мадам Максим. Узнав, что Хагрид — полувеликан, Гермиона только пожала плечами, её эта новость не потрясла, как Рона.

— Что ж тут такого? Я так и думала. Он, конечно, не настоящий великан, настоящие семь метров ростом. И что их бояться? Не все же они злодеи и убийцы. Не боимся же мы подряд всех оборотней.

Глупости!

Рону пришло в голову едкое замечание, но он смолчал, опасаясь, должно быть, новой ссоры. Он ограничился тем, что поджал губы и покачал головой. Правда, когда Гермиона отвернулась.

Пора было браться за домашние задания; в первую неделю каникул делать ничего не хотелось, казалось, впереди много времени. Принесли учебники, пергамент и перья и нехотя, с кислыми минами принялись за работу. Гарри всё чаще поглядывал на календарь.

До 24 февраля рукой подать, а за разгадку золотого яйца он ещё и не брался. Всякий раз, зайдя в спальню, Гарри доставал яйцо, раскрывал и внимательно слушал: не будет ли на этот раз какого знака? Он силился вспомнить, не напомнит ли вой о чём-нибудь? Кроме оркестра поющих пил — ни о чём! Пробовал закрыть и трясти яйцо — не изменится ли звук? — но оно выло по-прежнему. Гарри задавал яйцу вопросы, орал что есть мочи, перекрикивая вой, — всё без толку. Даже кинул его разок об стену, на успех, впрочем, не надеясь.

Конечно, он вспоминал подсказку Седрика, но Седрик был у него не в чести, и Гарри решил пока обойтись без его помощи. Да пожелай Седрик и правда помочь, сказал бы прямо, чего намекать-

то… Сказал же ему Гарри о драконе. А Седрик взамен советует искупаться в ванне. Хорош совет! Нет уж, обойдёмся без его помощи, пусть разгуливает по замку рука об руку с Чжоу.

За такими раздумьями кончились каникулы. Гарри нагрузил сумку книгами, пергаментом и перьями и стал, как всегда, ходить на уроки. А золотое яйцо продолжало мучить, словно жёрнов на шее, как будто вдобавок к тяжеленной сумке он ещё и яйцо носил с собой на занятия.

На улице по-прежнему лежали сугробы; стёкла теплицы профессора Стебль заросли ледяными узорами, гляди не гляди, ничего за окном не увидишь. На урок ухода за волшебными животными в такой холод ох как не хотелось идти.

— С соплохвостами не замёрзнешь, — буркнул перед уроком Рон, — придётся от них побегать. А то ещё хижину Хагрида подожгут — совсем будет жарко!

Снегу навалило за ночь! До хижины добрались, проваливаясь по пояс. У двери их встретила пожилая колдунья с короткой стрижкой и выдающимся вперёд подбородком.

— Быстрее, звонок прозвенел пять минут назад! — ещё издалека недовольно приказала она.

— Вы кто? А где Хагрид? — спросил её Рон.

— Моя фамилия Граббли-Дёрг, — представилась колдунья. — Я буду временно вести у вас уход за волшебными животными.

— А Хагрид где? — повторил громко Гарри.

— Нездоров.

За спиной у Гарри кто-то злорадно хихикнул. Он обернулся — к хижине приближался Драко Малфой с прочими слизеринцами. Их нисколько не удивило появление профессора Граббли-Дёрг.

— Идёмте за мной. — Учительница пошла вдоль загона, где ёжились и подрагивали от холода огромные золотые лошади Шармбатона.

Гарри, Рон и Гермиона двинулись следом, то и дело оглядываясь на хижину Хагрида: окна занавешены — может, у Хагрида жар и он лежит там совсем один.

— А что с ним? — едва поспевая за учительницей, спросил Гарри.

— Не ваше дело, — отрезала Граббли-Дёрг, словно Гарри спросил из праздного любопытства.

— Очень даже моё, — возразил Гарри. — Что с Хагридом?

Но профессор как будто оглохла. Обогнули загон — лошади для тепла сбились в кучку — и пошли дальше к лесу. На опушке к одному из деревьев был привязан великолепный единорог.

Девочки так и ахнули.

— Какой красивый! — всплеснула руками Лаванда Браун. — Где она его раздобыла? Их так трудно поймать!

Единорог был чистейшей белой масти, и по сравнению с ним даже снег выглядел сероватым. Он волновался, месил золотыми копытами снег, то и дело вскидывая голову с прямым, как стрела, рогом.

Гарри устремился было вперёд, но профессор Граббли-Дёрг остановила его, больно ткнув в грудь.

— Мальчикам остаться. Единороги предпочитают женскую руку. Девочки, вперёд, осторожнее. Идём медленно, не торопясь…

И профессор во главе кучки девочек осторожно двинулась к единорогу, а мальчики остались у ограды загона.

— Что с ним, как ты думаешь? Может, соплохвост… — спросил Гарри Рона, едва сердитая профессор отошла.

— Цел твой Хагрид и невредим, — сказал тихо Малфой. — Просто ему стыдно показаться на людях.

— Стыдно? Это ещё почему? — резко обернулся к Малфою Гарри.

Тот запустил руку в карман и достал свёрнутую газету.

— На, полюбуйся, — ухмыльнулся он, скроив притворно-жалостливую гримасу. — Не хотел тебя огорчать, да, видно, придётся…

Гарри взял газету, развернул и начал читать. Рон, Симус, Дин и Невилл, заглядывая через плечо, присоединились к нему. Газетная статья начиналась с фотографии Хагрида, выглядел он на ней как настоящий головорез.

КОЛОССАЛЬНАЯ ОШИБКА ДАМБЛДОРА

Альбус Дамблдор, директор школы волшебства «Хогвартс», всем известен своими чудачествами. Он, не колеблясь, назначает на должности преподавателей людей, которых иные не пустили бы на порог. В сентябре нынешнего года он удивил многих в Министерстве магии тем, что сделал учителем защиты от Тёмных искусств свихнувшегося экс-мракоборца, печально известного Аластора Грюма по прозвищу Грозный Глаз. Грюм славится тем, что нападает на любого, кто сделает рядом с ним резкое движение. Но Грозный Глаз Грюм просто сама доброта и

надёжность по сравнению с учителем-получеловеком, преподающим уход за волшебными животными.

Зовут его Рубеус Хагрид. Он когда-то и сам учился в школе «Хогвартс», но, как он сам признаётся, был отчислен на третьем курсе. Директор Дамблдор дал ему тогда должность лесничего. В прошлом году, однако, Хагрид, пользуясь влиянием на директора, получил должность учителя ухода за волшебными животными. Более достойным кандидатам на это место было отказано.

На Хагрида страшно смотреть — так он свиреп и огромен. Обретённая власть позволяет ему проводить над учениками бесчеловечные эксперименты — натравливать на них чудовищ. Уже есть жертвы. Дамблдор на всё закрывает глаза, студенты говорят, ходить на его уроки опасно.

— На меня бросился гиппогриф и поранил, а моего друга Винсента Крэбба укусил флоббер-червь, — сообщил нам студент четвёртого курса Драко Малфой. — Мы все терпеть не можем этого Хагрида, но дрожим от страха и потому

молчим.

Хагрид и дальше намерен запугивать учеников. Месяц назад в беседе с репортёром «Пророка» он рассказал, что вывел новый вид монстров, помесь мантикор с огненными крабами, и назвал их огненными соплохвостами. Эти соплохвосты очень опасны. Эксперименты по выведению волшебных животных, как известно, проводятся только с разрешения Департамента по надзору за волшебными существами. Но Хагрид, очевидно, считает себя выше таких мелочей.

— Я занимаюсь этим забавы ради, — пояснил Хагрид во время интервью и тут же сменил тему.

С недавних пор «Пророк» обладает неопровержимыми доказательствами, что Хагрид не чистокровный волшебник, каким он всегда притворялся. Он даже не человек. Его мать не кто иная, как великанша Фридвульфа, чьё нынешнее местонахождение неизвестно.

Великаны жестоки и кровожадны, весь прошлый век они воевали между собой и едва не истребили себя полностью.

Горстка оставшихся в живых примкнула к Тому-Кого-Нельзя-Называть, и именно они виновны в самых чудовищных массовых убийствах маглов.

Большинство великанов — слуг Того-Кого-Нельзя-Называть были истреблены мракоборцами Министерства магии, но Фридвульфа каким-то образом уцелела. Возможно, бежала за границу и была принята в одну из горных общин великанов. Судя по урокам ухода за волшебными существами, сын Фридвульфы унаследовал свирепость матери.

Говорят, что Хагрид, как ни удивительно, дружит с мальчиком, благодаря которому Сами-Знаете-Кто лишился силы и могущества, после чего матери Хагрида, как и прочим соратникам Сами-Знаете-Кого, пришлось бежать. Гарри Поттер, возможно, не знает горькой правды о своём огромном друге. Долг Альбуса Дамблдора — известить Гарри Поттера и других студентов о том, что иметь дело с полувеликанами чрезвычайно опасно.

Специальный корреспондент «Ежедневного пророка»
Рита Скитер

Гарри дочитал статью и взглянул на Рона. Тот раскрыл рот и вытаращил глаза.

— Откуда она узнала? Гарри повернулся к Малфою.

— Откуда ты взял, что Хагрида «терпеть не могут»? А о Крэббе какая чушь написана? — Гарри указал на Крэбба. — Когда это его червь кусал? У червей и зубов-то нет!

Крэбб, довольный собой, хохотнул.

— Надеюсь, теперь-то этого идиота выгонят. — Малфой злобно сверкнул глазами. — Надо же, полувеликан! А я-то думал, он в детстве бутылку «Костероста» случайно выпил… Вот папочки с мамочками засуетятся: а ну как это чудовище съест их деток… ха-ха-ха…

— Ты… ты…

— Вы где, на уроке? — прикрикнула профессор Граббли-Дёрг.

Девочки окружили единорога и ласково гладили его по бокам и шее. Гарри невидящими глазами глядел на увенчанную рогом голову. Он весь дрожал от гнева, и газетный лист прыгал

у него в руках. Профессор громко перечисляла волшебные свойства единорогов, чтобы её слова долетали и до мальчиков.

— Хорошо бы она у нас осталась! — воскликнула Парвати Патил после урока по дороге в замок. — Вот это, я понимаю, уход за волшебными животными. Единороги — не то что всякие там чудища…

— А как же Хагрид? — Гарри сердито поглядел на Парвати, шагая по каменной лестнице.

— А что? Будет лесничим, как и был, — пожала она плечами.

После бала Парвати не упускала случая насолить Гарри. Пожалуй, надо было обращать на неё побольше внимания, хотя она и так не скучала, подумал Гарри. Вон, всем болтает, что у неё в следующий выходной свидание в Хогсмиде с тем мальчиком из Шармбатона.

— Очень хороший урок, — сказала Гермиона в Большом зале. — Граббли-Дёрг столько всего рассказала! Я, оказывается, и половины не знаю о единорогах…

— На, почитай! — Гарри сунул ей под нос статью из «Пророка».

Гермиона пробежала листок глазами, разинула рот совсем как Рон и задала тот же самый

вопрос:

— Откуда Скитер всё это узнала? Неужели сам Хагрид ей сказал?

— Конечно, нет! — Гарри подошёл к гриффиндорскому столу и сел с размаху на стул. — Он и нам-то этого не говорил. Думаю, она здорово разозлилась на Хагрида, что он не стал на меня наговаривать. Где-то сама всё это разнюхала и отомстила ему.

— Может, она подслушала его разговор на балу с мадам Максим? — предположила Гермиона.

— В парке её не было, — ответил Рон. — Её на территорию школы не пускают. Хагрид говорит, Дамблдор запретил…

— А может, у неё плащ-невидимка? — предположил Гарри, достал из горшочка кусок курицы, в сердцах плюхнул себе на тарелку, так что брызги полетели во все стороны. — Спряталась в кустах и подслушала, не постеснялась.

— Как вы с Роном? — заметила Гермиона.

— По-твоему, мы нарочно? — обиделся Рон. — Что нам ещё было делать? Кто виноват, что простаку-Хагриду приспичило рассказывать о матери-великанше в таком месте, где его мог кто угодно услышать?

— Надо пойти к нему, — решил Гарри. — Сегод-

ня вечером, после урока предсказаний. Попросим его снова вести уроки. Ты разве не хочешь, чтобы он вернулся? — Гарри исподлобья взглянул на Гермиону.

— Я… мне, конечно, понравился урок Граббли-Дёрг, таких у нас ещё не было… Но я, конечно, хочу, чтобы Хагрид вернулся, — поспешила добавить Гермиона, поймав разъярённый взгляд Гарри.

После ужина вышли из замка и побрели по глубокому снегу к хижине Хагрида. На стук внутри глухо залаял Клык.

— Хагрид, это мы, — крикнул Гарри и снова заколотил в дверь. — Открой.

Хагрид молчал. Клык заскулил, зацарапал дверь, но дверь не отворилась. Они пробарабанили в дверь ещё с полчаса, а Рон даже сбегал постучал в окно, но Хагрид так и не вышел. Друзья махнули рукой и пошли обратно в замок.

— Нас-то он почему не пускает? — размышляла Гермиона. — Нам всё равно, человек он или полувеликан!

Похоже, Хагрид думал, что не всё равно. Он не показывался всю неделю: за завтраком, обедом и ужином его место за учительским столом пустовало, в лесу и окрестностях замка он не появлялся,

а уроки ухода за волшебными существами попрежнему вела профессор Граббли-Дёрг. Малфой открыто злорадствовал.

— Что, Поттер, скучаешь по приятелю-полукровке? Каков человек-слон, а? — шептал он Гарри на ухо, когда рядом был учитель, — боялся получить оплеуху.

В середине января объявили прогулку в Хогсмид. Гермиона очень удивилась, узнав, что Гарри тоже собрался идти.

— Я думала, ты останешься. В гостиной тихо, пора тебе подумать о загадке яйца.

— Я уже почти её разгадал, — соврал Гарри. — Есть неплохая идея.

— Правда? — поразилась Гермиона. — Вот молодец!

Гарри кольнула совесть, но он отмахнулся. На разгадку яйца есть больше месяца… А Хогсмид… Может, там будет Хагрид, и, может, они упросят его вернуться.

В субботу все вместе вышли из замка и пошли к воротам. Холод пробирал до костей. Дурмстрангский корабль стоял у берега на своём месте. На палубе появился Виктор Крам в одних плавках. При всей своей худобе он наверняка отличался отменным здоровьем: уверенно вспрыгнул на

борт и, вытянув вверх руки, нырнул в озеро.

— Сдвинулся! — воскликнул Гарри. Голова Крама вынырнула посредине озера. — Холодина такая, январь на дворе!

— Откуда он приехал, там ещё холоднее, — сказала Гермиона. — Наша вода ему, наверное, кажется тёплой.

— Но в озере живёт гигантский кальмар! — Беспокойства в голосе Рона не было, скорее надежда.

— Что с того, что он из Дурмстранга? — нахмурилась Гермиона. — Он очень хороший. Он мне сам сказал, у нас ему больше нравится.

Рон в ответ промолчал. После бала он ещё ни разу не заговаривал о Викторе Краме, а на второй день каникул Гарри нашёл у него под кроватью крохотную ручку, оторванную, судя по цвету одежды, от фигурки ловца сборной Болгарии.

В Хогсмиде было слякотно, особенно развезло Главную улицу. Гарри выглядывал Хагрида, но ни на улице, ни в лавках его не было, и Гарри предложил заглянуть в «Три метлы».

В пабе было, как всегда, людно. Гарри окинул взглядом столики — Хагрида не оказалось и здесь. Гарри сразу сник и поплёлся вслед за Роном и Гермионой взять по кружке сливочного пива. Ко-

нечно, лучше было остаться в замке и послушать лишний раз вой из яйца.

— Поглядите туда. Интересно, бывает он когда-нибудь на работе? — шепнула Гермиона и указала на зеркало за стойкой бара.

В нём отражался Людо Бэгмен. Он сидел в дальнем тёмном углу с группой гоблинов и что-то быстро им говорил. Гоблины угрожающе глядели на него исподлобья, скрестив на груди руки.

«Что это Бэгмен здесь делает в выходной день?» — подумал Гарри. До третьего тура ещё далеко, судить пока нечего. Гарри снова взглянул в зеркало на Бэгмена. Начальник Департамента магических игр и спорта был чем-то явно обеспокоен, совсем как той ночью в лесу, когда в небе появилась Чёрная Метка. Бэгмен посмотрел в сторону бара, заметил Гарри и поднялся из-за стола.

— Сейчас вернусь, — беззвучно пошевелил он губами в зеркале и, надев на себя неизменную мальчишескую улыбку, поспешил к Гарри. — Как дела, Гарри? Рассчитывал тебя здесь увидеть! Надеюсь, всё в порядке?

— Да, спасибо, — ответил Гарри.

— Можно с тобой переброситься парой слов наедине? Вы не против? — спросил Бэгмен у Рона и Гермионы.

— Нет… — ответил Рон и пошёл искать себе с Гермионой столик.

Бэгмен взял Гарри под руку и увёл его к дальнему концу стойки, подальше от мадам Розмерты.

— Хочу тебя ещё раз поздравить с победой над хвосторогой. Молодчина!

— Спасибо, — поблагодарил Гарри.

Бэгмен, видно, хотел что-то ещё сказать, поздравить можно и при Роне с Гермионой. Но он почему-то медлил, посмотрел в зеркало на гоблинов, те, не отрываясь, глядели на него и на Гарри раскосыми чёрными глазами.

— Беда с ними, — тихо сказал Бэгмен Гарри, заметив, что и Гарри глядит на гоблинов. — Толком по-нашему не говорят, прямо как болгары на Чемпионате мира. Но те хоть жестами могут изъясняться, так что другой человек поймёт. А эти тараторят на своём языке, гобблдигуке, а я из их языка знаю только одно слово: «бладвак», что значит «кирка». У меня, разумеется, это слово с языка не сорвётся, а то, чего доброго, подумают, что я угрожаю. — Бэгмен закончил тираду смешком.

— Что им от вас нужно? — спросил Гарри. Гоблины следили за каждым движением Бэгмена.

— Как бы тебе объяснить… — Бэгмен вдруг за-

ёрзал на стуле. — Они ищут Барти Крауча.

— А он им зачем? Здесь его нет, он в Лондоне, в Министерстве.

— В общем-то я… не знаю, где он сейчас. Он, видишь ли… на работу не ходит. Уже недели две. Его помощник Перси Уизли говорит, наверное, он заболел. Приказы присылает с совами. Только, чур, никому ни слова, ладно? А тут ещё эта репортёрша, Рита Скитер, везде крутится, всюду свой нос суёт. Пронюхай она о болезни Барти, глазом не успеешь моргнуть, настрочит новую гадость. Будет всех убеждать, что он пропал, как недавно Берта Джоркинс.

— А Берта Джоркинс нашлась?

— Нет ещё. — На лице Бэгмена снова появилось беспокойство. — Я послал на розыски. («Давно пора», — подумал Гарри.) Куда она запропастилась? До Албании-то доехала, это я точно знаю: там она виделась с двоюродным братом. Потом поехала на юг к тётке, и на пути как в воду канула… Что с ней стряслось — ума не приложу. Сбежала? На неё вроде не похоже. Хотя, кто её знает? Да что это мы с тобой о гоблинах да о Берте Джоркинс? Лучше расскажи о себе. — Бэгмен понизил голос. — Как с загадкой яйца?

— Почти разгадал, — снова соврал Гарри.

Но Бэгмен, похоже, догадался, что Гарри говорит неправду.

— Послушай, Гарри, — сказал он, переходя на шёпот. — Если говорить откровенно, что-то здесь нечисто… Ведь тебя принудили участвовать в Турнире. Да и вообще… — Тут он заговорил совсем неслышно, и Гарри наклонился вперёд. — Если я могу чем помочь, не стесняйся… Ну, ты понимаешь… Ты мне с первого взгляда понравился… И с драконом разделался так умно. Так что только попроси помощи…

Гарри поглядел Бэгмену прямо в лицо. Такое розовощёкое, с голубыми глазами, точно у младенца.

— Я сам должен разгадать эту загадку, — осторожно ответил Гарри. Пусть начальник Департамента магических игр и спорта не думает, что Гарри Поттер его укоряет.

— Ну разумеется. Просто мы все очень хотим, чтобы победу одержал ученик «Хогвартса».

— Вы и Седрику предлагали помощь?

По лицу Бэгмена пробежало облачко.

— Нет, не предлагал. Как бы тебе объяснить… Говорю тебе, ты мне понравился. И я именно тебе хотел бы помочь…

— Спасибо большое. Я почти разгадал загадку,

ещё пара дней, и всё станет ясно.

Гарри и сам толком не знал, почему отказался. Бэгмен ему чужой человек, и помощь его смахивает на жульничество. Дружеские советы Рона, Гермионы или Сириуса — дело совсем другое.

Бэгмен явно обиделся, но тут подошли Фред и Джордж, и он больше ничего не прибавил.

— Здравствуйте, мистер Бэгмен, вот уж не думали вас здесь сегодня встретить! — воскликнул Фред. — Позвольте вас угостить?

— Нет… — Бэгмен напоследок разочарованно взглянул на Гарри. — Нет, ребята, большое спасибо…

Близнецы с таким же разочарованием посмотрели на Бэгмена; тот насупился, словно Гарри здорово его подвёл, и стал прощаться.

— Ладно, мне пора бежать. Рад был с вами повидаться. Удачи, Гарри.

И он поспешил к двери. Гоблины повскакали со стульев и пустились вдогонку. Гарри подсел к Рону и Гермионе.

— Чего он хотел? — спросил Рон.

— Помочь решить загадку яйца.

— Не может быть! — опешила Гермиона. — Он же судья. Тебе и помощь уже не нужна, правда?

— В общем, правда…

— Что бы сказал Дамблдор? Бэгмен предлагает сжульничать! — покачала головой Гермиона. — А Седрику-то он предлагал помощь?

— Нет, я спрашивал.

— Причём тут Диггори! — возмутился Рон, и Гарри в душе с ним согласился.

— Интересно, что здесь делали эти гоблины? — Гермиона отхлебнула из кружки. — Вид у них был не очень-то дружелюбный.

— Бэгмен сказал, они ищут Крауча. Он болеет, его уже давно нет на работе.

— Может, Перси его отравил? — сказал Рон. — А что? Отправит Крауча на тот свет и сам станет начальником Департамента международного магического сотрудничества.

Гермиона укоризненно глянула на Рона, как будто хотела сказать: «Такими вещами не шутят».

— Зачем гоблинам Крауч? Они обычно имеют дело с Департаментом надзора за волшебными существами…

— А может, им нужен переводчик? — пожал плечами Гарри. — Крауч языков сто знает.

— Пожалела маленьких бедненьких гоблинов? — пошутил Рон. — Хочешь ещё ОЗУГ открыть? Общество защиты уродливых гоблинов?

— Очень смешно! — иронически усмехнулась Гермиона. — Гоблины и сами за себя постоять могут. Ты, наверное, плохо слушал профессора Бинса? Забыл, что он рассказывал о восстаниях гоблинов?

— Совсем не слушал, — ответил Рон.

— Кто же его слушает! — поддержал друга Гарри.

— Ну так я вам скажу. Гоблины на равных общаются с волшебниками. — Гермиона отхлебнула из кружки. — Они очень умны. Это вам не пугливые эльфы-домовики.

Рон взглянул на входную дверь и увидел Риту Скитер.

— Только её не хватало! — скривился он.

На репортёрше сегодня жёлтый плащ, ногти покрыты ярко-малиновым лаком. Сопровождал её, как всегда, пузатенький фотограф. Скитер взяла пару бокалов, и они сели за столик неподалёку от троих друзей, не спускавших с неё глаз. Скитер быстро и весело о чём-то говорила.

— …он сегодня неразговорчив, правда, Бозо? Почему, как ты думаешь? И что ему понадобилось от этих гоблинов? Достопримечательности им показывает… Тоже мне, придумал! Врать он никогда не умел. Как, по-твоему, стоит покопаться

в этом деле? Статью назовём так «Падение Людо Бэгмена, бывшего главы Департамента волшебных видов спорта». А? Надо только подыскать историю под это название.

— Опять собираетесь испортить кому-то жизнь? — громко спросил Гарри.

Кое-кто из сидящих вокруг обернулись. Рита Скитер увидела Гарри и расширила глаза.

— Гарри! — радостно воскликнула она. — Вот так сюрприз! Посиди с нами…

— Я к вам на пушечный выстрел не подойду! Как вы могли написать про Хагрида такую мерзость?!

Скитер вскинула густо подведённые брови.

— Читатели имеют право знать правду, Гарри. Я всего лишь честно делаю свою работу…

— Что с того, что он полувеликан? — продолжал бушевать Гарри. — Он замечательный!

В пабе примолкли. Мадам Розмерта глядела из-за стойки, раскрыв рот; мёд лился через край кувшина, который она держала в руке.

Улыбка на губах Скитер слегка дрогнула, но тут же стала ещё шире. Поспешно раскрыв сумочку из крокодиловой кожи, она достала пергамент и Прытко Пишущее Перо.

— Как насчёт интервью, Гарри? Расскажи о Ха-

гриде, ты его хорошо знаешь. Что скрывается за горой мускулов? А ваша неправдоподобная дружба? Что за этим стоит? Он заменяет тебе отца?

Гермиона вскочила, сжимая в руке кружку, как гранату.

— Вы гнусная женщина! — проговорила она сквозь стиснутые зубы. — Для ваших позорных статей годится что угодно и кто угодно. Даже Людо Бэгмен…

— Сядь, глупая девчонка, и не говори о том, чего не знаешь, — холодно сказала Скитер, глядя на Гермиону с ледяным презрением. — Я знаю о Людо Бэгмене такое, от чего у тебя волосы на голове дыбом встанут. Хотя в этом ты не нуждаешься… — прибавила она, взглянув на копну волос Гермионы.

— Гарри, Рон, пойдёмте отсюда, — позвала Гермиона. Троица под взглядами всего паба пошла к двери. На пороге Гарри обернулся. Прытко Пишущее Перо Скитер быстро-быстро бегало по куску пергамента. Друзья вышли на улицу и поспешили к замку.

— Теперь она и о тебе напишет, — с опаской произнёс Рон.

— Пусть попробует! Я ей покажу «глупую девчонку». — Гермиона дрожала от гнева. — Найду,

как с ней расквитаться. Сперва про Гарри, потом про Хагрида…

— Риту Скитер лучше не злить, — сказал Рон. — Она тебе этого не забудет…

— А я её не боюсь, мои родители не волшебники, «Пророк» не читают, так что прятаться я не стану.

Гермиона шла так быстро, что Гарри с Роном едва за ней поспевали. Только однажды на памяти Гарри она так сердилась. Когда влепила Малфою пощёчину.

— И Хагрид больше не будет её бояться. Нашёл из-за чего! Ну что вы там еле тащитесь? Идёмте скорее!

И Гермиона побежала что есть духу к воротам замка с двумя крылатыми вепрями на столбах и прямо к хижине Хагрида. Гарри с Роном вприпрыжку за ней.

Занавески на окнах домика егеря были все также задёрнуты, изнутри доносился лай Клыка. Забарабанив в дверь, Гермиона закричала:

— Хагрид! Хагрид, открой! Ты ведь дома! Какая разница, великанша твоя мать или нет. Плюнь ты на эту писаку Скитер. Открывай, Хагрид, ты же…

Дверь отворилась.

— Ну, вот, давно по… — Гермиона осеклась на

полуслове. На пороге вместо Хагрида стоял Альбус Дамблдор.

— Добрый день, — приветливо улыбнулся он.

— А мы к Хагриду, — пролепетала Гермиона.

— Я так и подумал, — сказал Дамблдор, весело поблёскивая глазами. — Зайдёте?

— Зайдём… пожалуй, — согласилась Гермиона.

И они все трое вошли в хижину. Клык, не медля, разлаялся как сумасшедший, кинулся на Гарри и принялся лизать ему уши. Гарри отстранил собаку и огляделся.

Хагрид сидел за столом, на котором стояли две большие кружки чаю. Вид у него, прямо сказать, был ужасный: глаза опухли, лицо в красных пятнах, а уж о волосах и говорить нечего — нечёсаные, они смахивали на огромный моток спутанной проволоки.

— Привет, Хагрид, — сказал Гарри. Хагрид приподнял голову и просипел:

— А-а, привет.

— Надо бы ещё чаю, — сказал Дамблдор, достал волшебную палочку и покрутил ею в воздухе. Над столом появился поднос с чайником и чашками на блюдцах и тарелка пирожных. Дамблдор опустил поднос и пирожные на стол, все уселись и для приличия немного помолчали. — Хагрид,

ты слышал, что кричала за дверью мисс Грэйнджер? — улыбнулся Дамблдор.

Гермиона зарделась.

— Судя по тому как Гермиона, Гарри и Рон ломились в дверь, они по-прежнему не прочь дружить с тобой.

— Ну, конечно, Хагрид! Ты наш лучший друг! — воскликнул Гарри. — Неужто из-за этой дрянной… простите, господин директор, — прибавил он, виновато глядя на Дамблдора.

— Я не расслышал, Гарри, что ты сказал. Глухота приключилась, что ли? — ответил Дамблдор, глядя в потолок и вертя одним вокруг другого большими пальцами.

— А-а… ну да, — сконфуженно кивнул Гарри. — Я только хотел сказать… Хагрид, неужели ты подумал, будто из-за этой… репортёрши мы перестанем с тобой дружить?

Две огромные слезы выкатились из глаз Хагрида и потекли на густую бороду.

— Я же тебе говорил, Хагрид. — Дамблдор всё ещё глядел в потолок. — А письма от родителей? Я тебе их показывал. Они помнят тебя с тех пор, как сами учились в Хогвартсе. Ты же читал. Если я тебя сейчас уволю, они этого так не оставят…

— Не все. Кое-кто хочет, чтобы меня выгнали.

— Долго же тебе придётся сидеть, запершись в хижине, если хочешь дождаться, пока тебя все полюбят. — Дамблдор чуть нахмурился и поглядел на Хагрида поверх очков. — С тех пор как я здесь директором, не проходит недели, чтобы в школу не прилетела сова с письмом от недовольных моей работой. Что же, прикажешь мне запереться у себя в кабинете и никого не видеть и не слышать?

— Но вы же не полувеликан, — прохрипел Хагрид.

— Ладно тебе, Хагрид! А у меня кто родственники? Семейство Дурслей! — не выдержал Гарри.

— Ну вот, Хагрид, хороший тебе пример, — подхватил Дамблдор. — А мой брат? Аберфорта обвинили в том, что он на козле испытывал недозволенные заклинания. Все газеты про это писали. И что ты думаешь, Аберфорт от всех спрятался? Ничего подобного! Продолжал как ни в чём не бывало работать. Правда, не знаю, умеет ли он читать. Может, это вовсе и не мужество…

— Хагрид, выйди из своей хижины и вернись в школу, — ласково сказала Гермиона. — Вернись, мы все по тебе скучаем.

Хагрид сглотнул, и по его щекам и бороде потекли новые потоки слёз. Дамблдор поднялся

из-за стола.

— Как хочешь, Хагрид, но я не подпишу твоё заявление об уходе. В понедельник приступай к работе. Жду тебя в половине девятого к завтраку в Большом зале. И никаких отговорок. До свидания.

Дамблдор на прощанье почесал Клыка за ухом и ушёл. Хагрид закрылся огромными ручищами и зарыдал. Гермиона погладила его по плечу. Хагрид отнял руки от лица и поглядел заплаканными глазами на друзей.

— Великий человек… Дамблдор…

— Это точно, — подтвердил Рон. — Можно мне пирожное, Хагрид?

— Ну, конечно. — Хагрид вытер слёзы тыльной стороной ладони. — Прав директор, вы все правы… И чего это я, правда? Старик-отец со стыда бы сгорел… — Он снова заплакал и тут же смахнул слёзы. — Показывал я вам отцовскую карточку? Подождите-ка…

Он встал, подошёл к кухонному шкафу, выдвинул ящик и достал старую выцветшую фотографию: на плече Хагрида сидит крошечный волшебник с глазами Хагрида и такими же, как у него, улыбчивыми морщинками в уголках глаз.

Судя по яблоне на снимке, Хагрид уже ростом

метра два с половиной, но совсем ещё мальчик: без бороды, лицо круглое, гладкое — лет одиннадцати, не больше.

— Здесь меня только что приняли в Хогвартс, — всхлипнул Хагрид. — Отец себя не помнил от радости! Хоть волшебник из меня мог и не выйти — из-за матери… Да, по чести, не больно-то я был силён в волшебных науках… Спасибо на том, что выгнали меня уж после… как он помер… я был тогда на третьем курсе… Дамблдор мне сразу помог. Устроил лесничим. Людям он верит, вот что главное, пропасть не даст… Не такой, как другие начальники. Был бы у человека какой талант, а уж он-то его приютит. Что ж делать, коли семья неподходящая, сам-то он, может, и ничего… Да кто на это глядит? Рады напраслину возвести… А другие ещё и прикидываются: кость, говорят, широкая. Ни за что не скажут: «Я такой, какой есть, и всё тут». Отец говорил: «Никогда себя не стыдись. Злыдни всегда найдутся. А ты плюнь на них, другого они не стоят». Прав он был. А я дурень, дубина. И она такая же, вот что. «Широка в кости…» Ну и пусть её со своими костями!

Гарри, Рон и Гермиона смущённо переглянулись. Лучше полсотни соплохвостов вывести на прогулку, чем признаться Хагриду, что подслу-

шали нечаянно его разговор с мадам Максим. Хагрид, впрочем, не замечал, что у него сорвалось с губ, и продолжал как ни в чём не бывало.

— Знаешь, Гарри, я как увидал тебя, сразу подумал: похожи мы с тобой. — Хагрид оторвал от фотографии заблестевший взгляд. — Родителей у тебя нету, в школу идти боялся: а ну, как не выйдет, ну, как не придёшься ко двору? А вот, гляди-ка — чемпион школы, в Турнире участвуешь… — помолчав немного, Хагрид прибавил: — Знаешь, чего я хочу? — серьёзно сказал он. — Покажи им. Выиграй. Пусть знают, чистая у тебя кровь, нет ли — неважно. И родных нечего стыдиться. Пусть знают, прав Дамблдор, не зря принимает в школу всех, кто к волшебству способен. Ну как у тебя с драконьим яйцом?

— Замечательно!

Заплаканное лицо Хагрида расплылось в улыбке.

— Вот умница! Покажи им всем, Гарри, покажи! Стань победителем.

Солгать Хагриду — совсем не то что солгать другим. Весь вечер в замке у Гарри в глазах стояло счастливое бородатое лицо Хагрида, верившего в победу Гарри. Неразгаданная тайна яйца тяжёлым грузом лежала на сердце: глупо дуться на

Седрика, завтра же попробует воспользоваться его советом.

Глава 25
Золотое яйцо и волшебный глаз

Принять ванну лучше всего ночью, решил Гарри: кто знает, сколько уйдёт на разгадку золотого яйца? А ночь длинная. Не очень-то приятно быть обязанным именно Седрику, но, конечно, лучше всего подойдёт ванная факультетских старост. В ней мало кто моется, можно пересчитать по пальцам. Значит, никто не помешает.

Гарри тщательно подготовился к вылазке. Школьный завхоз Филч уже раз поймал его ночью в неположенном месте и снова попадаться совсем ни к чему. Самое главное — мантия-невидимка, да ещё Карта Мародёров, с ними не так опасно нарушать школьные правила. На карте весь замок Хогвартс с потайными ходами и коридорами, сокращающими путь, и что очень важно, Карта показывает людей в замке в виде точек, помеченных именами. Точки движутся по переходам и комнатам, так что Гарри сразу заметит приближающегося к ванной человека.

В четверг вечером Гарри поспешил в спальню, надел мантию-невидимку, спустился опять в

гостиную и стал ждать. На этот раз, в отличие от вечера, когда Хагрид показал ему драконов, снаружи к гостиной подошёл Рон и в назначенную минуту сказал Полной Даме пароль «Банановые оладьи».

— Удачи, — шепнул он Гарри, вошёл в гостиную, а Гарри, невидимо скользнув мимо, отправился в ванную старост.

Идти было неудобно — тяжёлое яйцо под мышкой, в руке перед глазами волшебная Карта и поверх всего — мантия. К счастью, в залитых лунным светом коридорах было тихо и безлюдно. На поворотах Гарри сверялся с Картой: никаких опасных встреч не предвиделось. Вот и статуя Бориса Бестолкового, на лице недоумение, перчатки надеты не на ту руку. Гарри отсчитал от статуи нужную дверь, подошёл ближе и шёпотом произнёс пароль «Сосновая свежесть», как советовал Седрик.

Дверь скрипнула и отворилась. Гарри проскользнул в ванную, запер дверь на задвижку, снял мантию-невидимку и огляделся.

Да, только ради такой ванной захочешь стать старостой. Просторная комната выложена белым мрамором. С потолка свисает великолепная люстра с горящими свечами. Посередине ком-

наты прямоугольный бассейн — тоже из белого мрамора, по краям него около сотни золотых кранов, украшенных самоцветами, у ближнего края трамплин. На окнах льняные занавеси почти до пола; в углу большая стопка белых пушистых полотенец. На стене единственная картина в золотой рамке — на скале спит русалка, светлые волосы разбросаны по лицу и мерно вздымаются от её дыхания.

Гарри положил на пол свои вещи и подошёл к бассейну. Шаги гулким эхом отдавались в пустой мраморной комнате. Как бы ни была роскошна ванная, как бы ни хотелось открыть хоть несколько кранов, Гарри никак не мог отделаться от мысли, что Седрик просто решил над ним подшутить. Как можно, купаясь в бассейне, разгадать тайну золотого яйца? Ладно уж, пришёл так пришёл. Гарри положил полотенце, мантию и Карту с яйцом поближе к краю бассейна, встал на колени и открыл сразу несколько кранов.

Из кранов полилась вода с пеной для ванн. Такой пены Гарри ещё не видывал. Из одного вырывались розовые и голубые мыльные пузыри размером с футбольный мяч, из другого текла густая белоснежная пена. На такую пену, кажется, можно лечь. Третий кран испускал душистые

лиловые облака, и они медленно расплывались над самой поверхностью воды. Гарри открывал и закрывал краны, любуясь разноцветными струями. Особенно ему понравилась лёгкая струя, вся из пузырьков, которая, едва касаясь воды в бассейне, тут же взлетала в воздух и на мгновение застывала высокими арками. Бассейн хоть и немаленький, очень быстро наполнился горячей водой, пеной и пузырями. Гарри закрыл краны, снял халат, тапочки, пижаму и осторожно опустился в воду.

Бассейн был довольно глубокий, Гарри едва касался ступнями дна. Он несколько раз переплыл бассейн туда и обратно, вернулся к яйцу, встал у бортика и призадумался. Приятно, конечно, купаться в горячей душистой воде, полной разноцветной пены и пузырьков, вот только разгадка ни на йоту не приблизилась.

Гарри стряхнул пену с рук, взял с пола яйцо и раскрыл. Знакомый пронзительный вой разнёсся по ванной, эхом отражаясь от мраморных стен — разобрать в нём что-то не было никакой возможности! Гарри поскорее захлопнул яйцо: не услышал бы Филч! Неужели и правда, это шутка Седрика? И тут вдруг случилось такое, от чего Гарри дёрнулся, поскользнулся, выпустил из рук

яйцо, и оно, упав на пол, откатилось к стене.

— Я бы на твоём месте опустила его в воду, — произнёс чей-то голос.

От неожиданности Гарри наглотался пены. Переведя дух, встал и увидел привидение хмурой девочки, сидевшее, скрестив ноги, на кране. Это была Плакса Миртл. Она жила в туалете двумя этажами выше и часто рыдала в трубе под раковиной, а тут вдруг появилась в ванной старост.

— Ты что, Миртл!? — возмутился Гарри. — Я же совсем голый!

Под толстым слоем пены, правда, ничего не видно, но Гарри почему-то подумал, что Миртл с его прихода сидела в одном из кранов и подглядывала.

— Я зажмурилась, когда ты разделся и полез в ванну, — сказала Миртл, мигая за толстыми стёклами очков. — Ты сто лет не приходил меня навестить.

— Да, правда… — Гарри согнул колени, чтобы Миртл, кроме головы, ничего не видела. — Но мне в твой туалет нельзя, он для девочек.

— Да-а! Раньше-то ты заходил! И хоть бы что! — сокрушалась Миртл.

Миртл говорила правду. Гарри с Роном и Гермионой, бывало, часами сидели в туалете Миртл,

который тогда не работал. Варили тайком запрещённое Оборотное зелье. Выпив его, Гарри и Рон приняли на час облик Крэбба и Гойла, дружков Малфоя, и проникли в гостиную слизеринцев.

— Мне за это был нагоняй, — ответил Гарри. Это было не совсем так, выйдя однажды из туалета Миртл, Гарри нарвался всего лишь на Перси. — И я перестал к тебе заходить.

— Тогда ладно… — Плакса Миртл ущипнула на подбородке прыщик. — А яйцо опусти в воду. Так Седрик Диггори делал.

— Ты и за ним шпионила? — поморщился Гарри. — Каждый вечер здесь объявляешься, смотришь, как купаются старосты?

— Изредка… — слукавила Миртл. — И ещё ни разу не выходила из крана, ни с кем не заговаривала.

— Спасибо за честь, — съязвил Гарри. — Закрой глаза и не открывай, пока не скажу.

Миртл послушно прижала ладони к очкам, а Гарри вылез из бассейна, обернувшись полотенцем, принёс золотое яйцо. И опять нырнул в бассейн. А Миртл, взглянув сквозь пальцы, посоветовала:

— Теперь открой его под водой.

Гарри опустил яйцо в воду и раскрыл. На этот

раз яйцо не завыло, в нём забулькала какая-то песенка, но слов её Гарри не разобрал.

— А ты сам нырни под воду, — командовала Миртл с удовольствием. — Ну же, ныряй!

Гарри набрал в грудь воздуха, сел под водой на мраморный пол и прислушался: из раскрытого яйца звучал хор голосов, от которых у него мурашки побежали по коже:

Ищи, где наши голоса звучать могли бы,

Но не на суше — тут мы немы, словно рыбы.

Ищи и знай, что мы сумели то забрать,

О чём ты будешь очень сильно горевать.

Ищи быстрей — лишь час тебе на розыск дали

На возвращение того, что мы украли.

Ищи и помни, отправляясь в этот путь,

Есть только час, потом пропажи не вернуть.

Гарри оттолкнулся от пола, вынырнул и, встрях-

нув головой, откинул волосы с лица.

— Ну что, слышал? — поинтересовалась Миртл.

— Ага. «Наш дом совсем не суша, наш дом там, где поём…» Выходит, они… погоди-ка, послушаю ещё раз. — Гарри опять набрал в грудь воздуха и нырнул под воду.

Он нырял ещё три раза, пока наизусть не запомнил песню золотого яйца. После чего принялся ходить по комнате, ломая голову. Миртл сидела на кране и молча глядела на него.

— Гм… Надо найти людей, которые не могут говорить на земле… — рассуждал Гарри. — Кто бы это мог быть?

— Долго думаешь, — развеселилась Миртл.

Только раз на памяти Гарри Плакса Миртл так сияла. Тогда её обрадовали кошачья морда и хвост, которые Гермиона обрела под действием своего зелья.

Гарри окинул ванную комнату взглядом. Поющие голоса слышны только под водой, значит, их обладатели под водой и живут. Гарри поделился догадкой с Миртл.

— И Диггори до этого дошёл, — ухмыльнулась она. — Лежал-лежал, думал-думал, пока все пузыри в бассейне не полопались.

— Под водой… под водой… Миртл, скажи, а кто живёт у нас в озере, кроме гигантского кальмара?

— Да мало ли кто! Я иногда прогуливаюсь в озере. То по собственной воле, то по чужой. Иной раз сижу в бачке, кто-нибудь спустит воду, глядишь — я и в озере.

Гарри вообразил, как Миртл летит по канализационной трубе вместе с содержимым унитаза, поёжился и спросил:

— Ну, а кто там живёт, говорящий по-человечески? Погоди, погоди…

Взгляд Гарри упал на единственную в ванной картину.

— А русалки с тритонами в озере есть?

— Ну, наконец-то! — Глаза Миртл заискрились. — Сообразил быстрее, чем Диггори. А ведь она тогда не спала, — Миртл с отвращением кивнула в сторону русалки, — хихикала, била хвостом, в общем, завлекала.

— Ага! — радостно воскликнул Гарри. — Значит, во втором испытании надо найти в озере русалок с тритонами и… и…

До Гарри вдруг дошёл смысл разгадки, и он сник, словно из него вытащили пробку и вся радость вытекла. Он ведь не так хорошо плавает.

Дадли учился плавать, а Гарри нет. Тётя Петунья с дядей Верноном, похоже, надеялись, что в один прекрасный день он утонет и освободит их от своего присутствия. Бассейн в ванной — это одно, а большое глубокое озеро — совсем другое! Тем более что водный народ наверняка живёт на самом дне…

— Как же там дышать? — растерянно спросил Гарри.

У Миртл на глаза навернулись слёзы.

— Какая бестактность! — с укором произнесла Миртл и полезла в карман за носовым платком.

— Бестактность? — не понял Гарри.

— Разумеется! «Как дышать?» Говорить такое при мне?! — возопила Миртл на всю ванную. — Я не… — хлюпнула она, — не дышу… столько лет… — прижала к лицу носовой платок и громко высморкалась.

Гарри вспомнил — Миртл очень обижалась, когда заговаривали о смерти. Другие привидения не были столь ранимы.

— Прости, я не хотел… Я просто забыл…

— Да-а, очень, очень легко забыть, что Миртл умерла, — рыдала Плакса Миртл. — Про меня про живую все забывали. А уж когда я умерла, моё тело и не искали. Я всё знаю, сидела там и ждала.

Оливия Хорнби вошла в туалет и крикнула: «Перестань дуться, Миртл. Профессор Диппет велел тебя привести…» — и вдруг увидела моё тело. До самой смерти потом помнила — уж я постаралась. Частенько являлась ей, чтобы не забыла. На свадьбе её брата, как сейчас помню…

Гарри не слушал Миртл, вдумываясь в песню русалок. Они пели: «…мы сумели то забрать, о чём ты будешь очень сильно горевать». Значит, они что-то украли, и надо будет это вернуть. Но что?

— …Она, конечно, нажаловалась в Министерство Магии, и мне пришлось вернуться сюда. Так я с тех пор и живу в моём туалете.

— Ладно, — рассеянно бросил Гарри. — Я теперь многое знаю. Зажмурься, пожалуйста, я вылезу.

Он достал со дна ванны яйцо, вылез, хорошенько вытерся полотенцем, надел пижаму, халат и потянулся за мантией-невидимкой.

— Будешь заходить ко мне в туалет? — уныло спросила Миртл.

— Как-нибудь зайду… — ответил Гарри, а сам подумал: разве что все другие туалеты испортятся. — Пока, Миртл. Спасибо за помощь. — И натянул мантию-невидимку.

— Пока, — всхлипнула на прощанье Миртл и нырнула обратно в кран.

Гарри вышел из ванной в тёмный коридор и сверился с Картой: нет ли кого поблизости. Точки с именами Филча и Миссис Норрис у себя в кабинете. Вроде бы все ещё спят, кроме полтергейста Пивза, — он носится этажом выше в Зале Славы. Гарри двинулся было в сторону своей башни, как вдруг заметил на Карте какое-то новое движение.

В нижней комнате слева — в кабинете Северуса Снегга мечется точка, подписанная… «Бартемиус Крауч».

Гарри поднёс карту к самым глазам. Мистер Крауч как будто болен, даже на работу не ходит, и на Святочном балу не был. Что же он делает в час ночи в Хогвартсе? Точка сновала по всей комнате, останавливаясь то в одном углу, то в другом.

Гарри в нерешительности помедлил, но любопытство пересилило. Он развернулся и пошёл к ближайшей лестнице, ведущей вниз. Что же всё-таки у мистера Крауча на уме?

Гарри неслышно спускался по ступеням, но несколько картин, однако же, обернулись на скрип половиц и шорох пижамы. Этажом ниже Гарри, пройдя полкоридора, приподнял висевший на стене гобелен и вышел на узкую лестницу, которая сокращала путь на два этажа. Опять

взглянул на карту с недоумением: как это мистер Крауч, такой правильный, законопослушный, вдруг среди ночи забрался в чужой кабинет?

Гарри опять пошёл вниз и вдруг провалился одной ногой в дыру. Его так занимало странное поведение мистера Крауча, что он совсем забыл о ложной ступеньке, куда вечно проваливался Невилл. Гарри дёрнул ногу, золотое яйцо, ещё влажное, выскользнуло из подмышки, он рванулся за ним, не поймал, и яйцо поскакало по ступеням с таким грохотом, словно кто-то бил в большой барабан. Мантия-невидимка поползла с плеча, Гарри успел подхватить её, но выронил Карту Мародёров, которая упала шестью ступенями ниже. Нога Гарри по колено застряла в дыре, до Карты не дотянуться.

Золотое яйцо набрало скорость, пролетело сквозь нижний гобелен, маскирующий выход из потайной лестницы, раскрылось и завыло на весь коридор.

Гарри вынул волшебную палочку, хотел убрать изображение на Карте, но не достал. Поправил мантию, выпрямился и в страхе замер.

— Пивз!!! — раздался голос.

Завхоз Филч вышел на охоту. Он был ещё далеко, но Гарри узнал торопливую стариковскую

походку и хриплый сердитый голос.

— Ты чего там грохочешь? Весь замок поднимешь на ноги! Ох, доберусь я до тебя, Пивз! Ох, доберусь! А здесь у нас что?..

Шаги затихли, яйцо клацнуло, и вой прекратился. Гарри стоял, не шелохнувшись, и слушал, ногу крепко зажало в заколдованной ступеньке. Филч станет искать Пивза, откинет гобелен, а Пивза-то тут и нет… Пойдёт, чего доброго, наверх и наткнётся на Карту Мародёров… Тогда и мантия-невидимка не поможет, Филч сразу заметит на Карте точку «Гарри Поттер» — там, где он стоит.

— Гляди-ка, киска, золотое яйцо, — сказал Филч. (Стало быть, Миссис Норрис с ним.) — Да это же загадка для второго тура. Яйцо кого-то из чемпионов.

У Гарри заколотилось сердце и потемнело в глазах.

— Пивз, выходи, ворюга! — ликуя, заорал Филч. Он отдёрнул гобелен и сунул в брешь голову, лицо одутловатое, выцветшие глаза навыкате. Филч поглядел вверх, вниз и никого не увидел.

— Спрятался? Ну ничего, я до тебя доберусь. Последнее дело — воровать у чемпионов. Уж теперь-то Дамблдор тебя выгонит! Выходи, говорю,

полтергейст!

Филч пошёл вверх по лестнице, худая серо-коричневая кошка бежала рядом. Глаза Миссис Норрис — два фонаря — глядели прямо на Гарри. И ему снова пришло в голову: вдруг кошки видят человека под мантией-невидимкой. От этой мысли он чуть не лишился сознания. А Филч в старом бумазейном халате был всё ближе, ближе. Гарри ещё раз дёрнул ногу, но только глубже увяз. Филч вот-вот увидит карту или, хуже того, наткнётся на самого Гарри.

— Филч? Что тут происходит? — раздался голос.

Остановившись шагах в двух от Гарри, Филч обернулся. Внизу лестницы стоял тот, кого Гарри боялся больше, чем Филча — Северус Снегг. Судя по ночной рубашке, он только что встал с постели, а судя по выражению лица, был зол как собака.

— Пивз скатил вниз вот это яйцо, профессор, — негодовал Филч.

Снегг взбежал по лестнице к Филчу. Гарри стиснул зубы, сердце колотилось как бешеное…

— Пивз, по-вашему? — Снегг глядел на яйцо в руках Филча. — Но Пивз не мог забраться в мой кабинет…

— Яйцо лежало у вас в кабинете?

— Разумеется, нет! Я услышал вой и стук по ступенькам…

— Верно, профессор, это яйцо катилось…

— …и пошёл посмотреть…

— …его кинул Пивз…

— …по дороге я заметил, что в моём кабинете горят факелы, а дверца шкафа открыта настежь. Кто-то там хозяйничал.

— Но Пивз не мог…

— Конечно не мог! Я запечатываю кабинет заклинанием, которое может снять только волшебник. — Снегг поглядел вверх сквозь Гарри, потом вниз. — Идёмте, Филч, поможете найти взломщика.

— Профессор, но я хотел…

Филч с сожалением поглядел сквозь Гарри. Другой такой возможности поймать Пивза с поличным не скоро дождёшься.

«Иди. Ну иди со Снеггом! Ну, пожалуйста», — мысленно просил Гарри. Миссис Норрис выглянула из-за ног хозяина. Наверняка учуяла запах… Зачем только налил в бассейн столько душистой пены?

— Профессор, — скулил Филч, — Пивз украл вещь студента. Теперь-то уж директор меня

послушает и навсегда вышвырнет мерзкого полтергейста из замка…

— Да что мне ваш полтергейст? В мой кабинет залезли, а вы тут…

Клак, клак, клак, — послышались шаги.

Снегг осёкся. Оба с Филчем посмотрели вниз. Между их голов Гарри увидел Грюма. Грозный Глаз вышел из-за гобелена в длинной ночной рубашке, поверх которой был наброшен старый походный плащ. Он, как всегда, опирался на свою палку.

— Вечеринка в пижамах? — ухмыльнулся Грюм.

— Мы с профессором Снеггом услышали шум, — поспешил объяснить Филч. — Полтергейст Пивз, как всегда, хулиганит. А профессор Снегг обнаружил, что кто-то забрался в его каби…

— Замолчите! — прошипел Снегг.

Грюм шагнул к лестнице, поглядел волшебным глазом на Снегга, потом на Гарри.

Гарри встрепенулся. Грюм же видит сквозь мантию-невидимку! Забавная сцена ему представилась: Снегг в ночной рубашке, у Филча в руках золотое яйцо, а Гарри увяз ногой в одной из ступенек. От изумления кривой рот Грюма повело в сторону. Несколько мгновений они с Гарри

глядели друг другу в глаза. Затем Грюм устремил голубой глаз на Снегга.

— Я верно расслышал? Кто-то проник к вам в кабинет, Снегг?

— Неважно.

— Напротив, очень важно. Кому понадобилось забраться в ваш кабинет?

— Какому-нибудь студенту. — На жирном, блестящем виске Снегга забилась жилка. — Это не первый раз. Воруют вещества для зелий из моего личного запаса. Варят незаконные зелья.

— Стало быть, вещества для зелий? А может, вы чего прячете в вашем кабинете, а?

Цвет лица Снегга из землистого стал кирпичным, жилка на виске забилась сильнее.

— Вы, Грюм, отлично знаете, что я ничего не прячу, — с тихой угрозой произнёс он. — Вы сами тщательно обыскали мой кабинет.

Улыбка перекосила без того кривое лицо Грюма.

— Такова работа мракоборца, Снегг. Дамблдор приказал приглядывать…

— Дамблдор мне доверяет, — возразил Снегг сквозь зубы. — Я не верю, что он мог вам приказать это.

— Конечно доверяет. Он вообще людям верит.

Даёт им возможность начать новую жизнь. А я считаю, есть пятна, которые не смываются. Понятно, о чём я?

При этих словах Снегг схватил правой рукой левую, как будто запястье вдруг пронзила сильная боль. Грюм рассмеялся.

— Идите спать, Снегг.

— Никто не давал вам права приказывать мне! — Снегг резко отпустил запястье, словно разозлился на самого себя. — Я имею такое же право, как и вы, бродить ночью по школе.

— Вот и бродите. — В голосе Грюма прозвучала нешуточная угроза. — Как-нибудь встретимся ещё в тёмном коридоре… Вы, кстати, что-то вон там обронили.

Грюм указал на Карту Мародёров, и у Гарри ноги подкосились от страха. Снегг и Филч разом обернулись, и Гарри решился на отчаянный шаг: вскинул под плащом руки, замахал Грюму и, указывая на себя, одними губами произнёс:

— Это моё! Моё!

Лицо Снегга исказила догадка, и он поспешно потянулся за Картой.

— *Акцио пергамент!* — опередил его Грюм. Карта приподнялась, скользнула сквозь пальцы Снегга и опустилась в руку Грюма.

— Прошу прощения, небольшая ошибка, — невозмутимо произнёс он. — Это моё. Должно быть, случайно выронил…

Снегг чёрными глазками взглянул на Карту в руке Грюма, на яйцо в руке Филча, и его осенило…

— Поттер, — процедил он сквозь зубы.

— Что? — спросил Грюм, свернул Карту и спрятал в карман.

— Поттер! — рыкнул Снегг и взглянул на то место, где стоял Гарри, как будто видел его. — Это яйцо Поттера. Я узнал и пергамент. Он тоже принадлежит Поттеру. Мальчишка где-то здесь, рядом. В мантии-невидимке.

Снегг вытянул, как слепой, руки и стал медленно подниматься по лестнице, ноздри у него раздувались, как будто он принюхивался. Гарри откинулся назад, кончики пальцев Снегга, казалось, вот-вот коснутся его…

— Там никого нет, Снегг! — крикнул Грюм. — Но я с удовольствием сообщу директору, что первый вам на ум пришёл именно Гарри Поттер.

— И что? — Снегг остановился в каком-то сантиметре от Гарри, рук однако не опустил.

— А то, что Дамблдору не вредно знать, кто на Поттера точит зуб. — Грюм дохромал до

лестницы. — Да и мне хотелось бы кое-что прояснить… — Неверный свет факела мерцал на его искромсанном лице, отчего шрамы и изувеченный нос казались ещё страшнее.

С минуту все молчали. Снегг повернулся к Грюму и опустил руки. Гарри его лица не видел.

— Я только подумал, — произнёс Снегг с деланным спокойствием, — что Поттер опять стал бродить по ночам… Такая уж у него несчастная привычка… Его надо от неё отучить… для его же собственной пользы…

— Ну как же, за Поттера тревожитесь. Ну-ну…

Ещё с минуту Снегг и Грюм молча глядели друг на друга. Миссис Норрис громко мяукнула, вертя головой в поисках источника банного аромата.

— Пойду-ка я спать, — кисло проговорил Снегг.

— Лучшая мысль за всю ночь, — заметил Грюм. — Дайте-ка мне это яйцо, Филч…

— Не дам! — Филч вцепился в свою добычу, как в любимое чадо. — Это улика против Пивза, профессор.

— Это яйцо участника Турнира. Дайте его мне. Скорее!

Снегг спустился и, не прибавив ни слова, прошёл мимо Грюма. Филч позвал Миссис Норрис, кошка зыркнула ещё раз на Гарри, повернулась и

побежала за хозяином. Гарри тяжело дышал, слушая, как удаляется Снегг. Филч отдал яйцо Грюму и тоже ушёл, бросив напоследок своей кошке:

— Ничего, киска, утром пойдём с тобой к Дамблдору, всё ему про Пивза расскажем…

Где-то хлопнула дверь. Гарри поглядел на Грюма; оставив палку внизу, тот тяжело похромал вверх.

— Что, Поттер, едва-едва выкрутились?

— Да… спасибо вам, — пролепетал Гарри.

— Что это такое? — Грюм вынул из кармана Карту Мародёров.

— Просто карта замка, — отмахнулся Гарри, надеясь, что Грюм извлечёт его ногу из дыры в лестнице. Нога начала сильно болеть.

— Борода Мерлина, — прошептал Грюм, разглядывая карту. Волшебный глаз заметался по волосяным переплетениям линий. — Нет, Поттер, это не просто карта замка.

— Вообще-то полезная штука. — У Гарри от боли навернулись на глаза слёзы. — Профессор Грюм, вы не могли бы меня вытащить?..

— Что? Ах, да…

Грюм взял Гарри за руки и дёрнул, нога выскочила из дыры, и Гарри прыгнул на ступеньку выше. Грюм не отрываясь глядел на карту.

— Слушай-ка, Поттер, — медленно проговорил он, — ты, случайно, не видел, кто ходил по кабинету Снегга? На карте, конечно.

— Видел, — признался Гарри. — Мистер Крауч.

Волшебный глаз тотчас обшарил всю карту. Грюм явно встревожился.

— Крауч? Ты не ошибся?

— Нет.

— Ладно, в замке его больше нет. Гм… Крауч… Весьма любопытно…

Ещё с минуту Грюм молча глядел на карту. Эта новость что-то для него значила, и Гарри очень захотелось узнать, что. Спросить, не спросить? Страшновато… Гарри вообще побаивался Грюма, но ведь Грюм только что помог ему избавиться от больших неприятностей…

— Профессор Грюм, скажите пожалуйста, зачем мистеру Краучу было забираться в кабинет профессора Снегга?

Волшебный глаз Грюма оторвался от карты и, чуть подрагивая, пронизывающе поглядел на Гарри. Грюм, казалось, прикидывает, сказать или нет, и если сказать, то что именно?

— Я бы так ответил, Поттер, — начал он наконец. — Говорят, Грозный Глаз помешался на ловле Тёмных магов, да только Грозный Глаз по

сравнению с Барти Краучем пустое место.

Он снова поглядел на Карту. Но Гарри на этом не успокоился.

— Профессор Грюм, а может быть, это из-за… то есть, может быть, мистер Крауч что-то подозревает…

— Что он подозревает?

Как бы не проговориться! Ни к чему Грюму знать, что у Гарри есть источник информации за стенами замка. Станет ещё выпытывать про Сириуса…

— Ну, не знаю… — ответил Гарри. — Последнее время тут происходит много непонятного. В «Пророке» об этом писали… Чёрная Метка на Кубке мира, Пожиратели смерти, да и вообще…

Грюм широко раскрыл оба своих разных глаза.

— А ты, гляжу, парень не промах, — сказал он, и его волшебный глаз вернулся к Карте. — Крауч, возможно, занят именно этим. Очень возможно. Слухи сейчас ходят престранные. Без Скитер, конечно, не обошлось… Многие перепугались. — Ухмылка ещё больше перекосила его кривое лицо. — Если я кого ненавижу, — пробормотал он себе под нос, глядя в левый нижний угол Карты, — так Пожирателя смерти, который разгуливает на свободе…

Гарри с изумлением взглянул на Грюма. Неужели правда? Да нет, не может быть.

— А теперь, Поттер, кое-что я у тебя спрошу. — Грюм перешёл на деловой тон.

У Гарри душа ушла в пятки. Сейчас Грюм спросит, откуда у него эта Карта — волшебная вещь весьма сомнительного происхождения. Целая история, как она попала ему в руки. В ней замешаны и его собственный отец, Фред с Джорджем, профессор Люпин, прошлогодний учитель защиты от тёмных искусств. Гарри собрался с духом, приготовившись отвечать на скользкие вопросы. Грюм поднял Карту перед собой и спросил:

— Можно мне позаимствовать её на время?

— Конечно! — обрадовался Гарри. Очень жаль карты, но какое счастье, что Грюм не спросил, откуда она у него. Да к тому же Грюм здорово ему помог, так что он у Грюма в долгу.

— Спасибо, Гарри, — прохрипел Грюм. — Она очень мне пригодится. Её-то мне, может, и недоставало… А теперь, Поттер, скорее в постель!

Они вместе поднимались по лестнице. Грюм не отрывал глаз от Карты, как будто раздобыл сокровище, равного которому нет во всём свете. Шли молча, у двери своего кабинета Грюм остановился и поглядел на Гарри.

— Тебе, Поттер, не приходило в голову стать мракоборцем?

— Нет, — изумлённо ответил Гарри.

— А ты подумай об этом на досуге. Хорошенько подумай… Кстати, ты ведь взял с собой яйцо не просто погулять с ним по замку?

— Не просто, — улыбнулся Гарри. — Я загадку разгадывал.

Грюм моргнул, его волшебный глаз снова заходил ходуном.

— Ничего нет лучше ночной прогулки для решения загадок. Верно, Поттер? — Грюм протянул Гарри золотое яйцо. — Увидимся утром. — Он вошёл в кабинет и, всё ещё глядя на Карту, закрыл за собой дверь.

Гарри побрёл в башню Гриффиндора, думая о Снегге, о Крауче, обо всём происходящем… Зачем Крауч притворился больным, а сам ночью объявляется в Хогвартсе? Что Снегг прячет у себя в кабинете? Что там искал Крауч?

Грюм считает, что Гарри может стать мракоборцем. Вот это да! Гарри вошёл в спальню, снял мантию-невидимку и вместе с золотым яйцом спрятал в свой чемодан. Для начала неплохо бы выяснить, все ли мракоборцы так изувечены. А уж тогда решать, стоит ли стать мракоборцем.

Глава 26
Второе задание

— А говорил, что разгадал загадку! — рассердилась Гермиона.

— Тише ты! — рассердился Гарри. — Мне надо было ещё раз проверить, понятно?

Гарри, Рон и Гермиона сидели за последней партой на уроке заклинаний. Проходили Отбрасывающие чары, которые действовали как Манящие, только наоборот. Профессор Флитвик снабдил студентов подушками: другие предметы, что были в классе, могли больно ушибить или даже повредить что-нибудь. Учитель полагал, что уж подушкой-то, даже если она полетит не туда, никого не пришибёшь. Так-то оно так, да вышло всё по-другому. Невилл, к примеру, всё норовил вместо подушки запустить что-нибудь ещё, раз даже самого профессора Флитвика запустил.

— Забудь ты об этом яйце хоть на минуту! — проворчал Гарри, а мимо со свистом безропотно пролетел профессор Флитвик и угодил на высокий шкаф. — Послушай лучше, как Снегг с Грюмом…

Студенты так увлеклись весёлыми полётами подушек, что не обращали больше ни на что внимания, и можно было спокойно поговорить. Гарри пол-урока шёпотом пересказывал приключения прошедшей ночи.

— Снегг сказал, что Грюм обыскивал и его кабинет? — спросил шёпотом Рон и с живым интересом в глазах взмахом волшебной палочки кинул подушку, она взвилась в воздух и сбила с Парвати шляпу. — Выходит… может, Грюм и за Снеггом приглядывает, как за Каркаровым?

— Может, Дамблдор его вовсе и не просил, — ответил Гарри и задумчиво повёл волшебной палочкой, его подушка перекувырнулась на парте и плюхнулась на пол. — Грюм вроде говорил, будто Дамблдор позволил Снеггу исправиться. Потому и держит его здесь.

— Да что ты! — Рон расширил глаза, и очередная подушка взмыла в воздух, ткнулась в канделябр и шлёпнулась Флитвику на стол. — Слушай, а может, Грюм думает, что это Снегг подкинул твоё имя в Кубок огня?

— Уж ты скажешь! — Гермиона поджала губы и покачала головой. — Помнишь, мы думали, будто Снегг хотел убить Гарри, а оказалось — он его спас?

Она заклинанием откинула подушку; подушка пролетела весь класс и угодила как раз куда нужно — в коробку. Гарри закусил губу и поглядел на Гермиону. Снегг, и правда, однажды его спас… Но вот что странно: Снегг ненавидел Гарри, точно так же, как раньше ненавидел его отца, когда отец ещё учился в школе. Снегг обожал его наказывать за плохое поведение и не упускал случая отобрать у Гриффиндора очки, предлагал даже отчислить Гарри из школы.

— Мало ли, что сказал Грюм, — продолжала Гермиона. — Дамблдор умный, Хагриду и профессору Люпину он тоже поверил, и они его не подвели, другие им работу бы не дали. Значит, он и со Снеггом прав, и Снегг, хоть он чуточку и…

— Тёмный маг? — перебил Рон. — С чего бы тогда, по-твоему, ловцам Тёмных магов обыскивать его кабинет?

— А вот зачем мистер Крауч прикидывается больным? — продолжала Гермиона, не обращая на Рона внимания. — Непонятно… То не может прийти на Святочный бал, а то ночью забрался в замок.

— Ты из-за этой эльфихи Винки Крауча не любишь, — сказал Рон и запустил подушкой в окно.

— А ты несправедлив к Снеггу, — парировала

Гермиона и отправила следующую подушку в коробку.

— Надо узнать, что такого натворил Снегг и за что ему позволили исправиться, — пробормотал Гарри, кинул подушку, и она, к его удивлению, опустилась прямо на подушку Гермионы.

Сириус просил Гарри сообщать ему обо всём необычном, что делается в Хогвартсе, и Гарри тем же вечером написал, что мистер Крауч побывал в кабинете Снегга, и как Снегг говорил с Грюмом. Написав письмо, Гарри стал думать о том, что для него было сейчас важнее всего: как двадцать четвёртого февраля провести под водой без воздуха целый час.

Однажды Гарри рассказал Рону об аквалангах, и Рон предложил снова воспользоваться Манящими чарами и достать в ближайшем магловском городе в магазине акваланг, ласты и маску. Но Гермиона тут же в пух и прах разнесла его предложение, сказав, что даже если Гарри до двадцать восьмого февраля и сумеет научиться плавать с аквалангом (что сомнительно), то его наверняка исключат из Турнира за нарушение Международного кодекса волшебной секретности. Маглы обязательно заметят летящий в небе акваланг.

— Лучше всего, — сказала Гермиона, — превра-

титься во что-нибудь, например, в подводную лодку. Жаль, что мы ещё не проходили превращение человека! Оно будет только на шестом курсе. Лучше теперь и не пытаться, может плохо кончиться…

— Да уж, только перископа на голове мне и не хватало, — заметил Гарри. — Может, кого-нибудь заколдовать при Грюме? А он меня во что-нибудь такое и превратит…

— Станет он спрашивать, во что ты хочешь превратиться! — серьёзно сказала Гермиона. — Нет, тут нужно хорошенько подумать.

И Гарри с мыслью, что ещё немного и начитается на всю оставшуюся жизнь, снова обложился пыльными книгами и принялся искать заклинание, чтобы выжить без воздуха. Гарри, Рон и Гермиона проводили в библиотеке все большие перемены, вечера и даже выходные. Гарри выпросил у МакГонагалл разрешение посещать Особую секцию библиотеки, даже попросил помощи у сердитой, грифоподобной библиотекарши мадам Пинс, но нужного заклинания они так и не нашли.

Гарри то и дело от отчаяния прошибал холодный пот, и он стал рассеян на уроках. Гарри никогда раньше не обращал особого внимания

на озеро, он к нему привык так же, как к Запретному лесу или к самому замку. Теперь всякий раз, садясь в классе у окна, он всё глядел и глядел на огромное зеркало из ледяной воды стального цвета, а тёмное дно озера представлялось ему таким же далёким, как луна.

Так же, как и перед схваткой с хвосторогой, время стало куда-то улетучиваться, словно часы заколдовали, и они ужасно заспешили. До двадцать четвёртого февраля — неделя (ничего, ещё есть время)… пять дней до двадцать четвёртого (пора бы уже что-то найти)… три дня (пожалуйста, ну, хоть что-нибудь! Ну, пожалуйста…).

За два дня до второго тура у Гарри пропал аппетит. В понедельник во время завтрака вернулась бурая сова с ответом от Сириуса, и это была единственная за всё время отрада. Гарри отвязал свёрнутый в трубочку кусок пергамента, развернул и прочитал:

Сообщи дату следующей прогулки в Хогсмид.

Это было самое короткое письмо Сириуса. Гарри поглядел, не написано ли чего на обороте, но там было пусто.

— Только через выходные, — прошептала Гер-

миона, прочитав записку через плечо Гарри. — На вот моё перо, отправь сейчас же сову обратно.

Гарри написал число и месяц прямо на обороте записки Сириуса, привязал её к лапе бурой совы, и сова улетела. Гарри грустно поглядел ей вслед. А чего он ещё ждал? Совета, как продержаться под водой час без воздуха? Торопился написать про разговор Снегга с Грюмом и совсем забыл спросить про загадку яйца.

— Зачем ему знать день посещения Хогсмида? — удивлённо спросил Рон.

— Не знаю, — ответил Гарри. Записка была так коротка, что вся радость исчезла, и Гарри снова приуныл. — Пойдёмте, сейчас уход за волшебными животными…

Уход вёл снова Хагрид. И то ли в извинение за соплохвостов, то ли оттого, что соплохвостов осталось всего два, то ли Хагрид желал доказать, что он ничем не хуже профессора Граббли-Дёрг, только и он взялся рассказывать о единорогах. Об этих волшебных существах он, как оказалось, знал столько же, сколько о чудовищах, хотя, будь у единорогов вместо рогов ядовитые клыки, он бы говорил об их повадках с большей охотой.

Для урока Хагрид поймал двух маленьких единорожиков. Взрослые единороги белого цвета,

а жеребята — золотые. Парвати и Лаванда пришли в совершеннейший восторг, даже у Пэнси Паркинсон при виде двух малышек перехватило дыхание, хотя она всеми силами старалась это скрыть.

— Жеребят заметить проще, чем взрослых, — объяснил Хагрид. — Года в два они делаются серебряными, а рога вырастают годам к четырём. Взрослыми они становятся в семь лет и уж тогда только белеют. Жеребята доверчивые, мальчиков не боятся. Коли хотите, можете погладить. Да сахаром их покормите.

— Что, Гарри, идут дела? — спросил потихоньку Хагрид, отходя, чтобы ученики смогли погладить единорожиков.

— Угу, — ответил Гарри.

— Волнуешься?

— Да, чуть-чуть.

— Послушай-ка, что скажу. — Хагрид похлопал громадной рукой Гарри по плечу, у Гарри подогнулись коленки. — Я тоже волновался за тебя перед хвосторогой. А ты его вон как! Я-то знаю, раз ты чего захотел, так уж добьёшься. Теперь-то я не беспокоюсь. Всё у тебя получится. Подсказку-то ты отгадал?

Гарри кивнул, хотя ему страшно захотелось

признаться, что он понятия не имеет, как продержаться под водой без воздуха целый час. Он взглянул на Хагрида: может, Хагрид нырял в озеро, там ведь много кто живёт? Ведь и за остальными животными Хагрид присматривал…

— Ты победишь, — уверенно пробасил Хагрид, снова похлопал Гарри по плечу, и Гарри по щиколотку завяз ногами в грязи. — Уж я-то знаю, знаю и всё тут. Ты, Гарри, обязательно победишь!

Хагрид бодро поглядел в глаза Гарри и радостно улыбнулся. Ну разве можно его огорчить? Гарри через силу улыбнулся и отошёл, сделав вид, что ему хочется вместе со всеми поласкать маленьких единорогов.

Вечером перед вторым испытанием Гарри уже казалось, что он спит, ему снится кошмар, а проснуться никак не выходит. Если и отыщется подходящее заклинание, думал он, за ночь его всё равно не выучишь. Почему так поздно взялся за загадку-подсказку яйца? Ну, как так было можно? На уроках ворон ловил, а вдруг кто-нибудь из учителей рассказывал, как дышать под водой?

Как только стемнело, Гарри, Рон и Гермиона пришли в библиотеку, набрали побольше книг и принялись внимательно пролистывать одну за другой в поисках нужного заклинания. Книг

было так много, что они даже друг друга не видели из-за огромных стопок. Каждый раз, когда Гарри встречалось слово «вода», сердце ёкало от радости, но уже в следующую минуту опускались руки: чаще всего оказывалось, что это рецепт зелья. — «Налейте в котёл две пинты воды, всыпьте полфунта толчёного листа мандрагоры, положите головастика…»

— Всё без толку, — безнадёжно сказал Рон из-за своей книжной баррикады. — Ни одного подходящего заклинания, вообще ничего. Есть заклинание осушения, но оно только для луж да прудов годится, а озеро осушить таким способом и думать нечего.

— Не может быть, чтобы совсем ничего не было! — пробормотала Гермиона, пододвигая поближе свечу к толстому тому «Забытых старинных заклинаний». От усталости у неё болели глаза, а тут ещё и мелкие буквы. — Задания для Турнира для того и придумывают, чтобы их можно было выполнить.

— Ну а это задание, значит, выполнить нельзя, — возразил Рон. — Иди-ка ты, Гарри, завтра к озеру, сунь в него голову и крикни погромче этим русалкам да тритонам, чтобы поскорее вернули то, что у тебя украли. По-моему, ничего лучше

мы, всё равно, не придумаем.

— Можно! — сердито буркнула Гермиона. — Должно быть!

Гермиона, похоже, просто понять не могла, как это так, в библиотеке — и вдруг не оказалось нужного заклинания! Книги её ещё ни разу не подводили, и Гермиона решила так просто не сдаваться.

— Знаю, что надо было делать, — сказал Гарри, уронив голову на книжку «Эффектные заклинания для весельчаков». — Надо было стать, как Сириус, анимагом и превращаться в животное.

— Точно. Захотел — раз — и обернулся золотой рыбкой, — подхватил Рон.

— Ну или лягушкой, — Гарри зевнул от усталости.

— Превращаться в животных учатся годами, а потом ещё надо и зарегистрироваться, и ещё много чего, — сказала Гермиона, сощурившись и пробегая глазами содержание книги «Трудные волшебные задачи и их решения». — Помните, МакГонагалл рассказывала… надо зарегистрироваться в Отделе несанкционированного волшебства… в какое животное превращаешься, особые приметы и всё прочее, чтобы не нарушать закон…

— Да я пошутил, Гермиона, — отмахнулся Гарри. — Сам знаю, что до завтрашнего утра не научусь превращаться в лягушку.

— Чушь какая! — отчаянно воскликнула Гермиона, захлопнув «Трудные волшебные задачи». — Кому нужны завитки на волосах в носу?

— А почему бы и нет? Если хочешь, можем поспорить, — послышался голос Фреда Уизли.

Гарри, Рон и Гермиона разом оторвались от книг. Фред с Джорджем показались из-за стеллажей с книгами.

— А вы тут что делаете? — спросил Рон братьев.

— Тебя вот как раз и ищем, — ответил Джордж. — Тебя МакГонагалл разыскивает. И тебя, Гермиона, тоже.

— Зачем это? — удивилась Гермиона.

— А кто её разберёт? — пожал плечами Фред. — Хотя, вид у неё был довольно мрачный.

— Она нам велела вас обоих в её кабинет привести, — подытожил Джордж.

Рон с Гермионой поглядели на Гарри, у Гарри всё внутри похолодело. Сейчас им от МакГонагалл достанется.

Должно быть, она заметила, что они ему всё время помогают, а он должен всё делать сам.

— Ладно, приходи в гостиную, — сказала Гермиона, встав со стула. — И захвати книг побольше.

— Хорошо, — Гарри заёрзал на стуле.

И Гермиона с Роном, с тревогой на лицах, ушли. В восемь часов мадам Пинс погасила все лампы и свечи и выгнала Гарри из библиотеки. Гарри взял столько книг, сколько мог унести, и, сгибаясь под их грузом, вернулся в гриффиндорскую гостиную, подвинул стол к креслу в углу и стал снова искать нужное заклинание. В «Бесшабашной магии для волшебника-сорвиголовы» ничего… в «Руководстве по средневековому волшебству» тоже… в «Антологии заклинаний восемнадцатого века» ни слова о погружении под воду, и в книге «Страшные обитатели глубин», и в книге «Силы, дремавшие в вас: как с ними быть?» тоже ничего.

Пришёл Живоглот, улёгся у Гарри на коленях, свернулся клубком и мирно замурлыкал. Гостиная понемногу пустела. Знакомые перед сном, совсем как Хагрид, бодро и весело желали Гарри удачи. Все были уверены, что Гарри преодолеет второе испытание так же успешно, как и первое. Гарри на все пожелания молча кивал головой, в горле словно мяч для гольфа застрял. К полуночи в гостиной остался только он и кот Живоглот. Уже

все книги были пролистаны, а Рон и Гермиона так и не вернулись.

Всё. Ничего не выйдет. Придётся утром пойти к озеру и сказать судьям…

Гарри представил себе, как он подходит к судейскому столу и говорит, что не может пройти испытание. Бэгмен выпучит от изумления глаза; Каркаров радостно оскалит жёлтые зубы; Флёр Делакур скажет: «Я так и знала… он только маленький-маленький мальчик…» — и Гарри съёжился от стыда. А Малфой выйдет вперёд и выпятит грудь со значком «Поттер смердяк». Хагрид не поверит своим глазам и ужасно огорчится…

Совсем позабыв о Живоглоте, Гарри вскочил на ноги. Кот свалился на пол и зашипел, искоса поглядел на Гарри, выставил трубой похожий на ёрш для мытья бутылок хвост и важно удалился. Гарри помчался по винтовой лестнице в спальню. Скорее взять мантию-невидимку, вернуться в библиотеку и сидеть там, если надо, хоть всю ночь…

Четверть часа спустя Гарри пробрался в библиотеку и прошептал:

— *Люмос.*

На кончике волшебной палочки вспыхнуло холодное пламя, и Гарри пошёл вдоль стеллажей,

выбирая книги заклинаний и заговоров, книги о русалках и тритонах, о водяных чудищах, о знаменитых волшебниках и колдуньях, книги о волшебных изобретениях, проще говоря, все книги, где хоть что-то могло говориться о том, как выжить без воздуха под водой. Набрав охапку книг, Гарри сел за стол и принялся пролистывать один толстый том за другим при слабом свете волшебной палочки, изредка сверяясь с часами.

Час ночи… два часа… после каждой книги, чтобы не отчаяться, Гарри говорил себе: «Значит, в следующей… ну, в следующей… вот в этой…»

* * *

Русалка на картине в ванной старост высоко над головой подняла его «Молнию» и хихикала, а Гарри скакал как пробка в мыльных пузырях под её утёсом.

— Ну, достань! Ну, допрыгни! — смеялась с издёвкой русалка.

— Не могу, — захлёбываясь, кричал Гарри и пытался схватить метлу. — Отдай, ну отдай!

Русалка ткнула его в бок древком метлы и захохотала.

— Больно же! Отстань! Ай…

— Гарри Поттер должен проснуться.

— Не толкайся…

— Добби должен разбудить Гарри Поттера, сэр. Гарри Поттер должен проснуться.

Гарри открыл глаза. Он лежал головой на раскрытой книге под названием «Волшебная палочка — лучший помощник», уснул в библиотеке. Капюшон мантии-невидимки съехал с головы. Гарри поднял голову и, щурясь от яркого дневного света, поправил очки.

— Гарри Поттер должен спешить! — пискнул Добби. — До второго испытания десять минут! Гарри Поттер…

— Десять минут? — осипшим спросонья голосом спросил Гарри. — Десять… Как, десять?!

Он поглядел на часы. Без двадцати девять! У Гарри душа ушла в пятки.

— Гарри Поттер должен спешить! — Добби дёрнул Гарри за рукав. — Гарри Поттер должен быть у озера вместе с другими, сэр.

— Нет, Добби, поздно, — безнадёжно махнул Гарри рукой. — Я не пойду, я не знаю, как…

— Гарри Поттер пойдёт, Гарри Поттер пройдёт испытание! — запищал эльф. — Добби знает, что Гарри Поттер не нашёл нужную книгу, Добби сам нашёл её.

— Ты нашёл? Ты ведь даже не знаешь, что будет

во втором испытании…

— Добби знает, сэр! Гарри Поттер должен нырнуть в озеро, отыскать Уизи…

— Чего отыскать?

— …и отобрать Уизи у русалок.

— Да Уизи-то что такое?

— Ваш Уизи, сэр, Уизи. Он подарил Добби свитер. — Добби дёрнул свой бордовый свитер, из-под которого торчали шорты.

— Они Ро… они Рона украли? — не поверил своим ушам Гарри.

— Они украли то, чего Гарри Поттеру будет очень не хватать. А через час…

— «Едва лишь час пройдёт, искать уж будет поздно, покража пропадёт…» — продолжил Гарри, расширенными от ужаса глазами глядя на эльфа. — Что же делать, Добби?

— Гарри Поттер должен съесть вот это, — пискнул эльф, запустил руку в карман шортов и вытащил комок каких-то серо-зелёных скользких крысиных хвостов. — Это жаброслии, сэр. Съешьте их и ныряйте в озеро.

— А для чего они? — Гарри с недоверием глядел на слизистый комок.

— Они помогут дышать под водой, сэр.

— Добби, а ты точно знаешь? — в отчаянии

спросил Гарри.

Добби уже однажды хотел ему помочь, и в конце концов у него из руки исчезли кости.

— Добби точно знает, сэр, — затряс головой эльф. — Добби много чего слышит, сэр. Добби зажигает в замке огни и моет полы, Добби слышал, как профессор МакГонагалл и профессор Грюм говорили про следующее испытание… Добби не позволит Гарри Поттеру потерять Уизи!

Всё ясно: они украли Рона. Гарри вскочил, скинул с себя мантию-невидимку запихал в рюкзак, выхватил у Добби водоросли, сунул в карман и выскочил из библиотеки, эльф за ним вприпрыжку.

— Добби пора на кухню, сэр, — пропищал Добби в коридоре. — Добби будут искать. Удачи вам, сэр.

Гарри уже промчался по коридору и, сбегая по лестнице через три ступеньки, крикнул:

— Спасибо, Добби! Пока!

В вестибюле ещё копошились запоздалые студенты, они только что позавтракали и шли из Большого зала к озеру поглядеть на второе испытание; все в страхе на него оглядывались и отпрыгивали в сторону. Гарри выскочил в раскрытые дубовые двери и скатился вниз по

парадной лестнице, сбив с ног Колина и Дэнниса Криви.

Гарри побежал по лужайке. На улице было солнечно и морозно, на противоположном берегу озера высились трибуны, те самые, что стояли в ноябре вокруг загона с драконами. Трибуны были забиты до отказа, студенты оживлённо переговаривались, и невнятный гомон, отражаясь от воды, доносился до Гарри. На ближнем берегу у самой воды стоял покрытый золотой парчой стол судей, и Гарри помчался туда напрямик вдоль озера. Седрик, Флёр и Крам уже стояли у судейского стола и ждали его.

Гарри подбежал и с разбегу остановился у стола, забрызгав грязью мантию Флёр.

— Я… здесь… — запыхавшись, проговорил он.

— Где ты был? — важно с укором спросил кто-то. — Испытание вот-вот начнётся.

Гарри увидел за судейским столом на месте мистера Крауча Перси Уизли, мистер Крауч снова не приехал.

— Ну-ну, Перси, — вмешался Людо Бэгмен, облегчённо вздохнув при появлении Гарри. — Дай ему хотя бы отдышаться.

Дамблдор дружелюбно улыбнулся Гарри, Каркаров и мадам Максим холодно поглядели в его

сторону, сразу было видно, что они его не ждали.

Гарри согнулся и упёрся руками в колени, тяжело дыша. В боку кололо, словно между рёбер загнали нож, а времени на отдых уже не осталось. Людо Бэгмен расставил участников вдоль берега озера на расстоянии десяти футов друг от друга. Гарри стоял с краю, рядом с ним Крам в купальных плавках и с волшебной палочкой наготове.

— Всё в порядке, Гарри? — прошептал Бэгмен, отставляя Гарри от Крама ещё на несколько футов. — Знаешь, что делать?

— Ага, — ответил Гарри, потирая бок.

Бэгмен нервно дёрнул плечом и вернулся к судейскому столу, направил волшебную палочку на горло, как тогда, на Кубке мира, и произнёс:

— *Сонорус!* — его голос тут же понёсся через озеро к высоким трибунам.

— Ну, что ж, наши участники готовы ко второму испытанию. Начнём по моему свистку. За час они должны найти то, что у них отобрали. Итак, на счёт три: раз… два… три!

Холодный неподвижный воздух огласил пронзительный свист, трибуны взорвались криками и рукоплесканьями. Гарри, не глядя, что делают другие участники испытания, скинул ботинки, стянул носки, достал из кармана комок жаброс-

лей, сунул в рот и побрёл в озеро.

Вода в озере была ледяная и резала ноги, как будто это была не вода, а огонь. Мантия и брюки промокли, и чем глубже Гарри заходил, тем тяжелее они становились; он зашёл в воду уже по колено, даже глубже, ноги немели и скользили на плоских, заросших илом камнях. Гарри усердно жевал скользкие, как щупальца осьминога, будто резиновые водоросли. Зайдя в воду по пояс, он остановился, проглотил водоросли и стал ждать.

На трибунах засмеялись. Глупо идти вот так в озеро безо всякого волшебства, глупее ничего и не придумаешь. Гарри дрожал от холода и весь покрылся гусиной кожей, холодно стоять в ледяной воде, да ещё ветер треплет за волосы. На трибунах смеялись всё громче, особенно старались слизеринцы, свистели и улюлюкали, и Гарри старался не глядеть туда. Вдруг Гарри почувствовал, словно ему на лицо наложили невидимую подушку, зажали рот и нос, он судорожно вздохнул, и у него закружилась голова. Лёгкие опустели, а слева и справа на шее словно полоснули бритвой…

Гарри схватился ладонями за шею и почувствовал под ушами широкие щели, которые открывались и закрывались, словно хватали воздух — жабры! Без дальнейших раздумий Гар-

ри сделал то, что только и можно было теперь сделать — нырнул в воду.

Глоток ледяной воды показался глотком жизни. Голова перестала кружиться, второй глоток воды плавно прошёл сквозь жабры, и мозг насытился кислородом. Гарри поглядел на руки, в зелёной озёрной воде они казались призрачными, а между пальцами выросли перепонки. Он изогнулся и взглянул на ноги — голые ступни вытянулись и тоже сделались перепончатыми, вместо ступнёй у Гарри отросли ласты.

Ледяная вода вдруг стала просто прохладной и приятной и удивительно лёгкой. Гарри вытянул руки, сильным гребком развёл в стороны вдоль тела, заработал ногами-ластами и удивился, как быстро он плывёт. И видел он теперь ясно и далеко, и можно было не моргать. Скоро Гарри заплыл так глубоко, что уже не мог различить поверхности озера, и направился прямо ко дну.

Гарри поплыл вдоль дна. Тишина давила на уши. Вода у дна была мутная, и видел Гарри теперь совсем недалеко, футов на десять вокруг. Под ним расстилался удивительный мутный пейзаж, новые виды словно выскакивали из темноты, по мере того, как он быстро плыл вперёд. То вырастали целые леса чёрных трепещущих

водорослей, то широкие илистые луга с редкими валунами. Гарри заплывал всё ниже и ниже, к середине озера, он широко раскрыл глаза и старался заглянуть подальше, туда, где за серой пеленой воды смутно маячили тени.

Маленькие серебристые рыбки стрелами проносились мимо. Раз или два Гарри казалось, что впереди его поджидает чудище, но, подплыв ближе, он обнаруживал либо почерневшее бревно, либо ком водорослей. Других участников Турнира, русалок с тритонами, Рона и — к счастью — гигантского кальмара видно не было.

Картина под ним сменилась, теперь, насколько хватало глаз, внизу простиралась долина светло-зелёных водорослей высотой фута в два, казавшихся переросшей травой. Гарри всё глядел вперёд, не мигая, стараясь различить, что его ждёт впереди по очертаниям в полутьме. Вдруг кто-то схватил его за ногу.

Гарри обернулся и увидел гриндилоу. Маленькое, рогатое водное чудище вылезло из водорослей, крепко схватило Гарри длинными пальцами и оскалило острые клыки. Гарри сунул перепончатую руку в карман и стал нащупывать волшебную палочку, нащупал, и тут из зарослей появились ещё два гриндилоу, схватили Гарри за

мантию и потащили ко дну.

— *Релассио!* — беззвучно крикнул Гарри, изо рта у него вырвался пузырь воздуха, а из кончика волшебной палочки вместо привычных искр гриндилоу обдало струёй кипятка, и зелёные гриндилоу покраснели от злости. Гарри вырвал ногу из костистых пальцев и быстро поплыл прочь, через плечо наудачу посылая в чудищ новые потоки кипятка. Гриндилоу то и дело хватали его за ноги, но он отбрыкивался и, в конце концов, угодил пяткой одному прямо в лоб. Тот скосил глаза, перестал грести, его приятели погрозили Гарри костлявыми кулаками и спрятались в водорослях.

Гарри отплыл подальше, остановился, спрятал волшебную палочку в карман мантии, оглянулся и прислушался. Тишина давила сильнее; Гарри описал круг, напряжённо глядя вдаль. Он заплыл уже очень глубоко, а кроме колышущихся водорослей ещё ничего не нашёл.

— Ну как? — раздался голос.

Гарри чуть удар не хватил. Он рывком перевернулся и увидел Плаксу Миртл, едва различимую в тёмной воде, только огромные глаза привидения за толстыми очками в перламутровой оправе глядели не мигая.

— Ты что, Миртл! — хотел крикнуть Гарри, и вместо этого у него изо рта вылетел большой пузырь. Плакса Миртл захихикала.

— Плыви вон туда, — указала она. — Я с тобой не поплыву. А то они меня как увидят, так сразу начинают гоняться.

Гарри в благодарность показал ей кулаки с оттопыренными большими пальцами и помчался в указанном направлении, держась повыше над водорослями, на случай, если там прячутся другие гриндилоу.

Плыл Гарри долго, как ему показалось, минут двадцать. Он плыл над целой долиной чёрного ила, и от того, что он плыл, илистая муть приподнималась и крутилась вихрями. И, наконец, он вдалеке услышал обрывок русалочьей песни из яйца.

На поиски даём мы
Тебе один лишь час…

Гарри поплыл быстрее. Впереди в мутной воде показался громадный камень. На камне — рисунок: тритоны держат в руках копья и гонятся за чудовищем, по виду — гигантским кальмаром. Гарри миновал стороной камень и поплыл на русалочью песню.

…Минуло полчаса — спеши!
Скорей пропажу забери…

Вдруг из тьмы показались очертания домов, слепленных прямо из булыжников и поросших водорослями. В тёмных окнах виднелись лица… эти лица были совсем не похожи на мордашку русалки с картины в ванной старост.

Серая кожа и длинные-длинные тёмно-зелёные волосы, жёлтые глаза, неровные зубы, на шеях — ожерелья из гальки. Гарри плыл мимо, а они злобно на него глядели. Несколько тритонов и русалок выплыли из своих каменных хижин с копьями в руках и, мощно работая серебристыми хвостами, подплыли взглянуть поближе.

Гарри поплыл скорее по русалочьей улице; каменных хижин становилось всё больше, вокруг некоторых были разбиты сады водорослей, а у двери одной хижины даже сидел привязанный к колу гриндилоу. Отовсюду выплывали новые русалки и тритоны, с любопытством разглядывали гостя, указывали друг другу на перепонки на руках и ногах и на жабры Гарри и перешёптывались. Гарри завернул за угол, и его глазам предстало удивительное зрелище.

На обрамлённой несколькими домами пло-

щади собралась толпа русалок и тритонов. В середине площади высилась статуя тритона, высеченная из цельного куска скалы, перед статуей выстроился русалочий хор и пел песню участникам Турнира. К хвосту статуи были привязаны четыре человека.

Рона привязали между Гермионой и Чжоу Чанг. Ещё там была девочка лет восьми с серебристыми волосами, как у Флёр Делакур. Гарри решил, что это её сестра. Все четыре пленника крепко спали, склонив головы на плечи, у всех четырёх изо рта тянулись вверх тоненькие струйки пузырьков.

Гарри поспешил к пленникам, ожидая, что тритоны нападут на него со своими копьями, но те нападать и не думали. Толстые скользкие верёвки, которыми привязали Рона, Гермиону, Чжоу и сестру Флёр, были из водорослей и очень крепкие. Гарри вспомнил о перочинном ножике, что подарил ему Сириус на Рождество, но ножик спрятан в дорожном сундуке в замке.

Гарри огляделся. У тритонов в руках были копья. Гарри метнулся к тритону ростом выше двух метров с длинной зелёной бородой и ожерельем из акульих зубов и жестами попросил у него копьё. Тритон рассмеялся и покачал головой в знак отказа.

— Мы не станем помогать, — сказал он хриплым резким голосом.

— Да что вы, в самом деле! — рассердился Гарри (снова пузыри изо рта). Он попробовал вырвать у тритона копьё из рук, но ничего не вышло, тритон только смеялся и качал головой.

Тогда Гарри стал кружить над площадью в поисках чего-нибудь острого.

Дно озера в этом месте было сплошь усыпано осколками камней. Гарри выбрал камень позазубристей, вернулся к статуе и принялся пилить им верёвку. Минут через семь верёвка вокруг Рона была перепилена, и Рона — по-прежнему без сознания — тихонько понесло течением над самым дном.

Гарри снова огляделся. Ни Седрика, ни Флёр, ни Крама. Да где ж они застряли? Почему не торопятся? Гарри подплыл к Гермионе и начал перепиливать и её верёвку.

Его тут же схватили несколько пар мускулистых рук. Пять или шесть тритонов тянули его прочь от Гермионы и со смехом трясли головами.

— Забирай одного пленника, — сказал один из них, — и плыви…

— Вот ещё! И не подумаю! — выпустил пузыри

Гарри.

— Ты должен забрать только своего друга… другие останутся…

— Она тоже мой друг! — кричал Гарри, указывая на Гермиону. — И их я тут умирать не оставлю!

Голова Чжоу лежала на плече у Гермионы, девочка с серебристыми волосами походила на зелёное привидение. Гарри попробовал было вырваться из рук тритонов, но те только сильнее расхохотались. Гарри судорожно принялся искать глазами других участников. Ну где же они, наконец? Может, он успеет поднять на поверхность Рона и вернуться за Гермионой и остальными? А сможет ли он их найти потом? Гарри поглядел на часы — часы остановились.

Вдруг тритоны и русалки что-то увидели и стали указывать пальцами куда-то вверх. Гарри обернулся, поглядел вверх и увидел Седрика. Седрик, широко раскрыв от страха глаза, плыл к русалочьей деревне, голова у него была в большом пузыре воздуха, и лицо казалось шире, чем на самом деле.

— Я заблудился! — проговорил Седрик одними губами. — Флёр и Крам тоже скоро будут.

У Гарри словно гора с плеч свалилась. Седрик

достал из кармана перочинный ножик и перерезал верёвку, которой была привязана Чжоу, обхватил Чжоу и уплыл с ней наверх.

Гарри остался ждать. Где же Флёр и Крам? Час скоро кончится, и тогда, если верить песне, пленников уже не вернуть…

Вдруг послышались вопли русалок. Тритоны отпустили Гарри и обернулись, обернулся и Гарри. К ним плыло чудовище: человеческое туловище в плавках и голова акулы — Виктор Крам попытался превратиться в акулу.

Акулочеловек подплыл к Гермионе и вцепился зубами в верёвку вокруг неё. Новыми зубами Краму легче было бы укусить дельфина, чем верёвку, и Гарри подумал, что Крам, чего доброго, перекусит Гермиону пополам. Гарри подскочил к Краму, хлопнул его по плечу и протянул камень с зазубринами. Крам схватил камень, сейчас же перепилил верёвку, обхватил Гермиону за талию и, даже не взглянув на Гарри, помчался наверх.

Что же делать? Если бы точно знать, что Флёр приплывёт… А её нигде не видно… Делать нечего…

Гарри снова схватил камень — Крам его кинул на дно, — но тритоны обступили Рона и незнакомую девочку и закачали головами.

Гарри выхватил волшебную палочку.

— С дороги!

Изо рта выскочил только пузырь, но тритоны его поняли, потому что перестали смеяться и, расширив от страха жёлтые глаза, глядели на палочку. Их много, а Гарри один, но понятно по их испугу, что волшебники из них такие же, как из гигантского кальмара.

— Считаю до трёх, — выпустил Гарри изо рта струю пузырей и на всякий случай показал тритонам три пальца. — Раз (он загнул одни палец)… два (загнул другой)…

Тритоны разлетелись кто куда. Гарри кинулся к маленькой девочке и принялся пилить её верёвку, скоро и девочка стала свободна. Он обхватил девочку вокруг талии, схватил Рона за воротник мантии и поплыл вверх.

Плыть и тащить за собой такой груз было тяжело, руками он грести уже не мог; он изо всех сил работал ластами, но Рон и сестра Флёр, словно мешки с картошкой, тянули его на дно… Гарри глядел вверх. Ещё очень глубоко, вода впереди чёрная…

Тритоны с русалками плыли следом. Они легко носились вокруг и глядели, как он выбивается из сил, стараясь скорее доплыть до поверхности.

Время скоро выйдет. Тогда они утащат его обратно на дно? Может, они людоеды? Ноги Гарри отказывались служить, руки просто разламывались от боли…

Стало тяжело дышать. Шея снова заболела, вода снова становилась мокрой на вкус… Наверху уже светлее… Светлее…

Гарри с такой силой заработал ногами, что ноги словно взвыли от боли, а голова пропиталась водой. Гарри больше не мог дышать… нужно вздохнуть… нужно плыть дальше… нужно плыть…

Вынырнул! От чудесного, свежего прохладного воздуха закололо мокрое лицо. Гарри глотал воздух и наслаждался им, словно впервые в жизни вздохнул полной грудью. Рона и девочку он держал на плаву вместе с собой. Зеленоволосые тритоны с русалками всплыли следом за ним и улыбались.

Трибуны радостно завопили и засвистели, все вскочили на ноги. Должно быть, все думали, что Рон с маленькой девочкой захлебнулись, но нет, Рон и девочка проснулись и открыли глаза. Девочка смутилась и испугалась, а Рон выплюнул воду, замигал от яркого света и, повернувшись к Гарри, сказал:

— Вот ведь сырость! — тут он увидел сестру Флёр. — А эту ты чего вытащил?

— Флёр так и не приплыла. Что же мне было делать? Не оставлять же её там? — еле переводя дыхание, ответил Гарри.

— Дурья твоя голова! Ты что, и правда решил, что мы там останемся? Да Дамблдор никогда бы не позволил нам утонуть!

— А как же, в песне…

— Да это для того, чтобы вы там не возились и поскорее нас нашли. Ты что, героя из себя строил? Торчал там больше, чем надо?

Гарри стало стыдно и гадко. Рону легко говорить, он-то спал, он-то не знает, как там, на дне, жутко, когда вокруг эти тритоны с копьями в руках — того и гляди продырявят.

— Поплыли! — сказал Гарри. — Помоги мне, придержи её, вряд ли она хорошо плавает.

И они вдвоём потянули за собой сестру Флёр к берегу, где уже ждали судьи; двадцать тритонов плыли вместе с ними, словно почётный караул, и распевали хриплыми голосами страшные гимны.

Мадам Помфри возилась на берегу с Гермионой, Крамом, Седриком и Чжоу, укутывая их в толстые шерстяные одеяла. Дамблдор и Людо

Бэгмен радостно заулыбались Гарри и Рону; Перси был белее простыни и казался беспомощным подростком. Он не стал дожидаться, пока Рон и Гарри доплывут до берега, и сам пошлёпал по воде им навстречу. Флёр Делакур билась в истерике и вырывалась из рук мадам Максим с криком:

— Габ'гиэль! Габ'гиэль! Она жива? Скажите мне! Жива?

— С ней всё в порядке, — пытался крикнуть Гарри, но от усталости и говорить-то мог еле-еле, не то, что кричать.

Перси подхватил Рона и потащил к берегу («Да отвяжись ты, Перси! Я и сам дойду!»); Дамблдор с Бэгменом поддерживали Гарри под руки, Флёр наконец вырвалась из крепких рук своего директора и схватила сестру в охапку.

— Там г'индилоу… они на меня напали… о моя сест'генка, я уже думал… я думал… — и она разрыдалась.

— А ну-ка, иди сюда! — приказала мадам Помфри Гарри, подхватила его, подтащила к остальным, завернула в шерстяное одеяло так крепко, будто смирительную рубашку на него натянула, и влила в рот какого-то зелья, да такого горячего, что у Гарри дым из ушей пошёл.

— Молодец, Гарри! — воскликнула Гермио-

на. — Молодец! Сам обо всём догадался.

— Ну… — Гарри уже собирался рассказать ей о Добби, но заметил, что Каркаров пристально на него глядит. Из всех судей только он не радовался возвращению Гарри, Рона и маленькой сестры Флёр и остался сидеть за столом. — Да, сам, — сказал громко Гарри, так, чтобы и Каркаров его услышал.

— Гермивонна, у тебя водный жук на голове, — сказал Крам.

Гарри показалось, что Крам хочет привлечь внимание Гермионы и, может быть, напомнить, что это он только что спас её, вызволив со дна озера, но Гермиона нетерпеливо смахнула с головы жука и сказала:

— Жаль, что ты не успел вовремя… Ты долго нас искал?

— Да нет… я вас быстро нашёл…

Гарри почувствовал себя ещё глупее. Здесь, на суше, стало яснее ясного, что Дамблдор ни за что не дал бы умереть пленникам, не доплыви до них участники. Взял бы Рона и уплыл, а не ждал там, как дурак. И вернулся бы первым… Вот Седрик с Крамом русалочью песню всерьёз не приняли и времени зря не теряли, не возились с остальными пленниками…

Дамблдор склонился у воды и беседовал с русалкой, самой дикой и злобной на вид изо всего водного народа; должно быть, она была среди своих собратьев главной. Дамблдор издавал те же резкие скрипучие звуки, что и тритоны с русалками, когда они над водой, значит, Дамблдор знал русалочий язык. Дамблдор разогнулся, повернулся к остальным судьям и сказал:

— Надо бы посоветоваться перед тем, как ставить оценки.

Судьи собрались в кучку. Мадам Помфри отобрала Рона у Перси, подвела его к Гарри и остальным, дала ему одеяло и напоила бодрящим зельем, потом отправилась за Флёр и её сестрой. У Флёр были исцарапаны и изрезаны лицо и руки и изодрана мантия, но ей самой было не до того, и она ни за что не хотела позволить мадам Помфри промыть раны.

— П'гиглядите за Габ'гиэль, — попросила она мадам Помфри, а сама подошла к Гарри.

— Ты спас мою сест'гу, — восторженно сказала она. — Хотя она и не была твой пленник.

— Спас, — ответил Гарри, а сам в душе пожалел, что не оставил всех трёх девчонок привязанными к статуе.

Флёр наклонилась и расцеловала Гарри в обе

щеки (Гарри вспыхнул и подумал, что у него сейчас снова дым из ушей повалит), а после обернулась к Рону.

— И ты помогал… — сказала она.

— Да, — ответил с надеждой тот. — Помогал, немного…

Флёр быстро наклонилась и расцеловала и его. Гермиона при этом так рассердилась, что не могла и слова вымолвить от такой неслыханной дерзости. Тут за спинами участников раздался громоподобный, волшебно усиленный голос Людо Бэгмена, и они вздрогнули, зрители на трибунах притихли.

— Дамы и господа, предводительница русалок и тритонов поведала нам, что в точности произошло на дне озера, и вот наше решение: оценки чемпионам будут выставлены по пятидесятибальной шкале. Итак… Мисс Флёр Делакур продемонстрировала замечательное владение заклинанием головного пузыря, но на неё напали гриндилоу, и она не сумела спасти своего пленника. Мы решили поставить ей двадцать пять очков.

На трибунах захлопали.

— Я не достойна, — хриплым голосом проговорила Флёр, качая своей очаровательной

головкой.

— Мистер Седрик Диггори также использовал заклинание головного пузыря и первым вернулся со своим пленником, но вернулся на минуту позже установленного времени, — пуффендуйцы на трибунах разразились криками и аплодисментами, Чжоу поглядела на него, и её глаза светились от радости. — Мистеру Диггори мы ставим сорок семь очков.

Гарри сник, если уж Седрик не успел вовремя, то сам он и подавно.

— Мистер Виктор Крам продемонстрировал неполное превращение, что, впрочем, не помешало ему выполнить задание, и он вернулся вторым. Его оценка — сорок очков.

Каркаров надулся от гордости и захлопал громче всех.

— Мистер Гарри Поттер с успехом воспользовался жаброслями, — продолжал Людо Бэгмен. — Он вернулся последним и потратил на задание гораздо больше условленного времени. Однако предводительница тритонов и русалок сообщила нам, что мистер Поттер первым нашёл пленников и задержался на дне только потому, что желал вернуть на сушу не только своего собственного, а непременно всех пленников.

Рон и Гермиона взглянули на Гарри вместе восхищённо и жалобно.

— Почти все судьи, — тут Бэгмен неприязненно взглянул на Каркарова, — посчитали, что такое поведение говорит о высоких моральных качествах и заслуживает высшей оценки. Однако… оценка мистера Поттера — сорок пять очков.

У Гарри сердце заколотилось от счастья, он разделил с Седриком первое место. Рон и Гермиона от такой неожиданности мгновение глядели на Гарри, раскрыв рты, а потом радостно засмеялись и громко захлопали вместе с остальными студентами.

— Ну вот! — крикнул Рон. — Ты, оказывается, не дурака валял, а высокие моральные качества демонстрировал.

Флёр тоже хлопала изо всех сил, а Крам приуныл, попытался снова заговорить с Гермионой, но та от восторга не обращала на него внимания.

— Третье и последнее испытание состоится на закате двадцать четвёртого июня, — продолжил Бэгмен. — За месяц до этого чемпионам Турнира объявят, что это будет за испытание. Благодарю вас всех, что поддержали наших чемпионов.

«Всё», — ошеломлённо думал Гарри, идя в кучке чемпионов и пленников вслед за мадам Помфри

в замок, чтобы переодеться в сухую одежду. — «Всё, прошёл… теперь можно обо всём забыть до двадцать четвёртого июня…»

И Гарри, поднимаясь по каменной лестнице замка, решил, что, когда в следующий раз отправится в Хогсмид, обязательно купит Добби столько пар носков, сколько дней в году.

Глава 27
Возвращение Бродяги

После второго испытания всем стало любопытно узнать подробности подводного приключения, а, стало быть, и на долю Рона перепала часть славы Гарри. Оба просто купались в лучах известности. Рон по десять раз на день пересказывал свои злоключения, и с каждым разом рассказ у него выходил чуточку по-иному. Сперва Рон рассказывал правду, по крайней мере, он говорил то же, что и Гермиона: пленников привели в кабинет МакГонагалл, там Дамблдор их заколдовал, пообещав, что с ними всё будет в порядке, и что они проснутся, как только снова окажутся на поверхности озера. Через неделю Ронов рассказ превратился в жуткую историю, из которой следовало, что на него напали и украли, ему пришлось в одиночку отбиваться от полусотни до зубов вооружённых тритонов и русалок, и они его, в конце концов, одолели, связали и уволокли на самое дно озера.

Рон теперь привлекал всеобщее внимание, и Падма Патил стала к нему благосклоннее и каж-

дый раз, встречаясь с ним в коридоре, старалась заговорить.

— Но перед этим я сунул в рукав волшебную палочку, — уверял её Рон. — Мне ничего не стоило расправиться с этими водными болванами.

— Вот бы на это поглядеть. Ты бы, наверное, храпеть на них стал, — вставила ироничное замечание Гермиона. Её все дразнили дамой сердца Виктора Крама, и так ей досадили, что теперь ничего не стоило вывести её из себя.

Рон покраснел до ушей и больше уже о сражении с тритонами не рассказывал.

Март выдался сухой и ветреный. Сов сносило порывами, они сбивались с курса, и почта приходила с опозданием. Бурая сова, которую Гарри отослал к Сириусу с запиской о дне посещения Хогсмида, вернулась только в пятницу во время завтрака, вся растрёпанная и взъерошенная. Только Гарри отвязал от её ноги записку с ответом Сириуса, как она тут же улетела в страхе, что её снова куда-нибудь отошлют.

Сириус, как и в прошлый раз, писал кратко.

> В два часа дня в субботу будь у перелаза при повороте на Хогсмид (со стороны «Дервиш и Бэнгз»). Захвати с собой по-

больше съестного.

— Он что, в Хогсмид вернулся? — удивился Рон.

— Похоже, что так, — ответила Гермиона.

— Не может быть! — испугался Гарри. — Его поймают, и тогда…

— Да ладно тебе! До сих пор же не поймали, — сказал Рон. — Да и дементоров в Хогсмиде больше нет.

Гарри сложил записку, спрятал в карман и призадумался. Если честно, очень хочется повидаться с Сириусом. Последние два урока в пятницу — уроки зельеварения, и обычно Гарри угрюмо плёлся вниз по каменным ступеням в подземелье профессора Снегга, но с запиской Сириуса в кармане, идти было куда легче.

У дверей класса сбились в кучку Малфой, Крэбб с Гойлом и Пэнси Паркинсон со своими подружками из Слизерина. Они вместе что-то разглядывали и громко смеялись. Похожая на мопса Пэнси высунулась из-за толстого плеча Гойла и задорно глянула на Гарри, Рона и Гермиону.

— Глядите-ка, наши голубки идут! — хихикнула она, и кучка слизеринцев распалась. У Пэнси в руках оказался журнал «Ведьмин досуг», его-то

они и читали. На обложке красовалась какая-то кудрявая ведунья, улыбалась во все тридцать три зуба и держала волшебную палочку над пирогом.

— На-ка, Грэйнджер, почитай, тебе понравится, — крикнула Пэнси и швырнула журнал Гермионе, та вздрогнула от неожиданности, но поймала. Дверь подвала распахнулась, показался Снегг и махнул им, чтобы заходили.

Гермиона, Гарри и Рон устроились, как обычно, за последней партой. Снегг повернулся к доске, взял мел и принялся писать ингредиенты для нового зелья, а Гермиона украдкой раскрыла под партой журнал и стала листать. Статья, что она искала, оказалась в середине журнала. Гарри и Рон наклонились поближе. Сверху страницы была цветная фотография Гарри, а под ней шла коротенькая заметка, озаглавленная «Разбитое сердце Гарри Поттера».

> Гарри Поттер мальчик необыкновенный, но, как все мальчики его возраста, испытывает муки юности. Рано потерявший родителей и лишённый родительской любви, он думал, что обрёл утешение в своей школьной подруге Гер-

мионе Грэйнджер. Но догадывался ли он, что очень скоро ему придётся перенести новый удар судьбы и новую утрату?

Мисс Грэйнджер родилась в семье маглов, это простая, но амбициозная девочка. Её тянет к знаменитостям, и одного Гарри Поттера ей мало. На Турнир Трёх Волшебников в Хогвартс приехал Виктор Крам, ловец сборной Болгарии, триумфатор недавнего Чемпионата мира, и мисс Грэйнджер тут же и его поймала в свои сети. Она его просто покорила, и он уже пригласил её на летние каникулы в Болгарию.

— Я ещё никогда ничего подобного к девушкам не чувствовал, — признаётся Виктор Крам.

А непостоянная мисс Грэйнджер продолжает играть чувствами обоих мальчиков.

Трудно сказать, чем так привлекательна мисс Грэйнджер. Нельзя сказать, чтобы она была красива, скорее всего, причина симпатий к ней двух несчастных мальчиков кроется в чём-то ином.

— Она просто страшилище, — говорит

о ней Пэнси Паркинсон, миловидная, привлекательная студентка четвёртого курса. — Но она умна, и ей вполне по силам сварить приворотное зелье. В этом-то, я думаю, всё и дело.

Приворотные зелья запрещены в школе «Хогвартс», и Альбус Дамблдор, без сомнения, заинтересуется причиной успеха своей студентки. А доброжелателям Гарри Поттера остаётся только надеяться, что в следующий раз он отдаст своё сердце более достойной.

— Ну, что я говорил? — прошептал Рон Гермионе, глядя в журнал. — Я ведь предупреждал: не зли Риту Скитер. Вот полюбуйся: она из тебя какую-то… мирскую табакерку сделала!

Удивлённое выражение исчезло с лица Гермионы, и она прыснула.

— Мирскую табакерку? — трясясь от смеха, переспросила она и взглянула на Рона.

— Так моя мама говорит, — пролепетал смущённо Рон и снова покраснел до ушей.

— Что-то мало она намарала. Похоже, совсем разучилась сочинять, — сквозь смех сказала Гермиона и бросила журнал на незанятый стул. — Ну

и чушь!

Гермиона поглядела в сторону слизеринцев, те таращились на них с Гарри в надежде, что «голубки» смутятся и расстроятся. Вместо того Гермиона ухмыльнулась, помахала им рукой и вместе с Гарри и Роном принялась доставать ингредиенты для зелья прибавления ума.

— Странно всё-таки, — задумчиво проговорила Гермиона немного спустя, держа в одной руке ступку с сушёными скарабеями, а в другой — пестик, — и откуда Рита Скитер узнала?..

— Что узнала? — Рон резко повернулся к ней. — Ты что, правда, варишь приворотное зелье?

— Не говори глупостей! — Гермиона снова принялась толочь скарабеев. — Конечно, нет. А вот откуда она узнала, что Виктор Крам пригласил меня на летние каникулы?

Гермиона зарделась и отвернулась.

— Как? — опешил Рон и со стуком уронил пестик.

— Он меня пригласил сразу, как вытащил из озера. Вернул себе свою нормальную голову вместо акульей, мадам Помфри укутала нас одеялами, он отвёл меня подальше от судей, чтобы они не слышали, и предложил, если у меня нет планов на лето, приехать…

— И что ты ответила? — Рон взял с парты пестик и, пристально глядя на Гермиону, совсем забыв про жуков в ступке, принялся толочь парту.

— Он тогда и вправду сказал, что ничего подобного никогда не чувствовал, — продолжала Гермиона и покраснела, Гарри даже показалось, будто от неё идёт жар. — Но как она услышала? Её, кажется, там не было… или была? Может, у неё мантия-невидимка, и она пробралась в Хогвартс поглядеть второе испытание?

— Что ты ему ответила? — повторил вопрос Рон и с такой силой застучал по столу пестиком, что стол покрылся вмятинами.

— Ну, мне тогда было не до него, я ждала вас с Гарри…

— Ваша жизнь, мисс Грэйнджер, без сомнения, полна любопытных событий, — раздался ледяной голос, — но не следует обсуждать её на уроках. Минус десять очков Гриффиндору.

Пока они разговаривали, Снегг незаметно подошёл к ним и встал за их спинами. Весь класс глядел на них; Малфой воспользовался удобным случаем и написал в воздухе «Поттер смердяк».

— А, так вы ещё и журналы на уроках читаете! — прибавил Снегг и взял со стула «Ведьмин досуг». — Ещё минус десять очков Гриффиндору.

Ах, ну, конечно… — Снегг увидал статью Скитер, и у него заблестели глаза. — Поттеру и дня не прожить без газетных вырезок о собственной персоне…

Слизеринцы загоготали, Снегг угрожающе улыбнулся, и, к ярости Гарри, стал читать заметку вслух.

— «Разбитое сердце Гарри Поттера»… что же, Поттер, с вашим сердцем на этот раз? «Гарри Поттер мальчик необыкновенный…»

Настала очередь Гарри залиться краской. А Снегг ещё и после каждого предложения останавливался, чтобы слизеринцы могли вдоволь насмеяться. В исполнении Снегга заметка звучала во стократ хуже.

— «…А доброжелателям Гарри Поттера остаётся только надеяться, что в следующий раз он отдаст своё сердце более достойной», — ухмыльнулся Снегг и под гоготанье слизеринцев свернул журнал в трубочку. — Пожалуй, лучше будет вас троих рассадить, а то вы больше заняты своими любовными похождениями, а не зельями. Вы, Уизли, останетесь здесь. Мисс Грэйнджер сядет вон там, с мисс Паркинсон. А Поттер — передо мной, за первой партой. Ну, живее!

Гарри, дрожа от ярости, швырнул рюкзак и

ингредиенты для зелья в котёл и потащил его к незанятой парте перед самым столом учителя. Снегг пошёл следом, уселся за свой стол и стал глядеть, как Гарри достаёт вещи из котла. Гарри, стараясь не глядеть на Снегга, снова принялся толочь скарабеев, представляя себе, что каждый жук — это профессор зельеварения.

— О вас, Поттер, слишком много пишут. Слава, похоже, совсем вскружила вам голову, — негромко сказал Снегг, когда класс успокоился.

Гарри смолчал. Снегг и раньше пытался вызвать его на грубость. Дай ему только предлог, и он ещё до конца урока отнимет у Гриффиндора очков пятьдесят.

— Вы, может быть, полагаете, будто весь волшебный мир от вас без ума? — продолжал Снегг тихо, так что никто, кроме Гарри, его не слышал (Гарри толок сушёных скарабеев, хоть они и превратились уже в ступке в мелкий порошок). — Лично мне нет никакого дела, сколько раз вашу фотографию печатали в газетах. Для меня вы, Поттер, всего лишь мальчишка, который считает, будто школьные правила не для него.

Гарри высыпал перетёртых в пыль скарабеев в котёл и принялся резать корень имбиря. От злости у него дрожали руки, но глаз он не поднимал,

будто не слышал, что говорит ему учитель.

— Так вот, предупреждаю вас, Поттер, — угрожающим, вкрадчивым голосом продолжал Снегг, — я не погляжу, что вы знаменитость, попробуйте ещё только раз забраться в мой кабинет…

— Я близко к вашему кабинету не подходил! — огрызнулся Гарри, позабыв о своей мнимой глухоте.

— Не врите! — прошипел Снегг, непроницаемым взглядом буравя Гарри. — Шкура бумсланга и жабросли — из моего личного запаса. И я знаю, кто их украл.

Гарри смело, не мигая, поглядел Снеггу прямо в глаза, как глядят честные люди. Он, и правда, ничего не крал у Снегга. Порошок из шкуры бумсланга на втором курсе стащила Гермиона, он им был нужен для Оборотного зелья. И сколько бы Снегг ни подозревал Гарри, доказать он этого так и не смог. Ну а жабросли украл, конечно, Добби.

— Не понимаю, о чём вы говорите, — сказал Гарри.

— В ту ночь, когда залезли в мой кабинет, вас в спальне не было, я это точно знаю! — прошипел Снегг. — И я не намерен терпеть ваше поведение, даже если вашим поклонником сделался и

Грозный Глаз Грюм. Только попробуйте снова забраться в мой кабинет, Поттер, и вам не поздоровится!

— Хорошо, — безразлично ответил Гарри и снова стал нарезать имбирный корень. — Буду иметь в виду на тот случай, если мне когда-нибудь захочется туда забраться.

Снегг сверкнул глазами и сунул руку под мантию. Гарри на секунду испугался, что Снегг выхватит волшебную палочку и заколдует его, но Снегг вынул крохотный пузырёк с прозрачным как слеза зельем. Гарри пристально поглядел на пузырёк.

— Знаете, что это, Поттер? — спросил Снегг, злобно сверкая глазами.

— Нет, — искренне ответил Гарри.

— Это Сыворотка Правды. Она очень сильная, достаточно и трёх капель, чтобы вы сейчас же всему классу выдали свои тайны, — вкрадчиво произнёс Снегг. — Использование этого зелья, конечно, строго ограничено правилами Министерства. Но я могу случайно, скажем, за ужином пронести руку над вашим тыквенным соком, — он слегка встряхнул пузырёк, — и вот тогда, Поттер, мы и узнаем, были вы в моём кабинете или нет.

Гарри ничего не ответил, снова взял корень имбиря и нож и принялся резать. О сыворотке правды Снегг не для красного словца упомянул, уж кто-то, а Снегг свою угрозу выполнит, дай ему только повод, наверняка этим зельем напоит. Гарри страшно было подумать, что он может сказать, прими он этого зелья. Ему представилось, как он выдаёт своих друзей, Гермиону и Добби, а потом рассказывает о переписке с Сириусом… и — у Гарри всё внутри похолодело — о своих чувствах к Чжоу… Гарри ссыпал кусочки корня имбиря в котёл и подумал, не последовать ли примеру Грюма, не пить ли из собственной фляжки? В дверь подземелья постучали.

— Войдите, — спокойно сказал Снегг.

Ученики обернулись к входу. Дверь открылась, вошёл Каркаров и направился между рядами парт к учительскому столу, вызвав своим появлением удивление и любопытство учеников. Каркаров был взволнован и крутил свою козлиную бородку.

— Нам надо поговорить, — сказал он, подойдя к Снеггу. Каркарову явно не хотелось, чтобы кроме Снегга его кто-нибудь услышал, поэтому он едва открывал рот и походил на плохого чревовещателя. Гарри продолжал тщательно резать корень

имбиря, а сам навострил уши.

— После урока поговорим… — так же тихо, как и неожиданный посетитель, начал Снегг, но Каркаров перебил его.

— Нет, сейчас! Тебе некуда деваться, Северус. Почему ты меня избегаешь?

— После урока! — отрезал Снегг.

Гарри сделал вид, что хочет проверить, достаточно ли налил желчи броненосца, поднёс стеклянный стаканчик к глазам, а сам искоса глянул на учителя и его гостя. Каркаров был чем-то обеспокоен, Снегг сердился.

Каркаров до самого конца второго урока зельеварения ходил за спиной Снегга. Гарри хотелось узнать, зачем пожаловал Каркаров, и за две минуты до звонка он нарочно опрокинул пузырёк желчи броненосца, остальные ученики шумно собирались, потом толпились у выхода из класса, а он присел за котёл, стал вытирать разлитую желчь и прислушался.

— Ну? Что за срочность? — прошипел Снегг.

— Вот что, — ответил Каркаров, Гарри выглянул из-за котла: Каркаров закатал левый рукав мантии и показал Снеггу что-то у себя на запястье.

— Ну, видишь? — тихо спросил Каркаров, почти не шевеля губами. — Видишь? Неужели не ясно?

С тех пор, как…

— Спрячь! — вскрикнул Снегг, и его глаза забегали по классу.

— Неужели ты не заметил?.. — взволнованно начал было Каркаров.

— Потом поговорим, — оборвал его Снегг. — Поттер, вы что здесь забыли?

— Вот собираю желчь броненосца, профессор, — невинными глазами глядя на Снегга, ответил Гарри и показал мокрую тряпку.

Каркаров, встревоженный и злой, развернулся на каблуках и вылетел вон из класса. Гарри совсем не хотелось оставаться наедине с профессором зельеварения, он торопливо побросал учебники и ингредиенты для зелий в рюкзак и поспешил убраться из подземелья. За дверью поджидали Рон и Гермиона, и ему не терпелось рассказать, что он услышал.

* * *

На следующий день после обеда Гарри, Рон и Гермиона отправились в Хогсмид. Небо прояснилось, и вовсю светило солнце. Друзьям стало жарко, и на полпути до деревни все трое сняли плащи и закинули их на плечи. Гарри нёс в рюкзаке еду для Сириуса; за обедом они стащили

со стола десяток куриных ножек, батон хлеба и наполнили фляжку тыквенным соком.

По дороге они заглянули в магазин одежды волшебников «Шапка-невидимка» и купили для Добби подарок. Они долго выбирали носки и всякий раз весело хохотали, найдя новую забавную пару. Среди многих пар одна сверкала вышитыми золотыми и серебряными звёздами, а другая, когда долго не стирали, истошно вопила. В половине второго вышли из магазина, прошлись по Главной улице, миновали магазин «Дервиш и Бэнгз» и направились к краю деревни.

Так далеко они ещё не заходили. Тропинка часто петляла, дома попадались всё реже и реже, скоро они вышли из деревни и пошли к горе, у подножия которой деревня и стояла. Тропинка вильнула последний раз, и у её конца обнаружился перелаз. Опершись на него передними лапами, с газетой в зубах, их поджидал тощий чёрный пёс, очень знакомый на вид.

— Здравствуй, Сириус, — поприветствовал пса Гарри.

Чёрный пёс потянул носом воздух — из рюкзака за спиной Гарри шёл сильный запах курятины — удовлетворённо вильнул хвостом, развернулся и затрусил между кустов к каменистому подножию

холма. Гарри, Рон и Гермиона перелезли через забор и пошли следом.

Сириус привёл их к самому подножью холма, сплошь усеянному камнями. Ему, на его четырёх лапах, подниматься было легко, а Гарри, Рон и Гермиона тяжело отдувались. Сириус поднимался всё выше и выше. С полчаса они взбирались по крутому каменистому склону. Сириус бежал впереди, тропка виляла, и на поворотах он помахивал хвостом. Солнце жарило нещадно, Гарри, Рон и Гермиона обливались потом, лямки рюкзака резали Гарри плечи.

Потом Сириус вдруг куда-то исчез, они подошли и увидели в скале узкую расщелину. Они протиснулись внутрь и очутились в прохладном тёмном гроте. В дальнем конце грота, привязанный верёвкой к большому камню, сидел гиппогриф Клювокрыл. Клювокрыл был наполовину серой лошадью, наполовину огромным орлом, и чуть только они вошли, сердито и важно посмотрел на них огненным глазом. Трое друзей низко поклонились гиппогрифу, тот ещё с полминуты, словно раздумывая, взирал на них свысока и, в конце концов, преклонил перед ними чешуйчатые передние лапы, Гермиона побежала погладить его по шее. Гарри не отрывал глаз от чёрного пса,

а тот успел уже обернуться его крёстным.

На Сириусе была поношенная серая мантия, которую он носил с тех самых пор, как сбежал из Азкабана. После разговора с Гарри через камин волосы у него отросли ещё больше, были немыты и спутаны. Он здорово исхудал.

— Курица! — воскликнул он хриплым голосом, вынув изо рта старые номера «Пророка» и бросив их на землю.

Гарри снял с плеч рюкзак, вынул завёрнутые в бумагу куриные ножки и хлеб и подал Сириусу.

— Вот спасибо! — сказал Сириус, развернул еду, схватил ножку, сел прямо на пол и запустил в курицу зубы. — А то все крысы да крысы. Из Хогсмида много не утащишь, чего доброго, заподозрят неладное.

Он улыбнулся, и Гарри заставил себя улыбнуться в ответ.

— Что ты здесь делаешь, Сириус?

— Исполняю обязанности крёстного, — ответил тот, по-собачьи обгрызая куриную ножку. — Да ты не беспокойся, я очень даже дружелюбный бродячий пёс.

Он снова улыбнулся, но заметил беспокойство во взгляде Гарри и серьёзно прибавил:

— Хочу быть поближе. Ты в последнем письме…

ну, в общем, тучи сгущаются. Я краду старые газеты, и, судя по тому, что пишут, не я один это чую.

Он кивнул на пожелтевшие номера «Пророка» на полу грота, Рон подобрал их и стал листать. Но Гарри на этом не успокоился.

— А вдруг тебя поймают? Вдруг узнают?

— Кроме вас троих да Дамблдора, никто и не знает, что я анимаг, — пожал плечами Сириус и продолжил обсасывать куриную косточку.

Рон толкнул Гарри локтем в бок и передал ему номера «Пророка», указав на две статьи. Одна шла под заголовком «Таинственная болезнь Бартемия Крауча», вторая — «Поиски работницы Министерства. Министр магии берёт расследование под свой личный контроль».

Гарри пробежал глазами статью о Крауче. Каждая фраза так и кричала: «...никто не видел с самого ноября... дом, кажется, пуст... в Больнице св. Мунго нам отказались разъяснить... Министерство не подтверждает слухи об опасной болезни...»

— Почитать, так он умирает, — сказал Гарри. — А сумел же добраться сюда... Значит, не так уж он и болен...

— Мой брат — личный помощник Крауча, — заметил Сириусу Рон. — Он говорит, Крауч

переутомился на работе.

— Хотя, он, и вправду, плохо выглядел, когда я его видел в последний раз, — продолжал Гарри, читая статью. — А было это в тот вечер, когда моё имя появилось из Кубка…

— И ничего удивительного, — раздался голос Гермионы, гладившей Клювокрыла. Гиппогриф доклёвывал за Сириусом куриные кости. — Выгнал Винки, вот теперь и мучается, жалеет небось, за домом-то некому приглядеть.

— Наша Гермиона просто помешалась на эльфах-домовиках, — заметил Рон Сириусу и мрачно поглядел на подругу.

Сириус, однако, не спешил с выводами и переспросил:

— Говоришь, Крауч выгнал своего эльфа?

— Да, во время Чемпионата мира по квиддичу, — ответил Гарри и рассказал о том, как появилась Чёрная Метка, и как Винки поймали на месте преступления с волшебной палочкой Гарри в руках, и как мистер Крауч при этом рассердился.

К концу рассказа Сириус встал и принялся мерить грот шагами.

— Стало быть, дело было так, — спустя минуту сказал он, размахивая очередной куриной

ножкой, — сперва вы увидели эту эльфиху на трибуне для особо важных гостей. Она заняла Краучу место. Так?

— Так, — дружно подтвердили Гарри, Рон и Гермиона.

— Но Крауч на матч не пришёл. Так?

— Да, — ответил Гарри, — кажется, он сказал, что был слишком занят.

Несколько минут Сириус молча кружил по гроту.

— Гарри, а ты проверял свои карманы после того, как вышел со стадиона? Волшебная палочка была при тебе?

— М-м, — задумался Гарри. — Нет, не проверял. Да она мне и не нужна была до того, как мы пошли в лес. А в лесу я сунул руку в карман, а там только омнинокль, — Гарри широко раскрыл глаза и поглядел на Сириуса. — Ты думаешь, тот, кто послал Чёрную Метку, украл мою волшебную палочку ещё там, на трибуне для особо важных гостей?

— Очень может быть, — кивнул Сириус.

— Винки не крала твоей волшебной палочки, — отрезала Гермиона.

— Ну, положим, эльфиха не одна была на трибуне, — заметил Сириус, нахмурившись. — Кто,

кстати, ещё сидел позади тебя?

— Да много кто, — ответил Гарри. — Болгары… Корнелиус Фадж… Малфой…

— Вот именно — Малфой! — воскликнул вдруг Рон, да так громко, что эхо покатилось по гроту, а Клювокрыл удивлённо вскинул голову. — Малфой — вот это кто!

— А кто ещё там сидел? — спросил Сириус.

— Больше никого, — ответит Гарри.

— Как же никого? А Людо Бэгмен? — напомнила Гермиона.

— Ах, да…

— Бэгмена я не знаю, — сказал Сириус, не переставая расхаживать по гроту. — Знаю только, что он играл в команде «Уимбурнские осы». Что он за человек?

— Да он ничего… Всё предлагает мне помочь выиграть Турнир.

— Неужели? — Сириус нахмурился ещё больше. — Это ему ещё зачем?

— Говорит, я ему приглянулся.

— Гм, — Сириус призадумался.

— Он был в лесу перед тем, как появилась Чёрная Метка, — сказала Сириусу Гермиона. — Помните? — обернулась она к мальчикам.

— Верно, да ведь в лесу же он не остался, — за-

метил Рон. — Мы ему ещё рассказали о суматохе, и он тут же отправился в лагерь.

— Ты-то откуда знаешь, куда он отправился? — возразила Гермиона. — Он мог куда угодно трансгрессировать.

— Да, ладно тебе! — с недоверием сказал Рон. — Ты ещё скажи, что это Людо Бэгмен наколдовал Чёрную Метку.

— Уж скорее он, чем Винки, — не уступала Гермиона.

— Говорил же я, — Рон многозначительно поглядел на Сириуса, — что она помешалась на этих эль…

Сириус поднял руку, тем самым веля Рону помолчать.

— Кто-то наколдовал Чёрную Метку, потом нашли этого эльфа с волшебной палочкой Гарри, и что сделал Крауч?

— Побежал в кусты поглядеть, — ответил Гарри, — и вернулся ни с чем.

— Ну да, ну да, — пробормотал Сириус. — Кто угодно, только не собственный эльф… и потом, значит, он её выгнал?

— Да, выгнал! — возмущённо воскликнула Гермиона. — И только за то, что она не осталась в своей палатке и попалась с чужой волшебной

палочкой.

— Оставишь ты когда-нибудь своих эльфов в покое? — не выдержал Рон.

Но Сириус покачал головой и сказал:

— Нет, Рон, Гермиона лучше твоего поняла, кто такой Крауч. Если хочешь узнать человека получше, смотри не на то, как он обращается с равными, а на то, как ведёт себя с подчинёнными.

Он провёл рукой сверху вниз по небритому лицу и крепко задумался.

— Во время матча он всё время куда-то пропадает… заставил эльфа занять ему место на трибуне, а сам даже не зашёл поглядеть на матч. Потом изо всех сил старается снова устроить Турнир Трёх Волшебников и, в конце концов, перестаёт приезжать и на Турнир… Не похоже это на Крауча. Клювокрыла съем, если Крауч раньше из-за болезни пропускал на работе хоть день.

— Так ты знаешь Крауча? — спросил Гарри, Сириус помрачнел, и на лице у него появилось такое же страшное выражение, как и в ту ночь, когда Гарри увидел его впервые и подумал, что он убийца.

— Уж я-то его знаю, — тихо сказал он. — Это он приказал засадить меня в Азкабан — без суда и

следствия.

— Как? — в один голос воскликнули Рон и Гермиона.

— Шутишь?! — опешил Гарри.

— Нет, какие там шутки, — покачал головой Сириус и оторвал зубами кусок цыплёнка. — Крауч тогда ещё работал начальником Департамента по магическому законодательству, вы разве не знали?

Гарри, Рон и Гермиона покачали головами.

— Его прочили на место министра магии. Барти Крауч сильный волшебник, ему почти нет равных в волшебстве — и в жажде власти. Нет, Волан-де-Морта он не поддерживал, — поспешил сказать Сириус, заметив выражение лица Гарри. — Барти Крауч всегда был против Тёмной магии. Но тогда многие были против, а на самом деле… да нет, вам не понять… вы ещё слишком молоды…

— То же и отец говорил на Кубке мира, — заметил Рон, и в его голосе слышалась нотка раздражения. — Вы рассказывайте, мы поймём.

Сириус улыбнулся.

— Ну, ладно, слушайте.

Он прошёлся в глубь грота и обратно и продолжил:

— Представьте себе, что Волан-де-Морт силён, как раньше. Никто не знает его сторонников, кто на него работает, а кто нет. Известно только, что он полностью владеет своими слугами, они убивают и пытают и ничего с собой поделать не могут. Вам страшно за себя, за семью, за друзей. Каждую неделю приходят сообщения о новых убийствах, новых исчезновениях, новых замученных пытками… Министерство магии растерялось, там не знают, что делать, пытаются скрыть всё от маглов, а маглов и самих убивают. Никто ничего не может поделать, ужас, паника… Вот как оно было.

В такое вот время и становится ясно, кто на что способен, кто хороший, а кто плохой. Не знаю, может, методы Крауча и были хороши в самом начале. Его быстро повышали по службе, и он начал настоящую охоту на сторонников Волан-де-Морта. Мракоборцам дали новые полномочия, они чаще стали убивать, чем арестовывать. И не одного меня без суда передали дементорам. Крауч отвечал жестокостью на жестокость, разрешил применять против подозреваемых Непростительные заклинания. Можно сказать, он сделался таким же беспощадным и жестоким, как и те, кто были на стороне Волан-де-Морта. У

него были свои сторонники, многие считали, что он поступает верно, много кто из волшебников хотел, чтобы он занял пост министра магии. Потом Волан-де-Морт вдруг исчез, и все думали, что скоро Крауч станет министром. Но тут-то всё и рухнуло, — Сириус мрачно улыбнулся. — Сына самого Крауча поймали с кучкой Пожирателей смерти, которые сумели открутиться от Азкабана. Они, как оказалось, пытались разыскать Волан-де-Морта и вернуть ему его власть.

— Поймали сына Крауча? — не поверила своим ушам Гермиона.

— Вот-вот, — Сириус бросил кость гиппогрифу, сел на пол грота, взял хлеб и разломил пополам. — Вот уж не ожидал Барти, так не ожидал. Надо было ему побольше времени уделять семье. Нет, чтобы хоть изредка приходить домой пораньше, а то не знал, что за сын у него растёт.

Сириус стал крупными кусками откусывать хлеб и глотать, почти не жуя.

— А его сын тоже был Пожирателем смерти? — спросил Гарри.

— Кто его знает? — не переставая есть, ответил Сириус. — Когда его поймали, я уже был в Азкабане. Я уже потом всё это узнал, когда сбежал из тюрьмы. Парня схватили в компании людей, ко-

торые точно были Пожирателями смерти. Может быть, он просто оказался в плохом месте в плохое время, как эта ваша эльфиха.

— А Крауч пытался вызволить сына? — прошептала Гермиона.

Сириус расхохотался, и хохот его был похож на собачий лай.

— Вызволить сына? Крауч? А я-то думал, ты, Гермиона, поняла, что это за человек. Да он на всё был готов ради собственной репутации, он всю жизнь посвятил тому, чтобы стать министром. Ты же видела, как он поступил со своим домашним эльфом из-за того, что этот эльф навёл на него тень Чёрной Метки. Разве не понятно после этого, что за человек Крауч? Всех его отцовских чувств хватило только на то, чтобы устроить над сыном суд, да и суд-то этот Крауч устроил только для того, чтобы показать всем, как он ненавидит сына… а потом он его отправил прямиком в Азкабан.

— Он собственного сына дементорам отдал? — в ужасе спросил Гарри.

— Отдал, — ответил Сириус уже безо всякого веселья. — Я сам видел, как дементоры его вели, стоял у оконца в двери и смотрел. Ему и двадцати тогда не было. Посадили его в камеру рядом с моей. К вечеру он уже кричал и звал свою мать.

Потом, правда, успокоился, через несколько дней… все успокаиваются… во сне только кричат…

С минуту Сириус безразлично глядел в одну точку, словно ему изнутри чем-то заслонили глаза, и всё стало ясно без слов.

— И он всё ещё в Азкабане? — спросил Гарри.

— Нет, — со вздохом ответил Сириус. — Нет, его там уже нет. Года не прошло, как он умер.

— Умер?!

— Там многие умирают, — печально сказал Сириус. — Большинство сходят с ума и перестают есть. Просто не хотят больше жить. Можно было даже сказать, когда узник умрёт, потому что дементоры чувствуют смерть и радуются. А сын Крауча и так уже болел, когда его привезли. Краучу с женой, как важному министерскому работнику, позволили перед смертью его навестить. Вот тогда я и видел Крауча в последний раз, он шёл мимо моей камеры и чуть не нёс жену на руках. Она тоже потом недолго прожила. Умерла от горя. Сгорела, как свечка, как и сын. А Крауч даже не приехал забрать тело сына. Я видел, как дементоры похоронили его за стенами крепости.

Сириус поднёс ко рту кусок хлеба, но тут же отбросил, схватил фляжку с тыквенным соком и

в один приём осушил до дна.

— Вот так. Крауч думал, что всё у него в руках, а вон оно как вышло. — Сириус утёр губы тыльной стороной ладони. — Только что герой, министром магии чуть не стал, и вдруг… сын умер, жена, имя опозорено, и — я слышал, как сбежал из тюрьмы — его уже не так любят, как раньше. После смерти его сына стали жалеть, и многие себя спрашивали: как это, мальчик из хорошей семьи и вдруг попал в такую компанию? Только один ответ и напрашивался: отцу было не до него. Пост министра занял Корнелиус Фадж, а Крауча сместили на должность начальника Отдела международного магического сотрудничества.

Воцарилось долгое молчание. Гарри думал о том, как на Чемпионате мира по квиддичу в лесу Крауч выпучил от гнева глаза на своего провинившегося эльфа-домовика. Так вот, оказывается, почему Крауч взбесился, когда нашёл своего эльфа под Чёрной Меткой. Он вспомнил сына, позор и то, как он потерял доверие коллег по Министерству.

— Грюм мне сказал, что Крауч просто помешался на ловле Тёмных магов, — сказал Гарри Сириусу.

— Да, я тоже слышал, что он как одержимый

гоняется за Тёмными магами, — кивнул Сириус. — По-моему, он всё ещё думает, что если поймает хоть одного Пожирателя смерти, то к нему станут относиться по-прежнему.

— Поэтому он и забрался в кабинет Снегга! — торжествующе воскликнул Рон, глядя на Гермиону.

— Да что в этом толку-то? — спросил Сириус.

— Как что? — воскликнул Рон. Сириус покачал головой:

— Нет, если Крауч подозревает Снегга, почему не приезжает судить ваш Турнир? Лучше повода, чтобы следить за ним, и придумать нельзя. Нет, что-то здесь другое.

— А что, у Снегга правда что-то недоброе на уме? — спросил Гарри.

— Доброе или недоброе, а Дамблдор Снеггу доверяет и… — начала было Гермиона.

— Да ладно тебе, Гермиона, — отмахнулся Рон. — Дамблдор, конечно, умный и вообще, так что ж, его теперь ни одному Тёмному магу не провести?

— А зачем он тогда в прошлом году спас Гарри? Оставил бы его умирать, да и всё!

— Откуда мне знать? Может, он испугался, что Дамблдор его вышвырнет из школы?

— А ты что скажешь, Сириус? — громко спросил Гарри, и Рон с Гермионой замолчали.

— Скажу, что они оба правы, — ответил тот, задумчиво глядя на Рона и Гермиону. — Я и сам всё время думаю, зачем Дамблдор взял его в школу? Снегг, ещё когда учился, интересовался Тёмной магией и здорово в ней поднаторел. Тогда уже ходил весь такой худой, немытый, с длинными сальными волосами. — При этих словах Сириуса Рон и Гарри с улыбкой переглянулись. — На первом курсе он знал больше заклинаний, чем добрая половина семикурсников, и был в шайке слизеринцев, которые почти все потом стали Пожирателями смерти. Розье и Уилкис — этих двоих убили мракоборцы за год до падения Волан-де-Морта, — Сириус стал перечислять Пожирателей смерти и загибать пальцы. — Лестрейндж, муж и жена, — в Азкабане. Эйвери, я слышал, отвертелся, заявил, будто служил Тёмному Лорду под заклятием Империус, и всё ещё на свободе. А вот Снегга, насколько я знаю, даже ни в чём и не обвиняли, и Пожирателем смерти не называли, да только это ещё ничего не значит. Поймали-то не всех. Снегг умный и хитрый и открутиться сумеет.

— Снегг знаком с Каркаровым и не хочет, чтобы

об этом узнали, — сказал Рон.

— Ага, видел бы ты выражение лица Снегга, когда Каркаров заявился вчера на урок зельеварения! — прибавил Гарри. — Каркаров хотел с ним переговорить и сказал, что Снегг его избегает. Каркаров был сам не свой. Он что-то показал Снеггу у себя на запястье, только я не видел что.

— Что-то показал на запястье? — удивлённо переспросил Сириус, рассеянно провёл пятернёй по немытым волосам и пожал плечами. — Ну, я уж совсем ничего тут не понимаю… Но раз Каркаров сам не свой, значит, он пришёл к Снеггу с вопросами…

Сириус несколько времени глядел на стену грота, и на его лице наконец появилось выражение горечи.

— Всё равно, — сказал он, — Дамблдор Снеггу доверяет, и хотя Дамблдор доверяет таким людям, которым другие ни за что бы доверять не стали, думаю, он никогда бы не взял в Хогвартс слугу Волан-де-Морта.

— А что тогда Грюму с Краучем понадобилось в его кабинете? — не сдавался Рон.

— Ну, Грюм-то, скорее всего, каждый угол в Хогвартсе обшарил и кабинеты всех учителей, — медленно проговорил Сириус. — Уж кто-кто,

а он-то свою работу знает и как уберечься от Тёмной магии — тоже. Он никому не доверяет — и ничего удивительного — после всего, что он видел. Думаю, так оно и есть, хотя, он, когда была возможность, не убивал, а брал в плен. Он, конечно, никому не спускал, но никогда не опускался до того, чтобы поступать, как Пожиратели смерти. А вот Крауч… это совсем другое дело… а болен ли он, в самом деле? Если болен, так чего притащился в такую даль, в кабинет Снегга? А если здоров… то чего добивается? Из-за какого такого неотложного дела не пришёл на трибуну для особо важных гостей? И чем он таким занят, что не может приехать на Турнир?

Сириус замолчал и стал глядеть на стену грота. Клювокрыл принялся шарить по каменному полу в поисках потерянных косточек.

Сириус взглянул на Рона.

— Ты говоришь, твой брат личный помощник Крауча? А ты не мог бы спросить его, давно ли он видел Крауча?

— Попробую, конечно… — неуверенно ответил Рон. — Только бы Перси не почуял, что я в чём-то Крауча подозреваю. Мой братец без ума от своего шефа.

— А вы пока могли бы разузнать, как там дела

с Бертой Джоркинс. — Сириус указал на один из номеров «Пророка».

— Бэгмен мне говорил, что они её ещё не нашли, — сказал Гарри.

— Да, про него в статье пишут, — кивнул на газету Сириус. — Он там жалуется, что у Берты дырявая память. Может, она, конечно, и изменилась с тех пор, как мы были знакомы, только раньше она ничего не забывала, совсем даже наоборот. Особым умом она не отличалась, но память у неё была хоть куда, особенно на всякие слухи. От этого она и во всякие неприятности попадала, забывала, что иногда полезно держать рот на замке. В Министерстве она, скорее всего, мешалась, потому-то, может, Бэгмен её так долго и не искал…

Сириус тяжело вздохнул и потёр глаза.

— Который час?

Гарри поглядел на часы, но они, с тех пор как он поплавал в озере, перестали ходить.

— Половина четвёртого, — сказала Гермиона.

— Пора вам в замок. — Сириус встал на ноги. — Вот что… — Он нахмурился и поглядел на Гарри: — Нечего вам бегать из школы ко мне, понятно? В случае чего — шлите письмо. Пишите, если случится что-нибудь необычное. А сами без

разрешения из школы не выходите, лучше случая и не придумаешь, чтобы напасть на вас.

— Да на меня до сих пор никто и не думал нападать, — сказал Гарри, — кроме дракона и пары гриндилоу…

Сириус сердито на него взглянул.

— Какое мне дело, нападали на тебя или нет! Я вздохну свободно, только когда Турнир кончится, а кончится он только в июне. И вот что ещё: когда говорите обо мне, называйте меня Нюхалз, ладно?

Сириус передал Гарри фляжку из-под тыквенного сока и салфетку из-под куриных ножек и пошёл попрощаться с Клювокрылом.

— Я вас провожу до деревни. Может, удастся стащить свежую газету…

Сириус снова превратился в большого чёрного пса, они вместе вышли из грота, спустились по склону горы, пересекли усеянное камнями подножие и остановились у перелаза через забор. Сириус позволил всем троим погладить себя по голове, повернулся и помчался вокруг деревни.

Гарри, Рон и Гермиона вернулись в замок.

— Интересно, знает Перси то, что рассказал Сириус о Крауче? — сказал Рон по дороге к замку. — А хотя, может, ему всё равно… А может, он

только ещё больше станет Краучем восхищаться… Уж Перси-то любит всякие правила. Если узнает, то скажет, что Крауч молодец, потому что отказался нарушить правила ради собственного сына.

— Перси ни за что не отдаст никого из своей семьи дементорам, — рассердилась Гермиона.

— Ты-то откуда знаешь? — усмехнулся Рон. — Возьмёт, да и решит, что из-за нас пострадает его карьера… Перси, он ведь на малом не успокоится…

Трое друзей поднялись по парадной каменной лестнице в вестибюль замка. Из Большого зала летели запахи вкусного ужина.

— Бедняга Нюхалз, — сказал Рон, втягивая носом аромат жаркого. — Должно быть, он и вправду любит тебя, Гарри… представь себе: есть одних только крыс…

Глава 28
Мистер Крауч сходит с ума

В воскресенье сразу после завтрака Гарри, Рон и Гермиона отправились в совятник отослать письмо Перси. В письме Рон по просьбе Сириуса спрашивал брата, когда он в последний раз видел мистера Крауча. Послали Буклю, она давно уже скучала без дела. Сова вылетела в окно, друзья ещё немного постояли, проводили её взглядом и спустились в кухню подарить Добби купленные для него носки.

Эльфы-домовики так им обрадовались, что гурьбой ринулись снова кипятить для них чайник, на каждом шагу раскланивались и были очень вежливы. Добби ошалел от восторга при виде подарков.

— Гарри Поттер слишком добр к Добби! — пропищал он, утирая слёзы на огромных глазах.

— Да что ты, Добби! Если бы ты не принёс жаброслии, я бы пропал, — ответил Гарри.

— А эклеров у вас, случайно, не осталось? — спросил Рон, оглядывая радостно кланяющихся эльфов.

— Ты только что позавтракал, — нахмурилась Гермиона, а четыре эльфа уже на всех парах летели к ним, держа над головами большой серебряный поднос с пирожными.

— Надо захватить что-нибудь и для Нюхалза, — заметил Гарри.

— Вот именно! — подхватил Рон. — А Сычик отнесёт. Вы не дадите нам чего-нибудь с собой? — обратился Рон к окружившим их эльфам, те радостно поклонились и помчались за едой.

— Добби, а где Винки? — спросила Гермиона, оглядывая кухню.

— Винки вон там, у камина, мисс, — ответил Добби и опустил уши.

Гермиона пригляделась, разглядела эльфиху и ахнула, всплеснув руками.

Гарри тоже поглядел в сторону камина. Винки сидела на том же самом стуле, что и раньше, но она была так чумаза, что различить её на фоне закопчённой кирпичной стены было не так-то просто. Одежда на ней была давно нестирана и местами порвалась. Она держала в руках бутылку сливочного пива и, слегка раскачиваясь на стуле, глядела на огонь. В довершение картины Винки на всю кухню икнула.

— Винки выпивает шесть бутылок в день,

сэр, — шёпотом сообщил Гарри Добби.

— Ну, это ничего, сливочное пиво совсем не крепкое, — махнул рукой Гарри.

Добби покачал головой.

— Для эльфа-домовика крепкое, сэр.

Винки снова икнула, и эльфы, что принесли эклеры, искоса на неё глянули, укоризненно покачали головами и снова взялись за работу.

— Винки тоскует по дому, сэр, — жалостливо шепнул Добби. — Винки всё ещё думает, что мистер Крауч её хозяин. Добби ей говорит, сэр, что теперь её хозяин профессор Дамблдор, но она не слушает Добби.

Гарри вдруг словно осенило, он подошёл к камину и наклонился к эльфихе.

— Послушай, Винки, — спросил Гарри, — ты, случайно, не знаешь, что с мистером Краучем? Он почему-то перестал приезжать на Турнир Трёх Волшебников.

Винки очнулась, поглядела на Гарри, покачалась немного и переспросила:

— Хозя-зяин не приезжает на — ик — Турнир?

— Да. Мы его с самого первого тура не видели. В «Пророке» пишут, он заболел.

Эльфиха снова покачалась, мутными глазами глядя на Гарри.

— Хозяин — ик — заболел?

У неё задрожала нижняя губа.

— Может, заболел, а, может, и нет, — быстро прибавил Гарри.

— Хозяину нужна — ик — его Винки, — запричитала эльфиха. — Хозяин — ик — один не справится…

— Другие люди, Винки, вполне справляются и без прислуги, — наставительно заметила Гермиона.

— Винки вам — ик — не просто — ик — какая-нибудь прислуга, — Винки вздёрнула нос и принялась раскачиваться так сильно, что пиво из бутылки выплёскивалось на её и без того грязную рубаху. — Хозяин доверяет — ик — Винки — ик — самые важные — ик — самые большие секреты…

— Какие? — спросил Гарри.

Винки замотала головой и чуть не вылила на себя весь остаток сливочного пива в бутылке.

— Винки ни за что не расскажет — ик — секреты хозяина, — заявила она, закачалась ещё сильнее и, нахмурившись, косо поглядела на Гарри. — Не суйте нос, куда не следует!

— Винки не смеет так разговаривать с Гарри Поттером! — накинулся на неё Добби. — Гарри Поттер храбрый и благородный, и Гарри Поттер

совсем не суёт нос, куда не следует!

— Суёт! Он суёт нос — ик — в дела — ик — моего хозяина. Винки — ик — честный эльф-домовик. Винки — ик — держит рот на замке — ик — а кто — ик — выведывает, да вынюхивает… — Винки вдруг закрыла глаза, сползла со стула на коврик перед камином и громко захрапела. Пустая бутылка из-под сливочного пива покатилась прочь по выложенному каменными плитами полу.

Прибежали пять или шесть эльфов с большой скатертью в клеточку, с отвращением на лицах накрыли Винки скатертью и подоткнули края так, чтобы её совсем не было видно, один из эльфов подобрал бутылку.

— Нам очень жаль, что она напилась при вас! — понурясь, пропищал другой эльф, сокрушённо качая головой. — Только не думайте, пожалуйста, что все эльфы-домовики такие.

— Она горюет по хозяину, а вы её прячете под простынёй, — сказала Гермиона, потрясённая увиденным. — Лучше бы вы её пожалели.

— Простите, мисс, — сказал с низким поклоном тот же эльф, — домовик не имеет права горевать на работе. Мы должны служить хозяину, а не горевать.

— Сколько можно?! — вознегодовала Гермио-

на. — Вы ничем не хуже волшебников и имеете такое же право быть несчастными! Вам полагается зарплата, отпуск и хорошая одежда. Вы не должны выполнять приказы и делать то, что вам не нравится! Вот вам пример — Добби.

— Добби тут совсем ни причём, мисс, — пробормотал испуганно Добби. Эльфы перестали улыбаться и глядели на Гермиону, словно на опасную сумасшедшую.

— Вот вам ваша еда, — пискнул эльф из-под локтя Гарри и сунул ему в руки большой окорок, десяток пирожных и фрукты. — Прощайте.

Домовики тесно обступили Гарри, Рона и Гермиону и стали теснить прочь из кухни, подталкивая ручонками в спины.

— Спасибо за носки, Гарри Поттер! — виновато крикнул Добби со своего места у камина, где на коврике похрапывала под скатертью в клеточку Винки.

Гарри, Рона и Гермиону вытолкнули из кухни и захлопнули за ними дверь.

— Не могла помолчать? — упрекнул Гермиону Рон. — Они нас больше не пустят. Как мы теперь у Винки про мистера Крауча выведаем?

— Как будто ты об этом беспокоишься! — парировала Гермиона. — Тебе бы только живот

набить.

В общем, денёк выдался ничего себе. Вечером все трое уселись в гостиной за домашнюю работу. Рон с Гермионой всё время переругивались, Гарри, в конце концов, не выдержал, взял еду для Сириуса и один пошёл в совятник.

Маленькому Сычику было не по силам одному взлететь на гору с целым окороком, и Гарри взял ему в подмогу пару школьных сипух. В полёте они представляли весьма необычное зрелище: две большие совы, одна маленькая и кулёк между ними. Гарри проводил их взглядом, облокотился на подоконник и стал глядеть на окрестности замка. Смеркалось. Тёмные верхушки деревьев волновались и шумели от ветра, трепетали паруса дурмстрангского корабля. Из печной трубы хижины Хагрида в клубах дыма вылетел филин, полетел к замку, обогнул совятник и скрылся из виду. Гарри поглядел вниз: Хагрид усердно копал перед хижиной землю. Что это он там копает? Похоже на новую грядку. А, может, и нет. Из кареты Шармбатона вышла мадам Максим. Она подошла к Хагриду и определённо попыталась завести с Хагридом разговор. Гарри, конечно, не мог их слышать; Хагрид перестал копать, опёрся на лопату, но похоже, не был расположен к беседе,

потому что очень скоро мадам Максим вернулась в свою карету.

Гарри не хотелось снова идти в гостиную Гриффиндора и слушать перебранку Рона с Гермионой. Он остался в совятнике до темноты и глядел, как Хагрид копает землю; потом одна за другой начали просыпаться совы и улетать на охоту, и Гарри отправился спать.

К утру запасы плохого настроения у Рона и Гермионы истощились. Накануне Рон с мрачным видом предсказывал, что из-за Гермионы эльфы-домовики нарочно станут плохо готовить для Гриффиндора, но Рон ошибся, и яичница с беконом и копчёная рыба на завтрак были такими же вкусными, как и всегда, чему Гарри несказанно обрадовался.

Прилетели совы и принесли почту. Гермиона нетерпеливо приглядывалась к кружащим над головами птицам.

— Перси ещё не написал ответ, — сказал Рон. — Мы же только вчера Буклю отправили.

— Да нет, просто я подписалась на «Пророк», надоело все новости узнавать от слизеринцев, — ответила Гермиона.

— Вот молодец! — ответил Гарри и тоже стал глядеть на сов. — Гляди-ка, Гермиона, вон та ле-

тит к тебе. Везёт же…

К Гермионе спускалась серая сова.

— Это не газета, — разочарованно сказала Гермиона. — Это…

Серая сова села на стол прямо перед ней и едва не угодила в тарелку, следом прилетели четыре сипухи, большая бурая сова и неясыть.

— Ты что, сразу на все газеты и журналы подписалась? — спросил Гарри и едва успел схватить бокал Гермионы: совы стали толкаться на столе, потому что каждая желала доставить своё письмо первой, и бокал чуть не сшибли.

— Да что же это… — Гермиона взяла письмо у серой совы, распечатала и стала читать. — Ну, это уж! — пролепетала она, краснея.

— Что там такое? — поинтересовался Рон.

— Это… глупости какие-то… — Гермиона передала письмо Гарри. Оно было написано не от руки, а составлено из букв, вырезанных, должно быть, из «Пророка» и наклеенных на лист бумаги.

Ты гадкая девчонка. Ты не для Гарри Поттера. Убирайся к своим маглам.

— Они все такие! — растерянно сказала Гермиона, распечатав все остальные письма. — «Гарри

Поттер найдёт кого-нибудь и получше...» «Сварить бы тебя в лягушачьей икре...» Ай!

Гермиона раскрыла последний конверт, и ей прямо на руки полился жёлто-зелёный кисель с запахом бензина, по коже тут же пошли жёлтые, как от ожога, пузыри.

Рон осторожно взял конверт, понюхал и сказал:

— Неразбавленный гной бубонтюбера.

Гермиона попыталась стереть ядовитый сок с рук салфеткой и заплакала от боли, кожа покрылась язвами и распухла, словно Гермиона надела толстые бугристые перчатки.

— Беги в больничное крыло, — посоветовал Гарри. Совы, что принесли Гермионе письма поднялись и улетели. — Мы скажем мадам Стебль, где ты.

Гермиона прижала руки к груди и выбежала из Большого зала.

— Я ведь её предупреждал: не зли Риту Скитер! — сказал Рон. — Вот, послушай, что тут пишут. — Он взял одно из писем и прочитал: — «Я прочитала в „Ведьмином досуге“ о том, как ты дурачишь Гарри Поттера, а он уже и так много натерпелся. В следующий раз я найду конверт побольше и пришлю тебе настоящее проклятие».

Ну, теперь на неё посыплется! Надо ей быть осторожней.

На урок травологии Гермиона так и не пришла. После травологии Гарри и Рон вышли из теплицы и направились на уход за волшебными существами, а из замка в это время вышли и стали спускаться по лестнице Малфой, Крэбб и Гойл. Позади шла со своими подружками из Слизерина Пэнси Паркинсон, они перешёптывались и хихикали. Пэнси заметила Гарри и крикнула:

— Поттер, ты что, расстался со своей любовью? То-то она за завтраком расстроилась!

Гарри не ответил: незачем ей знать, каких бед наделала статья в «Ведьмином досуге», только позлорадствует.

На прошлом уроке Хагрид объявил, что единорогов они уже прошли до конца. Ещё издали дети увидели, что он ждёт их перед хижиной, а у его ног стоят открытые деревянные ящики. У Гарри по телу побежали мурашки от мысли, что это, может быть, новый выводок соплохвостов. Он с опаской подошёл, издали заглянул в ящики и вздохнул с облегчением: там сидели совсем не соплохвосты, а чёрные пушистые длинноносые зверьки. Передние лапы у зверьков были плоские как лопаты; зверьки вежливо глядели на учени-

ков, искренне удивляясь и не понимая, чем они обязаны такому вниманию.

— Это нюхлеры, — сказал Хагрид, едва ученики обступили ящики. — А живут они больше в шахтах. Любят разные блестящие штуки… ну вот, полюбуйтесь.

Пэнси Паркинсон громко взвизгнула. Один из зверьков ни с того ни с сего подпрыгнул и вцепился бы зубами в наручные часы Пэнси, если бы она вовремя не отпрыгнула.

— За версту драгоценности чуют, — радостно сообщил Хагрид. — Давайте-ка устроим маленькое соревнование. Вон там, видите, вскопано? — Хагрид указал на тот самый клочок земли, что он копал, когда Гарри стоял у окна совятника. — Я там зарыл золотые монеты. Чей нюхлер найдёт больше всех, тот получит приз. Только все украшения с себя снимите. Выбирайте себе по нюхлеру, сейчас начнём.

Гарри снял часы и спрятал в карман. Часы, правда, не ходили, и он носил их по привычке. Потом он выбрал себе зверька, взял на руки, и нюхлер тут же сунул длинный нос ему в ухо и с интересом понюхал. До того он был пушистый и мягкий, что походил на игрушку.

— Эва! А этот чей? — воскликнул Хагрид, глядя в

один из ящиков. — Кого у нас нет? Где Гермиона?

— Пошла в больничное крыло, — ответил Рон.

— Потом расскажем, — тихо прибавил Гарри: Пэнси Паркинсон подслушивала.

Такого весёлого урока ухода за волшебными существами у них ещё не было. Нюхлеры ныряли во вскопанную землю, словно в воду, выныривали, спешили к своим студентам и выплёвывали им в руки золотые монеты. Зверёк Рона старался усерднее других, и скоро у Рона на коленях выросла хорошая кучка золота.

— Хагрид, а можно такого купить и держать дома, как домашнее животное? — восхищённо спросил Рон, когда его нюхлер в очередной раз нырнул в землю, обдав его дождём из комьев земли.

— Можно. Только твоя мама этой животине не обрадуется, нюхлер весь дом сроет, — улыбнулся лесничий. — Сдаётся мне, они нашли все, я сто монет-то всего и зарыл, — прибавил он, обходя взрытую землю. Зверьки, однако, продолжали нырять. — А вот и Гермиона.

Гермиона, и правда, шла к ним по лужайке. Руки у неё были забинтованы, и выглядела она неважно. Пэнси Паркинсон сощурилась, глядя на неё.

— Ну, поглядим, у кого сколько, — сказал Хагрид. — Сосчитайте-ка монеты. Воровать без толку, Гойл, золото лепреконское, — Хагрид сощурил свои чёрные глаза. — Всё равно исчезнет через пару часов.

Гойл с кислой миной вывернул карманы. Оказалось, что больше всех монет нашёл нюхлер Рона, и Хагрид подарил Рону большую плитку шоколада из «Сладкого королевства». В замке зазвонили в колокол к обеду. Все отправились в замок, а Гарри, Рон и Гермиона остались помочь Хагриду посадить нюхлеров в ящики. Гарри заметил, что из окна кареты Шармбатона за ними наблюдает мадам Максим.

— Что у тебя с руками-то, Гермиона? — обеспокоенно спросил Хагрид.

Гермиона рассказала о полученных утром письмах, об упрёках и обвинениях и о последнем письме, полном сока бубонтюбера.

— Ну, ничего, ничего, — Хагрид легонько потрепал её по плечу. — Когда Рита Скитер написала о моей мамаше, мне тоже слали такие письма. «Вы чудовище и вас надо выгнать из школы». «Ваша мать убивала невинных людей, и будь у вас хоть капля совести, вы бы уже давно утопились».

— Не может быть! — поразилась Гермиона.

— Вот-вот. — Хагрид принялся ставить ящики с нюхлерами один на другой у стены хижины. — Не обращай на этих болванов внимания. И письма не открывай, в огонь их — и дело с концом.

— Жаль, тебя не было на уроке, — сказал Гарри по пути обратно в замок. — Нюхлеры такие забавные, правда, Рон?

Рон хмуро глядел на плитку шоколада, что ему подарил Хагрид.

— Ты чего? — спросил его Гарри. — Не вкусно?

— Вкусно. Почему ты не сказал мне о золоте?

— О каком золоте? — не понял Гарри.

— О том, что я тебе отдал на Кубке мира по квиддичу. Лепреконское золото, что я тебе отдал за омнинокль. На трибуне для особо важных гостей. Ты мне не сказал, что оно исчезло.

С минуту Гарри вспоминал, что за золото Рон имеет ввиду.

— А, то золото… — вспомнил он, наконец. — Ну, не знаю… Я даже и не заметил, что оно пропало. Я тогда вообще только о волшебной палочке и думал.

Они поднялись по парадной лестнице, вошли в вестибюль и пошли в Большой зал на обед.

В зале они уселись за стол своего колледжа и принялись кто за ростбиф, кто за мясо, запечён-

ное в тесте.

— Должно быть, здорово иметь кучу денег и даже не заметить, что целый карман галеонов исчез, — отрывисто сказал Рон.

— Да мне и думать об этом было некогда, — нетерпеливо ответил Гарри. — У меня голова была другим занята, да и у всех, не только у меня, забыл ты, что ли?

— Я не знал, что лепреконское золото исчезает, — пробурчал Рон. — Я думал, что отдаю тебе долг. Не надо было на Рождество дарить мне шляпу «Пушек Педдл».

— Да забудь ты об этом!

Рон ткнул вилкой в картофелину, поднял её вверх и стал на неё глядеть.

— Ненавижу бедность.

Гарри с Гермионой переглянулись. Ни он, ни она не знали, что на это ответить.

— Глупости, — продолжал Рон, глядя на картофелину. — Правильно Фред с Джорджем хотят достать денег. Вот бы и мне тоже. Вот бы мне нюхлера.

— Вот и хорошо, теперь не надо думать, что тебе подарить на следующее Рождество, — весело сказала Гермиона, но Рон продолжал мрачно глядеть на картофелину. — Да ладно тебе, Рон,

с кем не бывает? У тебя всё-таки руки не в гное бубонтюбера. — Гермиона с трудом держала нож и вилку, отёк с рук ещё не спал, и пальцы гнулись плохо. — Ненавижу эту Скитер! — вдруг выпалила она. — Ну, ничего, мы ещё поглядим, кто кого.

Всю следующую неделю Гермиона продолжала получать письма от рассерженных читателей «Ведьминого досуга». Она последовала совету Хагрида и писем не вскрывала, но некоторые из её недоброжелателей нарочно присылали кричащие письма, которые взрывались прямо над столом Гриффиндора и орали ругательства на весь Большой зал. Так что даже те, кто не читал «Ведьминого досуга», знали все подробности любовных отношений Гермионы с Гарри и Виктором Крамом. Гарри до смерти надоело всем объяснять, что они с Гермионой всего лишь друзья.

— Скоро они все успокоятся, — заверил Гарри Гермиону. — Только не обращай внимания... Помнишь, как она тогда написала обо мне и всем это в конце концов надоело.

— Ну уж нет! Я хочу знать, как она подслушивает чужие разговоры, когда её в школу не пускают, — недобро сверкая глазами, сказала Гермиона.

После следующего урока защиты от Тёмных искусств Гермиона задержалась в классе, чтобы спросить о чём-то профессора Грюма. Все остальные просто бежали из класса, учитель устроил им такую контрольную по отклонению вредных заклинаний, что почти все покидали поле боя с потерями. У Гарри дёргались уши, и он придерживал их ладонями.

Гермиона догнала Гарри и Рона в коридоре пять минут спустя.

— Скитер не надевает мантию-невидимку — отдуваясь, сообщила она, отведя ладонь Гарри от подрагивающего уха, чтобы он её услышал. — Грюм мне сказал, что не видел её у судейского стола и вообще нигде у озера.

— Слушай, Гермиона, брось ты эту затею, — посоветовал Рон.

— Ни за что, — тряхнула та головой. — Я хочу знать, как она подслушала наш с Виктором разговор. И как она узнала о матери Хагрида.

— Может, она повесила на тебя жучок, — предположил Гарри.

— Какой жучок? — не понял Рон. — Это что, вроде как клопов на неё напустила?

Гарри стал рассказывать ему о крохотных микрофончиках и магнитофонах.

Рон от таких чудес техники пришёл в неописуемый восторг, но Гермиона перебила Гарри:

— Вы что, так никогда и не прочитаете «Историю школы „Хогвартс“»?

— А зачем? — пожал плечами Рон. — Ты её наизусть знаешь, если что — тебя и спросим.

— Все эти штуки, которыми маглы пользуются вместо волшебства: электричество, компьютеры, радары и всё такое прочее, — в Хогвартсе они не работают, здесь для этого слишком много волшебства. Поэтому, Рита Скитер подслушивает с помощью магии, по крайней мере, должна… только бы понять, как… и если это незаконно, уже её…

— У нас что, других забот нет? — с укором спросил Рон. — Мы теперь что, кровную месть начнём?

— А я тебя и не прошу мне помочь! — отрезала Гермиона. — Я и сама прекрасно справлюсь.

Она развернулась на каблуках, даже не взглянув в сторону мальчиков, ушла обратно вверх по мраморной лестнице. Можно было сказать наверняка, что она отправилась в библиотеку.

— Спорим, что на этот раз она вернётся с коробкой значков «Ненавижу Риту Скитер»? — предложил Рон.

Однако Гермиона так и не попросила друзей помочь ей отомстить Рите Скитер, за что они были ей благодарны. Накануне пасхальных каникул им стали задавать гораздо больше домашней работы. Гарри искренне удивлялся Гермионе: как это можно делать всю домашнюю работу, да ещё и успевать читать про методы волшебного подслушивания? Сам он с домашним заданием едва справлялся, не забывая, впрочем, регулярно посылать еду Сириусу в грот на горе. С прошлого лета он ещё помнил, что такое постоянный голод. В каждую посылку он вкладывал записку, где писал, что ничего необычного не случается, и Перси ответа на их письмо ещё не прислал.

Букля вернулась только в один из последних дней пасхальных каникул. Она принесла посылку с пасхальными яйцами и домашними ирисками от миссис Уизли, а ещё в посылке оказалось письмо от Перси. Гарри и Рону миссис Уизли прислала по яйцу размером с драконье, а Гермионе — крохотное, меньше куриного. Гермиона, когда его увидела, очень расстроилась.

— А твоя мама, Рон, случайно, не читает «Ведьмин досуг»? — огорчённо спросила она.

— Читает, — ответил Рон с полным ртом ирисок. — Она его ради рецептов выписывает.

Гермиона печально поглядела на крохотное яйцо.

— Может, почитаем, что пишет Перси? — поспешно предложил Гарри.

Письмо оказалось коротким, было заметно, как Перси раздражён.

Вот что он писал:

> Я уже много раз сообщал корреспондентам «Пророка», что мистер Крауч находится в отпуске, который он давно заслужил. Он регулярно присылает мне с совами инструкции. Сам я его не видел, но уж почерк-то его я знаю, можете мне поверить. У меня и без того много забот, чтобы ещё пытаться развеять эти глупые слухи. И не беспокойте меня без надобности. Поздравляю с Пасхой.

Обычно после пасхальных каникул Гарри начинал усердно тренироваться к последнему в сезоне матчу по квиддичу. Но в этом году турнир по квиддичу отменили, и вместо этого надо было готовиться к третьему, последнему заданию Турнира Трёх Волшебников, а что это будет за задание и как к нему готовиться, Гарри ещё не знал. На последней неделе мая профессор Ма-

кГонагалл задержала его в классе после урока превращений.

— Сегодня в девять часов вечера вам надо будет пойти на площадку для квиддича, Поттер, — сообщила она. — Там мистер Бэгмен объяснит вам и другим участникам, что вас ждёт в третьем туре.

В половине девятого Гарри пошёл к условленному месту, а Рон и Гермиона остались в башне Гриффиндора. В холле Гарри нагнал Седрик Диггори, он тоже направлялся на площадку.

Они вместе вышли из дверей замка. Вечер был пасмурный.

— Как думаешь, что будет в третьем испытании? — спросил Седрик Гарри, когда они стали спускаться по каменной лестнице. — Флёр всё говорит о подземных ходах, думает, что мы будем искать сокровища.

— Ну, это ещё полбеды, — ответил Гарри и подумал, что на этот случай попросит у Хагрида нюхлера, зверёк сокровища и найдёт.

Они прошли тёмной лужайкой к стадиону и вошли через арку в трибунах. Седрик увидел площадку и остановился как вкопанный.

— Что с ней сделали? — с возмущением воскликнул он.

Площадка для квиддича всегда была ровная

и гладкая, а теперь на ней выстроили длинные низенькие стены, которые шли во всех направлениях и пересекали друг друга.

— Да это живая изгородь, — сказал Гарри, наклонившись поближе.

— Эй, идите сюда! — весело окликнул их Людо Бэгмен.

Он стоял в самой середине площадки, а с ним Виктор Крам и Флёр Делакур. Гарри и Седрик пошли к ним, перешагивая через стены живой изгороди. Флёр приветливо улыбнулась Гарри. С тех пор, как он достал её сестру со дна озера, она в Гарри души не чаяла.

— Ну, что скажете? — довольный собой, спросил Бэгмен, едва только Гарри и Седрик перебрались через последнюю стену. — Здорово растёт? Глядишь, через месяц футов в тридцать вымахает. Молодец Хагрид, это он посадил. Ничего, ничего, — прибавил он, глядя на вытянувшиеся лица Гарри и Седрика, — Турнир кончится, и получите вы свою площадку для квиддича назад, не волнуйтесь. Ну что, поняли, что это такое?

Все молчали.

— Лабиринт, — догадался первым Крам.

— Точно, лабиринт! Так что, третье задание простое. Кубок Трёх Волшебников поставят в

центре, кто первый до него дотронется, тот и выиграл.

— Надо просто проходить лабиринт? — удивилась Флёр.

— Тут будут препятствия, — потёр руки Бэгмен, раскачиваясь на пятках. — Хагрид приготовит всяких волшебных существ… и заклятия тоже будут, надо будет и их обойти… ну и всё такое прочее… Первыми в лабиринт войдут те, у кого больше очков. — Бэгмен улыбнулся Гарри и Седрику. — Потом мистер Крам. Потом мисс Делакур. У каждого из вас будет возможность победить, всё зависит оттого, как вы справитесь с препятствиями. Что, здорово?

Гарри было хорошо известно, что за существ Хагрид приготовит для такого случая, и он подумал, что будет не до веселья. Однако он вежливо кивнул вместе с другими участниками.

— Ну ладно, если нет вопросов, тогда пойдёмте в замок, что-то стало холодать…

И он поспешил мимо Гарри к выходу со стадиона. Едва успел Гарри подумать, что сейчас Бэгмен снова будет предлагать помощь, как Крам взял его за плечо.

— Мы можем поговорить?

— Ну… да, — удивлённо ответил Гарри.

— Давай пройдёмся.

— Давай.

Бэгмен, заметив это, встревожился.

— Гарри, тебя подождать?

— Нет, мистер Бэгмен, спасибо, — сдерживая улыбку, ответил Гарри. — Я скоро вернусь.

Гарри и Крам вместе вышли со стадиона, но Крам не пошёл, как думал Гарри, к своему парснику. Вместо того он направился к Запретному лесу.

— Зачем мы туда идём? — спросил Гарри, когда они миновали хижину Хагрида и ярко освещённую карету Шармбатона.

— Не хочу, чтобы нас слушали, — ответил Крам. Недалеко от загона с лошадьми Шармбатона нашлось тихое укромное местечко. Крам остановился в тени деревьев и обернулся к Гарри.

— Мне надо знать, — нахмурившись, спросил он, — что у вас с Гермивонной.

Гарри ожидал, что за такими предосторожностями последует что-то посерьёзнее, и в недоумении поглядел на Крама.

— Ничего, — ответил он, но Крам продолжал хмуро глядеть на него. Гарри вдруг заметил, насколько Крам его выше, и решил всё-таки объяснить.

— Мы просто друзья, — сказал он. — И ничего больше. Это всё Рита Скитер выдумала про нас.

— Гермивонна слишком часто о тебе говорит, — Крам недоверчиво глядел на Гарри.

— Ну да, — ответил Гарри, — мы же с ней друзья.

Гарри сам себе не верил, как это он вот так говорит с Виктором Крамом, знаменитым на весь мир ловцом. Кроме того, Крам был гораздо старше, а выходило, что он принимал Гарри за равного… за настоящего соперника…

— И вы никогда… между вами не было…

— Нет, — твёрдо ответил Гарри.

Лицо Крама прояснилось. Он ещё с минуту глядел на Гарри и потом сказал:

— Ты очень хорошо летаешь. Я видел на первом испытании.

— Спасибо. — Гарри расплылся в улыбке и сразу почувствовал себя выше ростом. — А я видел, как ты играл на Чемпионате мира. Этот финт Вронского…

Вдруг позади Крама, в деревьях, что-то зашевелилось. Гарри не понаслышке знал, кто обитает в Запретном лесу, и тут же, не раздумывая, схватил Крама за руку и оттащил в сторону.

— Что такое?

Гарри только покачал головой, продолжая напряжённо глядеть туда, где, как ему показалось, что-то двигалось. Он достал из кармана волшебную палочку.

И тут из-за высокого толстого дуба вышел, покачиваясь, человек. В первую минуту Гарри его не узнал, но потом понял, что это… мистер Крауч.

Мистер Крауч выглядел так, будто провёл в дороге несколько дней и всё время шёл пешком. Брюки на коленях были прорваны и испачканы кровью; он был небрит, лицо исцарапано и от истощения посерело. Волосы на голове и усы были немыты и давно не стрижены. В общем, вид у него был чудной, а вёл он себя и того чуднее. Мистер Крауч размахивал руками, бормотал что-то себе под нос, и разговаривал с кем-то, кого видел только он один. Он живо напомнил Гарри старого бродягу с улицы, Гарри его видел, когда однажды Дурсли взяли его с собой в магазин за покупками. Тот бродяга тоже разговаривал с воздухом; тётя Петуния схватила тогда Дадли за руку и перетащила на противоположную сторону улицы, подальше от старика, а дядя Вернон разразился длинной тирадой насчёт того, что бы он сделал со всеми этими нищими и бродягами.

— Это судья? — спросил Крам, тоже узнав Кра-

уча. — Он ведь работает в вашем Министерстве.

Гарри кивнул, помялся в нерешительности и медленно пошёл к мистеру Краучу. Крауч, впрочем, не обратил на него ни малейшего внимания и продолжал беседовать с деревом:

— …а после этого, Уизли, уведомьте Дамблдора письмом о количестве студентов из школы Дурмстранг, которые прибудут на Турнир. Каркаров сообщил, что их будет двенадцать…

— Мистер Крауч? — осторожно позвал Гарри.

— …и отправьте сову к мадам Максим, возможно, она захочет привезти больше студентов, чем хотела, так как Каркаров решил взять двенадцать… Вот, Уизли. Вы выполните то, о чём я вас прошу? Выполните?.. Выпол… — мистер Крауч выпучил глаза, уставился на дерево и неслышно что-то забормотал, потом вдруг покачнулся и рухнул на колени.

— Мистер Крауч, что с вами? — громко спросил Гарри.

Крауч завращал глазами. Гарри обернулся и поглядел на Крама, Крам стоял неподалёку и с тревогой глядел на Крауча.

— Что с ним? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Гарри. — Приведи, пожалуйста, кого-нибудь…

— Дамблдора! — простонал Крауч, схватил Гарри за мантию и подтащил ближе к себе, хотя Гарри он как будто и не видел. — Мне надо… увидеть… Дамблдора…

— Хорошо, мистер Крауч, — ответил Гарри. — Я вам помогу подняться и мы пойдём…

— Я… совершил… ошибку… — прошептал мистер Крауч. Вёл он себя как самый настоящий сумасшедший. Глаза у него вылезали из орбит и бегали туда-сюда, а из уголка рта по подбородку струилась слюна. Было заметно, что каждое слово стоит ему огромных усилий. — Должен… сказать… Дамблдору…

— Встаньте, мистер Крауч, — громко и ясно сказал Гарри. — Встаньте, я отведу вас к Дамблдору.

Мистер Крауч вдруг поглядел прямо на Гарри.

— Кто… ты? — прошептал он.

— Я учусь здесь, в школе, — ответил Гарри, оглянулся на Крама, в надежде на помощь, но Крам пугливо держался поодаль.

— Ты не… его? — еле слышно проговорил Крауч, почти не шевеля губами.

— Нет, не его, — ответил Гарри, хотя не имел ни малейшего понятия, о чём Крауч говорит.

— Ты… Дамблдора?

— Да, да.

Крауч подтащил его ещё ближе к себе; Гарри попытался высвободить край мантии из руки Крауча, но ничего не вышло.

— Предупреди… Дамблдора…

— Я приведу его, только отпустите меня, — попросил Гарри. — Отпустите, мистер Крауч, и я его вам приведу…

— Благодарю вас, Уизли, а когда закончите с этим, принесите мне чашку чая. Скоро приедут жена с сыном, вечером мы идём на концерт с мистером и миссис Фадж, — быстро забормотал Крауч дереву, словно напрочь забыл о существовании Гарри, а Гарри просто опешил и даже не сразу заметил, что Крауч выпустил его мантию. — Да, благодарю вас, мой сын получил двенадцать СОВ, да-да, это очень высокая оценка, я очень рад, да. Принесите мне, пожалуйста, записку министра магии Андорры, думаю, я успею набросать ответ…

— Побудь здесь с ним, — велел Гарри Краму. — Я приведу Дамблдора, я его быстрее найду, я знаю, где его кабинет…

— Он сумасшедший, — ответил Крам, со страхом глядя на Крауча.

Крауч всё ещё беседовал с деревом, как будто это был Перси.

— Просто постой здесь с ним — и всё! — Гарри встал и хотел было бежать к замку, но Крауч снова встрепенулся, обхватил Гарри вокруг колен и притянул обратно к земле.

— Не… оставляй… меня… одного, — попросил он, снова тараща глаза. — Я… убежал… должен предупредить… рассказать… увидеть Дамблдора… моя вина… это всё моя… Берту убили… всё моя вина… сын… я виноват… сказать Дамблдору… Гарри Поттер… Тёмный Лорд… сильнее… Гарри Поттер…

— Отпустите меня, мистер Крауч, я приведу Дамблдора, — взмолился Гарри и метнул яростный взгляд на Крама. — Да помоги же ты!

Крам с опаской приблизился и присел рядом на корточки.

— Смотри, чтобы он никуда не ушёл, — велел Гарри и вытащил мантию из руки Крауча. — Я приведу Дамблдора.

— Только скорее, ладно? — крикнул вдогонку Крам. Гарри выбежал из леса и помчался по тёмной поляне к замку. Вокруг было пусто, Бэгмен, Флёр и Седрик уже ушли. Гарри взлетел по лестнице, распахнул дубовые двери, ворвался в вестибюль и побежал по мраморной лестнице на третий этаж.

Пять минут спустя Гарри уже мчался по коридору к каменной гаргулье, что торчала в стене в середине коридора.

— Лимонный шербет! — отдуваясь, крикнул Гарри. Это был пароль входа на потайную лестницу, что вела к кабинету Дамблдора, по крайней мере, такой пароль был два года назад. Пароль, судя по всему, изменили, потому что гаргулья не ожила и не отпрыгнула в сторону, а вместо этого продолжала как ни в чём не бывало зло глядеть на Гарри.

— Да двигайся ты, ну! — заорал он.

В Хогвартсе такие штуки не проходили, ори не ори — всё без толку, и Гарри это прекрасно знал. Он глянул направо, налево по коридору. Может, Дамблдор в учительской? Гарри что есть духу побежал к лестнице, как вдруг…

— Поттер! — раздался голос.

Гарри остановился как вкопанный и обернулся.

С потайной лестницы за гаргульей сошёл Снегг, он поманил Гарри рукой, а гаргулья позади него вернулась на своё место.

— Что вы здесь забыли, Поттер?

Гарри помчался обратно.

— Мне надо видеть профессора Дамблдора! —

крикнул он, подбежал к Снеггу и остановился. — Там… в лесу… мистер Крауч. Он просит…

— Что за чушь вы несёте, Поттер? — сверкнул глазами Снегг.

— Мистер Крауч, из Министерства! — закричал Гарри. — Он болен, а может… Он в лесу, он хочет увидеть Дамблдора! Скажите пароль…

— Директор занят, Поттер, — сказал Снегг и улыбнулся неприятной улыбкой.

— Мне надо сказать Дамблдору! — ещё громче закричал Гарри.

— Вы что, не слышали, что я сказал?

Снегг явно наслаждался тем, что не позволял Гарри получить то, что ему сейчас было нужнее всего.

— Да послушайте же вы! — рассердился Гарри. — Крауч не в своём уме… говорит, что хочет о чём-то предупредить…

Потайной ход за спиной Снегга открылся, и из него показался Дамблдор в длинной зелёной мантии.

— Что тут такое? — удивлённо спросил он, глядя поочерёдно то на Гарри, то на Снегга.

— Профессор! — выпалил Гарри и шагнул вперёд, чтобы опередить Снегга. — Мистер Крауч здесь… в Запретном Лесу. Он хочет с вами пого-

ворить.

Гарри думал, что Дамблдор станет задавать вопросы, но, к счастью, тот и не думал ни о чём спрашивать.

— Показывай дорогу, — коротко сказал Дамблдор и поспешил следом за Гарри, а Снегг остался стоять у гаргульи, причём выглядел страшнее раза в два.

— Гарри, что говорил мистер Крауч? — спросил Дамблдор, спускаясь по мраморной лестнице.

— Что хочет вас предупредить… что сделал что-то ужасное… о своём сыне говорил… и о Берте Джоркинс… и… и о Волан-де-Морте… кажется, что Волан-де-Морт стал сильнее…

— Правда? — они вышли из замка, на улице уже стемнело, и Дамблдор прибавил шагу.

— Он ведёт себя не как нормальный человек, — сказал Гарри, едва поспевая за широким шагом директора. — Он, по-моему, не понимает, где он. Говорит-говорит как будто с Перси Уизли, а потом вдруг говорит, что хочет видеть вас… Он там остался с Виктором Крамом.

— Вот как? — И Дамблдор зашагал ещё быстрее, так что Гарри пришлось бежать. — Кто ещё видел Крауча?

— Никто. Мы с Крамом разговаривали, мистер

Бэгмен рассказал нам о третьем испытании, потом все ушли, а мы остались, а потом мистер Крауч пришёл из леса…

— Где они? — спросил Дамблдор, завидев в темноте карету Шармбатона.

— Вон там. — Гарри обогнал Дамблдора, указал направление и повёл прямо в лес. Крауча он не слышал, но куда идти помнил; здесь, недалеко от кареты Шармбатона… где-то здесь…

— Виктор! — крикнул он. Никто не ответил.

— Они были здесь, — сказал он Дамблдору. — Я точно помню, где-то здесь…

— *Люмос!* — произнёс Дамблдор и поднял над головой вспыхнувшую волшебную палочку.

Из темноты показывались одно за другим деревья, круг света падал на землю. И вдруг свет выхватил из темноты чьи-то ноги.

Дамблдор и Гарри поспешили туда, на траве лежал без сознания Виктор Крам. Крауча и след простыл. Дамблдор опустился на колени рядом с Крамом и осторожно приоткрыл ему одно веко.

— Оглушили, — тихо произнёс он и стал при свете волшебной палочки оглядывать ближайшие деревья, свет отражался от его очков-половинок.

— Привести кого-нибудь? — спросил Гарри. — Может, мадам Помфри?

— Нет, — торопливо ответил Дамблдор. — Стой здесь. Он поднял волшебную палочку высоко над головой и направил её кончик в сторону хижины Хагрида. Что-то серебристое, словно призрак птицы, вылетело из неё и помчалось между деревьев. Потом Дамблдор наклонился над Виктором Крамом, навёл палочку на его и прошептал:

— *Оживи!*

Крам открыл глаза, и в первую минуту выглядел совершенно ошеломлённым. Потом он увидел Дамблдора и попытался сесть, но Дамблдор положил руку ему на плечо и не позволил.

— Он на меня напал, — слабым голосом проговорил Крам, прижав руку к голове. — Старик на меня напал. Я обернулся поглядеть, куда убежал Поттер, а он напал на меня сзади.

— Полежи пока спокойно, — сказал Дамблдор.

Послышался тяжёлый топот, и, тяжело дыша, прибежал Хагрид, а вместе с ним и Клык. Хагрид принёс с собой арбалет.

— Профессор Дамблдор! — воскликнул он, расширив глаза. — Гарри! Что здесь…

— Хагрид, приведи скорее профессора Каркарова, — велел Дамблдор. — Скажи ему, что напали на его студента. А после этого найди профессора Грюма…

— Ну, это уже ни к чему, я и так здесь, — своим хриплым голосом сказал Грюм, быстро хромая к ним, опираясь на палку и держа в руке волшебную палочку с пламенем на кончике.

— Проклятая нога, — выругался он. — Давно бы уже пришёл… Что тут стряслось? Снегг говорил, будто Крауч…

— Крауч? — ничего не понимая, переспросил Хагрид.

— Приведи Каркарова, Хагрид, пожалуйста, — напомнил Дамблдор.

— Ах, да… правда, профессор… — забормотал Хагрид, повернулся и поспешил прочь, Клык побежал следом.

— Не знаю, где Барти Крауч, — сказал Грюму Дамблдор, — но только нужно найти его поскорее.

— Ясно, — ответил Грюм, достал волшебную палочку и побрёл в лес.

Гарри и Дамблдор молчали до тех пор, пока снова не послышался топот Хагрида и громкое дыхание Клыка.

Каркаров едва поспевал за ними. На нём была шуба из блестящего серебристого меха, он был взволнован и бледен.

— Что это такое? — воскликнул он, увидев

Крама лежащим на земле, а рядом с Крамом Дамблдора и Гарри. — Что случилось?

— На меня напали, — сказал Крам, сел и стал тереть голову руками. — Этот мистер Крауч или как там его…

— На тебя напал Крауч? Крауч?! Судья Турнира Трёх Волшебников?

— Игорь, — начал было Дамблдор, но Каркаров выпятил грудь, подошёл ближе и яростно вцепился в свою шубу.

— Это подлость! — вскричал он, указывая пальцем на Дамблдора. — Вы все сговорились. Вы с вашим Министерством магии подложным предлогом заманили меня сюда. Это нечестное соревнование, Дамблдор! Сначала вы устраиваете так, чтобы в Турнире участвовал Поттер, хотя он не годится по возрасту. Теперь ваш приятель из Министерства пытается вывести из строя моего ученика. Это уже пахнет двурушничеством и подкупом! А вы ещё смеете говорить об укреплении международных связей волшебников, возрождении традиций, о том, что надо забыть старые разногласия! Вы лицемер — вот вы кто!

И Каркаров плюнул на землю, едва не попав на сапоги Дамблдора. Хагрид, недолго думая, схватил его за грудки, приподнял над землёй и

прижал к дереву.

— А ну, извинись! — зарычал он и затряс огромным кулаком перед носом Каркарова, а тот только хватал ртом воздух и болтал ногами.

— Хагрид, перестань! — сверкнув глазами, прикрикнул Дамблдор.

Хагрид повиновался, отпустил Каркарова, и тот съехал по дереву вниз и осел у корней, а с дерева ему на голову упало несколько мелких сучков и листьев.

— Будь добр, Хагрид, проводи Гарри в замок, — строго велел Дамблдор.

Хагрид, тяжело дыша, грозно поглядел на Каркарова.

— Может, мне лучше остаться, господин директор?..

— Отведи Гарри в школу, — повторил Дамблдор. — Прямо в башню его факультета. А ты, Гарри, оттуда ни ногой. Если тебе захочется что-то сделать, отправить кому-нибудь сову или ещё что-то, из башни не выходи, это может подождать до утра. Ты меня понял?

— Да, — глядя в глаза директору ответил Гарри. Откуда Дамблдор узнал? Гарри только что подумал, что надо сейчас же написать письмо Сириусу и послать Сычика.

— Я оставлю вам Клыка, господин директор, — сказал Хагрид, всё ещё угрожающе глядя на Каркарова, который, запутавшись в своей шубе и корнях дерева, лежал на земле. — Останься, Клык. Пойдём, Гарри.

И они вдвоём вышли из леса, прошли мимо кареты Шармбатона и направились к замку.

— Как он смеет! — ворчал Хагрид, проходя мимо озера. — Как он смеет наговаривать на Дамблдора! Дамблдор не тот человек, не станет он такого делать. Как будто Дамблдор только и думал, как бы тебя в Турнир пропихнуть! Да я ещё не видал, чтобы Дамблдор так беспокоился, как за весь этот Турнир. И ты тоже хорош! — вдруг сердито обернулся Хагрид к Гарри. Гарри в недоумении поглядел на Хагрида. — Тебя-то чего в лес понесло с этим Крамом, чтоб ему пусто было? Забыл что ли, что он из Дурмстранга? Да он тебя в одну минуту околдовать мог! Чему только тебя Грюм учит? Ты подумай, что он с тобой мог сделать!..

— Да ничего Крам не хотел со мной сделать, — сказал Гарри, поднимаясь по лестнице и входя в вестибюль. — Не хотел он меня околдовывать! Он хотел поговорить о Гермионе…

— Ладно, я сам с нашей Гермионой поговорю, — пригрозил Хагрид, топая по лестнице. — Чем

меньше вы с этими иностранцами якшаетесь, тем лучше. Нельзя им верить, вот что.

— Тебе с мадам Максим, значит, можно, а нам нельзя? — рассердился Гарри.

— Чтобы я больше про неё не слышал! — В эту минуту на Хагрида было страшно взглянуть. — Уж я-то её раскусил. Подмазаться хочет, хочет, чтоб я ей сказал, что будет в третьем испытании. Вот как! Верь им после этого!

Хагрид словно взбесился, и Гарри был рад-радёшенек распроститься с ним у портрета Полной Дамы. Он вошёл сквозь проём за портретом в гостиную и поспешил прямо в тот угол, где сидели Рон и Гермиона, чтобы рассказать им, что случилось.

Глава 29
Вещий сон

— Выходит, то ли мистер Крауч напал на Виктора, то ли кто-то напал на них обоих, а Виктор не видел кто. — Гермиона потёрла лоб.

— Конечно Крауч! Кто же ещё? — сказал Рон. — Напал и улизнул, а когда Гарри вернулся с Дамблдором, его уж и след простыл.

— Ну, нет. — Гарри покачал головой. — Он на ногах еле стоял, куда ему было трансгрессировать!

— Какие вы оба бестолковые! Я вам сто раз говорила: нельзя в Хогвартсе трансгрессировать.

— Ну, ладно. А если так: Крам напал на Крауча — постойте, дайте скажу, — а себя оглушил заклинанием? — предложил Рон, радуясь собственной догадке.

— Ага, а мистер Крауч после испарился, — ухмыльнулась Гермиона.

— Ах, да... — сник Рон и почесал в затылке. Занимался рассвет. Гарри, Рон и Гермиона поднялись рано и пришли в совятник отослать весточку Сириусу. Сова с запиской улетела,

друзья встали у окна и глядели на подёрнутые туманом окрестности школы. Они за полночь просидели в гостиной, все спорили о мистере Крауче, не выспались, и у всех троих были мешки под глазами и бледные лица.

— Повтори ещё раз, Гарри, — попросила Гермиона, — что именно сказал мистер Крауч?

— Ну сколько можно? Ну, он был какой-то сам не свой, хотел о чём-то предупредить Дамблдора. Вроде сказал, что Берта Джоркинс умерла… И всё повторял, что это его вина… и что-то там ещё про сына…

— Хорошо, хоть сам сознался, — фыркнула Гермиона.

— Он был точно не в своём уме. То с женой и сыном разговаривал, будто они живые, то отдавал распоряжения Перси.

— А что он там говорил о Сам-Знаешь-Ком? — боязливо спросил Рон.

— Ну, что он набирается сил, — неохотно ответил Гарри.

Друзья немного помолчали, и Рон деланно уверенным голосом сказал:

— Ты думаешь, он не в своём уме? Ну так, значит, он просто бредил…

— Нет, уж о Волан-де-Морте-то он говорил, как

здоровый человек. — Рон, услыхав имя Тёмного Лорда, нахмурился, но Гарри сделал вид, будто не заметил. — Говорить ему было трудно, но он понимал, где он и чего хочет. И всё твердил, что хочет видеть Дамблдора.

Гарри отвернулся от окна и поглядел на насесты под потолком. Совы возвращались с ночной охоты; то и дело новая сова влетала в окно с мышью в клюве, и насесты понемногу заполнялись.

— Если бы не Снегг, — вздохнул Гарри, — может, мы бы поспели вовремя. «Директор занят, Поттер… Что за вздор вы несёте, Поттер?» — передразнил он учителя. — Всегда он так. Нет чтобы просто дать пройти.

— Может, он хотел тебя задержать? — сказал Рон. — А может… постой, как, по-твоему, скоро он мог бы добраться до Леса? Мог он вас с Дамблдором опередить?

— Разве что летучей мышью обернулся.

— Может, и мышью, кто его знает? — пожал плечами Рон.

— Надо спросить профессора Грюма, нашёл ли он мистера Крауча, — сказала Гермиона.

— С моей Картой нашёл бы, — ответил Гарри.

— Если только Крауч не ушёл слишком далеко, — заметил Рон. — На карте-то только замок с

окрестностями…

— Тихо! — Гермиона приложила палец к губам.

На лестнице послышались шаги. Судя по голосам, шли двое и о чём-то спорили.

— …это называется шантаж! И нас за это по головке не погладят…

— А мне надоело быть вежливым и честным! И ты плюнь на честность — плюнул же он. Подумай только, что было бы, если бы в Министерстве магии прознали о его делишках. Уж этого-то он не захотел бы.

— Всё равно. Разговоры разговорами, а письмо — это шантаж.

— Вот погоди, раскошелится он, и поглядим тогда, станешь ты жаловаться или нет.

Дверь совятника распахнулась, и на пороге, увидев Гарри, Рона и Гермиону, замерли Фред и Джордж.

— Вы что тут делаете? — разом воскликнули Рон и Фред.

— Пришли отправить письмо, — дружно ответили Гарри и Джордж.

— Так рано? — вместе подняли брови Гермиона и Фред.

Фред улыбнулся.

— Ладно, — сказал он. — Мы не спрашиваем, что вы тут делаете, а вы не спрашивайте нас. Идёт?

В руке он держал запечатанный конверт. Гарри поглядел на адрес, но Фред — не то случайно, не то нарочно — прикрыл его рукой.

— Не смеем вас задерживать. — Фред с ироничным видом поклонился и указал на дверь.

Рон не тронулся с места.

— Кого это вы вздумали шантажировать? — спросил он.

Ухмылка сошла с губ Фреда, а Джордж, напротив, глянул на Рона и улыбнулся.

— Какой шантаж? Мы просто шутили, — как бы невзначай сказал он.

— Да неужели?

Фред с Джорджем переглянулись.

— Я тебя предупреждал, Рон: не суй нос не в своё дело, а то как бы тебе его не оторвали. Какое твоё…

— А такое. Шантаж не игра. Джордж прав, у вас могут быть большие неприятности.

— Я же тебе сказал, что мы шутили, — сказал Джордж, подошёл к Фреду, взял у него из рук письмо и стал привязывать его к ноге ближайшей совы. — Ты, Рон, прямо как наш братец

Перси. Продолжай в том же духе и тоже станешь старостой.

— Ещё чего! — вскипел Рон.

Джордж поднёс сову с письмом к окну и выпустил, сова улетела, а он повернулся к Рону и улыбнулся.

— Ну, а раз так, то перестань всех учить. Счастливо оставаться.

И они с Фредом ушли. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

— Что, если они всё знают? — прошептала Гермиона. — О Крауче и обо всём остальном?

— Нет, — возразил Гарри. — Будь это что-нибудь важное, они бы кому-нибудь рассказали. Они бы рассказали Дамблдору.

Рона эти слова не успокоили, он всё равно тревожно покусывал губу.

— Ты что, Рон, не согласен? — спросила его Гермиона.

— Может, рассказали бы, а может, и нет, — ответил Рон. — Они теперь только о деньгах и думают. Я это заметил, когда шатался с ними, пока мы… ну…

— Не разговаривали, — подсказал Гарри. — Но всё-таки, деньги деньгами, а шантаж…

— Они бредят собственной лавкой шуточных

товаров. Я раньше думал, что они это только так — позлить маму, а оказалось, нет. Учиться им ещё только год, вот они и думают, что делать дальше. Папа помочь им не может, а на магазин нужно золото.

Настала очередь Гермионе проявить беспокойство.

— Нужно-то нужно, но не станут же они из-за этого нарушать закон. Ведь не станут?

— Не станут? Ну, уж не знаю, — усмехнулся Рон. — До сих пор пай-мальчиками они не были.

— Так-то оно так, только закон не глупые школьные правила. — Гермиона не на шутку испугалась. — За шантаж чисткой пробирок не отделаешься. По-моему, тебе лучше рассказать обо всём Перси…

— Рехнулась ты, что ли? Сказать Перси? Он ещё, чего доброго, возьмёт, да и сдаст их Министерству, как Крауч своего сына. — Рон поглядел на окно, через которое вылетела сова с письмом Фреда и Джорджа. — Нет уж. Пойдёмте-ка лучше завтракать.

Друзья вышли из совятника и стали спускаться по винтовой лестнице.

— Ну что, пойдём к профессору Грюму? Или, может, ещё рано? — спросила Гермиона.

— Рановато, — ответил Гарри. — В такую рань он, пожалуй, решит спросонья, что мы его прикончить хотим, и, недолго думая, через дверь нас и поджарит. Лучше, подождём до перемены.

Редко история магии тянулась так долго, как на этот раз. Гарри то и дело поглядывал на часы Рона — свои он выкинул. Но роновы шли что-то уж очень медленно, и Гарри решил, что они тоже сломались. Все трое от усталости готовы были уснуть хотя бы тут же, на парте; даже Гермиона, и та отбросила перо, подпёрла голову рукой и мутными глазами глядела на учителя Бинса.

В конце концов прозвенел звонок, и друзья поспешили в класс защиты от Тёмных искусств. Учитель Грюм как раз выходил из класса, похоже было, что он и сам очень устал. Его человеческий глаз готов был сомкнуться, и от этого лицо Грюма казалось кривее обычного.

— Здравствуйте, мистер Грюм, — крикнул Гарри, пробираясь сквозь толпу учеников.

— Здравствуй, Поттер, — ответил своим скрипучим голосом Грюм. Волшебный глаз учителя защиты от Тёмных искусств устремился на спешивших куда-то робких первокурсников, повернулся зрачком внутрь головы, проводил их за угол. Потом вернулся на место, и Грюм ска-

зал: — Заходите. — Он пропустил Гарри, Рона и Гермиону вперёд, вошёл сам и закрыл дверь.

— Вы нашли мистера Крауча? — начал Гарри без обиняков.

— Нет, — ответил Грюм, дохромал до учительского стола, сел, вытянул, крякнув, свою деревянную ногу и достал фляжку.

— А по Карте вы искали? — спросил Гарри.

— А как же? — Грюм отхлебнул из фляжки. — Вызвал её прямо в лес из моего кабинета, как ты вызвал метлу. Да только Крауча на Карте не было.

— Значит, он всё-таки трансгрессировал? — сказал Рон.

— Да нельзя же, Рон, трансгрессировать в окрестностях замка! — Гермиона сверкнула глазами. — Мистер Грюм, а есть другие способы исчезнуть отсюда?

Волшебный глаз уставился на Гермиону и задёргался.

— Подумай на досуге о карьере мракоборца, Грэйнджер. Мозги у тебя на месте.

Гермиона зарделась от смущения и удовольствия.

— Невидим он тоже не был, — сказал Гарри. — Карта всё равно бы показала. Выходит, он всё ещё

где-то здесь.

— Вопрос только, самому ему это удалось или ему кто-то помог? — заметила Гермиона.

— Может, кто и помог. Взял да затащил его на метлу и улетел себе преспокойно, — сказал Рон и с надеждой взглянул на Грюма, ему хотелось услышать, что и у него есть задатки мракоборца.

— Могли его и украсть, пожалуй, — согласился Грюм.

— Может, он в Хогсмиде, как, по-вашему? — спросил Рон.

— Кто его знает? — Грюм покачал головой. — В Хогвартсе его нет.

Учитель широко зевнул, шрамы на его лице вытянулись, а зубов в кривом рте оказалось очень мало.

— Дамблдор сказал, вы себя сыщиками воображаете. Бросьте. Краучу всё равно не поможете. Дамблдор сообщил в Министерство, и его будут искать. А ты, Поттер, готовься-ка, лучше, к третьему испытанию.

— К испытанию? Ах, да…

Гарри и думать забыл про лабиринт с тех пор, как был там прошлым вечером с Крамом.

— О нём-то тебе и надо теперь думать, — сказал Грюм и почесал свой покрытый шрамами небри-

тый подбородок. — Дамблдор говорит, тебе такие штуки не впервой. Вроде как ты на первом курсе добрался-таки до философского камня, хоть было там, где споткнуться.

— Мы ему помогали, — вставил Рон. — Я и Гермиона.

Грюм улыбнулся.

— Ну, так помогите ему и на этот раз, и я свою шляпу съем, если он проиграет. А пока, Поттер, — гляди в оба. В оба гляди! — Учитель погрозил пальцем, глотнул побольше из фляжки, и его волшебный глаз повернулся в сторону окна. В окно был виден верхний парус дурмстрангского корабля. — А вы двое, — его обыкновенный глаз глядел на Рона и Гермиону, — от Поттера не отходите. Поняли? Я хоть и приглядываю за всем, но всё равно, — чем больше глаз, тем лучше.

На следующее утро прилетела сова от Сириуса. Она села рядом с Гарри, а ещё одна сова, коричневая с рыжим, опустилась перед Гермионой с «Пророком» в клюве. Гермиона взяла газету, пробежала глазами по первым страницам и ухмыльнулась:

— Она ещё не прослышала про Крауча. — И Гермиона присоединилась к Гарри и Рону, ей хотелось узнать, что Сириус пишет о загадочных

событиях предпоследней ночи.

Гарри, о чём ты только думаешь? Как ты мог пойти с Крамом в лес? Пообещай мне, что ни с кем никуда больше ночью не пойдёшь. В школе находится кто-то очень опасный. Ясно, что это он помешал Краучу увидеться с Дамблдором, и, может быть, он прятался где-то рядом. Тебя могли убить.

Твоё имя не случайно оказалось в Кубке огня. И если кто-то собирается тебе навредить, то времени у него осталось совсем мало. Держись вместе с Роном и Гермионой, не выходи поздно из гриффиндорской башни и готовься к третьему испытанию. Потренируйся заклятьем оглушать и разоружать противника. Вообще выучи побольше всяких заклинаний. Краучу ты ничем не поможешь. Без нужды не высовывайся и будь осторожен. Следующим письмом непременно пообещай мне вести себя хорошо.

— И он ещё будет меня учить! — возмущённо воскликнул Гарри. — Можно подумать, сам в школе вёл себя хорошо.

— Он о тебе беспокоится, так же как Грюм и Хагрид, — резко возразила Гермиона. — Ты должен его слушаться.

— Да чего беспокоиться? Я целый год проучился — и ничего! Никто меня не заколдовал и вообще всё в порядке.

— Ну, конечно, вот только твоё имя в Кубок положили. По-моему, это всё нарочно устроили, и Нюхалз прав. Может, они просто выжидают. Может, они задумали напасть на тебя на третьем испытании?

— Ну, пусть Нюхалз прав, кто-то оглушил Крама и украл Крауча. Тогда он должен был прятаться рядом, где-то там, за деревьями, так? Так зачем же он ждал, пока я уйду, а? Что-то не похоже, чтобы он гонялся за мной.

— Может, они хотят, чтобы было похоже на несчастный случай, а убийство в лесу несчастным случаем не назовёшь, — возразила Гермиона. — А вот, если бы ты вдруг погиб в лабиринте…

— А как же Крам? На него же не побоялись напасть! Тогда меня почему не укокошили там же? Взяли бы, да и устроили всё так, будто у нас с Крамом была дуэль.

— Я тоже, Гарри, не понимаю почему. — Гермиона в отчаянии заломила руки. — Только тут

столько всего творится, что я уж и не знаю, что думать. И всё это очень подозрительно. Грюм прав и Нюхалз прав: тебе надо побольше думать о третьем испытании, начни готовиться прямо сейчас. Напиши Нюхалзу и пообещай ему не делать ничего опасного.

Гарри дал обещание, и теперь приходилось сидеть в замке, а в таких случаях всегда страшно тянет на улицу. В свободное от уроков время Гарри только и делал, что сидел с Роном и Гермионой в библиотеке, выискивая полезные заклинания, или разучивал эти заклинания в пустых классах. Особенно он налегал на новое для него заклинание Оглушения. Рону с Гермионой порядком доставалось.

— Может, украдём Миссис Норрис? — предложил Рон в понедельник на большой перемене. Друзья закрылись в классе заклинаний. Гарри в пятый раз оглушил его, снова оживил, и Рон лежал, растянувшись, на спине. — Потренируешься на ней. Или на Добби, он для тебя на всё согласится. Нет, я не жалуюсь, — Рон с опаской поднялся на ноги, потирая мягкое место, — просто у меня уже всё болит…

— Ещё бы, ты всё время падаешь мимо, — нетерпеливо заметила Гермиона, перекладывая

в очередной раз подушки. Эти же самые подушки они учились отбрасывать заклинанием на уроке Флитвика, и профессор оставил их до следующего урока в шкафу. — Падай на спину.

— Легко сказать — на спину! Поди-ка, прицелься, когда тебя оглушили, — сердито проворчал Рон. — Попробуй лучше сама.

— Ну, ладно, Гарри и так уже научился, — поспешила сказать Гермиона. — Заклятие Разоружения мы пробовать не будем, Гарри это давно умеет. А вечером, я думаю, мы займёмся вот этим.

Гермиона поглядела на внушительный список заклинаний, который они составили в библиотеке.

— Вот, смотрите: Чары помех. Оно должно сделать медленными движения всего, что на тебя нападает. С него вечером и начнём.

Зазвенел звонок. Друзья торопливо засунули подушки в шкаф и вышли из класса.

— Увидимся за обедом, — сказала Гермиона и побежала на нумерологию.

Гарри и Рон направились в Северную башню, в кабинет предсказаний. В коридорах из высоких окон на пол и стены падали широкие полосы золотистого солнечного света. Небо было такое голубое, будто его покрыли эмалью.

— Вот увидишь, сегодня мы сваримся в классе: и без того жарко, а у Трелони ещё вечно горит камин, — пообещал Рон. Мальчики поднялись к площадке, с которой начиналась приставная серебряная лестница в класс профессора Трелони, и тихо пробрались в класс.

Рон оказался прав. В классе было жарко, как в раскалённой духовке. А Трелони ещё, по обыкновению, подбрасывала в огонь ароматные травы, и в горячем воздухе стоял приторный дурман. У Гарри закружилась голова. На минутку профессор Трелони отвернулась, чтобы отцепить шаль от светильника, Гарри потянулся к занавешенному окну, приоткрыл его и сел обратно в кресло. Лицо теперь приятно обдувало свежим ветерком.

— Детки мои! — Трелони села в кресло с подголовником и обвела взглядом класс. Толстые очки увеличивали её глаза, и от этого у неё был очень странный вид. — Мы с вами почти уже прошли предсказания по расположению планет. Однако как раз сегодня Марс занял на небе весьма интересное положение, и для нас с вами это замечательная возможность изучить его влияние на судьбу. Я погашу свет, а вы поглядите, пожалуйста, сюда…

Учительница взмахнула волшебной палочкой,

и светильники погасли, комнату освещал только огонь от камина. Трелони достала из-под своего кресла чудесную модель солнечной системы под стеклянным куполом. В центре, как и полагается, сияло солнце, вокруг солнца в воздухе вращались все девять планет, а вокруг планет их спутники. Гарри со скукой глядел, как учительница показывает особый угол, под которым Марс сошёлся с Нептуном. Запахи ароматных трав переливались над головой, в лицо веял лёгкий ветерок. Где-то за занавесью жужжал жучок. Веки смыкались…

Гарри летел на спине филина по голубому небу к старому увитому плющом дому, дом стоял на склоне высокого холма. Приятный ветер дул в лицо. Они спускались всё ниже и ниже и, наконец, влетели в тёмное разбитое окно в верхнем этаже дома. Миновали полутёмный коридор, влетели в дверь в конце коридора и очутились в слабо освещённой комнате с наглухо заколоченными окнами.

Гарри слез со спины филина. В комнате был камин, и у камина стояло кресло, повёрнутое к двери спинкой. Филин пролетел через комнату, завернул прямо в кресло и исчез. На полу рядом с креслом двигались две тёмные фигуры.

Одна принадлежала большой змее, другая

человеку. Человек был маленький, лысый, остроносый, из глаз у него текли слёзы. Он лежал, скрючившись, на коврике перед камином, всхлипывал и хрипел.

— Тебе повезло, Хвост, — раздался ледяной голос из глубины кресла, куда опустился филин. — Очень повезло. Ты сделал грубую ошибку, но всё обошлось. Он мёртв.

— Господин, — с трудом произнёс человек на полу. — Господин мой, я… я так рад… простите…

— Нагайна, — продолжал ледяной голос, — тебе сегодня не повезло. Я пока не позволю тебе пообедать Хвостом. Ну, ничего, ничего, Гарри Поттером полакомишься.

Змея зашипела, и Гарри увидел её трепещущий язык.

— Вот тебе ещё, Хвост, и помни, больше ошибок я не потерплю.

— Не надо, мой господин, умоляю…

Из-за кресла показался кончик волшебной палочки, и голос произнёс:

— *Круцио!*

Хвост закричал так, будто каждая клеточка его тела горела, его крик оглушил Гарри, и кроме этого крика Гарри ничего не слышал, шрам на лбу мальчика пронзила резкая боль. Гарри тоже

закричал. Волан-де-Морт услышит… узнает, что Гарри здесь…

— Гарри, Гарри!

Гарри открыл глаза. Он лежал на полу в классе профессора Трелони, прижав ладони к лицу. Шрам на лбу всё ещё пылал, было больно до слёз. Одноклассники обступили его кольцом, Рон стоял рядом на коленях и испуганно глядел на Гарри.

— Ты как? В порядке?

— Разумеется, он не в порядке, — сказала взволнованная профессор Трелони. Её огромные глаза с интересом глядели на Гарри. — Что с вами случилось, Поттер? Вы что-то увидели? Какое-то предостережение? Что же?

— Ничего, — ответил Гарри и сел на полу.

Он весь дрожал и оглядывался на тени за спиной. Голос Волан-де-Морта звучал так близко!

— Вы схватились за голову. Вы катались по полу и держались за шрам на лбу. Я знаю, Поттер, что это значит. Уж я-то в этом кое-что понимаю.

Гарри поглядел на неё.

— Лучше я пойду покажусь мадам Помфри. Голова раскалывается.

— Детка моя, на вас явно подействовали вибрации ясновидения моей комнаты. Если вы уйдёте, то лишитесь возможности увидеть…

— Я хочу видеть только лекарство от головной боли.

Гарри поднялся на ноги. Встревоженные дети отступили.

— Увидимся на перемене, — шепнул Гарри Рону, подхватил рюкзак с книжками и пошёл к люку.

У профессора Трелони был при этом такой огорчённый вид, будто её лишили последней радости в жизни.

Гарри спустился по приставной лестнице, но в больничное крыло не пошёл, да вовсе и не думал туда идти. Гарри решил последовать совету Сириуса насчёт того, что делать, если шрам заболит снова, и направился прямо в кабинет Дамблдора. Гарри шёл по коридорам и думал о сне. Сон был как будто наяву, совсем как тот, от которого Гарри проснулся на Тисовой улице. Мальчик перебрал в уме все детали: не забыл ли чего? Волан-де-Морт сказал, что Хвост ошибся, но филин принёс доброе известие, ошибка исправлена, кто-то мёртв, и Хвоста не скормят змее. Вместо него ей скормят Гарри…

Гарри, задумавшись, прошёл мимо каменной гаргульи, сторожившей вход в кабинет Дамблдора. Он остановился, сощурился, припоминая,

оглянулся и вернулся ко входу. Ему вдруг пришло на ум, что он не знает пароль.

— Лимонный шербет? — спросил он на всякий случай.

Гаргулья не пошевелилась.

— Ну, ладно. Грушевый леденец. М-м… лакричная палочка. Леденец-шипучка. Жвачка Друббла. Драже всевозможных вкусов Берти Боттс… нет, не пойдёт, он их не любит, верно? — Гарри рассердился. — Мне нужно срочно его увидеть!

Гаргулья не двинулась с места. Гарри в сердцах размахнулся и пнул её ногой и ушиб пальцы, а гаргулья всё равно не подвинулась.

— Шоколадная жаба! — Гарри прыгал на одной ноге. — Сахарное перо! «Тараканьи усы»!

Гаргулья ожила и отпрыгнула, за ней показался проход. Гарри остолбенело замигал глазами.

— Так значит, «Тараканьи усы»? Вот тебе и раз. А я-то только пошутил…

Гарри нырнул в проход, встал на первую ступень каменной винтовой лестницы, дверь за ним закрылась, лестница медленно понесла его вверх и остановилась у полированной дубовой двери с латунным дверным молотком.

Из-за двери доносились голоса. Гарри сошёл на небольшую площадку у двери и прислушался, не

решаясь постучать.

— Боюсь, Дамблдор, я не вижу связи. Просто не вижу и всё, — говорил Корнелиус Фадж, министр магии. — По словам Людо, Берте ничего не стоит заблудиться. Согласен, что слишком долго мы не можем её найти, но ведь нет никаких доказательств, что с ней что-то случилось. И уж тем более я не вижу здесь никакой связи с исчезновением Барти Крауча.

— А что, по-вашему, приключилось с Краучем? — прохрипел Грюм.

— Ну, тут либо — либо, Аластор. Либо Крауч в конце концов тронулся — учитывая его биографию, скорее всего так и есть, — сошёл с ума и где-нибудь бродит…

— Что-то уж очень быстро он бродит, Корнелиус, — совершенно спокойно заметил Дамблдор.

— Либо… — Фаджу явно неприятно было об этом говорить. — Нет, лучше повременить с выводами до тех пор, пока я не увижу место, где это произошло. Вы, кажется, сказали, что около кареты Шармбатона? Дамблдор, что вы скажете об этой женщине?

— Она хороший директор, и она замечательно танцует.

— Будет вам, Дамблдор, в самом деле! — рас-

сердился Фадж. — Можно подумать, если она нравится Хагриду, так она и впрямь безобидна. Они далеко не все такие уж безобидные. И ваш Хагрид, кстати, тоже — с его пристрастием ко всяким чудовищам…

— Мадам Максим я подозреваю не больше, чем Хагрида, Корнелиус. А в вас просто-напросто говорит предубеждение, — как и прежде, спокойно сказал Дамблдор.

— Не пора ли нам закругляться? — вмешался Грюм.

— Да, верно, пойдёмте прогуляемся, — подхватил мысль Грюма Фадж.

— Я не про то. Дамблдор, Поттер за дверью, хочет поговорить.

Глава 30
Омут памяти

Дверь кабинета открылась.

— Здравствуй, Поттер, — сказал профессор Грюм. — Проходи.

Гарри вошёл. Он уже был однажды в кабинете у Дамблдора — красивой круглой комнате, стены которой увешаны крепко спящими портретами прежних директоров и директрис. Грудь у них мерно вздымалась и опускалась.

Корнелиус Фадж, с нежно-зелёным котелком в руках и, как обычно, в полосатой мантии, стоял у стола Дамблдора.

— Гарри! — радостно воскликнул Фадж, шагнув ему навстречу. — Как дела?

— Хорошо, — солгал Гарри.

— Мы обсуждаем ту ночь, когда мистер Крауч оказался на территории замка, — продолжил Фадж. — Это ведь ты его нашёл?

— Да, — кивнул Гарри. Притворяться, будто он не слышал их разговор, бессмысленно, и он добавил: — Но мадам Максим я не заметил, а ей не так-то легко спрятаться.

Дамблдор, блеснув глазами, улыбнулся ему из-за спины Фаджа.

— В общем, да, — слегка смутился Фадж. — Мы собираемся сейчас прогуляться вокруг замка, Гарри… может, тебе вернуться пока в класс…

— Я хотел поговорить с вами, профессор, — быстро сказал Гарри, глядя на Дамблдора.

Директор бросил на него испытующий взгляд:

— Подожди меня здесь, Гарри. Осмотр территории не займёт много времени.

Они молча вышли из комнаты и затворили за собой дверь. Прошла минута-другая. Стук деревянной ноги Грюма удалялся по коридору этажом ниже. Скоро всё стихло, и Гарри огляделся.

— Привет, Фоукс, — сказал он.

Фоукс, феникс величиной с лебедя, сидел на золотой жёрдочке рядом с дверью, сияя алым оперением с лимонной подпушкой. Взмахнув длинным хвостом, он приветливо посмотрел на Гарри.

Гарри уселся в кресло перед столом Дамблдора и невидящим взглядом уставился в портреты прежних директоров и директрис Хогвартса. Они мирно посапывали в своих рамах. Гарри размышлял над только что услышанным и машинально потирал рукой шрам. Шрам больше не болел.

Странно, но в кабинете Дамблдора он чувствовал себя гораздо спокойнее: ещё полчаса, и он расскажет директору о своём сне. Гарри вскинул глаза на стену позади стола и увидел на полке старую, залатанную Волшебную шляпу. Рядом с ней в стеклянном футляре покоился украшенный рубинами серебряный меч. Гарри сразу узнал его — меч Годрика Гриффиндора, основателя их факультета. Это его он извлёк тогда в подземелье из Волшебной шляпы. Меч вовремя пришёл на помощь — гибель казалась неминуемой. Давно это было, на втором курсе… А что это за странные серебристые отблески на стеклянном футляре? Гарри обернулся назад — чёрный шкафчик на подставке неплотно закрыт, из щёлки падает яркая мерцающая полоска света. Гарри бросил взгляд на Фоукса и, немного помедлив, встал из-за стола. Подошёл к шкафчику и решительно потянул на себя дверцу.

Внутри стоял неглубокий каменный сосуд, опоясанный по краю резными письменами и символами. От содержимого исходило яркое серебристое свечение. Ничего подобного Гарри никогда не видел, даже не мог понять, жидкость это или газ. Вещество непрерывно двигалось: то его поверхность морщит рябь, как воду — дуно-

вение ветра, то пробегают круги, завихрения: что это — сжиженный свет или газ, ставший студенистым телом?

Ему очень захотелось провести по нему ладонью, ощутить пальцами, но почти четыре года в Школе чародейства и волшебства подсказали: окунать руку в сосуд непонятно с чем было бы верхом глупости. Он вытащил волшебную палочку, настороженно огляделся и легонько ткнул содержимое палочкой. Непонятное вещество стало быстро вращаться.

Молочно-белая поверхность стала прозрачной, как стекло. Сунув голову в шкафчик, Гарри заглянул в сосуд. Дна не было — где-то глубоко открылась огромная комната, как будто он смотрит в круглое окно, находящееся у неё в потолке. Гарри склонился так низко, что почти коснулся носом подобия стекла.

Зал был скудно освещён; что-то вроде подземелья без окон, свет дают факелы, развешанные по стенам, точь-в-точь такие, как в Хогвартсе. Вдоль стен до самого потолка амфитеатром поднимаются скамьи, заполненные волшебниками и волшебницами, посредине — пустое кресло, с подлокотников которого свисают цепи. Сердце у Гарри сжалось: неужели всякого, кто сядет в

кресло, прикуют к нему?

Где же зал находится? Ясно, что не в замке; здесь он не видел ничего подобного. Да и на скамьях только взрослые, а в Хогвартсе учителей раз в десять меньше. Эти люди явно чего-то ждут: сидят молча, глаза у всех устремлены в одном направлении.

Сосуд был круглый, а зал квадратный, и Гарри не видел, что делается по углам. Наклонился ещё ниже, завертел головой…

И кончик носа коснулся прозрачной поверхности…

Кабинет Дамблдора вдруг покачнулся, Гарри полетел головой вперёд внутрь сосуда: никакого стекла не оказалось, и Гарри всосал в себя чёрный ледяной водоворот…

И вот он уже сидит на верхней скамье в том самом зале, который только что разглядывал сверху. Гарри поднял взгляд — никакого отверстия, высоко над ним сплошной каменный потолок.

Тяжело дыша, Гарри огляделся. Никто из сидящих в комнате (а здесь собралось сотни две волшебников и волшебниц), казалось, не заметил свалившегося откуда-то сверху четырнадцатилетнего ученика. Гарри повернулся к сидящему

рядом волшебнику, и из груди у него вырвался изумлённый возглас, разнёсшийся эхом по всему залу.

С ним рядом сидел Альбус Дамблдор.

— Профессор! — понизив голос, воскликнул Гарри. — Простите… Я не хотел… Я только заглянул в тот сосуд у вас в кабинете… Я… Где мы?

Но Дамблдор даже не шевельнулся. Он явно его не замечал. Как и все здесь сидящие, он не сводил глаз с двери в дальнем углу. Гарри в замешательстве уставился на директора, потом медленно обвёл взглядом зал, снова посмотрел на Дамблдора. И тут до него дошло…

Он уже испытал однажды что-то подобное. Сквозь страницы дневника очутился в памяти одного волшебника, где его никто не видел и не слышал. Сейчас, наверное, происходит то же самое…

Гарри поднял руку, на какой-то миг замер и махнул ею перед самым носом у Дамблдора. Тот даже бровью не повёл. Сомнения нет, Гарри занесло в чью-то память: столь недопустимое поведение директор бы не потерпел. К тому же рядом с ним не нынешний Дамблдор. Но, впрочем, очень похож на нынешнего, седая как лунь борода во всяком случае та же. Значит, происхо-

дило это не так давно. Но что это за место и кого волшебники ждут?

Гарри огляделся внимательнее. Зал, без сомнения, находится под землёй. Скорее, это не зал, а что-то вроде огромного подземного каземата. На стенах ни картин, ни украшений, только ряды скамеек, поднимающиеся вверх, чтобы каждый видел кресло с цепями на подлокотниках. Гарри в страхе поёжился.

Не успел он поразмыслить, куда попал, из дальнего угла донёсся звук шагов, дверь отворилась, и вошли три человека. Вернее, один человек и два дементора.

Гарри пробрал ледяной холод. Огромного роста, в капюшонах, скрывающих лица, дементоры медленно заскользили к стоящему в центре креслу, впившись в руки идущего между ними человека костлявыми, как у скелета, пальцами. Тот едва волочился, вот-вот упадёт в обморок, и Гарри разделял его ужас… Сейчас, внутри чьей-то памяти, он мог бы не бояться дементоров, но воспоминание о них было слишком свежо. Зрители сидели, оцепенев, пока дементоры, опустив несчастного в кресло с цепями, не удалились восвояси, захлопнув за собой дверь.

Узника била крупная дрожь. Гарри присмотрел-

ся к нему и с удивлением узнал в нём Каркарова. В отличие от Дамблдора, Каркаров выглядел гораздо моложе; волосы и бородку седина ещё не тронула. Вместо теперешней шёлковой, струящейся мантии на нём было жалкое потрёпанное рубище. Цепи кресла на глазах у Гарри ожили, сверкнули золотом и обвили руки пленника, приковав его к креслу.

— Игорь Каркаров, — раздался скрипучий голос слева от Гарри. (Он оглянулся, сидевший с другой стороны мистер Крауч поднялся с места: волосы тёмные, морщин на лице немного, подтянут, собран.) — Вас доставили из Азкабана для дачи показаний перед Министерством магии. Вы заявили, что можете сообщить нам важную информацию.

Каркаров выпрямился, насколько позволяли цепи.

— Да, сэр. — Он был смертельно испуган, и всё-таки Гарри различил в его голосе знакомые елейные нотки. — Я хочу быть полезным Министерству. Хочу помочь. Я… мне известно, что Министерство намерено задержать… э-э… последних сторонников Тёмного Лорда. Я очень хочу помочь… чем могу…

По скамьям пронёсся шёпот. Одни смотрели на

Каркарова с интересом, другие с откровенным недоверием. Справа знакомый голос рыкнул:

— Мразь.

Гарри наклонился вперёд, за Дамблдором сидел Грюм. Вот уж кто был совсем непохож на себя! Волшебного глаза у него ещё нет, оба настоящие целы и смотрят на Каркарова с сильнейшей неприязнью.

— Крауч собирается выпустить его, — тихо прошептал он Дамблдору. — Они договорились. Я полгода его выслеживал, наконец поймал. А Крауч хочет отпустить его… если он назовёт ещё несколько имён. А я считаю, пусть назовёт имена и катится обратно к дементорам.

Дамблдор неодобрительно хмыкнул, поведя длинным крючковатым носом.

— А-а, я совсем забыл… Ты, Альбус, не любишь дементоров, — желчно усмехнулся Грюм.

— Что нет, то нет, — спокойно ответил Дамблдор. — Я давно считаю, что Министерство зря пригласило в союзники этих мало привлекательных существ.

— Но для такого негодяя…

— Вы сказали, что можете сообщить нам несколько имён, Каркаров, — продолжил Крауч. — Мы вас слушаем.

— Не забывайте, — заторопился Каркаров, — Тот-Кого-Нельзя-Называть всегда действовал под покровом строжайшей секретности… он предпочитал, чтобы мы… я хотел сказать, его сторонники… я очень, очень глубоко раскаиваюсь, что был когда-то в их числе…

— Не тяни, выкладывай, — вырвалось у Грюма.

— …Мы не знали друг друга, не знали имён… Это было известно только ему одному…

— Разумная тактика, защищающая от предателей вроде тебя, — не унимался сосед Дамблдора.

— Но вы, однако, можете сообщить нам несколько имён? — спросил мистер Крауч.

— Я… да… могу. — Каркарову не хватало дыхания. — И… и всё это ближайшие помощники Тёмного Лорда. Они… на моих глазах… выполняли его приказы. Я назову их имена в подтверждение того, что совсем от него отрекаюсь. Меня переполняет столь глубокое раскаяние, что я не нахожу…

— Имена! — резко потребовал мистер Крауч. Каркаров шумно вдохнул.

— Во-первых, Антонин Долохов. Я… я сам видел, как он пытал многих ни в чём не повинных маглов. И тех, кто… кто был против Тёмного Лорда… И…

— И сам помогал ему, — закончил Грюм.

— Долохов уже пойман, — заявил Крауч. — Сразу же после вас.

— Пойман? Очень, очень рад слышать.

Но вид у него свидетельствовал о другом. Известие было для него ударом. Одно имя не сработало!

— Кто ещё? — холодно спросил Крауч.

— Кто? Розье, конечно, — поторопился добавить Каркаров. — Ивэн Розье.

— Розье нет в живых. Его выследили скоро после вашего ареста. Он оказал сопротивление и был убит.

— И прихватил с собой кусочек моего носа, — прошептал Грюм.

Гарри снова наклонился вперёд и увидел, как сосед указал Дамблдору на свой изуродованный нос.

— Он… он ничего другого не заслуживал. — В голосе Каркарова звучало отчаяние: он боялся, что его донос не будет иметь никакой ценности. Каркаров покосился на дверь, за которой его ожидали дементоры.

— Ещё кто? — спросил Крауч.

— Трэверс… он помог убить МакКиннонов. Мальсибер… применял заклятие Империус… многих людей превратил в страшных злодеев…

Ещё Руквуд, он был шпион, поставлял Тому-Кого-Нельзя-Называть информацию, которую добывал в Министерстве.

На этот раз попадание в яблочко. Зрители взволнованно зашептались.

— Руквуд? — переспросил Крауч, кивнув волшебнице, сидевшей скамейкой ниже. Та принялась быстро что-то записывать. — Августус Руквуд из Отдела Тайн?

— Да, он, — закивал Каркаров. — Для сбора информации он, несомненно, использовал хорошо отлаженную шпионскую сеть, существующую в Министерстве и за его стенами…

— Трэверса и Мальсибера мы уже задержали, — прервал его мистер Крауч. — Что до Руквуда… Хорошо, Каркаров, если это всё, вас пока отвезут в Азкабан, а мы здесь будем решать…

— Не всё! — в отчаянии воскликнул Каркаров. — Я знаю ещё кое-кого!

В свете факелов Гарри видел, как на лице у него выступил пот. Смертельная бледность резко контрастировала с чёрными волосами и бородкой.

— Снегг! — вдруг вырвалось у него. — Северус Снегг!

— Снегг был оправдан Большим Советом, — холодно произнёс Крауч. — За него поручился

Альбус Дамблдор.

— Напрасно! — крикнул Каркаров ещё громче и хотел встать с кресла, забыв про приковавшие его цепи. — Снегг — Пожиратель смерти!

Дамблдор поднялся со скамьи.

— Я уже свидетельствовал по этому делу, — спокойно сказал он. — Северус Снегг был когда-то Пожирателем смерти. Но примкнул к нам задолго до падения Лорда Волан-де-Морта и, пойдя на огромный риск, стал нашим агентом. Сейчас он такой же Пожиратель смерти, как я.

Гарри повернулся и взглянул на Грюма. Вид у него был явно скептический.

— Хорошо, Каркаров, — холодно проговорил Крауч. — Вы нам помогли. Я пересмотрю ваше дело. А вы пока вернётесь в Азкабан…

Голос Крауча, становился всё тише и совсем смолк. Гарри огляделся. Подземелье таяло, как в клубах дыма, осязаемым осталось только его тело, всё остальное погрузилось в медленно вращающуюся тьму…

Неожиданно подземный зал возник снова. Гарри сидит на другом месте, слева от мистера Крауча. И вся атмосфера в зале другая — напряжения нет, вид у всех чуть ли не весёлый. Волшебники и волшебницы переговариваются

друг с другом, как будто пришли на матч по квиддичу. Внимание Гарри привлекла волшебница в ярко-малиновой мантии, сидевшая двумя рядами ниже, у неё были коротко стриженные светлые волосы, во рту кончик ядовито-зелёного пера. Ошибиться невозможно — Рита Скитер, только моложе. Гарри огляделся. Дамблдор опять сидит рядом, справа и в другой мантии. Мистер Крауч ещё более усталый, очень худой и мрачный… Гарри понял: ещё одно воспоминание… другой день… другой суд.

Дверь в дальнем углу открылась, и в зал вошёл Людо Бэгмен.

Этот Людо был в отличной спортивной форме (на теперешнем время уже оставило отпечаток) — высок, строен, мускулист, нос ещё цел. Садясь в кресло, он явно нервничал, но цепи не шевельнулись и не приковали его, как Каркарова. Бэгмен взбодрился, окинул взглядом аудиторию, помахал кому-то и даже слегка улыбнулся.

— Людо Бэгмен, вы доставлены в Совет Магического Законодательства, чтобы ответить на предъявленные вам обвинения, связанные с деятельностью Пожирателей смерти, — произнёс мистер Крауч. — Мы выслушали свидетельства по вашему делу. И перед тем как вынести при-

говор, пригласили вас сказать последнее слово. Хотели бы вы что-нибудь прибавить к вашим предыдущим показаниям?

Гарри не верил своим ушам. Людо Бэгмен — Пожиратель смерти?

— Только одно, — смущённо улыбаясь, произнёс Бэгмен. — Я… я понимаю, что вёл себя как идиот…

У двух-трёх сидящих поблизости волшебников на лицах расплылись снисходительные улыбки. Мистер же Крауч смотрел на Людо Бэгмена с откровенной неприязнью и самым суровым осуждением.

— Что правда, то правда, парень, — буркнул кто-то за спиной Гарри. (Он оглянулся и снова увидел Грюма.) — Не знай я, что он всегда был глуповат, я бы подумал, что бладжеры из него выбили все мозги…

— Людовик Бэгмен, вы были задержаны при передаче информации сторонникам Лорда Воланде-Морта. — заявил мистер Крауч. — Я предлагаю в качестве наказания тюремное заключение в Азкабане сроком не менее…

Со скамеек понеслись сердитые выкрики. Несколько волшебников и волшебниц вскочили с мест и гневно потрясали кулаками в сторону

мистера Крауча.

— Но я же сказал вам, я понятия не имел, что происходит! — Бэгмен пытался перекричать шум в зале. Его круглые голубые глаза расширились от страха. — Старик Руквуд был другом моего отца… Я даже представить себе не мог, что он заодно Сами-Знаете-С-Кем! Думал, что собираю информацию для Министерства! Руквуд обещал устроить меня туда на работу… когда уйду из квиддича… Не всю же мне жизнь подставлять голову под бладжеры!

В зале раздались смешки.

— Ставлю решение обвинения на голосование, — холодно продолжил мистер Крауч, повернувшись к правой стороне зала. — Господа присяжные, кто за Азкабан, прошу поднять руки…

Гарри тоже посмотрел вправо. «За» не проголосовал никто. Многие в зале захлопали. Одна из волшебниц-присяжных поднялась с места.

— Что ещё? — прохрипел Крауч.

— Мы хотели бы поздравить мистера Бэгмена с великолепной игрой в субботу за сборную Англии в матче против Турции, — одним духом произнесла волшебница.

Мистер Крауч едва не взорвался. Подземный

зал звенел от аплодисментов. Бэгмен встал и, широко улыбаясь, кланялся.

— Неслыханно! — повернулся Крауч к Дамблдору когда Бэгмен покинул зал. — Руквуд обещал устроить его на работу!.. День, когда Людо Бэгмен станет сотрудником Министерства, будет для нас чёрным днём…

И подземелье опять растворилось в тумане. Когда оно снова приобрело чёткие очертания, Гарри огляделся. Они с Дамблдором по-прежнему сидели рядом с мистером Краучем, но теперь атмосфера в зале была совсем иной. Гробовую тишину нарушали судорожные всхлипы тоненькой хрупкой волшебницы, сидевшей по другую сторону мистера Крауча. Дрожащими руками она прижимала ко рту носовой платок. Гарри поднял глаза на Крауча и увидел, что он выглядит ещё более мрачным и измождённым. Лицо приняло землистый оттенок, на виске билась жилка.

— Введите их, — эхом разнёсся его голос в притихшем зале.

Боковая дверь снова открылась. На этот раз в зал вошли шесть дементоров. Они сопровождали нескольких заключённых. Многие зрители, перешёптываясь, повернулись к мистеру Краучу.

Обвиняемые опустились в кресла, стоявшие

в центре зала, цепи сейчас же приковали их к подлокотникам. Их было четверо: плотный мужчина, пустыми глазами глядевший на Крауча; худощавый — с нервно подёргивающимися губами; женщина с тяжёлыми веками и короной блестящих, чёрных волос — она сидела в кресле как на королевском троне; и юноша, которому не было и двадцати, соломенные волосы рассыпались по лицу, молочно белая кожа в веснушках. Всё его тело сотрясала дрожь. Худенькая волшебница, сидевшая рядом с Краучем, плакала, уткнувшись в носовой платок.

Крауч поднялся и посмотрел на заключённых. Лицо его исказила лютая ненависть.

— Вас доставили в Совет по магическому законодательству, — громко и ясно произнёс он, — чтобы вынести приговор. Вы обвиняетесь в преступлении, гнуснее которого…

— Отец, — крикнул юноша, — отец… пожалуйста…

— …этот зал ещё не слышал. — Крауч повысил голос, чтобы заглушить слова сына. — Мы выслушали свидетельства, доказывающие вашу вину. Вы все обвиняетесь в том, что похитили мракоборца Фрэнка Долгопупса и подвергли его заклятию Круциатус. Вы думали, что он знает,

где находится ваш исчезнувший хозяин, Тот-Кого-Нельзя-Называть…

— Отец, я в этом не участвовал! — ещё громче крикнул прикованный к креслу юноша. — Клянусь тебе! Не отправляй меня опять к дементорам…

— Вы также обвиняетесь в том, — надрывал голос мистер Крауч, — что, не узнав ничего от Фрэнка Долгопупса, вы подвергли заклятию Круциатус его жену. Вы намеревались вернуть власть Тому-Кого-Нельзя-Называть, чтобы продолжать сеять зло, чем вы, без сомнения, занимались, пока ваш хозяин был в силе. И я прошу присяжных…

— Мама! — воскликнул юноша. (Хрупкая маленькая волшебница, сидевшая рядом с мистером Краучем, билась в рыданиях.) — Мама! Останови его! Мама, это не я, клянусь, это не я!

— И я прошу присяжных, — крикнул Крауч во всю силу лёгких, — тех, кто как я, считают пожизненный срок в Азкабане заслуженным наказанием, поднять руки.

Присяжные единогласно поддержали обвинителя. Зрители захлопали, как в своё время хлопали Бэгмену только сейчас на их лицах застыло мрачное торжество. Юноша, срываясь на визг, крикнул:

— Мама, нет! Я не делал этого, не делал! Я ничего не знал! Не отправляйте меня туда!

Дементоры вернулись в зал. Трое взрослых узников поднялись с кресел; женщина, взглянув на Крауча из-под тяжёлых век, воскликнула:

— Тёмный Лорд вернётся, Крауч! Можете запереть нас в Азкабане! Мы и там будем ждать его! Он освободит нас и осыплет милостями! Мы одни остались ему верны! Старались найти его!

Светловолосый юноша пытался вырваться из рук дементоров. Но весь зал, и даже Гарри, чувствовал — дементоры высасывают из него силы. Со скамей неслись насмешливые выкрики, многие вскочили на ноги. Женщина с короной волос быстрым шагом вышла из зала, а юноша всё продолжал неравную борьбу.

— Я твой сын! — крикнул он, бросив умоляющий взгляд на Крауча. — Я же твой сын!

— У меня нет сына! — Голос Крауча перекрыл все остальные звуки, глаза почти вылезли из орбит. — У меня нет сына! — повторил он.

Худенькая волшебница захлебнулась рыданиями и обмякла без чувств в кресле. Крауч, казалось, этого не заметил.

— Уведите их! — крикнул он дементорам, брызжа слюной. — Уведите немедленно, и пусть они

там сгниют!

— Отец! Отец! Я не виноват! Это всё неправда!

— Думаю, Гарри, пора возвращаться в кабинет, — тихо произнёс кто-то над ухом Гарри.

Гарри вздрогнул и повернулся на голос. Затем глянул направо. Рядом с ним сидит Альбус Дамблдор, наблюдая, как дементоры волокут из зала сына Крауча. Слева тоже стоит Альбус Дамблдор и смотрит прямо ему в глаза.

— Пойдём, — сказал Дамблдор, тот, что слева, и взял Гарри за локоть. Гарри почувствовал, что взмывает вверх. Подземелье вдруг бесследно растаяло. На мгновение воцарился мрак, Гарри сделал медленный кувырок, приземлился прямо на ноги и опять очутился в полном солнца кабинете директора Хогвартса. Перед ним в шкафчике серебристо поблёскивает каменный сосуд, рядом стоит Альбус Дамблдор.

— Профессор, я знаю, что нельзя… я не хотел… дверца шкафчика была приоткрыта… — пролепетал Гарри.

— Вполне тебя понимаю, — сказал Дамблдор. Поднял сосуд, перенёс на отполированный до блеска стол, сел в своё кресло и жестом пригласил Гарри сесть напротив.

Гарри сел, не сводя глаз с сосуда. Содержимое

его снова стало опаловым, по его вращающейся поверхности то и дело пробегала рябь.

— Что это? — спросил Гарри, которого вдруг пробрала дрожь.

— Это? Это — Омут памяти, — ответил Дамблдор. — Иногда я чувствую, что голова у меня переполнена мыслями и воспоминаниями. Тебе, наверное, знакомо это чувство?

— М-м… — протянул Гарри неуверенно. По правде говоря, ему никогда не приходилось испытывать ничего подобного.

— В такие минуты, — продолжал Дамблдор, — я прибегаю к Омуту памяти. Сливаю туда лишние мысли, а потом обдумываю их на досуге, в свободную минуту. Видишь ли, когда воспоминания материализованы, легче уловить причины и следствия и составить верную картину происходящего.

— Вы хотите сказать, эта… смесь — ваши мысли? — поразился Гарри, глядя на серебристые завихрения в мраморном сосуде.

— Конечно, — ответил Дамблдор. — Вот смотри.

Дамблдор вытащил из мантии палочку, коснулся ею своих серебристых волос у виска и медленно её отвёл. Гарри показалось, что одна

лоснящаяся прядь прилипла к ней, но он тут же понял, что это не волосы, а нити молочно-белого вещества, наполнявшего каменную чашу. Дамблдор добавил туда очередную мысль, и Гарри с изумлением увидел собственное лицо, плавающее на его неспокойной поверхности.

Дамблдор взялся длинными пальцами за края сосуда и стал слегка раскачивать, как раскачивает решето золотоискатель, намывающий драгоценные крупицы… Лицо Гарри плавно превратилось в лицо Снегга, рот у него открылся, и он заговорил, обращаясь к потолку:

— Он возвращается… Каркаров тоже… Гораздо сильнее и чётче, чем раньше… — Слова его отдавались лёгким эхом.

— Я мог бы связать эти события и без посторонней помощи, — вздохнул Дамблдор. — Ну, да ладно…

Он посмотрел поверх очков-половинок на Гарри. Тот не сводил глаз с плавающего в Омуте лица Снегга.

— Я как раз работал со своими воспоминаниями, как вдруг приехал мистер Фадж, и пришлось убрать сосуд. Очевидно, я слишком поторопился и не запер шкафчик. Естественно, он вызвал твоё любопытство.

— Простите, пожалуйста, — промямлил Гарри.

— Любопытство — не порок, — покачал головой Дамблдор. — Но его надо держать в узде…

Слегка нахмурившись, он коснулся содержимого сосуда волшебной палочкой. Оттуда тотчас выросла фигура пухлой, обиженно нахмурившейся девушки лет шестнадцати и стала медленно вращаться. Ноги её всё время оставались в Омуте, и она не обращала внимания ни на Гарри, ни на профессора Дамблдора.

— Он наложил на меня заклятие, профессор Дамблдор, — вдруг заговорила девушка, голос её, как и голос Снегга, гулко отдавался. — А я ведь только дразнила его, сэр, сказала, что видела, как он в четверг целовался с Флоренс за оранжереей…

— Но зачем, Берта, — печально спросил Дамблдор, глядя на кружащуюся фигурку, — зачем тебе понадобилось следить за ним?

— Берта? — прошептал Гарри, глядя на девочку. — Это… это Берта Джоркинс?

— Да, — кивнул Дамблдор, ещё раз помешав палочкой свои мысли. Берта исчезла, и они снова опалово засеребрились. — Такой я помню её в школе.

Отсветы из Омута памяти озаряли лицо Дамбл-

дора, и Гарри поразился, как стар директор. Он понимал, годы делают своё дело, но почему-то никогда не думал о нём как о старике.

— Ты, Гарри хотел мне что-то сказать, — вдруг тихо промолвил Дамблдор. — До того, как погрузился в мою память.

— Да, хотел, профессор… Я был на уроке предсказания и… э-э… уснул.

Он замолчал, ожидая выговора, но Дамблдор сказал только:

— Понимаю. Продолжай.

— И мне приснился сон. Сон о Лорде Волан-де-Морте. Он мучил Хвоста… Вы ведь знаете, кто такой Хвост…

— Знаю, пожалуйста, продолжай, — поторопил Дамблдор Гарри.

— Волан-де-Морт получил совиной почтой письмо. И сказал, кажется, что ошибка Хвоста исправлена. Прибавил, что кто-то умер. И что он не скормит Хвоста змее… рядом с его креслом была большая змея. А ещё сказал… сказал, что вместо него скормит змее меня. Потом наложил на Хвоста заклятие Круциатус… и тут у меня заболел шрам. Я сразу проснулся, такая была боль.

Дамблдор молча взирал на него.

— Вот и всё…

— Ясно, — тихо сказал Дамблдор. — Ясно. Скажи, а ещё когда-нибудь в этом году шрам у тебя болел, не считая того раза летом?

— Нет… А как вы узнали, что у меня летом болел шрам? — не сдержал Гарри изумления.

— Не ты один переписываешься с Сириусом, — ответил Дамблдор. — Я тоже поддерживаю с ним связь после его побега из Хогвартса. Это ведь я предложил ему укрыться в той пещере в горах. Самое безопасное место!

Дамблдор встал и принялся расхаживать за столом. Несколько раз касался виска палочкой, извлекал мысль и стряхивал её в Омут. Мысли вращались всё быстрее, сливаясь в перламутровое пятно — ничего не поймёшь.

— Профессор, — наконец решился напомнить о себе Гарри.

Дамблдор остановился и взглянул на него.

— Прошу прощения, — сказал он и снова сел за стол.

— Вы… вы знаете, почему у меня болит шрам?

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

— У меня есть одно предположение, всего лишь предположение. Шрам у тебя начинает болеть, когда Лорд Волан-де-Морт совсем близко и питает к тебе особенно сильную ненависть.

— А… почему?

— Потому что вы связаны заклятием, которое не подействовало, — ответил Дамблдор. — Шрам-то у тебя необычный.

— Значит, вы думаете… это не сон… Всё так и происходило?

— Возможно, — ответил Дамблдор. — Я бы даже сказал, весьма вероятно. Гарри, а Волан-де-Морта ты видел?

— Нет, — ответил Гарри. — Только спинку кресла. Но… но в кресле ведь всё равно ничего не было. У него же нет тела. Хотя как он мог держать палочку? — медленно проговорил Гарри.

— Действительно, как?

Несколько минут оба молчали. Дамблдор, вперив взгляд в пространство, иногда подносил палочку к виску и добавлял ещё одну серебристую паутинку к бурлящей опаловой смеси в сосуде.

— Профессор, — первый нарушил молчание Гарри, — вы думаете, к нему возвращается сила?

— К Волан-де-Морту? — переспросил Дамблдор, бросив на Гарри поверх Омута памяти так хорошо знакомый проницательный взгляд, от которого Гарри всегда становилось не по себе: ему казалось, что директор видит его насквозь, лучше даже, чем Волшебный глаз Грюма. — Могу,

Гарри, только высказать свои предположения.

Дамблдор снова вздохнул и показался Гарри ещё более старым и усталым, чем обычно.

— Годы, когда к Волан-де-Морту возвращались силы, были отмечены несколькими исчезновениями. Так, бесследно исчезла Берта Джоркинс, как раз там, где Волан-де-Морта видели последний раз. Это установлено точно.

Исчез также мистер Крауч… здесь, на территории школы. Пропал ещё один человек, на сей раз магл. Естественно, на этот факт Министерство, к сожалению, не обратило внимания. Его звали Фрэнк Брайс, он жил в деревне, где вырос отец Волан-де-Морта. Его никто не видел с прошлого августа. В отличие от многих моих друзей в Министерстве, я читаю магловские газеты.

Дамблдор бросил на Гарри встревоженный взгляд.

— Мне кажется, эти исчезновения связаны между собой. А в Министерстве так не думают… Ты, наверное, слышал об этом, стоя за дверью.

Гарри кивнул. В кабинете опять воцарилась тишина: Дамблдор потянул из виска мысли, добавляя их к содержимому сосуда. Гарри понимал, пора уходить, но любопытство приковало его к креслу.

— Профессор, — снова обратился он к Дамблдору.

— Да, Гарри, — ответил директор.

— Э-э… можно спросить… про этот суд, который я видел… в Омуте памяти?

— Можно, — помрачнел Дамблдор. — Я много раз там бывал, некоторые процессы встают в памяти яснее других… Особенно сейчас…

— А тот суд, где… где вы меня нашли? Суд над сыном Крауча… Они говорили о родителях Невилла?

Дамблдор пристально посмотрел на Гарри.

— Разве Невилл не рассказывал тебе, почему он живёт с бабушкой?

Гарри покачал головой. Как же так могло выйти, что за четыре года общения с Невиллом он ни разу не спросил его об этом?

— Да, они говорили о родителях Невилла. Его отец Фрэнк был мракоборец, как профессор Грюм. Его с женой пытали, хотели выведать, где находится Волан-де-Морт. Ты сам слышал.

— И они умерли? — тихо спросил Гарри.

— Нет. Они потеряли рассудок, — в голосе Дамблдора звучала горечь, какой Гарри никогда не слышал. — Они оба сейчас в больнице святого Мунго, где лечат магические болезни и травмы.

Невилл, полагаю, навещает их с бабушкой на каникулах. Но они не узнают его…

Гарри сидел, потрясённый. Как же так, за четыре года не удосужиться спросить…

— Известные, всеми уважаемые люди, — продолжал Дамблдор. — Произошло это после падения Волан-де-Морта, когда все уже считали себя в безопасности. Нападение вызвало беспрецедентную волну гнева. От Министерства требовали немедленно найти преступников. К сожалению, показания Долгопупсов были не совсем надёжные — они ведь в ужасном состоянии.

— Значит, возможно, сын мистера Крауча был невиновен? — медленно проговорил Гарри.

— Об этом мне ничего не известно, — покачал головой Дамблдор.

Опять замолчали, Гарри смотрел, как в Омуте ходят кругами воспоминания. Ещё два вопроса жгли его… но они касались живых людей…

— Э-э… — начал он, — а мистер Бэгмен…

— Ни разу с тех пор не обвинялся в пособничестве Тёмным силам, — спокойно ответил Дамблдор.

— Я рад, — поспешил сказать Гарри, не отводя взгляда от каменного сосуда. (Дамблдор перестал добавлять мысли, и серебристое кружение замед-

лилось.) — А…

Ему нелегко было произнести имя, но Омут пришёл на помощь. На его поверхности опять появилось лицо Снегга. Дамблдор увидел его и поднял глаза на Гарри.

— Никаких обвинений не было предъявлено и профессору Снеггу, — сказал он.

Гарри посмотрел в ярко-голубые глаза Дамблдора и выпалил давно мучивший его вопрос:

— А почему вы думаете, что он и правда перестал поддерживать Волан-де-Морта?

Дамблдор несколько секунд смотрел Гарри прямо в глаза и затем спокойно ответил:

— А это, Гарри, касается только нас двоих: профессора Снегга и меня.

Гарри понял, что разговор окончен. Дамблдор не рассердился, но что-то в его голосе подсказало: пора уходить. Он поднялся, Дамблдор тоже.

— Гарри, пожалуйста, — сказал директор, когда Гарри уже подошёл к двери, — никому ни слова о родителях Невилла. Он один вправе рассказать о них, когда будет к этому готов.

— Хорошо, профессор, — ответил Гарри, взявшись за ручку двери.

— И ещё, Гарри…

Гарри обернулся.

Дамблдор стоял у Омута памяти. Серебристые отблески ходили по его лицу, и он казался совсем старым. Он молча смотрел на Гарри, потом сказал:

— Удачи тебе в третьем туре.

Глава 31
Третье задание

— Дамблдор тоже считает, что Ты-Знаешь-Кто становится сильнее? — прошептал Рон.

Гарри поведал Рону и Гермионе обо всём, что видел в Омуте памяти, и ещё о многом, услышанном от Дамблдора. И конечно же, поделился с Сириусом: из кабинета директора сразу бросился в совятник и отправил ему письмо. В тот вечер друзья опять засиделись в Общей гостиной допоздна. Говорили, говорили, пока голова не распухла. И Гарри понял профессора Дамблдора: иногда мозг так переполнен мыслями, что их необходимо куда-то выплеснуть.

Рон молча смотрел на огонь в камине. Его била мелкая дрожь, хотя вечер был тёплый.

— Значит, он доверяет Снеггу? — спросил Рон. — Неужели правда доверяет? Но ведь он знает, что Снегг был Пожирателем смерти?

— Да, — кивнул Гарри.

Гермиона минут десять молчала. Она сидела, обхватив руками голову, не отводя глаз от колен. И ей, похоже, не помешал бы сейчас Омут

памяти.

— Рита Скитер, — наконец сказала она.

— Как сейчас можно о ней думать! — не поверил ушам Рон.

— Я не о ней думаю, — ответила Гермиона, обращаясь к своим коленям. — А о её словах… Помнишь, что она сказала мне в «Трёх мётлах»? «Я знаю о Людо Бэгмене такое, от чего у вас бы волосы на голове встали дыбом!» Наверное, именно этот суд она и имела в виду. Она была тогда в зале и знает, что он передавал какие-то сведения Пожирателям смерти. Да и Винки говорит: «Мистер Бэгмен плохой волшебник». Крауч, конечно, был в ярости, что Бэгмену удалось выйти сухим из воды, и он наверняка говорил об этом дома.

— Но ведь Бэгмен-то участвовал в этом по неведению, верно?

Гермиона пожала плечами.

— А Фадж считает, что на Крауча напала мадам Максим? — повернулся Рон к Гарри.

— Да, — ответил Гарри. — Но только потому, что Крауч исчез около кареты Шармбатона.

— Вот о ком мы никогда всерьёз не думали, — медленно произнёс Рон. — В ней наверняка есть великанская кровь, а она это скрывает…

— И правильно делает, — резко бросила Гер-

миона, подняв голову. — Вспомни, что было с Хагридом, когда Рита узнала тайну его матери. Вспомни Фаджа — он готов во всём обвинить мадам Максим только потому, что один из её предков был великаном. И я бы говорила, что у меня просто широкая кость, лишь бы скрыть опасную правду!

С этими словами Гермиона взглянула на часы и ахнула:

— Мы сегодня совсем не тренировались! По плану у нас Чары помех. Завтра начнём прямо с них! Пошли, Гарри, тебе нужно выспаться.

Гарри и Рон медленно поднялись к себе в спальню.

Натягивая пижаму, Гарри скользнул взглядом по кровати Невилла, видевшего уже третий сон. Он сдержал слово и ничего не сказал друзьям о его родителях. Сняв очки, уютней улёгся и попробовал себе представить, каково это — родители живы, но не узнают даже сына. Гарри часто жалели незнакомые люди, узнав, что он сирота, но Невилл, конечно, заслуживает большей жалости. Лёжа в темноте, слыша похрапывание Невилла, Гарри вдруг почувствовал такую ненависть к мучителям мистера и миссис Долгопупс… Вспомнил крики одобрения, когда дементоры волокли из

зала сына Крауча и других заговорщиков… Сейчас он понимал зрителей… Вдруг вспомнилось смертельно-бледное лицо молящего о пощаде юноши — и Гарри содрогнулся: юноша спустя год умер…

«И всё это Волан-де-Морт, — думал Гарри, лёжа с открытыми глазами. — Всё дело в нём. Это он разрушал семьи, губил жизни…»

* * *

Предполагалось, что Рон с Гермионой готовятся к экзаменам, которые окончатся в первый день третьего тура состязаний. Но у них почти всё время уходило на Гарри — ему, по их мнению, предстояло куда более важное дело.

— О нас не волнуйся, — отрезала Гермиона, когда Гарри напомнил про экзамены: он ведь мог бы и один тренироваться. — По крайней мере, по защите высший балл нам обеспечен. Мы с тобой столько разных заклятий выучили!

— И вообще это отличная тренировка для будущих мракоборцев! Надеюсь, мы все ими станем. — Голос Рона звенел энтузиазмом. В приливе чувств он наложил Чары помех на влетевшую в класс осу, которая тут же замерла в воздухе.

Наступил июнь, и все в замке опять заволно-

вались, не могли дождаться последнего тура соревнований. Гарри каждую свободную минуту практиковался в разных заклятиях. Перед третьим заданием он чувствовал себя гораздо увереннее. Конечно, оно будет и сложным, и опасным, но Грюм прав: ему уже приходилось обводить вокруг пальца чудовищ и преодолевать заколдованные барьеры. А в этот раз он знает, что его ждёт, и, конечно, сможет подготовиться к предстоящему испытанию.

Профессору МакГонагалл в конце концов надоело натыкаться на Гарри с Гермионой во всех углах и закоулках замка, и она позволила им в обеденный перерыв заниматься в кабинете трансфигурации. Гарри быстро овладел Чарами помех, научился замедлять действия врага, мог даже ненадолго остановить его. Неплохо получалось и Взрывное заклятие, — оно легко убирало с пути все крупные твёрдые препятствия. В библиотеке Гермиона отыскала ещё одно полезное заклинание, Компасное, которое ставило волшебную палочку строго на север — с такой палочкой в лабиринте не заблудишься. Правда, пока ещё не давались чары Щита, возводящие вокруг волшебника невидимую защиту, успешно отражавшую мелкие заклятия: Гермионе удалось пробить щит

Гарри с помощью Ножного заклятия, и он минут десять ковылял на ватных ногах, пока Гермиона искала в толстенной книге противозаклятие.

— У тебя всё прекрасно получится, — ободрила она Гарри, вычёркивая из списка выученные заклятия. — Кое-что из всего этого наверняка пригодится.

— Идите скорее сюда! — Рон стоял у окна и глядел вниз. — Интересно, что там делает Малфой?

Гарри с Гермионой подошли. Малфой стоял под деревом, его верные дружки Крэбб и Гойл несли рядом караул и во весь рот ухмылялись. Малфой, приблизив к губам неплотно сжатый кулак, говорил в него что-то.

— Очень похоже на разговор по рации, — произнёс заинтересованно Гарри.

— Это невозможно, — отрезала Гермиона. — Я вам уже говорила: в Хогвартсе эти штуки не действуют. Иди сюда, Гарри, — вернулась она на середину комнаты, — давай ещё раз попробуем чары Щита.

Теперь Сириус присылал сову каждый день. Он, как и Гермиона, был озабочен одним — сделать всё, чтобы Гарри благополучно справился с последним заданием, остальное отошло для него на задний план. В каждом письме он напоминал

крестнику: что бы ни происходило за стенами Хогвартса, никакой самодеятельности, всё равно он ни на что повлиять не сможет.

«Если Волан-де-Морт действительно набирает силу, — писал Сириус, — главная моя забота — обеспечить твою безопасность. Но пока ты под защитой Дамблдора, тебе ничего не грозит, и всё-таки старайся избегать малейшей опасности. Думай над тем, как преодолеть лабиринт, всё остальное после».

Чем ближе двадцать четвёртое июня, тем сильней Гарри нервничал, но всё же не так, как перед первым и вторым турами. Во-первых, сомнений нет: на этот раз он очень хорошо подготовлен. И, во-вторых, это финальный бросок: проиграй он или выиграй, Турнир закончится, и все треволнения останутся позади.

* * *

В день Турнира во время завтрака за гриффиндорским столом было особенно шумно. Совиная почта принесла Гарри открытку от Сириуса с пожеланием удачи — всего только кусок пергамента с отпечатком грязной собачьей лапы, но у Гарри всё равно потеплело на сердце. Как обычно, прилетела сипуха, принесла Гермионе свежий

номер «Ежедневного пророка». Она развернула газету и поперхнулась, забрызгав всю первую страницу тыквенным соком.

— Что такое? — хором спросили её Гарри с Роном.

— Ничего, — торопливо ответила Гермиона, пытаясь спрятать газету, но Рон успел выхватить её.

Он увидел крупный заголовок на первой странице и возмущённо воскликнул:

— Старая корова! Именно сегодня!

— Что там? — спросил Гарри. — Снова Рита Скитер?

— Нет, — ответил Рон и, так же как Гермиона, попытался куда-нибудь деть газету.

— Опять обо мне? — спросил Гарри.

— Да нет, — дрогнувшим голосом возразил Рон.

Не успел Гарри выдернуть газету у него из рук, Драко Малфой уже кричал из-за стола слизеринцев:

— Эй, Поттер! Поттер! Как твоя голова? Как себя чувствуешь? Надеюсь, ты нас не покусаешь?

У Малфоя в руках была та же газета. Слизеринцы рассмеялись и, как один, повернулись в сторону Гарри — интересно, что он сейчас сде-

лает.

— Дай-ка взгляну, — сказал Гарри Рону.

Рон неохотно повиновался. Гарри развернул газету и увидел фото под огромной шапкой:

ГАРРИ ПОТТЕР «НЕЗДОРОВ И ОПАСЕН»

Мальчик, сокрушивший Того-Кого-Нельзя-Называть, сейчас нездоров и, возможно, опасен, — сообщает наш специальный корреспондент Рита Скитер. — Недавно стали известны тревожные факты, касающиеся странного поведения Гарри Поттера. Эти факты вызывают серьёзные опасения: сможет ли он дальше участвовать в столь трудном соревновании, как Турнир Трёх Волшебников, и даже вообще учиться в школе «Хогвартс».

Эксклюзивная информация, полученная «Ежедневным пророком», подтверждает, что Поттер постоянно теряет сознание на уроках и часто жалуется на боль в шраме (отметина на лбу — последствие проклятия, которым Сами-Знаете-Кто пытался его убить). В понедельник наш специальный корреспондент стал

свидетелем того, как Поттер с криком выбежал из кабинета предсказаний: у него так болел шрам, что он больше не мог сидеть на уроке.

Ведущие специалисты больницы магических болезней и травм святого Мунго полагают, что мозг Поттера, возможно, пострадал во время нападения Сами-Знаете-Кого и что многократные жалобы на боль в шраме — проявление застарелой психической нестабильности.

— Возможно даже, что он притворяется, — заявил один из специалистов. — Известно, что это один из многих способов привлечь к себе внимание окружающих.

«Ежедневному пророку» удалось выяснить некоторые тревожные обстоятельства, касающиеся Гарри Поттера, которые директор Хогвартса Альбус Дамблдор утаил от магической общественности.

— Поттер — змееязычный волшебник, — сообщил нам Драко Малфой, четверокурсник из Хогвартса. — Пару лет назад в замке был совершён ряд нападений на учащихся. Многие подозревали в них Поттера: в Дуэльном клубе на глазах у

всех он в приступе ярости приказал змее напасть на своего однокашника. Но тогда всё это замяли. Кроме того, у Поттера в друзьях оборотни и великаны. Похоже, стремление к власти может толкнуть его на что угодно.

Змееязычие, т. е. способность разговаривать со змеями, давно считается одним из видов Тёмных искусств. Не зря самый известный змееязычный маг современности — Тот-Кого-Нельзя-Называть. Член Лиги защиты от Тёмных искусств, пожелавший остаться неназванным, заявил, что, по его мнению, необходимо возбудить расследование в отношении всех змееязычных волшебников.

— Лично я, — сказал он, — испытываю большое недоверие к каждому, кто умеет разговаривать со змеями, поскольку этих тварей часто используют в самых зловещих видах Тёмной магии и они традиционно ассоциируются со злом в чистом виде.

И конечно, все, кто водит дружбу с такими носителями зла, как оборотни и великаны, не могут не обладать склонно-

стью к насилию.

Альбусу Дамблдору следует серьёзно подумать, допускать ли такого ученика к участию в Турнире Трёх Волшебников. Существует опасность, что Поттер, обуреваемый безрассудным стремлением выиграть, захочет прибегнуть к Тёмной магии, ведь сегодня вечером заключительное состязание Турнира.

— Очередная глупость в мой адрес, — заметил Гарри, небрежно сворачивая газету.

За столом слизеринцев Малфой, Крэбб и Гойл веселились вовсю: крутили пальцами у виска, корчили дебильные рожи и высовывали языки, шевеля ими на манер змей.

— Но как она узнала, что у тебя на предсказаниях заболел шрам? — удивился Рон. — В замке её, конечно, не было. И она не могла ничего слышать…

— Окно-то было открыто, — ответил Гарри. — Я открыл его сам, чтобы вдохнуть воздуха.

— Но мы были на самом верху Северной башни! — воскликнула Гермиона. — Стоя на земле, ничего не услышишь!

— Но это же ты исследовала магические спосо-

бы подслушивания! — напомнил Гарри. — Вот и объясни нам, как она умудрилась подслушать!

— Да, исследовала, — сказала Гермиона. — Но я… мне… Внезапно лицо её приняло странное, отсутствующее выражение. Она медленно подняла руку и запустила пальцы в волосы.

— Что с тобой? — забеспокоился Рон.

— Ничего, — прошептала Гермиона. Она опять взлохматила пальцами свою гриву, потом медленно поднесла руку ко рту, как будто говорила в невидимую рацию. Гарри с Роном, ничего не понимая, уставились друг на друга.

— У меня идея, — произнесла Гермиона, глядя в пространство. — Кажется, я знаю… потому что так никто бы не увидел… даже Грюм… и она смогла бы забраться на подоконник… но у неё ведь нет разрешения… точно, нет разрешения… Похоже, она у меня в руках! На секунду слетаю в библиотеку — хочу окончательно убедиться!

С этими словами Гермиона схватила сумку и выбежала из Большого зала.

— Эй! — крикнул Рон вслед. — У нас через десять минут экзамен по истории магии! Ну, дела, — протянул он, оборачиваясь к Гарри. — Эта Скитер сидит у неё в печёнках, она даже про экзамен забыла. Что ты будешь делать на экзамене

у Бинса — читать?

Гарри, как все участники Турнира, был освобождён от экзаменов. Просто сидел на задней парте и выискивал в книгах всё новые заклинания, которые могли бы ему помочь.

— Да, наверное, — ответил Гарри. Но в этот миг к ним подошла профессор МакГонагалл.

— Поттер, все участники Турнира собираются после завтрака в комнате, примыкающей к залу.

— Но ведь соревнование начнётся вечером! — воскликнул Гарри, испугавшись, что перепутал время, и уронил на мантию кусочек яичницы.

— Конечно, Поттер. В комнате собрались семьи участников Турнира. Они приглашены посмотреть последнее состязание. И ты сегодня сможешь провести со своими весь день.

С этими словами она отошла от стола. А Гарри смотрел ей вслед, разинув рот.

— Она и правда думает, что Дурсли сюда приедут? — ошарашено спросил он Рона.

— Не знаю, — пожал тот плечами. — Ладно, мне пора, я опаздываю к Бинсу. Увидимся!

Зал быстро пустел. Гарри видел, как Флёр Делакур поднялась из-за стола когтевранцев и, догнав Седрика, прошла в соседнюю комнату. Сразу за ними медленно, чуть сутулясь, двинулся Крам.

Гарри не торопился закончить завтрак. Ему не хотелось туда идти — у него не было семьи, во всяком случае такой, что приехала бы поддержать его в трудную минуту. Самое лучшее — удалиться в библиотеку и порыться ещё в книгах — лишнее заклинание не помешает. Он уже было поднялся из-за стола, как дверь комнаты приоткрылась, оттуда высунулась голова Седрика.

— Гарри, иди скорее! — крикнул он. — Твои тебя заждались!

Гарри был совсем сбит с толку: не могут же Дурсли взять и приехать сюда! Пересёк Большой зал и толкнул дверь в комнату.

Седрик с родителями стояли прямо за дверью. Крам в дальнем углу быстро разговаривал по-болгарски с матерью и отцом. Оба были черноволосы, а крючковатый нос Крам явно унаследовал от отца. В другом углу щебетала по-французски Флёр со своей матерью. Её младшая сестрёнка Габриэль стояла рядом, держась за мамину руку. Увидев Гарри, она замахала ему рукой, он тоже махнул ей. И тут увидел у камина сияющих миссис Уизли и Билла. Обрадованный Гарри чуть не бегом бросился к ним.

— Это наш сюрприз! — взволнованно воскликнула миссис Уизли, нагнулась и поцеловала

его. — Мы приехали болеть за тебя, Гарри!

— Ты как, готов? — спросил Билл, улыбаясь и тряся его руку. — Чарли тоже хотел приехать, но не смог отпроситься с работы. Он нам рассказывал, как ты потрясающе справился с хвосторогой!

Гарри заметил, что Флёр Делакур с большим интересом поглядывает на Билла из-за плеча мамы. Она явно не возражала ни против длинных волос, ни против серёг с клыками.

— Как здорово, что вы приехали! — Гарри благодарно взглянул на миссис Уизли. — А я уж было подумал… неужели Дурсли…

— М-м, — поджала губы миссис Уизли. Она никогда не критиковала Дурслей в присутствии Гарри, но всякий раз, когда упоминалось их имя, в глазах у неё загорался недобрый огонь.

— Потрясающе снова вернуться в школу! — огляделся кругом Билл. Виолетта, приятельница Полной Дамы, подмигнула ему из своей рамы. — Я не был тут целых пять лет. А что, портрет чокнутого рыцаря всё ещё здесь? Сэра Кэдогана?

— Здесь, — ответил Гарри. Он с этим чудаком познакомился в прошлом году.

— А Полная Дама?

— Её ещё я помню, — сказала миссис Уизли. —

Один раз она так меня отчитала! Я вернулась в спальню в четыре часа утра…

— Где же ты была всю ночь? — Билл изумлённо посмотрел на мать.

Миссис Уизли улыбнулась.

— Мы с твоим отцом гуляли, — ответила она. — А ему досталось от Аполлиона Прингла, тогдашнего завхоза… у отца до сих пор заметны следы…

— Можешь повести нас на экскурсию по замку, Гарри? — спросил Билл.

— С удовольствием.

И все трое двинулись к двери в Большой зал. Поравнявшись с семейством Диггори, Гарри поймал неприязненный взгляд отца Седрика Амоса.

— А-а, вот и ты! — воскликнул он, окинув Гарри взглядом с ног до головы. — Бьюсь об заклад, ты уже не так уверен в себе. Седрик догнал тебя по очкам!

— Что? — недоумённо спросил Гарри.

— Не обращай на него внимания, — шепнул ему Седрик, нахмурившись. — Он вне себя после той статьи Риты Скитер о Турнире Трёх Волшебников… помнишь, где она написала, что ты — единственный чемпион Хогвартса…

— И он даже не удосужился опровергнуть её

слова! — громко воскликнул Амос Диггори, чтобы и миссис Уизли с Биллом, уже в дверях, могли услышать его. — Но ты покажешь ему, Сед. Ты ведь однажды уже победил его.

— Рита Скитер спит и видит, как бы устроить новый скандал, — рассердилась миссис Уизли. — Ты, Амос, работаешь в Министерстве и мог бы давно её раскусить!

Мистер Диггори, судя по виду, собрался разразиться гневной тирадой, но жена положила на его руку ладонь, и он, пожав плечами, отвернулся.

Гарри прекрасно провёл утро с Биллом и миссис Уизли. Они обошли всю территорию замка, Гарри показал им карету Шармбатона и корабль Дурмстранга. Миссис Уизли очень заинтересовалась Гремучей ивой, посаженной уже после неё. И потом долго вспоминала лесничего Огга, который был перед Хагридом.

— Как Перси? — спросил Гарри, когда они обходили теплицы.

— Не очень, — ответил Билл.

— У него неприятности, — добавила миссис Уизли, понизив голос и оглянувшись. — В Министерстве хотят замолчать исчезновение мистера Крауча. Перси вызывали на допрос, спрашивали про инструкции, которые он получал от мистера

Крауча. Похоже, все думают, что эти инструкции писал не Крауч. Перси ужасно переживает. Ему не дали разрешения заменить сегодня вечером его начальника. Вместо него пятым судьёй будет Корнелиус Фадж.

К обеду возвратились в замок.

— Мам! Билл! — удивлённо воскликнул Рон, увидев их за гриффиндорским столом. — Что вы здесь делаете?

— Приехали болеть за Гарри на последнем состязании! — объяснила, улыбаясь, миссис Уизли. — Должна сказать, так приятно изредка не готовить обед. Как твой последний экзамен?

— А-а… Порядок! — ответил Рон. — Не мог вспомнить имена всех вождей восставших гоблинов, пришлось кое-какие придумать. (Миссис Уизли мгновенно посуровела.) Всё нормально, — успокоил её Рон, положив на тарелку солидную порцию корнуэлльского пирога с мясом. — У них у всех были имена типа Бодрод Бородатый, Гырг Грязный, так что ничего страшного.

Скоро к ним присоединились Фред, Джордж и Джинни, и Гарри показалось, что он опять вернулся в «Нору». Он и думать забыл о Турнире, лишь появление Гермионы в середине обеда вернуло его к действительности, и он вспомнил

о её утреннем озарении. Интересно, что она выяснила о Рите Скитер?

— Ну, рассказывай…

Гермиона покачала головой и выразительно глянула в сторону миссис Уизли.

— Здравствуй, Гермиона, — натянуто произнесла миссис Уизли.

— Здравствуйте, — улыбка сползла с лица Гермионы при виде сурового лица миссис Уизли.

Гарри перевёл взгляд с одной на другую и сказал:

— Миссис Уизли, вы, конечно же, не поверили той ерунде, которую Рита Скитер настрочила для «Пророка»? Вы-то ведь знаете, что не влюблялся я в Гермиону!

— А-а! — протянула миссис Уизли. — Конечно же, не поверила.

Но её обращение с Гермионой стало гораздо сердечнее.

Гарри, Билл и миссис Уизли весь день гуляли вокруг замка и вернулись в Большой зал только к вечернему пиршеству. За столом для преподавателей сидели уже и Людо Бэгмен, и Корнелиус Фадж. Бэгмен, как всегда, весел и оживлён, Фадж, напротив, мрачен и неразговорчив. Сидевшая рядом мадам Максим смотрела только в тарелку,

и Гарри показалось, что глаза у неё красные. Хагрид то и дело поглядывал в её сторону.

Несмотря на обилие праздничных блюд, Гарри почти ничего не ел: его уже била нервная дрожь. Постепенно волшебный потолок менял синеву дня на алые закатные краски сумерек. Наконец Дамблдор поднялся из-за стола и весь зал притих.

— Леди и джентльмены, через пять минут я приглашу вас пойти на поле для квиддича, где начнётся третье, последнее состязание Турнира Трёх Волшебников. А сейчас прошу всех участников проследовать на стадион за мистером Бэгменом.

Гарри встал, все гриффиндорцы зааплодировали. Уизли и Гермиона пожелали ему удачи, и он вместе с Седриком, Флёр и Крамом вышел из Большого зала.

— Как ты, Гарри? — спросил Бэгмен, спускаясь по каменным ступеням главного крыльца. — Уверенно себя чувствуешь?

— Всё в порядке, — ответил Гарри. И не солгал: конечно, он нервничал, но, повторив в уме все заклинания и чары, которые знал наизусть, нутром ощутил, что уверенности ещё прибавилось.

Скоро подошли к стадиону. Поле для квиддича

изменилось неузнаваемо. По всему периметру поднялась плотная живая изгородь высотой двадцать футов. Прямо перед ними в изгороди чернеет проём — вход в лабиринт. Коридор внутри него, образованный густым кустарником, уходит в черноту, от которой у Гарри забегали мурашки по коже.

Через пять минут на стадионе появились первые зрители. Воздух наполнился взволнованными голосами и звуками сотен шагов — зрители торопились занять отведённые им трибуны. Небо окрасилось в густой исчерна-синий цвет, и на нём зажглись первые звёзды. К Бэгмену и участникам подошли Хагрид и профессора МакГонагалл, Грюм и Флитвик. У профессоров на шляпах, у Хагрида на спине кротового жилета светились большие красные звёзды.

— Мы будем патрулировать снаружи, — сообщила участникам состязания профессор МакГонагалл. — Если кто-нибудь попадёт в беду и почувствует, что требуется подмога, пошлите в воздух сноп красных искр, и мы незамедлительно придём на помощь. Всё ясно?

Чемпионы кивнули.

— Тогда вперёд! — весело скомандовал Бэгмен четверым патрульным.

— Удачи, Гарри, — шепнул Хагрид, и патрульные разошлись в разные стороны, каждый на свой пост вокруг лабиринта. Коснувшись палочкой горла, Бэгмен тихо произнёс:

— *Сонорус!*

И тут же его усиленный волшебством голос разнёсся по всему стадиону:

— Леди и джентльмены, третье и последнее состязание Турнира Трёх Волшебников начинается! Разрешите мне напомнить вам турнирное положение участников на сегодняшний день! Первое место делят между собой мистер Седрик Диггори и мистер Гарри Поттер, оба — школа «Хогвартс», у каждого восемьдесят пять очков!

Крики, гром аплодисментов разбудили птиц в Запретном лесу, и они с тревожным гомоном поднялись в тёмное ночное небо.

— На втором месте мистер Виктор Крам, институт «Дурмстранг», восемьдесят очков! — снова гром аплодисментов. — И на третьем месте — мисс Флёр Делакур, академия «Шармбатон»!

Гарри разглядел на трибуне миссис Уизли, Билла, Рона и Гермиону. Они вежливо аплодировали Флёр. Он махнул им рукой, они увидели и тоже обрадовано замахали.

— Итак, Гарри и Седрик, начнёте по моему

свистку! — пророкотал Бэгмен. — Три… два… один…

Он резко свистнул, и Гарри с Седриком устремились внутрь лабиринта.

Высоченная живая изгородь бросала на дорожку чёрную тень. То ли изгородь была чересчур густой, то ли была заколдована, но звуки стадиона тут же стихли, едва они вступили во тьму лабиринта. Гарри даже показалось на миг, что он под водой. Он вытащил палочку, приказал:

— *Люмос!* — и услышал, как Седрик произнёс позади то же самое.

Прошли вместе метров двадцать и оказались у развилки. Глянули друг на друга.

— Пока, — сказал Гарри, свернув влево. Седрик пошёл направо.

Бэгмен снова дунул в свисток. Значит, в лабиринт вошёл Крам. Надо спешить. Выбранная им дорожка казалась совершенно пустынной. Он повернул вправо и прибавил шагу, подняв палочку над головой, чтобы свет от неё падал как можно дальше. Впереди было по-прежнему пусто.

Вдалеке снова прозвучал свисток Бэгмена: значит, все чемпионы внутри лабиринта.

Гарри то и дело оглядывался. К нему опять вернулось привычное ощущение, что за ним следят

чьи-то глаза. Небо с каждой минутой становилось чернее, тени сгущались и в лабиринте.

Дорожка привела к очередной развилке.

— Направление, — прошептал он палочке, держа её на ладони.

Палочка сделала один оборот и замерла, указывая направо, в густую изгородь. Значит, север там, а центр лабиринта, как известно, — на северо-западе. Самое лучшее — свернуть влево и при первой возможности взять правее.

Впереди по-прежнему никого. Гарри свернул направо, и там пусто, никаких препятствий. Гарри стал нервничать — всё ещё ни одной опасности. Тут что-то не то! Лабиринт как будто заманивал в ловушку, усыпляя внимание. За спиной что-то прошуршало. Гарри выставил вперёд палочку и обернулся, готовый отразить нападение. В луче света возник Седрик, выскочивший откуда-то справа. Его всего трясло, рукав мантии дымился.

— Это соплохвосты Хагрида! — прошептал он. — Гигантские! Я еле от них отбился!

Седрик кивнул и исчез за очередным поворотом. Гарри чуть не бегом устремился вперёд — от соплохвостов лучше держаться подальше! На следующей развилке свернул за угол и увидел…

Навстречу ему скользит дементор. Высотой больше трёх метров, лицо спрятано под капюшоном, гниющие чешуйчатые руки выставлены вперёд. Дементор явно чувствует его присутствие и движется прямо на него. Гарри услыхал его хриплое дыхание, на лице проступил холодный пот, но он знал, что делать…

Сосредоточился на самой счастливой мысли — лабиринт с его ужасами позади и они с Роном и Гермионой празднуют окончание Турнира. Гарри поднял палочку и воскликнул:

— *Экспекто патронум!*

Из дула палочки вырвался серебряный олень и поскакал навстречу дементору, который при виде оленя сделал шаг назад и запутался в полах плаща. Гарри ещё никогда не видел, чтобы дементору помешал плащ.

— Подожди! — крикнул он вдогонку патронусу. — Это же боггарт! *Риддикулус!*

Боггарт с громким треском взорвался и растаял в облачке дыма. Серебряный олень, к сожалению, тоже исчез, от такой бы компании Гарри не отказался… Но делать нечего, надо спешить. Гарри прислушался и, беззвучно ступая, двинулся вперёд, держа палочку над головой.

Налево… направо… снова налево… два раза

упёрся в тупик. Опять применил заклинание Компаса. Палочка показала, что он слишком уклонился к востоку. Вернулся к развилке, свернул направо и увидел перед собой странный золотистый туман. Гарри осторожно подошёл и осветил его. Похоже на какие-то чары. Интересно, нельзя ли его взорвать?

— *Редукто!* — воскликнул он.

Заклинание пронзило туман насквозь, не причинив ему никакого вреда. Как же он забыл: заклятие предназначено для твёрдых тел! Что будет, если просто взять и пройти сквозь этот туман? Но стоит ли рисковать? Может, лучше вернуться и пойти в обход?

Колебания прервал раздавшийся неподалёку вопль.

— Флёр! — крикнул Гарри.

Опять тишина. Он огляделся по сторонам. Что с ней? Вопль явно донёсся откуда-то спереди. Гарри глубже вдохнул и ринулся в золотистую дымку.

Мир тут же перевернулся вверх ногами. Гарри висел на земле вниз головой, волосы дыбом, очки висят на дужках, того и гляди упадут в бездонное небо. Он тут же схватил их, прижал к носу и, преисполненный ужаса, замер. Ноги его как будто приклеились к траве, ставшей зелёным потол-

ком. А внизу тонуло в бесконечности усыпанное звёздами небо. Оторви он от травы ногу и сделай шаг, он навсегда распростится с землёй.

«Думай, — приказал он себе, чувствуя, как кровь приливает к лицу, — думай!»

Но он не знал ни единого заклинания, которое могло вернуть на место небо и землю. Решится ли он шагнуть?

Он слышал, как стучит в висках кровь. Выбор прост: или двинуться вперёд вверх ногами, или бросить в небо сноп красных искр, подождать помощи и выбыть из Турнира.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть бездонной отвесной пустоты и осторожно оторвал правую ногу от зелёного потолка.

Мир тут же вернулся на привычное место. Гарри рухнул на колени, почувствовав упоительно твёрдую, сырую от росы землю. От пережитого потрясения всё его тело на миг превратилось в студень. Он несколько раз глубоко вдохнул, успокоился, поднялся на ноги и, выйдя из золотистой дымки, оглянулся: дымка невинно мерцала в лунном свете.

У развилки Гарри остановился посмотреть, не видно ли каких-нибудь следов Флёр. Он был уверен, что слышал её крик. С чем она столкнулась?

Что с ней? Сигнала бедствия не было, но это ещё ничего не значит. Может, всё обошлось, и она движется дальше. Не исключено, однако, что она в беде, и даже палочку поднять не в состоянии. Гарри свернул вправо, беспокоясь всё сильнее. И в то же время глубоко в подсознании мелькнула мысль: одним участником меньше…

Судя по крику, Флёр, наверняка, выбыла из игры. Кубок где-то рядом, он почти до него дошёл. А что, если он и правда победит? На мгновение Гарри опять увидел себя с Кубком в руках перед всей школой, — первый раз с той минуты, как услыхал своё имя среди чемпионов…

Минут десять не было ничего, кроме тупиков. Дважды свернул не туда в одном и том же месте. Наконец-то незнакомая дорожка, Гарри бросился бежать. Пламя на конце палочки колебалось. И тень его, меняя очертания, прыгала по живой изгороди. Ещё поворот, и он… очутился нос к носу с соплохвостом.

Седрик не преувеличил: соплохвост был гигантский и напоминал трёхметрового скорпиона. Огромное изогнутое жало покоилось на спине, нацелив сопло прямо на Гарри, толстый панцирь тускло поблёскивал в свете волшебной палочки.

— Остолбеней!

Заклинание отлетело рикошетом от бронированного гада — Гарри едва успел нагнуться. Соплохвост выстрелил в ответ огнём и полетел навстречу обидчику. Запахло палёными волосами.

— *Замри!* — крикнул Гарри. И это заклинание срикошетило.

Гарри поспешно отступил, потерял равновесие и упал.

— *Замри!*

Соплохвост в нескольких дюймах от него замер. Заклинание попало в мягкое, не защищённое бронёй брюхо. Тяжело дыша, Гарри оттолкнул неподвижное чудище и со всех ног бросился бежать: Чары помех действуют недолго, минут через пять соплохвост опять станет опасен.

Он свернул влево и упёрся в тупик, свернул направо — ещё тупик. Гарри остановился, перевёл дух и приказал палочке определить стороны света. Затем вернулся к развилке, взял направление на северо-запад и бросился было вперёд. Но ноги вдруг приросли к земле — такое он услыхал за изгородью.

— Что ты делаешь? — кричал Седрик. — Ты что, гад, делаешь?

И следом голос Крама:

— *Круцио!*

В тот же миг уши его пронзил отчаянный вопль Седрика. Потрясённый Гарри рванул вперёд, только бы не ошибиться поворотом! Никаких поворотов впереди не было. Осталось одно — Взрывное заклятие. Заклятие подействовало, правда, не очень сильно, в изгороди образовалась неглубокая дыра, Гарри сунул в неё ногу, навалился всем телом, колючее сплетение ежевики затрещало, ветви сломались, и открылось отверстие. Гарри пролез в него, порвав мантию, глянул направо: на земле извивался от боли Седрик, над ним стоял Крам.

Услыхав треск, Крам повернул голову и сорвался с места, но Гарри успел нацелить палочку.

— *Остолбеней!* — крикнул он.

Заклинание поразило Крама в спину, он на мгновение замер и рухнул ничком в траву. Гарри бросился к Седрику. Он уже перестал извиваться и теперь лежал, тяжело дыша и спрятав лицо в ладони.

— Всё в порядке? — Гарри схватил руку Седрика.

— Да, — выдохнул Седрик. — Не могу поверить… он подкрался сзади… я услыхал, обернулся… а он уже и палочку на меня направил…

Он поднялся на ноги. Его трясло.

— Просто не верится… мне казалось, он ничего… — Гарри глядел на распростёртого соперника.

— Мне тоже.

— Ты слышал, как кричала Флёр? — спросил Гарри.

— Слышал, — ответил Седрик. — Ты думаешь, Крам мог и её…

— Не знаю, — медленно произнёс Гарри.

— Ну что, оставим его здесь?

— Нет, — возразил Гарри. — Наверное, лучше всего послать сноп искр. Патрульные подойдут и заберут его. Тут его соплохвост сожрёт.

— И поделом, — сказал Седрик, но всё же поднял палочку и пустил в небо сноп красных искр. Искры рассыпались облачком и зависли над тем местом, где лежал Крам.

Несколько секунд Гарри с Седриком стояли в темноте, оглядываясь по сторонам.

— Ладно, — сказал Седрик. — Идём дальше…

— Что? — спросил Гарри. — А… да… конечно.

Странный это был миг. Только что Крам сплотил их.

И вот опять соперники. Оба молча устремились вперёд по тёмной дорожке, на развилке Гарри

свернул влево, Седрик направо. Скоро шаги Седрика стихли.

Гарри шёл, время от времени сверяясь с палочкой-компасом. Теперь он состязается только с Седриком, и ему вдруг, как никогда, захотелось одержать победу. Но в голове копошилась одна мысль. Как мог Крам решиться применить против человека Непростительное заклятие? Грюм сказал на уроке, что за это отправляют в Азкабан до конца жизни. Вряд ли Крам такой ценой хотел выиграть Кубок… Гарри прибавил шагу.

Теперь тупики попадались всё чаще. В лабиринте стало темно, хоть глаз выколи, значит, скоро центр, конец состязания. На длинном, прямом отрезке пути опять почудилось шевеление, и свет палочки озарил существо, которое он знал только по картинке в «Чудовищной книге о чудовищах».

Это был сфинкс с телом огромного льва, головой женщины, тяжёлыми когтистыми лапами и длинным жёлтым хвостом с коричневой кисточкой на конце. Когда Гарри приблизился к женщине-львице, она оборотила к нему могучую голову и уставилась большими миндалевидными глазами. Гарри нерешительно поднял палочку. Но львица с женским лицом не присела в прыж-

ке, а просто ходила туда-сюда поперёк дорожки, загораживая проход.

— Ты близок к цели, — произнесла она низким, хрипловатым голосом. — Кратчайший путь лежит именно здесь.

— Может… может, тогда вы меня пропустите? — спросил Гарри, догадываясь, каков будет ответ.

— Нет, конечно, — ответила она, не останавливаясь. — Отгадай мою загадку, тогда пропущу. Отгадаешь с первой попытки — путь открыт. Не отгадаешь — нападу. Ничего не ответишь — пойдёшь назад, восвояси.

У Гарри засосало под ложечкой: разгадывать загадки — конёк Гермионы. Он прикинул, велик ли риск. Ну не сможет он разгадать загадку, не беда, — промолчит и всё. Сфинкс его отпустит, и он поищет другой путь к Кубку.

— Ладно, — сказал он. — Слушаю вашу загадку.

Женщина-львица уселась посреди дорожки и произнесла такой стих:

Мой первый слог проворней всех слывёт по праву

Он очень быстр на руку, ногу и расправу;

Второй мой слог есть плод окружно-

сти решений

Её с диаметром законных отношений.

Мой третий слог — абстрактно названный мужчина

Ни цвета кожи, ни фамилии, ни чина.

Сложив их вместе, существо ты образуешь,

Какое ты скорей умрёшь, чем поцелуешь.

— А можно… можно ещё раз, только чуть-чуть помедленнее? — вежливо попросил он.

Сфинкс моргнула, загадочно улыбнулась и повторила загадку.

— Значит, из подсказок получится чудище, которое я лучше умру, чем поцелую? — спросил Гарри.

Сфинкс благосклонно улыбнулся. Гарри решил, что это утвердительный ответ, и принялся лихорадочно думать. Существует множество тварей, которых он, хоть убей, не поцеловал бы. Например, соплохвост. Но загадка сфинкса явно о ком-то другом. Пожалуй, начать надо с подсказок. Какой там первый слог, быстрый? Быстрый, скорый… Ну ладно, потом ещё можно подумать.

— Э-э… не могли бы вы повторить следующую

строчку?

Она повторила.

— Окружности решений… — повторил Гарри. — Её с диаметром законных отношений… ерунда какая-то. А можно мне ещё последнюю подсказку?

Сфинкс повторила.

— Абстрактно названный мужчина… — пробормотал Гарри. — Мужчина, мужчина, он… Ага! Это «он»!

Сфинкс улыбнулась ему.

— Так, значит, первый слог быстр, то есть скор… так-так… Скор… он… Скор… он, — повторял Гарри, меряя шагами дорожку. — Существо, которое я не хотел бы поцеловать… Скорпион!

Сфинкс расплылась в улыбке, поднялась на ноги и посторонилась.

— Спасибо! — воскликнул Гарри, потрясённый собственной сообразительностью, и рванул вперёд.

Он наверняка у цели, наверняка… палочка сказала, он на верном пути… Если больше ничего страшного не случится, он выиграл…

Снова развилка.

— Направление, — прошептал он, палочка, сделав круг, указала направо. Гарри бросился по

правой дорожке, в конце которой скоро забрезжил неяркий свет.

И Гарри увидел: метрах в трёхстах от него на невысокой тумбе сияет вожделенный Кубок. Гарри прибавил ходу, но тут из-за кустов слева, опережая его, на дорожку выскочил Седрик.

Седрик будет у Кубка первый! Он несётся изо всех сил. Ноги у него длинные, рост выше. Гарри никогда его не догнать. Но что это? Возвышаясь над кромкой изгороди, по дорожке, пересекающейся с той, по которой бегут они, что-то огромное стремительно движется в их сторону. Ещё мгновение и Седрик столкнётся с чудовищем!

— Седрик! — заорал Гарри. — Слева!

Седрик вовремя оглянулся — он ещё успеет перед самым носом чудовища миновать поворот и избежать столкновения! Но как будто ему кто ножку подставил, Седрик споткнулся и на полной скорости рухнул на землю. Палочка вылетела из руки. И тут же из-за угла вышел огромный паук и двинулся к Седрику.

— *Остолбеней!* — крикнул Гарри.

Заклинание ударило в огромное волосатое тело, но он с таким же успехом мог бы попасть в него камнем. Паук слегка покачнулся, забыл про Седрика и устремился к Гарри.

— *Остолбеней! Замри!*

Бесполезно. Паук был то ли слишком велик, то ли его волшебный заряд был слишком силён, но заклинания только раздразнили его. На какой-то миг Гарри, похолодев, увидел над собой восемь сверкающих чёрных глазок, щёлкнули острые как бритва челюсти. И паук, схватив его передними лапами, поднял вверх. Гарри отчаянно брыкался, нога коснулась челюсти, и её пронзила нестерпимая боль.

— *Остолбеней!* — теперь уже крикнул Седрик, но и его заклинание оказалось бессильно. Паук вновь раскрыл челюсти, Гарри последним усилием поднял палочку.

— *Экспеллиармус!* — воскликнул он.

Сработало — паук выпустил Гарри, и он с высоты трёх метров спикировал на покалеченную ногу. Не мешкая, направил палочку пауку в брюхо, точно так же, как соплохвосту минут десять назад.

— *Остолбеней!* — раздались сразу два голоса: Седрик уже вооружился своей палочкой.

И два заклинания сокрушили мощь паука — он повалился набок, расплющив изгородь, ворох мохнатых лап перегородил дорожку.

— Гарри! Ты в порядке? Он не раздавил тебя? —

услыхал Гарри.

— Нет, — крикнул в ответ Гарри, тяжело дыша.

Нога у него кровоточила, разорванная мантия испачкана густой липкой слизью, наверное, из челюстей паука. Гарри хотел подняться, но ступить на дрожащую, всю в крови, ногу было выше всяческих сил. Всё же он заставил себя встать и, переведя дыхание, ухватился за изгородь.

Кубок Трёх Волшебников поблёскивал в двух шагах за спиной у Седрика.

— Бери Кубок, — тяжело выдохнул Гарри. — Скорее бери. Ты рядом.

Но Седрик не двигался. Он просто стоял и смотрел на Гарри, потом обернулся и взглянул на Кубок. Гарри видел, как ему хочется шагнуть вперёд, взять в руки главный приз Турнира. Но Седрик снова повернулся к Гарри и, собравшись с духом, отчеканил:

— Нет, иди ты бери. Ты выиграл. Сегодня ты дважды спас мне жизнь.

— Это к Турниру не относится, — ответил Гарри. В душе у него бушевали противоречивые чувства: нога болела, все кости ныли после борьбы с пауком. Седрик снова опередил его, так же как опередил, пригласив Чжоу на бал, но он гнул своё. — Говорю тебе, я не буду играть в догонялки

на вывихнутой ноге. Побеждает тот, кто первый коснётся Кубка. И это будешь ты.

Седрик сделал несколько шагов в сторону оглушённого паука, увеличивая расстояние между собой и Кубком, и покачал головой:

— Ни за что!

— Перестань играть в благородство. Не тяни время, бери Кубок. Надо как-то выбираться отсюда.

Седрик смотрел, как Гарри, держась за изгородь, пытается устоять на ногах.

— Ты рассказал мне про драконов, — возразил Седрик. — Если бы не это, я провалился бы ещё на первом задании.

— Мне тоже помогли. — Гарри пытался стереть кровь с ноги подолом мантии. — А ты мне помог с яйцом, так что мы квиты.

— Но и мне помогли с яйцом.

— Ну и что? Мы всё равно квиты, — ответил Гарри, пытаясь осторожно опереться на больную ногу. Нога предательски дрожала. Конечно, он её вывихнул, упав с трёх метров.

— Тебе за второе задание полагалось больше очков, — не сдавался Седрик. — Ты остался на дне, чтобы освободить всех заложников до одного. Я мог бы поступить так же.

— Я — единственный дурак, кто принял ту песенку всерьёз! — в голосе Гарри звучала горечь. — Бери Кубок!

— Нет.

Переступив через паучьи лапы, Седрик встал рядом с Гарри, который смотрел на него во все глаза. Седрик был очень серьёзен. Он понимал, что отказывается от славы, которой его факультет не видал уже несколько веков.

— Иди, — твёрдо сказал Седрик. Судя по лицу, решение далось ему не легко, но оно было принято бесповоротно: он стоял с каменным лицом, скрестив руки на груди, и не отрываясь смотрел на Гарри.

Гарри перевёл взгляд с Седрика на Кубок. На одно сияющее мгновение он представил себе, как выходит из лабиринта с Кубком в руках. Поднимает Кубок над головой, слышит рёв толпы, видит сияющее от восторга лицо Чжоу — так ясно, так близко… Картина растаяла, на её месте возникло хмурое, упрямое лицо Седрика.

— Давай пойдём оба, — сказал Гарри.

— Что?

— Вместе его возьмём. Это не только наша с тобой победа. Это победа Хогвартса. Мы её завоевали вдвоём.

Седрик изумлённо смотрел на Гарри.

— Ты… ты уверен?

— Да, — ответил Гарри. — Да… мы ведь всё время помогали друг другу. И добрались сюда оба одновременно. Так что и возьмём его вместе.

Седрик, казалось, не верит своим ушам, но ещё миг — и лицо его просияло счастливой улыбкой.

— Отлично, — сказал он. — Идём.

Он взял Гарри под локоть и помог ему доковылять до тумбы, где стоял желанный трофей. Оба протянули руки к сияющим ручкам Кубка.

— На счёт три, ладно? — предложил Гарри. — Один… два… три!

И они вместе коснулись Кубка.

В то же мгновение Гарри почувствовал знакомый рывок где-то под ложечкой. Ноги оторвались от земли. Рука, крепко держащая Кубок, не разжималась. Кубок куда-то понёс его сквозь завывание ветра и пёстрый вихрь красок, и вместе с ним бок о бок летел Седрик.

Глава 32
Кость, плоть и кровь

Гарри резко приземлился, вывихнутая нога подогнулась, и он рухнул на землю. Рука, наконец, оторвалась от Кубка. Гарри поднял голову.

— Где мы? — спросил он.

Седрик молча покачал головой. Помог Гарри подняться, и оба огляделись.

Местность вокруг ничем не напоминала Хогвартс. Не было гор, окружавших замок, похоже, они преодолели несколько миль, может даже сотню. Они стояли посреди тёмного густо заросшего кладбища, справа за огромным тисом чернел силуэт небольшой церкви. Слева — холм, на склоне которого старый красивый особняк.

Седрик посмотрел на Кубок Трёх Волшебников.

— Тебе кто-нибудь говорил, что этот Кубок — портал?

— Нет, — ответил Гарри. Он с любопытством оглядел кладбище. Кругом тихо-тихо и как-то нереально. — Это что — часть задания?

— Не знаю. — Седрик явно нервничал. — Достанем палочки?

Гарри согласился. Он был рад, что это предложил Седрик. Оба вынули палочки. Гарри всё оглядывался, и опять явилось странное ощущение, что за ними следят.

— Смотри, кто-то идёт, — вдруг сказал он. Отчаянно всматриваясь в темноту, они заметили, как медленно, огибая могилы, к ним приближается человек. Роста невысокого, лицо скрыто капюшоном, в руках свёрток, который он несёт с осторожностью. Расстояние между ними сокращалось, человек подошёл совсем близко, и Гарри увидел, что у него на руках младенец… а может, просто свёрток с одеждой?

Гарри опустил палочку, посмотрел на Седрика. Седрик ответил озадаченным взглядом. И оба воззрились на коротышку-незнакомца, который остановился шагах в двух возле высокого мраморного надгробья. Секунду-другую все трое не спускали друг с друга глаз.

И тут случилось то, чего Гарри меньше всего ожидал: шрам взорвался такой болью, какой он никогда прежде не испытывал. Палочка выпала, он закрыл лицо руками, и упал на траву, как подкошенный. Он ничего не видел, чувствовал только, что голова раскалывается от боли.

Откуда-то издалека, сверху донёсся холодный,

пронзительный голос:

— Убей лишнего.

Послышался свистящий звук, и в темноте проскрипел другой голос:

— *Авада Кедавра!*

Вспышка зелёного света обожгла сквозь веки глаза, и Гарри услышал, как рядом рухнуло что-то тяжёлое. Боль в шраме стала невыносимой, его вырвало, и стало немного легче. Гарри со страхом открыл слезящиеся глаза.

Рядом с ним распластался Седрик. Он был мёртв.

Гарри казалось, он целую вечность всматривается в лицо Седрика, в его широко распахнутые серые глаза, пустые, как окна нежилого дома, в полуоткрытые губы, удивлённое лицо. На самом деле прошло лишь мгновение, и не успел он осознать происшедшее, его леденящую невозможность, как почувствовал, что его ставят на ноги.

Коротышка в плаще положил свёрток на землю, достал волшебную палочку и потащил Гарри к мраморному надгробью. Затем развернул его и прислонил к камню спиной. Но Гарри всё-таки успел заметить при слабом мерцании палочки высеченное на камне имя «ТОМ РЕДДЛ».

Из палочки незнакомца потянулись верёвки, и он начал привязывать Гарри к надгробью. Под капюшоном слышалось прерывистое, лихорадочное дыхание. Гарри попытался сопротивляться, но коротышка ударил его кулаком, и Гарри заметил: на руке у него не хватает пальца. Так вот кто на них напал — старый приятель Хвост.

— Ты! — выдохнул Гарри.

Хвост ничего не ответил. Он кончил колдовать с верёвками и теперь трясущимися руками ощупывал каждый узел, проверяя, крепко ли Гарри привязан. Убедившись, что Гарри не может шевельнуть ни рукой, ни ногой, Хвост вытащил из-под плаща чёрную тряпку и грубо запихал её в рот пленнику. Затем, так же молча, обошёл Гарри и скрылся у него за спиной. Гарри не мог повернуть головы и видел лишь то, что перед ним.

Шагах в десяти тело Седрика. Сразу за ним в свете звёзд блестит Кубок. Палочка Гарри у самых его ног. Свёрток, замотанный в мантию — Гарри подумал, что это младенец, — рядом с надгробьем. Кажется, и правда в нём кто-то есть: свёрток неуклюже зашевелился. Гарри смотрел на него, шрам снова обожгла боль, и он вдруг отчётливо понял — он не хочет знать, что в свёртке, не хочет, чтобы Хвост его развернул…

Под ногами раздался шорох. Гарри глянул вниз: по траве вокруг надгробья скользит огромная змея. Снова послышалось быстрое, прерывистое дыхание Хвоста. Похоже, он тащит что-то тяжёлое. Вот он опять в поле зрения, волочит каменный котёл, в котором слышится плеск воды. Котёл огромный, в нём бы уместился крупный мужчина; таким Гарри не приходилось пользоваться.

Свёрток, лежащий на земле, зашевелился сильнее. Находящееся там существо, казалось, рвётся наружу. Хвост сунул под котёл волшебную палочку, и оттуда выстрелили языки пламени. Змея поспешно уползла в темноту.

Жидкость в котле нагрелась быстро. Не прошло и пяти минут, как она уже кипела вовсю, бросая вверх пунцовые искры, словно тоже воспламенилась. Пар становился всё гуще, и скоро фигура у костра превратилась в расплывчатое пятно. Кто-то в свёртке теперь уже лихорадочно метался. И Гарри снова услышал пронзительный, ледяной голос:

— Скорее!

Кипящая поверхность жидкости вся превратилась в искры и сверкала, точно усыпанная бриллиантами.

— Всё готово, хозяин.

— Пора… — изрёк ледяной голос.

Хвост развернул свёрток, не поднимая с земли; увиденное исторгло бы из груди Гарри пронзительный вопль, не будь у него во рту чёрного кляпа.

Как будто Хвост, споткнувшись о камень, вывернул его из земли, и под ним оказалось что-то вроде скользкого слепого червя, нет, в миллион раз хуже. Принесённое Хвостом на кладбище существо напоминало скорчившегося младенца. Но только очертаниями, во всём остальном оно ни капли не походило на человеческого детёныша. Чешуйчатое безволосое тело цвета сырого мяса, слабые, тонкие ручки и ножки, а лицо — такого ни у одного ребёнка отродясь не было — приплюснутое, как у змеи, с блестящими красноватыми глазами-щёлками.

Существо казалось почти беспомощным. Оно протянуло ручки к Хвосту, обняло за шею, и Хвост его поднял.

В этот миг капюшон упал у него с головы, и Гарри увидел на бледном лице крайнее отвращение. Хвост поднял свою ношу над котлом и искры, танцующие на поверхности жидкости, осветили на мгновение плоское злобное лицо. Хвост опу-

стил существо в котёл, и оно с шипением исчезло. Гарри услышал, как тельце мягко стукнулось о каменное дно котла.

Пусть, пусть он утонет, стучало в голове Гарри. Шрам его разрывался от невыносимой боли… Пожалуйста… Пусть утонет…

И тут Хвост заговорил. Голос его дрожал, выдавая панический страх. Он поднял палочку, закрыл глаза и с трудом произнёс:

— Кость отца, отданная без согласия, возроди своего сына!

К ужасу Гарри земля у него под ногами разверзлась, оттуда выпорхнула тонкая струйка праха и, повинуясь мановению палочки, нырнула в кипящую жидкость. Сверкающая поверхность, зашипев, лопнула, искры разметало по сторонам, и жидкость в котле стала ядовито-голубой.

Поскуливая от ужаса, Хвост вытащил из-под плаща длинный тонкий серебряный кинжал и снова заговорил, на сей раз каждое слово сопровождая истеричным всхлипом:

— П-плоть… слуги… отданная д-добровольно… оживи… своего… хозяина!

Вытянул перед собой правую руку, ту, на которой нет пальца, крепко сжал кинжал в левой и замахнулся.

Гарри мгновенно понял, что сейчас будет, и успел зажмуриться. Но уши-то он не мог зажать и невольно услыхал безумный вопль, пронзивший его сердце, как будто Хвост ударил и его кинжалом. Что-то со стуком упало на землю, Хвост тяжело задышал, и тут же раздался всплеск зелья, вызвавший у Гарри приступ дурноты. Он не смог открыть глаза… но даже сквозь веки увидел — зелье стало кроваво-красным…

Хвост всхлипывал и скулил от боли. Гарри вдруг почувствовал на лице чужое дыхание и понял, что Хвост подошёл вплотную к нему.

— К-кровь недруга… взятая насильно… воскреси… своего врага!

Гарри не мог ему воспротивиться — слишком крепко был связан. Скосив глаза, тщетно пытаясь выпутаться из верёвок, увидел, как трясётся серебряный кинжал в оставшейся руке Хвоста. Острый конец проколол кожу на сгибе локтя, и по разорванной мантии потекла тёплая кровь. Всё ещё хрипло дыша от боли, Хвост вынул из кармана стеклянный пузырёк и поднёс к ране Гарри, пузырёк быстро наполнился.

Пошатываясь, Хвост вернулся к котлу и плеснул в него кровь. Жидкость мгновенно стала ослепительно белой. Покончив с приготовлением зелья,

Хвост без сил упал на колени и тут же кулём повалился на землю. Он лежал скорчившись, баюкая кровавый обрубок, и тихо постанывал.

Котёл кипел, сверкающие искры летели во все стороны, от их слепящего блеска всё вокруг погрузилось в непроглядную черноту. Ничего не происходило…

Пусть утонет, пусть произойдёт ошибка, молил Гарри.

Но искры погасли, из котла взметнулся столб белого пара, он становился всё гуще, и Гарри больше не видел ни Хвоста, ни Седрика — пар затопил всё.

…Зелье не вышло… он утонул… пожалуйста… пожалуйста… пусть он умрёт…

Вот уже в облаке пара, идущего из котла, начали возникать очертания высокого, худого, как скелет, человека, и Гарри окатила леденящая волна ужаса.

— Одень меня, — произнёс он пронзившим сердце голосом.

Всхлипывая и прижимая к груди изуродованную руку, Хвост с трудом встал на ноги, поднял левой рукой с земли чёрный плащ с капюшоном и одной рукой накинул его на голову и плечи хозяина.

Живой скелет ступил из котла на землю, не сводя глаз с Гарри. А Гарри не мог отвести взгляд от бледного как смерть лица. Три года его преследовали в ночных кошмарах эти красные злобные глаза, тупой змеиный нос, узкие щёлки ноздрей…

Лорд Волан-де-Морт возродился.

Глава 33
Пожиратели смерти

Волан-де-Морт отвёл взгляд от Гарри и принялся осматривать собственное тело. Его кисти напоминали больших белых пауков; его длинные бледные пальцы ощупывали грудь, руки, лицо. Красные глаза, зрачки которых, подобно кошачьим, превратились в щёлочки, горели в темноте ещё пронзительнее. Охваченный восторгом, он вытянул вперёд руки и начал сгибать и разгибать пальцы, не обращая ни малейшего внимания ни на окровавленного, лежащего на земле Хвоста, ни на огромную змею, которая снова приползла и обвилась вокруг памятника с привязанным к нему Гарри. Волан-де-Морт запустил одну из своих неестественно длинных рук в карман мантии и вытащил оттуда волшебную палочку. Он нежно погладил её, а потом поднял и направил на Хвоста. Тот в мгновение ока взлетел в воздух и рухнул к подножию памятника, к которому был привязан Гарри. Всхлипы и стоны стали громче. Волан-де-Морт поднял свои багровые глаза на Гарри и засмеялся пронзительным, ледяным

смехом.

Хвост обернул свой обрубок мантией, и теперь она блестела от пропитавшей её крови.

— Милорд… — задыхаясь, простонал он, — милорд… вы обещали… вы же обещали…

— Протяни руку, — процедил небрежно Волан-де-Морт.

— Хозяин… спасибо, хозяин…

Хвост протянул свой окровавленный обрубок, но Волан-де-Морт снова захохотал:

— Другую руку, Хвост.

— Хозяин, пожалуйста… пожалуйста…

Волан-де-Морт наклонился над своим слугой, дёрнул вперёд его левую руку и одним движением задрал рукав мантии выше локтя. Гарри увидел на коже какой-то знак, похожий на красную татуировку, в которой, приглядевшись, узнал Чёрную Метку, такую же, как появилась в небе во время Чемпионата мира: череп с вылезающей изо рта змеёй. Волан-де-Морт внимательно осмотрел Метку, не замечая громких всхлипов Хвоста, которые уже превращались в судорожные рыдания.

— Она снова здесь, — тихо произнёс он, — они снова её заметят… теперь мы посмотрим… теперь мы узнаем…

И он прижал свой длинный указательный палец к Метке на руке Хвоста.

Шрам на лбу Гарри снова обожгла боль, а от вопля Хвоста зазвенело в ушах. Волан-де-Морт убрал палец, и Гарри увидел, что Метка стала угольно-чёрной.

С выражением злобного удовлетворения на лице Волан-де-Морт выпрямился и огляделся вокруг.

— Сколько же их соберётся с силами и явится сюда, когда они почувствуют это? — прошептал он, запрокидывая голову и всматриваясь в звёзды. — И сколько окажется глупцов, которые решат держаться подальше отсюда?

Он стал расхаживать взад-вперёд перед Гарри и Хвостом, то и дело окидывая взглядом кладбище. Через минуту-другую он снова посмотрел на Гарри, остановился, и жестокая улыбка исказила его змееподобное лицо.

— Ты, Гарри Поттер, стоишь на останках моего покойного отца, — тихо прошипел он. — Он был маглом и дураком… как и твоя дорогая мамочка. Но они оба пригодились нам, не правда ли? Твоя мать погибла, защищая тебя… а я сам убил своего отца, и посмотри, как он мне помог, уже будучи покойником…

Волан-де-Морт снова расхохотался и принялся мерить шагами кладбище, а змея скользила за ним в траве.

— Видишь этот дом на склоне холма, Поттер? Там жил мой отец. Моя мать, колдунья, жила в этой деревне и влюбилась в него. Но он бросил её, когда она рассказала ему кто она такая… Он не любил магию, мой папаша… Он бросил её и вернулся к своим маглам-родителям ещё до моего рождения, Поттер, а она умерла, родив меня, и я вырос в магловском приюте… Но я поклялся найти его… я отомстил ему, этому дураку, который дал мне своё имя… Том Реддл…

Он не останавливался ни на минуту переводя взгляд с одной могилы на другую.

— Послушать только, как я тут рассказываю историю моей семьи… — тихо заметил он. — Похоже, я становлюсь сентиментальным… Смотри, Гарри! Вот возвращается моя настоящая семья…

Внезапно ночную тишину нарушил шорох развевающихся мантий. Среди могил, под огромным тисом, везде, где была тень, возникали фигуры волшебников. Все они были в масках, на головах у них были капюшоны. Один за другим они двигались к ним… медленно, осторожно, как будто не веря своим глазам. Волан-де-Морт молча стоял

посреди кладбища и глядел на них. Наконец один из Пожирателей смерти упал на колени, подполз к Волан-де-Морту и поцеловал подол его чёрной мантии.

— Хозяин… хозяин… — пробормотал он.

Остальные Пожиратели смерти сделали то же самое. Один за другим они подползали на коленях к Волан-де-Морту и целовали его мантию прежде, чем подняться и отойти в сторону. Мало-помалу они образовали круг, внутри которого находились могила Тома Реддла, Гарри, Волан-де-Морт и корчащийся на земле, всхлипывающий Хвост. В этом кругу были прогалины, как будто они оставили место для кого-то ещё. Но сам Волан-де-Морт, похоже, никого больше не ожидал. Он внимательно оглядел скрытые капюшонами лица и хотя никакого ветра не было, по кругу пробежал тихий шорох, как будто все стоящие в нём вздрогнули.

— Добро пожаловать, Пожиратели смерти, — тихо сказал Волан-де-Морт. — Тринадцать лет… прошло тринадцать лет со дня нашей последней встречи. И всё же вы ответили на мой зов будто это было вчера… значит, нас всех по-прежнему объединяет Чёрная Метка? Или нет?

Он снова запрокинул к небу своё ужасное лицо

и с шумом втянул воздух. Его щёлочки-ноздри раздулись.

— Я чую вину, — произнёс он. — Воздух насквозь провонял виной.

Стоящие в кругу снова вздрогнули: каждый как будто пытался и не смел сделать шаг назад.

— Я вижу, вы живы и здоровы, силы ваши не иссякли — вы так быстро прибыли! — и я спрашиваю себя… а почему этот отряд волшебников так и не пришёл на помощь своему хозяину, которому они клялись в вечной верности?

Никто не произнёс ни слова. Никто не шевельнулся, если не считать Хвоста, который лежал на земле, всхлипывая и баюкая свой кровоточащий обрубок.

— И я отвечаю, — продолжил Волан-де-Морт свистящим шёпотом, — они, должно быть, поверили, что я повержен, что я погиб. Они снова вернулись в стан моих врагов, и клялись в своей невиновности, в том, что они ничего не знали, что были околдованы… И я спрашиваю себя: как они могли поверить, что я не восстану вновь? Те, кто знал, как я защитил себя от смерти? Те, кто своими глазами видели доказательства моей безмерной силы, когда я был самым могущественным из всех теперешних волшебников? И

я отвечаю: может, они поверили, что существует ещё более могучая сила, которая может уничтожить даже лорда Волан-де-Морта… может, они теперь клянутся в верности другому… может, этому защитнику грязнокровок и простецов Альбусу Дамблдору?

При упоминании имени Дамблдора стоящие в кругу зашевелились, послышалось бормотание, кое-кто покачал головой.

Волан-де-Морт не обратил на них внимания.

— Я разочарован… признаюсь, я весьма разочарован…

Один из Пожирателей смерти неожиданно бросился вперёд и рухнул к ногам Волан-де-Морта. Тело его сотрясала дрожь.

— Хозяин! — крикнул он. — Хозяин, прости меня! Прости нас всех!

Волан-де-Морт с хохотом поднял палочку и произнёс:

— *Круцио!*

Пожиратель смерти начал извиваться и кричать от боли. Гарри был уверен, что эти крики не могут не услышать жители деревни… пусть появится полиция, промелькнула у него отчаянная мысль… кто-нибудь… что-нибудь…

Волан-де-Морт снова поднял палочку. Измучен-

ный Пожиратель смерти перестал корчиться и лежал на спине, тяжело дыша.

— Встань, Эйвери, — тихо сказал Волан-де-Морт. — Встань. Ты просил прощения? Я не прощаю. И я ничего не забываю. Тринадцать долгих лет… Тринадцать лет верной службы — и тогда, может быть, я вас прощу… А вот Хвост уже оплатил часть своего долга, правда, Хвост?

Он бросил взгляд на Хвоста, который продолжал всхлипывать.

— Ты вернулся ко мне не доказать свою верность. Ты вернулся, потому что испугался своих старых друзей. Ты заслужил эту боль, Хвост. И ты знаешь это, правда?

— Да, хозяин, — простонал Хвост. — Пожалуйста, хозяин… умоляю…

— И всё же ты помог мне снова обрести тело, — холодно продолжал Волан-де-Морт, глядя как всхлипывает лежащий на земле Хвост. — Каким бы бесполезным предателем ты ни был, ты всё же помог мне… а лорд Волан-де-Морт награждает тех, кто ему помогает…

Волан-де-Морт снова поднял палочку и взмахнул ею. В воздухе остался след, похожий на расплавленную полосу серебра. Через мгновение бесформенная полоса превратилась в сверкаю-

щую копию человеческой кисти. Сияя в темноте, как луна, кисть тут же опустилась и приросла к окровавленному запястью Хвоста.

Всхлипывание мгновенно прекратилось. Тяжело дыша, Хвост поднял голову и, не веря своим глазам, смотрел на серебряную кисть, так безупречно соединённую с его собственной рукой, что, казалось, он надел ослепительно сияющую перчатку. Он согнул и разогнул серебряные пальцы, а потом, дрожа, поднял с земли какой-то прутик и растёр его в порошок.

— Милорд, — прошептал он. — Хозяин… она прекрасна… спасибо… спасибо…

Он на коленях подполз к Волан-де-Морту и поцеловал край его мантии.

— И пусть твоя верность будет неколебима, Хвост, — сказал Волан-де-Морт.

— Конечно, милорд… навсегда, милорд…

Хвост поднялся и занял своё место в кругу. Он не сводил глаз со своей новой руки, а лицо его блестело от слёз. Волан-де-Морт подошёл к стоящему справа от него Пожирателю.

— Люциус, мой скользкий друг, — прошептал он, остановившись перед ним. — Мне говорили, что ты не отрёкся от прежней жизни, хотя и был вынужден надеть личину приличного человека.

Ты, я думаю, по-прежнему готов возглавить тех, кто не прочь помучить маглов? И всё же ты не попытался найти меня, Люциус… должен сказать, твои подвиги на Чемпионате мира по квиддичу позабавили меня… но разве не разумнее было бы направить свои силы на поиски своего хозяина, на помощь ему?

— Милорд, я всегда был настороже, — тут же послышался из-под капюшона голос Люциуса Малфоя. — Если бы я заметил хоть какой-то знак, любой намёк на ваше присутствие, я бы тут же, немедленно явился к вам, ничто не могло бы помешать мне…

— Тем не менее, ты бежал от моей Метки, когда преданный мне Пожиратель смерти запустил её в небо прошлым летом, — лениво заметил Волан-де-Морт, и мистер Малфой тут же умолк. — Да, мне всё известно, Люциус… ты меня разочаровал… я ожидаю от тебя более верной службы.

— Конечно, милорд, конечно… вы милостивы, благодарю вас, милорд…

Волан-де-Морт двинулся вдоль круга и остановился у большого промежутка между Малфоем и следующим Пожирателем смерти: здесь, похоже, не хватало двоих.

— Здесь должны стоять супруги Лестрейндж, —

тихо произнёс Волан-де-Морт. — Но они замурованы в Азкабане. Они были преданы мне. Они предпочли отправиться в Азкабан, нежели отречься от меня… Когда стены Азкабана рухнут, они будут вознаграждены так, как и мечтать не могли. Дементоры присоединятся к нам… они наши естественные союзники… мы снова призовём великанов… все мои верные слуги вернутся ко мне, и целая армия существ, сеющих страх…

Он снова пошёл по кругу. Мимо некоторых Пожирателей смерти он проходил молча, перед другими останавливался и говорил с ними.

— Макнейр… Хвост говорит, ты сейчас уничтожаешь опасных животных по заданию Министерства магии? Скоро у тебя появятся жертвы поинтереснее, Макнейр. Лорд Волан-де-Морт позаботится об этом…

— Спасибо, хозяин… спасибо, — пробормотал Макнейр.

— А здесь, — Волан-де-Морт подошёл к двоим самым высоким Пожирателям смерти, — здесь у нас Крэбб… Ты сработаешь лучше на этот раз, правда Крэбб? И ты, Гойл?

Оба неуклюже поклонились, глухо бормоча:

— Да, хозяин…

— Конечно, хозяин…

— То же самое касается и тебя, Нотт, — тихо обратился Волан-де-Морт к фигуре, ссутулившейся в тени мистера Гойла.

— Милорд, я падаю ниц перед вами, я ваш самый верный и покорный…

— Достаточно, — произнёс Волан-де-Морт.

Он остановился перед самой большой прогалиной в круге и глядел на пустое место своими ничего не выражающими, красными глазами, как будто видел стоящих перед ним людей.

— А здесь у нас не хватает шестерых… Трое погибли, служа мне. Один побоялся вернуться… он пожалеет об этом. Один, я думаю, покинул меня навсегда… он, конечно, будет убит… и ещё один, самый верный мой слуга, который снова служит мне верой и правдой.

Пожиратели смерти зашевелились. Гарри видел, как они сквозь маски бросают взгляды друг на друга.

— Он сейчас в Хогвартсе, мой преданный слуга, и именно благодаря ему сюда прибыл наш юный друг…

— Да, — безгубый рот Волан-де-Морта искривился в усмешке, и все стоящие в кругу перевели взгляд на Гарри. — Гарри Поттер любезно присоединился к нам, чтобы отпраздновать моё

возрождение. Осмелюсь даже назвать его моим почётным гостем.

Повисла тишина. Пожиратель справа от Хвоста сделал шаг вперёд и из-под маски донёсся голос Люциуса Малфоя.

— Хозяин, мы жаждем узнать… умоляем вас рассказать нам… как вы добились этого… этого чуда… как вам удалось вернуться к нам…

— Это удивительная история, Люциус, — произнёс Волан-де-Морт. — И она начинается… и заканчивается… моим юным присутствующим здесь другом.

Он неспешно подошёл к Гарри и встал рядом с ним. Теперь взгляды всех были направлены на них обоих. Змея продолжала описывать круги в траве.

— Вы, конечно, знаете, что этого мальчика называли причиной моего падения? — тихо произнёс Волан-де-Морт. Он перевёл свои красные глаза на Гарри, и шрам пронзила такая боль, что Гарри едва не вскрикнул. — Вам известно, что в ночь, когда я потерял свою силу и своё тело, я хотел убить его. Его мать погибла, пытаясь спасти его… и невольно дала ему защиту, которой, признаюсь, я не предусмотрел… Я не мог дотронуться до него.

Волан-де-Морт поднял длинный белый палец и поднёс его к щеке Гарри.

— Его мать оставила на нём след своей жертвы… Это очень древняя магия, и я должен был вспомнить… глупо было не подумать об этом… но это неважно, теперь я могу прикоснуться к нему.

Гарри почувствовал прикосновение холодного пальца, и голова его едва не разлетелась на куски от вспыхнувшей боли.

Волан-де-Морт тихо рассмеялся ему прямо в ухо, а потом убрал палец и продолжил свой рассказ.

— Должен признаться, друзья мои, я просчитался. Моё заклятие было отражено глупой жертвой этой женщины и обратилось против меня самого. О-о… это запредельная боль, друзья мои, и я к ней был совершенно не готов. Я был вырван из тела, я стал меньше, чем дух, чем самое захудалое привидение… но всё-таки я был жив. Чем я был, не знаю даже я… Я, который дальше кого-либо прошёл по тропе, ведущей к бессмертию. Вы знаете мою цель — победить смерть. И похоже, какой-то из моих экспериментов сработал… потому что я не погиб, а ведь это заклятие должно было меня убить. Но я стал слабее любого живого существа, и я не мог себе помочь… потому что у меня не было тела, а для необходимого закля-

тия требовалась волшебная палочка… Помню только, что секунду за секундой, бесконечно, я заставлял себя существовать… Я обосновался в далёкой глуши, в лесу, и я ждал… я был уверен, что кто-нибудь из моих верных Пожирателей смерти попытается разыскать меня… кто-нибудь придёт и осуществит волшебство, которое я сам не могу осуществить, и поможет мне вернуться в моё тело… но я ждал напрасно…

По безмолвному кругу Пожирателей смерти снова пробежала дрожь. Волан-де-Морт замолчал. Напряжение нарастало.

— У меня осталась лишь одна способность, — продолжил Волан-де-Морт через некоторое время, — я мог овладевать другими телами. Но я не отваживался приближаться к местам, где было много людей, потому что знал, что мракоборцы не прекратили свои поиски. Иногда я вселялся в животных — чаще всего, конечно, в змей — но это было лишь немногим лучше, чем оставаться просто духом, потому что тела животных очень плохо приспособлены к занятиям волшебством… а когда я в них вселялся, жизнь их становилась на удивление короткой; ни одно из животных долго не протянуло… Потом… четыре года назад… казалось, появилось верное средство вернуть-

ся. Молодой, глупый и доверчивый волшебник забрался в лесную глушь, где обитал я. О, он показался мне тем самым шансом, о котором я так долго мечтал… Он был учителем в школе Дамблдора… его было легко подчинить себе… он привёз меня сюда, в эту страну, и через некоторое время я вселился в его тело, чтобы тщательно следить за тем, как он выполняет мои приказы. Но мой друг подвёл меня. Мне не удалось завладеть философским камнем. Мне не удалось обеспечить себе бессмертие. Мне снова помешали… и снова Гарри Поттер…

Повисла тишина. Никто не шевелился, замерли даже листья на тисе. Пожиратели смерти были неподвижны, и лишь глаза блестели сквозь прорези масок, направленные на Волан-де-Морта и на Гарри.

— Мой слуга умер, когда я покинул его тело, и я снова стал таким же слабым, как раньше, — продолжил Волан-де-Морт. — Я вернулся в глушь, туда, где прятался, и, по правде говоря, я засомневался тогда, удастся ли мне вообще вернуть свои силы… да, это, пожалуй, было самое тяжёлое для меня время… я не мог рассчитывать заполучить ещё одного волшебника… и я уже отбросил всякую надежду на помощь от кого-нибудь из

Пожирателей смерти…

Кое-кто из волшебников в кругу пошевелился, но Волан-де-Морт не обратил на них ни малейшего внимания.

— И вдруг, меньше года назад, когда я уже оставил всякую надежду, это наконец, случилось… ко мне вернулся мой слуга, Хвост. Он сымитировал тринадцать лет назад свою смерть, но те, кого он раньше считал друзьями, разоблачили его, и он решил вернуться к хозяину. Он искал меня в тех краях, которые уже давно слухи связывали с моим именем… ему, конечно, помогли крысы. У Хвоста вообще какая-то мистическая связь с крысами, правда, Хвост? Его грязные маленькие друзья рассказали ему, что в дебрях албанских лесов есть место, которое они обходят стороной, место, где тёмная тень овладевает телами маленьких зверушек, и бедные маленькие зверушки гибнут…

Но не всё прошло гладко, правда, Хвост? Однажды вечером, проголодавшись, он зашёл на постоялый двор на окраине того самого леса, где он рассчитывал меня найти… И надо же такому случиться — там сидела за столом Берта Джоркинс из Министерства магии! А теперь посмотрите, как судьба благоволит лорду Во-

лан-де-Морту! Хвосту мог быть конец, и с ним растаяли бы и мои надежды на возрождение. Но Хвост продемонстрировал неожиданное присутствие духа и уговорил Берту Джоркинс выйти прогуляться вместе с ним. Он одолел её… и привёл её ко мне. И Берта Джоркинс, которая могла бы разрушить всё, вместо этого стала даром небес… потому что после недолгих уговоров выяснилось, что она просто кладезь ценнейшей информации.

Она рассказала мне о том, что в этом году в Хогвартсе состоится Турнир Трёх Волшебников. Она сообщила мне о Пожирателе смерти, который будет счастлив выполнить любое моё задание, если мне удастся установить с ним контакт. Она поведала мне многое… но средства, которыми я воспользовался, чтобы преодолеть наложенное на неё Заклятие памяти, оказались слишком сильны. Когда я извлёк из неё всю необходимую информацию, её тело и разум были практически полностью разрушены. Она выполнила своё назначение. Вселиться в её тело было невозможно, и я избавился от неё.

Волан-де-Морт улыбнулся своей ужасной улыбкой. Его красные глаза были равнодушны и безжалостны.

— Вселиться в тело Хвоста, я, конечно, не мог,

потому что он считался погибшим, и его появление на людях вызвало бы слишком много вопросов. Но он был слугой, который был мне необходим, и хотя волшебник из него никакой, Хвост, следуя моим указаниям, помог мне вернуться в собственное, пусть и неполноценное, тело, в котором я существовал, готовя всё необходимое для настоящего возрождения… пара-тройка заклинаний моего собственного изобретения… немного помощи от моей дорогой Нагайны, — Волан-де-Морт посмотрел на непрерывно скользящую вокруг него змею, — зелье, сваренное из крови единорога и змеиного яда, которым поделилась со мной Нагайна… и вскоре я вернул себе почти человеческий облик, в котором мог путешествовать.

Украсть философский камень теперь было невозможно, потому что я знал — Дамблдор проследил за тем, чтобы его уничтожили. Но сейчас мне нужна была прежде всего жизнь смертного существа, бессмертие могло и подождать… Теперь моей целью было вернуться в прежнее тело и вернуть себе прежние силы.

Я знал, как добиться этого, заклинание, что вернуло меня сегодня к жизни — это старинная Тёмная магия. Мне нужны были три мощнейших

магических вещества. Ну, одно из них у меня уже было, так, Хвост? Плоть, отданная слугой…

Кость отца легко было найти здесь, где он похоронен. Но кровь врага… Хвост конечно, предпочёл бы, чтобы я использовал любого подвернувшегося под руку волшебника, правда, Хвост? Любого волшебника, который ненавидит меня… ведь очень многие ненавидят меня до сих пор. Но я знал, чья кровь мне нужна. Если я хочу возродиться ещё более могущественным, мне нужна кровь Гарри Поттера. Мне нужна была кровь того, кто лишил меня силы тринадцать лет назад. Тогда защита его матери будет всегда со мной, будет течь и в моих венах…

Но как добраться до Гарри Поттера? Ведь он сам не подозревал, насколько сильно он защищён. Дамблдор всё продумал ещё тринадцать лет назад, когда устраивал его будущее. Дамблдор использовал древнее заклятие, которое делало Поттера неприкосновенным до тех пор, пока он находился под опекой своих родственников. Даже я не мог добраться до него… ну, конечно, был ещё Чемпионат мира по квиддичу… Я подумал, что там, вдали от родных и от Дамблдора его защита сойдёт на нет, но я тогда был ещё слишком слаб, чтобы пытаться похитить мальчишку,

окружённого целой толпой волшебников из Министерства. А потом он вернётся в Хогвартс, где день и ночь будет прямо перед крючковатым носом этого маглолюбивого придурка. Так как же захватить его?

Естественно, пользуясь информацией, предоставленной Бертой Джоркинс! С помощью моего верного Пожирателя смерти, внедрённого в Хогвартс, добиться, чтобы имя Гарри Поттера попало в Кубок огня. С помощью моего верного Пожирателя смерти добиться, чтобы Гарри Поттер выиграл этот Турнир и первым коснулся Кубка, который мой слуга превратил в портал. Кубок должен перенести его сюда, подальше от защиты и помощи Дамблдора, прямо ко мне в руки. И вот он здесь… Мальчишка, которого вы все считали моим победителем…

Волан-де-Морт медленно шагнул вперёд и повернулся лицом к Гарри Поттеру. Он поднял палочку:

— *Круцио!*

Боль была совершенно невыносимой; кости, казалось, вот-вот расплавятся, а голова разлетится на куски; глаза бешено вращались в глазницах, и Гарри хотелось только, чтобы эта мука прекратилась… забыться… умереть…

И вдруг всё кончилось. Он обессилено повис на верёвках, которыми его привязали к могильному памятнику отца Волан-де-Морта. Перед ним, как в тумане, горели кроваво-красные глаза. Хохот Пожирателей смерти оглушил его.

— Сами видите, глупо было считать, что этот мальчишка мог когда-либо быть сильнее меня, — произнёс Волан-де-Морт. — Но я хочу, чтобы никто больше не заблуждался по этому поводу. Гарри Поттер избежал смерти по счастливой случайности. И сейчас я докажу это, убив его прямо здесь, у вас на глазах, здесь, где нет ни Дамблдора, который помог бы ему, ни матери, чтобы снова умереть за него. Я дам ему шанс. Он сможет сражаться, и у вас не останется ни малейшего сомнения, кто из нас двоих сильнее. Потерпи ещё совсем немного, Нагайна, — шепнул он змее, и та заскользила по траве туда, где стояли Пожиратели смерти и смотрели на них во все глаза.

— Отвяжи его, Хвост, и верни ему палочку.

Глава 34
«Приори Инкантатем»

Хвост подошёл к Гарри, который пытался встать на ноги, прежде чем его отвяжут и он рухнет на землю. Хвост поднял свою новую серебряную руку, вытащил у Гарри кляп изо рта и одним движением разрезал верёвки.

Может быть, на какую-то долю секунды у Гарри в голове промелькнула мысль о бегстве, но вывихнутая нога дрожала, а Пожиратели смерти сжали кольцо вокруг Гарри и Волан-де-Морта так, что в нём больше не было пустых мест. Хвост отошёл к телу Седрика, вернулся с волшебной палочкой и сунул её грубо в руку Гарри, не глядя на него. После этого он снова занял своё место в кругу Пожирателей смерти.

— Тебя учили сражаться на дуэли, Гарри Поттер? — тихо спросил Волан-де-Морт. Его красные глаза горели во тьме.

К Гарри, как из прошлой жизни, пришло смутное воспоминание о том, что два года назад он очень недолго ходил в Дуэльный клуб в Хогвартсе… всё, чему он там научился, — это обез-

оруживающее заклинание, «экспеллиармус»… и какой в этом толк, даже если ему и удастся обезоружить Волан-де-Морта? Ведь он окружён Пожирателями смерти, их человек тридцать, не меньше… Он не представлял, что могло бы сейчас ему помочь. Он знал, что вот-вот случится то, о чём Грюм предупреждал много раз — неотразимое заклятие Авада Кедавра… Волан-де-Морт был прав — здесь не было его матери, чтобы снова умереть за него… Он ничем не защищён…

— Мы должны поклониться друг другу, Гарри, — сказал Волан-де-Морт, слегка склонившись. При этом лицо его всё равно было обращено к Гарри. — Ну же, приличия надо соблюдать… Дамблдор был бы рад увидеть твои хорошие манеры… поклонись смерти, Гарри…

Пожиратели смерти захохотали. Безгубый рот Волан-де-Морта растянулся в улыбке. Гарри стоял, выпрямившись. Он не позволит Волан-де-Морту играть с ним, как кошка с мышью… Он не доставит ему перед смертью этого удовольствия…

— Я сказал, поклонись, — повторил Волан-де-Морт и поднял палочку.

Гарри почувствовал, как его позвоночник изогнулся, будто кто-то с силой прижимал его к земле. Пожиратели смерти снова загоготали.

— Очень хорошо, — тихо произнёс Волан-де-Морт и снова поднял палочку. (Давление на спину Гарри ослабело, и он смог выпрямиться.) — А теперь встань ко мне лицом как мужчина… гордо выпрямившись, как умер твой отец… А теперь — дуэль начинается.

Волан-де-Морт занёс палочку, и прежде чем Гарри успел что-либо сообразить, его снова настигло заклятие Круциатус. Боль была настолько сильна, что, казалось, заслонила собой весь мир, так что он не мог даже понять, где он… раскалённые добела ножи пронзали каждый сантиметр кожи, голова готова была разлететься на куски от боли; он кричал так громко, как никогда в жизни…

И вдруг всё прекратилось. Гарри перекатился на живот и с трудом поднялся на ноги. Он не мог унять дрожь, сотрясающую тело, так же, как не мог унять её Хвост, после того, как отсёк себе руку. Он попытался сделать шаг, и, шатаясь, врезался в стену Пожирателей смерти. Они со смехом оттолкнули его к Волан-де-Морту.

— Маленькая передышка, — сказал Волан-де-Морт. Щёлки его ноздрей раздувались от возбуждения. — Маленькая пауза… Больно, правда, Гарри? Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал

это снова?

Гарри молчал. В этих безжалостных красных глазах он ясно прочёл свою судьбу, он умрёт как Седрик… Он умрёт, и с этим ничего не поделаешь… Но плясать под дудку Волан-де-Морта он не собирается. Он не подчинится ему… не станет молить о пощаде…

— Я спросил тебя, хочешь ли ты, чтобы я сделал это снова? — сказал Волан-де-Морт. — Отвечай! *Империо!*

Третий раз в жизни Гарри почувствовал, как мысли, все до одной, улетучились из его головы… ах, какое это было блаженство — не думать… казалось, что его куда-то уносят тёплые волны, что он безмятежно дремлет… Только скажи «нет»… скажи «нет»… только скажи «нет»…

«Не скажу, — прозвучал в голове решительный голос. — Не скажу».

«Только скажи „нет“…»

«Не буду, я же сказал…»

«Только скажи „нет“…»

— Не буду!

Эти слова вырвались изо рта Гарри, и эхо разнесло их по всему кладбищу. Приятное состояние полудрёмы мгновенно исчезло, и снова вернулось ощущение боли, которое осталось в его теле

после заклятия Круциатус. Гарри снова понимал, где находится, и что его ждёт…

— Не будешь? — тихо переспросил Волан-де-Морт, Пожиратели смерти больше не смеялись. — Не скажешь «нет»? Гарри, прежде, чем ты умрёшь, я должен научить тебя слушаться старших… может, поможет ещё одна маленькая доза боли?

Волан-де-Морт снова поднял палочку, но на этот раз Гарри был готов; долгие тренировки по квиддичу дали о себе знать — он тут же упал на землю, быстро перекатился и оказался за мраморным памятником на могиле отца Волан-де-Морта. Заклятие угодило в памятник, и плита треснула.

— Мы тут не в прятки играем, Гарри, — тихий, холодный голос Волан-де-Морта звучал совсем рядом. Раздался очередной взрыв смеха Пожирателей смерти. — От меня не спрячешься. Может, ты устал от нашей дуэли? Может, ты хочешь, чтобы я закончил её сейчас, Гарри? Тогда выходи, Гарри… выходи и поиграй… это будет быстро… и может быть даже не больно… я не знаю… я никогда не умирал…

Гарри скорчился за могильным камнем и думал о том, что ему конец. Надежды не было… помощи ждать неоткуда. Шаги Волан-де-Морта

раздавались всё ближе, и Гарри почувствовал, что страха больше нет. Он не умрёт, сжавшись в комочек, как ребёнок, играющий в прятки; он не умрёт на коленях у ног Волан-де-Морта… он умрёт, гордо выпрямившись, как его отец, и пытаясь защититься, даже если это невозможно…

Не дожидаясь, пока Волан-де-Морт высунет своё змеиное лицо из-за памятника, Гарри поднялся, крепко схватил волшебную палочку и, держа её перед собой, бросился навстречу Волан-де-Морту.

Тот был к этому готов, и в тот же самый миг, когда Гарри крикнул: *«Экспеллиармус!»*, раздался крик Волан-де-Морта: *«Авада Кедавра!»*

Из палочки Волан-де-Морта вырвался зелёный луч, а из палочки Гарри — красный. Они встретились в воздухе, на полпути, и Гарри почувствовал, как палочка в его руках завибрировала, будто через неё пропускали электрический ток. Руки его приросли к палочке, и он не смог бы выпустить её, даже если бы захотел. Сейчас соединяющий обе палочки узкий луч, был не красным и не зелёным, но пронзительно-золотым. Гарри, изумлённо проследив взглядом за этим лучом, увидел, что палочка Волан-де-Морта тоже вибрирует и трясётся в его длинных бледных пальцах.

А потом случилось то, чего Гарри совершенно

не ожидал — его ноги оторвались от земли. Они с Волан-де-Мортом оба поднялись в воздух, а концы их палочек по-прежнему соединяла сверкающая золотая нить. Они улетели в сторону от могилы отца Волан-де-Морта и приземлились на поляне, где могил не было. Пожиратели смерти бежали за ними и кричали, спрашивая у своего хозяина, что им делать. Затем Пожиратели снова окружили их, некоторые потянулись за палочками, змея скользила у них под ногами.

Луч золотого света, соединяющий Гарри и Волан-де-Морта неожиданно расщепился на множество тонких сияющих лучиков. Палочки их оставались соединены, а золотые нити сплетали вокруг Гарри и Волан-де-Морта сверкающий купол паутины. Вскоре дуэлянты оказались как бы в клетке из света, а за стенками клетки рыскали, как шакалы, Пожиратели смерти, и крики их, казалось, доносились откуда-то издалека…

— Ничего не делать! — крикнул Волан-де-Морт своим приспешникам, и Гарри увидел, как его красные глаза расширились от удивления. Волан-де-Морт явно не понимал, что происходит, и теперь из всех сил старался разорвать золотую нить, соединяющую волшебные палочки. Гарри ухватился за свою палочку ещё крепче, и

нить осталась цела. — Ничего не делать без моей команды! — прокричал Волан-де-Морт Пожирателям смерти.

В этот момент в воздухе поплыла прекрасная, неземная мелодия… её издавала каждая из нитей паутины золотого света, которые вибрировали вокруг Гарри и Волан-де-Морта. Гарри узнал эти звуки, несмотря на то, что слышал их до этого только раз… это была песня феникса…

Для Гарри это был звук надежды… самое прекрасное и желанное, что только он слышал в своей жизни… он чувствовал, что эти звуки не просто витают в воздухе рядом с ним, они звучат у него внутри… эта мелодия была связана с Дамблдором, и ему показалось на мгновение, будто друг что-то шепнул ему на ухо…

— Не позволяй связи распасться.

— Я знаю, — ответил Гарри музыке. — Я знаю, что я не должен допустить этого… — но как только он это подумал, удерживать связь стало намного тяжелее. Его палочка сильно завибрировала… теперь уже палочки соединял не луч, теперь это было похоже на огромные бусины света, которые скользили по золотой нити. Гарри увидел, что бусины движутся от Волан-де-Морта к нему и тут же почувствовал, как палочка сердито

вздрогнула в его руках.

Чем ближе придвигалась к нему ближайшая бусина, тем горячее становилась его волшебная палочка. Дерево в его ладони раскалилось настолько, что Гарри казалось — палочка вот-вот вспыхнет. Бусина придвинулась ещё ближе, и палочка возмущённо затряслась. Если бусина приблизится вплотную, палочка этого явно не выдержит, она уже сейчас вот-вот разлетится на куски…

Гарри сосредоточил все свои мысли на том, чтобы заставить бусины двигаться в обратном направлении — от него к Волан-де-Морту. Разъярённые глаза его были устремлены на бусины, в ушах звучала песня феникса — и мало-помалу бусины замедлили движение, остановились, а потом потекли обратно… Теперь палочка Волан-де-Морта вибрировала так, что готова была развалиться. Сам же Волан-де-Морт выглядел потрясённым и почти испуганным…

Первая бусина теперь дрожала в паре дюймов от кончика палочки Волан-де-Морта. Гарри не понимал, зачем ему это, не знал, чего он этим добьётся… но сейчас он сосредоточился на том, чтобы загнать эту бусину света обратно, в палочку Волан-де-Морта. Медленно… очень медленно…

ещё немного вперёд по золотой нити… бусина вздрогнула и влилась в палочку.

Сразу же из палочки Волан-де-Морта раздались крики боли… потом глаза Волан-де-Морта расширились от ужаса, когда из его волшебной палочки показалась рука из густого дыма и тут же исчезла… призрак руки, подаренной Хвосту, снова крики боли… потом из кончика палочки показалось что-то большое, гораздо больше руки, серое нечто из густого, плотного дыма… голова… грудь и руки… туловище Седрика Диггори.

Потрясение было так велико, что Гарри мог запросто выпустить свою палочку из рук, и лишь инстинкт самосохранения помешал ему сделать это. Золотая нить осталась цела, несмотря на то, что плотный, серый призрак Седрика Диггори (неужели это призрак? Он кажется таким настоящим!) целиком появился из палочки Волан-де-Морта, будто протискиваясь сквозь узкий тоннель… Тень Седрика выпрямилась, посмотрела на золотой луч, соединяющий палочки, и сказала:

— Держись, Гарри.

Его голос, казалось, донёсся откуда-то издалека. Гарри посмотрел на Волан-де-Морта… его красные глаза расширились от потрясения… он,

как и Гарри, не ожидал ничего подобного. Гарри услышал глухие вопли Пожирателей смерти, которые продолжали кружиться за границей золотого купола.

Снова раздались крики боли… и снова что-то появилось из палочки… тень ещё одной головы, за которой тут же показались руки и тело… Старик, которого Гарри когда-то видел во сне, также, как и Седрик, выбирался из палочки… его призрак или тень — неважно, что это было — упало на землю рядом с тенью Седрика. Он выпрямился, опираясь на свою палку, окинул взглядом Гарри, Волан-де-Морта, золотую паутину…

— Значит, он действительно волшебник? — сказал старик, глядя на Волан-де-Морта. — Этот тип меня убил… покажи ему, мальчик…

Из палочки показалась следующая голова… эта, похожая на вылепленную из густого дыма статую, была женской… Руки Гарри отчаянно тряслись, он старался удержать свою палочку на месте. Призрак упал на землю, поднялся и посмотрел на разворачивающуюся перед ним битву.

Тень Берты Джоркинс уставилась на Гарри, глаза её расширились, и она крикнула:

— Не отпускай ни в коем случае! — Голос её, как и голос Седрика, звучал будто издалека. — Не дай

ему добраться до тебя! Не отпускай, держись!

Она и две другие серые фигуры двигались теперь по кругу внутри золотой паутины, а Пожиратели смерти бегали снаружи… жертвы Волан-де-Морта шептали Гарри ободряющие слова и что-то шипели своему убийце.

Из волшебной палочки Волан-де-Морта показалась очередная голова, и Гарри сразу понял, кто это… он как будто был уверен в этом с того самого момента, когда увидел призрак Седрика… уверен, потому что именно эту женщину он вспоминал этой ночью чаще всего…

Дымчатая тень молодой женщины с длинными волосами упала на землю, встала, посмотрела на него… Гарри, руки которого немилосердно тряслись, смотрел в призрачное лицо своей матери.

— Отец сейчас будет… — тихо сказала она. — Он хочет увидеть тебя… всё будет хорошо… держись…

И он появился… сначала его голова, потом тело… из палочки Волан-де-Морта возникла высокая, с растрёпанными, как у Гарри, волосами тень Джеймса Поттера. Волан-де-Морт смертельно побледнел от страха перед своими жертвами, которые кружили вокруг него. Отец подошёл к Гарри, посмотрел на него и заговорил тем же,

доносящимся как бы издалека голосом, что и все остальные, только тихо, чтобы Волан-де-Морт не услышал:

— Когда связь будет разорвана, мы задержимся на мгновение… мы дадим тебе немного времени… ты должен добраться до портала, он вернёт тебя в Хогвартс… Понял, Гарри?

— Да, — выдохнул Гарри, сражаясь с палочкой, которая скользила в руках и в любой момент могла вырваться.

— Гарри… — прошептал призрак Седрика, — возьми моё тело с собой, ладно? Отнеси моё тело родителям…

— Хорошо, — ответил Гарри. Лицо его исказилось от напряжения — теперь он с трудом удерживал палочку в руках.

— Сделай это сейчас, — прошептал отец. — Приготовься бежать. Давай, вперёд…

— Вперёд! — крикнул Гарри.

В любом случае, дольше удерживать палочку он уже не мог. Он сильно рванул её вверх, и золотая нить порвалась. Световой купол исчез, песня феникса растаяла в воздухе. Но призрачные фигуры жертв Волан-де-Морта не исчезли. Они сжимали кольцо вокруг Волан-де-Морта, скрывая Гарри от его глаз.

А Гарри бежал, как никогда в жизни. Он сбил с ног двух остолбеневших Пожирателей смерти и принялся петлять как заяц между памятников. Вслед ему неслись заклятия, но Гарри уворачивался и только слышал треск могильных плит. Он бежал к телу Седрика, не вспоминая о вывихнутой ноге. Всё его существо было сосредоточено на том, что ему предстояло сделать…

— Оглушить его! — раздался вопль Волан-де-Морта. Гарри нырнул за мраморного ангела, футах в десяти от Седрика, и увидел только стрелы красного света. Крыло ангела с треском отвалилось. Схватив покрепче палочку, он выскочил из своего укрытия и проревел:

— *Импедимента!* — Гарри взмахнул палочкой в сторону преследующих его Пожирателей смерти.

Послышался сдавленный крик, и Гарри понял, что задержал, как минимум, одного. Времени оглядываться не было. Он перепрыгнул через Кубок и снова бросился на землю, чтобы увернуться от направленных на него заклятий. Гарри протянул руку и ухватился за тело Седрика…

— Отойдите! Я убью его! Он мой! — крикнул Волан-де-Морт.

Гарри держал Седрика за запястье. Его и Волан-

де-Морта разделял теперь всего один памятник, но тело Седрика слишком тяжело, а до Кубка не дотянуться…

В темноте вспыхнули красные глаза Волан-де-Морта. Гарри увидел, как его рот изгибается в улыбке, а рука поднимает палочку.

— *Акцио!* — крикнул Гарри, указав палочкой на Кубок.

Кубок взлетел и тут же очутился рядом. Гарри поймал его за ручку…

Он услышал яростный вопль Волан-де-Морта в тот самый момент, когда почувствовал уже знакомый рывок под ложечкой. Портал сработал, и теперь в вихре красок и ветра они с Седриком уносились отсюда… возвращались домой…

Глава 35
Сыворотка правды

Гарри шлёпнулся лицом на землю и почувствовал запах смятой травы. Когда портал понёс его, он закрыл глаза и так и лежал с закрытыми глазами. Он не двигался. От падения из него будто вышибло весь воздух. Голова кружилась так, что земля под ним, казалось, раскачивалась как палуба корабля. Чтобы как-то остановить это безостановочное раскачивание, Гарри вцепился ещё крепче в Седрика и в гладкую холодную ручку Кубка. Ему казалось, что если он отпустит их, то непременно соскользнёт в черноту, медленно окружавшую его сознание. От шока и физического изнеможения он не мог, да и не хотел подняться на ноги. Он лежал на земле и вдыхал запах травы… ожидая, пока кто-нибудь что-нибудь сделает… что-нибудь случится… и всё это время он ощущал тупую, постоянную боль в шраме…

Водоворот звуков оглушил его и сбил с толку. Голоса, шаги, крик доносились отовсюду… Гарри оставался на земле, лицо его исказила болезнен-

ная гримаса, как будто вся эта какофония была лишь ночным кошмаром, который непременно пройдёт…

Вдруг его схватили чьи-то руки и резко перевернули на спину.

— Гарри! Гарри!

Он открыл глаза.

Над ним было звёздное небо и лицо Альбуса Дамблдора. Вокруг них сжималось кольцо теней — это была окружившая их толпа, которая становилась всё больше и больше. Гарри почувствовал, как земля под ним вибрирует от множества приближающихся шагов.

Кубок принёс его на край лабиринта. Гарри видел возвышающиеся над ним трибуны, фигурки двигающихся там людей, звёзды над головой.

Гарри отпустил Кубок, но ещё крепче прижал к себе Седрика. Он поднял свободную руку и ухватил Дамблдора за запястье. Лицо директора то становилось отчётливым, то снова расплывалось.

— Он вернулся, — прошептал Гарри. — Волан-де-Морт вернулся.

— Что случилось? Что происходит?

Сверху над Гарри возникло побелевшее от ужаса лицо Корнелиуса Фаджа.

— Бог мой! Диггори! — прошептал он. — Дамблдор… он мёртв!

Слова эти тут же пронеслись над окружавшей их толпой, которая сотней голосов выплеснула эту ужасную новость в тьму ночи:

— Он мёртв! Он мёртв! Седрик Диггори! Мёртв!

— Гарри, отпусти его, — услыхал он голос Фаджа. Гарри почувствовал, как кто-то пытается разжать его пальцы, но только ещё сильнее сжал их.

Над ним наклонилось расплывчатое лицо Дамблдора.

— Гарри, ему уже не поможешь. Всё кончено. Отпусти его.

— Он хотел, чтобы я принёс его обратно, — пробормотал Гарри. Ему казалось очень важным объяснить это. — Он хотел, чтобы я принёс его обратно к родителям…

— Хорошо, Гарри… а теперь отпусти его, ну же…

Дамблдор наклонился и с силой, неожиданной в таком худом и старом человеке, поднял Гарри и поставил его на ноги. Гарри покачнулся. В голове бухал тяжеленный молот. Вывихнутая нога тряслась, так что опереться на неё было невозможно. Толпа, беспокойно шевелясь, наступала, тёмные

тени придвигались всё ближе.

— Что с ним? Что с ним случилось? Диггори мёртв!

— Ему нужно в больничное крыло! — громко заявил Фадж. — Ему плохо, он ранен… Дамблдор, родители Диггори, они здесь, на трибуне… Я отведу Гарри, Дамблдор, я отведу его в больничное…

— Нет, я предпочёл бы…

— Дамблдор, сюда бежит Амос Диггори… вот он… вам не кажется, что лучше было бы вам сообщить ему… прежде, чем он увидит…

— Гарри, оставайся здесь…

Девочки кричали, истерически всхлипывали… Окружающее странно мерцало у Гарри перед глазами…

— Всё хорошо, сынок вот и я… пойдём… в больничное крыло…

— Дамблдор сказал мне остаться, — заплетающимся языком произнёс Гарри. Пульсирующая боль в шраме была так сильна, что, казалось, его вот-вот вырвет; всё вокруг было смазано, как будто зрение отказалось работать…

— Тебе нужно лечь… пойдём, ну же…

Кто-то большой и сильный то ли тянул, то ли нёс Гарри сквозь испуганную толпу. Со всех сторон доносились всхлипы, крики и плач. Муж-

чина, поддерживая его, вывел его из толпы и теперь они двигались к замку. Через лужайку мимо озера и Дурмстрангского корабля. Гарри не слышал ничего кроме тяжёлого дыхания человека, помогавшего ему идти.

— Что случилось, Гарри? — спросил человек, помогая Гарри подняться по каменным ступенькам крыльца.

Клак Клак Клак

Это был Грозный Глаз Грюм.

— Кубок — это портал, — ответил Гарри. Они пересекали холл. — Перенёс нас с Седриком на кладбище… а там был Волан-де-Морт… лорд Волан-де-Морт…

Клак Клак Клак

Вверх по мраморным ступеням…

— Там был Тёмный Лорд? И что случилось?

— Убили Седрика… Они убили Седрика…

— А потом?

Клак Клак Клак

По коридору…

— Сварил зелье… вернул себе тело…

— Тёмный Лорд вернул себе тело? Он вернулся?

— А потом появились Пожиратели смерти… а потом мы сражались на дуэли…

— Ты сражался на дуэли с Тёмным Лордом?

— Удалось бежать… моя палочка… что-то случилось… я видел маму и папу… они появились из его палочки…

— Заходи, Гарри… сюда, садись… сейчас всё будет в порядке… выпей это…

Гарри услышал, как в замке повернулся ключ. Кто-то сунул ему в руку чашку.

— Выпей… тебе станет лучше… ну же, Гарри, мне надо точно знать, что произошло…

Грюм прижал чашку к его губам и наклонил её. Острая, как перец, жидкость обожгла горло и Гарри закашлялся. Кабинет Грюма, да и сам его хозяин вдруг стали совершенно отчётливыми… Грюм был бледен, как Фадж, и оба его глаза, не мигая, смотрели Гарри в лицо.

— Волан-де-Морт вернулся, Гарри? Ты уверен? Как он это сделал?

— Он взял кое-что из могилы отца, у Хвоста и у меня, — ответил Гарри. В голове у него прояснилось, а боль в шраме утихла. Теперь он отчётливо видел лицо Грюма, хотя в кабинете было темно. С площадки для квиддича доносились шум и крики.

— Что Тёмный Лорд взял у тебя? — спросил Грюм.

— Кровь, — показал Гарри руку. Рукав мантии был разорван там, где Хвост проткнул его кинжалом.

Грюм тяжело, с присвистом выдохнул.

— А Пожиратели смерти? Они вернулись?

— Да. Целая куча…

— И как он встретил их? — тихо спросил Грюм. — Он простил их?

Внезапно Гарри вспомнил. Он должен был сразу же сказать об этом Дамблдору прямо там, на поле…

— В Хогвартсе есть Пожиратель смерти! Здесь Пожиратель смерти, они вложили моё имя в Кубок, проследили за тем, чтобы я добрался до финала…

Гарри попытался встать, но Грюм толкнул его обратно в кресло.

— Я знаю, кто этот Пожиратель смерти, — тихо произнёс он.

— Каркаров? — выкрикнул Гарри. — Где он? Вы поймали его? Он заперт?

— Каркаров? — переспросил Грюм со странным смешком. — Каркаров сбежал сегодня ночью, когда почувствовал, как горит Чёрная Метка у него на руке. Вряд ли он жаждет встречи с Тёмным Лордом — он предал слишком много его верных

сторонников… Сомневаюсь, что ему удастся убежать далеко. Тёмный Лорд умеет разыскивать своих врагов.

— Каркаров сбежал? Его нет? Но тогда… разве не он вложил моё имя в Кубок?

— Нет, — медленно ответил Грюм. — Нет, не он. Это сделал я.

Гарри не поверил свои ушам.

— Нет-нет, это не вы… Вы не могли сделать это…

— Уверяю тебя, это был я, — подтвердил Грюм. Его волшебный глаз крутанулся в глазнице и посмотрел на дверь. Гарри понял — он хочет убедиться в том, что за дверью никого нет. Одновременно с этим Грюм вытащил палочку и направил её на Гарри.

— Так он их простил? — сказал он. — Пожирателей смерти, которые остались на свободе? Тех, кто изловчился и избежал Азкабана?

— Что? — спросил Гарри.

Он смотрел на палочку, которую Грюм наставил на него. Это какая-то нелепая шутка, не иначе.

— Я спросил тебя, — тихо повторил Грюм, — простил ли он тех негодяев, которые даже не попытались отыскать его? Этих трусов и предателей, которые даже не смогли отстрадать за него в

Азкабане? Этих грязных, бесполезных подонков, которые набрались смелости покуражиться в масках во время Чемпионата мира по квиддичу, но тут же в страхе разбежались, когда я запустил в небо Чёрную Метку?

— Вы запустили… О чём это вы?

— Я сказал тебе, Гарри… Уже сказал. Если и есть что-то, что я ненавижу больше всего, то это Пожиратель смерти, оставшийся на свободе. Они повернулись к своему хозяину спиной в тот момент, когда он нуждался в них больше всего. Я ждал, что он накажет их. Надеялся, что он будет мучить их. Скажи, что он мучил их, Гарри… — Лицо Грюма внезапно исказилось в безумном оскале. — Скажи, что он сообщил им, что я, я один остался верен ему, я был готов рискнуть всем, чтобы доставить ему то, чего он хотел больше всего… тебя.

— Вы не… это… это не могли быть вы…

— Кто вложил твоё имя в Кубок под названием другой школы? Я. Кто отпугивал каждого, кто, по моему мнению, мог повредить тебе или помешать выиграть Турнир? Я. Кто навёл Хагрида на мысль показать тебе драконов? Я. Кто помог тебе найти единственно возможный для тебя способ победить дракона? Я.

Теперь волшебный глаз Грюма смотрел не на дверь, а прямо на Гарри. Его перекошенный рот растянулся в ухмылке.

— Было нелегко, Гарри, провести тебя через все эти задания так, чтобы не возбудить подозрений. Мне пришлось изворачиваться вовсю, чтобы никто не мог разгадать мою роль в твоих успехах. Дамблдор непременно заподозрил бы что-то, если бы ты слишком легко справился с заданиями. Как только ты забрался бы в лабиринт — да ещё раньше остальных — тогда у меня был бы шанс избавиться от других участников и расчистить тебе дорогу. Но мне приходилось ещё и бороться с твоей тупостью. Второе задание… тогда я больше всего опасался провала. Я следил за тобой, Поттер. Я знал, что ты не разгадал тайну яйца, и поэтому мне пришлось сделать тебе ещё одну подсказку…

— Это не вы, — хрипло возразил Гарри. — Это Седрик мне подсказал…

— А кто подсказал Седрику открыть яйцо под водой? Я. Я был уверен, что он сообщит об этом тебе. Порядочными людьми легко манипулировать, Поттер. Можно было не сомневаться в том, что Седрик отплатит тебе за то, что ты рассказал ему о драконах! Но даже после этого, Поттер, даже

после этого ты так и не нашёл решения задачи. Я всё время за тобой следил… столько часов в библиотеке. Ты что, не понял, что книга, которую ты искал, была всё это время у тебя в спальне? Я позаботился об этом заранее, дал её этому мальчишке Долгопупсу ещё в начале года, ты что, не помнишь? «Магические средиземноморские водные растения и их свойства». Из неё ты мог бы узнать всё, что нужно про жаброслии. Я надеялся, что ты будешь просить помощи у всех и каждого. Долгопупс тут же рассказал бы тебе об этом. Но ты не просил… нет… твоя независимость и гордость чуть не погубили всё дело.

Что мне оставалось делать? Найти другой, столь же невинный способ сообщить тебе эту информацию. На Святочном балу ты сказал мне, что эльф по имени Добби сделал тебе подарок на Рождество. Я вызвал эльфа в комнату для преподавателей забрать одежду в чистку и нарочно завёл громкий разговор с профессором МакГонагалл о заложниках под водой и о том, догадается ли Гарри Поттер использовать жаброслии. Твой дружок-эльф тут же бросился в кабинет Снегга, а потом разыскал тебя…

Палочка Грюма была по-прежнему нацелена Гарри прямо в сердце. В висевшем на стене за

спиной Грюма Проявителе Врагов мелькали неясные тени.

— Ты так долго просидел в озере, Поттер, что я уж подумал, ты утонул. Но, к счастью, Дамблдор принял твой идиотизм за благородство, и дал тебе самый высокий балл. Я снова вздохнул с облегчением. Сегодня в лабиринте тебе, конечно, было легче, чем остальным, — продолжал Грюм. — Это потому, что я патрулировал лабиринт, видел всё сквозь стены и убирал препятствия с твоего пути. Я оглушил Флёр Делакур и с помощью заклятия Империус заставил Крама покончить с Диггори. Путь для тебя к Кубку был расчищен.

Гарри оторопело смотрел на Грюма. Он просто не понимал, как это могло случиться… друг Дамблдора, знаменитый мракоборец… поймал так много Пожирателей смерти… это бессмысленно… совершенно бессмысленно…

Туманные тени в Проявителе Врагов становились чётче. За плечом Грюма Гарри видел, как три человека подходят всё ближе и ближе. Но Грюм не замечал их, он смотрел на Гарри.

— Тёмному Лорду не удалось убить тебя, Поттер, а он так этого хотел, — прошептал Грюм. — Представь, как он наградит меня, когда узнает, что я сделал для него. Я отправил ему тебя — то, что ему

нужно было больше всего, чтобы возродиться, — а потом я убил тебя для него. Я буду превознесён перед всеми Пожирателями смерти. Я буду самым дорогим, самым близким его соратником… стану ближе ему, чем сын…

Нормальный глаз Грюма был выпучен, а волшебный глаз уставился на Гарри. Дверь была заперта на засов, и Гарри знал, что ему не успеть вытащить свою палочку…

— У нас с Тёмным Лордом много общего, — Грюм нависал над Гарри, беспрерывно скалясь, и выглядел совершенно безумным. — Нас обоих разочаровали наши отцы… совершенно разочаровали. Мы оба, к сожалению, носим их имена, Гарри. И оба мы получили огромное удовольствие… неизъяснимое удовольствие… убив наших отцов, чтобы обеспечить наступление Тёмного порядка!

— Вы сумасшедший, — не удержавшись, воскликнул Гарри, — вы сумасшедший!

— Я сумасшедший? — истерично переспросил Грюм, и его голос взлетел до самых верхних нот. — Посмотрим! Посмотрим, кто сумасшедший, теперь, когда Тёмный Лорд вернулся, а я рядом с ним! Он вернулся, Гарри Поттер, ты не одолел его… а теперь — я одолею тебя!

Грюм поднял палочку, открыл рот, Гарри успел сунуть руку в карман за палочкой…

— *Остолбеней!*

Ослепительная алая вспышка сопровождалась треском и грохотом, дверь кабинета разлетелась на части…

Грюма отшвырнуло на пол. Гарри, глядя туда, где только что было лицо Грюма, увидел в Проявителе Врагов Альбуса Дамблдора, профессора МакГонагалл и профессора Снегга. Гарри обернулся и понял, что все трое стоят в дверях, Дамблдор на шаг впереди остальных. В этот миг Гарри понял наконец, почему все говорят, что Дамблдор — единственный волшебник, которого Волан-де-Морт когда-либо боялся. Дамблдор смотрел на лежащего на полу Грюма, и выражение лица директора внушало такой ужас, что Гарри не поверил своим глазам. На лице у Дамблдора не было снисходительной улыбки, голубые глаза не поблёскивали заговорщически за стёклами очков. Старое, изборождённое морщинами лицо излучало холодную ярость; невиданная мощь исходила от Дамблдора и распространялась обжигающими волнами по комнате.

Он вошёл в кабинет и ногой перевернул лежащего на полу Грюма на спину. Вслед за ним

прошёл Снегг и посмотрел в Проявитель Врагов, где ещё виднелось его собственное разгневанное лицо.

Профессор МакГонагалл подошла прямо к Гарри.

— Пойдёмте, Поттер, — прошептала она. Губы её дрожали, так что казалось, она вот-вот заплачет. — Пойдёмте… В больничное крыло…

— Нет, — резко возразил Дамблдор.

— Дамблдор, он должен… посмотрите на него… он перенёс сегодня столько…

— Он останется, Минерва, потому что ему нужно понять, — прервал её Дамблдор. — Понимание — это первый шаг к тому, чтобы принять случившееся, и только после этого он сможет прийти в себя. Ему нужно знать, кто и зачем вовлёк его в тяжелейшие испытания сегодняшней ночи.

— Грюм, — произнёс Гарри, который всё ещё не мог прийти в себя от изумления. — Как Грюм мог всё это сделать?

— Это не Аластор Грюм, — тихо сказал Дамблдор. — Ты никогда не знал Аластора Грюма. Настоящий Грюм никогда не увёл бы тебя от меня после того, что произошло сегодня. Как только он ушёл с тобой, я сразу всё понял… и отправился следом.

Дамблдор наклонился над безвольно лежащим Грюмом, запустил руку в карман его мантии и вытащил оттуда фляжку и связку ключей. Обернувшись к профессору МакГонагалл и Снеггу, он сказал:

— Северус, принесите, пожалуйста, самое сильное зелье правды, которое у вас есть, а потом сходите на кухню и приведите эльфа по имени Винки. Минерва, будьте добры, пойдите к дому Хагрида, вы увидите там на грядке с тыквами большого чёрного пса. Отведите его в мой кабинет, скажите ему, что я скоро приду, и возвращайтесь сюда.

Если указания директора и показались Снеггу или МакГонагалл странными, они сумели скрыть замешательство. Оба тут же развернулись и вышли из кабинета. Дамблдор подошёл к сундуку с семью замками, вставил ключ в первый замок, повернул его и откинул крышку. Внутри лежала гора книг. Дамблдор запер сундук, вставил второй ключ во второй замок и снова открыл сундук. Книги исчезли, и их место занимала теперь целая куча сломанных вредноскопов, пергамента и перьев, а сверху лежало что-то серебристое, напомнившее Гарри мантию-невидимку. Гарри, как зачарованный, смотрел, как Дамблдор откры-

вает один за другим третий, четвёртый, пятый, шестой замки и всякий раз в сундуке оказывается что-нибудь новое. В конце концов Дамблдор отпер седьмой замок, откинул крышку, и у Гарри вырвался крик удивления.

Перед его глазами было что-то вроде небольшого подземелья глубиной футов десять. На полу крепко спал совершенно истощённый настоящий Грозный Глаз Грюм. Деревянной ноги у него не было, глазница, где должен быть волшебный глаз, провалилась, а неровно выстриженные клочья седых волос торчали в разные стороны. Гарри, не в силах совладать с изумлением, перевёл взгляд с Грюма, который лежал в подземелье, на Грюма, который лежал на полу кабинета.

Дамблдор залез в сундук, аккуратно спрыгнул на пол рядом со спящим Грюмом и склонился над ним.

— Оглушён… заклятие Империус… совсем ослабел, — произнёс он. — Конечно, он нужен был им живым. Гарри, брось мне мантию этого самозванца. Аластор совсем окоченел от холода. Мадам Помфри непременно осмотрит его, но, похоже, угрозы для жизни нет.

Гарри бросил плащ. Дамблдор укрыл Грюма, подоткнул аккуратно края мантии, выбрался из

сундука и принялся исследовать фляжку лже-Грюма. Отвинтил крышку и осторожно наклонил её. На пол капнула густая, клейкая на вид жидкость.

— Оборотное зелье, Гарри, — заметил Дамблдор. — Видишь, как всё просто? Дело в том, что Грюм всегда пьёт только из своей фляжки, и все прекрасно об этом знают. Самозванцу, конечно, нужно было, чтобы настоящий Грюм всегда находился под рукой, чтобы пополнять запас Оборотного зелья. Посмотри на его волосы… — Дамблдор бросил взгляд на Грюма в подземелье. — Самозванец весь год отстригал понемногу, видишь, они неровные? Но я думаю, что сегодняшней бурной ночью он мог и забыть в очередной раз принять зелье — его ведь нужно принимать каждый час… Посмотрим…

Дамблдор устроился в кресле и сидел неподвижно, не сводя глаз с лже-Грюма. Гарри тоже смотрел на него, не отрываясь. Минуты шли одна за другой…

В какой-то момент лицо лежащего на полу человека стало меняться прямо на глазах. Шрамы исчезли, кожа стала гладкой, покалеченный нос приобрёл обычную форму и уменьшился. Седеющая грива становилась всё короче, пока не

превратилась в коротко стриженые соломенного цвета волосы. Деревянный протез с гулким стуком упал на пол, а на его месте выросла обычная нога. Ещё мгновение — и волшебный глаз выскочил из глазницы, и его заменил нормальный глаз. Волшебный глаз покатился по полу, не переставая вращаться в разные стороны.

Перед Гарри лежал бледный, слегка веснушчатый мужчина со светлыми волосами. Гарри знал, кто это. Он видел этого человека в Омуте Дамблдора, видел, как дементоры тащили его прочь из зала, а он при этом пытался убедить мистера Крауча, что ни в чём не виноват… но сейчас вокруг глаз у него залегли морщины, и он выглядит гораздо старше…

В коридоре послышались быстрые шаги. Первым в кабинет вошёл Снегг, за ним Винки, а за ней профессор МакГонагалл.

— Крауч! — остолбенел от изумления Снегг. — Барти Крауч!

— Боже мой! — профессор МакГонагалл замерла в дверях и не сводила глаз с лежащего на полу человека.

Грязная, растрёпанная Винки выглянула из-за ног Снегга и тут же пронзительно взвизгнула:

— Мастер Барти, мастер Барти, что вы здесь

делать?

Она бросилась на грудь Краучу с воплями:

— Ты убить его! Ты убить его! Ты убить сына моего хозяина!

— Он просто оглушён, Винки, — ответил Дамблдор. — Отойди, пожалуйста, в сторонку. Северус, вы принесли зелье?

Снегг вручил Дамблдору маленький пузырёк с совершенно прозрачной жидкостью — Сыворотку Правды, которой он однажды на уроке пригрозил напоить Гарри. Дамблдор склонился надлежащим на полу, подтащил его к стене и прислонил к ней в сидячем положении прямо под Проявителем Врагов, из которого всё ещё смотрели разъярённые лица Дамблдора, Снегга и МакГонагалл. Винки, спрятав лицо в ладонях, так и осталась на коленях. Её всю трясло. Дамблдор открыл рот Крауча и влил ему три капли сыворотки. Затем он указал палочкой на грудь Крауча и произнёс:

— *Оживи!*

Сын Крауча открыл глаза. На лице его не было никакого выражения, глаза смотрели в одну точку. Дамблдор стал перед ним на колени, так чтобы их лица находились на одном уровне.

— Ты слышишь меня? — тихо спросил Дамбл-

дор. Мужчина моргнул.

— Да, — так же тихо ответил он.

— Я хотел бы, чтобы ты рассказал нам, — спросил Дамблдор, — как ты оказался здесь. Как ты бежал из Азкабана?

Крауч судорожно вздохнул и монотонно заговорил:

— Меня спасла мать. Она знала, что умирает. Она упросила отца спасти меня ради неё. Он любил её так, как никогда не любил меня. Он согласился. Они пришли навестить меня. Дали мне Оборотное зелье с волосом матери. А она приняла зелье с моим волосом. Мы обменялись внешностью.

Винки, всё ещё дрожа, яростно затрясла головой:

— Ни слова, мастер Барти, ни слова больше, вы причинить беду вашему отцу!

Но Крауч лишь судорожно вздохнул и всё так же монотонно продолжил:

— Дементоры слепы. Они ощутили, что в Азкабан вошли один здоровый человек и один умирающий. Они ощутили, что вышли один здоровый и один умирающий. Отец вывел меня, переодев в платье матери, на случай, если сквозь решётку нас видели другие заключённые. Мать

умерла вскоре после этого. Она принимала Оборотное зелье до самой смерти. Она похоронена под моим именем и с моей внешностью. Все были уверены, что она — это я.

Крауч снова моргнул.

— А что сделал отец, когда доставил тебя домой? — спросил Дамблдор.

— Инсценировал смерть матери. Тихие, семейные похороны. Эта могила пуста. Наш эльф выходила меня. Потом меня скрывали. Меня нужно было контролировать. Отец использовал множество заклинаний, чтобы управлять мной. Когда я выздоровел, я думал только о том, чтобы отыскать своего хозяина… чтобы вернуться к нему на службу.

— Как твой отец управлял тобой? — задал вопрос Дамблдор.

— Заклятие Империус, — ответил Крауч. — Я находился под контролем отца. Он заставил меня ходить круглые сутки в мантии-невидимке. Рядом со мной всегда была эльф. Она была моим тюремщиком и заботилась обо мне. Она жалела меня. Она убедила отца давать мне иногда возможность развлечься. В награду за примерное поведение.

— Мастер Барти, мастер Барти, — всхлипывала

Винки сквозь прижатые к лицу ладони. — Не надо говорить им, мы попасть в беду…

— Стало ли кому-нибудь известно, что ты жив? — тихо спросил Дамблдор. — Знал ли об этом кто-нибудь, кроме твоего отца и домашнего эльфа?

— Да, — ответил Крауч, и снова моргнул. — Знала колдунья в департаменте моего отца. Берта Джоркинс. Она пришла к нам домой с бумагами для отца. Его не было дома. Винки проводила её в дом и вернулась на кухню, ко мне. Она подслушала. Она услышала достаточно, чтобы понять, кто прячется под мантией-невидимкой. Отец пришёл домой. Она обвинила его. Он наложил на неё мощное заклятие памяти, чтобы она забыла всё, что ей удалось разузнать. Слишком мощное. Он сказал, что теперь её память повреждена навсегда.

— Зачем она явилась, стала совать нос в дела моего хозяина? — продолжала горестно всхлипывать Винки. — Почему она не оставить нас в покое?

— Расскажи мне о Чемпионате мира по квиддичу, — сказал Дамблдор.

— Это Винки уговорила отца, — всё так же монотонно продолжал Крауч. — Она убеждала его

полгода. Я не выходил из дому уже несколько лет. Я любил квиддич. Пусть он посмотрит, говорила она. Он будет в мантии-невидимке. Пусть он вдохнёт немного свежего воздуха. Она говорила, что этого хотела бы моя мать. Она говорила отцу, что мать умерла, чтобы освободить меня. Она спасала меня не для того, чтобы я жил в заключении. Он в конце концов согласился. Всё было тщательно спланировано. Отец с самого утра отвёл меня и Винки в верхнюю ложу. Винки должна была говорить, что держит место для моего отца. Я, невидимый, должен был сидеть на нём. Мы собирались уйти после того, как все покинут ложу. Все будут думать, что Винки идёт одна. Никто ничего не узнает. Но Винки не знала, что я набираю силу. Я начал сопротивляться заклятию Империус, наложенному моим отцом. Были времена, когда я становился почти таким же, как раньше. Были короткие периоды, когда ему, похоже, не удавалось меня полностью контролировать. Это случилось там, в верхней ложе. Как будто я очнулся от глубокого сна. Я оказался в толпе, в самой середине матча, и увидел волшебную палочку, которая торчала из кармана мальчишки прямо передо мной. Мне не разрешалось иметь волшебную палочку с момента заключения в Азкабан. Я

украл её. Винки не знала. Винки боится высоты. Она закрыла лицо руками.

— Мастер Барти, плохой мальчик! — прошептала Винки, заливаясь слезами.

— Значит, ты взял палочку, — продолжил Дамблдор. — И что ты с ней сделал?

— Мы пошли обратно в палатку, — ответил Крауч. — Потом мы услышали их. Мы услышали Пожирателей смерти. Тех, кто никогда не был в Азкабане. Тех, кто ни минуты не страдал ради моего хозяина. Они повернулись к нему спиной. Они не были порабощены, как я. Они могли искать его, но они этого не сделали. Они просто развлекались с маглами. Их голоса разбудили меня. Моё сознание стало ясным, как никогда. Я был разъярён. У меня была палочка. Я хотел напасть на них за то, что они предали моего хозяина. Отец вышел из палатки, он поспешил на помощь маглам. Винки испугалась, увидев, как я разгневан. Она использовала свою собственную, эльфовскую магию, чтобы привязать меня к себе. Она вытащила меня из палатки и уволокла в лес, подальше от Пожирателей смерти. Я старался задержать её. Я хотел вернуться к лагерю. Я хотел показать этим Пожирателям смерти, что такое истинная преданность Тёмному Лорду,

и наказать их за её отсутствие. Я использовал украденную палочку, чтобы запустить в небо Чёрную Метку. Появились волшебники из Министерства. Они разбросали оглушающие заклятия повсюду. Одно из заклятий прошло между деревьями, за которыми прятались мы с Винки. Связь между нами была разорвана. Мы оба были оглушены. Когда Винки нашли, отец знал, что я должен быть неподалёку. Он обыскал кусты рядом с тем местом, где нашли её, и обнаружил меня. Он дождался, пока остальные волшебники из Министерства разойдутся. Он снова наложил на меня заклятие Империус и отконвоировал домой. Он уволил Винки. Она подвела его. Она дала мне возможность завладеть палочкой. Она почти дала мне возможность убежать.

Винки издала вопль отчаяния.

— Мы остались в доме вдвоём с отцом. И тогда… и тогда… — голова Крауча качнулась, и по его лицу расползлась безумная улыбка. — За мной пришёл мой хозяин. Он прибыл к нам поздней ночью, на руках у своего слуги Хвоста. Мой хозяин выяснил, что я ещё жив. Он схватил Берту Джоркинс. Он пытал её. Она многое ему рассказала. Она рассказала ему о Турнире Трёх Волшебников. Она сказала ему, что старый мракоборец Грюм

будет преподавателем в Хогвартсе. Он пытал её, пока не разрушил заклятие памяти, наложенное моим отцом. Она рассказала ему, что я бежал из Азкабана. Она рассказала ему, что отец держит меня взаперти, чтобы помешать мне вернуться к хозяину. Так мой хозяин узнал, что я остаюсь его верным слугой — может быть, самым верным из всех. Хозяин задумал план на основе информации, полученной от Берты. Ему был нужен я. Он прибыл к нам около полуночи. Отец открыл дверь.

Улыбка на лице Крауча стала ещё шире, будто бы он вспомнил самый приятный момент своей жизни. Винки окаменела от отвращения, а её вытаращенные карие глаза сверкали между растопыренных пальцев.

— Всё случилось быстро. Хозяин наложил заклятие Империус на моего отца. Теперь под контролем оказался отец. Хозяин заставил его заниматься своими делами как обычно, как будто ничего не случилось. А я был освобождён. Я очнулся. Я снова стал самим собой, снова ожил впервые за долгие годы.

— И что лорд Волан-де-Морт велел тебе сделать? — спросил Дамблдор.

— Он спросил меня, готов ли я рискнуть всем

ради него. Я был готов. Я мечтал, я больше всего на свете хотел послужить ему, доказать, чего я достоин. Он сказал, что ему нужен верный слуга в Хогвартсе. Слуга, который незаметно проведёт Гарри Поттера через Турнир Трёх Волшебников. Слуга, который будет следить за Гарри Поттером. Обеспечит его победу. Превратит Кубок в портал, который отнесёт первого, кто его коснётся, к моему хозяину. Но сначала…

— Вам нужен был Аластор Грюм, — прервал его Дамблдор. Голос его был спокоен, хотя глаза метали молнии.

— Мы с Хвостом сделали это. Мы заранее приготовили Оборотное зелье. Мы пробрались к нему в дом. Грюм сопротивлялся. Был шум. Нам удалось вовремя одолеть его. Сунуть его в одно из отделений его собственного волшебного сундука. Выдернуть несколько волосков и бросить их в зелье. Я выпил его, я стал двойником Грюма. Я взял его ногу и глаз. Я был готов встретить Артура Уизли, который прибыл утихомиривать маглов, услышавших шум. Я заставил мусорные бачки двигаться по двору. Я сказал Артуру Уизли, что слышал, как кто-то влез ко мне во двор и заколдовал мусорные бачки. Затем я упаковал одежду Грюма и его приспособления в его же сундук

и отправился в Хогвартс. Я держал его живым, постоянно под заклятием Империус. Мне нужно было расспрашивать его. О его прошлом, о его вкусах и привычках, так чтобы я мог обмануть даже Дамблдора. И ещё мне были нужны его волосы, чтобы делать Оборотное зелье. Добыть остальные ингредиенты было легко. Шкуру бумсланга я взял у Снегга. Когда профессор зелий застал меня в кабинете, я сказал, что мне приказано обыскать его комнаты.

— А что стало с Хвостом после нападения на Грюма? — спросил Дамблдор.

— Хвост вернулся в дом моего отца, чтобы заботиться о хозяине и следить за моим отцом.

— Но твой отец ускользнул, — продолжил Дамблдор.

— Да. Через некоторое время он стал сопротивляться заклятию Империус, точно так же, как и я. Были моменты, когда он прекрасно понимал, что происходит. Хозяин решил, что отец больше не должен выходить из дома. Вместо этого он заставил его писать письма в Министерство. Он заставил его написать, что он болен. Но Хвост не выполнил свой долг. Он утратил бдительность. Отец бежал. Хозяин догадался, что он направляется в Хогвартс. Отец собирался рассказать

обо всём Дамблдору. Признаться. Он собирался признаться, что вызволил меня из Азкабана. Хозяин сообщил мне о побеге отца. Он приказал мне остановить его любой ценой. Я ждал и наблюдал. Я использовал карту, которую забрал у Гарри Поттера. Карту, которая едва не разрушила весь план.

— Карта? — быстро спросил Дамблдор. — Что ещё за карта?

— Карта Хогвартса. Она была у Поттера. Поттер видел меня на ней. Поттер видел, как я ворую составляющие для Оборотного зелья из кабинета Снегга. Он думал, что это мой отец, потому что нас одинаково зовут. Я тогда забрал карту у Поттера. Сказал ему, что мой отец ненавидит Тёмных магов. Поттер поверил, что мой отец охотился за Снеггом.

Целую неделю я ждал, когда же отец явится в Хогвартс. Наконец однажды вечером карта показала, что отец добрался до школы. Я надел мантию-невидимку и спустился к нему. Он шёл по краю Запретного леса. Потом появились Поттер и Крам. Я ждал. Я не мог напасть на Поттера. Моему хозяину он был нужен живым и невредимым. Поттер побежал за Дамблдором. Я оглушил Крама. Я убил своего отца.

— Не-е-е-е-е-ет! — горестно завопила Винки. — Мастер Барти, мастер Барти, что вы говорить?!

— Ты убил своего отца, — тихо повторил Дамблдор. — И что ты сделал с телом?

— Отнёс его в лес. Прикрыл мантией-невидимкой. Со мной была карта. Я увидел, как Поттер побежал в замок. Он встретил Снегга. К ним присоединился Дамблдор. Я видел, как Поттер выходит из замка вместе с Дамблдором. Я вышел из леса, обошёл их сзади и догнал их. Я сказал Дамблдору, что Снегг сообщил мне, куда идти. Дамблдор велел мне искать моего отца. Я вернулся к телу отца. Посмотрел на карту. Когда все ушли, я трансфигурировал тело отца. Превратил его в кость… Я надел мантию-невидимку и зарыл кость на свежевскопанной грядке перед хижиной Хагрида.

В комнате повисла гробовая тишина, которую; нарушали лишь судорожные всхлипы Винки. Потом Дамблдор произнёс:

— А сегодня вечером…

— Я вызвался отнести Кубок в лабиринт, — прошептал Барти Крауч, — и там превратил его в портал. План моего хозяина сработал. Он вернул себе силу, и я буду вознаграждён так, как никто из волшебников не смеет и мечтать.

Лицо его снова озарилось безумной улыбкой, и голова безвольно свалилась на плечо. Рядом с ним, не переставая всхлипывать и причитать, сидела на полу Винки.

Глава 36
Пути расходятся

Дамблдор поднялся и бросил на Барти Крауча взгляд, полный презрения. Взмахнул палочкой, и оттуда выстрелили верёвки и обвились вокруг Барти.

Директор повернулся к профессору МакГонагалл.

— Минерва, не могли бы вы постеречь его, пока я отведу Гарри наверх?

— Конечно, — ответила профессор МакГонагалл. У неё был такой вид, будто она увидела только что, как кого-то вырвало, и теперь её подташнивало. Но палочку она достала решительным жестом и твёрдой рукой направила её на Барти Крауча.

— Северус, — обратился Дамблдор к Снеггу, — пожалуйста, попросите мадам Помфри спуститься сюда. Нужно отправить Аластора Грюма в больничное крыло. Затем найдите Корнелиуса Фаджа и пригласите его сюда. Он, конечно же, захочет сам допросить Крауча. Если я ему понадоблюсь, скажите ему, что через полчаса я буду в

больничном крыле.

Снегг молча кивнул и вышел.

— Гарри? — мягко обратился Дамблдор.

Гарри встал и снова покачнулся: пока он слушал рассказ Крауча, он почти не замечал боли в ноге, а теперь она вспыхнула с новой силой. Он почувствовал, что его всего трясёт. Дамблдор взял его за руку и вывел в тёмный коридор.

— Поднимемся сначала в мой кабинет, Гарри, — тихо сказал директор. — Там нас ждёт Сириус.

Гарри кивнул. Он как будто весь онемел, происходящее казалось нереальным, но ему было всё равно, в глубине души он даже радовался этому. Сейчас он не хотел думать о том, что случилось после того, как он ухватился за ручку Кубка. Он не хотел, чтобы его заставили вспоминать то, что и без того слишком ярко и отчётливо вставало каждую секунду перед глазами. Грозный Глаз Грюм в сундуке. Скорчившийся на земле Хвост баюкает окровавленный обрубок руки. Волан-де-Морт возникает из кипящего котла. Седрик… мёртвый… Седрик просит вернуть его родителям…

— Профессор, — тихо спросил Гарри, — а где мистер и миссис Диггори?

— Они с профессором Стебль, — ответил Дамблдор, и голос его, остававшийся таким спокойным

во время допроса Крауча, дрогнул. — Она декан факультета Седрика, и она знала его лучше нас всех.

Они подошли к каменной гаргулье, Дамблдор назвал пароль, вход отворился, и они с Гарри направились вверх по винтовой лестнице, Дамблдор толкнул дубовую дверь.

Посреди кабинета стоял Сириус. Его бледное лицо было таким же измождённым, как после побега из Азкабана. Он мгновенно пересёк комнату.

— Гарри, как ты? Я знал… я знал, что-нибудь в этом роде непременно… что случилось?

Он трясущимися руками усадил Гарри в кресло перед столом Дамблдора.

— Что произошло? — настойчиво повторил он. Дамблдор рассказал Сириусу всё, что они только что услышали от Барти Крауча. Гарри слушал вполуха. Ему казалось, что от усталости у него болит каждая косточка, и он хотел одного — молча сидеть в этом кресле час за часом, чтобы в конце концов уснуть и больше ни о чём не думать.

Зашуршали крылья. Феникс Фоукс перелетел со своей жёрдочки прямо на колени Гарри.

— Привет, Фоукс, — тихо прошептал Гарри и погладил пышные, ало-золотые перья феникса.

Фоукс моргнул и спокойно на него посмотрел. Тёплая тяжесть феникса на коленях действовала на Гарри умиротворяюще.

Дамблдор замолчал. Он сидел за своим столом напротив Гарри и смотрел ему прямо в лицо. Гарри старательно отводил глаза. Дамблдор собирается расспросить его. Он хочет заставить его снова пережить всё, что случилось.

— Гарри, я должен знать, что произошло после того, как ты прикоснулся к порталу в лабиринте, — сказал Дамблдор.

— Разве нельзя оставить это до утра, Дамблдор? — хрипло спросил Сириус, положив руку на плечо Гарри. — Пусть он поспит. Пусть отдохнёт.

Гарри ощутил прилив благодарности Сириусу, но Дамблдор, похоже, ничего не слышал. Он наклонился вперёд, и Гарри очень неохотно поднял на него взгляд и посмотрел в голубые глаза Дамблдора.

— Если бы я думал, что смогу помочь тебе, — мягко произнёс Дамблдор, — погрузив тебя в заколдованный сон и позволив тебе отложить воспоминания о происшедшем на потом, я бы сделал это, не колеблясь. Но я знаю, что это не поможет. Если боль ненадолго заглушить, она станет ещё невыносимей, когда ты почувствуешь

её вновь. Ты показал чудеса отваги, и теперь я прошу тебя показать свою храбрость ещё раз. Я прошу тебя рассказать нам о том, что произошло.

Феникс издал тихий, трепещущий звук, и Гарри почувствовал, будто капля горячей жидкости скользнула по горлу прямо в желудок, согрела его и придала ему сил.

Он сделал глубокий вдох и начал свой рассказ. Он говорил, и картины пережитого вставали перед его глазами: он видел искрящуюся поверхность зелья, оживившего Волан-де-Морта; видел, как появляются среди могил Пожиратели смерти; видел тело Седрика на земле рядом с Кубком.

Раз или два Сириус как будто собирался сказать что-то, но Дамблдор жестом останавливал его. Гарри обрадовался этому, потому что продолжать рассказывать было не так тяжело, как начать. Он почувствовал огромное облегчение, как будто из него вынимали один за другим ядовитые шипы. Ему стоило больших усилий заставить себя говорить дальше, и всё же он чувствовал, что, когда закончит, ему станет гораздо легче.

Когда Гарри упомянул о том, что Хвост проткнул ему руку кинжалом, Сириус всё же издал негодующее восклицание, а Дамблдор встал так

быстро, что Гарри вздрогнул. Дамблдор обошёл вокруг стола и велел Гарри протянуть руку. Гарри показал им разорванный рукав мантии и место пореза на руке.

— Он сказал, что моя кровь сделает его гораздо сильнее, чем чья-либо, — сообщил Гарри Дамблдору. — Он сказал, что защита, которую моя… моя мама оставила на мне… она теперь будет и у него. И он был прав… он смог дотронуться до меня, до моего лица, и ему было не больно.

Гарри был уверен в этот момент, что глаза Дамблдора торжествующе блеснули. Но через секунду он понял, что ему показалось. Когда Дамблдор вернулся на своё место, он выглядел таким же старым и усталым, как обычно.

— Очень хорошо, — заметил он, усаживаясь. — Волан-де-Морт преодолел этот барьер. Продолжай, пожалуйста, Гарри.

Гарри продолжил. Он объяснил, как Волан-де-Морт появился из котла и повторил всё, что запомнил из речи Тёмного Лорда перед Пожирателями смерти. Потом он рассказал, как Волан-де-Морт развязал его, вернул палочку и приготовился к дуэли.

Но когда настал момент рассказать о золотом луче, соединившем волшебные палочки, Гарри

почувствовал, что у него перехватило горло. Он не мог выдавить ни слова. Он пытался заставить себя говорить, но сознание его затопили воспоминания о том, что возникло из палочки Волан-де-Морта. Он снова видел Седрика, незнакомого старика, Берту Джоркинс… свою мать… отца…

Он обрадовался, когда Сириус нарушил молчание.

— Палочки соединились? — переспросил он, переводя взгляд с Гарри на Дамблдора. — Почему?

Гарри поднял глаза на Дамблдора. Директор сидел в глубокой задумчивости.

— Приори Инкантатем, — пробормотал он едва слышно.

Дамблдор посмотрел на Гарри, и между ними будто пролёг невидимый мостик взаимопонимания.

— Эффект обратного вызова заклинаний? — резко спросил Сириус.

— Именно, — подтвердил Дамблдор. — У палочек Гарри и Волан-де-Морта одно и то же магическое ядро. У каждой внутри перо из хвоста одного и того же феникса. Вот этого, — добавил Дамблдор и указал на ало-золотую птицу на коленях Гарри.

— У меня в палочке перо Фоукса? — удивился Гарри.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Мистер Олливандер сообщил мне, что ты купил вторую палочку, как только ты вышел из магазина четыре года назад.

— И что же случается, когда такая палочка встречает свою сестру? — спросил Сириус.

— Они не могут по-настоящему сражаться друг с другом, — ответил Дамблдор. — Но если хозяева всё же вынуждают их, то… происходит редчайшее явление. Одна из палочек заставляет другую выдать в обратном порядке проделанные заклинания. Сначала самое последнее… а потом те, которые ему предшествовали…

Он вопросительно посмотрел на Гарри, и Гарри кивнул.

— Это означает, — продолжил медленно Дамблдор, не сводя глаз с Гарри, — что сначала появился Седрик.

Гарри снова кивнул.

— Диггори ожил? — резко спросил Сириус.

— Никакое заклятие не может оживить покойника, — тяжело заметил Дамблдор. — Это просто что-то вроде эха случившихся событий. Из палочки должна была появиться некая тень Седрика…

я прав, Гарри?

— Он говорил со мной. — Гарри снова била дрожь. — При… призрак Седрика, или что это было, говорил.

— Эхо, — подтвердил Дамблдор, — которое сохранило внешность и характер Седрика. Я думаю, появились и другие тени… прежние жертвы палочки Волан-де-Морта…

— Старик, — Гарри всё ещё с трудом выдавливал из себя слова. — Берта Джоркинс. И…

— Твои родители? — тихо спросил Дамблдор.

— Да.

Сириус сжал его плечо с такой силой, что Гарри стало больно.

— Последние убийства, совершённые палочкой, — кивнул Дамблдор. — В обратном порядке. Конечно, многие ещё появились бы, сумей ты удержать связь. Очень хорошо, Гарри, это эхо, эти тени… что они делали?

Гарри описал, как призраки кружили по краю золотой паутины, как Волан-де-Морт явно их боялся, как тень отца объяснила ему, что делать, как Седрик высказал свою последнюю просьбу.

В этот момент Гарри понял, что продолжать не может. Он почувствовал, что рука Сириуса уже не лежит на его плече, и обернулся. Сириус Блэк

стоял, спрятав лицо в ладонях.

Внезапно Гарри понял, что Фоукс не сидит у него на коленях. Феникс спорхнул на пол, прикоснулся головой к покалеченной ноге Гарри и роняет свои перламутровые слёзы на рану, нанесённую пауком. Боль исчезла. Кожа заросла. Нога была здорова.

— Я хочу повторить ещё раз, — сказал Дамблдор, когда феникс взлетел к себе на жёрдочку. — Ты проявил сегодня чудеса отваги, Гарри. Я не ожидал от тебя подобного. Ты проявил храбрость, подобно тем, кто погиб, сражаясь с Волан-де-Мортом, когда тот был в расцвете своих сил. Тебе досталась ноша взрослого волшебника, и ты оказался достойным нести её. А сейчас ты отдал всё, чего мы вправе были ожидать от тебя. Ты пойдёшь со мной в больничное крыло. Я не хочу, чтобы сегодня ты возвращался в свою спальню. Сонное зелье и покой… Сириус, хочешь побыть с ним?

Сириус кивнул и превратился в чёрного пса. Все вместе они вышли из кабинета Дамблдора и направились в больничное крыло.

Когда Дамблдор распахнул дверь, Гарри увидел, как миссис Уизли, Билл, Рон и Гермиона окружили смущённую мадам Помфри и требовали от неё

ответа: где Гарри и что с ним?

Все тут же обернулись на звук открываемой двери, и миссис Уизли тут же сдавленно воскликнула:

— Гарри, Гарри!

Она бросилась к нему, но Дамблдор встал между ней и Гарри Поттером.

— Молли, — твёрдо сказал он, подняв руку, — пожалуйста, выслушай меня. Гарри подвергся сегодня ужасному испытанию. Только что, в разговоре со мной, он ещё раз пережил всё случившееся. Сейчас ему нужны сон, тишина и покой. Если он захочет, чтобы вы остались с ним, — добавил он, глядя на Рона, Гермиону и Билла, — вы можете остаться. Но я хочу, чтобы ему не задавали вопросов до тех пор, пока он не будет готов ответить на них. И уж конечно никаких вопросов сегодня вечером.

Миссис Уизли кивнула. Лицо её было белее мела.

Она резко повернулась к Рону, Гермионе и Биллу и прошипела сердито, как будто они шумели:

— Слышали? Ему нужен покой!

— Господин директор, — произнесла мадам Помфри, не сводя глаз с огромного чёрного пса, — можно спросить…

— Этот пёс побудет некоторое время рядом с Гарри, — ответил Дамблдор, не давая никаких объяснений. — Уверяю вас, он отлично выдрессирован. Гарри, я подожду, пока ты уляжешься в постель.

Гарри был невыразимо благодарен Дамблдору за то, что он оградил его от вопросов. Он был не против того, что все собрались здесь, ему просто была невыносима сама мысль о том, чтобы снова объяснять, снова переживать всё это.

— Я вернусь сразу же, как только поговорю с Фаджем, Гарри, — сказал Дамблдор. — Я хотел бы, чтобы ты оставался здесь и завтра, пока я не выступлю перед школой.

С этими словами Дамблдор ушёл.

Мадам Помфри повела Гарри к кровати, и он заметил в дальнем конце палаты Грюма. Тот лежал, не двигаясь, а рядом на тумбочке его ожидали деревянная нога и волшебный глаз.

— С ним всё в порядке? — спросил он.

— Всё будет хорошо, — ответила мадам Помфри, протягивая Гарри пижаму и расставляя вокруг него ширму.

Он снял мантию, надел пижаму и забрался в постель. Из-за ширмы появились Рон, Гермиона, Билл и миссис Уизли с чёрным псом и устрои-

лись на стульях по обе стороны кровати. Рон с Гермионой смотрели на Гарри почти с опаской, как будто боялись его.

— Со мной всё в порядке, — сказал он. — Я просто устал.

Миссис Уизли зачем-то поправила одеяло, и глаза её наполнились слезами.

Из кабинета возвратилась мадам Помфри с бутылочкой пурпурного зелья и кубком в руках.

— Ты должен выпить всё, Гарри, — заявила она. — Это зелье, чтобы спать без снов.

Гарри взял кубок, сделал несколько глотков и сразу же почувствовал, что глаза у него слипаются. Окружающее как будто заволокло дымкой, лампы дружески подмигивали ему сквозь ширму, а тело, казалось, тонет в мягком тепле матраса. Не успел он опустошить кубок, как тут же уснул.

* * *

Когда Гарри проснулся, ему было так тепло и уютно, что глаза открывать не хотелось, а хотелось наоборот, тут же уснуть снова. Свет в комнате был приглушён, и он был уверен, что сейчас ещё ночь, и значит он не мог проспать долго.

Рядом послышался шёпот.

— Они разбудят его, если не прекратят немедленно!

— И чего они там кричат? Ничего ведь не могло случиться!

Гарри открыл глаза. Кто-то снял с него очки, поэтому всё вокруг расплывалось. Он увидел лишь нечёткие очертания миссис Уизли и Билла рядом с собой.

— Это голос Фаджа, — прошептала миссис Уизли, поднимаясь со стула. — А это Минервы МакГонагалл, верно? О чём это они там спорят?

Теперь голоса донестись и до Гарри. Люди кричали и бежали в сторону больничной палаты.

— Мне очень жаль, Минерва, но тем не менее… — громко произнёс Корнелиус Фадж прямо под дверью.

— Вам не следовало приводить его в замок! — кричала профессор МакГонагалл. — Когда Дамблдор узнает об этом…

Гарри услышал, как со стуком распахнулась дверь палаты. Все окружавшие его повернулись к дверям и не заметили, как Гарри сел и надел очки.

Фадж решительно влетел в палату. Следом за ним вбежали профессора МакГонагалл и Снегг.

— Где Дамблдор? — спросил Фадж у миссис

Уизли.

— Его здесь нет, — сердито ответила она. — Это больничная палата, министр, и вам не кажется, что вам было бы лучше…

В этот момент дверь снова распахнулась, и на пороге возник Дамблдор.

— Что случилось? — резко спросил он, переведя взгляд с Фаджа на профессора МакГонагалл. — Почему вы беспокоите больных? Минерва, я удивлён… я просил вас постеречь Барти Крауча…

— В этом больше нет необходимости, Дамблдор! — взвизгнула она. — Министр позаботился об этом!

Гарри никогда не видел, чтобы профессор МакГонагалл теряла контроль над собой. Её щёки пылают от гнева, ладони сжаты в кулаки; её всю трясёт от ярости.

— Когда мы сообщили мистеру Фаджу, что нами пойман Пожиратель смерти, ответственный за всё, происшедшее сегодня ночью, — тихо произнёс Снегг, — он, похоже, решил, что под угрозой находится его собственная безопасность. Он настоял на том, чтобы вызвать дементора для охраны. С этим дементором он явился в кабинет, где Барти Крауч…

— Я предупреждала его, что вы не согласитесь,

Дамблдор! — вмешалась профессор МакГонагалл. — Я сказала ему, что вы никогда не позволите дементорам переступить порог замка, но…

— Моя дорогая! — взревел Фадж. (Таким разъярённым Гарри никогда его не видел.) — Поскольку я являюсь министром магии, то именно я решаю, брать ли с собой охрану, если мне предстоит допрашивать потенциально опасного…

Но профессор МакГонагалл перебила его:

— И как только этот… это существо вошло в кабинет, — крикнула она, — оно набросилось на Крауча и… и…

У Гарри в животе похолодело. Профессор МакГонагалл подыскивала подходящее слово, но он уже и так всё понял. Он знал, что сделал дементор: применил к Барти Краучу смертельный поцелуй. Он высосал из него душу, и теперь Крауч хуже, чем мёртв.

— Туда ему и дорога! — вспыхнул Фадж. — Похоже, на его совести несколько убийств!

— Но теперь он не сможет свидетельствовать, Корнелиус, — заметил Дамблдор. Он не сводил с Фаджа взгляда, как будто впервые разглядел его по-настоящему. — Теперь он не сможет рассказать, почему он убил этих людей.

— Почему он их убил? Ну так ведь это и без того

понятно! — горячо возразил Фадж. — Он же просто сумасшедший! Судя по тому, что рассказали мне Минерва с Северусом, он думал, что выполняет указания Сами-Знаете-Кого!

— Он действительно выполнял указания лорда Волан-де-Морта, Корнелиус, — ответил Дамблдор. — Смерть этих людей была лишь побочным следствием плана, который должен был помочь Волан-де-Морту вернуть себе былое могущество. План удался. Волан-де-Морт вернул себе тело.

Фадж явно не поверил своим ушам. Растерянно моргая, он уставился на Дамблдора. Министр магии выглядел так, будто его только что ударили по голове мешком с песком.

— Сами-Знаете-Кто… вернулся? — с трудом выдавил он. — Абсурд! Дамблдор, это нелепость…

— Без сомнения, Минерва и Северус уже сообщили вам, — продолжил Дамблдор, — что мы слышали признание Барти Крауча. Под воздействием Сыворотки Правды он рассказал нам, как ему помогли бежать из Азкабана и как Волан-де-Морт, узнав от Берты Джоркинс о его освобождении, явился, чтобы избавить его от отца и использовать для захвата Гарри. План сработал, говорю я вам. Крауч помог Волан-де-Морту возродиться.

— Послушайте, Дамблдор, — начал Фадж, и Гарри с изумлением увидел, как министр заулыбался, — вы… неужели вы всерьёз верите этому. Сами-Знаете-Кто возродился? Бросьте, бросьте… конечно, Крауч мог верить в то, что выполняет указания Сами-Знаете-Кого, но верить словам сумасшедшего, Дамблдор…

— Когда Гарри прикоснулся к Кубку Трёх Волшебников, тот перенёс его прямо к Волан-де-Морту, — настойчиво продолжал Дамблдор. — Он был свидетелем возрождения Волан-де-Морта. Я всё вам объясню, если вы пройдёте ко мне в кабинет.

Дамблдор бросил взгляд в сторону Гарри, увидел, что тот проснулся, но, покачав головой, сказал:

— Боюсь, я не смогу разрешить вам расспросить сегодня Гарри.

Фадж продолжал загадочно улыбаться. Он тоже посмотрел на Гарри, затем обернулся к Дамблдору и спросил:

— Вы… э-э… готовы поверить Гарри на слово, Дамблдор?

На мгновение повисла тишина, которую нарушило рычание Сириуса. Он оскалился в сторону Фаджа.

— Конечно, я верю Гарри, — ответил Дамблдор. Его глаза гневно сверкали. — Я слышал признание Крауча, и я слышал рассказ Гарри о том, что произошло после того, как он коснулся Кубка. Обе истории объясняют всё случившееся после исчезновения Берты Джоркинс прошлым летом.

Странная улыбка не сходила с лица Фаджа. Он снова бросил взгляд на Гарри, прежде чем ответить:

— Вы готовы поверить, что лорд Волан-де-Морт возродился, только на основании заявления сумасшедшего и слов мальчика, который… который…

Фадж снова посмотрел на Гарри, и Гарри внезапно всё понял.

— Вы читали статьи Риты Скитер, мистер Фадж, — тихо произнёс он.

Рон, Гермиона, миссис Уизли и Билл подпрыгнули от неожиданности. Они не подозревали, что Гарри проснулся.

Фадж слегка покраснел, но тут же упрямо посмотрел на Дамблдора.

— Ну и что? — вызывающе произнёс он. — Что, если я выяснил, что вы скрывали некоторые факты, касающиеся этого мальчика? Змееязычный волшебник, да? И всё время странные заявления и припадки…

— Я полагаю, вы говорите о болях в шраме, которые Гарри испытывает в последнее время? — холодно спросил Дамблдор.

— Значит, вы признаёте, что у него бывают боли? — быстро переспросил Фадж. — Головные боли? Кошмары по ночам? Возможно, даже галлюцинации?

— Послушайте, Корнелиус, — сказал Дамблдор, шагнув навстречу собеседнику. От директора снова исходило ощущение силы, как тогда, когда он оглушил молодого Крауча. — Гарри также здоров, как и мы с вами. Шрам не повредил его мозгам. Я считаю, что шрам болит, когда лорд Волан-де-Морт находится поблизости от Гарри, либо планирует совершить убийство.

Фадж отступил на полшага от Дамблдора, но выглядел всё таким же упрямым.

— Простите, Дамблдор, но я и раньше слышал о том, что шрам от заклятия может действовать в качестве будильника…

— Послушайте, я сам видел, как Волан-де-Морт возродился! — крикнул Гарри. Он попытался выбраться из постели, но миссис Уизли не дала ему это сделать. — Я видел Пожирателей смерти! Я могу назвать их имена! Люциус Малфой…

Снегг дёрнулся было, но когда Гарри перевёл на

него взгляд, Снегг снова смотрел на Фаджа.

— Малфой был оправдан! — негодующе воскликнул Фадж. — Старинный род… пожертвования на благородные цели…

— Макнейр! — продолжил Гарри.

— Тоже оправдан! Сейчас работает в Министерстве!

— Эйвери… Нотт… Крэбб… Гойл…

— Ты просто повторяешь имена тех якобы Пожирателей смерти, кто был оправдан тринадцать лет назад! — сердито заявил Фадж. — Ты мог прочесть их имена в старых судебных отчётах! Ради бога, Дамблдор… мальчишка рассказывал такую же безумную историю в конце прошлого года… его истории становятся всё длиннее и неправдоподобнее, а вы продолжаете глотать их… мальчишка может разговаривать со змеями, Дамблдор, и вы всё ещё верите ему?

— Вы дурак! — гневно воскликнула профессор МакГонагалл. — Седрик Диггори! Мистер Крауч! Эти смерти — не дело рук какого-то безумца!

— Нет никаких свидетельств обратного! — так же гневно крикнул Фадж. Лицо его побагровело. — Похоже, вы готовы сеять панику, которая разрушит всё, что нам удалось наладить за последние тринадцать лет!

Гарри не верил своим ушам. Он всегда считал Фаджа немного суетливым, слегка напыщенным, но в общем-то добродушным человеком. Сейчас перед ним стоял низенький сердитый волшебник, категорически отказывающийся даже думать о том, что могло бы разрушить весь его уютный, упорядоченный мирок — о том, что Волан-де-Морт возродился.

— Волан-де-Морт вернулся, — повторил Дамблдор. — Если вы сейчас осознаете это, Фадж, и примете соответствующие меры, возможно, нам удастся спасти положение. Прежде всего необходимо удалить всех дементоров из Азкабана…

— Абсурд! — снова закричал Фадж. — Удалить дементоров! Да меня вышибут из кабинета, заикнись я об этом! Половина волшебников спит спокойно только потому, что знает — дементоры охраняют Азкабан!

— А вторая половина, Корнелиус, спит гораздо беспокойнее, зная, что самых опасных сторонников лорда Волан-де-Морта охраняют существа, которые по первой его просьбе станут на его сторону! — возразил Дамблдор. — Они не останутся верны вам, Фадж! Волан-де-Морт может предложить им гораздо больше, чем вы! Если к Волан-де-Морту вернутся его сторонники и

дементоры переметнутся к нему, вам будет очень трудно помешать ему снова добиться той власти, которая была у него тринадцать лет назад!

Фадж молча открывал и закрывал рот, как будто не мог найти слов, чтобы выразить своё негодование.

— Следующее, что необходимо предпринять — это направить послов к великанам.

— Послов к великанам? — взвизгнул Фадж, снова овладев даром речи. — Что это ещё за безумие?

— Протяните им руку дружбы сейчас, прежде чем станет слишком поздно, — продолжал Дамблдор, — не то Волан-де-Морт убедит их, как он это сделал раньше, что он единственный из всех волшебников сможет вернуть им их права и свободы!

— Вы… вы это серьёзно? — ахнул Фадж, качая головой. Он отступил от Дамблдора ещё на шаг. — Если волшебное сообщество узнает, что я договариваюсь с великанами… люди ненавидят их, Дамблдор… конец моей карьере…

— Вы ослеплены, — повысил голос Дамблдор, волны мощи, исходящей от него, стали почти осязаемы, глаза его сверкали, — любовью к своему посту, Корнелиус! Вы придаёте — и всегда

придавали — слишком большое значение так называемой чистоте крови! Вы не понимаете, что важно не то, кем ты родился, а то, каким ты стал! Ваш дементор сейчас уничтожил последнего отпрыска одной из самых чистокровных волшебных семей. Посмотрите, какую жизнь выбрал себе этот человек! Я говорю вам: сделайте то, что я сейчас предложил — и независимо от того, будете вы занимать эту должность дальше или нет, вас запомнят как величайшего и самого смелого министра магии в нашей истории. Не сделаете — и останетесь в истории как человек, который отошёл в сторону и тем самым позволил Волан-де-Морту попытаться во второй раз уничтожить мир, который мы старались восстановить!

— Сумасшедший, — прошептал, пятясь, Фадж. — Чокнутый…

Повисла тишина. Мадам Помфри, прикрыв рот руками, стояла в ногах у Гарри. Миссис Уизли по-прежнему держала руку на плече у Гарри, чтобы не дать ему встать. Билл, Рон и Гермиона молча смотрели на Фаджа.

— Если вы решительно намерены закрыть на всё глаза, Фадж, — продолжал Дамблдор, — то сейчас наши пути разойдутся. Действуйте так, как сочтёте нужным. А я… я тоже буду действо-

вать так, как сочту нужным.

В голосе Дамблдора послышался намёк на угрозу. Это было просто заявление, но Фадж ощетинился так, будто Дамблдор навёл на него волшебную палочку.

— А теперь послушайте, Дамблдор, — ткнул пальцем в его сторону Фадж. — Я всегда давал вам определённую свободу. Я очень вас уважал. Я мог не соглашаться с некоторыми вашими решениями, но я молчал. Немногие позволили бы вам взять на работу оборотня и Хагрида или без согласования с Министерством решать, что и как преподавать ученикам. Но если вы собираетесь работать против меня…

— Я собираюсь работать только против лорда Волан-де-Морта. — ответил Дамблдор. — И если вы тоже против него, значит, мы с вами сторонники, Корнелиус.

Фадж, похоже, не нашёлся, что ответить на это. Какое-то время он молча раскачивался с носков на пятки и вертел в руках свой котелок.

Наконец он произнёс почти жалобно:

— Не мог он вернуться, Дамблдор, это же просто невозможно…

Снегг решительно вышел вперёд, закатал рукав мантии и ткнул руку прямо в нос Фаджу. Министр

отшатнулся.

— Вот, — хрипло сказал Снегг. — Вот, смотрите. Чёрная Метка. Уже не такая чёткая, как, скажем, часа полтора назад, но различить её всё же можно. Тёмный Лорд впечатал свой знак в руку каждого Пожирателя смерти. Именно так мы узнавали друг друга. Так Тёмный Лорд призывал нас к себе. Когда он касался Чёрной Метки на руке Пожирателя смерти, все остальные должны были немедленно трансгрессировать к нему. Целый год Метка становилась всё более чёткой. У Каркарова тоже. Как вы думаете, почему Каркаров бежал сегодня? Мы оба чувствовали, как горит Чёрная Метка. Мы оба знали, что он вернулся. Каркаров боится мести Тёмного Лорда. Он предал слишком много его верных сторонников, и хозяин вряд ли примет его с радостью.

Фадж, покачивая головой, отступил от Снегга ещё на полшага. Похоже, он не слышал ни слова из сказанного Снеггом. Он уставился с отвращением на уродливую отметину на руке Снегга, затем с усилием оторвал от неё взгляд, посмотрел на Дамблдора и прошептал:

— Я не знаю, чего добиваетесь вы и ваши сотрудники, Дамблдор, но я услышал достаточно. Добавить мне нечего. Завтра я свяжусь с вами,

Дамблдор, чтобы обсудить вопросы руководства школой. Я должен вернуться в Министерство.

Он замер на полпути к двери, резко развернулся и подошёл к кровати Гарри.

— Твой выигрыш, — сухо сказал он, вынимая из кармана внушительный мешочек с золотом, и кладя его на тумбочку. — Тысяча галеонов. Церемония должна была бы состояться завтра, но в сложившихся обстоятельствах…

Он водрузил котелок на голову и решительным шагом вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Как только Фадж исчез, Дамблдор повернулся к группе, стоящей возле кровати Гарри.

— Предстоит очень много работы, — сказал он. — Молли… я не ошибаюсь, полагая, что могу рассчитывать на вас с Артуром?

— Конечно, можете, — ответила миссис Уизли. Она побледнела ещё больше, но выглядела весьма решительно. — Артур знает Фаджа. Он и в Министерстве-то работает только потому, что любит маглов. А Фадж считает, что ему не хватает истинной гордости волшебника.

— Тогда мне нужно отправить ему письмо, — сказал Дамблдор. — Нужно известить всех, кого мы сможем убедить в своей правоте, а Артур поговорит с теми в Министерстве, кто не так

близорук, как Корнелиус.

— Я поеду к отцу, — тут же поднялся Билл. — Прямо сейчас.

— Отлично, — сказал Дамблдор. — Расскажи ему, что случилось. Скажи, что я скоро сам свяжусь с ним. Но пусть он соблюдает осторожность. Если Фадж подумает, что я вмешиваюсь в работу Министерства…

— Предоставьте это мне, — сказал Билл.

Он похлопал Гарри по плечу, поцеловал в щёку мать, натянул плащ и быстро вышел из комнаты.

— Минерва, — повернулся Дамблдор к профессору МакГонагалл, — попросите Хагрида как можно скорее подняться ко мне в кабинет. И ещё — если она согласится прийти — мадам Максим.

Профессор МакГонагалл молча кивнула и вышла.

— Поппи, — обратился Дамблдор к мадам Помфри, — будьте так добры, спуститесь в кабинет профессора Грюма. Там, я думаю, вы обнаружите домового эльфа Винки в ужасном состоянии. Сделайте для неё всё, что сможете, и отведите на кухню. Я думаю, Добби позаботится о ней.

— Очень… очень хорошо, — удивлённо ответила мадам Помфри и тоже вышла.

Дамблдор молчал до тех пор, пока шаги мадам Помфри не затихли вдалеке.

— А сейчас, — сказал он, — я хочу, чтобы двое из нас сняли друг перед другом свои маски. Сириус… будь добр, прими свой обычный вид.

Огромный чёрный пёс посмотрел на Дамблдора, и в следующее мгновение превратился в человека.

Миссис Уизли взвизгнула, отпрыгнув от кровати:

— Сириус Блэк!

— Мам, молчи! — крикнул Рон. — Всё в порядке!

Снегг не кричал и не прыгал, но лицо его излучало смесь ужаса и ярости.

— Он! — рыкнул он, глядя на Сириуса, который смотрел на него с тем же выражением. — Что он здесь делает?

— Его пригласил я, — ответил Дамблдор, переводя взгляд с одного на другого, — так же, как и тебя, Северус. Я доверяю вам обоим. Настало время забыть старые обиды и поверить друг другу.

Гарри подумал, что Дамблдор требует невозможного. Сириус и Снегг смотрели друг на друга с ненавистью.

— Пока что я был бы доволен, — нетерпеливо

продолжил Дамблдор, — если бы вы не выказывали друг другу открытой враждебности. Пожмите руки. Сейчас вы по одну сторону баррикад. Время не ждёт, и если даже те немногие из нас, кто знает правду, сейчас не объединятся, то у нас просто нет никаких шансов.

Очень медленно Сириус и Снегг подошли друг к другу и протянули руки, а пожав, тут же их отдёрнули. Вид при этом у них был такой, что было ясно: каждый желает другому если не смерти, то тяжёлой болезни точно.

— Для начала достаточно, — заявил Дамблдор, снова становясь между ними. — Для каждого из вас у меня есть работа. Хоть я и ожидал от Фаджа чего-то в этом роде, но подобная реакция полностью меняет дело. Сириус, ты должен сейчас же отправиться в путь. Предупреди Римуса Люпина, Арабеллу Фигг, Наземникуса Флетчера — в общем всю старую компанию. На время спрячься у Люпина, я свяжусь с тобой позднее.

— Но… — начал Гарри.

Он хотел, чтобы Сириус остался. Он не хотел прощаться с ним.

— Мы увидимся очень скоро, Гарри, — обернулся к нему Сириус. — Обещаю. Но я должен сделать всё, что могу, сам понимаешь…

— Да, — произнёс Гарри, — да… конечно, понимаю.

Сириус быстро пожал ему руку, кивнул Дамблдору, снова превратился в пса и подбежал к двери. Лапой повернул ручку и исчез в коридоре.

— Северус, — обратился Дамблдор к Снеггу, — ты знаешь, что я должен попросить. Если… если ты готов это сделать…

— Да, — ответил Снегг.

Он выглядел бледнее обычного, а его чёрные глаза странно блестели.

— Тогда, удачи, — сказал Дамблдор. С мрачным предчувствием во взгляде он смотрел, как Снегг молча вышел из комнаты вслед за Сириусом.

Прошло несколько минут, прежде чем он снова заговорил.

— Я должен спуститься, — наконец сказал он. — Мне нужно поговорить с родителями Диггори. Гарри, прими оставшееся зелье. Я ещё увижусь со всеми вами позже.

Дамблдор ушёл. Гарри откинулся на подушки. Гермиона, Рон и миссис Уизли долго молча смотрели на него.

— Нужно выпить оставшееся зелье, Гарри, — заговорила, наконец, миссис Уизли. Она потянулась за кубком и задела мешочек с золотом. — Тебе

нужно выспаться как следует. Попробуй подумать о чём-нибудь другом… подумай, например, что ты купишь на выигранные деньги!

— Мне не нужно это золото, — ответил Гарри без всякого выражения. — Возьмите его себе. Или пусть кто-нибудь другой возьмёт. Это не я выиграл. Это золото Седрика.

Он сражался с этим с того самого момента, когда вышел из лабиринта, и всё-таки это его настигло. Гарри чувствовал, как щиплет в уголках глаз. Он моргнул несколько раз и уставился в потолок.

— Ты ни в чём не виноват, Гарри, — прошептала миссис Уизли.

— Это я предложил ему взяться за Кубок вдвоём, — ответил Гарри.

Теперь щипало не только в глазах, но и в горле. Как он хотел, чтобы Рон сейчас отвернулся!

Миссис Уизли поставила кубок с напитком на тумбочку, обняла Гарри и прижала его к себе. Никто никогда не обнимал его так, почти как мать. В это же мгновение на него обрушилась вся тяжесть случившегося этой ночью. Лицо матери, голос отца, тело Седрика на земле — всё невыносимо кружилось перед глазами, так что Гарри едва не прокусил себе губу борясь с горестным воем, который рвался изнутри.

Раздался громкий хлопок, и миссис Уизли отпустила Гарри. Гермиона стояла у окна, сжимая что-то в руке.

— Извините, — прошептала она.

— Вот твоё зелье, Гарри, — сказала миссис Уизли, быстро вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Гарри выпил всё одним глотком, и оно тут же подействовало. Тяжёлые волны сна без снов накатили на него. Сопротивляться он не мог и не хотел. Он откинулся на подушку и больше не думал ни о чём.

Глава 37
Начало

Когда по прошествии месяца Гарри оглядывался назад, он обнаружил, что не так уж и много воспоминаний осталось у него об этих днях. Похоже, память не смогла сохранить всё пережитое. Оставшиеся воспоминания были одно тяжелее другого. Хуже всех была встреча с родителями Диггори, которые пришли в больничное крыло на следующее утро.

Они не обвиняли его в происшедшем, наоборот, оба благодарили за то, что он вернул им тело Седрика. Мистер Диггори то и дело всхлипывал, а миссис Диггори от горя даже плакать не могла.

— Значит, он совсем не страдал, — сказала она, когда Гарри рассказал им, как умер Седрик. — И знаешь, Амос… он умер сразу же после того, как завоевал Кубок. Должно быть, он был счастлив.

Когда они встали, чтобы уйти, она посмотрела на Гарри и сказала:

— Ты теперь берегись, Гарри, будь осторожнее.

Гарри схватил с тумбочки мешочек с золотом.

— Возьмите это, — пробормотал он. — Это ведь

Седрика, он первым добрался до него, возьмите…

Но она попятилась от него со словами:

— Нет-нет, это твоё, дорогой… мы не можем… оставь себе…

* * *

На следующий вечер Гарри вернулся в башню Гриффиндора. Гермиона и Рон рассказали ему, что Дамблдор обратился за завтраком к ученикам школы. Он просил всех оставить Гарри в покое, не задавать вопросов и не просить рассказать, что же произошло в лабиринте. Гарри заметил, что многие обходят его стороной, а некоторые начинают шептаться друг с другом, когда он проходит мимо. Он понял: читали статью Риты Скитер о том, что он неуравновешен и может представлять опасность. Может быть, даже строят свои собственные версии смерти Седрика. Гарри это не волновало. Больше всего ему нравилось быть с Роном и Гермионой и болтать о чём-нибудь постороннем или просто молча сидеть рядом, когда они играют в шахматы. Он чувствовал, что они втроём понимают друг друга настолько, что уже не нуждаются в словах. Они просто ждут какого-то знака, известия о том, что происходит за стенами Хогвартса. Раздумывать, что может

случиться, не имеет никакого смысла, пока это не случилось. Они лишь однажды заговорили об этом — когда Рон рассказал Гарри о разговоре миссис Уизли с Дамблдором перед отъездом домой.

— Она просила его разрешить тебе поехать прямо к нам этим летом, — сказал он. — Но он хочет, чтобы ты пожил у Дурслей, по крайней мере, поначалу.

— Почему? — удивился Гарри.

— Она сказала, что у Дамблдора есть на это причины, — мрачно ответил Рон. — Я думаю, мы должны ему верить, правда?

Кроме Рона и Гермионы Гарри мог разговаривать ещё с Хагридом. Поскольку учителя по защите от Тёмных искусств теперь не было, во время этих уроков они были свободны. В один из таких часов, в четверг после обеда, друзья решили навестить Хагрида. День был ясный, солнечный; Клык выскочил из распахнутой двери и бросился им навстречу, громко лая и размахивая хвостом.

— Кто там? — проревел Хагрид, появляясь в дверях. — Гарри!

Он быстро подошёл к ним, обнял Гарри гигантской ручищей, взъерошил ему волосы и сказал:

— Рад видеть тебя, дружище. Здорово!

Войдя в хижину, они увидели на столе две чашки размером с ведро.

— Выпил чашечку с Олимпией, — заметил Хагрид. — Ушла только что.

— Кто? — полюбопытствовал Рон.

— Мадам Максим, конечно! — ответил Хагрид.

— Значит, вы помирились, да? — спросил Рон.

— Не знаю, о чём это ты, — отмахнулся Хагрид, доставая ещё чашки из буфета. Приготовив чай и водрузив на стол тарелку с плохо пропечённым печеньем, Хагрид откинулся в кресле и пристально оглядел Гарри своими похожими на чёрных жуков глазами.

— Ты как, в порядке? — грубовато спросил он.

— Да, — ответил Гарри.

— Нет, — возразил Хагрид. — Конечно, нет. Но всё устроится.

Гарри промолчал.

— Я знал, что он вернётся, — заявил Хагрид. (Гарри, Рон и Гермиона потрясённо посмотрели на него.) — Знал это всегда, Гарри. Знал, что он там… э-э… прячется… выжидает. Это должно было случиться. Ну, так это и случилось… И что теперь? Ничего… Будем бороться. Может, сможем остановить его… не дать ему снова… ну, взять власть. Это Дамблдор так считает. Великий чело-

век, Дамблдор… Пока он с нами, я спокоен.

Хагрид увидел по лицам друзей, что они не верят своим ушам, и удивлённо поднял свои лохматые брови.

— Нет смысла сидеть и беспокоиться, — сказал он. — Чему быть, того не миновать. Надо просто быть к этому готовым. Дамблдор рассказал мне, что ты сделал, Гарри.

Хагрид посмотрел на Гарри, и его грудь раздулась от гордости.

— Ты поступил, как поступил бы твой отец. А лучшей похвалы просто нет.

Гарри улыбнулся в ответ, впервые за последние несколько дней.

— А что Дамблдор попросил тебя сделать, Хагрид? — спросил он. — Он послал профессора МакГонагалл за тобой и за мадам Максим… тогда ночью.

— Есть небольшая работёнка на лето, — ответил Хагрид. — Но это секрет. Нельзя говорить об этом, даже вам нельзя. Олимпия — для вас мадам Максим, — может, тоже поедет со мной. Я так думаю. Надеюсь, смогу её уговорить.

— Это связано с Волан-де-Мортом?

Хагрид сжался при звуках этого имени.

— Может быть, — уклончиво ответил лесни-

чий. — А сейчас… сейчас… кто хочет пойти со мной, посмотреть на последнего соплохвоста? Шутка… Шутка! — тут же воскликнул он, увидев их лица.

С тяжёлым сердцем Гарри собирал чемодан накануне отъезда из Хогвартса на Тисовую улицу. Он боялся Прощального пира, который всегда был таким праздничным, таким радостным — ведь на нём объявляли факультет-победитель. После возвращения из больничной палаты Гарри не ходил в Большой зал, когда там было особенно много народу, и старался есть попозже, чтобы избежать любопытных взглядов.

Когда они с Роном и Гермионой вошли в зал, они сразу заметили, что зал не украшен, как обычно, цветами победившего факультета. Сегодня стена за учительским столом была задрапирована чёрным. Гарри тут же понял, что это — дань уважения Седрику.

За столом преподавателей сидел настоящий Грозный Глаз Грюм. Деревянная нога и волшебный глаз вернулись к нему, но несмотря на это он был весь какой-то дёрганый и вскакивал каждый раз, когда кто-то заговаривал с ним. Гарри не мог его винить в этом: подозрительность Грюма должна была только усилиться после десятиме-

сячного заключения в собственном сундуке. Стул профессора Каркарова был пуст. Садясь на своё место, Гарри задумался, где же Каркаров сейчас, поймал его Волан-де-Морт или нет?

А вот мадам Максим была на месте. Она сидела рядом с Хагридом, и они о чём-то тихо переговаривались. Дальше, рядом с профессором МакГонагалл, сидел Снегг. Их взгляды на мгновение встретились, когда Гарри посмотрел на него. Трудно было понять по лицу, о чём он думает. Выглядел он, во всяком случае, таким же мрачным и неприятным, как и всегда. Гарри ещё долго вглядывался в него, после того как Снегг отвёл глаза в сторону.

Что сделал Снегг по заданию Дамблдора в ту ночь, когда вернулся Волан-де-Морт? И почему, почему Дамблдор так уверен, что Снегг действительно на нашей стороне? Дамблдор в Омуте говорил, что Снегг был нашим шпионом, что он действовал против Волан-де-Морта, «несмотря на огромный личный риск». Может быть, он снова пойдёт на это? Может, он уже вступил в контакт с Пожирателями смерти? Сделал вид, что никогда не переходил на сторону Дамблдора, что, как и сам Волан-де-Морт, всё это время он лишь ждал подходящего момента?

Размышления Гарри прервал профессор Дамблдор, который поднялся со своего места. В Большом зале и до того было совсем не так шумно, как бывало раньше, а теперь и подавно повисла тишина.

— Закончился, — произнёс Дамблдор, оглядев присутствующих, — ещё один учебный год.

Он замолчал и посмотрел на стол пуффендуйцев. За этим столом было тише всего, а лица студентов были самыми грустными и бледными во всём Большом зале.

— Многое я хотел бы сказать вам сегодня вечером, — продолжил Дамблдор, — но прежде всего я должен признаться, что мы потеряли очень хорошего человека, который должен был сидеть здесь, — Дамблдор махнул рукой в сторону стола пуффендуйцев, — и вместе с нами радоваться Прощальному пиру. Я хотел бы, чтобы все сейчас встали и подняли стаканы в честь Седрика Диггори.

И они это сделали. Заскрипели отодвигаемые скамьи, и все присутствующие встали, подняли кубки и по залу прокатилось: «За Седрика Диггори».

Гарри сквозь толпу увидел Чжоу. По её лицу тихо текли слёзы. Все сели, и Гарри уткнулся

взглядом в стол.

— Седрик обладал многими достоинствами, которыми отличаются студенты Пуффендуя, — снова заговорил Дамблдор. — Он был хорошим верным другом, любил труд, высоко ценил справедливость. Смерть его подействовала на всех вас, независимо от того, знали вы его или нет. Поэтому я думаю, вы имеете право узнать, как это случилось.

Гарри поднял голову и посмотрел на Дамблдора.

— Седрика Диггори убил лорд Волан-де-Морт.

По залу пронёсся взволнованный шёпот. Одни смотрели на Дамблдора с ужасом, другие — с недоверием. Директор спокойно дождался пока шум стихнет.

— В Министерстве магии не хотят, чтобы я сообщал вам это, — продолжил он. — Возможно, некоторые из ваших родителей будут в ужасе от того, что я сделал. Либо потому, что они не верят в возвращение Волан-де-Морта, либо потому что считают вас слишком маленькими, чтобы говорить об этом. Но я уверен: правда в любом случае предпочтительнее лжи, а пытаться представить смерть Седрика несчастным случаем или заявить, что он сам в этом виноват, было бы

оскорблением его памяти.

Ошеломлённые и испуганные лица одно за другим поворачивались к Дамблдору… но поворачивались далеко не все. Гарри увидел, как за слизеринским столом Малфой что-то говорил Крэббу и Гойлу. Горячая, тошнотворная волна гнева закипела у Гарри внутри, и он заставил себя перевести взгляд на Дамблдора.

— Есть ещё один человек, которого необходимо упомянуть в связи со смертью Седрика, — говорил Дамблдор. — Я говорю, конечно, о Гарри Поттере.

По залу будто пробежала волна, когда многие головы повернулись сначала к Гарри, а потом снова к директору.

— Гарри Поттер сумел ускользнуть от лорда Волан-де-Морта, — продолжал Дамблдор. — Он рискнул жизнью, чтобы вернуть тело Седрика в Хогвартс. Он проявил храбрость, которую перед лицом лорда Волан-де-Морта проявлял не каждый взрослый волшебник и теперь я пью в его честь.

Дамблдор тяжело повернулся к Гарри и снова поднял кубок. Почти все в Большом зале повторили его движение. Они назвали его имя, так же, как назвали имя Седрика Диггори, и выпили в его честь. Но за стоящими школьниками Гарри

увидел, как многие из слизеринцев остались вызывающе сидеть на своих местах и даже не притронулись к кубкам. Дамблдор, у которого волшебного глаза не было, этого не заметил.

Когда все снова заняли свои места, Дамблдор продолжил свою речь.

— Цель Турнира Трёх Волшебников — укреплять взаимопонимание среди волшебников всего мира. В свете случившегося — то есть возвращения лорда Волан-де-Морта — такое взаимопонимание становится, как никогда, важным.

Дамблдор перевёл взгляд с Хагрида и мадам Максим на Флёр Делакур и студентов из Шармбатона, а затем на Виктора Крама и дурмстрангцев за слизеринским столом. Гарри увидел, что Крам насторожен и почти испуган, как будто ожидает, что Дамблдор скажет что-нибудь резкое.

— Каждый гость этого зала, — сказал Дамблдор, и его взгляд задержался на учениках из Дурмстранга, — будет с радостью встречен здесь всегда, в любое время. Хочу повторить ещё раз: в свете возрождения лорда Волан-де-Морта мы сильны настолько, насколько мы едины, и слабы настолько, насколько разъединены. Лорд Волан-де-Морт славится способностью сеять раздор и вражду. Мы можем бороться с этим, создавая

прочные связи, основанные на дружбе и доверии. Различия в наших традициях и в наших языках несущественны, если у нас общие цели, а наши сердца открыты навстречу друг другу. Я уверен — и никогда ещё я не хотел бы так сильно ошибиться, — что впереди нас ждут мрачные и тяжёлые дни. Некоторые из присутствующих в этом зале уже пострадали от рук лорда Волан-де-Морта. Многие семьи были разрушены. Неделю назад погиб ваш товарищ. Помните Седрика. Если настанет время делать выбор между лёгким и правильным, вспомните, что случилось с честным, добрым, смелым мальчиком только потому, что он случайно встал на пути лорда Волан-де-Морта. Помните Седрика Диггори.

Чемодан Гарри был упакован, сверху стояла клетка с Буклей. Они с Роном и Гермионой толкались вместе с остальными четверокурсниками в переполненном холле в ожидании карет до станции Хогсмид. Стоял прекрасный летний день. Гарри подумал, что на Тисовой улице наверняка тепло, летний ветерок колышет пышную листву, а на клумбах искрится калейдоскоп цветов. Но его это не радовало.

— Гарри!

Он оглянулся. По ступенькам крыльца быстро

поднималась Флёр Делакур. За ней в распахнутую дверь Гарри увидел, как Хагрид помогает мадам Максим запрягать гигантских лошадей. Карета из Шармбатона скоро тронется в путь.

— Мы встретимся, я надеюсь, — сказала Флёр, протягивая ему руку. — Я надеюсь получить здесь ‘таботу, хочу улучшить свой английский.

— Он и так очень хорош, — с трудом выдавил Рон. Флёр улыбнулась ему. Гермиона нахмурилась.

— До свидания, Гарри, — попрощалась Флёр. — Было очень п’гиятно познакомиться!

Настроение у Гарри невольно поднялось, когда он смотрел, как Флёр бежит к мадам Максим и её серебряные волосы сверкают в лучах утреннего солнца.

— Интересно, как доберутся обратно дурмстрангцы? — спросил Рон. — Как вы думаете, смогут они управлять кораблём без Каркарова?

— Каркаров не управлял, — раздался рядом мрачный голос. — Он сидел в своей каюте, а всю работу делали мы.

Крам подошёл попрощаться с Гермионой.

— Можно тебя на пару слов? — спросил он её.

— А… да… конечно, — ответила Гермиона, слегка смутившись, и отошла в сторонку вместе с

Крамом.

— Поторопись! — громко крикнул ей вслед Рон. — Кареты подъедут через пару минут!

Однако он предоставил Гарри следить за прибытием карет, а сам всё время вставал на цыпочки и вытягивал шею, пытаясь разглядеть, что там делают Гермиона с Крамом. Они вернулись очень быстро. Рон пристально смотрел на Гермиону, но лицо её было бесстрастно.

— Мне нравился Диггори, — коротко заявил Крам Гарри. — Он всегда был со мной вежлив. Всегда. Несмотря на то, что я был из Дурмстарнга… вместе с Каркаровым, — добавил он, нахмурившись.

— У вас уже есть новый директор? — спросил Гарри. Крам пожал плечами. Затем, как и Флёр, протянул руку сначала Гарри, потом Рону.

По лицу Рона было видно, что он ведёт какую-то тяжёлую внутреннюю борьбу. Крам уже отвернулся и хотел уйти, как Рон вдруг выпалил:

— А можно мне твой автограф?

Гермиона отвела взгляд и улыбнулась безлошадным каретам, которые катились к ним по подъездной дороге. Крам удивился, но с удовольствием подписал Рону кусочек пергамента.

* * *

Этот летний день разительно отличался от дождливого сентябрьского дня, когда они ехали в Хогвартс, — на небе ни облачка. В купе вместе с Гарри, Роном и Гермионой никого не было. Сыча пришлось снова прикрыть парадной мантией Рона, чтобы он не ухал беспрерывно. Букля дремала, сунув голову под крыло, а Живоглот свернулся на пустом сиденье, как пушистая рыжая подушка. Поезд катил на юг, а друзья разговаривали больше, чем за всю предыдущую неделю. Речь Дамблдора на Прощальном пиру будто сломала у Гарри внутри какую-то невидимую преграду. Сейчас ему было не так больно говорить о случившемся. Они перестали обсуждать, что может сделать Дамблдор, чтобы остановить Волан-де-Морта, только когда прибыла тележка с едой.

Вернувшись от тележки, Гермиона спрятала деньги в сумку и достала оттуда номер «Ежедневного пророка». Гарри настороженно глянул на газету — он не был уверен, хочет ли он узнать, что там написано. Гермиона, заметив это спокойно сказала:

— Там ничего нет. Можешь посмотреть сам, но там действительно ничего нет. Я проверя-

ла каждый день. Только маленькая заметка на следующий день после третьего задания, где сообщалось, что ты выиграл Турнир. Они даже не упомянули о Седрике. И вообще ни о чём. По-моему, Фадж им пикнуть не даёт.

— С Ритой ему это не удастся, — возразил Гарри. — Тем более такие события.

— Рита не написала ни слова после третьего тура, — сказала Гермиона странно напряжённым голосом. — По правде говоря, — добавила она, и её голос дрогнул, — Рита Скитер вообще какое-то время не будет ничего писать. Если, конечно, она не хочет, чтобы я выдала её тайну.

— О чём это ты? — спросил Рон.

— Я выяснила, как ей удавалось подслушивать разговоры, хотя она не должна была находиться на территории школы, — выпалила Гермиона.

Гарри был уверен — она уже несколько дней умирала от желания рассказать им это, но сдерживалась из-за всего происшедшего.

— И как она это делает? — тут же спросил Гарри.

— И как ты это выяснила? — уставился на неё Рон.

— Ну, по правде говоря, эту мысль подсказал мне ты, Гарри, — ответила Гермиона.

— Я? — удивился Гарри. — Когда?

— Жучки, — радостно возвестила Гермиона.

— Но ты ведь сказала, что они не работают…

— Да электронные жучки, — подтвердила Гермиона. — Вы не понимаете… Рита Скитер, — объявила Гермиона с плохо скрываемым триумфом, — незарегистрированный анимаг. Она может превращаться… — Гермиона вытащила из сумки плотно закрытую стеклянную банку, — в жука!

— Ты шутишь! — воскликнул Рон. — Ты не… это не она…

— Она, она, — улыбаясь, кивнула Гермиона, гордо продемонстрировав им банку.

Внутри лежали палочки и листочки, среди которых сидел большой жук.

— Никогда в жизни… Ты шутишь… — прошептал Рон, приблизив банку к глазам.

— Не шучу, — продолжала сияющая Гермиона. — Я поймала её на подоконнике в больничной палате. Посмотри внимательно, и ты увидишь, что отметки вокруг усиков в точности, как её кошмарные очки.

Гарри присмотрелся, и понял, что она права. Он тоже кое-что вспомнил.

— Когда мы, слышали ночью, как Хагрид рас-

сказывал мадам Максим о своей маме, на статуе сидел жук!

— Именно! — подтвердила Гермиона. — А Виктор вытащил жука у меня из волос, когда мы разговаривали с ним у озера. И, если я не ошибаюсь, Рита сидела на подоконнике в кабинете предсказаний в тот день, когда у тебя заболел шрам. Она летала по школе целый год, собирая разные сплетни.

— А когда мы увидели Малфоя под деревом… — медленно начал Рон.

— Он разговаривал с ней, держа её в руке, — сказала Гермиона. — Он, конечно же, знал. Именно так она получала все эти замечательные маленькие интервью у слизеринцев. Им было всё равно, что она нарушает закон, если они могли передавать ей всякие гадости про нас и про Хагрида.

Гермиона взяла банку из рук Рона и улыбнулась жуку, который сердито жужжал, тычась головой в стекло.

— Я сказала ей, что выпущу её, когда мы вернёмся обратно в Лондон, — продолжила Гермиона. — Понимаете, я наложила на банку заклятие Неразбиваемости, поэтому она не может превратиться в человека. И я велела ей в течение года держать своё перо при себе. Посмотрим, сможет

ли она отучиться от вредной привычки писать обо всех грязную ложь.

Спокойно улыбаясь, Гермиона спрятала банку с жуком обратно в сумку.

Дверь купе скользнула в сторону.

— Очень умно, Грэйнджер, — заявил Драко Малфой. За ним стояли Крэбб и Гойл. Все трое выглядели ещё более самодовольными, высокомерными и угрожающими, чем когда-либо.

— Итак, — протянул Малфой, сделав полшага в купе. Он оглядел сидящих, и лицо его искривила презрительная ухмылка. — Ты поймала какую-то жалкую корреспонденточку, а Поттер — снова любимчик Дамблдора. Большое дело.

Ухмылка на его лице стала шире. Крэбб и Гойл оскалились.

— Пытаемся не думать об этом, да? — тихо спросил Малфой, глядя на Гарри, Рона и Гермиону. — Пытаемся сделать вид, что ничего не случилось?

— Убирайся, — сказал Гарри.

Он не вспоминал о Малфое со вчерашнего вечера, когда тот шептался с Крэббом и Гойлом во время речи Дамблдора о Седрике. В ушах у Гарри звенело. Рука сама собой схватила палочку в кармане мантии.

— Ты на стороне проигравших, Поттер! Я предупреждал тебя! Я говорил тебе, что нужно тщательно выбирать себе компанию, помнишь? Когда мы встретились в поезде в первый день в Хогвартсе? Я говорил тебе, не общаться с этими отбросами! — он дёрнул головой в сторону Рона и Гермионы. — Слишком поздно, Поттер! Они умрут первыми, когда Тёмный Лорд вернётся! Грязнокровки и маглолюбцы будут первыми! Нет… вторыми, первым был Диггори…

В купе раздался взрыв, будто кто-то поджёг целую упаковку фейерверков. Ослеплённый сверканием заклятий и оглушённый разрывами, прозвучавшими со всех сторон, Гарри потряс головой и посмотрел вниз, на пол.

Малфой, Крэбб и Гойл лежали без сознания в дверях. Они с Роном и Гермионой стояли посреди купе с палочками в руках. Все они применили разные заклятия, впрочем, не только они одни.

— Я подумал, что стоит последить за этой троицей, — просто заметил Фред, наступив на Гойла, перед тем как войти в купе. В руках у него была палочка. У Джорджа тоже. Он старательно прошёлся по Малфою.

— Интересный эффект, — заметил Джордж, глядя на Крэбба. — Кто применил заклятие Фу-

рункулюс?

— Я, — признался Гарри.

— Странно, — весело произнёс Джордж. — Я использовал Ножное заклятие. Похоже, их нельзя смешивать. Теперь у этого типа всё лицо покрыто маленькими щупальцами. Ладно, давайте выкинем их отсюда, они не украшают купе.

Рон, Гарри и Джордж выволокли Малфоя, Крэбба и Гойла в коридор. Те ещё не пришли в сознание и выглядели просто отвратительно из-за того, что на каждого пришлось по нескольку заклинаний, и они смешались друг с другом. Друзья вернулись в купе и закрыли дверь.

— Играть кто-нибудь будет? — спросил Фред, вытаскивая из кармана колоду карт.

Они играли уже пятый кон, когда Гарри всё же решился задать вопрос.

— Так вы скажете нам, кого вы шантажировали? — обратился он к Джорджу.

— А, — мрачно ответил Джордж. — Это…

— Неважно, — нетерпеливо качнул головой Фред. — Это не имеет никакого значения. Во всяком случае, сейчас не имеет.

— Мы бросили это дело, — пожал плечами Джордж. Но Гарри, Рон и Гермиона наседали с вопросами, и наконец Фред сказал:

— Ладно, ладно, если вы уж так хотите знать… это был Людо Бэгмен.

— Бэгмен? — насторожился Гарри. — Вы хотите сказать, что он был связан с…

— Нет, — мрачно сказал Джордж. — Ничего такого. Он болван. У него мозгов бы не хватило.

— А что тогда? — спросил Рон. Фред, поколебавшись, ответил:

— Помните пари, которое мы заключили с ним на Чемпионате мира по квиддичу? Насчёт того, что Ирландия выиграет, но Крам поймает снитч?

— Н-ну, — протянули Гарри с Роном.

— Ну, он и заплатил нам лепреконским золотом, пойманным на стадионе.

— И что?

— То, — нетерпеливо ответил Фред. — что золото исчезло! Испарилось к следующему утру!

— Но… это, конечно, случайно, да! — сказала Гермиона.

Джордж горько рассмеялся:

— Да, мы тоже сначала так подумали. Мы решили, что напишем ему, объясним, что случилось, и он вернёт деньги. Ничего подобного! Он просто не ответил на письмо. Мы сто раз пытались поговорить с ним в Хогвартсе, но он постоянно сбегал

от нас под каким-нибудь предлогом.

— А потом, — добавил Фред, — он решил показать зубы. Сказал, что мы слишком молоды для азартных игр, и что он ничего не собирается нам отдавать.

— Поэтому мы попросили вернуть нам деньги, — сердито добавил Джордж.

— Но не отказал же он вам! — воскликнула Гермиона.

— Именно, что отказал, — ответил Фред.

— Но это были все ваши сбережения! — возмутился Рон.

— Ты ещё нам об этом рассказываешь! — сказал Джордж. — В конце концов мы выяснили, что произошло. Отец Ли Джордана тоже с трудом вытряхнул деньги из Бэгмена. Оказалось, что у него большие проблемы с гоблинами. Он занял у них кучу золота. Гоблины взяли его в оборот в лесу после финального матча, и забрали у него всё, что было, но этого всё равно не хватило покрыть долги. Они приглядывали за ним и в Хогвартсе. Он потерял все деньги на азартных играх, всё до кната. И вы представляете, как он решил расплатиться с гоблинами?

— Как? — спросил Гарри.

— Поставил на тебя, дружище, — ответил

Фред. — Огромную сумму на то, что ты выиграешь турнир. Заключил пари с гоблинами.

— Так вот почему он всё время пытался помочь мне! — воскликнул Гарри. — Ну… я же всё-таки выиграл, так? Значит, он должен был отдать вам ваши деньги!

— Ничуть, — покачал головой Джордж. — Гоблины такие же жуки, как и он сам. Они заявили, что победили вы вдвоём с Седриком, а Бэгмен ставил на тебя одного. В итоге Бэгмену пришлось попросту сбежать. Он исчез сразу после третьего тура.

Джордж глубоко вздохнул и принялся снова сдавать карты.

Остаток путешествия был очень приятным. Гарри хотелось бы, чтобы эта поездка длилась всё лето, чтобы поезд никогда так и не доехал до вокзала Кингс-Кросс… Но в этом году он поневоле понял, что время не идёт медленнее, если впереди тебя ожидает что-нибудь неприятное, и поезд слишком скоро затормозил у платформы 9 ¾. Ученики стали выгружаться, и коридор вагона заполнили обычный шум и суета. Рон с Гермионой вытащили из купе чемоданы и направились к выходу мимо лежащих на полу Малфоя, Крэбба и Гойла.

Гарри задержался.

— Фред, Джордж… — подождите… минутку…

Близнецы обернулись. Гарри открыл чемодан и вытащил оттуда выигранное золото.

— Держите, — сунул он мешочек в руку Джорджу.

— Что? — воскликнул поражённый Фред.

— Держите, — настойчиво повторил Гарри. — Мне они не нужны.

— Ты с ума сошёл, — ответил Джордж, отталкивая мешок.

— Нет, — ответил Гарри. — Возьмите и занимайтесь изобретательством. Это на ваш магазин.

— Он и вправду сошёл с ума, — произнёс Фред почти благоговейно.

— Послушайте, — решительно сказал Гарри. — Если вы не возьмёте деньги, я просто выброшу их в канаву. Мне они не нужны, я их видеть не могу. Но я был бы не прочь посмеяться как следует. Мы все были бы не прочь повеселиться. И мне кажется, что очень скоро нам понадобятся поводы для веселья.

— Гарри, — произнёс Джордж внезапно севшим голосом. — Здесь должно быть не меньше тысячи галеонов.

— Да, — улыбнулся Гарри. — Представь, сколь-

ко это канареечных помадок.

Близнецы молча уставились на него.

— Только не говорите маме, откуда у вас деньги… хотя, она, может, и не захочет теперь, чтобы вы работали в Министерстве…

— Гарри, — начал было Фред, но Гарри уже вытащил из кармана волшебную палочку.

— Послушайте, — твёрдо сказал он, — возьмите их, или я сейчас заколдую вас. Я знаю теперь парочку отличных заклятий. Только сделайте мне одно одолжение, ладно? Купите Рону новую парадную мантию и скажите, что это от вас.

И прежде чем они сказали хоть слово, он вышел из купе. При этом ему пришлось переступить через Малфоя, Крэбба и Гойла, которые лежали на полу, всё ещё покрытые отметинами от заклятий.

Дядя Вернон ожидал его за барьером. Рядом стояла миссис Уизли. Она крепко обняла Гарри и прошептала ему на ухо:

— Думаю, Дамблдор разрешит тебе приехать к нам попозже летом. Пиши, Гарри.

— Увидимся, Гарри, — хлопнул его по спине Рон.

— Пока, Гарри! — сказала Гермиона и сделала то, чего никогда раньше не делала: чмокнула

его в щёку.

— Гарри… спасибо, — бормотал Джордж, а Фред, стоя рядом, лишь молча кивал.

Гарри подмигнул близнецам, повернулся к дяде Вернону и пошёл за ним к выходу с вокзала. «Не стоит пока волноваться», — сказал он себе, усаживаясь на заднее сиденье дядиного автомобиля.

Как сказал Хагрид, чему быть, того не миновать… и ему придётся встретить то, что неминуемо случится.